

ВЕСТНИК
ТОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА

ИСТОРИЯ

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL OF HISTORY

Научный журнал

2019

№ 57

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере
массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия
(свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-29498 от 27 сентября 2007 г.)

Подписной индекс 44014 в объединенном каталоге «Пресса России»

Журнал включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, входящих
в международные реферативные базы данных и системы цитирования,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук»,
Высшей аттестационной комиссии

**РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ НАУЧНОГО ЖУРНАЛА
«ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА. ИСТОРИЯ»**

Галажинский Эдуард Владимирович, д-р психол. наук, проф., ректор Томского государственного университета; **Дацишен Владимир Григорьевич**, д-р ист. наук, проф., зав. кафедрой всеобщей истории Сибирского федерального университета (Красноярск); **Джозефсон Пол**, PhD, проф. Колби Колледжа (г. Уотервилл, США); **Иванова Наталья Анатольевна**, д-р ист. наук, главный научный сотрудник Института российской истории РАН (Москва); **Кирюшин Юрий Федорович**, д-р ист. наук, проф., президент Алтайского государственного университета (Барнаул); **Красильников Сергей Александрович**, д-р ист. наук, проф., зав. кафедрой отечественной истории Новосибирского государственного университета; **Лузянин Сергей Геннадиевич**, д-р ист. наук, проф., зам. директора Института Дальнего Востока РАН; **Мерлин Од**, д-р политической истории, проф. Свободного университета Брюсселя (Бельгия); **Саква Ричард**, PhD, проф. Кентского университета (г. Кентербери, Соединенное королевство Великобритании и Северной Ирландии); **Функ Дмитрий Анатольевич**, д-р ист. наук, проф., зав. кафедрой этнологии Московского государственного университета; **Ермекебай Жарас Акишевич**, д-р ист. наук, проф. кафедры социально-гуманитарных дисциплин Казахстанского филиала МГУ (Астана); **Суляк Сергей Георгиевич**, канд. ист. наук, гл. ред. международного исторического журнала «Русин», президент общественной организации «Русь» (Молдавия)

**РЕДАКЦИЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА
«ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА. ИСТОРИЯ»**

Зиновьев Василий Павлович, главный редактор, д-р ист. наук, проф., зав. кафедрой отечественной истории; **Воробьева Вероника Сергеевна**, ответственный секретарь, канд. ист. наук, ст. преподаватель кафедры истории древнего мира, средних веков и методологии истории; **Молодин Вячеслав Иванович**, д-р ист. наук, проф., академик РАН, заместитель директора по научной работе Института археологии и этнографии СО РАН; **Некрылов Сергей Александрович**, д-р ист. наук, зав. кафедрой современной отечественной истории; **Румянцев Петр Петрович**, канд. ист. наук, доцент кафедры отечественной истории; **Рындина Ольга Михайловна**, д-р ист. наук, проф. кафедры музеологии, природного и культурного наследия, **Троицкий Евгений Флорентьевич**, доктор исторических наук, профессор кафедры мировой политики; **Фоминых Сергей Федорович**, д-р ист. наук, проф. кафедры современной отечественной истории; **Фурсова Елена Федоровна**, д-р ист. наук, зав. отделом этнографии Института археологии и этнографии СО РАН; **Харусь Ольга Анатольевна**, д-р ист. наук, проф. кафедры истории и документоведения; **Шерстова Людмила Ивановна**, д-р ист. наук, профессор кафедры отечественной истории; **Шиловский Михаил Викторович**, д-р ист. наук, проф. кафедры отечественной истории Новосибирского государственного университета; **Черная Мария Петровна**, д-р ист. наук, проф. кафедры археологии и исторического краеведения; **Чиндина Людмила Александровна**, д-р ист. наук, проф. кафедры археологии и исторического краеведения

Журнал включен в базу данных Emerging Sources Citation Index в Web of Science Core Collection.
Журнал включен в базу данных Russian Science Citation Index на Web of Science.

The Journal is included in the Emerging Sources Citation Index in the Web of Science Core Collection.
The Journal is included in the Russian Science Citation Index and put on the Web of Science.

**EDITORIAL COUNCIL OF THE
“JOURNAL OF TOMSK STATE UNIVERSITY.
HISTORY”**

Galazhinsky Eduard V., Dr. of Psychology, Professor, Rector of Tomsk State University; **Datsyshen Vladimir G.**, Dr. of History, Professor, Head of the Department of World History, Siberian Federal University (Krasnoyarsk); **Josephson Paul**, PhD, prof. Colby College (Waterville, USA); **Ivanova Natalia A.**, Dr. of History, Senior Researcher, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences (Moscow); **Kiryushin Yuriy F.**, Dr. of History, Professor, President of Altai State University (Barnaul); **Krasilnikov Sergey A.**, Dr. of History, Professor, Head of the Department of Russian History, Novosibirsk State University; **Luzyanin Sergey G.**, Dr. of History, Professor, Deputy Director, Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences; **Merlin Aude**, PhD (History), Professor of the Free University of Brussels (Belgium); **Sakwa Richard**, PhD (History), Professor of the University of Kent at Canterbury (Great Britain); **Funk Dmitry A.**, Dr. of History, Professor, Head of the Department of Ethnology of Moscow State University; **Ermekbay Zharas A.** Dr. of History, Professor of Department of social and humanitarian disciplines of Kazakhstan Moscow State University branch (Astana); **Sulyak Sergey Georgiyevich**, PhD of History, editor-in-chief of the international historical magazine «Rusin», president of public organization «Rus’» (Moldova)

**EDITORIAL BOARD OF THE
“JOURNAL OF TOMSK STATE UNIVERSITY.
HISTORY”**

Zinoviev Vasily P., Editor-in-Chief, Dr. of History, Professor, Head of the Department of Russian History; **Vorobyeva Veronica S.**, Executive Editor, PhD (History), Assistant of department of Ancient and Middle Ages and Methodology of History; **Fominykh Sergey F.**, Dr. of History, Professor of the Department of Modern Russian History; **Fursova Elena F.**, Dr. of History, head of Ethnography Department of the Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS; **Kharus Olga A.**, Dr. of History, Professor of the Department of Historu and Documentary Studies; **Molodin Vyacheslav I.**, Dr. of History Professor, academician of RAS, Vice director of Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russia); **Nekrylov Sergey A.**, Dr. of History, Professor, Head of the Department of Modern Russian History; **Rumyantsev Peter P.**, PhD (History), Associate Professor of the Department of Russian History; **Ryndina Olga M.**, Dr. of History, Professor of the Department of museology, natural and cultural heritage; **Troizkiy Eugeni F.**, Dr. of History, Professor of the Department of World Politics; **Sherstova Lyudmila I.**, Professor of the Department of Russian History; **Shilovsky Mikhail V.**, Dr. of History, Professor of the Department of Russian History, Novosibirsk State University; **Chernaya Maria P.**, Dr. of History, Professor of the Department of Archaeology and Local History; **Chindina Lyudmila A.**, Dr. of History, Professor of the Department of Archaeology and Local History

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

Зиновьев В.П., Скубневский В.А. Промышленность, промыслы, торговля, кредит Северной Азии в 1820–1880-е гг.	5
Ростовцев Е.А., Сидорчук И.В. Миф о Л.А. Кассо.....	14

ПРОБЛЕМЫ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Шкитин Д.И. Акт об управлении Индией 1919 года и образование легислатур как начало «передачи власти» в Британской Индии.....	23

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ «ГЕРМАНИЯ И РОССИЯ В XX–XXI ВВ.: ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ ДИКТАТУРЫ И ДЕМОКРАТИИ (ПАМЯТИ ПРОФЕССОРА БЕРНДА БОНВЕЧА), КЕМЕРОВО, 25–27 ОКТЯБРЯ 2018 г.)

Корнева Л.Н. Памяти учёного: доктор, профессор Бернд Бонвеч и деятельность западносибирского центра германских исследований.....	29
Антонов А.Е. Неонацистские движение и идеология в современной демократической Германии.....	35
Антюхова Е.А. Образование как инструмент «мягкой силы» во внешней политике Германии.....	41
Арапина С. В., Ипатенко Е.В. Социальные горизонты Третьего рейха: обещания и ожидания (на примере деятельности Германского трудового фронта в 1933–1939 гг.).....	46
Артамошин С.В. Эрнст Юнгер и военные переживания поколения Великой войны.....	51
Бадаев Е.В., Бирюкова О.В. Вопросы «советского быта» в политической дискуссии 20-х годов XX века.....	55
Балашов Д.Г. Реформирование системы здравоохранения в советской оккупационной зоне Германии, 1945–1949 гг.: социальный аспект.....	60
Бетмакаев А.М. Вальтер Ульбрихт и СЕПГ: особенности партийного руководства ГДР в 1961–1973 гг.	65
Болдырев Р.Ю. Региональная политика советских оккупационных властей в Германии, 1945–1949: от федерализма к унитаризму.....	70
Болдырева С.Ю. «Другая Германия»: общественно-политическая деятельность немецких писателей-антифашистов на территории Чехословакии, 1933–1939 гг.	75
Васютин С.А., Денискевич Е.Н. Модели брака в среде легальных мигрантов в современной Германии.....	80
Генина Е.С. Кампания по борьбе с космополитизмом в Хакасии (1949–1953 гг.).....	87
Говоров Ю.Л. Российско-германские отношения в контексте отношений России с Западом.....	92
Горбатов А.В., Коновалов А.Б. Спецпоселенцы в Западной Сибири: восприятие региональным руководством, этноконфессиональная специфика (начало 1940-х – середина 1950-х годов).....	99
Евдокимова Т.В. Петра Карин Келли и ее «зеленая альтернатива».....	109
Жаронкина Е.А., Дорохов В.Г. «Принуждение к демократии»: административный ресурс американской зоны оккупации Германии в действии (1945–1949 гг.).....	115
Костромин Н.Г. Проблемы перехода от тоталитаризма к демократии в работах французского политолога и социолога Раймона Арона.....	120
Петелин Б.В. ХДС/ХСС ФРГ: становление партийного союза.....	126

CONTENTS

PROBLEMS OF HISTORY OF RUSSIA

Zinoyev V.P., Skubnevskiy V.A. Industry, crafts, trade and credit in North Asia in the 1820s – 1880s.....	5
Rostovtsev E.A., Sidorchuk I.V. The myth of L.A. Kasso.....	14

PROBLEMS OF WORLD HISTORY AND INTERNATIONAL RELATION

Shkitin D.I. Government of India act 1919 and establishment of Indian legislatures as the beginning of ‘trasfer of power’ in British Empire.....	23

PROCEEDINGS OF THE INTERNATIONAL SCIENTIFIC CONFERENCE «GERMANY AND RUSSIA IN THE XX–XXI CENTURIES: HISTORICAL EXPERIENCE OF DICTATORSHIP AND DEMOCRACY (IN MEMORY OF PROFESSOR BERND BONVETSCH), KEMEROVO, OCTOBER 25–27, 2018)

Korneva L.N. The scholar: doctor, professor Bernd Bonwetsch and the activities of the West Siberian Center for german studies.....	29
Antonov A.E. Neo-nazi movement and ideology in modern democratic Germany.....	35
Antyukhova E.A. Education as «soft power»: the experience of Germany.....	41
Arapina S.V., Ipatenko E.V. Social dimension of the Third Reich: promises and expectations (the case study of the German labour front activities in 1933–1939).....	46
Artamoshin S.V. Ernst Jünger and the war experience of the Great War generation.....	51
Badaev E.V., Biryukova O.V. Questions of «Soviet life» in the political debate of the 20s of XX century.....	55
Balashov D.G. The health care reform in the Soviet occupation zone in Germany in 1945–1949: the social aspect.....	60
Betmakaev A.M. Walter Ulbricht and the SED: the specifics of the party leadership in the GDR in 1961–1973.....	65
Boldyrev R.Yu. Regional policy of soviet military administration in Germany 1945–1949: from federalism to Unitarianism.....	70
Boldyreva S.Yu. «Another Germany»: public and political activity of German antifascist writers in Czechoslovakia, 1933–1939.....	75
Vasyutin S.A., Deniskevich E.N. Marriage models in legal migrants' communities in modern Germany.....	80
Genina E.S. Anti-cosmopolitan campaign in Khakassia (1949–1953).....	87
Govorov Yu.L. Russo-german relations in the shadow of relations between Russia and the West.....	92
Gorbатов A. V., Konovalov A.B. Special settlers in Western Siberia: perception by regional leadership, ethno-religious specifics (early 1940s – mid 1950s).....	99
Evdokimova T.V. Petra Karin Kelly and her «green initiative».....	109
Zharonkina E.A., Dorokhov V.G. «Compulsion to democracy»: the administrative capacity in action within american zone of occupation in Germany (1945–1949).....	115
Kostromina N.G. Problems of transition from totalitarianism to democracy in the works of the french political scientist and sociologist Raymond Aron.....	120
Petelin B.V. CDU/CSU FRG: formation of the party union.....	126

Сербина А.С. К вопросу о соотношении иммиграции и нелегальной занятости в Германии.....	132
Терехов О.Э. В тени самого себя: Освальд Шпенглер и гуманитарная мысль XX столетия.....	137
Хильгер А.Х. Советские военнопленные: немецкий плен и проблемы возвращения на Родину.....	141
Чернышов Ю.Г. Проблемы взаимоотношений общества и государства в Германии в XX веке в трудах историков АлтГУ.....	148

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИОГРАФИИ И МЕТОДОЛОГИИ ИСТОРИИ

Дорошенко О.П., Кудряшев В.Н. Труды Г.Е. Катанаева как источник по истории сибирского казачества.....	154

ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

Попова Б.С. Памятники Ирменской культуры Нижнего Притомья. историографический обзор.....	163
Сметанин Ф.А. Методологические и коммуникативные проблемы сбора информации по теме религиозной идентичности мигрантов-мусульман.....	170

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ НАУКИ И ТЕХНИКИ

Расколец В.В., Сорокин А.Н. Проблемы изучения ботаники, зоологии и сельского хозяйства на съезде по организации Института исследования Сибири (15–26 января 1919 г.).....	174
Степнов А.О. Первые ученые-женщины в советской физике – профессора Томского университета В.М. Кудрявцева, Н.А. Прилежаева, М.А. Большанина: гендерные аспекты профессионально-адаптационных практик.....	183

РЕЦЕНЗИИ

Чуркин М.К. Рецензия: Скопа В.А. История статистических учреждений Западной Сибири и Степного Края в XIX – начале XX века : монография. Барнаул : АлтГПУ, 2015. 411 с.	193
Залесов Г.М. Рецензия: Пётр Иванович Макушин: новый взгляд на легенду : коллективная монография / Гос. публич. науч.-техн. б-ка Сиб. отд-ния Рос. акад. наук, Гос. архив Том. обл., Науч. б-ка Том. гос. ун-та [и др.] / отв. ред. С.Н. Лютов. Новосибирск: ГПНТБ СО РАН, 2018. 536 с.	196
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	199

Serbina A.S. Interrelation of immigration and illegal employment in Germany.....	132
Terekhov O.E. In the shadow of himself: Oswald Spengler and the humanitarian thought of the XX century.....	137
Hilger A. Soviet pows in the German captivity and returning home.....	141
Chernyshov Yu.G. Problems of relationships of society and state in Germany in the XX century in the works of historians of the Altai State University.....	148

PROBLEMS OF HISTORIOGRAPHY AND METODOLOGY OF HISTORY

Doroshenko O.P., Kudryashev V.N. Works of G. E. Katanaev as a source on the history of the siberian cossacks.....	154

PROBLEMS OF ARCHEOLOGY AND ETHNOGRAPHY

Popova B.S. The monuments of the Irmen culture of the Lower Tom river area. The historiographical review.....	163
Smetanin F.A. Methodological and communicative problems of gathering information on the religious identity of muslim migrants.....	170

PROBLEMS OF HISTORY OF SCIENCE AND TECHNIQUE

Raskolets V.V., Sorokin A.N. Congress on the foundation of the Institute for the study of Siberia (january 15–26, 1919): the challenges related to studies of botany, zoology and agriculture.....	174
Stepnov A.O. The first female scientists in soviet physics – professors of Tomsk University V.M. Kudryavtseva, N.A. Prilezhaeva, M.A. Bolshanina: gender aspects of professional-adaptive practices.....	183

REVIEW

Churkin M.K. Review: Skopa V.A. The history of statistical institutions of Western Siberia and the Steppe regions in the 19th – early 20 th century. Barnaul : AltGPU, 2015. 411 p.	193
Zalesov G.M. Review: Peter Iv. Makushin: a new look at the legend : collective monography / State public scientific-techn library of Siberian branch of the Russian Academy of Sciences, State Archive Tomsk region, Science library Tomsk state university [et al.] / resp. ed. Lyutov S. Novosibirsk : GPNTB Publishing House, 2018. 536 p.	196
INFORMATION ABOUT THE AUTHORS	199

ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

УДК 94(47)

DOI: 10.17223/19988613/57/1

В.П. Зиновьев, В.А. Скубневский

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ, ПРОМЫСЛЫ, ТОРГОВЛЯ, КРЕДИТ СЕВЕРНОЙ АЗИИ В 1820–1880-е гг.

*Результаты получены в рамках выполнения государственного задания
Минобрнауки России, проект № 33.1687.2017/4.6.*

Рассматривается состояние промышленности, промыслов, торговли и сферы кредита в Сибири в XIX в. Показано, что это время перехода от феодальной мануфактуры к частнокапиталистической в промышленности, начало промышленного переворота в обрабатывающей и добывающей отраслях, на транспорте, период формирования первых постоянных кадров индустриальных рабочих. Одновременно происходило становление сибирских городов как торговых и ремесленных центров, капиталистические отношения проникали в рыбные промыслы, лесопромышленность, появлялись современные формы кредита.

Ключевые слова: Сибирь; XIX век; промышленность; промыслы; торговля; транспорт.

В период с 1820-х до 1890-х гг. индустриальная сфера Сибири переживала качественно однородные этапы, которые характеризовались падением феодального предпринимательства и ростом частнокапиталистического. Это время утверждения мануфактуры и первых шагов фабричного производства в промышленности Сибири. Состояние экономики Сибири в XIX в. достаточно хорошо изучено в отечественной историографии, вместе с тем обобщающие исследования на эту тему выполнены в традиционном ключе разделения процесса становления промышленности на до- и пореформенный этапы [1. С. 74–101; 2. С. 13–54; 3. С. 244–270], поэтому представляется в настоящей статье попытка рассмотреть 1820–1880-е гг. как единый этап развития промышленности и сферы обмена в Сибири, на наш взгляд, своевременна.

До- и пореформенный этапы различались на самом деле лишь темпами разрушения феодальной промышленности: если до реформы она переживала упадок, то после реформы 1861 г. – крах. Частные и казенные мануфактуры в Сибири первой половины XIX в., которые пользовались принудительным трудом, испытывали трудности. Несла убытки стекольная фабрика Корнильевых, на вольнонаемный труд все больше переходили бумажные фабрики Дьяконова и Панаевых. Из 184 работников на них в 1831 г. лишь 39 остались приписными. В конце 1820-х – начале 1830-х гг. буквально рухнуло основанное на каторжных порядках казенное винокурение: были ликвидированы почти все казенные винокурные заводы. Л. Потехин писал, что в 1829 г. «по неудобству мест и дороговизне хлеба проданы были с публичного торга заводы: Бриловский, Никольский, Сидоровский, Чернореченский, Ваштранский. Затем, в 30-м году, по той же причине были упразднены заводы Петровский и Боровлянский, и выкурка вина сосредоточена на Успенском и Екатеринбургском заводах; в 1831 году – Николаевский, в 40-м,

по скудости воды и лесу, – Красноярский, в 49-м – Илгинский, в 51-м – Каменский, 53-м – Падунский и Боготольский и, наконец, в 1856-м году был закрыт Керевский завод вследствие постоянных убытков, а также из экономии не строить новую винницу, сгоревшую в 1855-м году» [4. С. 484–485]. До реформы 1861 г. дожили три завода – Успенский, Екатеринбургский в Тобольской губернии и Александровский – в Иркутской, сосредоточившие все казенное производство вина.

Сохранился Тальцинский промышленный комплекс близ Иркутска: стекольное производство на нем возникло в 1784 г., суконное – в 1827 г., фаянсовое – в 1829 г., фарфоровое и лесопильное – в 1850 г. Заводы эти занимали в 1784 г. 20 работников, в 1814 г. – 40, в 1832 г. – 80, в 1862 г. – 134 обязанных работника [5. Л. 46–49; 6. Л. 7–30, 33–34, 147–148].

Частная обрабатывающая промышленность, основанная на вольном труде, наоборот, выросла. Если в 1820-х гг. насчитывалось около 260 относительно крупных заведений с числом рабочих до 1 400, то в 1851 г. – 255 с 1 750 работниками и объемом производства 1,2 млн руб., а в 1860 г. – 747 предприятий с 3 864 работниками и объемом производства 3,2 млн руб. [2. С. 26]. Точность цифр относительна, однако тенденция увеличения числа занятых работников и рост объема производства видны отчетливо. Во второй четверти XIX в. обрабатывавшая промышленность Сибири вступила в мануфактурный период своего развития, в бумажном, кожевенном, мыловаренном, стекольном производствах капиталистические мануфактуры заняли ведущие позиции [1. С. 41–43]. Однако некоторые отрасли остались в руках феодальных предпринимателей – винокурение, сукноделие, солеварение, а их производство составляло до 2 млн руб. в год без акциза. Да и мелкое товарное и домашнее производства, размеры которых невозможно установить с точностью,

судя по отдельным примерам, превосходили порой во много раз мануфактурное по объему выпуска продукции. Крестьяне только Тюменской округи выделывали в три раза больше сукна и в десятки раз больше холста, чем мануфактуры Сибири: они изготовили сукна на 300 тыс. руб. и 2 млн аршин полотна, мануфактуры же – на 100 тыс. руб. сукна и 20 тыс. аршин полотна.

В мукомольной промышленности крупные мельницы считались единицами, а мелкие крестьянские – тысячами. Ремесленное производство по числу работников еще значительно превышало цензовую промышленность. В Тюмени в 1860 г. насчитывалось 330 наемных рабочих в промышленных заведениях и 1 690 в ремесленных, в Томске соответственно – 359 и 921 на 1850 г., в Тобольске – 140 и 503 на 1850 г. [2. С. 27]. «Фабричная промышленность в детстве и способы ее до того первобытны, что она с одинаковою выгодой производится и в крестьянской избе, и в городском помещении», – заключил анализ промышленности Сибири Ю. Гагемейстер [7. С. 121]. Таким образом, нельзя отрицать, что в обрабатывающей промышленности Сибири ко второй четверти XIX в. сформировался и расширялся капиталистический уклад, но в дореформенное время он так и не стал господствующим.

Зато в другой отрасли хозяйства – золотодобыче – капиталистическое предпринимательство сразу заняло ведущую позицию. В 1812 г. русским подданным было разрешено разрабатывать серебряные и золотые руды на Урале, а затем и в Западной Сибири развернулись поиски золотоносных месторождений. Первым обнаружил золото в Тюменском округе на р. Ивановой в июне 1824 г. екатеринбургский мещанин Еким Швецов, которому в разработке было отказано за неимением у него гильдейского свидетельства. В 1826 г. получили право поиска золота в Тобольской губернии купцы Е. Рязанов, Баландин, Черепанов, Верходанов. 9 февраля 1827 г. получил такое же право верхотурский купец Андрей Яковлевич Попов, с именем которого и связано открытие промышленного золота в Сибири. В 1828 г. поиск золота вели уже 9 предпринимателей и было сделано 180 заявок. Но первые по-настоящему удачные заявки на 11 приисков по притокам р. Кии – Кундату, Берикуюлю, Закром, Сухому Берикуюлю – были сделаны 11 августа 1828 г. компаньоном и племянником Андрея Яковлевича Попова Федотом Ивановичем Поповым [8]. Их затраты на разведку составили гигантскую по тем временам сумму – 330 тыс. руб. Открытие золота в Сибири было, таким образом не игрой случая, как порой пишут историки, а результатом упорного труда сотен людей, больших затрат капитала и энергии.

Поисковые партии, снаряженные частными лицами, Казной, Кабинетом в 1830-е гг., нашли золото на Алтае, в Енисейской губернии, в Забайкалье. В 1840-х гг. начались поиски его в бассейне Лены, а в 1850-е гг. – на Амуре. За два десятилетия среднегодовая добыча золота выросла с 45 пудов в 1831–1835 гг. до 1 296 в 1846–1860 гг. В 1856–1860 гг. она несколько снизилась – до 1 048 пудов в год, но составила 4/5 общероссийской добычи. В 40-е гг. XIX в. Сибирь была крупнейшим в мире поставщиком золота, она давала 39%

мировой добычи этого металла. В 1830-е гг. основным районом золотодобычи была Мариинская тайга, а в 1840–1850-е гг. – Енисейская тайга [9. С. 20–28].

Золотопромышленность дореформенной Сибири была сферой предпринимательства дворян и гильдейского купечества. На их долю падало 91,3% добытого в Сибири в 1829–1860 гг. золота (21 462 пуда на 284 млн руб.). По объему производства частная золотопромышленность превышала все остальные отрасли производства промышленных товаров вместе взятые, составив в 1860 г. 13,6 млн руб. (оценка добытого золота произведена по средней стоимости одного пуда, добытого на кабинетских промыслах в 1831–1860 гг. – 13 231 руб.). [10. С. 13–35].

В техническом отношении новая для Сибири отрасль горного дела покоилась на мускульном труде тысяч людей и животных. Добыча шла с применением самых примитивных орудий – лопат, кайл, балд. Порода перевозилась тачками или в двухколесных телегах-таратайках. Совершенствовалась преимущественно одна операция – промывка золотоносного песка. От вашгердов и бутар с производительностью в несколько десятков и сотен пудов приискатели перешли к чашечным и бочечным машинам с производительностью в несколько тысяч пудов промытой породы в сутки. Машина стала цементирующим звеном, сердцем централизованных мануфактур, какими были сибирские прииски XIX в.

Создание промывальных машин, работавших на конной или водяной тяге, было несомненным достижением русской технической мысли, ускорило развитие золотопромышленности, но не могло революционизировать все стороны золотого дела, поскольку другие основные операции – добыча и транспортировка песка – остались на мускульном уровне и тормозили рост производительности труда. Исследователи по-разному оценивают роль золотопромывальных машин в техническом перевооружении отрасли. В.И. Данилевский считает их признаком победы фабричного производства. С.Ф. Хроленок называет внедрение промывальных машин первым этапом промышленного переворота в золотодобыче, вторым – внедрение паровых машин. Большинство исследователей (Ф.И. Михалевский, А.С. Нагаев, З.Г. Карпенко, А.А. Мухин, Н.Д. Овсянникова, Г.Х. Рабинович, А.Г. Патронова и др.) считают, что промывальные машины не изменили в целом мануфактурного строя сибирской золотопромышленности. Начало перехода отрасли к фабричной стадии относится ими к 80–90-м гг. XIX в. и связывается с применением паровой техники, драг, гидравлики, силы взрывов. Частичная замена ручного труда простыми механизмами и животными давала меньший эффект, чем рационализация в использовании живого труда рабочих. Введение золотопромывальных машин в 1830–1840-е гг. дало прирост производительности труда в целом по приискам на 6–8%, поскольку возросшая производительность при промывке пород тут же снижалась увеличением объема ручного труда при добыче и перевозке песка. Замена ручной откатки песков конной и в вагонетках дала 25–33% прибавки производительности, интенсификация труда забойщиков и

возчиков увеличила ее в три раза с 1830-х по 1890-е гг. А вот гидромониторы, драги, механические буры, взрывчатые вещества, паровая и электрическая техника увеличивали производительность работы в десятки раз.

Внедрение этого оборудования и двигателей и составило суть технического переворота в отрасли в конце XIX – начале XX в., хотя отрицать прогрессивного значения первых обогатительных механизмов нельзя (табл. 1).

Таблица 1

Энерговооруженность горной промышленности Сибири в 1861–1895 гг., лошадиных сил [2. С. 42]

Годы	Количество предприятий	Число рабочих	Механических двигателей								Энерговооруженность	
			Всего		Электрических		Паровых		Водяных			
			Количество	Мощность	Количество	Мощность	Количество	Мощность	Количество	Мощность	Предприятия	Рабочего
1961–1863	374	45 736	336	2 576	–	–	6	85	330	2 491	6,9	0,06
1871–1875	603	40 047	337	2 679	–	–	30	543	307	2 136	4,4	0,07
1895	920	40 208	154	2 579	11	496	79	985	64	1 098	2,8	0,06

Примитивность техники золотодобычи требовала массы рабочих рук, поэтому армия рабочих в отрасли увеличивалась исключительно быстро. Золотые прииски стали важнейшим центром притяжения наемных рабочих Сибири. Если в 1830 г. в Томской губернии на частных приисках находились 800 работников, то в 1834 г. – около 6 тыс., а в 1837 г. вместе с Енисейской губернией – 10 тыс. В 1845 г. на частных приисках Сибири было 30 тыс. рабочих, в 1850 г. – 27,7 тыс., в 1860 г. – 28,3 тыс., в 1895 г. – 41,4 тыс. рабочих [Там же. С. 28–29; 9. С. 98].

Кроме золотых приисков крупной сферой капиталистического предпринимательства в XIX в. являлась добыча осетровых, омуля и сиговых рыб на Байкале, в низовьях Оби, Енисея, Лены, в Нарымском крае, соровых рыб в Ишимских, Барабинских, Забайкальских озерах. В конце XIX в. главным поставщиком рыбы в Азиатской России стал Дальний Восток. Росту рыбопромышленности способствовало развитие пароходства, сделавшее доступными в течение сезона низовья рек, позволившее вывозить рыбу и рыбопродукты из самых отдаленных мест Сибири и Дальнего Востока. Несмотря на падение добычи на Байкале из-за хищнического лова, а на Барабинских озерах – из-за падения уровня воды, добыча товарной рыбы в Сибири выросла приблизительно с 600 тыс. пудов в год в первой половине века до 1,5 млн в конце XIX в. Количество наемных работников на рыбных промыслах Сибири выросло с 3 до 10 тыс., в ходе переписи 1897 г. 45 тыс. человек указали рыболовство как подсобный промысел [11. С. 123–127; 12. С. 16]. На две трети это были представители коренных народов Сибири [13. С. 99].

На Сахалине рыбный промысел имел форму капиталистического производства уже в 1870-е гг. Японские промышленники, сохранившие за собой право на беспрошленный промысел, организовали здесь заготовку сельдевого тука, лососевых и трески. На нижнем Амуре, в Охотском море до 90 японских шхун ловили и скупали рыбу ценных сортов. Вывоз рыбы достиг 2,5 млн пудов. На Сахалине действовала также русская фирма «Семенов и К» с добычей до 0,6–1,2 млн пудов рыбы в год. Из Камчатского района было вывезено в 1900 г. 430 тыс. пудов соленой лососевой рыбы. Всего в 1899–1900 гг. улов достиг 4,5 млн пудов [14. С. 55–57].

Охотничьи промыслы в Сибири в течение XIX в. продолжали терять свое значение как отрасль народного хозяйства. Хищническая добыча сокращала чис-

ленность ценных пушных зверей – бобров, соболей, лис, песцов, выдр, горностаев. Главным пушным товаром стали беличьи шкурки, которые давали до трети стоимости мехов. Однако 1880–1890-е гг. были отмечены некоторым ростом пушного промысла, что было связано с интенсификацией хищнической добычи зверей в Восточной Сибири, Монголии, Маньчжурии, на Дальнем Востоке. На главный пушной торг Сибири – Ирбитскую ярмарку – в 1838 г. поступило всех невыделанных мехов на 7 640 тыс. руб., в том числе 70 тыс. соболей на 2 650 тыс. руб., в 1852 г. – на 4 250 тыс. руб., в 1864 г. – на 3 850 тыс. руб., в 1880 г. – на 2 832 тыс. руб., в том числе 9,5 тыс. соболей на 165 тыс. руб., в 1899 г. – на 3 400 тыс. руб., в том числе 61 тыс. соболей на 1 235 тыс. руб. [15. 1838. № 9, ч. 29. С. 96–97; 1852. Кн. 5. С. 265–274; 16. 1865. 1 фев.; 1881. 14 фев.; 1900. 27 фев.].

Монопольное право добывать и продавать пушнину в русских колониях в Америке на 20 лет получила в 1799 г. от императора Российско-Американская компания (РАК), которая продлевала эту привилегию в 1821 и 1842 гг. За 1821–1862 гг. компания вывезла и продала более 50 тыс. шкур калана, 320 тыс. бобровых шкур, 830 тыс. шкур котиков, 25 тыс. соболей, 70 тыс. шкур песцов. Невыделанные меха продавались в Китай через Кяхту и Шанхай. Компания действовала в экстремальных условиях, содержала крепости, конторы и комиссионерства в Иркутске, Охотске, Якутске, Аяне, Кяхте, Тюмени, Томске, на Камчатке, фактории, флот, штат служащих и военные команды, расходы на которые могли покрываться только государственными субсидиями и хищнической эксплуатацией нетронутых природных богатств Аляски и тихоокеанских островов. Истощение ресурсов и очевидная беззащитность американских владений компании перед возможной агрессией Великобритании заставили российское правительство продать их США в 1867 г. Компания ликвидировалась *eo ipso* в 1871 г. [17. С. 16–17; 18. С. 781–782]. История РАК продемонстрировала ограниченность заморских экспансий сухопутной державы.

Промысел котиков унаследовал американский торговый дом «Гутчисон, Коль, Филиппеус и К°», который взял его в аренду на 20 лет с 1871 по 1891 г. В год добывалось до 38 тыс. котиков на 1 млн руб. при арендной плате в 80 тыс. руб. С 1891 г. промысел на 10 лет получило Русское товарищество котиковых промыслов. Число добываемых зверей упало с 31 тыс. до 9 тыс. в год. Истребление котиков было остановлено полным запрещением промысла в 1912 г.

Китобойным промыслом у берегов Чукотки занималось 30–35 иностранных судов, добыча их оценивалась в 1,7 млн руб. С 1869 по 1891 г. действовала китобойная компания О.В. Линдгольма и Ф. Гека, с 1887 г. – компания А.Г. Дыдымова, с 1894 г. – графа Г.Г. Кейзерлинга, добывавшая до 80 китов в год. С 1899 г. он учредил Тихоокеанское китобойное и рыбопромышленное общество с капиталом в 1,5 млн руб., действовавшее до 1905 г. Заметное место в экономике Дальнего Востока имела добыча морепродуктов – морской капусты, трепанга, крабов, которые сбывались в Китай, Японию и Корею. Занимались этим промыслом легально и нелегально отходники – китайцы и корейцы. Из русских капиталистов добычей и торговлей морепродуктами занимались купцы Я.Л. Семенов и Г.Ф. Демби (до 200 тыс. пудов). Общий вывоз морепродуктов в Приморье оценивался в 500 тыс. пудов на 1 млн руб. [14. С. 53–55]. Для освоения морских богатств Дальнего Востока России явно не хватало опыта и капитала.

В итоге можно с уверенностью сказать, что с 30-х гг. XIX в. капиталистический уклад стал определять тенденцию индустриального развития Сибири. Капиталистическое предпринимательство с этого времени в золотопромышленности, а еще ранее – в речном транспорте, рыбопромышленности, извозе стало главным. Феодальное предпринимательство еще сохраняло прочные позиции в горнометаллургическом производстве, солеварении, винокурении, сукноделии вплоть до реформы 1861 г. (табл. 2). Эти же отрасли были в руках дворян и Казны и в Европейской России. В ряде отраслей обрабатывающей промышленности капиталистические мануфактуры конкурировали не с феодальными предприятиями, а с мелкими товаропроизводителями. При слабой насыщенности рынка, его постоянном расширении за счет переселений в Сибирь эта

конкуренция была слабой, все формы товарного производства имели перспективы для развития.

Таблица 2

Структура занятости в промышленности и на транспорте Сибири в 1850 году [2. С. 31]

Отрасли производства, и промышленные районы	Предприятий	Работников	
		Подневольных	Наемных
Алтайский горный округ	59	20 510	–
Нерчинский горный округ	45	10 331	–
Солеварение	4	1 718	–
Винокурение казенное	6	3 371	–
Казенные суконные фабрики	5(4)	96	223
Частная обрабатывающая промышленность	255	100	1 747
Частная золотопромышленность	226	–	27 435
Рыбопромышленность	–	–	3 000–3 500
Судостроение	–	–	2 000
Водный транспорт	1 009	–	22 500
Итого		36 995	57 405

Реформа 1861 г. имела существенное значение для индустриализации Сибири, уничтожив обязательный труд на предприятиях Кабинета, посессионных и помещичьих фабриках, в казенных заведениях. Промышленное развитие Сибири, как и всей страны, ускорило. Положение края определило особенности процесса экономического развития: его отставание от центра страны и неравномерность по географическим районам и отраслям экономики. В промышленности Сибири в 60–90-е гг. XIX в. промышленный переворот только начинался. В 1865 г. из 1 547 предприятий с 49,6 тыс. рабочих, учтенных в Сибири официальной статистикой, лишь 8 (0,5%) были фабричными и занимали 0,8 тыс. рабочих (1,6% от их общего числа). В 1895 г. на 12 071 предприятие с 65,6 тыс. рабочих приходилось 99 (0,8%) фабричных с 9,5 тыс. рабочих (14,4%) (табл. 3).

Таблица 3

Структура промышленности Сибири в 60–90 гг. XIX в. [Там же. С. 41]

Годы	Отрасли промышленности	Учено официально-статистикой		В том числе											
		Предприятий	Рабочих	Мелких товарных				Мануфактурных				Фабричного типа			
				Предприятий	Рабочих	Предприятий	Рабочих	Предприятий	Рабочих	Предприятий	Рабочих				
		Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%
1865	Обработ.	1 173	12 782	1 028	87,6	4 381	34,3	137	11,7	7 605	59,5	8	0,7	796	6,2
	Горные	374	36 840	112	29,9	1 199	3,3	262	70,1	35 641	96,7	–	–	–	–
	Всего	1 547	49 622	1 140	73,7	5 580	11,2	399	25,9	43 246	87,2	8	0,5	796	1,6
1875	Обработ.	1 473	14 166	1 244	84,5	2 622	18,5	197	13,4	6 462	45,6	32	2,2	5 082	35,9
	Горные	603	32 928	140	23,2	1 199	3,6	463	76,8	31 729	96,4	–	–	–	–
	Всего	2 076	47 094	1 384	66,7	3 821	8,1	660	31,8	38 191	81,1	32	1,5	5 082	10,8
1885	Обработ.	6 067	22 331	5 758	94,9	8 407	37,6	255	4,2	8 134	36,4	54	0,9	5 790	25,9
	Горные	662	34 129	230	34,7	2 491	7,2	430	65,0	31 408	92,0	2	0,3	230	0,8
	Всего	6 729	56 460	5 988	88,9	10 898	19,3	685	10,3	39 542	70,0	56	0,8	6 020	10,7
1895	Обработ.	11 151	28 825	10 826	97,1	15 410	53,5	231	2,1	5 179	18,0	94	0,8	8 236	28,6
	Горные	920	36 742	343	37,3	3 494	9,5	572	62,2	32 026	87,2	5	0,5	1 222	3,3
	Всего	12 071	65 567	11 169	92,5	18 904	28,8	803	6,7	37 205	56,7	99	0,8	9 458	14,4

Если в России в целом промышленная революция победила к 90-м гг. XIX в., то в Сибири она делала лишь первые шаги. Фабричные предприятия с применением машин и паровых двигателей давали основную продукцию лишь в главных отраслях обрабатывающей промышленности – винокурении, мукомольной, черной металлургии. Больше всего фабрик было в Тобольской и Томской губерниях. В горнодобывающих отраслях заметным явлением внедрение машин стало с

1880-х гг., когда появились первые гидромониторы, золотоизвлекающие фабрики на паровой тяге, нашли широкое применение паровые машины на вспомогательных операциях, стали испытываться первые драги. Однако энерговооруженность труда в сибирской промышленности осталась низкой. В 1895 г. в горной промышленности края насчитывалось 154 механических двигателя общей мощностью 2 579 л.с., из которых только 75 (1,6 тыс. л.с.) были паровыми и

турбинными (см. табл. 1). В обрабатывающей промышленности на всех предприятиях было 97 паровых машин.

Основную часть товарной продукции промышленности Сибири давали мануфактуры централизованного типа. В 1865 г. 400 мануфактур (26% всех предприятий) имели 43,2 тыс. рабочих (87,2% общего числа), а в 1895 г. 800 мануфактур (6,7% предприятий) занимали 37,2 тыс. рабочих, или 56,7% их общего числа. Однако численно в Сибири преобладали мелкие заведения до-мануфактурного типа. В 1865 г. их было учтено 1 140 (73,7% общего числа). Они занимали 6,6 тыс. (11,2%) рабочих. В 1896 г. 11,2 тыс. заведений такого типа (92,5%) занимали 18,9 тыс. (28,8%) рабочих. Кроме того, в начале 1890-х гг. в Сибири насчитывалось около 60 тыс. ремесленников. Если же учесть, что официальная статистика не полностью регистрировала мелкие заведения ремесленников, крестьян, то положение мануфактур и фабрик в Сибири можно уподобить островам в море мелких и мельчайших заведений.

Отраслевая структура сибирской промышленности была характерна для отсталых в промышленном отношении областей. Обрабатывающие производства долгое время уступали добывающим по объему производства и числу занятых рабочих. Преобладали заведения по обработке сельскохозяйственной продукции. Сложные производства – спичечное, стекольное, ткацкое, фарфоровое, бумажное, металлообрабатывающее –

были представлены единичными заведениями из-за недостатка оборудования, нехватки сырья, квалифицированных кадров, узости рынка сбыта. Неустойчивые вследствие узости рынков сбыта и сырья, постоянного дефицита оборотных средств, предприятия строились комплексными для более рационального использования сырья и маневрирования капиталов.

Из добывающих отраслей по-прежнему наибольшее значение имела добыча и выплавка драгоценных металлов. Сибирь давала почти все серебро и более половины золота империи. Золотопродомышленность развивалась хотя и медленно, но в целом поступательно. В 1861 г. добыча золота в Сибири и на Дальнем Востоке составила 18,7 т, в 1870 г. – 20,9 т, в 1880 г. – 33 т, в 1890 г. – 28,2 т (табл. 4). Падение кабинетской золотопродомышленности с лихвой компенсировалось частным предпринимательством, открытием новых месторождений золота. Вместе с выработкой наиболее богатых месторождений основной район золотодобычи переместался дальше на восток. В первое пореформенное десятилетие он находился в Енисейской губернии, с семидесятых годов – в Якутской области, куда до 1898 г. входили Ленские промыслы, и в Забайкалье. На Дальнем Востоке золото было найдено еще в конце 1840-х гг., но разрабатывать месторождения начали только в 1860-е гг. В 1880–1890-е гг. приисковые районы Амурской и Приморской областей вошли в число основных в России.

Таблица 4

Динамика добычи основных полезных ископаемых и выплавки металлов в Сибири и на Дальнем Востоке (1861–1895 гг.) [18. С. 35]

Годы	Золото, т	Серебро, т	Свинец, тыс. т	Медь, тыс. т	Чугун, тыс. т	Соль, тыс. т	Каменный уголь, тыс. т
1861	18,7	15,5	0,8	0,48	2,8	10,6	5,8
1865	19,9	16,9	1,4	0,53	1,9	7,6	4,4
1870	20,9	13,4	1,2	0,56	4,5	16,1	7,6
1875	26,8	9,1	0,93	0,44	7,9	12,1	5,6
1880	33,0	8,9	1,0	0,48	4,1	11,1	15,8
1885	23,7	9,4	0,5	0,39	6,8	31,7	19,5
1890	28,2	10,4	0,86	0,31	7,0	40,2	31,1
1895	30,6	6,4	0,15	0,25	9,4	28,4	40,2

Алгоритм разработки золотых приисков в XIX в. был в принципе везде одинаков. Поиск месторождений производился крупными компаниями или Казной специальными партиями, с появлением у местного населения опыта поиска золота – вольностарателями-хищниками. Разрабатывались россыпи чаще всего открытым способом. Рудные месторождения практически не разрабатывались, шахтный способ применялся в основном в Витимской тайге. Наиболее богатые россыпи разрабатывались так называемым хозяйским способом, т.е. организацией крупного мануфактурного предприятия с числом рабочих от десятков до нескольких сотен, занятых на выемке породы, ее перевозке и обогащении на машинах. В 1840–1850-е гг. крупнейшие прииски были у купеческих и дворянских компаний Поповых, Рязановых, Филимоновых, Баландиных, Зотовых, Мясниковых, Голубковых, Ф.А. Горохова, Н.И. Малевинского, И.Д. Асташева, позднее – у З.М. Цибульского, Ратьковых-Рожновых и Базилевских, Басниных, М.И. Корзухина (Бодайбинская компания), Немчиновых, Базановых, Сибиряковых (Компани Промышленности и Прибрежно-Витимская),

Осокиных, Сабашниковых (Ононская, Джалонская компании), Катъшевцевых, Г.Е. Гинцбурга и Торгового дома Мейеров (Лензото, Забайкальское Товарищество, Амгунская компания), М.Д. Бутина, Д.Е. Бенардаки, Верхне-Амурской, Зейской, Ниманской. Выработанные прииски отдавались в аренду более мелким предпринимателям, которые часто были ранее служащими богатых компаний: Н.К. Переплетчикову, К.М. Полежаеву, И.Д. Черемных, Н.В. Ельцову и В.А. Левашеву, А.А. Саввиных и др. [20. С. 157–184; 21].

Государство шло на значительные уступки частным промышленникам. В 1862–1863 гг. была разрешена добыча золота на землях Кабинета. Вышедший в 1870 г. новый Устав о золотопродомышленности разрешал занятие добычей золота лицам всех сословий, что способствовало развитию мелкой золотопродомышленности; с 1891 г. Государственному банку разрешено кредитование крупных золотопродомышленных компаний. Золотодобывающая отрасль на протяжении 60–90-х гг. XIX в. сохранила свой сезонный характер, техническую отсталость, опору на мускульный труд, что привело ее к концу XIX в. к серьезному кризису.

Основа дореформенной промышленности – цветная металлургия в Алтайском и Нерчинском горных округах Кабинета – с отменой обязательного труда оказалась неспособной перестроиться на капиталистические рельсы и находилась во второй половине XIX в. в состоянии глубокого кризиса. С 1861 по 1895 г. производство серебра сократилось с 15,5 до 6,4 т, свинца – с 0,8 до 0,2 тыс. т, меди – с 0,48 до 0,25 тыс. т (см. табл. 4). Владелец основных разведанных полиметаллических месторождений в Сибири – Кабинет – предпочитал не вкладывать средства в разработку рудников, а получать феодальную ренту со своих земель. В конце 1880-х - начале 1890-х гг. закрылись многие рудники на Алтае и в Забайкалье, почти все заводы. Технически отсталое производство стало совершенно убыточным в связи с понижением цен на серебро в мире и переходом России на золотой паритет.

В черной металлургии Сибири также шел процесс укрепления частного предпринимательства. Кабинетские заводы – Гурьевский на Алтае и Петровский в Забайкалье – сокращали производство, в то время как частные – Абаканский и Николаевский – его наращивали. В итоге выплавка чугуна увеличилась с 2,8 тыс. т в 1861 г. до 9,4 тыс. т в 1895 г. (см. табл. 4). Из других отраслей горного дела в Сибири серьезное значение имела соледобыча, увеличившая производство в пореформенное время почти в пять раз, а также добыча строительных материалов и графита. Размещение промышленности в Сибири было неравномерным, зависящим от расположения источников сырья и месторождений полезных ископаемых. В связи с этим основные районы горной промышленности находились в Восточной Сибири, а большая часть предприятий обрабатывающей промышленности – в сельскохозяйственной Западной Сибири [2. С. 34–36].

Неразвитость транспортной сети, дороговизна доставки и кредита делали весьма трудной посредническую и связующую роль торговли. Формы ее были архаичны, наряду с товарно-денежной сохранялась меновая. Ведущую роль в распределении товаров продолжали играть временные формы обмена – ярмарки, торжки, базары. Через Ирбитскую и Нижегородскую ярмарки шла большая часть товаров из Сибири в Европу и наоборот, на них купцы-оптовики закупали промышленные товары для Сибири, сбывали взамен пушнину, рыбу, чай, разное сырье. Продажа товаров на Ирбитской ярмарке составила в 1840 г. 7,7 млн руб., в 1852 г. – 25,4, в 1865 г. – 32,2, в 1877 г. – 46,2, в 1883 г. – 62,5, в 1899 г. – 34,6 млн руб. [15. 1844. Ч. 7. С. 282–290; 1852. Кн. 5. С. 265–274; 16. 1966. 1 фев.; 1878. 2 фев.; 1890. 25 янв.; 1900. 27 янв.]. Сибирские товары – пушнина, орех, пух, перо, рыбий клей и жир, рыба, щетина, волос, шкуры, мясо, сало, хлеб – составляли не более пятой части всех товаров. Западносибирские купцы в основном закупали товар в Ирбите, восточносибирские – в Нижнем Новгороде, куда доставлялись чаи. Российские товары – мануфактура и другие промышленные изделия – большей частью задавались в кредит. Затем товары развозились по Сибири и распродавались на мелких ярмарках, базарах и лавках.

Число ярмарок в Сибири во второй половине XIX в. значительно возросло. В основном они находились в самой населенной Тобольской губернии, где в 1868 г. действовало 89 ярмарок с 3,5 млн руб. оборота, а в 1896 г. 507 с 10,3 млн руб. оборота. Крупнейшими ярмарками здесь были Обдорская пушная и Ишимская, на которой происходил сбыт скота и продуктов животноводства с оборотом в 1868 г. – 2,1 млн руб., в 1895 г. – 4,5 млн руб. В Томской губернии было в 1866 г. 19 ярмарок с продажей товаров на 550 тыс. руб., в 1895 г. – 68 ярмарок с продажей на 2,56 тыс. руб. [20. С. 99–100]. В Восточной Сибири главными пушными ярмарками были Якутская и Анюйская. В 1860-е гг. общий оборот 105 ярмарок Сибири составлял 11,7 млн руб. (4,7% общероссийского), а 1894 г. оборот 501 ярмарки – 18 млн руб. Продолжала расти в Сибири сеть стационарной торговли. В 1833 г. в городах региона было 1 919 лавок, в 1856 г. – 3 479, в 1912 г. – не менее 60 тыс. [22. С. 144, 152].

С удалением на восток и север все большее значение приобретала торговля купцов-оптовиков, которые монополизировали товарообмен в целых районах края, например в Курганском округе – Смолины, в низовьях Оби – Плотниковы и Корниловы, в Ялуторовском округе – Колмаковы, в Тарском – Пятковы, в Нарымском крае – Родюковы, на Алтае – И.К. Платонов, Суховы, Морозовы, в Енисейской губернии – Гадаловы, Тонконозовы, И.М. Некрасов, в Урянхайском крае – Сафьяновы, в Забайкалье – Бутины и Голдобины, на Лене – Громовы, Глотовы и Кушнаревы, в Приморье – фирма И. Чурин и К^о. Как правило, кроме торговли, такие монополисты имели промышленные заведения, транспортные средства, занимались ростовщичеством, были крупными домовладельцами. Однако основой их торгово-промышленной деятельности всегда была торговля. В 1822 г. в Сибири было выбрано 206 торговых свидетельств, в 1850 г. – 1 250. В 1896 г. в регионе было 5 650 гильдейских купеческих предприятий с оборотом не менее 106 млн руб. и прибылью 9,6 млн руб. [22. С. 219–220; 23. С. 172].

Во внешнеэкономических связях России существенную роль в Сибири продолжал сохранять Кяхтинский торг. В первой половине XIX в. произошла смена товаров: главным русским товаром стали ткани, а не меха. Сибирские купцы заняли место посредников в обмене чая на мануфактуру. Торговля с Китаем создала наиболее крупные капиталы в Сибири – иркутских и кяхтинских купцов Немчиновых (около 3 млн руб. капитала), Хаминовых (5–7 млн руб.), Басниных, Трапезниковых, Медведниковых, Нерпиных, Сабашниковых. Если в 1830 г. в кяхтинской торговле были заняты 17 сибирских купцов с капиталом 2 млн руб., то в 1854 г. – 52 с капиталом 4,3 млн руб. Число купцов Европейской России при этом снизилось с 36 (8,4 млн руб.) до 27 (2,9 млн руб.) [23. С. 189–195].

С середины XIX в. характер торговли с южными соседями изменился. С 1855 г. было разрешено оплачивать от одной трети до половины стоимости товара золотом. Обороты торговли сразу удвоились. Дефицит товаров для обмена ощущался с российской стороны. Возрос и оборот торговли с Западным Китаем и Мон-

голией после разрешения в 1861 г. китайскими властями беспошлинной пограничной торговли. Таможню в 1861 г. из Кяхты перевели в Иркутск. Кяхта утратила монополию на чайный товар, но во второй половине XIX в. она еще сохраняла значение в торговле дешевыми сортами плиточного и зеленого чая. Транзит чая по русско-китайской границе составлял в 1866 г. 5 млн руб., в 1876 г. – 13,6 млн руб., в 1885 г. – 31,5 млн руб., в 1894 г. – 12 млн руб. Значение Кяхты-Маймачена упало только с проведением Транссибирской железной дороги.

Со второй половины XIX в. развилась пограничная торговля с Монголией через Цурухайтуй, Абагатуй, Цаган-Олуй. Главным пунктом обмена с Монголией в Западной Сибири стал Кош-Агач в Чуйской долине. К середине XIX в. оборот торговли достиг 100 тыс. руб., в 1886 г. – 786 тыс. руб., в 1900 г. – 925 тыс. руб. В чуйской торговле главным товаром с монгольской стороны стал скот, мех сурка, а с российской – мука, ткани и прочие промышленные товары. Основными агентами с российской стороны были купцы из Бийска [24. С. 145–146, 158].

Торговля со Степью по линии Сибирского казачьего войска (до 6,3 млн руб. в 1863 г.) стала внутренним делом, с усмирением Степи увеличился обмен с Туркестаном: с 2 млн руб. в 1851 г. до 4,2 млн руб. в 1860 г. Главную роль в этой торговле стали играть предприниматели Семипалатинска, Петропавловска, Усть-Каменогорска. Усилилась торговля с Сынцзянем. По Кульджинскому трактату 1851 г. была разрешена беспошлинная торговля через Кульджу и Чугучак. Обороты торговли выросли с 340 тыс. руб. в 1840 г. до 835 в 1851 г., в 1854 г. они достигли 2,25 млн руб. Как и в Кяхте, здесь шел обмен тканей на чай. Со второй половины 1860-х гг. до 1881 г. из-за политической борьбы в Сынцзяне торговля на границе была незначительной и нестабильной [23. С. 201–217].

Чрезвычайно скромные масштабы имела торговля в Урянхайском крае. В 1865 г. она составляла около 40 тыс. руб., в 1886 г. – 432 тыс. руб., в 1900 г. – 240 тыс. руб. [24. С. 138–140, 158]. Начатая для снабжения скотом золотых приисков Восточной Сибири, торговля сибирских предпринимателей привела к комплексному освоению региона. Купцы строили фактории для скупки меха, скота, заводи пашни, мельницы, золотые промыслы, вели обширную торговлю всевозможными товарами. Наиболее крупным и известным из урянхайских дельцов был Георгий Павлович Сафьянов, минусинский 2-й гильдии купец.

В целом Сибирь играла роль посредника в торговле Европейской России с азиатскими странами – Китайской империей и Центральной Азией.

Важную роль в развитии товарно-денежных отношений играет кредит. В Сибири, где господствовали сезонность торговли и оптовые сделки, всегда существовал дефицит оборотных средств. Главным способом его преодоления был взаимный кредит. Купцы получали товар в кредит, раздавали его в кредит. Годовой рост в этом случае составлял 10–12%. Однако это делало положение предпринимателей неустойчивым. Разорение одного влекло за собой цепную реакцию. Так, падение томского предпринимателя Ф. Го-

рохова привело в середине XIX в. к смене томской деловой элиты. Недостаток кредита стал причиной падения крупнейшей забайкальской фирмы «Братья Бутины». Кредиты получались также из казенных средств, городских доходов. Дефицит кредитных средств заставил сибирских предпринимателей создавать банковские учреждения. В 1837 г. в Иркутске был открыт «Банк сиропитательного дома Е. Медведниковой» (до 90 тыс. руб. кредита), в 1844 г. в Томске – «Сибирский общественный банк» на пожертвования купца А.Я. Попова (до 300 тыс. руб. кредита), в Кяхте – на деньги Я.А. Немчинова. Кредит был дорог – до 12% годовых. В 1846 г. в Ирбите открылось временное отделение Екатеринбургской конторы Государственного коммерческого банка с правом кредитовать торговые операции. В 1858 г. в числе получивших кредит числился 101 купец с суммой кредита 1,25 млн руб. под 5% годовых.

Во второй половине XIX в. городские общественные банки открылись в Тюмени (1864 г. – капитал 13 тыс. руб.), Кургане (1865 г., 20 тыс. руб.), Тобольске (1868 г., 10 тыс. руб.), Таре (1868 г., 35 тыс. руб.), Омске (1875 г., 10 тыс. руб.), Ишиме (1875 г., 10 тыс. руб.), Тюкалинский (1882 г., 10 тыс. руб.). К концу века такие банки функционировали в 14 городах Сибири. Крупнейшими из них были Тюменский и Иркутский с оборотом до 4 млн руб., Томский – 3 млн руб. Кредит выдавался под 6% годовых. В 1865 г. в Сибири были открыты отделения государственного банка в Иркутске, Томске, Енисейске, Красноярске, в 1894 г. – в Тобольске, Тюмени, Чите, в 1895 г. – в Омске. Госбанк выдавал мало кредитов: в 1893 г. при вкладах в 11,6 млн руб. было выдано только 700 тыс. кредитов под 6% [23. С. 240–241; 25. С. 67, 104–105; 26. С. 39–45].

Дефицит кредита порождал ростовщичество и кабальные отношения в торговых сделках торговцев с населением. Правительство старалось ограничить воздействие ростовщичества на податное население. В 1822 г. специальным Положением были ограничены размеры одолжения для крестьян и инородцев 5 рублями и 6% годовых, при этом словесные условия не подлежали судебным разбирательствам. Это поставило на грань разорения некоторые торговые фирмы Восточной Сибири, раздававшие товары в долг. Реально возвращалась часть долгов, но при высоких процентах они окупали кредит [23. С. 255–265].

Приведенные материалы свидетельствуют, что с 1820-х по 1890-е гг. в Сибири шли процессы укрепления капиталистических отношений за счет постепенного размывания сословной собственности, казенного предпринимательства, ослабления кабинетской промышленности. В промышленности преобладала капиталистическая мануфактура, были сделаны первые шаги по внедрению паровой техники в горное дело, металлургическое, мукомольное, лесопильное, винокуренное и другие производства. Транзитный речной транспорт перешел на паровую тягу. В торговле господствовали сезонные и периодические формы торговли – ярмарки и базары. Сибирь являлась транзитной территорией для торговых отношений Европейской России с Китаем и Монголией. Главным торговым путем был Большой Сибирской тракт, главным пунктом обмена – Кяхта-Маймачен.

ЛИТЕРАТУРА

1. Рабочий класс Сибири в дооктябрьский период. Новосибирск : Наука, 1982. 459 с.
2. Зиновьев В.П. Индустриальные кадры старой Сибири. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2007. 256 с.
3. Сибирь в составе Российской империи. М. : Новое литературное обозрение, 2007. 368 с.
4. Потехин Л. Винокурение в Сибири // *Промышленность, мануфактура и торговля*. СПб., 1862. Т. 6, № 10. С. 484–485.
5. Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 25. Оп. 9. Д. 2.
6. Государственный архив в городе Тобольске (ГАТ). Ф. 329. Оп. 545. Д. 88.
7. Гагемейстер Ю. Статистическое обозрение Сибири. СПб., 1854. Т. 2. 748 с.
8. Открытие золотых приисков в Томской губернии // *Томские губернские ведомости*. 1858. 14 фев.
9. Хроленок С.Ф. Золотопромышленность Сибири (1832–1917) : историко-экономический очерк. Иркутск, 1990. 309 с.
10. Рассели Ф. Доклад о государственном доходе с золотых промыслов. СПб., 1863. С. 13–35.
11. Галажинский Э.В., Зиновьев В.П. Формирование капиталистических отношений в рыбопромышленности Сибири XIX – начала XX вв. // Проблемы генезиса и развития капиталистических отношений в Сибири. Барнаул, 1990. С. 119–130.
12. Санкин Е.В. Промысловое рыболовство в Западной Сибири в XIX – начале XX вв. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Сургут, 2008. 22 с.
13. Карих Е.В. Межэтнические отношения в Западной Сибири в процессе ее хозяйственного освоения. XIX – начало XX в. Томск, 2004. 232 с.
14. Галлямова Л.И. Дальневосточные рабочие России во второй половине XIX – начале XX в. Владивосток, 2000. 203Б 18 с.
15. Журнал Министерства Внутренних Дел. СПб.
16. Ирбитский ярмарочный листок (Ирбит).
17. Гринвальдт П. Меха торговля в России и за границею (история ея и статистика, отделка мехов и товароведение). Рига, 1872. 44 с.
18. Зиновьев В.П. Сибирь в экономике России XVIII – начала XX в. // *Сибирь в составе России XIX – начала XX вв.* Томск, 1999. С. 9–40.
19. Ермолаев А.Н. Российско-Американская компания // *Историческая энциклопедия Сибири*. Новосибирск, 2009. Т. II: К–Р. С. 781–782.
20. Бойко В.П. Купечество Западной Сибири в конце XVIII – XIX в. Томск, 2007. 424 с.
21. Бисарнов М. Список главнейших русских золотопромышленных компаний и фирм по официальным данным. СПб., 1896. 181 с.
22. Рабинович Г.Х. Крупная буржуазия и монополистический капитал в экономике Сибири конца XIX – начала XX вв. Томск, 1975. 327 с.
23. Разгон В.Н. Сибирское купечество в XVIII – первой половины XIX в. Региональный аспект предпринимательства традиционного типа. Барнаул, 1999. 660 с.
24. Старцев А.В. Русская торговля в Монголии (вторая половина XIX – начало XX в.). Барнаул, 2003. 308 с.
25. Старцев А.В., Гончаров Ю.М. Предпринимательство в Сибири: исторический опыт (XVII – начало XX вв.) Барнаул, 2010. 214 с.
26. Кириллов А.К. Городские банки Западной Сибири (вторая четверть XIX – начало XX века). Новосибирск, 2003. 192 с.

Zinovyev Vasily P. Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: vpz@tsu.ru

Skubnevskiy Valeriy A. Altay State University (Barnaul, Russia). E-mail: driller@hist.asu.ru

INDUSTRY, CRAFTS, TRADE AND CREDIT IN NORTH ASIA IN THE 1820s – 1880s

Keywords: Siberia; 19th century; industry; crafts; trade; transport.

The paper focuses on the development of industry, crafts, trade and credit in Siberia in the 19th century. Its objective is to highlight the main parameters of Siberian economic development in the 19th century. The authors argue that the whole period from the 1820s to the 1890s was marked in Siberia with the development of capitalism and the growth of the elements of a new industrial world. The authors show that at that time capitalist manufactory replaced feudal manufactory, the industrial revolution began in manufacture, resource extraction and transport and the permanent cadre of industrial workers was formed. Simultaneously Siberian towns had been transforming into centers of trade and crafts, capitalist relations had been penetrating into fishery and forestry, modern forms of credit had appeared. The concentration of industry in cities was complicated by a ban on building heat operating plants in wood-built towns. The plants were built around the towns and multiple settlements known as *zaimki* were growing.

The authors analyze social and economic developments in Siberia through central and local statistics, materials of the press and written testimonies of the officials who took part in governing Siberia. Despite substantial deficiencies of the pre-revolutionary statistics, it allows defining the major trends of regional economic development.

The authors argue that capitalist relations in Siberia were consolidating throughout the 1820s – 1890s at the expense of the dilution of estate property, Treasury's entrepreneurial functions and Cabinet-run industry. The role of the reform of 1861 in Siberia consisted mainly in depriving the Cabinet industry of unpaid labor force of assigned peasants and craftsmen. In industry capitalist manufactory rose to domination and the initial steps to introduce steam machines into mining, metallurgy, milling, sawmilling, distillery and other spheres of production. Transit river transport shifted to steam power. The Yekaterinburg – Tyumen railroad built in the 1880s connected the river basins of the Volga and the Ob and facilitated the transportation of cargo between the European and Asian parts of Russia. However, the season nature of transportation by water conditioned the domination of seasonal and periodic forms of trade, such as fairs and bazaars. Siberia was the transit territory for European Russia's trade with China and Mongolia. The main trade route was the Great Siberian Tract, the main point of exchange was Kyachta-Maimachen, the main goods were tea exchanged for fur and precious metals.

REFERENCES

1. Blinov, N.V. (1982) *Rabochiy klass Sibiri v dooktyabr'skiy period* [The Siberian Working Class Before the October Revolution]. Novosibirsk: Nauka.
2. Zinovyev, V.P. (2007) *Industrial'nye kadry staroy Sibiri* [Industrial cadres of Old Siberia]. Tomsk: Tomsk State University.
3. Dameshek, I. et al. (2007) *Sibir' v sostave Rossiyskoy imperii* [Siberia as Part of the Russian Empire]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
4. Potekhin, L. (1862) Vinokurenje v Sibiri [Distilling industry in Siberia]. *Promyshlennost', manufaktura i trgovlya*. 6(10). pp. 484–485.
5. The State Archive of Irkutsk Region (GAIO). Fund 25. List 9. File 2.
6. The State Archives in the City of Tobolsk (GAT). Fund 329. List 545. File 88.
7. Gagemeister, Yu.A. (1854) *Statisticheskoe obozrenie Sibiri* [Statistical Review of Siberia]. Vol. 2. St. Petersburg: Second Section of His Imperial Majesty's Own Chancellery.
8. *Tomskie gubernskie vedomosti*. (1858) Otkrytie zolotykh priiskov v Tomskoy gubernii [The discovery of gold mines in Tomsk province]. 14th February.
9. Khrolenok, S.F. (1990) *Zolotopromyshlennost' Sibiri (1832–1917). Istoriko-ekonomicheskij ocherk* [The Gold Industry of Siberia (1832–1917). A Historical and Economic Essay]. Irkutsk: Irkutsk State University.
10. Rasselli, F. (1863) *Doklad o gosudarstvennom dokhode s zolotykh promyslov* [State Gold Revenue Report]. St. Petersburg: [s.n.]. pp. 13–35.
11. Galazhinsky, E.V. & Zinovyev, V.P. (1990) Formirovanie kapitalisticheskikh otnosheniy v rybopromyshlennosti Sibiri XIX – nachala XX vv. [Formation of capitalist relations in Siberian fishing industry in the 19th – early 20th centuries]. In: *Problemy genезisa i razvitiya kapitalisticheskikh otnosheniy v Sibiri* [Problems of the genesis and development of capitalist relations in Siberia]. Barnaul: Altai State University. pp. 119–130.

12. Sankin, E.V. (2008) *Promyslovoye rybolovstvo v Zapadnoy Sibiri v XIX – nachale XX vv.* [Commercial fishing in Western Siberia in the 19th – early 20th centuries]. Abstract of History Cand. Diss. Surgut.
13. Karikh, E.V. (2004) *Mezhetnicheskoye otnosheniya v Zapadnoy Sibiri v protsesse ee khozyaystvennogo osvoiniya. XIX – nachalo XX v.* [Interethnic relations in Western Siberia in the process of its economic development. The 19th – early 20th centuries]. Tomsk: Tomsk State University.
14. Gallyamova, L.I. (2000) *Dal'nevostochnyye rabochie Rossii vo vtoroy polovine XIX – nachale XX v.* [Russian workers of the Far East in the second half of the 19th – 20th centuries]. Vladivostok: Dal'nauka.
15. *Zhurnal Ministerstva Vnutrennikh Del* [Journal of the Ministry of Internal Affairs]. St. Petersburg: [s.n.].
16. *Irbitskiy yarmarochnyy listok* (Irbis).
17. Greenwald, P. (1872) *Mekhovaya trgovlya v Rossii i za granitseyu (istoriya eya i statistika, otdelka mekhov i tovarovedenie)* [Fur trade in Russia and abroad (its history and statistics, fur finishing and commodity research)]. Riga: [s.n.].
18. Zinoviyev, V.P. (1999) *Sibir' v ekonomike Rossii XVIII – nachala XX v.* [Siberia in the Russian economy of the 18th – early 20th centuries]. In: Andryushchenko, B.K. (ed.) *Sibir' v sostave Rossii XIX – nachala XX vv.* [Siberia as part of Russia in the 19th – early 20th centuries]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 9–40.
19. Ermolaev, A.N. (2009) *Rossiysko-Amerikanskaya kompaniya* [The Russian-American Company]. In: Lamin, V.A. (ed.) *Istoricheskaya entsiklopediya Sibiri* [The Historical Encyclopedia of Siberia]. Vol. 2. Novosibirsk: SB RAS. pp. 781–782.
20. Boyko, V.P. (2007) *Kupechestvo Zapadnoy Sibiri v kontse XVIII – XIX v.* [Merchants of Western Siberia in the late 18th – 19th centuries]. Tomsk: Tomsk State University.
21. Bisarnov, M. (1896) *Spisok glavneyshikh russkikh zolotopromyshlennykh kompaniy i firm po offitsial'nym dannym* [Main Russian gold-mining companies and firms according to official data]. St. Petersburg: [s.n.].
22. Rabinovich, G.Kh. (1975) *Krupnaya burzhuaziya i monopolisticheskii kapital v ekonomike Sibiri kontsa XIX – nachala XX vv.* [The big bourgeoisie and monopoly capital in the economy of Siberia in the late 19th – early 20th centuries]. Tomsk: Tomsk State University.
23. Razgon, V.N. (1999) *Sibirskoye kupechestvo v XVIII – pervoy poloviny XIX v. Regional'nyy aspekt predprinimatel'stva traditsionnogo tipa* [Siberian merchants in the 18th – first half of the 19th centuries. The regional aspect of traditional entrepreneurship]. Barnaul: Altai State University.
24. Startsev, A.V. (2003) *Russkaya trgovlya v Mongolii (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.)* [Russian trade in Mongolia (the second half of the 19th – early 20th centuries)]. Barnaul: Altai State University.
25. Startsev, A.V. & Goncharov, Yu.M. (2010) *Predprinimatel'stvo v Sibiri: istoricheskiy opyt (XVII – nachalo XX vv.)* [Entrepreneurship in Siberia: Historical experience (the 17th – early 20th centuries)]. Barnaul: Altai State University.
26. Kirillov, A.K. (2003) *Gorodskie banki Zapadnoy Sibiri (vtoraya chetvert' XIX – nachalo XX veka)* [City Banks of Western Siberia (second quarter of the 19th – early 20th centuries)]. Novosibirsk: Ofset.

УДК 94(47+57)“1910–1914”
DOI: 10.17223/19988613/57/2

Е.А. Ростовцев, И.В. Сидорчук

МИФ О Л.А. КАССО

Исследование выполнено при поддержке РФФИ, проект № 17-01-00222-ОГН «Кризис высшей школы 1911 г.».

Рассматривается история формирования мифа о Льве Аристовиче Кассо, занимавшем пост министра народного просвещения с сентября 1910 г. до своей смерти в декабре 1914 г. В историографии прочно укрепилось мнение о нем как о ключевой фигуре, символе консервативной и репрессивной политики самодержавия в области высшей школы. Одновременно обращение к широкому кругу источников показывает, что этот образ окончательно сформировался только к концу 1911 г. До этого многим, в том числе и впоследствии поддержавшим его правым, он представлялся слабым, непрофессиональным назначенцем всесильного П.А. Столыпина, неспособным на самостоятельные решения.

Ключевые слова: Л.А. Кассо; история высшей школы; история университетов; дело Кассо; П.А. Столыпин; университетский вопрос.

«Кризис Кассо», «разгром», кризис высшей школы 1911 г. – одно из центральных событий эпохи думской монархии. В историографическом дискурсе эти события рассматривались в контексте начала нового революционного подъема, начала «преодоления» столыпинской реакции [1]. Фигура Кассо вписывается сразу в два известных смысловых ряда. Первый – русские чиновники-реакционеры – К.П. Победоносцев, Д.А. Толстой, И.Д. Делянов, П.А. Столыпин, второй – темные фигуры из «Нечистой силы» – Анна Вырубова, Александра Федоровна, Григорий Распутин. В этом смысле образ Кассо интересен в связи не только с историей российской высшей школы, но и с проблемой краха старого порядка. В настоящем тексте для нас важными были следующие вопросы: Как и кем формировались общественные представления о министре? Как эти представления менялись? Кто являлся бенефициаром той информационной кампании, которая велась вокруг фигуры Кассо? Какую роль сам герой играл в создании своего образа?

Назначение Л.А. Кассо 25 сентября 1910 г. управляющим Министерством народного просвещения (МНП) для всех стало неожиданностью. Отставка его предшественника А.Н. Шварца многими ожидалась и стала следствием как его просьб, так и инициативы П.А. Столыпина [2. С. 45–49], но кто примет такое тяжелое наследство, было неясно. О том, чей креатурой являлся бывший профессор юридических факультетов сначала Юрьевского, потом Харьковского и Московского университетов, а на момент назначения директор Императорского Лицея в память цесаревича Николая (Катковского лицея), существует несколько версий. Согласно одной из них Л.А. Кассо был рекомендован двоюродным братом П.А. Столыпина октябристом бароном А.Ф. Мейендорфом [3. С. 113]. Среди ученых ходили слухи, что «это кандидат вел[икой] княг[ини] Елизаветы Федоровны и думского “националиста” Крупенского» [4. С. 106; 5. Л. 100]. В любом случае назначение воспринималось различными политическими силами как результат стремления П.А. Столыпина целиком контролировать правительство, хотя изначально его

настораживали в Л.А. Кассо «нерусский его вид, воспитание» и «внутренний мир» [6]. Кандидатуру Л.А. Кассо П.А. Столыпин рассматривал и в конце 1907 г., но тогда остановил выбор на А.Н. Шварце [7].

Несмотря на то, что Л.А. Кассо был членом профессорской корпорации, широким кругам из-за своей неактивной политической позиции он известен не был. 26 сентября 1910 г. П.А. Столыпин писал Николаю II: «В городе много говорят о Кассо – это для всех большой знак вопроса» [8. С. 62]. Сам Николай II, которому Л.А. Кассо не был предварительно представлен, писал П.А. Столыпину о новом министре как о «неизвестном» [Там же. С. 63]. Некоторые консерваторы, в частности В.Ф. Джунковский и В.Н. Смольянинов-Заболотский, отмечали его ум и эрудированность [3. С. 113]. Либеральную профессуру настораживали слухи о симпатиях нового министра правым. А.И. Боргман со слов отца сообщал И.И. Толстому, что «1) назначение Кассо несомненно, 2) Кассо – истинно русский националист по убеждениям (чуть ли не друг Пуришкевича) и 3) говорит плохо по-русски» [4. С. 106], из чего последний заключил, что это «сомнительное, по-видимому, приобретение для многострадального ведомства» [Там же]. Здесь же присутствует акцент на нерусском происхождении Л.А. Кассо, впоследствии ставший неприменимым в либеральном дискурсе – новый министр не станет защищать интересы русской науки [Там же].

Изначально фигура Л.А. Кассо вызвала резко негативную реакцию со стороны правых. Либеральный «Вестник Европы» отмечал, что в правой прессе начался настоящий поход против Л.А. Кассо за то, что тот посетил могилу С.А. Муромцева [9. С. 446]. Кроме того, он демонстративно не принял по назначении В.М. Пуришкевича и забрал разработанный А.Н. Шварцем проект университетского устава, за что стал объектом надежд октябристов и кадетов. Последние говорили о нем, как о человеке, «в котором предполагают сторонника университетской автономии» [10]. Отметим, что ни правые, ни левые не упоминали о революционном прошлом дяди Л.А. Кассо, Николая Кассо (1839–1904), румынского националиста, активно бо-

ровшегося за освобождение Бессарабии от власти России [11. С. 267–280].

23 октября Л.А. Кассо выступил со своей первой речью в Государственной думе по поводу министерского и думского законопроектов о начальной школе [12]. Камнем преткновения являлся вопрос о подчиненности школ: левые полагали, что заведование школами должно принадлежать одному учреждению, а правые поддерживали нового министра, в своей краткой речи указавшего на то, что «теперь наступает период обособленности церковных и светских школ» [Там же. Стлб. 320]. Политическим силам стала понятна консервативность нового министра, но одновременно отмечались его плохое знакомство с деятельностью министерства и слабость как администратора и политика [3. С. 113; 4. С. 116–117].

Следующая волна критики со стороны правых в адрес Л.А. Кассо последовала в связи с университетскими беспорядками, начавшимися после смерти Л.Н. Толстого и протестного самоубийства нескольких студентов в тюрьмах. Правые в лице земляка нового министра В.М. Пуришкевича с думской трибуны критиковали Л.А. Кассо за беспомощность, за задержку выпуска циркуляра по борьбе с беспорядками.

В конце года активизировалось движение правых профессоров, выступавших за изгнание политики из университетов. В декабре 1910 г. состоялся их съезд, на котором присутствовали делегаты из провинциальных вузов, традиционно отличавшихся консервативностью. Представителей Московского и Петербургского университетов (кроме нескольких оставивших преподавание, еще три профессора Московского университета «прислали совещанию в письменной форме свои замечания по некоторым вопросам университетского устава» [13. С. 21]) не было, что вызвало критику последних. Организатор съезда профессор Новороссийского университета П.Е. Казанский описывал его как «скромное частное совещание правых профессоров русских университетов», но оно получило широкий резонанс в научном мире [Там же. С. 3]. Именно взгляд на высшую школу как место исключительно научной деятельности, девиз «университет для науки», где не должно быть студенческих волнений, выраженный делегатами и доложенный ими П.А. Столыпину и Л.А. Кассо, впоследствии стал краеугольным камнем в политике МНП. При этом один из организаторов съезда, чиновник особых поручений, профессор гражданского права В.И. Адамович, в январе 1911 г. был уволен Л.А. Кассо, мотивировавшим решение тем, что ему нужны бюрократы, а В.И. Адамович таковым не является. Это вызвало возмущение правых, полагавших, что если уж П.А. Столыпин не терпит вокруг себя самостоятельных людей, то должен добиться того, чтобы Л.А. Кассо не проводил политики, идущей вразрез с позицией правительства по оздоровлению высшей школы [14. С. 73].

Таким образом, в первый период своего министерства (1910 г.) Л.А. Кассо являлся «темной лошадкой», малоизвестным в широких кругах ставленником П.А. Столыпина, который будет действовать согласно пожеланиям своего патрона. С этим связаны как быст-

ро угасшие надежды кадетов и октябристов, так и острая критика со стороны правых, в глазах которых он был либеральнее и слабее А.Н. Шварца. Критика нового министра буквально всеми политическими силами уже к декабрю привела к распространению слухов о его отставке [4. С. 138]. Одновременно к этому же времени активизировалось движение профессорско-академистов, представителей провинциальных университетов, с которыми уже вскоре министерство достигнет полного взаимопонимания. В новом министре не видели крупной и опасной политической фигуры.

Университетский вопрос с самого начала нового, 1911 г., вновь оказался одним из самых обсуждаемых в связи со студенческими волнениями, особенно сильными в Москве и Петербурге. В январе вышли циркуляры МНП, запрещавшие студенческие собрания и возлагавшие ответственность за порядок на университетскую администрацию [15, 16]. Столичными профессорскими коллегиями (и обществом в целом) это решение было воспринято как покушение на университетскую автономию. Началась всероссийская забастовка студентов, а 28 января в знак протеста против правительственных мероприятий случилась демонстративная отставка профессоров и преподавателей Московского университета, которая, ко всеобщему удивлению, была принята Л.А. Кассо. Всего подали в отставку или были уволены около 130 преподавателей. Либеральной интеллигенцией подобные действия были восприняты как сильнейший удар по высшей школе и научной жизни [см. напр.: 17. С. 36–37; 18; 19. С. 230].

Впоследствии этот случай закрепился в историографии под термином «Дело Кассо». Действительно, столь решительные действия министра, не пожелавшего идти на поводу у строптивой профессуры, демонстрируют, что он был ключевой фигурой в этих событиях. Одновременно при рассмотрении откликов представителей различных политических сил на это событие обращает на себя внимание практически полное отсутствие обвинений персонально министра народного просвещения. Антигероем становился не он, а правительство в целом, его глава П.А. Столыпин или правые. В.И. Вернадский в работе «1911 г. в истории русской умственной культуры», отражая взгляды кадетов, указывал на изгнание профессоров как на цель политики П.А. Столыпина и возлагал вину в разгроме на него [19. С. 230]. Д.Д. Grimm в своих воспоминаниях, подчеркивая роль Л.А. Кассо, все же представляет его неким орудием в руках консервативных сил, которое было нужно для разгрома университетов: «Тогда было решено прибегнуть к более решительным мерам и отказаться от флера формальной законности, которым прикрывались при министрах ф[он] Кауфмане и Шварце. Эта задача выпала на долю недоброй памяти министра Л.А. Кассо и товарища его, барона М.А. Таубе. Наступила эра бессмысленного, преступного разрушения русских университетов» [20. С. 90].

В одном из самых известных откликов на события, статье кадета А.С. Изгоева «Небывалый разгром» как заслуга Л.А. Кассо понимался отзыв им устава А.Н. Шварца. Критикуя политику министра, автор все же основной удар стремится нанести по правым, за-

ступникам А.Н. Шварца, в связи с чем Л.А. Кассо представляется скорее жертвой нападков с их стороны. В атаках на профессоров автор также обвинял правых, а министра критиковал достаточно мягко: «Если бы министр народного просвещения относился действительно доброжелательно к высшей школе, он бы вместо резкого, вызывающего незаконного акта устроил совещание с университетским начальством по поводу столь острого в студенческой жизни вопроса» [21. С. 5, 14]. В сборнике «Кризис высшей школы» под псевдонимом также была опубликована статья «Состязание сил», где объектом критики становилось правительство, а не персонально Л.А. Кассо: «Университетские события явились неизбежным продолжением той агрессивной реакции, которая сделала такие успехи со времени роспуска первой и второй Думы... Не сломив забастовки, правительство надломило ту моральную энергию, с которой преподавательский состав вступил в борьбу с забастовкой» [22. С. 17, 19]. Подчеркивалось, что обстоятельства для развития студенческого движения были неблагоприятны, но действия правительства (не персонально Л.А. Кассо!) и правых привели к его распространению [Там же. С. 18]. Об отставке профессоров Московского университета автор говорил как о решении правительства, не персонализируя ответственность министра народного просвещения [Там же. С. 21–22].

Крайне правые концентрировались на фигуре Л.А. Кассо, но лишь подчеркивая его нерешительность и невыгодное положение в сравнении с предшественником А.Н. Шварцем: «Зачем же было в таком случае требовать увольнения энергичного А.Н. Шварца, при котором сразу прекратились все беспорядки, чтобы заменить его неспособным г. Кассо, при котором студенческие беспорядки точно по сигналу возросли до колоссальных размеров? Нельзя же отрицать истину? Беспорядки в высших учебных заведениях начались именно вследствие удаления от дел умного, твердого и опытного педагога? Если бы прежний порядок не нарушался, то А.Н. Шварц укреплялся бы на своем посту министра тем сильнее, чем прочнее водворялось бы в университетах спокойствие. При новом же режиме наоборот. Спокойствие в учебных заведениях и послужило указанием на непригодность министра» [23]. На заседаниях Думы правые также упрекали Л.А. Кассо в беспомощности, и многие из них оценивали его как «лишь механический манекен, приводимый в движение властной рукой П.А. Столыпина» [14. С. 101]. Отчасти они были правы: за жесткими действиями Л.А. Кассо действительно стоял всемогущий председатель Совета министров, стремившийся возложить всю полноту ответственности за беспорядки в стенах высшей школы на руководство университетов и профессорские коллегии [24. С. 486–487].

«Вестник Европы», критикуя правых, логично в некоторой степени снимал ответственность с Л.А. Кассо: «Со свойственным ему пониманием общественных явлений и событий г. Пуришкевич относит движение, вдруг так резко выразившееся среди студенческой молодежи, целиком на счет личности нового министра народного просвещения, г. Кассо. “В данный момент –

говорил в Думе бессарабский депутат – самое величайшее зло и самое величайшее из всех тех безобразий, которые творятся в высшей школе, – это не панургово стадо студенчества, это не профессора, которые почувствовали, что вожжи распушены, а управляющий министерством народного просвещения, не знающий, на каком стуле ему сидеть”» [25. С. 419]. Позицию правых издание объясняло желанием В.М. Пуришкевича «свалить министра, посетившего могилу С.А. Муромцева» [Там же. С. 420]. Действия Л.А. Кассо не связывались с ростом студенческого движения.

Подобный взгляд был характерен и для бунтующих студентов. Прокламация, распространявшаяся в конце января в Петербургском университете, гласила: «В тяжелых условиях начинаем мы новый год. “Объединенное правительство” г. Столыпина вступило в решительную борьбу с политикой, ворвавшейся в высшие учебные заведения. Провокаторский обстрел студенческой сходимости в Одессе, произведенный при содействии и участии “людей науки” – академистов, аресты и исключения, высылка и ссылка ряда студентов, поход против свободы собраний и союзов, полицейские функции, возлагаемые на советы профессоров – таковы последние скорпионы джентльмена-палача» [14. С. 77].

Профессура провинциальных университетов, более лояльная к правительственным постановлениям, нежели их столичные коллеги, высказывалась в духе беспрекословного и последовательного соблюдения решения о временном запрещении студенческих собраний в стенах университетов и об исключении нарушивших это постановление. При этом в нем они видели решение правительства и режима в целом, нежели волю управляющего Министерством народного просвещения, воспринимаемого скорее в качестве посредника в отношениях с верховной властью. В частности, Совет университета Св. Владимира по случаю высочайшего приема 21 декабря 1910 г., на котором присутствовал профессор университета П.Н. Ардашев, через посредство управляющего МНП на заседании 1 марта сделал всеподданнейшее обращение, в котором соблюдение постановлений министерства трактовалось как выражение преданности монархии: «В высокознаменательных словах Вашего Величества Совет Императорского Университета Св. Владимира видит мощную поддержку и величайшее поощрение своей деятельности, направленной к научной работе и к упрочению порядка в переживающей трудное время нашей высшей школе. Совет выражает свою беззаветную готовность с удвоенным рвением продолжать свое служение науке и просвещению на радость возлюбленному Государю и на благо нашей великой родине» [26. С. 26].

3 февраля «Речь» опубликовала критический комментарий интервью Л.А. Кассо «Новому времени», в котором министр высказался против изменения университетского устава и обвинял администрации университетов в том, что они не остановили студенческие беспорядки: «Практический смысл решения г. Кассо заключается, очевидно, в том, что никакие законы и уставы вообще не нужны там, где можно “временно” вводить и вновь упразднять все, что понадобится, “в соответствии с жизненными требованиями и нуждами”» [27].

При этом и в марте К.К. Арсеньев, один из лидеров партии демократических реформ, анализируя состояние дел в высшей школе, возлагал вину за увольнение профессоров на правительство в целом, а не только на Л.А. Кассо: «Такого острого кризиса ни разу не переживал ни один из наших университетов. Остановимся сначала на первом фазисе его. Не подлежит никакому сомнению, что увольнение А.А. Мануилова, М.А. Мензбира и П.А. Минакова без прошения из числа профессоров Московского университета имело в глазах управляющего министерством народного просвещения, а вероятно – и всего объединенного министерства, характер кары за действие, рассматриваемое как нарушение требований службы» [28. С. 339].

Отчисления студентов, чья деятельность была направлена на срыв занятий (закрытие университета и провозглашение забастовки), по мнению Л.А. Кассо, были той мерой, которая позволила предотвратить более масштабные беспорядки [29. Стлб. 1850, 1852]. Если бы он тогда не уволил 1 000 студентов, то сейчас ему пришлось бы увольнять 5 000 [Там же. Стлб. 1869]. По сути, Л.А. Кассо заявлял о необходимости следования идеалу университета как царства науки, а не идеологии, одновременно выступая в поддержку самоуправления, а не автономии [30].

В начале марта П.А. Столыпин подал заявление об отставке, которая в итоге не состоялась. В период неопределенности недоброжелатели министра народного просвещения стали размышлять о составе будущего правительства. Показательно, что логичным следствием отставки П.А. Столыпина считался уход Л.А. Кассо, что явно свидетельствовало о его восприятии в качестве проводника идей председателя Совета министров [31]. Одновременно октябристы к этому времени поняли, что принципиальной в вопросе возвращения профессоров является позиция Л.А. Кассо, чье нежелание пойти на уступки вынудило их сменить тактику и начать активно распространять слухи о его увольнении помимо воли П.А. Столыпина [14. С. 113]. Апрельский «Вестник Европы» высказал схожее мнение: «Правительство не проявляет видимой заботы о создавшемся положении. Оно его как будто вовсе не угнетает. Кто ушел – не все ли равно! Одни ушли – другие придут. Принесут ли с собою эти другие научный багаж, заменят ли они ушедших в существе профессорского служения – правительство хочет показать, что стоит выше таких вопросов. Но общество живо и болезненно на них реагирует» [32. С. 429–430].

Таким образом, события, впоследствии ставшие связываться непосредственно с именем Л.А. Кассо, современниками воспринимались иначе. Фигура министра оказывалась лишена свободной воли и долгое время понималась либеральной общественностью частью репрессивного механизма правительства П.А. Столыпина. Одновременно он продолжал критиковаться правыми за нерешительность в борьбе с беспорядками и уступки бунтующей профессуре. При том, что озвученная позиция министра касательно ситуации в высшей школе в целом соответствовала взглядам консерваторов, в их глазах он выглядел незначительной и некомпетентной фигурой в сравнении со своим предшественником.

Весной 1911 г. параллельно со сравнительным затуханием студенческих протестов и конфликта Министерства народного просвещения и с правыми, и с либералами, приходит понимание, что Л.А. Кассо – твердый и верный своим решениям министр. Апрельская «Речь», комментируя оставление им многочисленных родительских просьб о восстановлении уволенных или высланных за беспорядки студентов без ответа (даже несмотря на заступничества других видных чиновников), подчеркивала бескомпромиссность и независимость министра: «... г. Кассо остается тверд и верен себе. Он свое дело сделал, теперь он может отдохнуть от напряженной работы. Поэтому он не только на просьбы студентов и их родителей не обращает внимания, ему даже ходатайства Министерства внутренних дел нипочем» [33]. На заседании Совета Петербургского университета 16 мая ректор доложил об успокоении ситуации со студенческими беспорядками и при этом о категорическом отказе министерства освободить ошибочно арестованных, о чем так долго ходатайствовал университет [34. С. 104]. В июле Л.А. Кассо оставил без последствий ходатайство совета Петербургского университета от 16 мая об отмене мер, предписанных в постановлении Совета министров от 4 января, и об ускорении пересмотра дел об уволенных из университета студентах [35].

Вероятно, стоит прислушаться к заключению И.И. Толстого, который в дневниковой записи от 16 июля, комментируя намерение Л.А. Кассо уволить почти всех слушательниц и часть профессоров Женского медицинского института, трактовал подобную жесткость со стороны министра стремлением укрепить свои позиции: «Очевидно, г-н Кассо укрепляет свою позицию и бьет наверняка на то, чтобы в случае чего быть назначенным не сенатором, а членом Гос[ударственного] сов[ета]: какой бы скандал осенью ни вышел – его поступок будет оценен как молодецкий его величеством, а это все, что нужно» [4. С. 197].

Это были далеко не все конфликты, оканчивавшиеся плачевно для преподавателей. В частности, московского учителя гимназии, члена кадетской партии А.Д. Алферова перевели в провинциальную гимназию за то, что он подписал приветствие бывшему ректору Московского университета [36]. В итоге он остался в Москве, но не смог работать в государственных школах. Таким образом, прежняя тактика сопротивления давлению министерства, исходившая из представления о слабости Л.А. Кассо, больше не могла приносить плоды [24. С. 490].

Взрыв негодования со стороны ученого сообщества против политики Л.А. Кассо последовал в связи с проектом подготовки ученой молодежи за границей. Предполагалось отправлять их для подготовки к профессуре в Германию и Францию, где для них будут устроены специальные отделения. Впоследствии они должны занять свободные кафедры и оздоровить университетскую атмосферу. Данную идею Л.А. Кассо озвучивал еще в начале февраля, но тогда она осталась в тени дискуссий об университетской автономии [37].

Попытка облагодетельствовать науку и создать «новую породу» профессоров была настоящим вызовом. Это

было серьезное посягательство на статус ученого сообщества, претендовавшего не только на академическую свободу, но и на право на интеллектуальное превосходство, элитарность. Речь шла не только об указании на политическую неблагонадежность, которую либеральная профессура и не собиралась скрывать, но и о попытке дискредитировать и опозорить русскую науку. Впервые в конфликт вмешалась Академия наук, до этого ввиду отсутствия бунтующих студентов возвышавшаяся над схваткой. Меры для подготовки профессоров вызвали резко негативную реакцию ее членов. На основании письма попечителя Санкт-Петербургского учебного округа от 7 июня 1911 г. ректору столичного университета, в котором он, изложив суть реформы, просил осведомлять МНП «о лицах, которые бы заслуживали бы откомандирования для занятий» [38], академики по результатам экстраординарного заседания 20 мая подготовили обращение к министру. В нем они утверждали, что предложение Л.А. Кассо приведет к ухудшению существующего порядка приготовления преподавателей русских высших учебных заведений. В качестве причин пустования кафедр Академия указывала на недостаток отпуска средств на стипендии лицам, оставляемым при университетах или рекомендуемых к отправлению за границу для пригтовления к профессорскому званию. Иностранец просто не способен работать с ними, так как не знает запаса их знаний, свойств того отечественного материала, который впоследствии должен сделаться главным предметом его научной разработки. Программа Л.А. Кассо приведет к «нивелировке индивидуальностей командируемых». По мнению академиков, «русская высшая школа имеет достаточно прав с самостоятельной независимостью относиться к иноземному учительству. О том свидетельствует все шире распространяющееся признание цивилизованным миром заслуг русской науки». В заключение они указали на то, что предложение Л.А. Кассо «открыто признает и слабость русского государства, будто бы лишеного того источника жизни, которым является самостоятельное развитие науки, оно всенародно заявит, что наше государство не в состоянии создать в нашем отечестве условия, необходимые для свободного и здорового ее роста; поколеблет веру в силу и значение русской науки, без которой не может быть и могучего русского государства» [39].

Вторила академикам либеральная пресса: «Положение дел в нашем университетском вопросе все больше и больше осложняется... На этот раз политика г. Кассо вывела из равнодушия даже такое высокое учреждение, как Императорскую Академию наук... Академия наук признала нужным вступить за честь и достоинство русской науки, русских вузов и русских профессоров. И академия обратилась к министру народного просвещения с посланием... В нем академия ставит на вид министру народного просвещения, что проект подготовки ученой молодежи за границей, в сущности, объявляет русскую школу “несостоятельной”» [40]. Л.А. Кассо и его заместитель В.Т. Шевяков в своих интервью, данных немецким и французским изданиям (что лишь усугубило критику), не скрывали

цели проекта – изжить политику из университетских стен. Для противников министра в либеральном лагере это было недопустимо: «О тех мотивах, которые заставляли министра народного просвещения принимать свои экстраординарные меры, русское общество имело весьма неопределенные представления... министр народного просвещения счел необходимы в беседе с сотрудником «Neues Wiener Tageblatt» выяснить взгляды министерства на настоящее положение вещей и объяснить те меры, которые... произвели впечатление какого-то безотчетного сумбура и стихийной стремительности, так мало имеющей общего с наукой... обращаясь к общим задачам своей политики, министр народного просвещения определил их... “Моя сокровенная цель – простая... искоренить политические ростки в университетах”» [41]. Впрочем, это не помешало Л.А. Кассо провести законопроект через Совет министров, и 19 января 1912 г. он был утвержден Николаем II [19. С. 215].

В непопулярных решениях министра иногда по-прежнему прослеживалась «рука Столыпина». Во всяком случае ее видел «Вестник Европы»: «...в глазах г. Столыпина пример г. Кассо показал, что индифферентизм к политике не препятствует профессору на посту министра отдаться со всем пылом “истинно-русской” искоренительной борьбе с крамолой...» [32. С. 434]. В идее Л.А. Кассо увидели желание превратить свободно мыслящего преподавателя в «человека в футляре» – жертву реформы Д.А. Толстого. Ему припомнили не только его национальность, но и обучение в Германии и даже аполитичность в период преподавания в русских университетах: «Г. Кассо – инородец по происхождению и, насколько известно, получил университетское образование за границей. Революционные годы застали его на профессорской кафедре в Харьковском университете. Его товарищи по профессуре были поражены тогда, что не только в их среде, но вообще в большом городе мог оказаться образованный человек, с абсолютным индифферентизмом отнесшийся к охватившему всех, от мала до велика, движению. Г. Кассо не примкнул ни к правым, ни к левым. Он просто не интересовался политикой. По его идеалу, очевидно, профессор должен быть таким, чуждым жизни человеком. Инородцем сделать русского нельзя. Но попытаться вытравить из него способность болеть душой за русскую действительность – можно. И г. Кассо решил такую попытку сделать» [42. С. 433–434].

Не менее острую критику вызывало впоследствии реализованное намерение удалять из столичных университетов негодных профессоров и приглашать занимать кафедры их более лояльных коллег из провинции [43]. Д.Д. Grimm вспоминал, что «провинциальные университеты при такой системе переводов превращались в своего рода дисциплинарные батальоны по отношению к столичным университетам»: «Воистину, нужен был совершенно исключительный цинизм и чисто большевистское презрение к науке и к русским университетам, чтобы додуматься до такой меры, и чтобы решиться провести ее в жизнь» [20. С. 97]. Летом 1911 г. профессор М.Я. Пергамент, деятель ка-

детской партии, был переведен из Петербургского университета в Юрьевский. Переезжать он, как, вероятно, и ожидало правительство, отказался и предпочел уволиться со службы. В дальнейшем последовали новые переводы. Таким образом, министр успешно покушался на практику замещения кафедр на конкурсной основе. Недоумение профессуры по этому поводу выразил Д.Д. Гримм: «Если профессор не годился в качестве университетского преподавателя в одном университете, то почему он мог годиться в качестве такового в другом?» [44. С. 179]. Мера демонстрировала и отсутствие единства среди профессорского сообщества – для многих принятие предложения о переводе в Москву или Петербург без избрания университетом было немислимым. В частности, это дали понять Ф.В. Тарановский и В.М. Гордон. Другие с готовностью предложения принимали, несмотря на угрозу обструкции со стороны коллег и студенчества [24. С. 503], прельстившись карьерными и финансовыми перспективами (гонорар в столичных вузах был в 2–3 раза выше) [45. С. 639]. Показательно, что не все приглашенные профессора разделяли правые политические взгляды, что показывает непринципиальность этого для Л.А. Кассо, куда больше ценившего личную преданность.

Последовательные, жесткие и непопулярные среди либеральной части общества меры Л.А. Кассо привели к началу роста его политической значимости. Он уже не воспринимался как безвольный ставленник П.А. Столыпина. Это позволило ему заручиться симпатиями правых. При этом его проекты, демонстрировавшие презрение к заслугам и статусу отечественной ученой корпорации и ее корпоративной культуре и ценностям, привели к созданию весьма своеобразного образа министра – молдаванина, получившего образование в Германии и чужого для отечественной науки человека, но при этом стереотипного правого русского националиста.

5 сентября 1911 г. после покушения скончался П.А. Столыпин. Злобный слух приводит в своих мемуарах, видимо, доверявший ему И.И. Толстой: «Кстати, про Кассо: я на днях слышал, будто во время убийства Столыпина он так струсил, что удрал и спрятался в театральной уборной, где его нашли после долгих поисков: теперь он окружен кучей сыщиков, охраняющих его, и просит уволить его в отставку, которой ему не дают...» [4. С. 216]. После того как место П.А. Столыпина занял В.Н. Коковцов, отставка Л.А. Кассо многим представлялась неизбежной, тем более что новый председатель симпатизировал противникам министра народного просвещения [44. С. 179]. Как сообщали «Биржевые ведомости», «слухи об отставке министра народного просвещения г. Кассо... значительно усилились после назначения председателем Совета министров В.Н. Коковцова... В конце концов, даже сам... г. Кассо... начинает систематически отступать... Пришлось приостановиться и с выполнением плана перетасовки профессоров. После перевода г. Пергамента в Юрьев, ответом на что последовала отставка профессора, г. Кассо остановился и не дал движения тому документу, в котором были начертаны переводы в другие университеты обоих Гриммов и других профессоров...» [46].

На место Л.А. Кассо прочили С.Ф. Платонова [4. С. 162], хотя кандидатура петербургского историка всплывала каждый раз после появления слухов об уходе непопулярного министра народного просвещения. Активное обсуждение возможных кандидатур именно на пост министра народного просвещения говорит о существенном повышении роли Л.А. Кассо, которого все больше понимали главным врагом науки в России. Его так и не отправили в отставку, хотя слухи об этом продолжали возбуждать профессуру вплоть до его смерти 26 ноября 1914 г. В связи с попытками проследить рост значимости и влияния Л.А. Кассо показательным является слух, распространившийся летом 1913 г. Он сообщал не об отставке, а о том, что Кассо может быть назначен председателем Совета министров: «Но в таком случае нынешнего премьера должен сменить премьер из числа тех министров, деятельность которых вызывает восторг справа, – Л.А. Кассо, например» [47]. Начавшая мировая война не улучшила отношений министра с обществом, а его болезнь и смерть вызвали нескрываемую радость в либеральной печати [48–55]. Верховная власть в рамках доктрины внутреннего мира назначает на должность министра не верного соратника Л.А. Кассо и бывшего товарища министра барона М.А. Таубе (как надеялись правые), а близкого к либеральным кругам графа П.Н. Игнатьева, которого считали «антиподом своих предшественников» (А.Н. Шварца и Л.А. Кассо) [56].

Формирование мифа о Л.А. Кассо произошло в первый год его министерства. В условиях постоянных студенческих беспорядков, наличия свободолобивой профессуры, злоязычной прессы и постоянных интриг при дворе будущее неискушенного и неопытного министра не представлялось многообещающим. Некоторые слабые надежды ряда политических сил, связанные с назначением, быстро сменились разочарованием. Все основные партии находили повод для критики министра. Для кадетов это была консервативность, для правых – слабость в противостоянии со студенчеством и профессурой. Интересно, что негативный образ Кассо как министра, ответственного за «кризис высшей школы», стал формироваться именно в правой печати. При этом он никем не воспринимался в качестве независимой фигуры, а представлялся креатурой П.А. Столыпина, транслировавшей его волю. В период кризиса начала 1911 г. Л.А. Кассо продемонстрировал готовность действовать последовательно и жестко ради восстановления «порядка» в стенах университетов. Тем не менее в глазах публики за ним по-прежнему стояла мощная фигура П.А. Столыпина. Дальнейшая стратегия конфронтации с либеральной профессурой обострила ненависть к министру, но одновременно сделала его по-настоящему важным политическим игроком. Ряды его недругов пополнились после озвучивания идеи подготовки за границей студентов для занятия кафедр, что явилось сильным ударом по амбициям и достоинству ведущих представителей ученого сообщества страны. Из «икса» [4. С. 108], к талантам, уму и воле которого относились критически, но в целом не опасались, Л.А. Кассо превратился в демоническую фигуру, символ несчастий и кризиса российской науки

и образования в глазах своих оппонентов. Закреплению этого образа способствовало убийство П.А. Столыпина и, несмотря на шаткость позиции Л.А. Кассо, сохранение им портфеля министра при В.Н. Коковцове. При этом он сам сделал решающий вклад в формирование этого образа, вступив в непримиримый

конфликт с корпоративной культурой российских университетов. Все эти обстоятельства, несомненно, способствовали тому, что в общественном сознании (и историографии) XX в. Кассо стал одним из символов реакционного самодержавного режима эпохи заката Российской империи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баринев Д.А. Кризис высшей школы 1911 г. в фокусе историографии // Клио. 2017. № 10. С. 106–117.
2. Шварц А.Н. Моя переписка с Столыпиным. Мои воспоминания о Государе. М. : Греко-латин. каб. Ю.А. Шичалина, 1994. 361 с.
3. Гайда Ф.А. Власть и общественность в России в период кризиса третьейуноньской системы: диалог о пути политического развития (1910–1917 гг.) : дис. ... д-ра ист. наук. М., 2016. 757 с.
4. Толстой И.И. Дневник : в 2 т. СПб. : Лики России, 2010. Т. II: 1910–1916. 944 с.
5. Платонова Н.Н. Дневник. 20 дек[абря] / 2 янв[аря] // Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Ф. 585. Оп. 1. Д. 5701. Платонова Н.Н. Дневник. Август 1919 г. – март 1920 г.
6. Столыпин П.А. Письмо бар. А.Ф. Мейендорфу, 25 июля 1910 г. // Столыпин П.А. Переписка. М. : РОССПЭН, 2004. С. 620.
7. Столыпин П.А. Письмо Николаю II. 22 декабря 1907 г. // Столыпин П.А. Переписка. М. : РОССПЭН, 2004. С. 42.
8. Столыпин П.А. Письмо Николаю II. 26 сентября 1910 г. // Столыпин П.А. Переписка. М. : РОССПЭН, 2004. С. 61–63.
9. Из общественной хроники // Вестник Европы. Год 45. 1910. Кн. 11, нояб. С. 439–451.
10. С.Я. Судьба университетского устава // Речь. 1910. 1 окт., № 269. С. 2.
11. Ioan Pelivan: istoric al miscării de eliberare națională din Basarabia / eds. I. Constantin, I. Negrei, G. Negru. Bucuresti : Biblioteca Bucurestilor, 2012. 646 s.
12. Продолжение первого обсуждения внесенного Министерством Народного Просвещения законопроекта о начальных училищах : (доклад комиссии по народному образованию) // Государственная дума. Третий созыв. Сессия IV. Часть I. Заседание пятое. Суббота, 23 октября 1910 г. Стлб. 303–398.
13. Казанский П.Е. Совещание профессоров в декабре 1910 г. : (доклад в Академическом клубе, в Одессе). Одесса : Тип. «Рус. речи», 1911. 53 с.
14. Из кулуаров Государственной думы: Информационные листки «Осведомительного бюро» за 1911 г. / подг. текста, автор вступ. ст. и примеч. И.В. Лукоянов // Нестор. № 7. Технология власти. СПб. : Нестор–История, 2005. С. 69–140.
15. О надзоре за учащимися высших учебных заведений // Журнал Министерства народного просвещения. 1911. № 3–4: Правительственные распоряжения. С. 38–40.
16. О временном недопущении публичных и частных студенческих собраний в стенах высших учебных заведений // Журнал Министерства народного просвещения. 1911. № 3–4: Правительственные распоряжения. С. 41–43.
17. Воробьева Ю.С. Общественность и высшая школа в России в начале XX века. М., 1994. 175 с.
18. Маркин В.Л. «Университетский протест» 1911 г. и реакция российского общества // Вестник Московского университета. Сер. 8, История. 2009. № 5. С. 10–19.
19. Иванов А.Е. Высшая школа России в конце XIX – начале XX века. М., 1991. 393 с.
20. Гримм Д.Д. Из жизни Государственного совета 1907–1917 гг. / подг. текста и коммент. А.В. Воронежцева, М.В. Ковалева, В.С. Мирзеханова, Т.К. Шор. СПб. : Нестор–История, 2017. 272 с.
21. Изгоев А.С. Небывалый разгром // Кризис высшей школы. М. : Типо-литография Т-ва И.Н. Кушнерев и Ко, 1911. С. 3–16.
22. Р. Состязание сил // Кризис высшей школы. М. : Типо-литография Т-ва И.Н. Кушнерев и Ко, 1911. С. 16–23.
23. [С.-Петербург, 2 февраля 1911 г.] // Русское знамя. 1911. 2 фев., № 26. С. 1.
24. Ростовцев Е.А. 1911 год в жизни университетской корпорации (власть и Петербургский университет) // Кафедра истории России и современная отечественная историческая наука / отв. ред. А.Ю. Дворниченко. СПб. : Изд. Дом С.-Петерб. гос. ун-та, 2012. С. 473–507. (Труды кафедры истории России с древнейших времен до XX века. Т. III).
25. Вопросы внутренней жизни // Вестник Европы. Год 46. 1911. Кн. 1, янв. С. 419–434.
26. Протоколы заседаний Совета Императорского Университета Св. Владимира 21 января, 18 февраля и 1 марта 1911 г. // Университетские известия. 1911. № 7. С. 1–27.
27. [С.-Петербург, 3 февраля] // Речь. 1911. 3 (16) фев., № 33. С. 1.
28. Арсеньев К. Положение дел в высшей школе // Вестник Европы. Год 46. 1911. Кн. 3, март. С. 334–348.
29. Кассо Л.А. [Выступление в прениях. Заседание 64. 8 февраля 1912 г.] // Государственная дума. Третий Созыв. Стенографические отчеты. Сессия V. СПб., 1912. Стлб. 1849–1874.
30. Беседа с министром народного просвещения // Новое время. 1911. 2 (15) фев., № 12534. С. 5–6.
31. Министерский кризис (по телефону из СПб. от наш. корресп.) // Голос Москвы. 1911. 11 марта, № 57. С. 3.
32. Вопросы общественной жизни // Вестник Европы. Год 46. 1911. Кн. 4, апр. С. 421–438.
33. [С.-Петербург, 8 апреля] // Речь. 1911. 8 апр. С. 1.
34. Протокол заседания Совета Императорского С.-Петербургского университета 16 мая 1911 года // Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1911 год. СПб. : Типография Б.М. Вольфа, 1913. № 67. С. 97–158.
35. Хроника / Учебные дела // Биржевые ведомости. 1911. 19 июля, № 12431. С. 2.
36. Дело двух московских педагогов // Вестник воспитания. 1911. № 8. С. 77–87.
37. Беседа с министром народного просвещения // Речь. 1911. 3 (16) фев., № 33. С. 4.
38. Письмо Попечителя Санкт-Петербургского учебного округа от 7 июня 1911 г. № 13108 ректору Императорского С.-Петербургского университета (копия) : приложение к протоколу заседания экстраординарного Общего Собрания 20 мая 1911 года // Протоколы заседаний общего собрания Императорской Академии наук. № 6. Экстраординарное. Заседание 20 мая 1911 г. § 152. [СПб., 1911].
39. Приложение к протоколу заседания экстраординарного Общего Собрания 20 мая 1911 года // Протоколы заседаний общего собрания Императорской Академии наук. № 6. Экстраординарное. Заседание 20 мая 1911 г. § 152. [СПб., 1911].
40. В защиту науки (С.-Петербург, 31-го июля) // Биржевые ведомости. 1911. 31 июля, № 12453. С. 1.
41. Объяснения г. министра (С.-Петербург, 2-го августа) // Биржевые ведомости. 1911. 8 авг., № 12455. С. 1.
42. Вопросы общественной жизни // Вестник Европы. Год 46. 1911. Кн. 6 июнь. С. 425–438.
43. Перемены в составе профессоров // Свет. 1911. 22 авг., № 220. С. 3.
44. Ковалев М. Профессор Д.Д. Гримм и борьба за академические свободы в России в начале XX в. // Российская история. 2016. № 5. С. 174–183.
45. Ростовцев Е.А. Столичный университет Российской империи: ученое сословие, общество и власть (вторая половина XIX – начало XX в.). М. : Политическая энциклопедия, 2017. 903 с.
46. Политика г. Кассо. (С.-Петербург, 15-го сентября) // Биржевые ведомости. 1911. 15 сент., № 12531. С. 1.
47. Куда? // Русская молва. 1913. 1 июня, № 168. С. 2.

48. ☞ Л.А. Кассо // Раннее утро. 1914. 27 нояб., № 273 (8477). С. 4.
 49. Москва, 27 ноября // Русские Ведомости. 1914. 27 нояб.
 50. Кончина Л.А. Кассо // Московский листок. 1914. 27 нояб.
 51. Смерть Л.А. Кассо // Современное слово. 1914. 27 нояб.
 52. ☞ Л.А. Кассо // Зауральский край. 1914. 28 нояб., № 226. С. 2.
 53. Отзывы печати к кончине Л.А. Кассо // Саратовский листок. 1914. 29 нояб.
 54. Левая печать о Л.А. Кассо // Земщина. 1914. 28 нояб., № 1854. С. 3.
 55. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 596. Оп. 1. Д. 77.
 56. Платонова Н.Н. Дневник. 19 июня [1915 г.] // Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Ф. 585. Оп. 1. Д. 5694. Л. 79 об.

Rostovtsev Evgeny A. Saint-Petersburg State University (Saint-Petersburg, Russia). E-mail: e.rostovtsev@spbu.ru

Sidorchuk Ilya V. Humanitarian Institute of Peter the Great Saint-Petersburg Polytechnic University (Saint-Petersburg, Russia). E-mail: chubber@yandex.ru

The MYTH OF L. A. KASSO

Keywords: Lev Kasso; the history of higher education; history of universities; case of Kasso; Pyotr Stolypin; University question.

The purpose of the research is to examine the history of the formation in the public consciousness of the myth about Lev Aristidovich Kasso, who held the post of Minister of public education of the Russian Empire from September 1910 until his death in December 1914. In Soviet, Post-Soviet and Western historiography he was considered as a key figure, a symbol of conservative and repressive policy of autocracy in the field of higher education and science in general.

The research is based on a wide range of historical sources, including political journalism, media, normative acts and official documents. Important for achieving the goals of the study were the memoirs and correspondence of representatives of the scientific community, in particular, the former Minister of public education Ivan Tolstoy, such professors, politicians and publicists as David Grimm, Alexander Izgoev, Konstantin Arsenyev, etc. This allowed authors to identify the stages of the formation of the myth about Lev Kasso in the period from autumn 1910 to the end of 1911.

During the first months as a Minister, he was incognito to all political forces, including tsar Nicholas II. His first actions were criticized by the right politicians rather than the left. For a long time, Lev Kasso was considered as a “shadow”, puppet in the hands of the Chairman of the Council of Ministers Pyotr Stolypin, that is why they did not see him as an independent and strong politician. The situation gradually had been changing during 1911. Hard and consistent repression against the revolutionary students, professors of Moscow and St. Petersburg universities demonized figure of Lev Kasso in the eyes of the liberal community.

Particular outrage was caused by the Lev Kasso’s project of training the professorial staff in foreign scientific centre, the dismissal of the opposition professors and the transfer ideologically closed to him professors from predominantly right-wing provincial universities in Saint Petersburg and Moscow. By that time Lev Kasso had been considered a symbol of the persecutions of tsarist power against traditional corporative subculture of Russian science and scientists. At the same time he became more popular among the right politicians. Significant role in growth of his political weight played the murder of Pyotr Stolypin in September 1911. Despite many rumors, Lev Kasso was not dismissed, but was perceived by some as a potential candidate for the vacant Post of Chairman of the Council of Ministers.

REFERENCES

- Barinov, D.A. (2017) Krizis vysshey shkoly 1911 g. v fokuse istoriografii [Historiography on the crisis of higher school in 1911]. *Klio*. 10. pp. 106–117.
- Shvarts, A.N. (1994) *Moya perepiska s Stolypinym. Moi vospominaniya o Gosudare* [My correspondence with Stolypin. My memories of the Tsar]. Moscow: Greko-latin. kab. Yu.A. Shichalina.
- Gayda, F.A. (2016) *Vlast' i obshchestvennost' v Rossii v period krizisa tret'eiyun'skoy sistemy: dialog o puti politicheskogo razvitiya (1910–1917 gg.)* [The Power and the public in Russia during the crisis of the Stolypin’s system: The dialogue about political development (1910–1917)]. History Dr. Diss. Moscow: [s.n.].
- Tolstoy, I.I. (2010) *Dnevnik. V 2 tomakh* [A Diary. In 2 vols]. Vol. 2. St. Petersburg: Liki Rossii.
- Platonova, N.N. (n.d.) *Dnevnik. Avgst 1919 g. – mart 1920 g.* [Diary. August 1919 – March 1920]. Department of Manuscripts of the Russian National Library. Fund 585. List 1. D. 5701.
- Stolypin, P.A. (2004a) *Perepiska* [Correspondence]. Moscow: ROSSPEN. p. 620.
- Stolypin, P.A. (2004b) *Perepiska* [Correspondence]. Moscow: ROSSPEN. p. 42.
- Stolypin, P.A. (2004c) *Perepiska* [Correspondence]. Moscow: ROSSPEN. pp. 61–63.
- Anon. (1910) Iz obshchestvennoy khroniki [From the public chronicle]. *Vestnik Evropy*. 45(11). pp. 439–451.
- S.Ya. (1910) Sud'ba universitetskogo ustava [The Fate of the University Charter]. *Rech'*. 1st October. p. 2.
- Constantin, I., Negrei, I. & Negru, G. (eds) (2012) *Ioan Pelivan: istoric al miscării de eliberare națională din Basarabia* [John Pelivan: History of the National Liberation Movement in Bessarabia]. Bucharest: Biblioteca Bucureștilor.
- The State Duma. (1910) *Prodolzhenie pervogo obsuzhdeniya vnesennogo Ministrom Narodnogo Prosveshcheniya zakonoproektakh o nachal'nykh uchilishchakh (doklad komissii po narodnomu obrazovaniyu)* [The Continued first discussion of the draft laws on primary schools introduced by the Minister of Public Education (report of the Commission on Public Education)]. The State Duma. Third convocation. Session IV. Part I. October 23, 1910. Cols. 303–398.
- Kazanskiy, P.E. (1911) *Soveshchanie professorov v dekabre 1910 g. (Doklad v Akademicheskome klube, v Odesse)* [Meeting of professors in December, 1910 (Report in the Academic club, in Odessa)]. Odessa: Russkaya rech'.
- Lukoyanov, I.V. (ed.) (2005) Iz kuluarov Gosudarstvennoy dumy: Informatsionnye listki “Osvedomitel'nogo byuro” za 1911 g. [From the sidelines of the State Duma: Information sheets “Information Bureau” for 1911]. *Nestor*. 7. pp. 69–140.
- Anon. (1911) O nadzore za uchashchimisya vysshikh uchebnykh zavedeniy [About supervision for students]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. 3–4. pp. 38–40.
- Anon. (1911) O vremennom nedopushchenii publichnykh i chastnykh studencheskikh sobraniy v stenakh vysshikh uchebnykh zavedeniy [About temporary prohibition of public and private students meetings in higher schools]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. 3–4. pp. 41–43.
- Vorobyeva, Yu.S. (1994) *Obshchestvennost' i vysshaya shkola v Rossii v nachale XX veka* [The public and higher school in Russia in the early 20th century]. Moscow: [s.n.].
- Markin, V.L. (2009) “Universitetskiy protest” 1911 g. i reaktsiya rossiyskogo obshchestva [“University protest” in 1911 and the reaction of the Russian society]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 8. Istoriya*. 5. pp. 10–19.
- Ivanov, A.E. (1991) *Vysshaya shkola Rossii v kontse XIX – nachale XX veka* [Higher school in Russia in the late 19th – early 20th centuries]. Moscow: [s.n.].

20. Grimm, D.D. (2017) *Iz zhizni Gosudarstvennogo soveta 1907–1917 gg.* [From the life of the State Council of 1907–1917]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya.
21. Izgoev, A.S. (1911) Nebyvaly razгром [Unprecedented defeat]. In: *Krizis vysshey shkoly* [The Crisis of Higher School]. Moscow: T-vo I.N. Kushnerev i Ko. pp. 3–16.
22. R. (1911) Sostyazaniye sil [The contest of forces]. In: *Krizis vysshey shkoly* [The Crisis of Higher School]. Moscow: T-vo I.N. Kushnerev i Ko. pp. 16–23.
23. Anon. (1911) [S.-Peterburg, 2 fevralya 1911 g.] [St. Petersburg, February 2, 1911]. *Russkoe znaniye*. 2th February. p. 1.
24. Rostovtsev, E.A. (2012) 1911 god v zhizni universitetskoy korporatsii (vlast' i Peterburgskiy universitet) [1911 year in the life of the University Corporation (the power and St. Petersburg University)]. In: Dvornichenko, A.Yu. (ed.) *Kafedra istorii Rossii i sovremennaya otechestvennaya istoricheskaya nauka* [Department of Russian History and modern Russian history studies]. St. Petersburg: St. Petersburg State University. pp. 473–507.
25. Anon. (1911) Voprosy vnutrenney zhizni [Problems of internal life]. *Vestnik Evropy*. 46(1). pp. 419–434.
26. Anon. (1911) Protokoly zasedaniy Soveta Imperatorskogo Universiteta Sv. Vladimira 21 yanvarya, 18 fevralya i 1 marta 1911 g. [Minutes of meetings of the Council of St. Vladimir Imperial University of January 21, February 18 and March 1, 1911]. *Universitetskie izvestiya*. 7. pp. 1–27.
27. Anon. (1911) [S.-Peterburg, 3 fevralya] [St. Petersburg, February 3]. *Rech'*. 3rd February. p. 1.
28. Arsenyev, K. (1911) Polozheniye del v vysshey shkole [Situation in higher school]. *Vestnik Evropy*. 46(3). pp. 334–348.
29. Kasso, L.A. (1912) *Vystupleniye v preniyakh. Zasedaniye 64. 8 fevralya 1912 g.* [Speech on the debate. Session 64. February 8, 1912]. The State Duma. Third convocation. Verbatim record. Session V. Cols. 1849–1874.
30. Anon. (1911) Beseda s ministrom narodnogo prosveshcheniya [Conversation with the Minister of Education]. *Novoe vremya*. 2nd February. pp. 5–6.
31. Anon. (1911) Ministerskiy krizis (Po telefonu iz St. Petersburg: ot nash. korresp.) [Ministerial crisis (By phone from St. Petersburg from our correspondents)]. *Golos Moskvy*. 11th March. p. 3.
32. Anon. (1911) Voprosy obshchestvennoy zhizni [Problems of public life]. *Vestnik Evropy*. 46(4). pp. 421–438.
33. Anon. (1911) [S.-Peterburg, 8 aprelya] [St. Petersburg, April 8]. *Rech'*. 8th April. p. 1.
34. The Council of the Imperial St. Petersburg University. (1913) *Protokoly zasedaniy Soveta Imperatorskogo S.-Peterburgskogo universiteta za 1911 god. № 67* [Minutes of the meetings of the Council of the Imperial St. Petersburg University for 1911. No. 67]. St. Petersburg: B.M. Wolf. pp. 97–158.
35. Anon. (1911) Khronika/Uchebnye dela [Chronicle / Educational Affairs]. *Birzhevye vedomosti*. 19th July. p. 2.
36. Anon. (1911) Delo dvukh moskovskikh pedagogov [The case of two Moscow educators]. *Vestnik vospitaniya*. 8. pp. 77–87.
37. Anon. (1911) Beseda s ministrom narodnogo prosveshcheniya [Conversation with the Minister of Education]. *Rech'*. 3rd February. p. 4.
38. Imperial Academy of Sciences. (1911a) Pis'mo Popechitelya Sankt-Peterburgskogo uchebnogo okruga ot 7 iyunya 1911 g. № 13108 rektoru Imperatorskogo S.-Peterburgskogo universiteta (kopiya). Prilozheniye k protokolu zasedaniya ekstraordinarnogo Obshchego Sobraniya 20 maya 1911 goda [Letter of June 7, 1911, from the Trustee of the St. Petersburg educational district № 13108 to the rector of the Imperial St. Petersburg University (copy). Annex to the minutes of the meeting of the extraordinary General Meeting on 20 May 1911]. In: *Protokoly zasedaniy obshchego sobraniya Imperatorskoy Akademii nauk. № 6. Ekstraordinarnoe. Zasedaniye 20 maya 1911 g. § 152* [The minutes of the meetings of the General meeting of the Imperial Academy of Sciences. No. 6. Extraordinary. Meeting May 20, 1911 § 152]. St. Petersburg: [s.n.].
39. Imperial Academy of Sciences. (1911b) Prilozheniye k protokolu zasedaniya ekstraordinarnogo Obshchego Sobraniya 20 maya 1911 goda [Annex to the minutes of the meeting of the extraordinary General Meeting on May 20, 1911]. In: *Protokoly zasedaniy obshchego sobraniya Imperatorskoy Akademii nauk. № 6. Ekstraordinarnoe. Zasedaniye 20 maya 1911 g. § 152* [The minutes of the meetings of the General meeting of the Imperial Academy of Sciences. No. 6. Extraordinary. Meeting May 20, 1911 § 152]. St. Petersburg: [s.n.].
40. Anon. (1911) V zashchitu nauki (S.-Peterburg, 31-go iyulya) [In defense of science (St. Petersburg, July 31)]. *Birzhevye vedomosti*. 31st July. p. 1.
41. Anon. (1911) Ob'yasneniya g. ministra (S.-Peterburg, 2-go avgusta) [Promises of Mr. Minister (S.-Peterburg, 2 August)]. *Birzhevye vedomosti*. 8th August. p. 1.
42. Anon. (1911) Voprosy obshchestvennoy zhizni [Problems of public life]. *Vestnik Evropy*. 46(6). pp. 425–438.
43. Anon. (1911) Peremeny v sostave professorov [Changes among professors]. *Svet*. 22nd August. p. 3.
44. Kovalev, M. (2016) Professor D.D. Grimm i bor'ba za akademicheskie svobody v Rossii v nachale XX v. [Professor D.D. Grimm and the struggle for academic freedom in Russia in the early 20th century]. *Rossiyskaya istoriya*. 5. pp. 174–183.
45. Rostovtsev, E.A. (2017) *Stolichnyy universitet Rossiyskoy imperii: uchenoe soslovie, obshchestvo i vlast' (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.)* [Capital University of the Russian Empire: academic class, society and power (the second half of the 19th – early 20th centuries)]. Moscow: Politicheskaya entsiklopediya.
46. Anon. (1911) Politika g. Kasso. (S.-Peterburg, 15-go sentyabrya) [Kasso's policy (S. Petersburg, 15th September)]. *Birzhevye vedomosti*. 15th September. p. 1.
47. Anon. (1913) Kuda? [Where?]. *Russkaya molva*. 1st June. p. 2.
48. Anon. (1914) L.A. Kasso [L.A. Kasso]. *Rannee utro*. 27th November. p. 4.
49. Anon. (1914) Moskva, 27 noyabrya [Moscow, November 27]. *Russkie Vedomosti*. 27th November.
50. Anon. (1914) Konchina L.A. Kasso [Demise of L.A. Kasso]. *Moskovskiy listok*. 27th November.
51. Anon. (1914) Smert' L.A. Kasso [Death of L.A. Kasso]. *Sovremennoe slovo*. 27th November.
52. Anon. (1914) L.A. Kasso [L.A. Kasso]. *Zaural'skiy kray*. 28th November. p. 2.
53. Anon. (1914) Otzyvy pechati k konchine L.A. Kasso [Press about L.A. Kasso's demise]. *Saratovskiy listok*. 29th November.
54. Anon. (1914) Levaya pechat' o L.A. Kasso [Left press about L.A. Kasso]. *Zemshchina*. 28th November. p. 3.
55. The State Archive of the Russian Federation. Fund 596. List 1. File 77.
56. Platonova, N.N. (1915) *Dnevnik. 19 iyunya [1915 g.]* [Diary. June 19, 1915]. Department of Manuscripts of the Russian National Library. Fund 585. List 1. File 5694.

ПРОБЛЕМЫ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

УДК 327.2
DOI: 10.17223/19988613/57/3

Д.И. Шкитин

АКТ ОБ УПРАВЛЕНИИ ИНДИЕЙ 1919 ГОДА И ОБРАЗОВАНИЕ ЛЕГИСЛАТУР КАК НАЧАЛО «ПЕРЕДАЧИ ВЛАСТИ» В БРИТАНСКОЙ ИНДИИ

Рассматриваются изменение характера представительства в законодательных органах власти Британской Индии, формирование «протопартийных» образований и перемена характера национальной борьбы, параллельно которой начал протекать процесс передачи власти. Акт об управлении Индией 1919 г. был не первым документом, принятым парламентом Британской империи об управлении Индией, однако именно его стали называть Конституцией Индии. После принятия этого документа многие явления социально-политической жизни самой известной английской колонии дают о себе знать впервые.

Ключевые слова: Акт об управлении Индией 1919 года; передача власти; Британская Индия; упадок Британской Империи.

20 августа 1917 г. министр по делам Индии Эдвин Монтегю (занимал эту должность с июля 1917 г. по март 1922 г.) выступил в Палате общин с речью, которая обозначила новые цели британской политики в Индии. Выступление получило название *Августовской декларации 1917 года*. Новый курс подразумевал «увеличение числа индийцев во всех ветвях власти и постепенное развитие институтов самоуправления для реализации ответственного управления Индией как неотъемлемой частью Британской Империи» [1. Р. 223]. Курс на политические преобразования был объявлен в условиях тяжелого военного положения Первой мировой войны. Одним из условий участия Индии в европейской войне, выдвинутых лидерами национального движения еще до начала военных событий, было последующее предоставление более широких политических прав населению субконтинента. Между тем вклад Индии в победу значителен – около 1 млн жителей Индостана были отправлены на войну, затраты на которую компенсировались за счет эксплуатации производственных мощностей и крестьянства «жемчужины британской короны» [2. С. 497]. Однако спустя несколько лет после провозглашения Августовской речи станет ясно, что ее основные тезисы имели утопический характер, а высокие намерения воплощены в жизнь лишь отчасти [3. С. 271].

Для реализации положений Августовской декларации Э. Монтегю зимой того же года направился в Индию, чтобы изучить возможности претворения в жизнь заявленных на бумаге целей по расширению прав коренного населения колонии. Результатом работы министра стал доклад *Монтегю-Челмсфорда*, вице-короля Индии в 1916–1921 гг., который подытожил многочисленные переговоры и слушания петиций и обращений. На трехстах страницах этого документа отображалось текущее положение дел на субконтиненте. Более того, в нем были предложены конкретные меры по реформированию политической системы Индии.

Таким образом, 23 декабря 1919 г. рекомендации доклада легли в основу *Акта об управлении Индией*, ставшего первой попыткой установления конституционных порядков на территории Британской Индии [3. С. 271]. С этого момента можно говорить о начале процесса передачи власти на Индийском субконтиненте, ход которого совпал с активизацией национального движения и шел параллельно ему до августа 1947 г.

Доклад Монтегю-Челмсфорда выявил три главных порока политической системы Индии: несамостоятельность муниципальных властей и правительственный контроль над ними, дефицит финансовой независимости провинций, отсутствие представительства индийцев на высших государственных постах [4. Р. 328]. Предполагалось, что эти «пороки» затрудняют позитивное развитие Британской Индии, а потому должны быть устранены.

В то же время доклад обозначил несколько обязательных для реализации при будущих законодательских инициативах руководящих принципов: необходим общественный контроль в местных органах самоуправления, внешние политические силы и центральные власти не должны вмешиваться в деятельность муниципальных советов; во всех провинциях, кроме Бирмы и Северо-Западных территорий, должны быть установлены избираемые законодательные советы (Legislative Councils), осуществляющие контроль над исполнительной ветвью власти; правительство Индии должно быть подчинено парламенту Великобритании, но вместе с тем оставаться главенствующим органом по отношению к законодательным советам провинций. Законодательные советы провинций, так же как и их возможности для влияния на колониальное правительство, должны быть расширены; после проведения реформ контроль парламента Великобритании и министра по делам Индии над субконтинентом должен быть ослаблен [5. Р. 303].

До 1919 г. Индия не располагала полноценной законодательной властью, так как соответствующие

представительские институты не являлись выборными и были тесно связаны с Советом генерал-губернатора. Впрочем, еще в 1909 г. были проведены *реформы Морли–Минто*, которые расширяли состав существовавших на тот момент законодательных советов провинций. Но даже сами авторы реформы 1909 г. признавали, что законодательные советы в своем новом виде ни в коем случае не представляли собой нечто похожее на парламент и не являлись шагом навстречу установлению ответственного правительства [1. Р. 224]. В противовес реформам 1909 г. Акт об управлении Индией 1919 г. был предназначен для «установления духа подлинного политического сотрудничества между правительством и народами Индии», «наделения законодательных органов определенной самостоятельностью», «поощрения индийцев к политическому образованию через их привлечение к работе в институтах государственного аппарата» [6. Р. 615].

В соответствии с Актом 1919 г. законодательная власть Индии была представлена генерал-губернатором и двумя палатами – *государственным советом* и *законодательным собранием* (табл. 1) [4. Р. 17]. Такая организация была принята англичанами исходя из опыта исторического развития своей страны с тем лишь отличием, что вестминстерская парламентская система была введена в Индии с учетом принципов федерализма – каждая провинция имела свои законодательные органы, получившие название *советов*, и свое правительство.

Таблица 1

Организация законодательной власти в Британской Индии после принятия Акта 1919 г.

Распределение количества парламентариев по провинциальным *законодательным советам* согласно Акту 1919 г. приведено в табл. 2 [4. Р. 33].

Таблица 2

Количество членов законодательных советов провинций

Законодательный совет	Количество членов
Мадрас	118
Бомбей	111
Бенгалия	125
Соединенные провинции	118
Пенджаб	83
Бихар и Орисса	93
Центральные провинции	70
Ассам	53

Кроме двух упомянутых палат, составной частью общендийской законодательной ветви являлся генерал-губернатор Индии, обладавший значительными полномочиями. Он имел право назначать председателя государственного совета и утверждать председателя законодательного собрания, выступать с посланиями, досрочно прекращать или продлевать сроки полномочий обеих палат, назначать время и место проведения сессий и объявлять перерыв в их работе. Полномочия Генерал-губернатора оставались абсолютными, поскольку

он мог заблокировать любой закон, инициированный законодательной ветвью власти. Кроме того, Акт 1919 г. не обозначал разграничения полномочий палат, что не могло не вносить неясности в их работу и в конечном итоге снижало эффективность начатой реформы. [7. С. 96].

Законодательное собрание, созданное в 1919 г., состояло из членов исполнительного совета вице-короля (Executive Council), четырех или пяти государственных секретарей и других официальных лиц, которые представляли различные департаменты, – всего 26 назначенцев. Все должностные лица были представителями правительства и формировали «официальный корпус собрания». С другой стороны, членами собрания было неофициальное большинство, среди которых можно было обнаружить только лишь девять европейцев. Неофициальный блок состоял из 100 выборных и 14 назначаемых делегатов. Всего нижняя палата состояла из 140 членов (табл. 3). Однако количество членов законодательного собрания могло изменяться в соответствии с принимаемыми нормативно-правовыми актами, которые могли изменять регламент и состав легислатур. В таком случае количество избираемых парламентариев не должно быть меньше 5/7 от общего числа, а количество «неофициальных» лиц должно быть не меньше 2/3.

Таблица 3

Состав законодательного собрания и государственного совета Британской Индии [4. PP. 17-19]

Законодательное собрание (срок переизбрания – 3 года)			Государственный совет (срок переизбрания – 5 лет)	
Избираемые члены	Назначаемые члены		Избираемые и назначаемые члены	
	Официальные лица	Общественные представители	Официальные лица	Общественные представители
100	26	14	не больше 20	40
Всего: 140			Всего: не больше 60	

Официальный корпус состоял из людей, специально обученных административной работе, которые считали, что «разговоры – это враги работы». Парламентская деятельность для них не была абсолютно новым явлением. Они отстаивали политику правительства последовательно в каждой дебатах «со всем свойственным им мастерством, честностью и чувством юмора» [1. Р. 224]. Перед лицом парламентского неофициального большинства официальный корпус находился в положении вечной оппозиции.

Неофициальный блок состоял, как уже было обозначено, из 9 европейцев и 91 индийца. Для большинства его представителей парламентская работа была новым опытом. Сами англичане в этой связи отмечали, что Акт 1919 г. был призван для того, чтобы повысить политическую грамотность индийской элиты [1. Р. 224]. Только после этого, по мнению Лондона, можно было добиться более эффективного управления субконтинентом.

Таким образом, в 1919 г. был заложен «каркас» политического устройства современной Индии. «Каркас» обладал двояким свойством: расширение представительства национальной элиты в колониальных органах

власти на всех уровнях, с одной стороны, реформирование и переустройство системы колониального управления – с другой. На основании этого «каркаса» на протяжении всего периода до обретения независимости шло конструирование новых и совершенствование уже созданных институтов политической власти Индии. Кроме того, в рамках реформированных и расширенных представительных собраний было начато сознательное формирование альтернативного канала подготовки национальной элиты (в первую очередь альтернативного британскому высшему образованию) для передачи индийцам британской системы ценностей политического управления, что является полноценным атрибутом трансфера властных полномочий. Под передачей власти понималось не только систематическое выстраивание структуры политического устройства колонии, но и вовлечение большего числа индийцев в существовавшие властные взаимоотношения, выстраиваемые британцами.

Первое заседание законодательного собрания состоялось в 1921 г. в Дели, который 12 декабря 1911 г. был объявлен столицей Британской Индии. Все 8 провинций в зависимости от их размера, численности населения и значимости были представлены в законодательном собрании в разной степени. Мадраское президентство играло ведущую роль в первом законодательном собрании, а в 1923 г. первенство перешло к представителям Бомбея. Эти провинции обладали наибольшим числом квалифицированных кадров, главным образом юристов, не имевших богатого опыта ведения административных и коммерческих дел. Они были способными аналитиками-теоретиками, но не практиками-государственниками.

Некогда столичный регион Бенгалия не играл значимой роли в деятельности законодательного собрания. Причина этого коренилась в том, что Бенгалия была источником вдохновения и жизни национально-освободительного движения и родиной бенгальского возрождения. Элита этого региона была носителем куда более радикальных идей, чем следование правилам игры, устанавливаемых из Лондона. Лидеры Бенгалии не уделяли должного внимания существующим институтам власти, а хотели создать собственные, хотя бы и похожие на британские [8. Р. 261].

Одновременно Индийский национальный конгресс (ИНК) и Мусульманская лига независимо от позиций провинциальных органов власти расценили Акт 1919 г. как «неудовлетворительный». Институты, создаваемые британцами, и национально-освободительное движение Индии, представленное многочисленными группами и движениями, преследовали разные цели [9. Р. 280].

Остальные шесть провинций выделялись только лишь некоторыми своими представителями, но объединенные в одну фракцию они не представляли большой силы. Отчасти это объясняется меньшей степенью социально-экономического развития данных провинций, находившихся на периферии Британской Индии, которая была населена аборигенными племенами и «низкородными» кастами, периферии, удаленной от торговых путей и в меньшей степени затронутой имперской бюрократией. К таким провинциям

относились главным образом Орисса, Бихар, Ассам и Центральные провинции [1. Р. 226].

Характерной особенностью законодательного собрания является то, что его представители избирались от округов, которые часто были населены значительно отличающимися друг от друга этническими и религиозными группами. Подобная ситуация не могла не вносить своих корректировок в работу собрания, так как представители каждого округа пытались защищать прежде всего интересы своей малой родины или общины. Еще в 1909 г. в соответствии с реформами Морли–Минто Индия была поделена на мусульманские и немусульманские (общие) избирательные округа, от которых избирались члены законодательных советов провинций, что усугубляло положение [10. Р. 39].

Первые партии формировались не столько по территориальному признаку, сколько по признаку лояльности тому или иному политическому лидеру, старшине рода или главе ассоциации. При этом партийная структура была лишена четкой организации. Партийная система находилась в своем зачаточном состоянии и была далека от европейских аналогов. В то же время британцы в качестве одной из целей реформ управления Индией обозначили «повышение степени политической грамотности» населения полуострова [7. С. 26]. Так, например, старейшая индийская партия, Индийский национальный конгресс, была создана по инициативе британского чиновника индийской гражданской службы либерала А.О. Юма в 1885 г. и походила больше на клуб, объединяющий всех критично настроенных, но лояльно относящихся к британскому правлению личностей. Со временем ИНК начал собирать под своим крылом всех недовольных англичанами, но Конгресс по-прежнему оставался формированием без единой идеологии и структуры. Партийный аппарат ИНК был создан только на сессии ИНК, состоявшейся в декабре 1920 г. в Нагпуре под председательством М. Ганди, которому была хорошо известна британская партийная система. [11. Р. 352].

Кроме Конгресса «партийная система» Индии включала в себя множество небольших «клубов по интересам», сформированных благодаря авторитету их лидеров. Далеко не все «клубы» выражали свое неудовлетворение существовавшим правительством. Однако даже те из них, которые считались оппозиционными, значительно отличались друг от друга. При малейшем рассмотрении становилась очевидной невозможность взаимодействия между «политическими салонами», так как они либо не обладали какой-либо программой, либо индивидуальное «внутрисалонное» лидерство было настолько внушительным, что не позволяло спокойно уживаться всему множеству лидеров. Линии раздела проходили по религиозным, этническим, кастовым, социальным и имущественным границам. Различный подход к разрешению вопросов достижения независимости также разделял заинтересованные «клубы» и «салоны» [12. Р. 548]. Между тем из последующего хода истории стало очевидным, что не только национальные лидеры являлись объектами передачи власти, но и партии, которые также выступали важнейшими участниками этого процесса. Активное пар-

тийное строительство, начатое в Индии как раз в 20-е гг. XX в., тесно связано с процессом передачи власти.

Когда министр по делам Индии Э. Монтегю прибыл в конце 1917 г. в колонию, ему предстояло рассмотреть обращения 222 ассоциаций. И это было лишь вершиной айсберга, поскольку подавляющему большинству объединений было отказано в праве передать обращение. Напротив, 112 представителей различных групп интересов получили возможность попасть на личную аудиенцию с министром. Среди них были 12 землевладельцев, 11 бизнесменов, 23 мусульман, 5 индийцев из «высокородных» каст и 8 представителей «неблагополучных» каст. Учитывая все разнообразие объединений, единый политический фронт против колониального правительства являлся искусственным формированием, был крайне слаб и разрознен. Было очевидно, что создание законодательной ассамблеи, в которой могла бы осуществляться продуктивная законодательная деятельность – маловероятное предприятие [13. Р. 339]. Конструирование британцами основ организованного государственного управления с привлечением национальных элит ввиду разрозненного мнения лидеров, за которыми не стояло поддержки партий в их европейском понимании, не грозило колонизаторам видимыми или прогнозируемыми опасностями.

Из всех условных партий можно выделить лишь три, которые в 1923 г. имели некоторый авторитет среди как индийцев, так и британцев [14. Р. 95].

ИНК оставался наиболее влиятельной силой. Обозреватель «Форин Эффейрс» в 1923 г. так описывал ИНК: «Крайне левое, революционное крыло,.. в котором Ганди – единственная выдающаяся личность». Сам Ганди рассматривался в качестве «скандально известного ревнителя (notorious apostle) гражданского неповиновения» [15]. Активизация деятельности ИНК, а вместе с тем и всего национального движения, связана с его именем. Именно он сделал ИНК движущей силой первого движения несотрудничества в 1920–1922 гг. Именно Ганди способствовал созданию в декабре 1920 г. центрального аппарата Конгресса и его провинциальных подразделений, сформировал сеть конгрессиистских организаций по всей Индии, привлек в ИНК массы крестьян и рабочих. ИНК до и после Ганди мало похожи друг на друга.

Острое неприятие крупнейшими лидерами Индии новых преобразований, неспособных быстро решить старые проблемы, стало причиной начала сатьяграхи. Поводом же для проведения первой кампании неповиновения и несотрудничества стал широко известный инцидент в Амристаре. В апреле 1919 г. в месте, известном как Джалианвалла багх, сотня британских солдат под командованием генерала Дайера расстреляла мирный митинг, в котором приняли участие около двадцати тысяч простых индийцев. После этих событий Конгресс призвал бойкотировать выборы в центральные и провинциальные законодательные органы. Ганди тогда отметил, что эти события поставили точку в истории британского господства [7. С. 99]. ИНК, ведущая политическая сила Британской Индии, именно в те годы стала решительно настроена на свержение

колониального режима. В этот момент активно развивающееся национальное движение, возглавляемое Ганди, и продолжительная «передача власти» стали неразлучными «братьями-близнецами».

После заключения Ганди в тюрьму 9 марта 1922 г. Конгресс был ввергнут в кризис – его ряды покинули миллионы рядовых членов. Эффективность новой программы ИНК, однозначно отвергающей все новые реформы англичан, была поставлена под сомнение старыми умеренными конгрессиистами, которые вернули себе лидирующие позиции после 1922 г. и вплоть до выхода Ганди на свободу 4 февраля 1924 г. удерживали свое положение. Учитывая, что в 1919 г. ИНК бойкотировал выборы, законодательные органы Британской Индии до 1924 г. работали наиболее продуктивно [16. Р. 9].

Старые конгрессиисты примкнули к Сварадж партии, возникшей в результате раскола среди лидеров ИНК. Причины раскола крылись в различном отношении к преобразованиям, проведенным в соответствии с Актом об управлении 1919 г. Основные противоречия касались вопроса о необходимости участия в *выборах* в законодательные советы [17. С. 159]. Партия Свараджа не применяла революционные методы ненасильственного сопротивления и конструктивную программу Ганди, но предпочитала вести диалог с британцами через официальные институты власти, используя революционную риторику освободительного движения. Активизация деятельности Сварадж партии в легислатурах Британской Индии совпало с арестом Ганди. С одной стороны, часть сторонников Махатмы были разочарованы его идеалистическими и даже отчасти религиозными методами, с другой стороны, скорое решение вопроса в рамках мирного сопротивления им представлялось невозможным ввиду сильной разобщенности борцов за независимость. Лидеры Свараджа считали, что наиболее эффективный метод борьбы – это организация обструкций собрания и советов внутри их же стен. Это был их метод и их взгляд на борьбу, поддержанный впоследствии многими конгрессиистами [7. Р. 124]. Тем не менее свараджисты только раз смогли организовать обструкцию законодательного совета. Соответствующая процедура, одобренная перевесом лишь в пару голосов, была проведена в Бенгалии. В остальных 8 провинциях и в центральном законодательном собрании партия была бессильна [9. Р. 421]. Раскол ИНК и выход из него авторитетной партии Свараджа – один из первых расколов, если не самый первый, индийского общественного мнения, вызванный проведением британцами политики передачи власти.

Индийская либеральная федерация была партией, воплощавшей идеи тесного сотрудничества с британским правительством. Федерация также вышла из рядов ИНК, но в результате другого раскола, причиной которого стало несоответствие духа Доклада Монтегю 1918 г. его же Августовской декларации. Федерация принимала самое активное участие в деятельности законодательного собрания и законодательных советов провинций. Несмотря на то, что партия называла себя «либеральной», по своей сути она воплощала

консервативные для индийского общества ценности, так как выступала за сохранение старых британских порядков. Одновременно с этим партия была носителем самых прогрессивных европейских идей [18. Р. 230]. Либеральная федерация образовалась из числа тех участников ИНК, которые безоговорочно поддержали реформы Монтегю–Челмсфорда. Федерация была исключительно важна для англичан, она была защищаемая британцами и по этой причине превратилась в партию-изгоя среди своих. Ее роль в национально-освободительном движении была абсолютно мала. Но деятельность эта все же важна в том смысле, что отображает неприятие большим числом политически активного населения Индии партии, занимающей ту же позицию, что и британское правительство. Это еще одно свидетельство того, что степень *неприязни* национальной элиты Индии к британским властям была значительна уже в 1919 г. [19. Р. 5] Возрастающая неприязнь к оппоненту стала одним из определяющих факторов процесса передачи власти.

Можно заключить, что Акт об управлении Индией 1919 г. способствовал формированию на территории субконтинента западных политических институтов, слабо работающих сначала, но начавших быстро развиваться после 1947 г. Создание двухпалатного законодательного органа, организация первых выборов и даже образование «протопартий» – все это стало следствием реформ. Кроме того, Акт 1919 г. активизировал политическую жизнь Индии, но не в позитивных терминах, создав индийцам стимул к управлению своей страной, а в негативных. Большая часть индийцев восприняла его как неадекватную по отношению к реальным нуждам и ожиданиям меру. Ситуация осложнялась тем, что послевоенное поколение руководителей

ИНК было больше настроено на борьбу, чем на сотрудничество [20. Р. 423]. Акт стал источником раскола сначала ИНК, от которого откололись Партия свараджа и либералы, а затем и раскола мусульманской и немусульманской общин Индии, он же поделил прежде неорганизованную политическую элиту Индии на сторонников сотрудничества с британцами в рамках созданных законодательных органов и сторонников борьбы за независимость вне стен законодательных собраний. Не представляются случайным совпадение моментов принятия Акта 1919 г., начала процесса передачи власти и роста национальной борьбы, так же как и роста неприязни как по отношению к британцам, так и по отношению индийских общин друг к другу. В ходе активизации политической жизни Индии, формирования партий, поляризации оценок окружающей социальной реальности и кристаллизации общественного мнения субконтинента по разнообразным вопросам политической жизни страны, а также в процессе создания стройной, хотя и неэффективной, политической системы органов государственного управления, подразумевающей наличие представительных органов власти, выборов и начало федерализации, между колонизаторами и колонизованными начинает складываться та система взаимоотношений, которая получила название «передача власти» и которая оказала воздействие как на судьбу Индии, так и на судьбу Британской Империи. Таким образом, Акт об управлении Индией 1919 г. запустил процесс передачи властных полномочий по управлению своей страной коренному населению Индии при сохранении на субконтиненте суверенитета британской короны, против которого действовало набирающее силу национальное движение.

ЛИТЕРАТУРА

1. Whyte F. Political Evolution in India // Foreign Affairs. 1926. Vol. 4, № 2. P. 223–236.
2. Антонова К.А. Новая история Индии. М. : Изд-во вост. лит., 1961. 834 с.
3. Пегушев А.М. Британская империя в XX веке. М. : Ин-т всеобщей истории РАН, 2010. 296 с.
4. Mitra H.N. The Govt. of India Act 1919: Rules Thereunder and Govt. Reports, 1920. Published by Mitra H.N., 1921. 328 p.
5. Stuart G.H. Home Rule for India // The American Political Science Review. 1919. Vol. 13, № 2. P. 301–305.
6. Marquess of Reading. The Progress of Constitutional Reform in India // Foreign Affairs. 1933. Vol. 11, № 4. P. 609–620.
7. Юрлов Ф.Н., Юрлова Е.С. История Индии. XX век. М. : Ин-т востоковедения РАН, 2010. 920 с.
8. Kulke H., Rothermund D. A History of India. London : Routledge, 1998. 406 p.
9. Elangovan A. Constitutionalism, political exclusion, and implications for Indian constitutional history: the case of Montagu Chelmsford reforms (1919) // South Asian History and Culture. 2016. Vol. 7, № 3. P. 271–288.
10. Sundaram, Lanka. The International Status of India. Transactions of the Grotius Society. Vol. 17, 1931. P. 35–54.
11. Patabhi Sitaramayya B. History of the Indian National Congress. Delhi : S. Chand, 1935. 1201 p.
12. Houghton B. Reform in India // Political Science Quarterly. 1920. Vol. 35, № 4. P. 545–554.
13. Seal A. Imperialism and Nationalism in India // Modern Asian Studies. 1973. Vol. 7, № 3. P. 321–347.
14. Chaudhuri, A.K. Control, Politics and Perspective of a State Legislature // The Indian Journal of Political Science. 1993. Vol. 54, № 1. P. 86–107.
15. 1922: Gandhi is sentenced to jail // International Herald Tribune. 2016. 18th March. URL: http://iht-retrospective.blogs.nytimes.com/2016/03/18/1922-gandhi-is-sentenced-to-jail/?_r=0 (accessed: 12.02.2017).
16. De R. The Oxford Handbook of the Indian Constitution. Oxford : Oxford University Press, 2016. 24 p.
17. Егорова М.Н. Об образовании партии свараджистов // Индия: проблемы истории национального движения и современного политического развития. М. : Наука, 1980. 262 с.
18. Houghton B. The Federation of India // Political Science Quarterly. 1919. Vol. 34, № 2. P. 226–236.
19. Smith R.T. The Role of India's "Liberals" in the Nationalist Movement, 1915–1947 // Asian Survey. 1968. Vol. 8, № 7. 12 p.
20. Brown J.M. The Oxford History of the British Empire. Oxford : Oxford University Press, 1999. Vol. IV: The Twentieth Century. 773 p.

Shkitin Dmitry I. National Research Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: shkitindmitry@gmail.com

GOVERNMENT OF INDIA ACT, 1919 AND ESTABLISHMENT OF INDIAN LEGISLATURES AS THE BEGINNING OF 'TRANSFER OF POWER' IN BRITISH EMPIRE

Keywords: Government of India Act 1919; transfer of power; British Raj; decline of the British Empire.

The article examines influence of the Government of India Act 1919 on the reorganization of legislatures in British India, as well as the following change in the character of relations between the Indian national movement and colonial administration. The main research tasks are: 1) to look through the above mentioned Act and to compare the situation before and after its adoption; 2) to define the main changes in the legislative branch of power in British India according to the Act; 3) to point out predominant Indian parties of the considered period; 4) and finally to depict the difference in the parties attitude to the official colonial administration after the reforms were brought to life. To attain the settled goals there were mostly used comparative method as well as the classic narrative one. The Government of India Act 1919 itself was used as the main source of the research. Relevant to the Act legal information introduced in the book of Mitra H.N. "The Govt. of India Act 1919: Rules Thereunder and Govt. Reports, 1920" was very useful as well. Some articles published in the "Foreign Affairs" journal, including Viceroy Reading's article "The Progress of Constitutional Reform in India", delivers opinion of the English on the question observed.

Some conclusions were made after the completion of the research. The 1919 Act defined state structure and political institutes of India: bicameral parliamentary system in the centre and the provinces, establishment of diverse political parties and elections. Lately these elements of sovereign state developed in independent India. The Act encouraged national political activity in its negative and disruptive sense. In spite of initial purpose of the British to involve the national Indian elite into the governing process, a reverse reaction of the indigenous population came into being, and the first civil disobedience company led by M. K. Gandhi had been launched. Substantially the Indians considered the Act as an inadequate measure to the then circumstances. The whole situation become more complicated due to the loyal liberal wing of Indian parties was too weak to pledge their support to the government. On the contrary Indian National Congress after its session in Nagpur gained wide popular support and, thus, the ability effectively confront the central government in New Delhi. The Swaraj party turned out to be the only compromise power which accepted the new rules of the game. Nevertheless, the Swarajists entered the renewed legislatures to fight for freedom legally within its walls. Both the dramatic change of the governing scheme of India and precedent of legal activity of the Swarajists within new constitutional framework introduced prerequisites for the transfer of power on the Indian subcontinent. Since 1919 the model of interrelation between the colony and the United Kingdom became ambivalent. The national movement was armed with logic of liberation struggle while London started to develop gradually self-governing institutions in the subcontinent and at the same time utilize repressive methods for remaining status quo. The outcomes of the triggered dialogue were partly represented in the Government of India Act 1935 and the Constitution of India 1950.

REFERENCES

1. Whyte, F. (1926) Political Evolution in India. *Foreign Affairs*. 4(2). pp. 223–236.
2. Antonova, K.A. (1961) *Novaya istoriya Indii* [New History of India]. Moscow: Izd-vo vostochnoy literatury.
3. Pegushev, A.M. (2010) *Britanskaya imperiya v XX veke* [British Empire in the 20th century]. Moscow: Institute of Universal History, Russian Academy of Sciences.
4. Mitra, H.N. (1921) *The Govt of India Act 1919: Rules Thereunder and Govt. Reports, 1920*. Sibpur, Calcutta: H.N. Mitra.
5. Stuart, G.H. (1919) Home Rule for India. *The American Political Science Review*. 13(2). pp. 301–305.
6. Rufus Daniel Isaacs, 1st Marquess of Reading. (1933) The Progress of Constitutional Reform in India. *Foreign Affairs*. 11(4). pp. 609–620.
7. Yurlov, F.N. & Yurlova, E.S. (2010) *Istoriya Indii. XX vek* [History of India. The twentieth century]. Moscow: Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences.
8. Kulke, H. & Rothermund, R. (1998) *A History of India*. London: Routledge.
9. Elangovan, A. (2016) Constitutionalism, political exclusion, and implications for Indian constitutional history: the case of Montagu Chelmsford reforms (1919). *South Asian History and Culture*. 7(3). pp. 271–288. DOI: 10.1080/19472498.2016.1168094
10. Sundaram, L. (1931) The International Status of India. *Transactions of the Grotius Society*. 17. pp. 35–54.
11. Pattabhi Sitaramayya, B. (1935) *History of the Indian National Congress*. Delhi: S. Chand.
12. Houghton, B. (1920) Reform in India. *Political Science Quarterly*. 35(4). pp. 545–554.
13. Seal, A. (1973) Imperialism and Nationalism in India. *Modern Asian Studies*. 7(3). pp. 321–347. DOI: 10.1017/S0026749X00005266
14. Chaudhuri, A.K. (1993) Control, Politics and Perspective of a State Legislature. *The Indian Journal of Political Science*. 54(1). pp. 86–107.
15. *International Herald Tribune*. (2016) 1922: Gandhi is sentenced to jail. 18th March. [Online] Available from: http://iht-retrospective.blogs.nytimes.com/2016/03/18/1922-gandhi-is-sentenced-to-jail/?_r=0. (Accessed: 12th February 2017).
16. De, R. (2016) *The Oxford Handbook of the Indian Constitution*. Oxford: Oxford University Press.
17. Egorova, M.N. (1980) Ob obrazovanii partii svaradzhistov [On the formation of the Swaraj party]. In: Egorova, M.N. et al. *Indiya: problemy istorii natsional'nogo dvizheniya i sovremennogo politicheskogo razvitiya* [India: problems of the history of the national movement and modern political development]. Moscow: Nauka.
18. Houghton, B. (1919) The Federation of India. *Political Science Quarterly*. 34(2). pp. 226–236.
19. Smith, R.T. (1968) The Role of India's "Liberals" in the Nationalist Movement, 1915–1947. *Asian Survey*. 8(7).
20. Brown, J.M. (1999) *The Oxford History of the British Empire*. Vol. 4. Oxford: Oxford University Press.

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ «ГЕРМАНИЯ И РОССИЯ В XX–XXI ВЕКАХ: ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ ДИКТАТУРЫ И ДЕМОКРАТИИ (ПАМЯТИ ПРОФЕССОРА БЕРНДА БОНВЕЧА», КЕМЕРОВО, 25–27 ОКТЯБРЯ 2018 г.)

УДК 930.2:94(430)
DOI: 10.17223/19988613/57/4

Л.Н. Корнева

ПАМЯТИ УЧЕНОГО: ДОКТОР, ПРОФЕССОР БЕРНД БОНВЕЧ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЗАПАДНОСИБИРСКОГО ЦЕНТРА ГЕРМАНСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Анализируется роль немецкого историка Бернда Бонвеча в налаживании сотрудничества с западносибирскими учеными и преподавателями, в развитии изучения и преподавания истории Германии в вузах Западной Сибири. Рассматривается его деятельность в организации вместе с Ю.В. Галактионовым Западносибирского центра германских исследований, научных конференций, помощи в подготовке учебных пособий, повышении квалификации преподавателей, студентов и аспирантов Кемеровского, Томского, Алтайского государственных университетов.

Ключевые слова: Бернд Бонвеч; Юрий Владимирович Галактионов; Кемеровский университет; германо-российское сотрудничество историков; Германский исторический институт в Москве.

Личность немецкого профессора Бернда Бонвеча представляется знаменательной для российской исторической германистики. Как активный и творческий человек, как немецкий специалист по истории России, он инициировал в 90-е гг. XX – начале XXI в. сотрудничество между немецкими и российскими историками не только в Москве и Санкт-Петербурге, но и в других образовательных центрах – на Севере России, на Волге и Урале и, наконец, в Сибири.

Мне уже приходилось писать о личности и творческой деятельности профессора Б. Бонвеча [1. С. 91–110]. Задачей настоящей статьи является анализ сотрудничества профессора с историками Кемеровского университета и Западносибирского центра германских исследований и влияния этого сотрудничества на развитие исторической германистики в вузах Западной Сибири. Автор имел возможность изучить труды и выступления профессора на научных форумах, его воспоминания, вспомнить собственные встречи с профессором Б. Бонвечем в России и Германии, обсуждение совместных дел.

Девяностые годы XX столетия стали в России годами «открытых дверей» для активного сотрудничества российских гуманитариев со своими иностранными коллегами, когда в нашей стране были сняты идеологические препоны, в том числе и в области истории. Особый интерес к сотрудничеству проявили немецкие ученые, поскольку между Россией и Германией в XX в. накопилось достаточно проблем, которые требовали разрешения в духе объективности и диалога.

Возможностью свободного пребывания в России, доступом к открывавшимся в то время ранее недоступным архивам воспользовались и немецкие исто-

рики-слависты, сделавшие своей специальностью изучение истории восточных соседей Германии: стран Восточной Европы, Советского Союза и собственно России. К числу таких исследователей принадлежал и профессор Бернд Бонвеч. С 1980 до 2003 г. он возглавлял кафедру восточноевропейской истории Рур-университета (г. Бохум) в Германии, а затем в 2003 г. инициировал создание в Москве Германского исторического института (ГИИМ) и стал его первым директором [2].

К 90-м гг. XX в. Б. Бонвеч был уже сложившимся ученым – специалистом по Восточной Европе. Предметом его научных интересов стала в основном история императорской, советской и постсоветской России. Его перу принадлежат исследования в области экономических аспектов участия России в военно-политическом союзе Антанты, множество статей по внешней и внутренней политике России. В духе немецкой социально-критической школы им была опубликована монография по социальной истории России после отмены крепостного права и до революции 1917 г. [3–5].

Толчком для знакомства Бернда с историками Урала и Западной Сибири послужила одна из первых международных конференций с участием ученых из Германии, проводившаяся впервые не в центре России, а на периферии – в Уральском университете, в 1992 г. «Сам город, – вспоминал Бернд, – как раз год назад переименовался в Екатеринбург и открылся для иностранцев» [6. С. 8]. Конференция была посвящена Второй мировой войне, и доклад Бонвеча «Советские военнопленные между Сталиным и Гитлером» вызвал оживленную дискуссию, поскольку судьба военно-

пленных (и российских в Германии, и немецких в Советском Союзе) являлась белым пятном в советской историографии, да и в самой Германии эта проблематика тоже стала предметом исследования сравнительно поздно.

На этой конференции состоялось знакомство Бернда Бонвеча с томским исследователем истории Германии, доцентом старейшего в Сибири Томского университета Николаем Сергеевичем Черкасовым. К тому времени он был одним из ведущих историков-германистов за Уралом [7], подготовил ряд кандидатов наук – германистов, работавших на исторических кафедрах Томска, Новосибирска, Кемерова и Барнаула. По существу, это была уже сложившаяся под его руководством сибирская научная школа исторической германистики.

Одним из участников конференции был и Юрий Владимирович Галактионов – в то время заведующий кафедрой новой и новейшей истории Кемеровского университета (КемГУ) – специалист по историографии нацизма и тоже бывший аспирант Черкасова [8–10]. Именно с этой встречи началось сотрудничество Бонвеча с западносибирскими историками, длившееся практически до его кончины в октябре 2017 г.

На встрече в Екатеринбурге Н.С. Черкасов и Ю.В. Галактионов пригласили Бонвеча посетить университеты Томска и Кемерова, познакомить студентов и преподавателей с организацией исторического образования в Германии. Ранняя смерть Н.С. Черкасова (1993) помешала развитию активного сотрудничества с ТГУ, а целенаправленная деятельность Ю.В. Галактионова сделала исторический факультет Кемеровского университета центром тесного взаимодействия сибирских и немецких историков. Начало было положено осенью 1993 г., когда по инициативе Галактионова и по приглашению руководства университета профессор Бонвеч в течение месяца читал студентам цикл лекций по истории России и Германии. О своем настроении по поводу поездки в Сибирь Бонвеч писал тогда: «...в конце августа 1993 г. с тяжелым багажом и легкой боязнью я собрался в неизвестное» [6. С. 10]. Знакомство с университетом, преподавателями и студентами прошло вполне благополучно.

За этим событиями последовали первые научные стажировки в Германии у Бонвеча на кафедре восточноевропейской истории в Рур-университете, поддерживаемые Немецкой службой академического обмена (ДААД). Занятия в немецких архивах и библиотеках помогли завершить работу над докторскими диссертациями профессору Ю.В. Галактионову, а позднее – и мне. Мы, уже к этому времени длительно работавшие в сфере немецкой истории и историографии, впервые получили возможность прямого общения с ведущими специалистами по истории Германии, творческого диалога и консультаций.

Знакомство Бернда Бонвеча с ректором КемГУ профессором Юрием Александровичем Захаровым привело к мысли о заключении договора о сотрудничестве между КемГУ и Рур-университетом. Популярная во второй половине 1990-х гг. идея прямого международного сотрудничества университетов была подхвачена ректоратом, и с 1998 по 2002 г. договор был

приведен в действие. Он облегчал взаимный обмен студентами, аспирантами, преподавателями в области научной и учебной деятельности. Особенно плодотворным такое сотрудничество оказалось для историков кафедры новой и новейшей истории (ныне кафедра всеобщей истории и социально-политических наук), для тех студентов и аспирантов, кто был намерен профессионально заниматься историей Германии. За период начального сотрудничества и его продолжения в последующие годы на кафедре были подготовлены 4 докторские и 4 кандидатские диссертации.

Сотрудничество Галактионова и Бонвеча не ограничилось взаимодействием только двух университетов. У них возникла идея написать для нужд российского образования основательный вузовский учебник по истории Германии с древнейших времен до наших дней, учитывая, что подобного обобщающего издания не было ни в Советском Союзе, ни в новой России. Для его подготовки было решено использовать учебно-научный потенциал не только кемеровских, но и других сибирских историков.

В этой связи назрело создание некоей региональной организации, инициаторами которого и стали два профессора. Так в 1999 г. родился Западносибирский центр германских исследований. В ЗСЦГИ вошли ученые и преподаватели вузов четырех областных городов Западной Сибири: Кемерова, Барнаула, Новосибирска и Томска. Делегаты западносибирских университетов единодушно избрали председателем Центра профессора Ю.В. Галактионова. При создании творческого объединения было решено основать издательскую серию «Германские исследования в Сибири», в рамках которой в последующем публиковались сборники статей, материалы конференций, библиография и др. К настоящему времени вышел 9-й выпуск названной серии и готовится к публикации следующий [11].

В 2000 г. было получено согласие немецкого фонда Volkswagenstiftung финансировать проект ЗСЦГИ о трехтомном учебном пособии в рамках программы фонда «Совместные пути в Европу». Двенадцать соавторов учебника получили возможность стажировок в Германии для изучения и подбора источников, знакомства с новейшей немецкой литературой.

Инициаторы проекта Ю.В. Галактионов и Б. Бонвеч писали, что в ходе разработки концепции учебника по истории Германии авторы «...исходили из того, что это должно быть качественно новое учебное пособие XXI века... понимали, что новое качество возможно получить, только используя новейшие достижения мировой, в первую очередь немецкой, исторической науки, изучив максимально возможное количество документов...» [12. С. 6]. В ходе подготовки издания было проведено четыре авторских конференции, в рамках которых авторы обсуждали концепцию и структуру учебника, конспекты глав. К их рецензированию Бонвеч привлек группу немецких историков – специалистов по древней, средневековой, новой и новейшей истории. Среди них были профессора и преподаватели различных вузов Германии, например Норберт Фрай, Кристиан Янзен, Михаэль Франк, Юлия Обертрайс и др. С российской стороны Ю.В. Галактионов также при-

общил к обсуждению учебника ведущих ученых-германистов и преподавателей вузов, таких как Б.М. Туполев, М.А. Бойцов, А.В. Доронин, А.И. Борзняк, М.Е. Ерин и др.

Главным центром подготовки учебника стали кафедры Средних веков и Новой и новейшей истории КемГУ, основная организаторская работа легла на плечи их преподавателей, методистов, технических работников и, конечно, на Ю.В. Галактионова. Большую помощь оказывали студенты старших курсов. Аспиранты, принимая активное участие в подборе документов, переводах, сами входили в большую науку, стажировались в Германии, защитили диссертации и стали новым поколением преподавателей – специалистов своего дела. В целом следует подчеркнуть, что без тесного тандема Галактионов–Бонвеч проект не смог бы осуществиться. В 2005 г. трехтомник был напечатан издательством «Кузбассвузиздат», а затем, получив статус всероссийского учебника, в 2008 г. был переиздан в Москве, в издательстве «Российские университеты» [13].

Другим важным направлением работы Западносибирского центра стало проведение международных научных конференций в кооперации с немецкими и отечественными специалистами по России и Германии. Задачами этих конференций стало углубление знаний ученых о Германии и России по особенно актуальным для того времени и для двух стран историческим темам: проблематика тоталитаризма, германороссийских путей к демократии, а также Второй мировой войны. Исследовательский интерес к названным темам был порожден активной дискуссией в историографии 1990-х гг. о сущности тоталитаризма, границах применения этого термина к анализу диктатур XX в. [подробнее см.: 14. С. 53–75].

Поводом к совместному осмыслению названных проблем послужило 10-летие объединения Германии, а также возможность, как писал Бонвеч, «в сравнительной перспективе осмыслить пути его (тоталитаризма. – Л.К.) преодоления» [15. С. 5]. При этом Бонвеч напоминал, что при существовании множества различий объединенной посттоталитарной Германии и постсоветской России «между ними прослеживаются также структурные параллели и сходства» [Там же. С. 5].

Большой интерес представляли выступления немецких ученых о роли историков, политических деятелей, юристов Германии в разнохарактерном «преодоления нацистского прошлого»: идейном, юридическом, историографическом, в увековечении жертв нацизма. Многие знания на этот счет доставили немецкие профессора Ханс-Хайнрих Нольте, Норберт Фрай, Гюнтер Хайдеман, Юрген Царуски и др. При этом профессор Бонвеч, сравнивая пути «преодоления прошлого» в Германии и России, указывал на прерывистый, непрямой путь преодоления наследия сталинизма в Советском Союзе–России [Там же. С. 112–113].

На последующих конференциях с участием ученых двух стран были осмыслены вопросы влияния менталитета нации на формирование тоталитарного сознания, роль политического насилия, политической культуры, а также переломных исторических событий в жизни России и Германии [16–19]. На одной из конференций,

проведенной на базе Томского отделения «Запсиба», в исторической ретроспективе были обсуждены причины разрушения и условия возрождения этих стран: сходства и различия [20].

В ЗСЦГИ взаимодействовали не только сибирские и немецкие ученые. Активными в совместной работе с Центром были и являются до настоящего времени коллеги-историки из университетов и академических учреждений Москвы, Ярославля, Иванова, Череповца, Воронежа, Екатеринбургa, Волгограда и других городов.

Деятельность Бернда Бонвеча, конечно, не исчерпывалась взаимодействием только с историками Западной Сибири. В 2003 г. началась его огромная и трудная работа по организации Германского исторического института в Москве, директором-основателем которого он и стал. Бернд, как и мы, горько сожалел о преждевременном уходе из жизни Ю.В. Галактионова – председателя ЗСЦГИ, его соратника и товарища. Это случилось в 2005 г., вскоре после презентации трехтомного учебного пособия по истории Германии.

Несмотря на занятость делами ГИИМа, Бонвеч не забывал о существовании нашего Центра и всячески поддерживал его начинания. Запомнившейся всем ее участникам стала, например, «школа» 2006 г. для университетских исследователей и преподавателей истории Германии, в центре внимания которой оказались проблемы взаимоотношений власти и общества, формирования политической культуры и гражданского общества. Для проведения «школы» Бонвеч пригласил ряд немецких специалистов по средневековой, новой и новейшей истории Германии. В течение нескольких дней в двух секциях «школы» – средневековой и новейшей истории – бурно обсуждались прямые и извилистые пути развития этой страны и ее взаимодействие с соседями.

Вслед тематике «школы» в 2008 г. в Кемерове состоялась международная конференция по теме «Политическая культура в истории Германии и России: зарождение партий и формирование партийно-политической системы». На примерах германской и российской действительности дискутировались проблемы сходства и различия в политической культуре и парламентских традициях двух стран. Актуальность обсуждения проблем зарождения и функционирования партийно-политической системы вышла на новый уровень в XXI в., так как на Западе и в России продолжают возникать новые политические течения и партии, отражающие изменения в этносоциальном и политико-идеологическом пространствах современных государств.

Хотелось бы также отметить заслуги Бонвеча в репреподготовке квалифицированных кадров для кафедры зарубежной истории КемГУ. Известно, что российским историкам зарубежья приходится преодолевать дополнительные трудности: языковые и организационные. И в их преодолении огромную роль сыграла кафедра, возглавляемая Бонвечем. Через немецкую службу академических обменов ДААД около 20 студентов и аспирантов Кемеровского университета получили возможность научной стажировки в Рур-университете, смогли ознакомиться с организацией

учебного процесса, активно участвовали в коллоквиумах, проходивших на кафедре, во встречах со студентами и научными сотрудниками, а также расширили свой кругозор в сфере культуры Германии и Европы.

В рамках ЗСЦГИ в 2010-е гг. (правда, менее интенсивно) продолжалось сотрудничество с ГИИМом. Совместно с Томским государственным университетом в 2011 г. был проведен коллоквиум по современной истории Германии с выступлением профессора Университета Йены Норберта Фрая, а также совместно с фондом Фридриха Эберта в России – презентация немецкой политической энциклопедии.

ГИИМ решил также организационно и финансово поддержать идею «записовцев» по написанию второй совместной работы – учебника по социальной истории Германии – страны, которая была локомотивом социальной деятельности в XX в. Для сбора материалов группа авторов выехала в командировку в университеты Германии на кафедры профессоров Й. Шолтисека (Бонн), Н. Фрая (Йена), Б. Физелера (Дюссельдорф). В результате напряженной работы в 2014 г. было опубликовано написанное по новым стандартам качественное учебное пособие, наполненное документами, иллюстрациями, отрывками из различных воспоминаний, с комментариями и вопросами для студентов, которое в настоящее время активно используется в учебном процессе [21].

Прошло почти 20 лет с момента создания Западно-сибирского центра германских исследований. Ушли из жизни его «отцы-основатели» Юрий Владимирович Галактионов, Бернд Бонвеч, наши барнаульские коллеги профессора Евгений Павлович Глушанин, Анатолий Ефимович Глушков. Светлая им память!

В последние годы общественное объединение историков-специалистов по Германии переживает серьезные трудности. Они связаны с разными причинами: падением престижа немецкого языка среди студентов; ослаблением внимания отечественных грантодателей к потребностям изучения зарубежной истории, в результате которого формируется финансовая зависимость от зарубежных грантодателей. Не самым положительным образом на научную работу в вузах влияют перманентное реформирование системы высшего образования последнего десятилетия и лихорадочные его структурные перестройки, постоянное увеличение учебной нагрузки на преподавателей, в результате чего все меньше времени остается на осмысление направлений научного поиска.

Тем не менее члены Западно-сибирского центра германских исследований нашли возможность провести международную научную конференцию памяти искреннего друга России – Бернда Бонвеча. Несмотря на смертельную болезнь последних лет, он словом и делом помогал сохранению российско-германского сотрудничества, в том числе в рамках деятельности Западно-сибирского центра.

Конференция состоялась 25–27 октября 2018 г. в Кемеровском государственном университете. Она была посвящена проблеме, которая волновала ученого и стала отправной точкой исследователей Западно-сибирского центра, – проблеме осмысления исторического опыта диктатуры и демократии в Германии и России в XX–XXI вв. В ней приняли участие историки-преподаватели вузов Западной Сибири, Брянска, Череповца, Волгограда, Архангельска, Липецка, Воронежа, ученые из научных организаций Москвы, немецкие доктора истории (Гамбург, Мюнхен), все те центры исторической германистики, с которыми активно сотрудничал Бернд Бонвеч.

В центре внимания исследователей оказались вопросы взаимодействия власти и общества, государства и отдельных групп населения, личности и власти в условиях авторитарно-тоталитарной и либерально-демократической систем. Хронологические рамки темы конференции позволили представить достаточно широкий спектр докладов. Их тематика охватывала вопросы влияния мировых войн и их последствий на судьбы Германии и России, исторических и современных этноконфессиональных и миграционных факторов, в том числе судьбы военнопленных с обеих сторон. В выступлениях участников конференции рассматривались положение партий и их взаимоотношения с государством, анализировались проблемы повседневной жизни в России и Германии. Материалы многих докладов закрывали белые пятна истории, разрушали сложившиеся стереотипы и часто употребляемые клише, влияя на формирование исторического знания и сознания. Несколько докладов было посвящено научной и организаторской деятельности самого профессора [22. С. 3–4].

Для блага российско-германского сотрудничества в сфере исторической науки и образования участники конференции выразили надежду на сохранение сложившихся традиций западно-сибирской научной школы исторической германистики, заложенных доцентом Н.С. Черкасовым и развитых профессорами Ю.В. Галактионовым и Берндом Бонвечем.

ЛИТЕРАТУРА

1. Корнева Л.Н. История России и Германии в судьбе немецкого ученого // *Historia Provinciae* – журнал региональной истории. 2018. Т. 2, № 2.
2. Deutsches Historisches Institut. URL: <https://www.dhi-moskau.org/de/institut/mitarbeiter-innen/ehemalige-mitarbeiter.html>
3. Bonwetsch B. *Kriegsallianz und Wirtschaftsinteressen. Die Stellung Rußlands in den Wirtschaftsplänen Englands und Frankreichs 1914–1917*. Düsseldorf, 1973.
4. Bonwetsch B. *Kalter Krieg als Innenpolitik. Zu innenpolitischen Bedingungen des Ost-West-Konflikts nach 1945* // *Stadtverfassung, Verfassungsstaat, Pressepolitik* / F. Quarthal, W. Setzler (Hg.). Sigmaringen, 1980. S. 230–249.
5. Bonwetsch B. *Die russische Revolution 1917. Eine Sozialgeschichte von der Bauernbefreiung 1861 bis zum Oktoberumsturz*. Darmstadt, 1991.
6. Бонвеч Б. *Немецко-русское сотрудничество. В память Юрия Галактионова* // *Национал-социализм в Германии: проблемы изучения и преодоления* : избранные труды. Кемерово : Кузбассвузиздат, 2006.
7. Черкасов Н.С. *О германском фашизме и антифашистском Сопротивлении* : избранные труды. Томск : Изд-во Ин-та оптики и атмосферы СО РАН, 2006. 422 с.
8. Галактионов Ю.В., Корнева Л.Н., Черкасов Н.С. *Марксистская историография германского фашизма* : учеб. пособие. Кемерово : КемГУ, 1988. 83 с.

9. Галактионов Ю.В. Германский фашизм в зеркале историографии 20–40-х гг. Новое прочтение. Кемерово : Кузбассвуиздат, 1996. 172 с.
10. Галактионов Ю.В. Национал-социализм в Германии: проблемы изучения, пути преодоления : избранные труды. Кемерово : Кузбассвуиздат, 2006. 166 с.
11. Германия. Государство, общество, человек : сб. науч. ст. / отв. ред. Л.Н. Корнева. Кемерово : Кузбассвуиздат, 2015. 288 с.
12. История Германии : учеб. пособие для студентов вузов : в 3 т. / Западносибирский центр германских исследований / под общ. ред. Б. Бонвеча, Ю.В. Галактионова. Кемерово : Кузбассвуиздат, 2005.
13. История Германии : учеб. пособие : в 3 т. / под общ. ред. Б. Бонвеча, Ю.В. Галактионова. М. : КДУ, 2008. Т. 1: С древнейших времен до создания Германской империи; Т. 2: От создания Германской империи до начала XX века; Т. 3: Документы и материалы.
14. Корнева Л.Н. Германская историография национал-социализма: проблемы исследования и тенденции современного развития (1985–2005). Кемерово : Кузбассвуиздат, 2007. 275 с.
15. Германия и Россия в XX веке: две тоталитарные диктатуры, два пути к демократии : материалы междунар. науч. конф. (Кемерово, 19–22 сентября 2000 г.). Кемерово, 2001. 500 с. (Германские исследования в Сибири).
16. Тоталитарный менталитет: проблемы изучения, пути преодоления : материалы междунар. науч. конф. (Кемерово, 18–20 сентября 2001 г.). Кемерово, 2003. 506 с. (Германские исследования в Сибири. Вып. 3).
17. Вторая мировая война: уроки истории для Германии и России : материалы междунар. науч. конф. (Кемерово, 23–25 сентября 2005 г.). Кемерово ; М. : Российские университеты, 2006. 431 с. (Германские исследования в Сибири. Вып. 4).
18. Политическое насилие в исторической памяти Германии и России : сб. науч. ст. Кемерово : Кузбассвуиздат, 2007. 736 с. (Германские исследования в Сибири. Вып. 5).
19. Политическая культура в истории Германии и России : сб. науч. ст. Кемерово : Кузбассвуиздат, 2009. 539 с. (Германские исследования в Сибири. Вып. 6).
20. Разрушение и возрождение в истории Германии и России : сб. ст. междунар. науч. конф. (Томск, 23–25 сентября 2009 г.). Томск : Изд-во Том. ун-та, 2010. 550 с. (Германские исследования в Сибири. Вып. 7).
21. Социальная политика и социальное государство в Германии : учеб. пособие / Л.Н. Корнева (отв. ред.) [и др.]. Кемерово : Кузбассвуиздат, 2014. 455 с.
22. Германия и Россия в XX–XXI веках: исторический опыт диктатуры и демократии (памяти профессора Бернда Бонвеча) : программа междунар. конф. Кемерово, Кемеровский университет, 25–27 октября 2018 г. 12 с.

Korneva Lidiya N. Kemerovo State University (Kemerovo, Russia). E-mail: korneva_21@mail.ru

IN MEMORY OF THE SCHOLAR: DOCTOR, PROFESSOR BERND BONWETSCH AND THE ACTIVITIES OF THE WEST SIBERIAN CENTER FOR GERMAN STUDIES

Keywords: Bernd Bonwetsch; Yu.V. Galaktionov; Kemerovo State University; German-Russian cooperation of historians; West Siberian Center for German Studies; German Historical Institute in Moscow.

In Russia, the 1990s were the years of 'open doors' in terms of the active cooperation of Russian researchers in humanities with their foreign counterparts. German scholars showed special interest in this cooperation due to the fact that in the 20th century there were enough problems between Russia and Germany that called for objective resolution by means of dialogue. Professor Bernd Bonwetsch, an expert in the Russian history, was one of such researchers. From 1980 to 2003, he headed the Department of East European History at Ruhr-University (Bochum) in Germany. In 2003, he initiated the creation of the German Historical Institute (GIIM – DHI) in Moscow and became its first director.

The purpose of the article is to show the development of the cooperation of the professor with historians of Kemerovo University and the West Siberian Center for German Studies (ZSTsGI), and the impact it had on the development of German historical studies in the universities of Western Siberia. The author refers to the works and speeches of the professor, his memoirs, publications of the ZSTsGI, and to the experience of meetings and discussions of joint activities in Russia and Germany.

At one of the international conferences, Bernd Bonwetsch met Yury V. Galaktionov, head of the Department of Modern and Contemporary History of Kemerovo State University, an expert in the contemporary history of Germany. On the initiative of Galaktionov and Bonwetsch in 1999, the interregional public association West Siberian Center for German Studies was created. ZSTsGI united researchers and educators specializing in German studies from four universities in Western Siberia: Kemerovo, Tomsk, Barnaul, and Novosibirsk. The goals of the association were to optimize German research in the West Siberian region, to promote the improvement of the level researcher competence in German history among university teachers, etc.

With the assistance of Bernd Bonwetsch and the financial support of the Volkswagenstiftung Foundation, historians of the West Siberian Center published the first in Russia fundamental 3-volume textbook "History of Germany from Ancient Times to the Present Day. With documents, materials, illustrations". B. Bonwetsch and Yu.V. Galaktionov involved leading historians of Germany and Russia in the discussion and review of the concept and the structure of the textbook. Later, collective efforts of Western Siberian historians with the assistance of Bernd Bonwetsch resulted in publication of the second textbook "Social Policy and the Social State in Germany". A number of international scientific conferences were held on the ZSTsGI platform and in cooperation with experts in the Russian history devoted to historical issues most urgent for the two countries: the problems of totalitarianism, the German-Russian paths to democracy, and World War II.

More than twenty lecturers, undergraduates and post-graduate students underwent a research internship at the department headed by B. Bonwetsch at Ruhr University. During the period of active cooperation with the professor (2000–2015), 4 doctoral and 6 candidate theses focused on the history of Germany were defended at the Department of Contemporary History of Kemerovo University.

REFERENCES

1. Korneva, L.N. (2018) The history of Russia and Germany in the destiny of the German academic. *Historia Provinciae – zhurnal regional'noy istorii – Historia Provinciae – the Journal of Regional History*. 2(2). pp. 86–103. (In Russian). DOI: 10.23859/2587-8352-2018-2-2-5
2. Deutsches Historisches Institut. (n.d.) *Deutsches Historisches Institut* [German Historical Institute]. [Online] Available from: <https://www.dhi-moskau.org/de/institut/mitarbeiter-innen/ehemalige-mitarbeiter.html>.
3. Bonwetsch, B. (1973) *Kriegsallianz und Wirtschaftsinteressen. Die Stellung Rußlands in den Wirtschaftsplänen Englands und Frankreichs 1914–1917* [War Alliance and economic interests. The position of Russia in the economic plans of England and France 1914–1917]. Düsseldorf: Bertelsmann-Univ.-Verl.
4. Bonwetsch, B. (1980) Kalter Krieg als Innenpolitik. Zu innenpolitischen Bedingungen des Ost-West-Konflikts nach 1945 [Cold war as domestic policy. On Domestic Political Conditions of the East-West Conflict after 1945]. In: Quarthal, F. & Setzler, W. (eds) *Stadtverfassung, Verfassungsstaat, Pressepolitik* [City Constitution, Constitutional State, Press Policy]. Sigmaringen: Thorbecke. pp. 230–249.

5. Bonwetsch, B. (1991) *Die russische Revolution 1917. Eine Sozialgeschichte von der Bauernbefreiung 1861 bis zum Oktoberumsturz* [The Russian Revolution 1917. A social history from the peasant liberation in 1861 to the October revolution]. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft.
6. Bonwech, B. (2006) *Nemetsko-russkoye sotrudnichestvo. V pamyat' Yuriya Galaktionova* [German-Russian cooperation. In memory of Yuri Galaktionov]. In: Galaktionov, Yu.V. *Natsional-sotsializm v Germanii: problemy izucheniya i puty preodoleniya: Izbrannye trudy* [National Socialism in Germany: Problems of Studying and Overcoming: Selected Works]. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat.
7. Cherkasov, N.S. (2006) *O germanskom fashizme i antifashistskom Soprotivlenii: Izbrannye trudy* [About the German fascism and anti-fascist Resistance: Selected works]. Tomsk: Institute of Optics and Atmosphere, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences.
8. Galaktionov, Yu.V., Korneva, L.N. & Cherkasov, N.S. (1988) *Marksistskaya istoriografiya germanskogo fashizma* [The Marxist historiography of German fascism]. Kemerovo: Kemerovo State University.
9. Galaktionov, Yu.V. (1996) *Germanskiy fashizm v zerkale istoriografii 20- 40-kh gg. Novoe prochtenie* [German fascism in the mirror of the historiography of the 1920-40s. New interpretation]. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 1996, 172 s.
10. Galaktionov, Yu.V. (2006) *Natsional-sotsializm v Germanii: problemy izucheniya i puty preodoleniya: Izbrannye trudy* [National Socialism in Germany: Problems of Studying and Overcoming: Selected Works]. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat.
11. Korneva, L.N. (ed.) (2015) *Germaniya. Gosudarstvo, obshchestvo, chelovek* [Germany. State, society, person]. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat.
12. Bonwech, B. & Galaktionov, Yu.V. (eds) (2005) *Istoriya Germanii* [History of Germany]. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat.
13. Bonwech, B. & Galaktionov, Yu.V. (eds) (2008) *Istoriya Germanii* [History of Germany]. Moscow: KDU.
14. Korneva, L.N. (2007) *Germanskaya istoriografiya natsional-sotsializma: problemy issledovaniya i tendentsii sovremennogo razvitiya (1985–2005)* [German historiography of national socialism: problems of research and trends of modern development (1985–2005)]. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat.
15. Bonwech, B. & Galaktionov, Yu.V. (eds) (2001) *Germaniya i Rossiya v XX veke: dve totalitarnye diktatury, dva puti k demokratii* [Germany and Russia in the twentieth century: two totalitarian dictatorships, two ways to democracy]. Proc. of the International Conference. Kemerovo. September 19–22, 2000. Kemerovo: Kemerovo State University.
16. Bonwech, B. & Galaktionov, Yu.V. (eds) (2003) *Totalitarnyy mentalitet: problemy izucheniya, puti preodoleniya* [Totalitarian mentality: problems of studying, ways of overcoming]. Proc. of the International Conference. Kemerovo. September 18–20, 2001. Kemerovo: [s.n.].
17. Galaktionov, Yu.V. et al. (eds) (2006) *Vtoraya mirovaya vojna: uroki istorii dlya Germanii i Rossii* [The Second World War: History Lessons for Germany and Russia]. Proc. of the International Conference. Kemerovo. September 23–25, 2005. Kemerovo; Moscow: Rossiyskie universitety.
18. Akibova, T.V. (ed.) (2007) *Politicheskoe nasilie v istoricheskoy pamyati Germanii i Rossii* [Political violence in the historical memory of Germany and Russia]. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat.
19. Korneva, L.N. & Vasyutin, S.A. (eds) (2009) *Politicheskaya kul'tura v istorii Germanii i Rossii* [Political culture in the history of Germany and Russia]. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat.
20. Korneva, L.N. & Rumyantsev, V.P. (eds) (2010) *Razrushenie i vozrozhdenie v istorii Germanii i Rossii* [Destruction and Revival in the History of Germany and Russia]. Proc. of the International Conference. Tomsk. September 23–25, 2009. Tomsk: Tomsk State University
21. Korneva, L.N. (ed.) (2014) *Sotsial'naya politika i sotsial'noe gosudarstvo v Germanii* [Social policy and the welfare state in Germany]. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat.
22. Kemerovo State University. (2018) *Germaniya i Rossiya v XX–XXI vekakh: istoricheskiy opyt diktatury i demokratii (pamyati professora Bernda Bonvecha)* [Germany and Russia in the 20th – 21st centuries: Historical experience of dictatorship and democracy (in memory of Professor Bernd Bonwech)]. Programm of the International Conference. Kemerovo. October 25–27, 2018.

УДК 94(930): 329.17
DOI: 10.17223/19988613/57/5

А.Н. Антонов

НЕОНАЦИСТСКИЕ ДВИЖЕНИЕ И ИДЕОЛОГИЯ В СОВРЕМЕННОЙ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ГЕРМАНИИ

Рассмотрен современный неонацизм ФРГ. Целью работы стало комплексное изучение этой проблемы. Выделены наиболее распространенные формы проявления неонацизма в виде группировок и организаций. Вкратце изучена история появления так называемых «свободных товариществ» и «автономных националистов», а также проанализировано основное содержание их мировоззрения, выделены особенности. Рассмотрены причины и факторы, влияющие на рост национализма в Германии.

Ключевые слова: неонацизм; национализм; расизм; «товарищества»; «автономные националисты»; Германия.

Правые силы стали повседневным явлением в современной Германии. Новости из разных источников информации о прошедших маршах, митингах или беспорядках, нападениях на мигрантов и беженцев, а также на пункты их размещения, стали обыденными. Данные преступления совершаются в основной своей массе правыми радикалами и экстремистами разных мастей, среди которых наиболее агрессивными и жестокими считаются неонацисты.

Совсем недавно завершился судебный процесс по делу Национал-социалистического подполья (НСП). В НСП состояли: Беата Цшепе, Уве Бёрнхард, Уве Мундлос и др. На их счету не менее 10 убийств, ограбления, теракты и т.д. Сама группа была раскрыта еще в ноябре 2011 г. Судебный же процесс длился с 2014 по 2018 г. На скамье подсудимых была Беата Цшепе и ее сообщники из НСП. Уве Бёрнхард и Уве Мундлос не предстали перед судом, так как покончили с собой еще до того, как их сообщница Цшепе была задержана полицией. 11 июля 2018 г. Цшепе приговорили к пожизненному заключению, а других подсудимых осудили на сроки от 3 до 10 лет тюрьмы [1].

На сегодняшний день существует ряд схожих точек зрения на то, что стоит называть неонацизмом в современной Германии. Согласно критериям Федерального агентства по гражданскому политическому воспитанию, к неонацистским относятся «объединения и действия внутри правого экстремизма, для которых характерной чертой является признание себя сторонниками идеологии национал-социализма и построения тоталитарного вождистского государства по примеру Третьего рейха. Неонацистский спектр определяется ориентацией на нацистскую идеологию... в разных вариациях. Как официально известно, большая часть неонацистов, как и ранее, является сторонниками “Третьего рейха” как “идеального государственного порядка”. В то же время у некоторой части неонацистской среды политика Адольфа Гитлера рассматривается как отход от “чистого” учения якобы истинного национал-социализма» [2].

По мнению специалистов Федеральной службы защиты Конституции, «неонационал-социализм опирается на идеологию “Третьего рейха”, которая является основой его целевых установок. Основными эле-

ментами неонационал-социалистической идеологии являются национализм, расизм, требование установления авторитарного “вождистского государства” при устранении основных элементов демократического разделения властей» [3].

В документах Федеральной службы защиты Конституции земли Баден-Вюртемберг о неонацизме говорится следующее: «Неонацисты – это лица, которые прямо или косвенно исповедуют приверженность к идеологии, организации или лидерам исторического национал-социализма. Их конечной целью является упразднение свободного демократического общественного строя. Существующая государственная система должна быть заменена диктатурой, построенной по образцу “Третьего рейха”» [4]. При этом в ведомстве при характеристике неонацизма было сделано важное замечание: «Широко распространенное уравнивание правых экстремистов с неонацистами является несправедливым упрощением. Не все правые экстремисты являются сторонниками национал-социалистических идей и видят нацистское государство в качестве модели будущего конституционного порядка Германии. Другими словами, каждый неонацист является правым экстремистом, но не каждый правый экстремист является неонацистом» [Ibid.].

Это говорит о том, что правый лагерь сам по себе является сложной системой, при обращении к которой необходима идентификация той или иной группы. Приклеивание ярлыка «неонацист» к подавляющему числу представителей правого мировоззрения, согласно мнению государственных органов, считается неразумным.

Тем не менее границы между неонацизмом и другими направлениями в немецком правом экстремизме могут быть расплывчатыми. Неонацистские взгляды популярны и в тех кругах правоэкстремистской среды, которые не являются преимущественно неонацистами. По крайней мере «часть правоэкстремистских скинхедов исповедуют исторический национал-социализм, что ясно подтверждают тексты песен разных музыкальных групп скинхедов» [Ibid.].

Согласно мнению немецкого исследователя правого экстремизма Ханса-Герда Яшке, «неонацистами считаются активисты из правоэкстремистской среды,

в основном мужчины, которые открыто придерживаются традиций национал-социализма – идеологии и программы и / или символики – и объединены в группы» [5. С. 37].

Таким образом, представленные примеры демонстрируют, что неонацизм означает идейную приверженность к историческому национал-социализму. Сам неонацизм существует внутри правозэкстремистского лагеря и является его крайней формой. Основными чертами неонацизма являются, безусловно, национализм, расизм, антисемитизм, антилиберализм, антиглобализм вкупе с антикапиталистической риторикой. Центральным элементом их взглядов является создание «народного сообщества», в рамках которого немецкий народ объявляется вышестоящим по отношению к другим, так называемым расово неполноценным.

Согласно данным Федеральной службы защиты Конституции, количество неонацистов в 2013 г. составляло 5 800 человек, в 2014 г. – 5 600, в 2015 г. – 5 800 [6. С. 45]. На 2016 г. цифра была на отметке 5 800, а в 2017 г. – 6 000 человек [7. С. 50]. Динамика общей численности правых экстремистов выглядит следующим образом: 2013 г. – 22 700, 2014 г. – 22 150, 2015 г. – 23 850 [6. С. 45], 2016 г. – 24 350; 2017 – 25 250 человек [7. С. 50].

В 2016 г. правыми экстремистами было проведено 466 демонстраций, в которых приняли участие 43 321 человек. В 2017 г. состоялось только 202 демонстрации с общим количеством демонстрантов в 16 398, что на 62% меньше, чем годом ранее [Там же. С. 50].

Нужно отметить, что после объединения Германии начался внезапный подъем национализма в стране, который особенно резко проявил себя в восточных землях бывшей ГДР, где отмечены случаи погромов жилищ иностранных граждан, нападения и даже убийства мигрантов различными правыми радикалами. Первые случаи нападений произошли в сентябре 1991 г. в г. Хойерсверда в Саксонии. В последующем волна нападений прошла по другим городам и местам Германии. В октябре того же года полиция зафиксировала свыше 100 подобных эксцессов, в ноябре – уже тысячу, а всего в 1991 г. – около полутора тысяч эксцессов. В 1992 г. число нападений возросло до 2 639, а количество убитых при этом достигло 17 человек [8. С. 6]. При этом, как отмечает немецкий исследователь правого экстремизма профессор Рихард Штёсс, установлено, «что к этим погромам были причастны не столько отдельные лица или небольшие группы, сколько часть местного населения, которое проявляло симпатию к данным поступкам, а также мотивировало и поощряло к совершению новых» [9. С. 112]. По данным на 2017 г. количество жертв неонацистов оценивается минимум в 193 человека, к ним также следует отнести 13 подозрительных случаев и один особый случай [10].

После событий середины 1990-х гг. последовала целая волна запретов неонацистских организаций, особенно тех, которые наиболее открыто в своих речах и лозунгах опирались на нацистскую идеологию Третьего рейха, среди них Свободная немецкая рабочая партия, Национальный фронт и др.

В ответ на многочисленные запреты начался процесс реструктуризации в неонацистской среде. Ее цель заключалась в том, чтобы обойти дальнейшие меры государственного запрета путем продолжения политической работы в малых и незарегистрированных группах. Появилась концепция так называемого «свободного товарищества». В настоящий момент такие организации представляют собой наиболее динамичные ассоциации немецких неонацистов. Эта модель основана на независимых, не связанных с партиями группах, которые объединяются в сети под эгидой надрегиональных «ассоциаций товариществ» и «офисов действий». Данная идея принадлежит Торстену Хейсу (бывший глава Свободной немецкой рабочей партии в Нижней Саксонии), Томасу Вульффу и Кристиану Ворху – сподвижникам известного неонациста Михаэля Кюнена. Себя же эти группы чаще предпочитают именовать как «Свободные националисты» и «Национальное сопротивление». Согласно оценке Федеральной службы защиты Конституции, «Свободные националисты» имеют общую цель – «коренным образом» изменить существующую систему Федеративной Республики Германия [11]. Идеологически же они склонны примыкать к так называемому левому «пролетарскому» крылу НСДАП и не ставят во главу угла великогерманские цели, в отличие от Национал-демократической партии, республиканцев и Немецкого народного союза [9. С. 111]. Многие из товариществ тесно связаны с местными ассоциациями НДПГ [11].

Члены «товариществ» часто действуют крайне жестоко, а иногда даже не чуждаются и террористических актов [11]. Больше всего товариществ (приблизительно 40) было образовано в Саксонии [12. С. 70].

Согласно докладу Федеральной службы защиты Конституции за 2005 г. структура так называемых товариществ выглядит следующим образом: «Окружение неонацистов организовано преимущественно в товарищества... Во главе каждого товарищества стоит так называемый фюрер товарищества, который определяет цели своей группы и находится в контакте с руководителями других товариществ. Дополнительно неонацисты создают “офисы действий” или коалиции действий, чтобы “сглаживать углы” при обширном дроблении их среды и структур в целом» [13].

Часть «товариществ» в 1990-е и 2000-е гг. позиционировала себя напрямую со штурмовыми отрядами (СА) времен национал-социализма. Для этого они использовали порядковые номера, которые были присвоены в свое время соответствующим отрядам СА. Например, «товарищество Целле 73» использовало номер 73, взятый из штандарта СА 73, созданного в Ганновере; запрещенное «товарищество Главный народ» имело подгруппу «Штурм 27», название которой было взято из подразделения СА, размещенного в Бранденбурге. Другие же могли называться «Штурм Баден» и «Гамбургский штурм». Некоторые предпочитали в своих названиях использовать имена командиров СА, например «товарищество Йозефа Тербовена» или «товарищество Вальтера Шпангенберга» из Кёльна [Ibid.].

После раскрытия террористической группы «Национал-социалистическое подполье» в 2011 г., начиная с

2012 г. прошла волна запретов различных групп неонацистов. Были запрещены: «Товарищество аахенской земли», «Национальное сопротивление Дортмунда», «Товарищество Хамма», которое также носило название «Товарищество Вальтера Шпангерберга», «Свободные силы Кёльна», или «Свободная сеть Кёльна» [13].

В 2014 г. была запрещена группа под названием «Национальные социалисты Хемница». В том же году министерством внутренних дел Баварии была запрещена «Свободная сеть юга», которая являлась «головной» организацией для товариществ [Ibid.]. С 2016 г. властями было организовано расследование против «Свободного товарищества Дрезден». Оно оказалось в контексте судебного разбирательства против вероятно террористической правой группы «Фрайтал» в 2017 г. и попала в заголовки газет, так как члены обеих этих групп сотрудничали [Ibid.].

В июне 2018 г. генеральная прокуратура в Саксонии вновь провела обыск в домах вероятных членов правоэкстремистского сообщества «Свободное товарищество Дрездена». По сообщению генеральной прокуратуры, «во время рейда, проведенного во вторник утром, было установлено, что на этот раз были замешаны девять обвиняемых. В общей же сложности подозреваются десять человек в возрасте от 24 до 46 лет в совершении преступлений против инакомыслящих, беженцев и полиции в той или иной степени в качестве членов преступной организации» [14].

«Автономными националистами» (АН) называют себя молодые люди, которые не только своим названием, но прежде всего своим стилем, эстетикой и формами деятельности ориентируются на левых автономов (группы из левого радикального лагеря. – А.А.) [15]. Данная структура в немецком лагере неонацистов появилась в 2002 г. и происходит в основном из Берлина и Дортмунда, откуда распространилась на все остальные крупные города Германии. Членами автономных националистов становится в основном молодежь, начиная с подростков 14-летнего возраста [13. С. 71].

Самовосприятие автономных националистов выражается в их бунтарском поведении и революционном пафосе. Такие руководящие принципы, как «Революционер – вместо реакционера» [15] или «Пока другие говорят, мы действуем. Автономно» [Ibid.], демонстрируют их отход от традиционных форм правого экстремизма и позиционирование себя как новой, революционной элиты. Другими словами, АН пытаются представить себя окружающим как новая и инновационная сила в правом лагере с молодежным бунтарским оттенком. «Мы были чем-то новым, мы были чем-то молодым, мы были гораздо более революционными, чем другие», – поясняет бывший член АН, оглядываясь в прошлое [Ibid.].

Новшество, которое преподнесли автономные националисты для неонацизма – это свобода самовыражения, возможность действовать так, как хочется, и не слушать никаких «партийных бонз». «Ранее были... определенные ограничения... Как нацист, нужно одеваться соответственно, что-то есть одно и то же, слушать одну музыку. Но у АН было совсем не так: вы могли одеться так, как хотите, можете, есть все, что

захотите, слушать музыку, все что хочется, нужно было только пропагандировать эту идеологию... Таким образом, вы могли бы жить так, как хотите, быть альтернативным, крутым, как-то раскованно жить и быть нацистом одновременно» [Ibid.], – объясняет бывший неонацист.

Однако данная концепция «свободы самовыражения» в рамках правого лагеря далеко не всем придется по вкусу. Например, в Интернете иногда возникают горячие споры между «автономными националистами» и «традиционными» правыми экстремистами, которые вращаются вокруг вопроса, подходит ли хип-хоп для правой агитации или является «негерманским» [16].

Во время политических акций и разного рода митингов АН используют на своих транспарантах и плакатах лозунги левых, например: «Ya basta! Es reicht! (Хватит уже! Достаточно!)». При этом, в отличие от своих коллег из правого лагеря, они не используют готический шрифт и руны при написании лозунгов или в качестве символики. В то время как представители НДПГ и «товариществ» олицетворяют себя якобы представителями воли народа и стараются доступно и понятно донести свои идеи до окружающих, АН зачастую, наоборот, ведут себя гораздо более шумно, не чураясь провокаций. Их «главная цель атаки» – это полиция и политические противники [17].

Из-за своего агрессивного и провокационного поведения «традиционные» правые экстремисты относятся к АН отрицательно. Например, «традиционные» неонацисты ставят в упрек немногочисленным автономным националистам, как было отмечено в докладе Федеральной службы защиты Конституции за 2006 г., «что из-за их склонности к насилию и внешнего вида снижаются предположительно имеющиеся симпатии у населения к правым экстремистам, а также повышается нажим контрмер со стороны государства на весь лагерь» [Ibid.].

Степень же неприязни и уровень назревшего конфликта между «старыми» правыми экстремистами во главе с НДПГ и новыми в виде АН демонстрируют столкновения между АН и службой порядка НДПГ, которые произошли 26 апреля 2008 г. во время демонстрации в Столберге [Ibid.].

Ядром агитации АН являются народнический антикапитализм и антисемитизм – центральные элементы национал-социализма, которые АН стремятся актуализировать, используя современные образы врагов и предрассудки. По сути, это не модернизация, а актуализация в корне не измененных идеологических элементов [16]. Однако они переработали и расширили культурные средства самовыражения. В дополнение к стилю скинхедов или взглядам народнической «верхушки» они обновили и расширили неонацизм ссылками на поп-культуру. Уличная воинственность и демонстрационная политика из спектра беспартийного «товарищества» были дополнены ими современной уличной модой и заимствованиями из радикального левого «черного блока» [18].

Успех АН основывался на том, что они выполняли функции шарниров между политическим движением неонацизма и правыми молодежными группами. Свое-

го пика АН достигли в 2010 г. Однако после этого они начали выходить из моды [18].

Каковы причины популярности правого экстремизма и неонацизма среди молодежи? Обычно представителей и сторонников правого экстремизма и неонацизма принято считать выходцами из маргинальных групп, часто необразованных, не имеющих постоянного места работы и заработка как такового.

По мнению С.Г. Алленова, такой образ соответствует участникам погромов в 1990-е гг. Однако согласно его точке зрения, основанной на изучении статистики, большинство погромщиков проявляли свою агрессию вовсе не по причине социальных бедствий. «Более 90% из них составили молодые люди в возрасте до 30 лет, свыше половины которых были учащимися. Причем, как отмечали социологи, педагоги, очень часто это были “нормальные” выходцы из “респектабельных” семей» [8. С. 7]. То есть агрессия была вызвана называемым «шовинизмом благосостояния»: «именно у юношей с наибольшими финансовыми возможностями отмечается относительно более высокая степень агрессивности по отношению к иностранцам, а заодно и всякого рода “маргиналам” — бездомным, нищим, инвалидам и т.п.» [Там же]. Развивая свою мысль, Алленов отмечает, что в данном случае «“правый”» экстремизм предстает не как следствие обнищания или социальной изоляции, а скорее как специфически молодежный феномен. Это значит, что выработке правозэкстремистской ориентации способствуют не столько материальные, сколько социокультурные и социопсихологические факторы» [Там же].

По мнению автора, правый экстремизм отнюдь не маргинальное явление, так как насилие свойственно не только молодежным группировкам на задворках общества, но общество само часто его практикует. Именно поэтому, по нашему мнению, Алленов считает, что главной причиной насилия со стороны молодежных группировок стало «ощущение угрозы, которую несет “государству всеобщего благоденствия” нынешний приток мигрантов со всего мира. На многих немцев оказывают провоцирующее воздействие сообщения о трудностях, порождаемых миграцией, неподобающем поведении иностранцев или собственный негативный опыт общения с ними. Есть основания

думать, что власть, с порога отменявшая страхи местного населения, тем самым внушала ему чувство беспомощности и умножала число если не погромщиков, то избирателей правозэкстремистских партий» [Там же].

С точки зрения А.А. Самохина и Е.А. Канашиной, причиной погромов в 1990-е гг. со стороны правых экстремистов и неонацистов стало принятие Германией большого количества беженцев из разных стран в 1980–1990-е гг., особенно из районов боевых действий. На современном этапе, начиная с 2010 г., подъему неонацизма также способствует резкий приток мигрантов и беженцев из мусульманских стран, вследствие чего ответом стал резкий подъем преступности на почве расовой и религиозной нетерпимости. Неуклонно растет не только число нападений на пункты размещения беженцев, но и демонстраций против создания убежищ для них. По информации министерства внутренних дел ФРГ, «к 173 (85%) из 202 зарегистрированных нападений за первые шесть месяцев 2015 г. причастны правые экстремисты и неонацисты», — отмечают авторы [19. С. 110].

Далее исследователями был выделен целый ряд факторов, влияющих на рост националистических настроений в целом по стране: это проблема рождаемости и приток трудовых мигрантов; неравномерное развитие Западной и Восточной Германии; финансовая «поддержка» беженцев, вызывающая сокращения социальных выплат для немецкого населения; нежелание значительной части мигрантов интегрироваться в немецкий социум, а также попытка навязать европейскому обществу свои порядки [Там же. С. 111].

Успешному и быстрому распространению как правого мировоззрения в целом, так и неонацизма, по мнению немецкого исследователя правого экстремизма Кристофа Шульце, способствуют также современные технологии. С помощью Интернета общение между сторонниками неонацизма и заинтересованными в них лицами стало намного проще [18].

Несмотря на наличие в немецком парламенте правой партии «Альтернатива для Германии», неонацистское движение и подобные ему остаются на обочине политической жизни в силу неприятия населением Германии любых форм нацизма и расизма.

ЛИТЕРАТУРА

1. Juettner Ju. Zwischen Applaus und Verzweiflung // Spiegel Online. 2018. 11. Juli. URL: <http://www.spiegel.de/panorama/justiz/nsu-prozess-urteil-fuer-beate-zschaepfe-zwischen-applaus-und-verzweiflung-a-1217885.html> (das Datum des Zuganges: 30.10.2018).
2. Nandlinger G. Wann spricht man von Rechtsextremismus, Radikalismus oder Neonazismus...? URL: <http://www.bpb.de/politik/extremismus/rechtsextremismus/41312/was-ist-rechtsextrem?p=1> (das Datum des Zuganges: 30.10.2018).
3. Bundesamt für Verfassungsschutz. URL: <https://www.verfassungsschutz.de/de/service/glossar/neonazismus-neonationalsozialismus> (das Datum des Zuganges: 30.10.2018).
4. Verfassungsschutz Baden-Württemberg. URL: <http://www.verfassungsschutz-bw.de/site/jum2/node/1915945/Lde/index.html> (das Datum des Zuganges: 30.10.2018).
5. Jaschke H.–G. Rechtsextremismus und Fremdenfeindlichkeit. Begriffe, Positionen, Praxisfelder / H.–G. Jaschke. 2. Aufl. Wiesbaden : Westdeutscher Verlag, 2001.
6. Verfassungsschutzbericht 2015. URL: <https://www.verfassungsschutz.de/embed/vsbericht-2015.pdf> (das Datum des Zuganges: 30.10.2018).
7. Verfassungsschutzbericht 2017. URL: <https://www.verfassungsschutz.de/embed/vsbericht-2017.pdf> (das Datum des Zuganges: 30.10.2018).
8. Алленов С.Г. Угроза правого экстремизма и опыт ее подавления в Федеративной республике Германия (1990-е гг.) // Вестник Воронежского государственного университета. Сер. История. Политология. Социология. 2008. № 1. С. 3–11.
9. Stöss R. Rechtsextremismus im Wandel. Berlin : Friedrich–Ebert–Stiftung, Forum Berlin, Projekt gegen Rechtsextremismus, 2010.
10. Brausam A. Todesopfer rechter Gewalt seit 1990. URL: <https://www.mut-gegen-rechte-gewalt.de/news/chronik-der-gewalt/todesopfer-rechtsextremer-und-rassistischer-gewalt-seit-1990> (das Datum des Zuganges: 30.10.2018).
11. Kameradschaften. URL: <http://www.belltower.news/lexikontext/kameradschaften> (das Datum des Zuganges: 30.10.2018).

12. Langenbacher N. Europa auf dem «rechten» Weg? Rechtsextremismus und Rechtspopulismus in Europa / Hrsg. N. Langenbacher. Berlin : Friedrich–Ebert–Stiftung, Forum Berlin, 2011.
13. Klarman M. Kameradschaften als Strategieelement. URL: <http://www.bpb.de/politik/extremismus/rechtsextremismus/253841/kameradschaften> (das Datum des Zuganges: 30.10.2018).
14. Razzia bei mutmaßlichen Mietgliedern «Freien Kameradschaft Dresden» // SZ-Online. 2018. 26. Juni URL: <https://www.sz-online.de/nachrichten/razzia-bei-mutmasslichen-mitgliedern-der-freien-kameradschaft-dresden-3963557.html> (das Datum des Zuganges: 30.10.2018).
15. Schedler J. Autonome Nationalisten. URL: <http://www.bpb.de/apuz/32419/autonome-nationalisten?p=all> (das Datum des Zuganges: 30.10.2018).
16. Autonomer Nationalismus. URL: <http://www.belltower.news/lexikontext/autonomer-nationalismus> (das Datum des Zuganges: 30.10.2018).
17. Autonome Nationalist_innen. URL: <http://www.belltower.news/lexikon/quotautonome-nationalistenquot> (das Datum des Zuganges: 30.10.2018).
18. Radke J. Was macht rechtsextreme Jugendkulturen für Junge Leute attraktiv? URL: <http://www.bpb.de/politik/extremismus/rechtsextremismus/256077/interview-mit-christoph-schulze> (das Datum des Zuganges: 30.10.2018)
19. Самохин А.А., Канашина Е.А. Неонацизм в Германии: история возрождения // Историческая и социально-образовательная мысль. 2016. Т. 8, № 1-2. С. 108–112.

Antonov Alexander E. Kemerovo State University (Kemerovo, Russia). E-mail: derchef.kem@mail.ru

NEO-NAZI MOVEMENT AND IDEOLOGY IN MODERN DEMOCRATIC GERMANY

Keywords: Neo-Nazism, nationalism, racism, “Comradeship”, “Autonomous Nationalists”, Germany.

This article is devoted to the problem of neo-Nazism in modern Germany. The purpose of the publication was a comprehensive study of this issue on the example of neo-Nazi groups – “Comradeship” and “Autonomous Nationalists”. The activity of neo-Nazis, the dissemination of their views in society, the involvement of young people in their ranks are closely linked with the activities of these groups of the neo-Nazi camps of the Federal Republic of Germany. These groups are an integral part of the neo-Nazi movement that exists within the framework of the right camp as a whole.

The author demonstrated the relevance of the topic, a number of definitions of neo-Nazism and its representatives from the official bodies and science, briefly reviewed the history, roots of ideological attitudes, and also highlighted the features of the youth group of the so-called “Autonomous Nationalists”. The points of view in the science of the causes and factors affecting the manifestation of the activity of right-wing extremists and neo-Nazis were considered.

It was found that the groups considered in the article are an integral part of neo-Nazism. These neo-Nazi forces are united by a commitment to the ideology of National Socialism. A different form of its distribution is the boundary between these groups. One group is in the camp of the so-called “traditional” extremists, the other in the revolutionary youth camp. At the same time, the second of them is the most aggressive and uncontrollable by the standards of the neo-Nazis themselves. The impact on the activity of neo-Nazism and right-wing extremism, in general, is due to various reasons and factors: from the next influx of migrants and refugees to the sociocultural problems associated with the process of their integration.

The question of the existence of the threat of neo-Nazism for society in modern Germany is highly relevant today. At the federal level of countries, there are various neo-Nazi groups that preach their ideas among young people using a variety of methods: from propagating their ideas through song lyrics at musical concerts and on the Internet, to grafting them on the spot during rallies and demonstrations. However, their work is not limited to pure propaganda. Every year, crimes are committed against refugees and migrants on racial basis. Very often in the news, there are reports of attacks on migrants and arson of their homes. At the same time, lawsuits against the most odious representatives of neo-Nazism as the National Socialist underground can last for years. The promotion to the parliament of such a right-wing party as “Alternative for Germany” serves as a signal that a crisis of trust in the authorities is growing in German society. But at the same time, being an indisputable threat to the liberal, democratic society of Germany, neo-Nazis, like right-wing extremism as a whole, are marginalized by the country’s political life, having no mass base to secure the necessary breakthrough in elections. The ground for this is objective historical reasons.

REFERENCES

1. Juettner, Ju. (2018) Zwischen Applaus und Verzweiflung [Between applause and despair]. *Spiegel Online*. 11th July. [Online] Available from: <http://www.spiegel.de/panorama/justiz/nsu-prozess-urteil-fuer-beate-zschaepe-zwischen-applaus-und-verzweiflung-a-1217885.html>. (Accessed: 30th October 2018).
2. Nandlinger, G. (2008) Wann spricht man von Rechtsextremismus, Radikalismus oder Neonazismus...? [When do we talk about right-wing extremism, radicalism or neo-Nazism ...?]. [Online] Available from: <http://www.bpb.de/politik/extremismus/rechtsextremismus/41312/was-ist-rechtsextrem?p=1>. (Accessed: 30th October 2018).
3. Bundesamt für Verfassungsschutz. (n.d.) Federal Office for the Protection of the Constitution. [Online] Available from: <https://www.verfassungsschutz.de/de/service/glossar/neonazismus-neonationalsozialismus>. (Accessed: 30th October 2018).
4. Verfassungsschutz Baden-Württemberg. (n.d.) State Office for the Protection of the Constitution in Baden-Württemberg. [Online] Available from: <http://www.verfassungsschutz-bw.de/site/jum2/node/1915945/Lde/index.html>. (Accessed: 30th October 2018).
5. Jaschke, H–G. (2001) *Rechtsextremismus und Fremdenfeindlichkeit. Begriffe, Positionen, Praxisfelder* [Right-wing extremism and xenophobia. Terms, positions, practice fields]. Wiesbaden: Westdeutscher Verlag.
6. Federal Office for the Protection of the Constitution. (2015) *Verfassungsschutzbericht 2015* [Report on the Protection of the Constitution 2015]. [Online] Available from: <https://www.verfassungsschutz.de/embed/vsbericht-2015.pdf>. (Accessed: 30th October 2018).
7. Federal Office for the Protection of the Constitution. (2017) *Verfassungsschutzbericht 2017* [Report on the Protection of the Constitution 2017]. [Online] Available from: <https://www.verfassungsschutz.de/embed/vsbericht-2017.pdf>. (Accessed: 30th October 2018).
8. Allenov, S.G. (2008) Ugroza pravogo ekstremizma i opyt ee podavleniya v Federativnoy respublike Germaniya (1990-e gg.) [The threat of right-wing extremism and the experience of its suppression in the Federal Republic of Germany (1990s)]. *Vestnik Voronezhskogo gos. un-ta. Ser. Istoriya. Politologiya. Sotsiologiya – Proceedings of Voronezh State University. Series: History. Political science. Sociology*. 1. pp. 3–11.
9. Stöss, R. (2010) *Rechtsextremismus im Wandel* [Right-wing extremism in transition]. Berlin: Friedrich–Ebert–Stiftung, Forum Berlin, Projekt gegen Rechtsextremismus.
10. Brausam, A. (2017) *Todesopfer rechter Gewalt seit 1990* [Death toll of right-wing violence since 1990]. [Online] Available from: <https://www.mut-gegen-rechte-gewalt.de/news/chronik-der-gewalt/todesopfer-rechtsextremer-und-rassistischer-gewalt-seit-1990>. (Accessed: 30th October 2018).
11. Bell Tower News. (2008) *Kameradschaften* [Comradships]. [Online] Available from: <http://www.belltower.news/lexikontext/kameradschaften>. (Accessed: 30th October 2018).
12. Langenbacher, N. (2011) *Europa auf dem “rechten” Weg? Rechtsextremismus und Rechtspopulismus in Europa* [Europe on the “right” way? Right-wing extremism and right-wing populism in Europe]. Berlin: Friedrich–Ebert–Stiftung, Forum Berlin.

13. Klarmann, M. (2017) *Kameradschaften als Strategieelement* [Comradships as a strategic element]. [Online] Available from: <http://www.bpb.de/politik/extremismus/rechtsextremismus/253841/kameradschaften>. (Accessed: 30th October 2018).
14. Anon. (2018) Razzia bei mutmaßlichen “Mietgliedern Freien Kameradschaft Dresden” [Raid on alleged members of the “Free Kameradschaft Dresden”]. *SZ-Online*. 26th June. [Online] Available from: <https://www.sz-online.de/nachrichten/razzia-bei-mutmasslichen-mitgliedern-der-freien-kameradschaft-dresden-3963557.html>. (Accessed: 30th October 2018).
15. Schedler, J. (2010). *Autonome Nationalisten* [Autonomous nationalists]. [Online] Available from: <http://www.bpb.de/apuz/32419/autonome-nationalisten?p=all>. (Accessed: 30th October 2018).
16. Belltower News. (2008) *Autonomer Nationalismus* [Autonomous nationalism]. [Online] Available from: <http://www.belltower.news/lexikontext/autonomer-nationalismus>. (Accessed: 30th October 2018).
17. Belltower News. (2008) *Autonome Nationalist_innen* [Autonomous nationalists]. [Online] Available from: <http://www.belltower.news/lexikon/quotautonome-nationalistenquot>. (Accessed: 30th October 2018).
18. Radke, J. (2017) *Was macht rechtsextreme Jugendkulturen für Junge Leute attraktiv?* [What makes right-wing youth cultures attractive to young people?]. [Online] Available from: <http://www.bpb.de/politik/extremismus/rechtsextremismus/256077/interview-mit-christoph-schulze>. (Accessed: 30th October 2018)
19. Samokhin, A.A. & Kanashina, E.A. (2016) Neo-Nazism in Germany: history of renewal. *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl' – Historical and Social-Educational Ideas*. 8(1-2). pp. 108–112. (In Russian). DOI: 10.17748/2075-9908-2016-8-1/2-108-112

Е.А. Антюхова

ОБРАЗОВАНИЕ КАК ИНСТРУМЕНТ «МЯГКОЙ СИЛЫ» ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ ГЕРМАНИИ

«Мягкая сила» как эффективный инструмент внешней политики уже не первый год активно используется как ЕС, так и рядом европейских государств для продвижения своих интересов на международной арене. Примером наиболее активного использования «мягкой силы» в современных условиях выступает Германия, являющаяся своеобразным центром ЕС, его организующим политическим ядром. Одним из наиболее важных инструментов, с помощью которых Германия оказывает свое влияние на другие государства, является проводимая ею образовательная политика.

Ключевые слова: образование; мягкая сила; внешняя политика; Германия; ЕС; культурная дипломатия.

Образование уже не первый год рассматривается большинством специалистов не только как процесс получения знаний, но и как серьезный политический инструмент, при помощи которого современные государства стремятся достигать своих целей на международной арене. В этом аспекте, с одной стороны, образование выступает в качестве элемента «культурной дипломатии», а с другой – в качестве «мягкой силы». Выдвижение на передний план образования как одного из значимых элементов «мягкой силы» не случайно.

Как справедливо замечает российский политолог В.Д. Агеева, «многогранность процесса глобализации сократила пространство применения традиционных властных механизмов государствами и привела к изменению моделей глобальной конкуренции. В новую эпоху более важным фактором воздействия, чем военная мощь и обладание ядерным оружием, стали экономический успех, идеологическая убедительность и культурная привлекательность страны». [1. С. 3]. Вполне естественно, что в этом ряду образование занимает одну из ведущих позиций.

Европейский Союз в целом и Германия в частности не первый год успешно используют образование для продвижения своих интересов в различных регионах мира. Целью данной статьи является выявление конкретных мер, которые на сегодняшний день предпринимаются Германией для наиболее эффективного задействования ресурса образования в качестве «мягкой силы», а также установление основных направлений приложения данного механизма в контексте развития этой страной международного сотрудничества.

Европа уже в 1970-е гг. осознала потенциал «мягкой силы», при помощи которой она могла бы восстановить свои позиции на мировой арене. Но во второй половине XX столетия, в условиях холодной войны и отсутствия единых европейских протогосударственных структур и механизмов, подобные концепции могли носить сугубо теоретический характер. После же распада СССР и начала активного построения единого политического европейского пространства, нашедшего свое организационное оформление в рамках Европейского Союза, единая Европа вновь вернулась к идее использования «мягкой силы», но теперь уже для достижения своих исключительных интересов в условиях многополярного мира.

О.М. Хауер-Тюкаркина полагает, что для реализации потенциала «мягкой» силы у Европейского Союза есть множество различных «платформ». В качестве одной из них она определяет организационно-программную платформу, включающую в себя и образование. С точки зрения данного автора, «организационно-программная платформа» – это все без исключения «целевые аудитории», культурные и образовательные программы, такие как Leonardo Da Vinci, Erasmus, Sokrates, Молодежь в действии и др. Важнейшим институтом, реализующим указанные культурно-образовательные инициативы, является EUNIC (The European Union National Institutes for Culture). Данная организация представляет собой своего рода объединение различных культурных институтов стран-членов Европейского Союза, которые реализуют образовательные программы за пределами своих государств. К примеру, членами EUNIC являются такие известные во всем мире культурно-просветительские и образовательные организации, как Институт имени Гете (Германия), Институт Сервантеса (Испания), Британский совет (Великобритания) и др. Основная же цель деятельности объединения – «продвижение европейских государств в третьих странах, популяризация европейских языков» [2. С. 371].

Следует отметить, что уже не первый год страны-члены ЕС постоянно наращивают свое «аудиовизуальное присутствие в мире», постоянно участвуя в процессе разработки новейших коммуникационных технологий, продвигая свой язык и развивая активное сотрудничество в области образования. В сфере образования политика ЕС направлена в первую очередь «на повышение конкурентоспособности Евросоюза», при этом «расширение Евросоюза и усиление глобализации спровоцировали интернационализацию системы образования», в связи с чем были созданы специализированные фонды и организации, которые занимаются «международным сотрудничеством для развития отношений в образовательной сфере. Это содействует улучшению качества образования, социальному сплочению и формированию гражданской позиции» [3].

Как известно, в 1998 г. Германия вместе с Францией, Великобританией и Италией подписала «Совместную Сорбоннскую декларацию о гармонизации архи-

тектуры Европейской системы высшего образования». В документе, в частности, отмечалось: «Мы призываем всех остальных членов Союза, а также другие европейские страны присоединиться к нам в достижении этой цели, призываем все европейские университеты укреплять роль Европы в мире, непрерывно улучшая и делая современным образование ее граждан» [4]. Таким образом, уже в Сорбоннской декларации прямо указывалось, что одной из целей европейского высшего образования является распространение влияния Европы в мире.

В 1999 г. 29 европейских государств подписали Болонскую декларацию, положившую начало так называемому Болонскому процессу. Следует отметить, что в Болонской декларации нашел свое продолжение курс на дальнейшее развитие инструментов образовательной «мягкой силы». В том числе в ней отмечалось следующее: «Мы должны... рассматривать цель увеличения международной конкурентоспособности европейской системы высшего образования. Жизнеспособность и эффективность любой цивилизации могут быть измерены привлекательностью, которую ее культура имеет для других стран. Мы должны быть уверены, что европейская система высшего образования приобретает всемирный уровень притяжения, соответствующий нашим экстраординарным культурным и научным традициям» [5].

«Мягкая сила» отдельных европейских государств, а не всего ЕС, – важная часть рассматриваемого вопроса. Если ЕС, позиционирующий себя в качестве глобального международного актора, стремится проводить единую консолидированную политику во всем мире, то отдельные его члены используют инструментарию «мягкой силы» в своих собственных интересах. Кроме этого, «если студенты из стран Восточного партнерства имеют возможность получить высшее образование, например, по программе ЕС Erasmus Mundus, они отдадут предпочтение обучению в ЕС» [6. Р. 24].

Анализ применения образования в качестве «мягкой силы» хорошо прослеживается на примере Германии, которая является ядром единой европейской политики, ее локомотивом. Германия активно использует образование для достижения своих интересов на международной арене. И здесь крайне важно отметить, что несмотря на то, что именно Германия выступает за создание единого европейского политического и экономического пространства (безусловно, видя себя ключевым игроком в этом процессе, что заставляет задуматься о рудиментарных имперских амбициях этого государства), она стремится продвигать не только общеевропейские ценности, но и исключительно немецкие.

Как отмечает Т.А. Ланьшина, «в силу некоторых объективных причин “мягкая сила” исторически играет заметную и важную роль в международных отношениях Германии. Это связано со следующими факторами. Во-первых, сразу после окончания Второй мировой войны инструменты традиционной силы (“жесткой силы”) для Германии оказались фактически недоступными. Во-вторых, тогда же Германии пришлось довольно долгое время заново формировать свою репу-

тацию в глазах международного сообщества, в том числе “за счет культурной дипломатии”, проявления уважения к правам человека, а также поддержки плюрализма и многосторонних международных отношений» [7. С. 28].

Выразителями интересов германской стороны в тех или иных регионах мира выступают многочисленные фонды, такие, например, как «Германская служба академических обменов» (Deutscher Akademischer Austauschdienst, DAAD) и «Институт Гёте» (Goethe-Institut), задачей которых является продвижение немецкой системы образования [8].

DAAD была создана еще в 1925 г., и, с точки зрения специалистов, подобных «аналогов... в мире найдется немного». При этом DAAD – формально общественная организация, как и все подобные ей организации в Германии. Организация имеет особый дипломатический статус, приравненный к государственным учреждениям. Следует отметить, что DAAD имеет разветвленную сеть, «насчитывающую более 130 представительств в 67 странах мира. При этом членами DAAD на данный момент являются более 250 высших учебных заведений и 130 студенческих союзов в Германии, а участниками программ — свыше 1 500 университетов и институтов по всему миру» [9. С. 19].

Одним из важных направлений работы подобных фондов является поддержка совместных образовательных проектов и сотрудничества между зарубежными и немецкими высшими учебными заведениями. Главную роль в этом процессе играет именно DAAD. Как отмечают в самой DAAD, ими решаются две крайне важные задачи: «повышаются авторитет и конкурентоспособность немецких университетов и совершенствуется система образования» в других странах [10]. Следует отметить, что при всей своей тождественности с общеевропейской политикой политика «мягкой силы» немецких акторов, направленная на продвижение немецкого языка, образования и науки, «в ряде регионов имеет свои специфические особенности». Так, к примеру, на прибалтийском направлении работают «в первую очередь германские образовательные или культурные фонды и землячества. Главный акцент их работы делается на “немецком прошлом” Прибалтики» [8].

Институт Гёте также активно занимается развитием немецкого языка. В его рамках реализуется шесть основных программ, которые можно понимать и рассматривать как инструменты германской «мягкой силы» в современном мире:

– Обсуждение языка и его будущего (Deutsch 3.0). Программа Deutsch 3.0 исследует социальные и политические вопросы, связанные с функционированием языка в настоящем и в будущем.

– Школы: партнеры будущего (PASCH). Программа PASCH была разработана в 2008 г. при участии министерства иностранных дел Германии в сотрудничестве с Центральным Агентством по делам школ за рубежом (ZfA), Институтом Гете, DAAD и службой педагогического обмена (PAD). В рамках ее реализации основной целью стало привлечение внимания иностранной молодежи, проживающей в Центральной Азии и на Ближнем Востоке, как к самой Германии, так и к немецкому языку.

В настоящее время существует четыре типа PASCH школ:

– немецкие школы за рубежом (Deutsche Auslandsschulen, DAS), при содействии Агентства по делам школ за рубежом;

– школы в национальной системе образования, при содействии Центрального Агентства по делам школ за рубежом, которые предлагают немецкоязычные дипломы;

– школы в национальной системе образования с расширенной составляющей по немецкой системе обучения, при содействии Института Гёте;

– школы в Германии, которые сотрудничают с зарубежными школами PASCH [11].

PASCH охватывает 1 700 школ по всему миру. Статистика показывает, что наибольшее число школ-партнеров находится в Китае (67), Индии (42), Индонезии (28), Бразилии (22), Турции (19), Египте (18) и Украине (15) [12].

Если «Институт Гёте» и PASCH ориентированы вовне, то для привлечения обучающихся в саму Германию также существуют отдельные механизмы.

Высшее образование в Германии начиная с 2014–2015 гг. стало полностью бесплатным, причем как для немецких, так и для всех иностранных студентов. Важно отметить, что в Германии не применяется практика предоставления грантов и стипендий высшими учебными заведениями зарубежным студентам. Это является прерогативой специальных фондов, которые фактически аффилированы с государством. В Германии действует целый ряд специализированных организаций, чьей основной задачей является оказание финансовой помощи студентам, желающим получить образование в немецких высших учебных заведениях. Эти же организации оказывают поддержку и процессу научного обмена, выделяя финансирование на научные исследования зарубежным ученым.

Отбор претендентов на обучение или проведение научных исследований в германских высших учебных заведениях проводится исключительно на конкурсной основе с учетом ряда необходимых критериев. Для того чтобы принять участие в большинстве немецких образовательных программ, подразумевающих грантовую поддержку, их потенциальным участникам необходимо, как правило, подтвердить владение немецким языком на уровне обучения (C1 для вуза и B1 для Studienkolleg), наличие высшего образования в объеме 1–2 курсов в высшем учебном заведении того государства, из которого они прибывают, и, кроме этого, наличие нужного количества финансовых средств для оплаты своего проживания в период обучения.

Среди самых популярных немецких образовательных программ с грантовой поддержкой можно выделить Общенациональную стипендиальную программу Deutschlandstipendium, Стипендию от Фонда академических обменов (DAAD), Стипендию Генриха Бёлля, Стипендиальную программу «Мост в немецкий университет» и др.

Сегодня Германия занимает четвертое место в мире в глобальном рейтинге «мягкой силы» [13]. Среди ключевых регионов, где Германия активно использует

образовательный потенциал «мягкой силы», можно выделить Восточную Европу и Латинскую Америку. Так, в странах Латинской Америки в системе немецких школ, контролируемых ZfA, на сегодняшний день обучаются около 47 000 человек [14. Р. 37]. Важно отметить и тот факт, что Германия довольно грамотно использует потенциал статуса НПО для своих научных и образовательных центров, работающих за рубежом. Формально они не имеют отношения к немецкому государству, хотя получают при этом государственную поддержку. «Все организации, занимающиеся продвижением немецкой культуры и политики за рубежом: Институт Гёте, ДААД, научные общества... имеют статус неправительственных организаций, поскольку работа немецких НПО за рубежом устроена таким образом, что какую бы правительственную задачу они ни выполняли, создается впечатление, что они представляют интересы гражданского общества» [15. С. 123].

Согласно современной внешнеполитической концепции Германии (Gestaltungsmächtekonzept, 2012) именно НПО должны играть ведущую роль в процессе распространения немецкого культурного и образовательного влияния в мире. Как полагают авторы данной концепции, выпускники зарубежных немецких культурных и образовательных программ уже в ближайшем будущем смогут стать лидерами в научной, экономической и политической отраслях в своих странах, распространяя там «германофильский вирус» [16].

Подводя итоги, можно выделить несколько ключевых факторов, которые на сегодняшний день позволяют Германии успешно использовать свое образование в качестве инструмента «мягкой силы».

Во-первых, в ФРГ существует правильно и планомерно выстроенная образовательная стратегия, основанная на продвижении германских интересов в другие страны и регионы под эгидой различных неправительственных организаций. Это позволяет Германии отчасти вуалировать свои истинные намерения, прикрываясь фактором независимости от государства тех или иных образовательных, научных и культурных фондов. Следует отметить, что схожую тактику уже не первый год применяют и Соединенные Штаты Америки, которые также активно используют НПО в своей внешнеполитической деятельности.

Во-вторых, с начала 1990-х гг., после ускоренной реформы образования, которая была призвана объединить восточную и западные системы образования, в Германии была создана разветвленная сеть управления и реализации образовательных программ различного уровня в международном масштабе. Безусловно, этот факт сыграл важную роль в расширении сферы влияния Германии с точки зрения использования ею своего образовательного потенциала.

В-третьих, Германией абсолютно верно были выбраны направления распространения своего влияния при помощи образования. Среди ключевых регионов здесь следует выделить Восточную Европу, которая с начала 1990-х гг. активно переориентировалась на Запад и его ценности, а также Латинскую Америку, где Германия выступает серьезной альтернативой американскому доминированию, которое в последние десяти-

тилетия вызывает все большее недовольство у латиноамериканских государств.

Все эти факторы позволяют говорить о том, что в ближайшем будущем именно Германия будет оста-

ваться одним из европейских лидеров по экспорту образования, привлечению иностранных студентов и, как следствие, распространению своего влияния в различных регионах мира.

ЛИТЕРАТУРА

1. Агеева В.Д. Роль инструментов «мягкой силы» во внешней политике Российской Федерации в контексте глобализации : автореф. дисс. ... канд. полит. наук. СПб., 2016.
2. Хауер-Тюкаркина О.М. Роль «мягкой силы» в условиях глобального экономического кризиса (на примере ЕС) // Конфликтология / Nota Bene. 2015. № 4 (5).
3. Ципановац В. Технологии публичной дипломатии Евросоюза // Фонд изучения исторической перспективы. 2017. URL: <http://evropazavtra.ru/sompetitions/proshedshie-konkursy/molodye-uchyonye-2017/spisok-rabot-uchastnikov-konkursa-2017/tekhnologii-publichnoy-diplomatii-evr>
4. Сорбоннская Декларация (1998). URL: http://www.france-jus.ru/upload/docs/Declaration_Sorbonne.pdf
5. Текст Болонской декларации. Европейское пространство высшего образования : совместное заявление европейских министров образования, подписанное в Болонье 19 июня 1999 г.
6. Different faces of “soft power”: the Baltic States and Eastern Neighborhood between Russia and the EU / eds: T. Rostoks and A. Spruds. Latvian Institute of International Affairs, 2015.
7. Ланьшина Т.А. «Мягкая сила» Германии: культура, образование, наука // Вестник международных организаций. 2014. Т. 9, № 2.
8. Мегем М.Е., Максимов И.П., Грицаенко П.С. Ключевые факторы «мягкой силы» Германии в странах Балтии. URL: <http://abfund.org/klyuchevy-e-factory-mygkoj-sily-germanii-v-stranah-baltii/>
9. Княжин А.А. Политика и механизмы «мягкой силы» Германии // Вестник РУДН. Сер. Политология. 2012. № 4.
10. Friedrich Naumann Stiftung. Bewerbung. URL: <https://www.freiheit.org/content/bewerbung>
11. Lanshina T. The Goethe Institute and Soft Power // International Organisations Research Journal. 2015. Vol. 10, № 1.
12. Schulen: Partner der Zukunft, Angebot. URL: <http://www.pasch-net.de/udi/ang/deindex.htm>
13. 2018 Overview. URL: <https://softpower30.com/country/germany/>
14. Holguin J.C. German Soft Power. Washington, DC, 2013.
15. Рустомова Л.Р. Особенности «мягкой силы» во внешней политике ФРГ // Вестник МГИМО-Университета. 2016. № 1 (46).
16. Usacheva M. Is Smart Power the New Soft Power? German and Russian Examples. URL: http://russiancouncil.ru/blogs/riacexperts/?id_4=2345

Antyukhova Ekaterina A. Moscow State Institute of International Relations (University) (Moscow, Russia). E-mail: e.ant1507@yandex.ru

EDUCATION AS “SOFT POWER”: THE EXPERIENCE OF GERMANY

Keywords: education; soft power; foreign policy; Germany; EU; cultural diplomacy.

“Soft power” as an effective tool of foreign policy has been actively used by both the EU and individual European States to promote their interests in the international arena for several years. Germany, as a kind of center of the EU, its organizing political core, in this case is an example of the most active use (after France) of “soft power”. According to the international soft power rankings, one of the most important tools by which both France and Germany influence other countries and regions is their educational policy. In this regard, it is extremely important and relevant to determine the reasons why Germany occupies a leading position, including in terms of “education” in the world rankings of “soft power”, as well as to identify specific mechanisms used by this state in the implementation of its educational policy on an international scale. The main basis materials for the study were a few works of Russian and foreign authors, which, one way or another, raised the issues of education in Germany in the context of “soft power” in their works, as well as German information and analytical educational international resources. The study was conducted using the historical, chronological method, as well as structural and functional analysis, which allowed to determine the specific mechanisms of international educational policy in Germany. The study was also conducted on the basis of didactic method - the problem was considered from the General (EU educational policy) to the private (German educational policy). As a result of the study, the author came to the conclusion that the key factors of Germany’s successful use of education as a tool of “soft power” are the following: correctly and systematically built educational strategy based on the promotion of German interests in other countries and regions under the auspices of numerous NGOs; the establishment of a comprehensive system of management and realization of educational programs of different levels in the international scale; correct the direction of propagation of influence through education. All these factors allow us to say that in the near future Germany will remain one of the European leaders in the export of education, attracting foreign students and, as a consequence, the spread of its influence in various regions of the world.

REFERENCES

1. Ageeva, V.D. (2016) *Rol' instrumentov "myagkoy sily" vo vneshey politike Rossiyskoy Federatsii v kontekste globalizatsii* [The role of the “soft power” tools in the foreign policy of the Russian Federation in the context of globalization]. Abstract of Political Science Cand. Diss. St. Petersburg.
2. Khauer-Tyukarkina, O.M. (2015) The role of “soft power” under the global economic crisis (on the example of the EU). *Konfliktologiya / Nota Bene – Conflict Studies/Nota Bene*. 4(5). pp. 363–373. (In Russian). DOI: 10.7256/2409-8965.2015.4.17439
3. Tsipanovats, V. (2017) *Tekhnologii publichnoy diplomatii Evrosoyuza* [Technologies of public diplomacy of the European Union]. [Online] Available from: <http://evropazavtra.ru/sompetitions/proshedshie-konkursy/molodye-uchyonye-2017/spisok-rabot-uchastnikov-konkursa-2017/tekhnologii-publichnoy-diplomatii-evr>.
4. France. (1998) *Sorbonnskaya Deklaratsiya (1998)* [The Sorbonne Declaration (1998)]. [Online] Available from: http://www.france-jus.ru/upload/docs/Declaration_Sorbonne.pdf.
5. European Ministers of Education. (1999) *Tekst Bolonskoy deklaratsii. Evropeyskoe prostranstvo vysshego obrazovaniya. Sovmestnoe zayavlenie evropeyskikh Ministrov obrazovaniya, podpisannoe v Bolon'e, 19 iyunya 1999 goda* [The text of the Bologna Declaration. European Higher Education Area. Joint Statement by European Ministers of Education, signed in Bologna, June 19, 1999].
6. Rostoks, T. & Spruds, A. (eds) (2015) *Different faces of “soft power”: the Baltic States and Eastern Neighborhood between Russia and the EU* [Different faces of “soft power”: the Baltic states and the Eastern Neighborhood between Russia and the EU]. Latvian Institute of International Affairs.
7. Lanshina, T.A. (2014) Germany’s Soft Power: Culture, Education, Science. *Vestnik mezhdunarodnykh organizatsiy – International Organizations Research Journal*. 9(2). pp. 28–58. (In Russian).

8. Megem, M.E., Maksimov, I.P. & Gritsaenko, P.S. (n.d.) *Klyuchevye faktory "myagkoy sily" Germanii v stranakh Baltii* [Key factors of "soft power" of Germany in the Baltic countries]. [Online] Available from: <http://abfund.org/klyuchevy-e-factory-myagkoj-sily-germanii-v-stranah-baltii/>.
9. Kinyakin, A.A. (2012) Politika i mekhanizmy "myagkoy sily" Germanii [Politics and mechanisms of German "soft power"]. *Vestnik RUDN. Seriya Politologiya – RUDN Journal of Political Science*. 4.
10. Germany. (n.d.) *Friedrich Naumann Stiftung. Bewerbung* [Friedrich Naumann Foundation. Candidature]. [Online] Available from: <https://www.freiheit.org/content/bewerbung>
11. Lanshina, T. (2015) The Goethe Institute and Soft Power. *International Organisations Research Journal*. 10(1). pp. 118–142. DOI: 10.17323/1996-7845-2015-01-86
12. *Schulen: Partner der Zukunft*. (n.d.) [Online] Available from: <http://www.pasch-net.de/udi/ang/deindex.htm>.
13. Softpower30.com. (2018) Germany. Overview. [Online] Available from: <https://softpower30.com/country/germany/>.
14. Holguin, J.C. (2013) *German Soft Power*. Washington, DC: [s.n.].
15. Rustamova, L.R. (2016) The Defining Features of Soft Power Strategy in German Foreign Policy. *Vestnik MGIMO-Universiteta – MGIMO Review of International Relations*. 1(46). pp. 118–128.
16. Usacheva, M. (n.d.) *Is Smart Power the New Soft Power? German and Russian Examples*. [Online] Available from: http://russiancouncil.ru/blogs/riacexperts/?id_4=2345.

УДК 94(430)

DOI: 10.17223/19988613/57/7

С.В. Арапина, Е.В. Ипатенко

СОЦИАЛЬНЫЕ ГОРИЗОНТЫ ТРЕТЬЕГО РЕЙХА: ОБЕЩАНИЯ И ОЖИДАНИЯ (НА ПРИМЕРЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГЕРМАНСКОГО ТРУДОВОГО ФРОНТА В 1933–1939 гг.)

Рассматриваются целевые установки и отдельные практические шаги в области социальной политики нацистской Германии. Внимание сфокусировано на деятельности Германского трудового фронта, который решал часть социально ориентированных задач, являлся и проводником, и символом идеи «народного сообщества». На основе источников анализируются сферы практической работы Трудового фронта в период 1933–1939 гг. и ее результаты с точки зрения их соответствия данным обещаниям и сформированным ожиданиям.

Ключевые слова: Германия; национал-социализм; Германский трудовой фронт; социальная политика.

В «Карманной азбуке национал-социализма», изданной в 1930 г., на вопрос «Какая первая заповедь национал-социалиста?» предписывалось отвечать: «Люби Германию превыше всего и своего единоплеменника как самого себя!» [1. С. 28]. С утверждением Национал-социалистической немецкой рабочей партии у власти эта заповедь в значительной степени определила смысл «народного сообщества» – понятия, которое тянулось непрерывной нитью через все сферы политики, в том числе социальной. О социальных перспективах «народного сообщества» рассуждали с трибун партийных съездов, на министерских совещаниях, в собраниях многочисленных нацистских организаций, в том числе Германского трудового фронта (ГТФ), который функционировал в 1933–1945 гг. Его руководитель Роберт Лей относился к разряду превосходных пропагандистов Volksgemeinschaft как средства самоутверждения и самореализации человека, консолидации и мобилизации общества (по определению А. Гитлера, национализации масс [2. С. 281]) для воплощения задуманных нацистами «народных» проектов.

Указом «О характере и цели Германского трудового фронта» от 24 октября 1934 г. определялась цель организации – создание подлинного народного и производственного сообщества всех немцев за счет объединения рабочих, служащих и предпринимателей [3. S. 243], в 1935 г. были приняты решения о включении в структуру ГТФ торговцев и крестьян [4. S. 473, 478]. Уже само появление организации, объединяющей людей независимо от их социального и экономического положения, было новым словом в социальной политике. Очевидно, что ГТФ воспринимался как площадка для формирования новой социальной модели, в которой возможно достижение консенсуса относительно общих интересов и общей пользы; прежде всего внимание фокусировалось на возможности перешагнуть через классовые противоречия и развернуть социальное партнерство труда и капитала. В 1935 г. Лей констатировал как свершившийся факт, что Германия – единственная европейская страна, которая покончила с классовой борьбой [5].

Национал-социалисты получили свои электоральные голоса на парламентских выборах 1932 г. в значительной степени благодаря настойчивому продвижению

указанных выше идей. Они сделали свое предложение удовлетворить спрос на социальное участие, равные возможности, социальную мобильность той части общества, которая испытывала на себе социальные разрывы в Веймарской республике. В одном из интервью 1934 г. Гитлер рассуждал: «Национальное сообщество – это означает объединение всего производительного труда, что означает единство всех жизненных интересов, что означает уход от буржуазного индивидуализма и стремление к объединению механически организованных масс, что означает безусловное приравнивание судьбы одного человека к судьбе нации, личности и народа» [6. С. 544]. На практике выходцам из нижних слоев предоставлялся шанс взобраться на высокую должность, получить свою долю государственной заботы.

Германский трудовой фронт в полной мере солидаризировался с этими установками. Роберт Лей заявлял: «Нам нужно сообщество! Наивысших достижений вообще можно добиться только в сообществе. Счастье человек находит только в сообществе. Мы видим нашу высшую цель в сообществе людей... Но если мы хотим создать такое упорядоченное сообщество, мы должны согласиться, что каждый отдельный человек имеет права в этом сообществе. Если мы возлагаем на него обязанности, то должны дать ему и права. Первое и наиважнейшее право: дать дорогу прилежному. Молодой человек из самой глухой деревни должен иметь возможность проделать путь наверх, если он что-то может. Здесь я вспоминаю свой собственный жизненный путь. Как трудно было раньше! Почти невозможно пробиться молодому парню, вынужденному влачить свои дни в какой-нибудь богом забытой деревушке. Пережитые нами война и революция это изменили. Мы открыли дорогу каждому человеку» [7. С. 190]. При этом отметим, что все подобные рассуждения имели жесткие рамки: заявленная цель Германского трудового фронта и просматриваемый в документах его всеохватывающий характер подпадали под общие ограничения режима, обусловленные «санитарными чистками» «народного тела» – были определены по этническому, социальному, физиологическому, идеологическому параметрам группы нежелательных для «народного сообщества» людей, которые не попадали в сферу ак-

тивного действия организации и на которых не распространялись ее социальные обещания.

Заняв место традиционных немецких профсоюзов, Германский трудовой фронт за короткое время вырос до уровня самой массовой и одной из наиболее мощных организаций в государстве, а в 1935 г. получил статус «организации, присоединенной к партии». О достигнутых им масштабах и средствах достижения этих масштабов свидетельствует выступление Лея о воспитании «народной общности» перед хозяйственными руководителями в Дюссельдорфе 14 апреля 1934 г. В частности, он отмечал: «Сегодня 24 млн человек состоят в НСДАП и Трудовом фронте: 4 млн – это члены партии; 20 млн – члены ГТФ... Если кто-нибудь говорит: “Я не хочу вступать в Трудовой фронт!” – мы ему отвечаем: “Мой дорогой друг, от тебя это не зависит! Вспомни о своих школьных годах: если кто-то отделился от своих школьных товарищей, какие душевные муки должен был испытывать этот обособленец”. У Германского трудового фронта есть неписанные законы, и никто не может не подчиняться им» [8. S. 100–101]. Постепенно Германский трудовой фронт превратился в разветвленную структуру, в которую входили вспомогательные учреждения, издательства, строительные и страховые компании, продовольственные магазины, банки, автомобильный завод «Фольксваген». Она аккумулировала финансовые потоки, которые формировались из средств прежних профсоюзных организаций, членских взносов и государственных денежных субсидий.

Имея такие человеческие, организационные, финансовые ресурсы и запуская в оборот лозунги заботливого государства, бессменный руководитель Трудового фронта претендовал на большую долю контроля над социально-экономической сферой. При этом в публичном пространстве он акцентировал внимание на том, что для его организации контроль – это не самоцель, а средство: «Если мы не оформим судьбу каждого немца, не сможем практически вмешаться в социальную и вместе с тем в экономическую политику, то все наше влияние не будет иметь никакого смысла» [9. S. 136].

Выделяется ряд направлений социальной политики, в которых Германский трудовой фронт предполагал себя проявить, озвучить и практически воплотить в жизнь привлекательные для большей части общества (прежде всего целевой аудиторией были рабочие и служащие) обещания в духе «народного сообщества».

Актуальной сферой Трудовой фронт определял трудовые отношения, и в частности оплату труда. В значительной степени эта тема была политически острой и связывалась с «завоеванием» рабочих для НСДАП. В декабре 1933 г. в очередном номере *Arbeitertum*, печатном органе ГТФ, с удовлетворением было отмечено, что организация добивается повышения заработной платы; так, посещение Р. Леем предприятий билефельдской металлопромышленности имело практические результаты для рабочих [10]. ГТФ точно на локальном уровне пытался вмешиваться в сферу оплаты труда, вел пропаганду повышения зарплаты, вступал в прямые конфликты с министерством труда. Но, несмотря на кажущуюся активность организации, ее успехи в этом направлении не назовем впечатляющими:

ми: в течение 1933–1939 гг. размер почасовой зарплаты по тарифному договору сохранялся ниже уровня 1932 г., не было преодолено неравенство в оплате труда мужчин и женщин (за 1932, 1936 и 1939 гг. для квалифицированного рабочего почасовой тариф составлял 81,60, 78,30 и 79,10 пфеннига соответственно; для квалифицированной рабочей – 53,10, 51,60 и 51,50 соответственно [11. S. 165]; исключения в тарифах отмечались для отраслей, связанных с военным производством). Более того, само стремление Трудового фронта к «справедливой зарплате» вызывало критику рейхсканцлера, который не намеревался предоставлять этой организации реальные полномочия в данной сфере. В 1937 г. было издано распоряжение для всех партийных подразделений, но явно главным адресатом просматривался ГТФ, поскольку в документе прямо предписывалось отказаться от дешевого популизма и не подталкивать к повышению заработной платы. Государство имело оправдание своим действиям: поддержание низких тарифов – условие, которое позволяло ему удешевить военные заказы, а поскольку они напрямую связывались с подготовкой к борьбе за жизненное пространство, ответственный член «народного сообщества» должен был с пониманием относиться к такой тарифной политике [12. С. 7–8]. Кроме этого аспекта, сотрудники ГТФ сталкивались с жалобами работников на многочисленные вычеты, которые «съедали» значительную часть зарплаты: подоходный налог, страховые взносы, членские взносы в Трудовой фронт, разные «добровольные» пожертвования и сборы – на «зимнюю помощь», на бомбоубежища, на покупку портрета фюрера и т.д. К этому добавлялся рост цен на товары и стоимости аренды жилья. В такой ситуации одни находили выход в сверхурочных часах и дополнительной сдельной работе, другие – в забастовках (несмотря на то, что в соответствии с законом «Об организации национального труда» от 20 января 1934 г. это классифицировалось как нарушение духа производственного сообщества [13. S. 45–46]), кто-то последовательно полагался на защиту со стороны ГТФ. Трудовой фронт, в свою очередь, мог частично компенсировать собственную слабость в тарифных отношениях, используя косвенные возможности поддержать доход работника, например аккордные надбавки, праздничные вознаграждения, пособия многодетным родителям, бесплатное обслуживание в столовых и спортивных залах.

Не выходя из сферы трудовых отношений, ГТФ закрепил за собой более спокойную в политическом отношении нишу – условия и охрана труда; повышение их уровня оценивалось как еще одна своеобразная компенсация невысоких зарплат. В рамках организации было создано управление «Красота труда», которое отслеживало соблюдение работодателями производственно-гигиенических норм: требовались чистота на предприятиях, комфортные комнаты отдыха, санитарное оборудование, озеленение территории, программы профилактики профессиональных болезней. Для мотивации работодателей включиться в программы «Красоты труда» использовались налоговые льготы, обещания роста производительности труда и при-

были, принуждение. Согласно статистике казалось, что в этом вопросе обещания организации плавно переходили на уровень оправданных ожиданий: к 1939 г. было проинспектировано 67 тыс. промышленных предприятий, благоустроено 26 тыс. рабочих помещений, сооружено умывальных комнат и раздевалок 24 тыс., оборудовано столовых и комнат отдыха 18 тыс. Но «приятную картину», составленную из цифр, портили критические отзывы работников-выгодоприобретателей: в частности, инспекторы фиксировали предложения вместо «красоты» выдать премии, отмечали жалобы на размывание «красоты» по социальному признаку (например, разная степень комфортабельности помещений для рабочих и служащих) [14. С. 72–73]. Поскольку эта тема была значимой для пропаганды успехов режима, подобные расхождения нуждались в сглаживании, требовали постоянного вмешательства ГТФ в эту сферу и переговорного мастерства его сотрудников.

С приходом к власти национал-социалисты поставили цель – оздоровление системы социального обеспечения и включение в нее всех членов «народного сообщества». Они провозглашали, что каждому полноценному немцу должно быть гарантировано право на социальную поддержку в трудной жизненной ситуации, особенно когда он утрачивает трудоспособность. Общими усилиями министерства труда и Германского трудового фронта разрабатывались планы «народной социальной защиты». Защита выстраивалась таким образом, что человек, включаясь в систему социального страхования, брал на свои плечи большую долю материальной ответственности за свое будущее: делал взносы в период трудовой деятельности, а не надеялся на государство, которое стремилось минимизировать свои затраты в этой сфере [15. С. 160]. ГТФ являлся составной частью системы социального обеспечения: он предусматривал пособия по инвалидности, по старости, материальную помощь в случае нужды. Денежная выплата, на которую мог рассчитывать человек, зависела от продолжительности членства в ГТФ и, соответственно, уплаты членских взносов; пособия получали только те, кто состоял в организации не менее одного года [16. С. 230].

Экономически и политически актуальным был вопрос безработицы и связанной с ней поддержки безработных. Игнорировать проблему и оставить безработных без помощи в нищете национал-социалисты не могли, но поощрять социальное иждивенчество и расходовать в большом объеме государственные средства не входило в их планы, поэтому решение они связывали не с обсуждением размеров пособий, а с сокращением количества безработных. Полноценным гражданам (прежде всего мужчинам) обещали рабочее место, которое должно было обеспечить материальный достаток, а может быть, и расширило бы возможности социального продвижения. Германский трудовой фронт вписывался в эту общую установку своими программами профессиональной подготовки и переподготовки кадров, которые были нацелены на развитие профессиональных навыков и повышение шансов работника на рынке труда. В структуре ГТФ появился Германский институт по техническому обучению ра-

бочих (ДИНТА), в конце 1936 г. насчитывалось свыше 400 учебных мастерских, более 100 дополнительно строились, были задействованы 25 тыс. преподавателей, курсы посещали 2,5 млн рабочих [14. С. 50]. Вся эта система опиралась на формулу «повышение квалификации – возможность карьерного роста – возможность статусного роста». Но на практике было понятно, что это не может стать траекторией развития каждого рабочего в силу разных обстоятельств: личностных качеств, ограничений рынка труда, потребностей производства и т.д.

Самым показательным направлением в деятельности ГТФ была организация досуга. Для его реализации создали отдельное подразделение «Сила через радость» (КдФ). Разработанные программы – путешествия для рабочих и служащих, спортивные мероприятия, просветительские лекции, групповые посещения театров, кино и т.д. – были нацелены на социальную интеграцию, уничтожение различий в статусе и рассматривались как осязаемое свидетельство создания органичного «народного сообщества»: распространение развлечений среднего и высшего классов (парусный спорт, теннис, театр, путешествия) на широкие массы воспринималось как наведение мостов между классами. КдФ с каждым годом все более и более усиливала свое влияние: в 1934 г. она охватила 9 млн человек, в 1939 г. – около 55 млн; в 1934 г. число участников отпускных поездок составляло 2,3 млн человек, в 1938 г. – 10,3 млн [17. С. 501]. Предлагая ряд разнообразных мероприятий, которые ранее были недоступны многим членским Трудового фронта, «Сила через радость» встречала часто положительную реакцию. Приобщение к развлечениям более высокого уровня позволяло простому человеку представить, что он поднимается по социальной лестнице вверх, и за это он выражал искреннюю благодарность. Сотрудники Германского трудового фронта, анализируя отзывы участников мероприятий, могли уверенно сказать, что КдФ – это подлинное положительное достижение национал-социалистов. Позже немецкие историки, осмысливая нацистское прошлое, именно для таких достижений ввели понятие «сияние Третьего рейха», которое затеяло преступные цели режима [18].

Однако и у КдФ отмечались свои недостатки и связанные с ними разочарования: например, организация не могла полностью удовлетворить спрос на путешествия, дешевые туры не обеспечивали хороших условий отдыха, а дорогие туры могли себе позволить только работники с неплохой зарплатой (более 250 марок в месяц); дешевые театральные билеты предлагались на худшие места в зале; большой туристический пароход, призванный олицетворять бесклассовое общество, делился на каюты разного класса [6. С. 513]. Тем не менее подобные замечания скорее воспринимались как допустимые издержки низкой стоимости услуг, а не как нарушение громких обещаний. Серьезным же провалом стал проект «народного автомобиля», который позиционировался как доступный каждому немцу независимо от класса и собственности. Потенциальному покупателю предлагали делать еженедельные взносы в размере 5–15 марок, а после выплаты 750 марок он

получал ордер на приобретение автомобиля. В программе успели принять участие более 300 тыс. немцев, которые выплатили взносы в размере 280 млн марок [15. С. 171]. Однако их надежды на приобретение собственной машины не оправдались. Разразившаяся в сентябре 1939 г. война нарушила планы продажи «Фольксвагена» гражданскому населению.

В заключение отметим, что Германский трудовой фронт в течение 1933–1939 гг. поставил на прочную основу диалог с немцами в духе «народного сообщества». Используя установки коллективистской этики, он претендовал на формирование у людей, «обиженных» Веймарской республикой, ощущения равных возможностей, классовой солидарности, встроенности в единый социальный организм. Р. Лей, заинтересованный в положительной репутации своей организации, озвучивал привлекательные обещания, но вопро-

сы вызывала их реализация. Как показала практика, частично ГТФ оправдывал ожидания, поддерживая тем самым благоприятный образ заботливого государства и обеспечивая капитал доверия режиму со стороны населения. Но часть ожиданий оказалась в ряду неоправданных, поскольку сама организация имела определенную ограниченность. Во-первых, она поддерживала общий дискриминационный настрой режима, и часть немцев, по тем или иным причинам признанных «нежелательными», исключалась из сферы ее деятельности и не могла рассчитывать на поддержку. Во-вторых, она не выдерживала конкуренции с профильными государственными ведомствами и вынуждена была отклоняться от своих обещаний, как это было в сфере трудовых отношений. В-третьих, сфера ее деятельности и ее обещания зависели от экономической, политической конъюнктуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кунц К. Совесть нацистов. М. : Ладомир, 2007.
2. Данин О. Нации и национализм в Германии. 1770–1990. СПб. : Наука, 2003.
3. Deutsche Geschichte in Quellen und Darstellung. Stuttgart, 1995. Bd. 9: Weimarer Republik und Drittes Reich 1918–1945.
4. Organisationbuch der NSDAP. München, 1936.
5. Volkischer Beobachter. Berlin. 1935. 29 Nov.
6. Эванс Р. Третий рейх. Дни триумфа: 1933–1939. Екатеринбург : У-Фактория; М. : Астрель, 2012.
7. Фрай Н. Государство фюрера: национал-социалисты у власти: Германия, 1933–1945. М. : РОССПЭН; ГИИМ, 2009.
8. Ley R. Durchbruch der sozialen Ehre. München : Zentralverlag der NSDAP Franz Eher Nachf, 1939.
9. Ley R. Deutschland ist schöner geworden. Berlin, 1936.
10. Arbeitertum. Berlin. 1933. 01 Dec.
11. Alltag unter Hitler. Berlin, 2000.
12. Арапина С.В., Ипатенко Е. В. Социальная практика национал-социалистического режима в Германии (довоенный период) // Вестник КемГУ. 2013. № 2 (54), т. 3. С. 7–11.
13. Reichsgesetzblatt. Herausgegeben vom Reichministerium des Innern, Gesetzsammlungsamt. Berlin, 1934.
14. Паламарчук Е.А. Социальная политика Третьего рейха. Ростов н/Д. : Изд-во «Актуальные проблемы современной науки» Сев.-Кав. науч. центра высшей школы Южного федер. Ун-та, 2005.
15. Социальная политика и социальное государство в Германии : учеб. пособие / Л.Н. Корнева (отв. ред.) [и др.]. Кемерово : Кузбассвузиздат, 2014.
16. Marrenbach O. Fundamente des Sieges. Die Gesamtarbeit der Deutschen Arbeitsfront von 1933 bis 1940. Berlin, 1941.
17. Thamer H.-U. Verführung und Gewalt. Deutschland 1933–1945. Berlin, 1986.
18. Reichel P. Der schöne Schein des Dritten Reiches. Faszination und Gewalt des Faschismus. München–Wien, 1992.

Ipatenko Elena V. Kemerovo State University (Kemerovo, Russia). E-mail: ipatenko78@mail.ru

Arapina Svetlana V. Kemerovo State University (Kemerovo, Russia). E-mail: arapina77@mail.ru

SOCIAL DIMENSION OF THE THIRD REICH: PROMISES AND EXPECTATIONS (THE CASE STUDY OF THE GERMAN LABOUR FRONT ACTIVITIES IN 1933–1939)

Keywords: Germany; national socialism; German labour front; social policy.

Despite a great deal of work done in studying National Socialism, there are still “blind spots” in this subject matter that continue to attract attention. In this article, the authors raise the issue of social preferences and social order in Nazi Germany. Attention is focused on the activities of the German Labour Front, which was involved in social policy.

The purpose of the article is to assess the results of the practical activities of the Labour Front in terms of their compliance with the pledges and formed expectations. Sources of the research included the works of the National Socialism leaders, regulatory documents, statistical materials and the periodicals of the Third Reich.

As a result of the parliamentary elections of 1932, the National Socialist German Workers' Party led by A. Hitler took power in Germany. For many Germans, Hitler's pledges presented him as a person who knows what to do under the conditions of post-war peace unfair for Germany, what the German people need and how to give it to them. Hitler supported his promises with the concept of the “popular community” (Volksgemeinschaft).

The German Labour Front, which united people regardless of their social and economic situation, was perceived as a platform for the formation of a new social model in which consensus could be reached based on common interests and common good. Primarily, the emphasis was placed on the possibility of overriding class contradictions and unfolding social partnership.

In 1933–1939 German Labour Front formed a solid foundation for the dialogue with the Germans in terms of “popular community”. Using the attitudes of collectivist ethics, they aimed at forming with people “offended” by the Weimar Republic a sense of equal opportunities, class solidarity, and incorporation into a single social organism. R. Ley, who was interested in the favorable reputation of his organization, voiced attractive pledges, but their implementation caused questions. As practice showed, the GLF met the expectations in some part, thereby maintaining a positive image of a caring state and providing the capital of popular confidence in the regime. Nevertheless, a part of the expectations turned out to be failed, since the organization's possibilities were limited in a certain way. First, it supported the general discriminatory attitude of the regime, and even some Germans, for one reason or another, recognized as “undesirable”, were excluded from the sphere of its activity and could not count on its support. Secondly, it could not withstand competition with

the relevant government departments and was forced to deviate from its promises, as it happened in the field of labour relations. Thirdly, the scope of its activities and its promises depended on the economic and political conjuncture.

REFERENCES

1. Kunts, K. (2007) *Sovest' natsistov* [The Conscience of the Nazis]. Moscow: Ladomir.
2. Dann, O. (2003) *Natsii i natsionalizm v Germanii. 1770–1990* [Nation and nationalism in Germany. 1770–1990]. St. Petersburg: Nauka.
3. Hürten, H. (1995) *Deutsche Geschichte in Quellen und Darstellung* [German history in sources and presentations]. Vol. 9. Stuttgart: Reclam, Philipp, jun.
4. NSDAP. (1936) *Organisationbuch der NSDAP* [Organization book of the NSDAP]. Munich: [s.n.].
5. *Völkischer Beobachter*. (1935) 29th November.
6. Evans, R. (2012) *Tretiy reykh. Dni triumfa: 1933–1939* [The Third Reich. Days of Triumph: 1933–1939]. Translated from English by B. Kobritsov, A. Galaktionov. Ekaterinburg: U-Faktoriya; Moscow: Astrel'.
7. Frei, N. (2009) *Gosudarstvo fyurera: natsional-sotsialisty u vlasti: Germaniya, 1933–1945* [The Fuhrer's State: National Socialists in power: Germany, 1933–1945]. Translated from German by L. Pantina. Moscow: ROSSPEN; GIIM.
8. Ley, R. (1939) *Durchbruch der sozialen Ehre* [Breakthrough of Social Honour]. Munich: Zentralverlag der NSDAP Franz Eher Nachf.
9. Ley, R. (1936) *Deutschland ist schöner geworden* [Germany has become more beautiful]. Berlin: Mehden Verlag.
10. *Arbeitertum*. (1933) 1st December.
11. Schneider, W. (ed.) (2000) *Alltag unter Hitler* [Everyday life under Hitler]. Berlin: Rowohlt Berlin Verlag.
12. Arapina, S.V. & Ipatenko, E.V. (2013) Social practice of the national socialist regime in Germany (pre-war period). *Vestnik KemGU – Bulletin of Kemerovo State University*. 2(54). pp. 7–11. (In Russian). DOI: 10.21603/2078-8975-2013-2-7-11
13. *Reichsgesetzblatt*. (1934). Berlin.
14. Palamarchuk, E.A. (2005) *Sotsial'naya politika Tret'ego reykhha* [Social Policy of the Third Reich]. Rostov-na-Donu: Southern Federal University.
15. Korneva, L.N. (ed.) (2014) *Sotsial'naya politika i sotsial'noe gosudarstvo v Germanii* [Social policy and the welfare state in Germany]. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat.
16. Marrenbach, O. (1941) *Fundamente des Sieges. Die Gesamtarbeit der Deutschen Arbeitsfront von 1933 bis 1940* [Foundations of Victory. The total work of the German Labor Front from 1933 to 1940]. Berlin: Deutschen Arbeitsfront.
17. Thamer, H.-U. (1986) *Verführung und Gewalt. Deutschland 1933–1945* [Seduction and violence. Germany 1933–1945]. Berlin: Siedler.
18. Reichel, P. (1992) *Der schöne Schein des Dritten Reiches. Faszination und Gewalt des Faschismus* [The beautiful appearance of the Third Reich. Fascination and violence of fascism]. Munich; Vienna: Hanser.

УДК 943.085.2

DOI: 10.17223/19988613/57/8

С.В. Артамошин

ЭРНСТ ЮНГЕР И ВОЕННЫЕ ПЕРЕЖИВАНИЯ ПОКОЛЕНИЯ ВЕЛИКОЙ ВОЙНЫ

Рассматривается опыт военных переживаний поколения Великой войны на примере анализа творчества Эрнста Юнгера. Военные наблюдения Э. Юнгера представляют собой опыт размышления о природе войны, ее изменении. Автор выделяет особенности интерпретации Э. Юнгером исторической памяти о войне в германском обществе периода Веймарской республики. Показано, каким образом опыт переживаний войны повлиял на формирование консервативной революции как интеллектуального направления германской мысли этого времени.

Ключевые слова: Э. Юнгер; Первая мировая война; военные переживания.

События Первой мировой войны носили переломный характер. Эта война, или как ее было принято называть в начале XX в. и как до сих пор она называется в германской историографии – Великая война, была этапом перехода традиционного общества к модернистскому. Крушение ведущих европейских империй и вместе с этим закат монархической формы знаменовали собой победу республиканизма и ценностей Французской революции. Хотя об этом не говорилось напрямую, но принцип монархизма, противопоставлявшийся революционным идеям французской революции, был завершен. Вместе с тем война, объявленная мировой, в большей степени была локализована в Европе, пройдя огненным смерчем по европейскому пространству, выжигая не только местность, но и души европейцев. Технический характер войны осуществлял нивелировку человека, значимости и влияния индивидуальных действий воинов на характер войны. Техника пожирала человека, превращая его в человеческий материал на службе орудий уничтожения. Война приобретала новейшие черты, которые делали войны XIX в. реликтом прошлого. Ведение войны приобретало совершенно иной характер, влияя на морально-ценностные принципы воюющих стран.

Творчество немецкого писателя и мыслителя, фронтовика Великой войны Эрнста Юнгера достаточно разнопланово и многогранно, чтобы сводить его к единому знаменателю. Но в нем прослеживается линия, которая в определенный период его жизни была основной и предопределяла его известность в литературном мире. Речь идет о его военных произведениях, написанных в первые годы после окончания Великой войны и отражающих стремление автора понять, чем была эта война для его поколения, в чем состояла эта кровавая, разрушительная школа жизни, воспитавшая и закалившая молодых людей в горниле сражений. Особенностью подхода Э. Юнгера было то, что он, как сейсмограф, регистрировал и наблюдал за глобальными изменениями в пространстве политических и военных столкновений, душевных и психологических переломов в жизни солдат, стихийном разрушении пространства природы, трансформации мира. Роли участника и наблюдателя позволяли Юнгеру с определенной дистанции увидеть в глобальном военном противостоя-

нии черты наступления технического века и рождения нового мира.

Становление нового мира в Германии после Великой войны привело к политико-идеологической гражданской войне в веймарском обществе, активным участником которой был и Эрнст Юнгер. Им было произведено объединение военных переживаний и принципов нового национализма, входивших в интеллектуальный мир консервативной революции [1, 2]. Российский историк О. Терехов отмечает, что «консервативная революция» была попыткой создания нового немецкого консерватизма и национализма радикального характера... Ее деятели стремились обновить германский консерватизм и придать ему современный и динамический характер» [3. С. 5]. Идеологические и экзистенциальные принципы Э. Юнгера, вливаясь в консервативную революцию, позволяли ему сохранять мир военных переживаний в политической деятельности. Следует отметить, что «движение консервативной революции создало поле для политической критики веймарской системы, для пропаганды преобразования германского государства в националистическом духе, что, по мнению консервативных революционеров, покончило бы с внешнеполитическим унижением и внутривнутриполитической слабостью. Идеи консервативной революции сформировали критический слой, атаковавший Веймарскую республику, но их политические взгляды были ориентированы на образованные и интеллектуальные слои общества, на националистически настроенных граждан “среднего класса”. Между тем улицы, люмпенами и пролетариями овладевали политические радикалы правого и левого толков» [1. С. 5]. Радикализм политико-идеологической гражданской войны в Германии имел свои истоки в изменениях человеческой природы, произошедшей под воздействием Великой войны.

Начало Великой войны сопровождалось небывалым эмоциональным подъемом в Германии, достижением политического единства и партийно-политического примирения. Массы добровольцев записывались в призывных пунктах, среди них был и Эрнст Юнгер. Говоря о его мотивации, германский исследователь Х. Кизель полагает, что мотивы, определившие уход юноши на фронт, имели «не политическую или национали-

стическую, а совершенно эгоистическую природу... Он хотел уйти из школы и пережить рискованное приключение» [10. S. 42–43]. В книге «В стальных грозах» Э. Юнгер объясняет стремление принять участие в войне чувством опьянения, романтическими иллюзиями мужского поединка. «Нас, выросших в век надежности, охватила жажда большой опасности. Война, как дурман, опьяняла нас. Мы выезжали под дождем цветов, в хмельных мечтах о крови и розах» [4. С. 35]. В романе «Лейтенант Штурм» в словах молодого лейтенанта звучит стремление понять смысл произошедшего, что позволит автору определить свое место в этих событиях. «Что за этим стояло? Отчизна? Да, конечно, и Штурм не мог не поддаться хмелю 1914 года. Но лишь после того, как его дух абстрагировался от идеи отчизны, на него повеяло всей мощью силы, которая двигала им. Теперь принадлежащие к разным народам давно казались ему влюбленными, из которых каждый клянется в верности одной-единственной и не подозревает, что все они одержимы *одной* любовью... Что повлекло его в армию, оторвав от докторской диссертации? Что еще, если не война, которая была у него в крови, как было свойственно каждому настоящему сыну своего времени, задолго до того как она огнедышащим зверем устремилась на арену явлений» [5. С. 54–55]. Особенностью принятого решения было то, что оно было связано с риском для жизни, с вступлением в пространство смерти. Как справедливо отмечала М. Хитала, юнгеровские переживания войны были «рискованным опытом, связанным с сильным акцентом на душевные переживания» [7. S. 43].

Романтические представления о войне исчезают, как только происходит столкновение с реальностью, так как возникает вероятность реальной смерти в бою. Бой снимает с солдата камуфляж эстетической красоты воинской службы, бросая его в ситуацию готовности убийства. Э. Юнгер писал: «Да, суета в сражающихся группах избранных представителей наций, бесстрашно нападающих через насыпь, надрессированных, со свистком и коротким криком бросающихся на смерть. Встретившиеся две группы таких бойцов в коротких движениях раскаленной пустыни, как наскок вместе воплощения бесцеремонной воли двух народов. Это было вершиной войны, высшим пунктом, возвышающим все ужасы, что прежде разрывали нервы. Замерзшие секунды тишины, схваченные взглядом, идут вперед. Затем доносящийся еще крик, обрывистый, дикий, кроваво-красный, обжигающий мозг, раскаленное, обжигающее клеймо. Этот крик срывает покров с сомнительного, непредвиденного мира чувств, он заставляет каждого, кто его слышит, быстро рвануться вперед, к “становлению” быть убитыми или убивающими» [9. S. 28–29]. Э. Юнгер совершенно четко обозначил черту перехода между состоянием мирного и военного существования, когда в бою воин стремится к единственному – к уничтожению врага любым способом, что и является сущностью боя. «Здесь я понял, что защитник, с расстояния пяти шагов вгоняющий пули в живот захватчику, наощупь рассчитывать не может. Боец, которому в момент атаки кровавый туман застилает глаза, не хочет брать

пленных, он хочет убивать» [4. С. 279]. Окопная война Великой войны представляла собой монотонные столкновения на узком пространстве, которые приобретали черты механического процесса.

Обладея «телескопическим взглядом» [12. S. 137], Э. Юнгер выделил отличительную особенность войны, состоявшую в господстве техники и нивелировке роли солдат на поле боя. Доминирование техники на поле боя выражалось в повышении роли артиллерии, особенно тяжелой, в уничтожении боевых порядков противника, выделении пулеметов как средства массового уничтожения солдат, стиравших индивидуальность бойцов и их значение в атаке, придании особого внимания качеству инженерных сооружений для проведения оборонительных действий. Массированный артиллерийский огонь, массовое применение пулеметов и окопная система оборонительных позиций придавали новый облик Великой войне, делая ее войной техники, что не переставал подчеркивать Э. Юнгер. По мнению Б. Цимана, переживание войны машин привело к расширению ценностного горизонта юнгеровского мировоззрения [13. S. 89]. «Затерянность в пространстве смертельного одиночества, от которого негде скрыться, мощь стальных дальнбойных машин, невозможность передвигаться не иначе как ночью выдавали за произошедшее застывшую массу титана. В смерть бросались, не помня себя, и она настигала, приходя неизвестно откуда. Рассчитанный выстрел искусного стрелка, прицельный огонь орудий вместе с восторгом единоборства уступили место неразборчивому пулеметному огню и сконцентрированным артиллерийским ударам. Решение можно было вычислить арифметически: кто накрыл определенную площадь в квадратных метрах большим количеством снарядов, тот зажимал уже победу в собственном кулаке. Грубый натиск масс на массы, кровавая схватка производства с производством, изделий с изделиями – вот что такое была битва» [5. С. 45]. Новый характер войны выражается в том, что солдат превращается в мастера фронта, в заменяемый элемент битвы. «Его добродетель заключается в том, что он может быть заменен, и что для каждого павшего в резерве уже имеется смена» [6. С. 231]. Индивидуальная роль солдата изменяется под возрастанием значения артиллерийского огня, она становится неважной. Человек превращается в материал, который погибает под ударами артиллерии. Война приобретает бесчеловечный характер.

Несмотря на возрастание роли техники в современной войне Э. Юнгер указывал на то, что ее применение воюющими сторонами не являлось основанием для победы, так как техника приобретает убийственную силу только в ее приложении к твердости человеческого духа, стойкости и решительности солдат. «Не в мощных укреплениях было дело, а в силе духа и бодрости людей, стоявших за ними» [4. С. 43]. Э. Юнгер указывает на объединение индивидуального и коллективного путем слияния солдата и его роты, единства действий, которое воспитывает решительность и придает мужество поступка. «Когда рота несла очередную потерю, все остальные стояли над телом убитого, и взгляды их соприкасались глубоко и смутно.

Но когда смерть грозным облаком нависала над окопами, тогда каждый был за себя, оставаясь один в темноте среди воя и скрежета, ослепленный взрывающимися молниями и не чувствуя в груди ничего, кроме безграничного одиночества» [5. С. 41]. В этой ситуации человек «пробует себя на зуб», и присутствие товарищей по роте делает его стойким, так как «трудно оказаться трусом на глазах у других» [Там же. С. 43, 72]. Таким образом, Э. Юнгер указывал на возникновение в ходе боев духовной, телесной и судьбоносной спайки солдата с совокупностью других бойцов, закладывавшей тем самым основы окопного братства.

Окопное братство представляло собой совокупность ценностных установок, общность судьбы в условиях ведения боевых действий. Оно было определено коллективным опытом переживания смертельной опасности, выживания под огнем артиллерийских налетов и фронтового товарищества. Эти ценности основывались на идеях долга, доблести, стойкости и самопожертвования. Опыт военных переживаний позволял противопоставить фронтовых солдат другим гражданам страны, акцентируя внимание на их способности к решительным действиям. В этом Э. Юнгер видел отличительную черту военного поколения, порожденную войной. «Сколько наших литераторов там (в Швейцарии. – С.А.) сидит в данный момент! Но какое различие между ними и нами, когда они созерцают и пишут, в то время как мы действуем!.. В сущности, не важно, кто под каким знаменем, очевидно одно: наша последняя пехтура или захудалый французский солдатик, стрелявший и заряжавший в битве на Марне, больше значит для мира, чем все книги, которые могут нагромоздить эти литераторы» [Там же. С. 68].

Характерные черты солдата Великой войны отражали стойкость защитников позиций, их готовность к гибели, но к гибели на боевом посту, выполняя воинский долг. «Образом солдата тех дней, каким его запечатлела моя память, был часовой, стоявший у амбразуры в остроконечной серой каске со сжатыми кулаками в карманах длинной шинели, пыхающий своей трубкой над ружейным прикладом» [4. С. 42]. На страницах книги Э. Юнгера отсутствует фиксация антивоенных настроений в германской армии в годы войны как не существующих. Автор не акцентирует внимания на усталости от войны, проявлениях уклонения и дезертирства, создавая картину длительного героического сражения, в котором меняются только местность и люди, но неизменными остаются решительность и готовность к победе. Проявления слабости и трусости отдельных солдат под интенсивным артиллерийским огнем лишь упоминаются вскользь как негативный контраст по отношению к тем, кто по сигналу атаки бросается в огонь сражения [5. С. 43–44].

Юнгеровский взгляд на войну представляет собой картину героического подвига, в котором просматриваются ее разрушительные черты, воспринимаемые им как элемент военных действий. Он не уделяет этому особого внимания, а фиксирует его как данность. Э. Юнгер позволяет увидеть и почувствовать войну, чему способствует метафоричность текста «В стальных грозах».

Х. Кизель выделял три блока метафор войны, создающих единую картину происходившего. Во-первых, война отражается как природное событие. Подъем войск в наступление представляется как накат морской волны, сама атака – как шторм, сопровождающийся вулканическими и апокалипсическими сценами. Во-вторых, война рассматривается как спектакль, сопровождаемый акустическими и визуальными действиями, мелодией боя и артиллерийского удара, танцем смерти. В-третьих, война выступает как образ, как метафора превращения [11. С. 180–181].

Образ немецкого солдата наделен Э. Юнгером героическими чертами и представляет собой совершенно новое явление, отличающееся от кайзеровской армии начала Великой войны. Подчеркивая это отличие, автор называет солдат мировой войны «новой расой», с которой он связывает надежду на определяющую роль в послевоенной Германии, уподобляя их птице Финикусу. «Гибкое, худощавое, жилистое тело, характерное лицо, окаменевшие под каской глаза с тысячей страхов. Он ликвидатор, стальная натура, настроенная на борьбу в своей ужасающей форме... Жонглер смерти, мастер взрывчатки и пламени, великолепный хищник, быстро перебегающий в траншеях» [9. С. 33]. В героических и воинских чертах солдата войны, которые описывает Э. Юнгер, Х. Кизель видит аналогию с картиной героического, отраженного в «Илиаде», что позволяет говорить о гомеровском критерии героического в его произведениях [11. С. 185]. «Сражения мировой войны имели и свои великие мгновения. Это знает каждый, кто видел этих властителей окопов с суровыми, решительными лицами, отчаянно храбрых, передвигающихся гибкими и упругими прыжками, с острым и кровожадным взглядом, – героев, не числящихся в списках. Окопная война – самая кровавая, дикая, жестокая из всех войн, но и у нее были мужи, дожившие до своего часа, – безвестные, но отважные воины. Среди воинствующих моментов войны ни один не имеет такой силы, как встреча командиров двух ударных частей между узкими глинобитными стенами окопа. Здесь не может быть ни отступления, ни пощады. Кровь слышна в пронзительном крике прозрения, кошмаром исторгающегося из груди» [4. С. 256].

Отличительной чертой юнгеровского взгляда на войну является признание ее конструктивного характера. Разрушения и огромные жертвы мировой войны отступали в его представлении на второй план перед созданным новым слоем людей, «новой расой», в руках которой будет строительство нового мира на основе новых ценностей, рожденных войной. Брат Э. Юнгера Фридрих Георг Юнгер писал, что война породила «тот солдатский тип, который тверд, трезв, кровав и беспрерывен, образующий развертывающийся материал битвы. Его характеризуют нервный шаг рожденного борца, выражение его одинокой ответственности, душевного одиночества. Этот круг был всегда продолжен в глубоком слое, сохранившем свой ранг. Путь, которым он шел, был узок и опасен, но это был путь, который вел в будущее» [8. С. 65].

Военный опыт фронтового поколения играл созидательную и воспитательную роль для германского

общества, в представлении Э. Юнгера был кузницей становления нового человека, прошедшего сквозь испытания войны техники, что выработало в нем готовность к самостоятельным решительным действиям, к взятию ответственности на себя за судьбу Отечества.

Э. Юнгер видел в военном опыте героическую сторону, формирующую окопное братство, основанное на общности переживаний, фронтового опыта и причастности к переломному событию мировой истории – Великой войне.

ЛИТЕРАТУРА

1. Артамошин С.В. Консервативная революция в интеллектуальном пространстве Веймарской республики. СПб. : Владимир Даль, 2018.
2. Артамошин С.В. Понятия и позиции «консервативной революции». Брянск : Брянский гос. ун-т, 2011.
3. Терехов О.Э. Феномен «консервативной революции» в Веймарской республике в историографии ФРГ: основные концепции и проблемы исследования. Кемерово, 2011.
4. Юнгер Э. В стальных грозах / пер. с нем. Н.О. Гучинской, В.Г. Ноткиной. СПб. : Владимир Даль, 2000.
5. Юнгер Э. Лейтенант Штурм // Юнгер Э. Рискующее сердце / пер. с нем. В.Б. Микушевича. СПб. : Владимир Даль, 2010.
6. Юнгер Э. Рабочий. Господство и гештальт // Юнгер Э. Рабочий. Господство и гештальт; Тотальная мобилизация; О боли / пер. с нем. А.В. Михайловского. СПб. : Наука, 2000.
7. Hietala M. Der neue Nationalismus: In der Publizistik Ernst Jüngers und des Kreises um ihn. 1920–1933. Helsinki, 1975.
8. Jünger F.G. Krieg und Krieger // Krieg und Krieger, hrsg. v. E. Jünger. Berlin, 1930.
9. Jünger E. Der Kampf als inneres Erlebnis. Berlin, 1922.
10. Jünger E. In Stahlgewittern. Historisch-kritische Ausgabe / hrsg. v. H. Kiesel. Stuttgart: Clett-Kotta, 2013. Bd. 2: Variantenverzeichnis und Materialen.
11. Kiesel H. Ernst Jünger. Die Biographie. München: Pantheon, 2009.
12. Schwilk H. Ernst Jünger. Ein Jahrhundertleben. Die Biographie. Stuttgart: Clett-Kotta, 2014.
13. Ziemann B. Gewalt in Ersten Weltkrieg. Töten-Überleben-Verweigern. Essen: Klartext, 2013.

Artamoshin Sergey V. Bryansk State University (Bryansk, Russia). E-mail: artamoshinsv@mail.ru

ERNST JÜNGER AND THE WAR EXPERIENCE OF THE GREAT WAR GENERATION

Keywords: E. Jünger; First World War; military experiences.

The First World War was a global turning point in world history. Understanding the experience of the war, proposed by Ernst Jünger, was a heroic chronicle of the fighting, describing the exploits and everyday life of hostilities and is a clear indication of the experiences of war. Ernst Jünger acted as a seismograph of the war, capable of identifying the special features of the new war and their influence on the transformation of the soldier's worldview in the context of hostilities.

The purpose of the article is to examine the influence of military experiences on the worldview of the military generation on the example of thinking about the war of Ernst Jünger. Sources of research were the works of Ernst Jünger on the First World War, his military diaries.

The specifics of understanding the First World War in Germany was associated with the process of identifying participants in the war after its completion. The clash of the military and the revolutionary generation led to the condemnation of war as a phenomenon and leveling the significance of the activities of its participants. Ernst Jünger in his writings on the war, including the famous book “In Steel Thunderstorms”, interprets war as not only destructive force, but also a creative phenomenon that shaped new values and forged character. Junger notes the key feature of the war - the role of technology in battles, which erases the value of the individual aspirations of soldiers. However, despite the technical face of the war, he claims that the resilience of the troops depended on the courage of the soldiers sitting in the trenches. Military experience has formed among the soldiers the values of front-line brotherhood based on loyalty, self-sacrifice, perseverance. A distinctive feature of the generation of the First World War, he considers determination and readiness for action, which the burghers lack. In his picture of war, there are no anti-war and pacifist elements, which he interpreted as manifestations of weakness. E. Jünger does not consider the military generation to be a “lost generation”, seeing in it a willingness and determination to change the world on the basis of the values of duty and service. E. Jünger discourse on the military generation, inscribed in the intellectual direction of the conservative revolution in Germany, served not only to criticize the revolutionary Weimar Republic, but also acted as a guide to the formation of the future German state.

An important role of observation E. Jünger played in the understanding of the image of a man in a war, the analysis of the everyday life of hostilities. Understanding of the military experiences, outlined by E. Jünger, made a significant contribution to the understanding of the military generation of the First World War.

REFERENCES

1. Artamoshin, S.V. (2018) *Konservativnaya revolyutsiya v intellektual'nom prostranstve Veymarskoy respubliki* [Conservative revolution in the intellectual space of the Weimar Republic]. St. Petersburg: Vladimir Dal'.
2. Artamoshin, S.V. (2011) *Ponyatiya i pozitsii "konservativnoy revolyutsii"* [Concepts and positions of the “conservative revolution”]. Bryansk: Bryansk State University.
3. Terekhov, O.E. (2011) *Fenomen "konservativnoy revolyutsii" v Veymarskoy respublike v istoriografii FRG: osnovnye kontseptsii i problemy issledovaniya* [The phenomenon of “conservative revolution” in the Weimar Republic in the historiography of Germany: the basic concepts and problems of research]. Kemerovo: [s.n.].
4. Jünger, E. (2000a) *V stal'nykh grozakh* [In steel thunderstorms]. Translated from German by N.O. Guchinskaya, V.G. Notkina. St. Petersburg: Vladimir Dal'.
5. Jünger, E. (2010) *Riskuyushchee serdtse* [Risking Heart]. Translated from German by V.B. Mikushevich. St. Petersburg: Vladimir Dal'.
6. Jünger, E. (2000b) *Rabochiy. Gospodstvo i geshtal't; Total'naya mobilizatsiya; O boli* [Worker. Domination and gestalt; Total mobilization; About pain]. Translated from German by A.V. Mikhaylovsky. St. Petersburg: Nauka.
7. Hietala, M. (1975) *Der neue Nationalismus: In der Publizistik Ernst Jüngers und des Kreises um ihn. 1920–1933* [The new nationalism: in the journalism of Ernst Jünger and the circle around him. 1920–1933]. Helsinki.
8. Jünger, F.G. (1930) *Krieg und Krieger* [War and Warrior]. In: Jünger, F.G. (ed.) *Krieg und Krieger* [War and Warrior]. Berlin: Junker & Dünhaupt.
9. Jünger, E. (1922) *Der Kampf als inneres Erlebnis* [The struggle as an inner experience]. Berlin: E.S. Mittler & Sohn.
10. Jünger, E. (2013) *In Stahlgewittern* [In steel storms]. Vol. 2. Stuttgart: Clett-Kotta.
11. Kiesel, H. (2009) *Ernst Jünger. Die Biographie* [Ernst Jünger. The biography]. Munich: Pantheon.
12. Schwilk, H. (2014) *Ernst Jünger. Ein Jahrhundertleben. Die Biographie* [Ernst Jünger. A century of life. The biography]. Stuttgart: Clett-Kotta.
13. Ziemann, B. (2013) *Gewalt in Ersten Weltkrieg. Töten-Überleben-Verweigern* [Violence in World War I. Kill-Überleben-Deny]. Essen: Klartext.

УДК 94 (47)

DOI: 10.17223/19988613/57/9

Е.В. Бадаев, О.В. Бирюкова

ВОПРОСЫ «СОВЕТСКОГО БЫТА» В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДИСКУССИИ 20-х ГОДОВ XX ВЕКА

На основе высказываний советских политических лидеров проанализированы три основных аспекта дискуссии: понимание сущности советского быта, основные направления формирования нового социального поведения населения, конкретные инструменты для решения актуальных вопросов формирующегося советского быта. Основной акцент делается на том, что партийное руководство, не имея четкого представления о социокультурном положении граждан, использовало административные рычаги в организации быта населения.

Ключевые слова: повседневность; трансформация; советский быт; хозяйство; пролетариат; культура; просвещение; В.И. Ленин; Л.Д. Троцкий; А.В. Луначарский.

Вопросы формирования «нового быта» в социальном контексте модернизационных задач советского общества 20–30-х гг. XX в. привлекают интерес отечественных и зарубежных историков и культурологов. Большинство работ по данному вопросу опубликовано в рамках изучения «истории повседневности». Авторы подобных работ проводят анализ различных сфер советской повседневности либо в контексте глобальных процессов, что связано с изучением социокультурных практик при переходе к индустриальному обществу, либо в российском историко-культурном контексте, выходящем за пределы советского периода. Присутствует и определенный массив работ, раскрывающий отдельные аспекты нового советского быта: советская кухня, алкогольная политика, просветительская деятельность и т.д. Однако, как правило, слабо освещается культурная и политическая логика, лежащая в основе формирования бытовых практик советского общества в 20-е гг. XX в.

Раскрытие данной логики, на наш взгляд, наиболее эффективно возможно через использование методологического подхода «образа будущего», так как «образ будущего» несет на себе мощнейший отпечаток времени его создания. Конструируемые в каждой исторической эпохе представления о некоей возможности (образ потенциального будущего), ожидание определенной перспективы оказывают реальное влияние на настоящее, эмоциональное и интеллектуальное состояние человека в момент современного для него времени, а социальное ожидание моделирует поведение социальных групп. В условиях советских социальных практик 20-х гг. XX в. стиль поведения, ориентированный на будущее, становится приоритетным в государственной политике, предвосхищая новую духовность, новые нравственные ориентиры и, как следствие, новый, основанный на этих ориентирах советский быт.

В начале 20-х гг. XX в., в условиях идущей социокультурной трансформации советского общества, отношение к вопросу строительства нового советского быта среди советских государственных деятелей было неоднозначным. Одним из первых, кто обратил внимание на проблемы формирования «нового социалистического быта», был В.И. Ленин. Он болезненно

переживал имеющуюся диспропорцию между идеологией и той социальной реальностью, в которой существовал рядовой советский гражданин. В конспекте, подготовленном к XI съезду партии, он отмечал, что ключевой проблемой настоящего времени является: «разрыв между всемирно-историческим величием задач, поставленных и начатых (революцией) и нищетою материальной и культурной» [1. С. 414]. В этих условиях вопросы «нового социалистического быта», по мнению В.И. Ленина, должны были быть в центре внимания государственного и партийного руководства.

Иной позиции придерживался Л.Д. Троцкий. Обращаясь к реалиям времени, он не отделял вопросы бытовых практик от решения ключевых задач, поставленных революцией. Троцкий прежде всего обращал внимание на тот факт, что Россия «вступила на путь пролетарской революции не потому, что ее хозяйство первым созрело для социалистического переворота, а потому, что оно вообще не могло дальше развиваться на капиталистических основах. Обобществление собственности на средства производства стало необходимым условием прежде всего для того, чтобы вывести страну из варварства...» [2. С. 33]. Однако выведение «страны из варварства» не предполагало приоритетности вопросов, связанных с формированием новых бытовых практик. Л.Д. Троцкий иначе расставлял модернизационные приоритеты. Он считал, что приоритет должен сохраняться за разрешением более прагматичных задач. Он писал: «Войдя в социалистическую революцию как “самое слабое звено капиталистической цепи”, бывшая империя царей... после переворота стоит еще перед задачей “догнать и перегнать”, следовательно, прежде всего догнать – Европу и Америку, т.е. разрешить те технические и производственные задачи, которые давно разрешил передовой капитализм» [Там же].

Позиция Л.Д. Троцкого по вопросам «нового быта» тем не менее не была однозначной. Именно он одним из первых в партии осознал значимость внимания к вопросам бытовой реальности советского гражданина и возможность их использования во внутривнутрипартийной борьбе. Формирование коммуникативного пространства по вопросам повседневности между ним, партией

и населением стало одной из важных задач в его деятельности в 1923 г. Используя возможности газеты «Правда», Л.Д. Троцкий обратился к партии и населению с призывом широкой дискуссии по «вопросам рабочего быта и коммунистического “культурничества”» [3. С. 135]. Собранные на основе «живого отклика» граждан материалы должны были позволить ему сконструировать привлекательный для граждан «образ» новой социальной реальности, способной воплотиться в практику в ближайшие годы.

Осознание того факта, что начатая революцией социокультурная трансформация общества не может быть сведена только к решению технических вопросов и производственных задач, заставляло советских государственных деятелей обращать более пристальное внимание на проблемы повседневности. Стало проявляться понимание того, что кардинально должен был измениться весь образ жизни советского человека, причем перестройка повседневного бытия должна осуществляться осознанно, под руководством государства. Так, рассуждая о взаимосвязи политики, экономики и повседневности, нарком просвещения А.В. Луначарский особо подчеркивал, что сама по себе политика является орудием для совершения хозяйственного переворота, а само хозяйство является «базой для переворота бытового, для изменения повседневного существования каждого человека» [4. С. 8]

Луначарский считал, что социалистические преобразования должны заложить основу новой жизни – не только в идеологическом смысле, но и на уровне повседневности. Он утверждал, что пролетариат взял власть в свои руки не ради власти, а именно с целью переустройства всего хозяйства. Понятия «социализм» и «новый хозяйственный строй» для А.В. Луначарского являлись синонимами, так как их ключевая задача заключалась в создании нового фундамента для человеческой жизни, способной раскрыть все грани заложенных в человеке творческих возможностей.

Он не сомневался, что это будут изменения к лучшему: «Можно заранее предсказать, что к тому времени, когда мы начинаем более или менее устраивать нашу общественную жизнь, вопросы быта начнут выдвигаться на первый план. Пройдет год-два, и эти вопросы станут на самом первом месте всего нашего строительства, потому что настоящая цель революции есть именно полное пересоздание быта» [Там же. С. 3]. Переустройство быта, таким образом, мыслилось как конечный итог революционного преобразования общества.

Однако оставался открытым вопрос о конкретном конструировании содержания «образа» этого «нового советского быта». Первым, кто попытался ответить на этот вопрос, был В.И. Ленин. По его мнению, социализм должен был помочь внедрить в стране просвещение и те основы европейской цивилизованной жизни, которых России, по мнению российской интеллигенции, катастрофически не хватало. «Образ нового быта» у Ленина приобретал утилитарные черты, исходя из социальных и идеологических требований реальности начала 20-х гг. XX в. Прежде всего речь шла об элементарных нормах гигиены и правилах бытового

поведения. Образ «нового социалистического быта», по В.И. Ленину, можно было свести к своеобразной формуле: просвещение плюс гигиена и правила бытового поведения, помноженные на коммунистические принципы. Задача новой марксистской интеллигенции сводилась к необходимости научить людей сморкаться в платок и мыть посуду.

Иной посыл лежал в размышлениях о формировании образа «нового быта» у А.В. Луначарского. Он исходил из потребностей самого «человека». «Само хозяйство, – писал Луначарский, – имеет смысл только с той точки зрения, насколько оно позволяет организовать счастливую, упорядоченную братскую жизнь людей, дает возможность всем талантам, дремлющим в человеке, развернуться широко в творческую, торжественную, блистательную жизнь. А вот эта-то самая жизнь, эта жизнь как самоцель и есть быт». «А в чем же будет заключаться его жизнь? – задавался вопросом нарком. – Она будет заключаться в свободном развитии всех заложенных в человеке возможностей. А к этому, собственно, и сводится культура» [5].

Вопрос о конструировании образа «нового советского быта» А.В. Луначарский увязывал с проектом создания образа нового советского человека. Парадокс заключался в том, что посыл Луначарского был сложно реализуем в условиях социальной практики НЭПа. Если гражданская война и практика военного коммунизма сформировали первый идеал советского человека, непримиримого классового борца, готового пожертвовать собой ради общего блага, то в условиях социально-экономической реальности НЭПа власть фактически перестала нуждаться в таких пламенных реально существующих борцах. Новый, целостный идеал советского человека оформится только в социально-экономической и культурной реальности 1930-х гг. Советскому человеку должны были быть присущи общественно-политическая и трудовая активность, глубокая преданность общему делу, высокие моральные качества, любовь к труду, так как труд должен был восприниматься не как тяжелое и заторное бремя, а как дело чести и геройства.

Государственная линия 20-х гг. XX в., связанная со строительством нового советского быта под влиянием указанных факторов, оказалась близка к ленинской утилитарной триаде: просвещение – бытовая культура – идеология. Такой утилитарно-идеологический подход и провал попытки Л.Д. Троцкого запустить дискуссию по проблемам повседневности не позволили государственным и партийным деятелям сконструировать привлекательный для населения образ «нового социалистического быта» с опорой на запросы граждан в соответствии с существующей социальной реальностью.

В условиях разворачивающейся внутривластной борьбы попытки конструирования образа «нового быта» ушли на второй план. Акцент сместился на поиск эффективных инструментов, способных решать конкретные проблемы быта, а также давать импульс к развитию новых социальных практик, как идеологически выверенных, так и востребованных повседневностью. С одной стороны, эти инструменты адаптировались под реальную ситуацию, с другой стороны, опыт

их применения позволял получить более объективную информацию о тех реалиях, которые проявились в ходе ускоренной (шоковой) трансформации советского общества.

Можно выделить несколько ключевых инструментов, задействованных государством для формирования нового советского быта. В качестве инструмента культурно-просветительской политики создавалась система клубов. Свободное время советского гражданина рассматривалось не просто как отдых от работы, а как возможность повысить свой культурный уровень. Просветительская деятельность государства в первую очередь концентрировалась на организации досуга. «Клуб сам по себе – организация «новобытская», – писал журнал «Культурная революция». – Новый быт – быт социалистический, коллективный. Клуб зовет проводить свободное время не в одиночку, а вместе, в коллективе, клуб зовет коллектив строить новую жизнь, клуб организует отряды борцов за новую жизнь... Классовая борьба развертывается и в быту. Разве не классовая задача – отвоение клубом у церкви и пивной рабочего, разве не политическая задача – поднять миллионы на организацию общественного питания?» [6. С. 4]. Таким образом, государство надеялось, что клуб создаст условия, в которых рабочие смогут одновременно использовать новые возможности для проведения досуга и получения новых знаний о самых разных сторонах жизни.

Социальная реальность НЭПа выхолащивала в основной массе населения идеал «классового борца». Культпросветработа сталкивалась с агрессивным неприятием идеологических установок и вандализмом со стороны пролетариата и молодежи. Пресса того периода фиксирует иные запросы населения. Один из журналов отмечал, что повсеместно можно столкнуться с тем, что «значительная часть молодежи ходит (не в клубы), а на домашние “вечеринки”, “балешники”, где процветают пьянство, грубый флирт, армянские загадки и еврейские анекдоты, “тустеп” и “цыганочка”. Все это часто заканчивается драками, поножовщиной, увечьями». Лекции и кружки не могли отвлечь от пьянства и наркомании: «Шинкарки-мамки возле клубов продают водку, самогон, кокаин, морфий... Пьют многие партийцы, комсомольцы, пьют даже пионеры» [7. С. 31].

Массы рабочего класса, как наглядно демонстрировала данная ситуация, вели себя совершенно не так, как предполагалось в соответствии с идеологическими представлениями, господствующими в сознании государственных и партийных деятелей. Поведение рабочих масс не было определено целенаправленной деятельностью чуждых элементов или классовым врагом. Оно определялось отсутствием четкого понимания образа «нового быта» и, как следствие, отсутствием мотивации для «работы над собой».

Не оставалось ничего другого как убеждать рабочих в необходимости изменить свое поведение. В ответ на вандализм, хулиганство и пьянство власти настойчиво продолжали развертывать свои просветительские программы, затрачивая на это значительные средства. Несмотря на то, что государство не смогло полностью искоренить упомянутые выше социальные

пороки, оно создало определенную инфраструктуру культурных учреждений, способных непосредственно влиять на повседневную жизнь населения и, таким образом, внедрять новые культурные нормы и практики в социальную реальность.

Важным инструментом формирования социальных и культурных практик «нового советского быта» стали мероприятия, направленные на «раскрепощение женщины». В.И. Ленин был одним из первых, кто поднял вопрос об изменении роли женщины в системе существовавших социальных отношений. Он отмечал, что «не ограничиваясь формальным равноправием женщин, партия стремится освободить их от материальных тягот устарелого домашнего хозяйства путем замены его домами-коммунами, общественными столовыми, центральными прачечными, яслями и т.п.» [8. С. 425].

Л.Д. Троцкий более точно указывал на тот социальный институт, который мешал формированию новой социокультурной модели поведения женщины – семью. «Революция, – писал Л.Д. Троцкий, – сделала героическую попытку разрушить так называемый “семейный очаг”, т.е. то архаическое, затхлое и косное учреждение, в котором женщина трудящихся классов отбывает каторжные работы с детских лет до смерти» [2. С. 174].

Подобный подход порождал противоречащие друг другу социальные тенденции: с одной стороны, проявилось стремление перевести частную жизнь женщины из традиционной корпоративной структуры (семьи) в коллективную сферу на основе новых корпоративных форм (дома-коммуны, общественные столовые и т.д.); с другой стороны, сам инструментарий по реализации задачи эмансипации женщины максимально индивидуализировал ее поведение вплоть до минимизации ее социальной роли матери. На уровне бытовой практики эти тенденции проявились в следующем: строительство жилых рабочих кварталов с клубами и кинотеатрами, но строительство квартир без кухонь; строительство детских садов, ясель, столовых, прачечных и различных учреждений службы быта, которые параллельно создавали и «женские» рабочие места.

Особое место в данной политике отводилось женским клубам и кружкам. Клубы и кружки являлись одними из важных инструментов в проведении культурной эмансипации женщины. В книге «Женщина и быт» рассказывалось о том, что для женщин в клубах нужно устраивать специальный «женский уголок», куда женщина, не досрочно еще по сознательности и грамотности до мужчины, может приходить, слушать лекции и одновременно заниматься привычной для себя работой, например шить. «Первая задача этих бесед за кройкой и шитьем – пробить брешь в умственной отсталости женщины-работницы, заинтересовать ее новой жизнью, пробудить к самостоятельности. В дальнейшем, будучи уже вовлеченной в клуб, она подвергнется более серьезной культурной обработке». Поскольку женщина еще не приучена систематически мыслить, «нужно ставить вопросы и отвечать на них житейски просто, без загибов в “высокие материи”» [9. С. 13].

Наряду с клубами вопросами культурного развития женщин занимались специализированные женские

журналы («Работница», «Крестьянка»). В журналах регулярно публиковались статьи, рассказывающие о проблемах женской физиологии, об уходе за собой, воспитании детей и т.д.

Если государство сознательно стремилось эмансипировать женщину, освободить ее от семейного рабства, то вопросы перевоспитания мужчин не поднимались. Вопросы отношений в семье в сознании советского мужчины при этом продолжали основываться на устоявшейся традиционной системе внутрисемейных отношений. Это привело к парадоксальным последствиям, отразившимся в социальных практиках нового советского быта: участие и роль женщины в общественной и производственной жизни выросли, особенно среди молодежи; советская женщина не отказалась от традиционной системы внутрисемейных отношений, сохраняя и оберегая ценность частной жизни, несмотря на то что оказалась в ситуации «двойной ноши»; она усилила давление на власть, выразившееся в требованиях более активного развития предприятий-службы быта для облегчения домашнего рутинного труда.

Сложности с внедрением новых социальных практик и культурных норм в повседневную жизнь советского гражданина заставили государственных и партийных деятелей в конце 20-х гг. XX в. вновь обратить свое внимание на проблему конструирования действенного образа «нового советского быта». Новые реалии указывали на необходимость корректировки

государственной политики в вопросах быта с учетом сопряжения интересов государства и института семьи. Возникли предпосылки для осуществления так называемого консервативного поворота, направленного на сохранение такого социального института, как семья.

Подводя итог всему вышесказанному, можно отметить, что вопросы строительства «нового советского быта» достаточно рано оказались в центре внимания представителей государственной власти. На протяжении всего периода 1920-х гг. работа по воспитанию граждан в рамках нового утилитарно-идеологического подхода, приучению их к нормам городской жизни была важным элементом разворачивающейся советской модернизации. В то же время в государственных и партийных кругах отсутствовало четкое целостное видение того, что из себя должен представлять «новый советский быт». Это замедляло процесс решения вопросов строительства «советского быта» при мотивированном участии самих граждан. Государственная политика в данном вопросе скорее выстраивалась в логике действия «потому что», нежели в мотивации населения в логике действия «для того, чтобы». Это определяло ценность тактических шагов, направленных на решение утилитарно-прагматичных социальных задач, способных запустить процесс строительства новых социальных и культурных практик «советского быта» на стыке объективно сложившейся социально-экономической и культурной реальности с идеологическими шаблонами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ленин В.И. Планы политического отчета Центрального Комитета РКП(б) : (подготовительные материалы к XI съезду РКП(б)) // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. М., 1975. Т. 45.
2. Троцкий Л.Д. Преданная революция. Что такое СССР и куда он идет? Public Domain, 2009.
3. Резник А. Лев Троцкий и дискуссия о «новом быте» в контексте внутрипартийной борьбы 1923–1924 гг. // Конструируя «советское»? Политическое сознание, повседневные практики, новые идентичности : материалы науч. конф. студентов и аспирантов (20–21 апреля 2012 г. Санкт-Петербург). СПб. : Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2012. С. 135–143.
4. Луначарский А.В. О быте. Л. : Гос. изд-во, 1927.
5. Глушенко И.В. Роль государственной власти в формировании культуры питания в СССР в 1920–1930-х гг. : дис. ... канд. культурологии. М., 2014. URL: <https://dlib.rsl.ru/01005547534>
6. Культурная революция. 1930. № 12, апрель.
7. Культурная революция. 1928. № 3, январь.
8. Ленин В.И. Программа РКП(б) // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. М., 1969. Т. 38.
9. Женщина и быт. М. : Пролеткульт, 1926.

Badaev Evgeny V. Siberian Institute of Management, branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Novosibirsk, Russia). E-mail: badaev2000@mail.ru

Biryukova Olga V. Kemerovo State University (Kemerovo, Russia). E-mail: olga1.biryukova@yandex.ru

QUESTIONS OF “SOVIET LIFE” IN THE POLITICAL DEBATE OF THE 20-IES OF XX CENTURY

Keywords: everyday life; transformation; Soviet life; economy; proletariat; culture; education; V.I. Lenin; L.D. Trotsky; A.V. Lunacharsky.

The article aims to reveal the logic of the formation of ‘Soviet life’ practices in the context of the political debate of the 1920s. To achieve the goal, the methodological approach ‘image of the future’ was applied.

The sources used by the authors are the works of the Bolshevik leaders, V.I. Lenin, L. D. Trotsky, A. V. Lunacharsky (reports, speeches, and memoirs).

In the course of the study, the authors emphasize that after the establishment of Soviet power followed the process of imposing the Bolshevik ideology, including in everyday life. However, this was complicated due to the disproportion between the existing reality and the expectations of the authorities. Based on the opinions of the Bolshevik leaders the authors show how the government was going to influence society in order to establish new social relations as soon as possible. The key role in this process was assigned to the state.

In addition, the article analyzes specific elements in the formation of the ‘Soviet life’. The authors note that each of the politicians suggested his own mechanism for introducing new public relations. In particular, V. I. Lenin saw a way to change the life of the masses through education and elementary standards of hygiene. Leonid D. Trotsky supported Lenin’s standpoint and believed the formation of the ‘Soviet life’ practice to consist in solving utilitarian and pragmatic tasks. A.V. Lunacharsky connected the transformation of the everyday life of citizens with the project of creating the image of a Soviet personality. However, later the position of Lunacharsky showed its inconsistency.

Considering the positions of political leaders, the authors identified the key tools used by the state to form the new Soviet way of life. The main components included the creation of educational programs that would promote the introduction of new behavior rules for citizens' daily lives. In addition, it was proposed to hold a series of activities that would change the role of women in public and industrial life of the country (the emergence of interest clubs, the creation of service facilities, etc.).

Summing up the results of their study, the authors made the following conclusions: the formation of a new 'Soviet way of life' became one of the main tasks of establishing Bolshevik ideology; however, there was no clear "image" of what should be understood by the term 'Soviet life'. In this regard, the utilitarian and pragmatic approach prevailed, which was intended to trigger at the initial stage the process of creating new social and cultural practices in the domestic sphere, with the subsequent involvement of citizens in the development of the 'new way of life'.

REFERENCES

1. Lenin, V.I. (1975) *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works]. Vol. 45. Moscow: Politizdat.
2. Trotsky, L.D. (2009) *Predannaya revolyutsiya. Chto takoe SSSR i kuda on idet?* [A committed revolution. What is the USSR and where is it going?]. Public Domain.
3. Reznik, A. (2012) [Lev Trotsky and the discussion about the "new way of life" in the context of the inner-party struggle in 1923–1924]. *Konstruiruya "sovetskoe"?* *Politicheskoe soznanie, povsednevnye praktiki, novye identichnosti* [Constructing the "Soviet"? Political consciousness, everyday practices, new identities]. Proc. of the Conference. St. Petersburg, April 20–21, 2012. St. Petersburg: European University in St. Petersburg, pp. 135–143. (In Russian).
4. Lunacharsky, A.V. (1927) *O byte* [About everyday life]. Leningrad: Gos. izd-vo.
5. Glushchenko, I.V. (2014) *Rol' gosudarstvennoy vlasti v formirovanii kul'tury pitaniya v SSSR v 1920–1930-kh gg.* [The role of state power in the formation of food culture in the USSR in 1920–1930s]. Culturology Cand. Diss. Moscow. [Online] Available from: <https://dlib.rsl.ru/01005547534>.
6. *Kul'turnaya revolyutsiya*. (1930) 12.
7. *Kul'turnaya revolyutsiya*. (1928) 3.
8. Lenin, V.I. (1975) *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works]. Vol. 38. Moscow: Politizdat.
9. Anon. (1926) *Zhenshchina i byt* [Woman and Everyday Life]. Moscow: Proletkul't.

УДК 355.355(47+57:430.2)(091)"1945/1949"
DOI: 10.17223/19988613/57/10

Д.Г. Балашов

РЕФОРМИРОВАНИЕ СИСТЕМЫ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ В СОВЕТСКОЙ ОККУПАЦИОННОЙ ЗОНЕ ГЕРМАНИИ, 1945–1949 гг.: СОЦИАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

На основе документов Государственного архива Российской Федерации анализируется политика Советской военной администрации в Германии (СВАГ), направленная на преобразование системы здравоохранения в советской зоне оккупации (СОЗ) на принципах советского медицинского обслуживания и немецкого социального страхования. В итоге были уменьшены социальные основания массовых заболеваний в немецком обществе.

Ключевые слова: здравоохранение; СВАГ; СОЗ; Отдел здравоохранения.

В Германии после Второй мировой войны миллионы простых людей и те, кто попытался установить меры порядка и управления, столкнулись с отсутствием эффективного санитарно-лечебного обслуживания. Задача восстановления и перестройки немецкого здравоохранения Советской военной администрацией в Германии (СВАГ) в советской зоне оккупации (СОЗ) в 1945–1949 гг. была гораздо шире просто медицинской. Целью работы стал анализ реформы здравоохранения в СОЗ Германии 1945–1949 гг. в контексте социальной политики СВАГ, что и составляет теоретическую новизну исследования. Практическая значимость работы заключается в возможности использования опыта лечебно-профилактических мероприятий в период социальной трансформации общества.

Открытие архивных материалов по деятельности СВАГ только после распада СССР предопределило отсутствие исследований по политике в сфере здравоохранения СОЗ Германии. Отдельные аспекты медицинской направленности в общей политике СВАГ фрагментарно были представлены в работе М.И. Семиряги [1]. Л.Н. Корнева [2] констатирует факты введения системы производственной охраны здоровья, бесплатного здравоохранения и снижения уровня частной медицинской практики в СОЗ Германии. Реформу послевоенного советского здравоохранения исследует К. Бартон [3]. Дж. Райниш [4] сравнивает отношение к немецкому медицинскому персоналу оккупационных администраций. Реформы послевоенного здравоохранения в странах Восточной Европы проанализированы в работах П. Овсейко [5, 6].

Ко времени оккупации советскими войсками Восточной Германии максимально высокий потенциал бедствий отражался в распространении инфекционных (тиф, дифтерия, дизентерия) и социальных (туберкулез, венерические) болезней, вызванных антисанитарией из-за разрухи. Дезорганизованная, децентрализованная немецкая служба здравоохранения была не в состоянии справиться с возникшими проблемами.

Приказом № 5 от 10 июля 1945 г. Отделу здравоохранения СВАГ поручалось: решать задачи по бесперебойному выполнению планов производства и поставок в СССР в счет репараций, проводить работу по

ликвидации массовых заболеваний и обеспечению санитарного благополучия жителей в СОЗ Германии [7. Л. 2–6]. В июле 1945 г. было создано Центральное немецкое управление здравоохранения (с 1948 г. – Главное немецкое управление здравоохранения), контролируемое Отделом здравоохранения СВАГ [8. Л. 74–80]. С сентября 1945 г. закрывалось Германское общество Красного Креста [9. Л. 57–58]. С августа 1946 г. были упразднены медицинские учреждения, принадлежавшие частным лицам [10. Л. 276]. Таким образом, формировалась централизованная структура нового восточногерманского здравоохранения.

СОЗ Германии, как и многие восточноевропейские страны, приняла со многими вариациями советскую модель охраны здоровья граждан, разработанную Н.А. Семашко [5. Р. 4]. Участковый принцип, основанный на бесплатной медицине, включавший всеобщий профилактический охват населения через диспансеризацию, помог СССР в 20-е гг. XX в. справиться с эпидемиями. Однако к началу 1930-х гг. здравоохранение в Советском Союзе обеспечивало уже экономические задачи первых пятилеток, и приоритет получил производственный принцип предоставления медицинских услуг. Принцип дифференцировал помощь гражданам в соответствии с их ролью в деле индустриализации страны. В 1945–1953 гг. в СССР был осуществлен возврат к участковому принципу, и приоритетным направлением стала медицинская помощь для всего населения страны [3. С. 549–550].

В основе системы предоставления лечебной помощи в дооккупационной Германии лежал преимущественно никем не контролируемый частный принцип ее оказания. Государственных и общественных учреждений внебольничной помощи (кроме учреждений Красного Креста) в Германии не существовало. В период 1945–1949 гг. в СОЗ Германии повсеместно вводилась бесплатная внебольничная помощь по советскому образцу, формировалась сеть коммунальных поликлиник и амбулаторий [2. С. 232]. На 1 октября 1949 г. в зоне работало 319 амбулаторий и поликлиник общественного пользования [11. Л. 13]. До капитуляции в Германии основное количество больниц принадлежало общественному сектору, они находились на

хозрасчете. В больницах разрешены были частные койки. Койки делились на 3 класса. Первые два класса обслуживали богатые слои населения. В СОЗ Германии проводилось постепенное ограничение количества частных коек в коммунальных больницах, их процент был снижен до 10–5%, в некоторых городах частные койки ликвидировались. Лучшие палаты 1-го и 2-го классов во многих больницах были предоставлены для госпитализации рабочих и служащих [10. Л. 70–79]. На 1 октября 1949 г. в СОЗ уже функционировало 1 117 больниц [11. Л. 13]. С весны 1946 г. для сельского населения организовывались временные пункты скорой помощи. В 1947 г. было развернуто 1,19 тыс. медпунктов. Для больных, требовавших стационарного лечения, койки предоставлялись в районных больницах вне всякой очереди бесплатно. В 1948 г. появляются выездные бригады из районных поликлиник [10. Л. 98]. Таким образом, в СОЗ Германии профилактика заболеваний и всеохватность населения становились целями нового здравоохранения.

В системе довоенного немецкого здравоохранения противэпидемической службы сформировано не было. Массовые заболевания стали главной причиной высокого уровня смертности среди немцев после войны. В декабре 1945 г. в послевоенной Германии смертность в 3,5 раза превышала показатели 1938 г. [12. С. 253]. Инфекционные заболевания нес с собой возрастающий поток немецких переселенцев. В целом по СОЗ пришлое население составляло на 1 октября 1945 г. 23,4%, а на 1 июля 1946 г. 25,46% по отношению к общей численности населения [13. Л. 31–32]. Переселенцы были размещены в лагерях зачастую в антисанитарных условиях, врачи имелись не везде [14. С. 181]. В результате наивысшего распространения инфекционная заболеваемость в СОЗ достигла в октябре-ноябре 1945 г.

В октябре 1945 г. были организованы 39 санитарно-эпидемических станций и система санитарного контроля на путях движения и размещения переселенцев (приемные пункты) [Там же. Л. 74–80], в 48 лагерях осуществлялась санитарная обработка переселенцев, их контакт с местным населением был ограничен. Для всех прибывающих был введен двухнедельный карантин. Впервые в Германии были проведены обязательные прививки против брюшного тифа, детскому населению начали делать прививки против дифтерии [13. Л. 74–77]. Города и районы были разбиты на участки, к которым прикреплялись врачи и медсестры (в том числе частнопрактикующие). В помощь участковым врачам из населения выделялись санитарные уполномоченные [14. Л. 74–80]. В районах были сформированы выездные эпидемотряды (1 врач и 3–5 медицинских сестер). В городах и сельской местности выделялся социальный транспорт. В 1947–1948 гг. в СОЗ Германии общая инфекционная заболеваемость опустилась ниже уровня предвоенных лет. Так, например, если в 1945 г. в Берлине заболело тифом 15 тыс. человек, то в 1948 г. – лишь 603 человека [1. С. 259].

Увеличение заболеваемости туберкулезом началось еще с первых лет войны, и она удвоилась к ее окончанию. Приказом № 297 от 3 октября 1945 г. восстанавливалась сеть туберкулезных диспансеров, они пре-

вращались в полноценные лечебно-профилактические учреждения, а не только диагностические, как это было раньше [15. Л. 245–249]. Застрахованные больные туберкулезом получали пособия. С середины 1946 г. было установлено дополнительное питание для амбулаторных туберкулезных больных [14. С. 309–310]. В целях раннего выявления туберкулеза вводилось обязательное рентгенологическое обследование по отдельным категориям профессий. В 1948–1949 гг. в результате принятых мер в СОЗ Германии смертность от туберкулеза снизилась на 35%, а заболеваемость им – на 30% [11. Л. 43].

До капитуляции в Германии борьба с венерическими заболеваниями проводилась через венконсультации частнопрактикующими врачами [10. Л. 99]. Массовые изнасилования немок в оккупированной Германии резко увеличили показатели венерических заболеваний и привели к десяткам тысяч нежелательных беременностей. В Берлине было временно приостановлено законодательство, которое запрещало аборт [16. Л. 8]. Только в марте 1949 г. определили серьезное наказание за изнасилование: срок от 10 до 15 лет в трудовом лагере [4. Р. 156].

Приказ № 25 от 7 августа 1945 г. требовал развернуть венпрофилактории и венкабинеты из расчета 1 профилакторий на 0,05 млн человек [17. Л. 76–77]. Диспансер имел своей задачей не только определять болезнь и учитывать больных, но и лечить их, обследовать контакты, привлекать к лечению источники заражения, проводить санитарную пропаганду, активно участвовать в борьбе с проституцией путем устройства проституток на работу. Развертывались трудовые колонии, создавались больницы закрытого типа. Формировались «советы оздоровления» из представителей общественных организаций. В результате принятых мер в СОЗ в 1948–1949 гг. в 2 раза снизился уровень заболеваемости венерическими болезнями [11. Л. 49].

Сокращение инфекционных и кожно-венерических заболеваний и их всеохватывающая профилактика способствовали тому, что к октябрю 1949 г. смертность по сравнению с 1945–1946 гг. в советском секторе сократилась в 3,5 раза и стояла на уровне 1938–1939 гг. [14. С. 399]. Предпринятые меры способствовали ресоциализации переселенцев и проституток, что, в свою очередь, улучшало инфекционную обстановку в СОЗ.

В период 1947–1949 гг. подъем производства становился важным звеном в системе народного хозяйства СОЗ Германии [18. Л. 371]. В работе Отдела здравоохранения СВАГ ведущее значение приобрели вопросы охраны здоровья производственных немецких коллективов. Сократить производственные потери рассчитывали путем предоставления медицинских услуг непосредственно на предприятиях, ближе к рабочим местам [2. С. 232]. Приказ № 234 от 9 октября 1947 г. обязывал обеспечить организацию на предприятиях с числом работающих от 0,2 до 5 тыс. человек медицинских пунктов, а на предприятиях с числом работающих свыше 5 тыс. человек – заводских поликлиник [19. Л. 36–76]. Число заболеваний понизилось: если в марте 1947 г. заболевших было в среднем 7,2 человека в месяц на 100 рабочих и служащих, то в марте 1948 г. –

уже 4,48 человека [20. Л. 2–14]. На 1 октября 1949 г. в СОЗ Германии работало 1 863 заводских медицинских пункта и 31 производственная поликлиника [11. Л. 18].

Производственная продуктивность социальной политики заключалась в том, что если работающий человек будет себя чувствовать здоровым, то он будет работать намного лучше и тем самым окупит расходы по социальному страховому обеспечению. На каждом предприятии, где работало более 40 рабочих и служащих, избирались уполномоченные социального страхования, в обязанности которых входило оказание помощи заболевшим работникам [19. Л. 36–76]. Была введена должность врача-консультанта для контроля над правильностью освобождения рабочих и служащих от работы по болезни [21. Л. 1–25]. Справки об освобождении от работы по болезни выдавались только врачами, которые работали на договорных началах с органами социального страхования [22. Л. 1–11]. Застрахованным беременным кроме пособия бесплатно полагались врачебное обслуживание, акушерская помощь, обеспечение лекарствами, лечение в больнице [23. Л. 70–113]. Заболевший застрахованный работник получал врачебное лечение, медикаменты, протезы, лечение в санатории, зубврачебную помощь [24. Л. 26–27, 145–172]. Меры по снижению заболеваемости (и, в частности, фиктивной) среди работающих немцев способствовали повышению производительности труда на производстве, укреплению трудовой дисциплины и уменьшению расходов на выплату пособий.

Проблему сохранения базового уровня здравоохранения невозможно было решить без непосредственного участия немецких медицинских работников. Деятельность Отдела здравоохранения СВАГ была направлена на подбор, учет и подготовку врачебных кадров [7. Л. 48–50]. В этой работе возникли трудности, связанные с политикой денацификации: СВАГ приступила к чистке немецкого здравоохранения от нацистских элементов, а свыше 50% врачей ранее являлись членами НСДАП [10. Л. 17]. Через денацификацию прошли 5 тыс. немецких врачей, с работы уволили 1,7 тыс. бывших членов нацистской партии, многим врачебная практика была запрещена (237 человек) [25. Л. 23–45].

Даже после всех чисток медицинского персонала численность нацистов оставалась высокой (около 20–30%) [8. Р. 240]. Политика денацификации медицинской профессии в значительной степени не удалась из-за повсеместного недостатка квалифицированных медицинских работников. Заменить уволенных врачей не представлялось возможным, на рынке труда политически надежных кадровых сил не имелось [26. Л. 25]. В кадровой политике в здравоохранении пришлось пойти на компромисс. Денацификация медперсонала была прекращена, произошло его увеличение за счет восстановления на работе ранее отстраненных бывших нацистов [4. Р. 259]. При этом свыше 60% врачей, имея лучшее материальное обеспечение в частной практике, работать в госучреждениях отказывались [27. Л. 83].

Вследствие увеличения доверия немецкого населения к новому здравоохранению, возрастающего финансирования из государственного бюджета медицинской профессии [6. Р. 75] частнопрактикующие врачи

теряли свой привилегированный статус. Тем не менее частная медицина сохранялась: на 1 января 1949 г. в Берлине из 4,521 тыс. врачей 2,527 тыс. оставались частнопрактикующими [14. С. 399–411].

В период оккупации Восточной Германии трансформировался социальный состав немецкого студенчества на медицинских факультетах университетов и в средних медицинских образовательных учреждениях. Так, если женщин среди студентов было в 1940 г. 19,7%, то в январе 1948 г. они уже составляли 44,9% [10. Л. 268–269]. На 1 октября 1949 г. на работающих в Берлине 3,485 тыс. врачей-мужчин приходилось 1,032 тыс. женщин [14. С. 399–411]. На 1 января 1948 г. незначительный процент детей рабочих (11,9%) и крестьян (2,4%) среди студентов объяснялся главным образом их плохой материальной обеспеченностью по сравнению с другими социальными категориями. Подавляющая масса детей рабочих не имела среднего образования, необходимого для поступления в высшую медицинскую школу. Однако на 1 января 1948 г. уже изменился социальный состав учащихся средних медицинских учебных заведений: группа детей рабочих увеличилась с 15,4 до 32,8%, группа детей крестьян – с 7,4 до 10,0% [10. Л. 268–281]. Чтобы дети трудящихся, не имевшие законченного среднего образования, могли поступить на медицинские факультеты, были открыты подготовительные курсы. Значительная часть студентов была освобождена от уплаты за обучение и получала стипендии. Таким образом, кадровая проблема решалась, но меняющемуся в гендерном отношении, а также пролетаризированному медицинскому персоналу еще предстояло занять место старой интеллигенции.

К октябрю 1949 г. в СОЗ Германии акцент на централизованную профилактическую всеохватывающую медицину по советскому образцу позволил достигнуть уровня эпидемиологического состояния, существовавшего перед войной, уменьшить заболеваемость социальными недугами (туберкулез, венерические болезни) и сократить социальную базу их возникновения. В период 1945–1946 гг. это позволило обеспечить здоровыми трудовыми ресурсами процесс репарационных поставок в СССР.

В 1946–1949 гг. успехи в сфере здравоохранения в СОЗ Германии стали необходимым условием обеспечения идеологического противостояния в холодной войне между СССР и Западом: уровень медицинских услуг подчеркивал преимущества советского пути развития. Теперь дифференциация в получении медицинской помощи немцами зависела от степени их пролетаризации. Приоритет советского производственного принципа медицинского обслуживания работающих превращал наемных работников в привилегированную социальную группу и способствовал повышению производительности их труда в деле восстановления народного хозяйства СОЗ Германии.

Отличие реформированного восточногерманского здравоохранения от советского госбюджетного заключалось в том, что, кроме частных платежей, основное покрытие расходов немцев на медицинские услуги осуществлялось преимущественно из средств социального страхования, которое рассматривалось как инструмент

социальной безопасности. Здравоохранение СОЗ Германии совместно с органами социального обеспечения выполняло обязанности по минимизации социальных рисков (болезнь, материнство, безработица) общества.

На протяжении всей послевоенной эпохи реформа здравоохранения в СОЗ Германии была шире лечебно-

медицинских вопросов, став частью процесса трансформации социальных структур восточногерманского общества в целом и медицинского кадрового состава в частности. От реформы здравоохранения зависел успех или провал советской оккупационной политики в Германии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Семиряга М.И. Как мы управляли Германией: политика и жизнь. М. : РОССПЭН, 1995. 349 с.
2. Социальная политика и социальное государство в Германии : учеб. пособие / отв. ред. Л.Н. Корнева. Кемерово : Кузбассвузиздат, 2014. 455 с.
3. Бартон К. Здравоохранение в период позднего сталинизма и дух послевоенного государства благоденствия, 1945–1953 годы // Журнал исследований социальной политики. 2007. Т. 5, № 4. С. 541–558.
4. Reinisch J. The Perils of Peace. The Public Health Crisis in Occupied Germany. Oxford : Oxford University press, 2013. 324 p.
5. Ovsieiko P. The Politics of Health Sector Reform in Eastern Europe: the Actor-Centred Institutional Framework for Analysis. Budapest : Center for Policy Studies, 2002. IPF Working Paper No. 2002–01. 28 p.
6. Ovsieiko P. The Politics of Health Care Reform in Central and Eastern Europe: The Case of the Czech Republic PhD Dissertation. Department of Social Policy. Jesus College, University of Oxford. Oxford, 2008. 356 p.
7. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-7317. Оп. 7. Д. 7.
8. ГАРФ. Ф. Р-7317. Оп. 56. Д. 23.
9. ГАРФ. Ф. Р-7317. Оп. 7. Д. 10.
10. ГАРФ. Ф. Р-7317. Оп. 56. Д. 1.
11. ГАРФ. Ф. Р-7317. Оп. 56. Д. 5.
12. Болдырев Р.Ю. «Stunde Null» или «Neubeginn»: ситуация в до-эрхардовской Германии, 1945–1948 гг. // Социальное рыночное хозяйство: концепции, практический опыт и перспективы применения в России / под общ. ред. Р.М. Нуреева. М., 2007. С. 242–253.
13. ГАРФ. Ф. Р-7317. Оп. 56. Д. 10.
14. Деятельность советских военных комендатур по ликвидации последствий войны и организации мирной жизни в Советской зоне оккупации Германии, 1945–1949 : сб. документов / отв. ред. В.В. Захаров М., 2004. 664 с.
15. ГАРФ. Ф. Р-7317. Оп. 8. Д. 7.
16. ГАРФ. Ф. Р-7212. Оп. 1. Д. 281.
17. ГАРФ. Ф. Р-7317. Оп. 8. Д. 1.
18. ГАРФ. Ф. Р-7317. Оп. 56. Д. 29.
19. ГАРФ. Ф. Р-7317. Оп. 8. Д. 13.
20. ГАРФ. Ф. Р-7317. Оп. 30. Д. 65.
21. ГАРФ. Ф. Р-7317. Оп. 50. Д. 23.
22. ГАРФ. Ф. Р-7317. Оп. 4. Д. 70.
23. ГАРФ. Ф. Р-7317. Оп. 50. Д. 1.
24. ГАРФ. Ф. Р-7317. Оп. 50. Д. 10.
25. ГАРФ. Ф. Р-7317. Оп. 56. Д. 46.
26. ГАРФ. Ф. Р-7317. Оп. 57. Д. 19.
27. ГАРФ. Ф. Р-7317. Оп. 56. Д. 24.

Balashov Dmitry G. Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov (Arkhangelsk, Russian Federation). E-mail: balashov.db@yandex.ru

THE HEALTH CARE REFORM IN THE SOVIET OCCUPATION ZONE IN GERMANY IN 1945-1949: THE SOCIAL ASPECT

Keywords: health care; SMAG; SOZ; health department.

This paper deals with the policy of the Soviet Military Administration in Germany (SMAG) aimed at reforming the German health care system in the Soviet occupation zone (SOZ) in 1945-1949. The research was conducted on the basis of documents from the State Archive of the Russian Federation (GARF). The Soviet military authorities' efforts to transform the German health care system as a means of implementing social change in the German society in East Germany have not been previously highlighted in the historiography. This publication presents joint activities of the health authorities of the SMAG and East Germany to counter epidemic threats, eliminate social causes of mass diseases and change the social structure of the German society. The study of the health care reform in its dependence on the changes in the general policy of the USSR in Germany constitutes the scientific novelty of this research. The practical implications of this article are determined by the applicability of historical experience in medical and sanitary measures for dealing with crisis phenomena in the modern society. The aim of the research is to analyze the process of reforming the German health care system in the context of the SMAG's social policy in the SOZ in Germany in 1945-1949. The use of preventive, local and industrial principles of Soviet medicine enabled the German health care system to minimize the threat of mass diseases and the social basis of their spread in the Soviet occupation zone in Germany (prostitutes, migrants). Unlike the Soviet health care system, in the SOZ, treatment and its financing were separated. The SOZ Social Insurance Service compensated for the cost of the medical services used by insured Germans. The network of public inpatient and outpatient care institutions was expanding. Since 1947, in the Soviet occupation zone in Germany the priority was given to the industrial principle of providing medical care for employees. In enterprises, being given the best medical care depended on an employee's performance. Hired workers provided reliable social support for the authorities in building socialism. The abandonment of the denazification policy helped to solve the personnel problem in the German health care system. The reform also changed the social structure of the German society. The process of proletarianization of medical staff intensified. Private medicine was to a significant extent replaced by public health care. The author concludes that the reformation of the German health care system in 1945-1949 influenced the social transformation of the German society in the Soviet occupation zone in Germany, and those changes depended on the progress of the reformation itself.

REFERENCES

1. Semiryaga, M.I. (1995) *Kak my upravlyali Germaniyey: Politika i zhizn'* [How we ruled Germany: Politics and life]. Moscow: ROSSPEN.
2. Korneva, L.N. (ed.) (2014) *Sotsial'naya politika i sotsial'noe gosudarstvo v Germanii* [Social policy and the welfare state in Germany]. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat.

3. Barton, K. (2007) Zdravookhranenie v period pozdnego stalinizma i dukh poslevoennogo gosudarstva blagodenstviya, 1945–1953 gody [Public Health in the Period of Late Stalinism and the Spirit of the Post-War State of Prosperity, 1945–1953]. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noy politiki – The Journal of Social Policy Studies*. 5(4). pp. 541–558.
4. Reinisch, J. (2013) *The Perils of Peace. The Public Health Crisis in Occupied Germany*. Oxford: Oxford University Press.
5. Ovseiko, P. (2002) *The Politics of Health Sector Reform in Eastern Europe: the Actor-Centred Institutional Framework for Analysis*. Budapest: Center for Policy Studies. IPF Working Paper No. 2002–01.
6. Ovseiko, P. (2008) *The Politics of Health Care Reform in Central and Eastern Europe: The Case of the Czech Republic*. PhD Dissertation. Department of Social Policy. Jesus College, University of Oxford, Oxford.
7. The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund R-7317. List 7. File 7.
8. The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund R-7317. List 56. File 23.
9. The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund R-7317. List 7. File 10.
10. The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund R-7317. List 56. File 1.
11. The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund R-7317. List 56. File 5.
12. Boldyrev, R.Yu. (2007) “Stunde Null” ili “Neubeginn”: Situatsiya v do-erkhardovskoy Germanii, 1945–1948 gg. [“Stunde Null” or “Neubeginn”: The Situation in Pre-Erhard Germany, 1945–1948]. In: Nureev, R.M. (ed.) *Sotsial'noe rynochnoe khozyaystvo: kontseptsii, prakticheskiy opyt i perspektivy primeneniya v Rossii* [Social market economy: concepts, practical experience and prospects of application in Russia]. Moscow: HSE. pp. 242–253.
13. The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund R-7317. List 56. File 10.
14. Zakharov, V.V. (ed.) (2004) *Deyatel'nost' sovetskikh voennykh komendatur po likvidatsii posledstviy voyny i organizatsii mirnoy zhizni v Sovetskoy zone okkupatsii Germanii, 1945–1949* [The activities of the Soviet military commandant's offices in the aftermath of the war and the organization of peaceful life in the Soviet zone of occupation of Germany, 1945–1949]. Moscow: ROSSPEN.
15. The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund R-7317. List 8. File 7.
16. The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund R-7212. List 1. File 281.
17. The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund R-7317. List 8. File 1.
18. The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund R-7317. List 56. File 29.
19. The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund R-7317. List 8. File 13.
20. The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund R-7317. List 30. File 65.
21. The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund R-7317. List 50. File 23.
22. The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund R-7317. List 4. File 70.
23. The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund R-7317. List 50. File 1.
24. The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund R-7317. List 50. File 10.
25. The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund R-7317. List 56. File 46.
26. The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund R-7317. List 57. File 19.
27. The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund R-7317. List 56. File 24.

УДК 94(430.2).087
DOI: 10.17223/19988613/57/11

А.М. Бетмакаев

ВАЛЬТЕР УЛЬБРИХТ И СЕПГ: ОСОБЕННОСТИ ПАРТИЙНОГО РУКОВОДСТВА ГДР В 1961–1973 гг.

Ддан анализ роли первого секретаря ЦК СЕПГ в политике ГДР после установления берлинской стены с учетом внутренних и внешних факторов развития Восточной Германии. Показано, что борьба в партийном руководстве должна не только рассматриваться как столкновение реформаторов и консерваторов, но и учитывать особенности вступления партии и общества в Восточной Германии в стадию «нормализации».

Ключевые слова: ГДР; СЕПГ; постсталинизм; Вальтер Ульбрихт; Эрих Хонеккер.

Истории коммунистических режимов в странах Восточной Европы после Второй мировой войны неразрывно связаны с историями правящих коммунистических партий. В случае с Германской Демократической Республикой широко распространенная в общественном и научном дискурсах точка зрения определяет этот режим как «диктатуру СЕПГ» – Социалистической единой партии Германии. Подобный подход в изучении «государства СЕПГ» [1] нередко приводит к тому, что история СЕПГ «растворяется» в политической истории ГДР. Однако правящая партия не просто играла системообразующую роль. Она устанавливала рамки для политических и государственных деятелей, с именами которых связано деление истории ГДР на две «эры» – Вальтера Ульбрихта (1949–1971 гг.) и Эриха Хонеккера (1971–1989 гг.).

Опубликованные в последние десять лет исследования по истории СЕПГ отходят от анализа письменных отчетов, встреч секретариата ЦК и весьма формальных решений политбюро, которые в полной мере не могут показать реальных процессов принятия решений и соотношения сил в партийном руководстве, и делают акцент на выявлении особенностей функционирования партийного аппарата и его организационной культуры. Например, для авторов сборника статей «История СЕПГ: инвентаризация» важен анализ устных свидетельств, интервью, писем, дневников, мемуаров и, наконец, полезных материалов из архивов министерства госбезопасности (МГБ, «штази») [2]. Обращение к широкому кругу источников обеспечивает понимание повседневных методов и отношений партийных деятелей на всех уровнях, что блестяще демонстрирует фундаментальное исследование немецкого историка Р. Бергина «В “генеральном штабе партии”: организационная структура и практика господства в центральных органах СЕПГ (1946–1989 гг.)» [3].

Однако этот акцент на историю СЕПГ как историю организации, в свою очередь, ведет к обезличиванию исторического процесса, и партийные лидеры сливаются с партийным аппаратом. Этому способствовало и то, что после смерти Сталина в процессе десталинизации в коммунистических партиях Восточной Европы подчеркивалась значимость коллективного руководства. На практике историческая ситуация была более слож-

ной. Поэтому целью настоящей статьи является определение роли первого секретаря ЦК в эволюции СЕПГ и влияния изменений в партии на статус Ульбрихта в руководстве ГДР после установления берлинской стены в августе 1961 г. и до его смерти в августе 1973 г. с учетом внутренних и внешних факторов.

Хронологические рамки определены не только из «персональных» соображений, но и с учетом того, что после строительства стены в ГДР наступила, по выражению британской исследовательницы М. Фалбрук, «нормализация» в ГДР, которая означала стабилизацию политической системы после потрясений 1950-х гг. и адаптацию восточных немцев к жизни за стеной [4. Р. 24].

К началу 1960-х гг. первый секретарь ЦК Вальтер Ульбрихт достиг вершины личной власти. После смерти президента ГДР В. Пика в сентябре 1960 г. он возглавил Национальный совет обороны, в который входили только члены ЦК СЕПГ. Согласно Конституции ГДР 1968 г. совет являлся руководящим органом в сфере обороны с законодательными и исполнительными полномочиями. Председатель совета в случае войны получал полномочия верховного военного командования [5. S. 175–190]. Президента ГДР заменил Государственный совет – постоянно действующий орган Народной палаты. Председатель Госсовета Ульбрихт мог принимать государственные решения без участия политбюро. Немецкий историк Г. Бруннер полагает, что этот совет на практике был инструментом личной власти партийного лидера [6. S. 1006–1007].

«Второе рождение» ГДР в 1961 г. оказало заметное влияние на развитие СЕПГ как партии «нового типа», которая с момента своего основания имела двойственный характер – как элитарная кадровая партия (авангард рабочего класса) и как массовая партия. В течение 1960-х гг. происходило увеличение численности партии, поскольку многие восточные немцы вынуждены были связать свою судьбу с принадлежностью к правящей партии. В 1961 г. в СЕПГ было 1 610 679 членов, в 1971 г. – 1 909 859, т.е. рост партийных рядов составил почти 19% [7. S. 415]. При этом наблюдалось обновление кадров в партийном руководстве: число старых коммунистов в центральном аппарате СЕПГ сократилось на 9% [3. S. 360].

Одновременно происходил переход от тоталитарной политической культуры, ориентированной на принудительное «монолитное единство» как результат полного подчинения личности коллективу, а общества – государству, объединяющему экономическую, политическую и духовную власть, к авторитарно-патриархальной политической культуре, связанной с проекцией традиционного образа семейства на все властные инстанции. По мнению немецкого историка М. Франка, Ульбрихт все больше концентрировался на стратегии развития ГДР, что соответствовало его представлениям о роли «отца страны» (*Landesvater*) [8. S. 322]. Отметим, что склонность к патернализму как средству коммуникации с «массами» была характерна для многих уровней партийного руководства Восточной Германии [9. P. 217–218]. Любопытно, что образ заботливого руководителя воссоздан на страницах сборника воспоминаний, изданного к 120-летию Ульбрихта в 2013 г. под редакцией Э. Кренца, последнего коммунистического руководителя ГДР [10].

Ульбрихт, по нашему мнению, не пытался стать надпартийным государственным руководителем, поскольку позиция лидера СЕПГ обеспечивала ему ключевую роль в государстве. Он стремился к изменениям в методах партийной работы, чтобы повысить эффективность руководства, не ставя под сомнение ведущую роль партии во всех сферах социально-экономической и общественно-политической деятельности. Цели повышения эффективности партийного руководства служили изменению структуры аппарата и перепрофилирование функций политбюро и секретариата ЦК. Комиссии ЦК должны были решать только «принципиальные вопросы», а предметные вопросы решались специальными комиссиями, в работе которых принимали участие приглашенные эксперты [7. S. 159–162].

Приход «технократов» в руководящие органы СЕПГ ускорился в связи с решением VI съезда партии в январе 1963 г. о переходе к «новой экономической системе планирования и руководства» (НЭС). В процессе весьма умеренного реформирования управления экономикой, которое предусматривало предоставление самостоятельности народным предприятиям, Ульбрихт предпочел опереться на молодых функционеров с академическим образованием, которые продвигались в руководство и составили серьезную конкуренцию заслуженным партийным работникам. 43-летний Эрих Апель был избран кандидатом в члены политбюро на пленуме ЦК в июле 1961 г., являясь членом СЕПГ только 4 года. В январе 1963 г. он стал председателем Государственной плановой комиссии и заместителем премьер-министра. На VI съезде партии почти наполовину обновился состав ЦК. Большинство новых членов ЦК имели возраст 35–40 лет [11. S. 34–38].

Ульбрихт также пытался перейти к «технократическому» стилю в организации управления, что, по его мнению, требовало применения современных электронных систем обработки данных для Государственной плановой комиссии [12. S. 356–357].

Но попытки обновления довольно быстро столкнулись с нарастающим сопротивлением ряда членов политбюро. На 11-м пленуме ЦК в декабре 1965 г. секре-

тарь по вопросам безопасности Эрих Хонеккер и его сторонники обрушились с критикой на прогрессивных художников, кинорежиссеров и писателей. Очевидно, что этот пленум был восточногерманским ответом на отстранение от власти в СССР Н.С. Хрущева в октябре 1964 г. и началом реализации долгосрочной стратегии Хонеккера по отстранению от власти Ульбрихта [13. P. 432–433]. После пленума Центральная комиссия партийного контроля усилила борьбу с диссидентами с целью «иммунизации» партии [14. S. 434–447].

В отношении новаций Ульбрихта политбюро оказалось расколотым на два лагеря. Группа Хонеккера отказывалась от ульбрихтовской программы реформ, которая выдвигала на первый план экономический прагматизм вместо акцента на классовую борьбу. Однако возможности критиков в политбюро были весьма ограниченными, поскольку открытое выступление против решений съезда считалось серьезным нарушением партийной дисциплины. Поэтому хонеккеровская группа исподволь постепенно усиливала свои позиции, опираясь на рост недовольства в партийном аппарате. Хотя новации в партии не ставили под сомнение механизм власти СЕПГ, «партаппаратчики» встречали изменения с опаской и переходили в лагерь противников реформ [7. S. 164–165].

Ослаблению позиций Ульбрихта в партийном руководстве способствовала и передача вопросов организации текущей работы в секретариате ЦК в руки второго секретаря Хонеккера. Лидер СЕПГ не принимал больше участия в заседаниях секретариата и только подписывал протоколы, представленные ему Хонеккером. В результате этого процесс принятия решений во второй половине 1960-х гг. снова сдвинулся в пользу секретариата ЦК. Увлечение Ульбрихтом своей ролью инициатора и двигателя реформ, его общение с учеными, советы и идеи которых он ценил гораздо выше, чем бюрократические навыки сотрудников партийного аппарата, обернулись в итоге потерей личного контроля над деятельностью ЦК [15. P. 108–110].

В противостоянии Ульбрихту Хонеккер, являясь секретарем ЦК по вопросам безопасности и секретарем Национального совета обороны, по-видимому, получил поддержку министерства госбезопасности. Аппарат «штази», по некоторым данным, мог сыграть важную роль в подготовке 11-го пленума, предоставив противникам реформ информацию о подъеме подросткового хулиганства.

По мнению немецкого исследователя Й. Гизике, между Хонеккером и министром безопасности Эрихом Мильке, который считался прежде сторонником Ульбрихта, сложился союз двух самых важных представителей консервативного постсталинизма [16. P. 57]. Тесное сотрудничество между ними основывалось не на личной дружбе, а на общих интересах и взглядах на безопасность «государства СЕПГ». Рост влияния МГБ, «щита и меча партии», на расстановку сил в руководстве СЕПГ шло вместе с ростом персонала министерства. В 1957 г., когда Мильке возглавил «штази», сотрудников МГБ было 17,4 тыс. чел., в 1971 г. – 45,5 тыс. [17. P. 54].

Однако решение о смене руководства в СЕПГ могла принять только Москва. Под разными предложениями первый секретарь ЦК КПСС Л.И. Брежнев неоднократно отклонял просьбу Хонеккера дать согласие на отставку Ульбрихта. В сентябре 1969 г. Хонеккер решился открыто выступить против Ульбрихта, искусно поддерживая подозрения СССР о самостоятельной политике Ульбрихта по германскому вопросу [18. P. 133–134].

В апреле 1971 г. Ульбрихт дал Брежневу согласие уйти с поста первого секретаря, сохранив за собой должность председателя Госсовета и заняв созданный для него «неуставной» пост почетного председателя СЕПГ: он, вероятно, пытался удержать остатки своего влияния в партии, но эти попытки были тщетными. 3 мая 1971 г. Хонеккер был избран первым секретарем ЦК, а 24 июня Ульбрихт уступил ему место председателя Национального совета обороны. На VIII съезде партии СЕПГ (15–19 июня 1971 г.) вновь избранный центральный комитет избрал первым секретарем Хонеккера. Ульбрихт не принимал участия в работе съезда [7. S. 201–202]. Его «эра» закончилась.

Отстранение Ульбрихта от руководства СЕПГ на первый взгляд находилось в ряду отставок партийных руководителей в странах Восточной Европы – первого секретаря ЦК КПСС Н.С. Хрущева в октябре 1964 г., первых секретарей ЦК Компартии Чехословакии А. Новотного в январе 1968 г. и А. Дубчека в апреле 1969 г., первого секретаря ЦК Польской объединенной рабочей партии (ПОРП) В. Гомулки в декабре 1970 г. Как правило, уход с должности лидера партии вел к завершению политической карьеры, например в связи с выходом на пенсию или в связи отъездом в качестве посла за границу.

Но Ульбрихт оставался членом политбюро до своей смерти 1 августа 1973 г. и был похоронен со всеми государственными почестями. Возможно, «случай Ульбрихта» объясняется тем, что его отставке в глазах общественности хотели придать рутинный характер, чтобы не возникало параллелей со смещением Хрущева или отставками Дубчека и Гомулки в условиях политического кризиса. Таким образом, ветеран революционной борьбы, один из отцов-основателей КПГ и СЕПГ давал дорогу своему молодому преемнику.

Конечно, «почетный» руководитель партии и государства был окружен повышенной «заботой партии» о его здоровье, в том числе при помощи «штази», которая контролировала контакты Ульбрихта, нежелательные для нового руководства СЕПГ. Государственный совет, где Ульбрихт был председателем, потерял влияние и в отношении правительства [11. S. 66–67]. Одновременно из идеологической и пропагандистской работы СЕПГ была выведена восьмитомная «История немецкого рабочего движения», в создании которой в середине 1960-х гг. Ульбрихт сыграл главную роль [19. S. 351–352].

В оценке Ульбрихта как руководителя партии в историографии обычно отмечается его изначально искренняя приверженность сталинизму, которая постепенно уступает место более прагматичному подходу к решению проблем развития ГДР в различных сферах. Немецкий историк П. Гридер замечает, что в течение 1960-х гг. Ульбрихт показал себя прогрессивным, творческим, но также и чрезвычайно нереалистичным лидером, готовым принять рискованную стратегию в преследовании своих целей [20. P. 28]. Известные историки СЕПГ А. Малиха и П.И. Винтерс обращают внимание на то, что постоянные изменения организационной структуры и персональные перестановки привели к хаотично-устоянию в партийном аппарате [7. S. 159].

Неудивительно, что партийные работники, тоскующие по стабильности, предпочли поддержать Хонеккера в его борьбе за власть в руководстве партии. Немецкий историк М. Забров указывает на контраст между руководящим стилем Хонеккера, основанном на его понимании «нормальности» и нормализации, и руководящим стилем Ульбрихта, основанном на стремлении к конфликтам и переменам как способу своей легитимации [21. P. 314]. В этой интерпретации речь идет скорее о стилистических различиях, чем о борьбе между консерватором и реформатором. Приход Хонеккера отвечал «запросу на стабильность», который после установления стены быстро формировался и в партийном аппарате, и в партийной массе.

Вместе с тем, по нашему мнению, не стоит переоценивать реформаторский порыв Ульбрихта в отношении методов и организации правящей партии. Иницируемые им изменения в партийном руководстве не затрагивали и не могли затронуть основ и механизма господства СЕПГ в политической системе Восточной Германии. Предоставив контроль над аппаратом ЦК своему оппоненту Хонеккеру, Ульбрихт сосредоточился на подготовке труда по истории партии и реализации НЭС, который оказался в конечном итоге незавершенным. Серьезным препятствием на пути более последовательных новаций, которые Ульбрихт даже не планировал, было не только ключевое влияние СССР на политический курс восточногерманского руководства, но и тот факт, что СЕПГ не была «партией Ульбрихта» – партией харизматичного лидера, который определяет ее идеологию и деятельность, а члены партии идентифицируют себя с вождем. Даже если в ГДР и предпринимались попытки создать «культ личности» Ульбрихта, то они обернулись в лучшем случае возникновением «инсценированной харизмы». Впрочем, как справедливо отмечает швейцарский исследователь Д. Уршпрунг, такая харизма могла стать опасной для руководителя, поскольку ее постановочный характер мог быть легко обнаружен и за фасадом «культа личности» обнаружались бы слабые места «вождя» [22. S. 171].

ЛИТЕРАТУРА

1. Schroeder K. Der SED-Staat: Geschichte und Strukturen der DDR 1949–1990. Köln : Böhlau Verlag, 2013. XXII, 1134 S.
2. Die Geschichte der SED: Eine Bestandsaufnahme / Hrsg. von J. Gieseke, H. Wentker. Berlin : Metropolis, 2011. 270 S.
3. Bergien R. Im "Generalstab der Partei": Organisationskultur und Herrschaftspraxis in der SED-Zentrale (1946–1989). Berlin : Ch. Links Verlag, 2017. 583 S.

4. Fulbrook M. The Concept of 'Normalisation' and the GDR in Comparative Perspective // Power and Society in the GDR, 1961–1979: 'Normalisation of Rule'? / ed. by M. Fulbrook. New York, Oxford : Berghahn Books, 2009. P. 1–30.
5. Wagner A. Walter Ulbricht und die geheime Sicherheitspolitik der SED: Der Nationale Verteidigungsrat der DDR und seine Vorgeschichte (1953 bis 1971). Berlin : Ch. Links, 2002. XII, 615 S.
6. Brunner G. Staatsapparat und Partei Herrschaft in der DDR // Materialien der Enquete-Kommission "Aufarbeitung von Geschichte und Folgen der SED-Diktatur in Deutschland" (12. Wahlperiode des Deutschen Bundestages). Baden Baden, Frankfurt am Main : Nomos; Suhrkamp, 1995. Bd. II/2. S. 989–1029.
7. Malycha A., Winters P.J. Die SED: Geschichte einer deutschen Partei. München : Beck, 2009. 480 S.
8. Frank M. Walter Ulbricht: Eine deutsche Biografie. Berlin : Siedler, 2001. 536 S.
9. Bahr A. Paternalism in Local Practice: the Logic of Repression, Ideological Hegemony, and the Everyday Management of Society in an SED Local Secretariat // Communist Parties Revisited: Sociocultural Approaches to Party Rule in the Soviet Bloc, 1956–1991 / ed. by R. Bergien, J. Gieseke. New York : Berghahn, 2018. P. 212–236.
10. Walter Ulbricht: Zeitzeugen erinnern sich / Hrsg. von E. Krenz. Berlin : Das Neue Berlin, 2013. 610 S.
11. Malycha A. Die SED in der Ära Honecker: Machtstrukturen, Entscheidungsmechanismen und Konfliktfelder in der Staatspartei 1971 bis 1989. München : De Gruyter Oldenbourg, 2014. VIII, 471 S.
12. Hübner P. Menschen–Macht–Maschinen. Technokratie in der DDR // Eliten im Sozialismus: Beiträge zur Sozialgeschichte der DDR / Hrsg. von P. Hübner. Köln : Böhlau, 1999. S. 325–360.
13. Brockmann S. The Eleventh Plenum and Film Criticism in East Germany // German Life and Letters. 2013. Vol. 66, № 4. P. 432–448. DOI: 10.1111/glal.12026.
14. Klein T. "Für die Einheit und Reinheit der Partei": Die innerparteilichen Kontrollorgane der SED in der Ära Ulbricht. Köln : Böhlau, 2002. 501 S.
15. Augustine D.L. Innovation and Ideology: Werner Hartmann and the Failure of the East German Electronics Industry // The East German Economy, 1945–2010: Falling Behind or Catching Up? / ed. by H. Berghoff, U.A. Balbier. Cambridge : Cambridge University Press, 2013. P. 95–110.
16. Gieseke J. The History of the Stasi: East Germany's Secret Police, 1945–1990. New York : Berghahn Books, 2014. XI, 265 p.
17. Gieseke J. Ulbricht's Secret Police: the Ministry of State Security // The Workers' and Peasants' State: Communism and Society in East Germany Under Ulbricht 1945–71 / ed. by P. Major, J. Osmond. Manchester : Manchester University Press, 2002. P. 41–58.
18. Филитов А.М. СССР и «новая восточная политика» ФРГ // Вестник МГИМО-Университета. 2017. Т. 3, № 54. С. 123–140. DOI: 10.24833/2071-8160-2017-3-54-123-140.
19. Lokatis S. Der rote Faden: Kommunistische Parteigeschichte und Zensur unter Walter Ulbricht. Köln : Böhlau Verlag, 2003. 391 S.
20. Grieder P. The Leadership of the Socialist Unity Party of Germany Under Ulbricht // The Workers' and Peasants' State: Communism and Society in East Germany Under Ulbricht 1945–71 / ed. by P. Major, J. Osmond. Manchester : Manchester University Press, 2002. P. 22–40.
21. Sabrow M. Erich Honecker – the "Leading Representative": a Generational Perspective // Communist Parties Revisited: Sociocultural Approaches to Party Rule in the Soviet Bloc, 1956–1991 / ed. by R. Bergien, J. Gieseke. New York : Berghahn, 2018. P. 313–325.
22. Ursprung D. Inszeniertes Charisma: Personenkult im Sozialismus // Charisma und Herrschaft: Führung und Verführung in der Politik / Hrsg. von B. Bliesemann de Guevara, T. Reiber. Frankfurt am Main : Campus, 2012. S. 151–176.

Betmakaev Alexei M. Altai State University (Barnaul, Russian Federation). E-mail: btmkv@yandex.ru

WALTER ULBRICHT AND THE SED: THE SPECIFICS OF THE PARTY LEADERSHIP IN THE GDR IN 1961–1973

Keywords: the GDR; the SED; post-Stalinism; Walter Ulbricht; Erich Honecker.

Paying due regard to the internal and external context, this paper aims to define what role the SED Central Committee's General Secretary Walter Ulbricht played in the evolution of the party and what impact the changes in the party had on the Ulbricht's status among party leaders. The construction of the Berlin Wall marked a turning point. It, for one thing, made the East Germany leadership decide on a new political agenda. For another, it required East Germans to adapt to the new conditions "behind the wall". This led to a significant increase in party membership through the recruitment of new, younger members in place of the "older" communists.

Holding the highest position in the state and the party, Ulbricht presented himself as the "father of the nation" willing to surpass West Germany. He launched the New Economic System of Planning and Management that innovated the ways the party functioned. Ulbricht relied on young officeholders with an academic degree, who had joined the ranks of the Central Committee and competed with the senior members. For this reason, rather mild attempts to introduce new executives and party leadership style encountered opposition of the influential members of Politburo.

A group of officeholders led by Erich Honecker was gradually strengthening its hand drawing from the growing discontent among key party officials, as Ulbricht was losing control of both the Central Committee and the Ministry for State Security. However, it took several years before Ulbricht had no more influence left, because the General Secretary of the Communist Party of the Soviet Union Leonid Brezhnev had repeatedly refused to carry out Honecker's wish and dismiss Ulbricht. It should be noted that the Ulbricht's dismissal (1971) was conceived to appear as an expressly routine act, so no one would liken it to the removal of Nikita Khrushchev or to the resignation of Alexander Dubček and Władysław Gomułka during the political crises between 1960s and 1970s.

The author concludes that although Walter Ulbricht attempted to pursue a more down-to-earth policy, his innovations were perceived in the SED and CPSU as unrealistic, and they ran contrary to the demand for stability, expressed by the party and the society. To meet this demand Ulbricht was replaced by Honecker. From this perspective, therefore, Ulbricht, who did not and could not put the key role of the SED in East Germany in question, himself became an obstacle to the "normalization" of East German society.

REFERENCES

1. Schroeder, K. (2013) *Der SED-Staat: Geschichte und Strukturen der DDR 1949–1990* [The SED State: History and Structures of the GDR 1949–1990]. Cologne: Böhlau Verlag.
2. Gieseke, J. & Wentker, H. (2011) *Die Geschichte der SED: Eine Bestandsaufnahme* [The History of the SED: An Inventory]. Berlin: Metropol.
3. Bergien, R. (2017) *Im "Generalstab der Partei": Organisationskultur und Herrschaftspraxis in der SED-Zentrale (1946–1989)* [In the "General Staff of the Party": Organizational culture and practice in the SED headquarters (1946–1989)]. Berlin: Ch. Links Verlag.
4. Fulbrook, M. (2009) The Concept of 'Normalisation' and the GDR in Comparative Perspective. In: Fulbrook, M. (ed.) *Power and Society in the GDR, 1961–1979: 'Normalisation of Rule'?* New York, Oxford: Berghahn Books. pp. 1–30.
5. Wagner, A. (2002) *Walter Ulbricht und die geheime Sicherheitspolitik der SED: Der Nationale Verteidigungsrat der DDR und seine Vorgeschichte (1953 bis 1971)* [Walter Ulbricht and the Secret Security Policy of the SED: The National Defense Council of the GDR and its Prehistory (1953 to 1971)]. Berlin: Ch. Links.
6. Brunner, G. (1995) *Staatsapparat und Partei Herrschaft in der DDR* [State apparatus and Party rule in the GDR]. In: *Materialien der Enquete-Kommission "Aufarbeitung von Geschichte und Folgen der SED-Diktatur in Deutschland" (12. Wahlperiode des Deutschen Bundestages)* [Materials

- of the Inquiry Commission "Review of history and consequences of the SED dictatorship in Germany" (12th parliamentary term of the German Bundestag)]. Vol. II/2. Baden Baden, Frankfurt am Main: Nomos; Suhrkamp. pp. 989–1029.
7. Malycha, A. & Winters, P.J. (2009) *Die SED: Geschichte einer deutschen Partei* [The SED: History of a German party]. Munich: Beck.
 8. Frank, M. (2001) *Walter Ulbricht: Eine deutsche Biografie* [Walter Ulbricht: A German biography]. Berlin: Siedler.
 9. Bahr, A. (2018) Paternalism in Local Practice: the Logic of Repression, Ideological Hegemony, and the Everyday Management of Society in an SED Local Secretariat. In: Bergien, R. & Gieseke, J. (eds) *Communist Parties Revisited: Sociocultural Approaches to Party Rule in the Soviet Bloc, 1956–1991*. New York: Berghahn. pp. 212–236.
 10. Krenz, E. (ed.) (2013) *Walter Ulbricht: Zeitzzeugen erinnern sich* [Walter Ulbricht: Witnesses remember]. Berlin: Das Neue Berlin.
 11. Malycha, A. (2014) *Die SED in der Ära Honecker: Machtstrukturen, Entscheidungsmechanismen und Konfliktfelder in der Staatspartei 1971 bis 1989* [The SED in the Honecker era: power structures, decision-making mechanisms and areas of conflict in the state party from 1971 to 1989]. Munich: De Gruyter Oldenbourg.
 12. Hübner, P. (1999) Menschen–Macht–Maschinen. Technokratie in der DDR [People – power – machines. Technocracy in the GDR]. In: Hübner, P. (ed.) *Eliten im Sozialismus: Beiträge zur Sozialgeschichte der DDR* [Elites in Socialism: Contributions to the Social History of the GDR]. Cologne: Böhlau. pp. 325–360.
 13. Brockmann, S. (2013) The Eleventh Plenum and Film Criticism in East Germany. *German Life and Letters*. 66(4). pp. 432–448. DOI: 10.1111/glal.12026
 14. Klein, T. (2002) "Für die Einheit und Reinheit der Partei": Die innerparteilichen Kontrollorgane der SED in der Ära Ulbricht ["For the unity and purity of the party": The internal party control organs of the SED in the Ulbricht era]. Cologne: Böhlau.
 15. Augustine, D.L. (2013) Innovation and Ideology: Werner Hartmann and the Failure of the East German Electronics Industry. In: Berghoff, H. & Balbier, U.A. (eds) *The East German Economy, 1945–2010: Falling Behind or Catching Up?* Cambridge: Cambridge University Press. pp. 95–110.
 16. Gieseke, J. (2014) *The History of the Stasi: East Germany's Secret Police, 1945–1990*. New York: Berghahn Books.
 17. Gieseke, J. (2002) Ulbricht's Secret Police: the Ministry of State Security. In: Major, P. & Osmond, J. (eds) *The Workers' and Peasants' State: Communism and Society in East Germany Under Ulbricht 1945–71*. Manchester: Manchester University Press. pp. 41–58.
 18. Filitov, A.M. (2017) The USSR and FRG's "New Ostpolitik". *Vestnik MGIMO-Universiteta – MGIMO Review of International Relations*. 3(54). pp. 123–140. (In Russian). DOI: 10.24833/2071-8160-2017-3-54-123-140
 19. Lokatis, S. (2003) *Der rote Faden: Kommunistische Parteigeschichte und Zensur unter Walter Ulbricht* [The Red Thread: Communist party history and censorship under Walter Ulbricht]. Cologne: Böhlau Verlag.
 20. Grieder, P. (2002) The Leadership of the Socialist Unity Party of Germany Under Ulbricht. In: Major, P. & Osmond, J. (eds) *The Workers' and Peasants' State: Communism and Society in East Germany Under Ulbricht 1945–71*. Manchester: Manchester University Press. pp. 22–40.
 21. Sabrow, M. (2018) Erich Honecker — the "Leading Representative": a Generational Perspective. In: Bergien, R. & Gieseke, J. (eds) *Communist Parties Revisited: Sociocultural Approaches to Party Rule in the Soviet Bloc, 1956–1991*. New York: Berghahn. pp. 313–325.
 22. Ursprung, D. (2012) Inszeniertes Charisma: Personenkult im Sozialismus [Staged Charisma: Personality Cult in Socialism]. In: Bliesemann de Guevara, B. & Reiber, T. (eds) *Charisma und Herrschaft: Führung und Verführung in der Politik* [Charisma and Rule: Leadership and Seduction in Politics]. Frankfurt am Main: Campus. pp. 151–176.

УДК 355.355(47+57:430.2)(091)"1945/1949"(045)
DOI: 10.17223/19988613/57/12

Р.Ю. Болдырев

РЕГИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА СОВЕТСКИХ ОККУПАЦИОННЫХ ВЛАСТЕЙ В ГЕРМАНИИ, 1945–1949: ОТ ФЕДЕРАЛИЗМА К УНИТАРИЗМУ

Рассматривается становление и развитие региональной политики советских оккупационных властей в Германии. Автор, основываясь на рассекреченных документах российских и германских архивов, выделяет факторы, повлиявшие на разработку региональной политики СВАГ, причины отказа от традиционного для Германии федерализма и постепенного перехода СОЗ/ГДР к унитаризму советского типа. В статье также показано завершение оформления унитарной формы государственного устройства в ГДР в 1950-е гг.

Ключевые слова: Советская оккупационная зона Германии; Советская военная администрация в Германии (СВАГ); региональная политика; федерализм; унитаризм.

Тема региональной политики советских оккупационных властей – практически неизученная и в отечественной, и в зарубежной историографии. В разных аспектах о ней упоминали в своих работах С. Кройцбергер, Я. Фойтцик, Х. Амос, Д. Бруннер [1–4], однако ни в одном из упомянутых трудов она не удостоилась отдельного внимания. Между тем политика, проводившаяся Советской военной администрацией в Германии (СВАГ) по отношению к административно-территориальному устройству советской оккупационной зоны (СОЗ), представляет несомненный интерес. Источниковой базой для написания статьи послужили впервые вводимые в научный оборот документы СВАГ, референтуры по Германии НКВД/МИД СССР, Внешнеполитической комиссии ЦК ВКП(б), а также личных фондов Вильгельма Пика, Вальтера Ульбрихта и Отто Гротевольа в Федеральном архиве ФРГ.

После капитуляции Германии 8 мая 1945 г. в СОЗ произошло существенное изменение состава населения восточногерманских земель. В ходе войны в эти районы хлынул широкий поток немецких беженцев и переселенцев-репатриантов, изгнанных из мест своего проживания в Восточной Европе странами-победительницами. В результате их общая доля в населении СОЗ на 1949 г. составила 24,2%. При этом в ряде провинций и земель процент пришлого населения был еще выше: в Мекленбурге он составлял 43,3%, в Бранденбурге – 24,8%, в Саксонии-Анхальт – 24,4% [5. Вл. 82]. Среди переселенцев самой значительной группой были выходцы из земель, расположенных восточнее рек Одер и Нейсе и переданных в состав Польши, – они составляли 70%. На втором месте по численности были судетские немцы, выселенные с территории Чехословакии, – 23,4% [Ibid. Вл. 18]. Прием такого большого количества людей способствовал размыванию традиционной для Германии региональной идентичности, смешению диалектов. Кроме того, важно отметить, что большинство переселенцев были выходцами из бывших прусских провинций, не пользовавшихся никакой внутренней автономией в составе королевства Пруссия и Германской империи. Все это способствовало ослаблению политических устремлений населения к сохранению прежнего федеративного устройства страны.

Доставшаяся советским оккупационным властям территория была очень неоднородной в политическом и хозяйственном отношении. Южные земли СОЗ (земли Саксония и Тюрингия, провинция Саксония) являлись частью большой промышленной области, протянувшейся с запада на восток Германии. Наряду с высокоразвитой промышленностью в северных, более равнинных округах этих земель имелось достаточно развитое земледелие и садоводство [6]. Северные земли (Бранденбург и Мекленбург) характеризовались преимущественным развитием земледелия, животноводства и рыболовства [7]. Берлин со времен промышленной революции XIX в. являлся важнейшим центром обрабатывающей промышленности и крупнейшим транспортным узлом Германии – здесь перекрещивались железные и автомобильные дороги, а также водные пути, связывающие между собой разные части страны [8]. Не отличалась единством СОЗ и в административно-территориальном отношении. Ее основу составили пять провинций и земель, основанных на месте четырех бывших прусских провинций (Померания, Бранденбург, Саксония и Силезия) и трех бывших земель (Мекленбург, Тюрингия и Саксония), имевших разную историческую судьбу и правовой статус [9. Вл. 74]. Земли юридически являлись правопреемницами свободных государств в составе Веймарской республики и наделялись полномочиями субъектов федерации (свое правительство, земельный парламент – ландтаг и министр-президент), провинции являлись составными частями Пруссии и в правовом отношении должны были полностью подчиняться правительству последней. Однако 31 мая 1947 г. Союзный контрольный совет принимает закон «О ликвидации Пруссии», уничтоживший это административно-территориальное образование и предоставивший входившим ранее в ее состав провинциям права земель [10. S. 753]. Город Берлин (в границах 1920 г.) в соответствии с Ялтинскими соглашениями был фактически выделен из состава Советской оккупационной зоны и передан под управление четырехсторонней союзной комендатуры и подконтрольного ей магистрата Большого Берлина.

Ни советское руководство, ни германские коммунисты сначала не придали вопросу об административно-

территориальном устройстве большого внимания. Советская система оккупационного управления была приспособлена к доставшейся в наследство от нацистского режима схеме административно-территориального деления страны на общины, районы, округа и земли. Были образованы соответствующие военные комендатуры и управления СВАГ в федеральных землях, а также органы немецкого самоуправления. Провинциальные и земельные управления, возглавляемые президентом и тремя вице-президентами, были назначены СВАГ. После выборов в ландтаги 20 октября 1946 г. были образованы провинциальные и земельные правительства во главе с министрами-президентами. Центральные управления были созданы 27 июля 1945 г. для выполнения функций в масштабах всей СОЗ. Они не играли роли зонального правительства, а только обеспечивали единое исполнение распоряжений СВАГ в масштабах всей зоны [9. Вл. 74–77]. В результате между немецкими органами самоуправления регионального и центрального уровня установились весьма напряженные взаимоотношения.

Западные союзники в 1945–1946 гг. приступили к существенному реформированию административно-территориального устройства своих оккупационных зон. Так, американская зона в сентябре 1945 г. была разделена на три земли – Баварию, Большой Гессен, Вюртемберг-Баден. 17 октября 1946 г. по приказу американских оккупационных властей был образован совет земель (Länderrat), являющийся не только совещательным, но и полномочным органом при военном губернаторе, в который вошли три министра-президента земель. В английской оккупационной зоне 23 октября 1946 г. все территории были реорганизованы в четыре федеральные земли – Северный Рейн-Вестфалию, Нижнюю Саксонию, Шлезвиг-Гольштейн и Гамбург. В начале 1946 г. был образован зональный совет как совещательный орган при военном губернаторе. В связи с созданием Бизонии с 1 января 1947 г. земли в английской и американской оккупационных зонах получили всю полноту власти, за исключением вопросов, «находящихся в компетенции центрального германского правительства» (до его создания эти функции выполнялись английскими и американскими оккупационными властями) [9. Вл. 59, 65–66]. 30 августа 1946 г. была образована земля Рейнланд-Пфальц, в результате число входящих во французскую оккупационную зону земель возросло до четырех – Саар, Южный Баден и Южный Вюртемберг-Гогенцоллерн. Никакого центрального полномочного или совещательного органа в форме земельного совета здесь создано не было [9. Вл. 70–71].

Официальная позиция Москвы по вопросу о будущем административно-территориальном устройстве Германии была сформулирована Политбюро ЦК ВКП(б) в 1946 г. в выжидательном ключе: «...Если германский народ в результате плебисцита во всей Германии выскажется за превращение Германии в федеральное государство, или в результате плебисцита в отдельных бывших немецких государствах – за отделение от Германии, то с нашей стороны, конечно, не будет возражений» [11. Л. 115]. Однако к концу лета 1946 г. политическая ситуация изменилась: в западных оккупаци-

онных зонах началось обсуждение проектов будущей конституции [12. Л. 122], а в самой СОЗ в сентябре–октябре должны были состояться общинные и земельные выборы, поэтому собственный проект конституции мог стать серьезным козырем для СЕПГ в предвыборной борьбе [13. S. 31].

В конце июня 1946 г. СЕПГ выпускает директиву, посвященную вопросам коммунальной политики, в которой утверждалась необходимость передачи части государственных полномочий общинам и районам. Помимо управленческих функций местное самоуправление должно было обладать правами назначения и отзыва чиновников, издания местных законов и проведения референдумов. Также планировалось ограничить права региональных и центральных властей вмешиваться в вопросы местного самоуправления, влиять на назначение служащих [14. Вл. 16–18]. Города потеряли свой особый статус и права, будучи практически уравнианы с сельскими территориальными общинами [15. Вл. 518].

В августе 1946 г. Центральным правлением СЕПГ был подготовлен и представлен на рассмотрение в СВАГ проект конституции Германии, который в вопросе о разделении полномочий между центром и землями повторял текст Веймарской конституции 1919 г. Ознакомившись с этим проектом, Правовой департамент МИД СССР дал заключение, что это политическая акция, не рассчитанная на практическое осуществление [12. Л. 19–53, 124–127]. Поэтому СВАГ рекомендовала использовать основные положения проекта при разработке и принятии конституций земель. В декабре 1946 г. в землях СОЗ принимается однотипное положение об округах, в соответствии с которым район объявлялся административно-территориальной единицей и союзом расположенных по соседству и объединенных хозяйственной деятельностью общин. Сферой компетенции районных властей были определены функции, не входящие в компетенцию общин и земель. Кроме того, они должны были заниматься вопросами охраны общественной безопасности и правопорядка (для этого учреждалась районная полиция). Представительным и исполнительным органом власти объявлялось районное собрание депутатов (Kreistag), избираемое на основе прямых, всеобщих выборов на 2 года. Районное собрание избирало районное правление (Vorstand) сроком на 1 год. Районный совет (Kreisrat) как исполнительный орган районного собрания депутатов состоял из ландрата, его заместителей и еще 6 членов, избираемых районным собранием депутатов. Ландрат объявлялся председателем районного совета, распределял обязанности среди его членов, назначал и увольнял всех районных служащих (по согласованию с районным собранием депутатов). Районный совет мог отправить в отставку ландрата и других членов районного совета [15].

Зимой 1946–1947 гг. были разработаны конституции провинций и земель СОЗ. Вокруг них развернулась ожесточенная борьба СЕПГ с буржуазными партиями – Либерально-демократической партией (ЛДП) и Христианско-демократическим союзом (ХДС), выступавшими за сохранение федеративного и демократического государственного строя с четким разделением властей

и распределением полномочий между центром и регионами [16. Л. 212–214]. СЕПГ удалось обеспечить неизменность основ земельных конституций, тексты которых были официально утверждены 20 декабря 1946 г. – в Тюрингии, 10 января 1947 г. – в Саксонии-Анхальт, 16 января 1947 г. – в Мекленбурге, 6 февраля 1947 г. – в Бранденбурге и 28 февраля – в Саксонии. Все они почти полностью повторяли друг друга и устанавливали жесткую вертикаль управления: 1) ландтаг, избирающий министра-президента и утверждающий в должности министров; 2) районное собрание депутатов, избирающее районный совет во главе с ландратом; 3) городское собрание депутатов, избирающее городской совет во главе с обер-бургомистром (в городах центрального подчинения) или бургомистром (в городах районного подчинения); 4) общинное представительство, избирающее совет общины с во главе с бургомистром. Высшим органом власти земли провозглашался избираемый на всеобщих выборах на 3 года ландтаг, наделенный законодательными полномочиями, правами принятия бюджета земли, надзора за деятельностью земельного правительства, административных и судебных органов. Исполнительная власть принадлежала правительству земли, состоящему из министра-президента и министров. В конституциях земель указывалось, что общины и районы обладают правом самоуправления, но при этом об их самостоятельных полномочиях не говорилось ни слова [17].

Реальное отношение советских оккупационных властей к немецкому федерализму и разделению властей видно по цитате из документа УСВА земли Саксония-Анхальт: «...серьезным тормозом... является широко распространенное среди работников органов управления... старой и вредной в настоящее время “теории” о том, что местные органы управления являются органами “самоуправления”» [18. Л. 55–78]. 31 января 1947 г. на встрече с немецкой делегацией во главе с В. Пиком, О. Гротеволем и В. Ульбрихтом в Москве И.В. Сталин открыто заявил, что СССР против возникновения федерализма в Германии [19. Вл. 6].

Интерес к проекту конституции для СОЗ вновь возрос после созыва в сентябре 1948 г. Парламентского совета в Западной Германии. Работа над текстом велась в лихорадочном темпе, 19 марта 1949 г. проект был рассмотрен и одобрен Народным советом, а 30 марта 1949 г. – III Немецким народным конгрессом. 17 и 27 сентября 1949 г. состоялись встречи немецкой делегации во главе с В. Пиком с членами Политбюро ЦК ВКП(б), в ходе которых обсуждались ключевые вопросы государственного строительства будущей ГДР. По итогам переговоров Политбюро ЦК ВКП(б) утвердило инструкции политическому советнику Главного начальствующего СВАГ В.С. Семенову, в которых согласилось с планом по созданию ГДР, кандидатуре президента, составу и процедуре формирования правительства, проведению выборов в Народную палату ГДР [20. Л. 17; 21. Л. 10–14], которые в тот же вечер были переданы немцам [22. Вл. 103–104]. 7 октября 1949 г. проект конституции был принят в качестве закона Временной народной палатой ГДР. В нем закреплялись определенные федералистские черты: сохранялось

традиционное для Германии деление на земли; верхняя палата парламента (Палата земель) формировалась из представителей ландтагов; вводился пост президента, избираемого обеими палатами парламента на совместном заседании; сохранялась культурная автономия для национальных меньшинств. В то же время в компетенцию Палаты земель входили только внесение законопроектов в Народную палату и наложение вето большинством в 2/3 на принятые ею законы. Компетенция земель также была существенно ограничена, в нее вошли только частные вопросы и те отрасли права, от управления которыми отказалась центральная власть [23]. На практике федеративное устройство оказалось фикцией, так как унитария лучше соответствовала тоталитарному режиму сталинского типа, постепенно складывавшемуся в ГДР.

Завершение трансформации административно-территориальной системы ГДР произошло уже после отмены оккупационного режима. Согласно закону «О дальнейшей демократизации построения нового общества и принципов действия государственных органов власти в землях Германской Демократической Республики» от 23 июля 1952 г. предписывалась реорганизовать районы, объединив их в 14 округов, а земельным правительствам – передать свои полномочия этим округам [24]. Главное отличие округа от земли заключалось в отсутствии у него политической автономии и права самоуправления. Он стал средним звеном управления между центральными государственными учреждениями и районами. При определении границ округов в основу были положены уже не исторические или культурные, а экономические критерии. Выбор окружных центров также был призван порвать с историческим прошлым. Последним рудиментом федеративной системы осталась Палата земель – верхняя палата парламента ГДР. В 1958 г. выборы членов Палаты земель прошли непосредственно в округах, а в декабре того же года в связи с изменением конституции верхняя палата была ликвидирована.

Таким образом, в процессе реформирования административно-территориального устройства Восточной Германии после второй мировой войны можно выделить четыре этапа: 1) реорганизация земель в соответствии с новыми границами Германии, установленными Ялтинскими и Потсдамскими соглашениями в 1945–1946 гг.; 2) принятие конституций земель, в которых были зафиксированы их полномочия, в декабре 1946 – феврале 1947 г.; 3) закамуфлированный переход к унитаризму, связанный с началом работы Немецкой экономической комиссии и разработкой Конституции ГДР в декабре 1947 – октябре 1949 г.; 4) окончательная ликвидация федеративных основ Конституции ГДР и переход к унитарному государству в 1952–1958 гг.

Ликвидация федерализма и переход к унитаризму в СОЗ/ГДР стали следствием воздействия целого ряда факторов:

1. Постепенно воспроизводимая на территории СОЗ/ГДР тоталитарная модель советского государства – федералистского по тексту конституции, но унитарного по своей сути. Сталинское руководство не стремилось вникнуть в исторические, культурные и экономи-

ческие особенности восточногерманских земель, а потому не видело смысла построения федерации в мононациональной стране.

2. Соотношение политических сил в самой СОЗ. СВАГ и СЕПГ рассматривали передачу поста министра-президента земли Саксонии-Анхальт представителю ЛДП Эрхарду Хюбенеру как необходимую уступку буржуазным партиям, входящим в Национальный блок, и одновременно как крупный просчет, поскольку он оказался слишком самостоятельным и потребовалось немало усилий для замены его более удобной фигурой [9. Вл. 76].

3. Международная обстановка. Начало «холодной войны», укрепление народно-демократических режимов в странах Восточной Европы и фактический раскол

Германии сделали ненужными дальнейшие уступки буржуазным партиям в политических и правовых вопросах и позволили в короткий срок произвести ревизию демократических и федералистских положений Веймарской конституции 1919 г.

Дополнительными факторами, облегчившими переход к унитаризму, стали ликвидация нацистами в 1933–1934 гг. федералистских основ, заложенных в Веймарской конституции 1919 г., и размывание региональной идентичности жителей земель СОЗ в результате прибытия огромного количества беженцев и переселенцев с территорий, отошедших по итогам Второй мировой войны к Советскому Союзу, Польше и Чехословакии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Kreuzberger S. Die sowjetische Besatzungsmacht und das politische System der SBZ. Weimar u.a., 1996. 215 S.
2. Foitzik J. Sowjetische Militäradministration in Deutschland (SMAD) 1945–1949. Struktur und Funktion. Berlin, 1999. 544 S.
3. Amos H. Die Entstehung der Verfassung in der Sowjetischen Besatzungszone/DDR 1946–1949. Darstellung und Dokumentation. Worms, 2005. 536 S.
4. Brunner D. Der Schein der Souveränität. Landesregierung und Besatzungspolitik in Mecklenburg–Vorpommern 1945–1949. Köln u.a., 2006. 447 S.
5. Stiftung Archiv der Parteien und Massenorganisationen der ehemaligen DDR in Bundesarchiv (SAPMO–BArch.), NY4036/744.
6. Die regionale Struktur der sowjetischen Besatzungszone in Deutschland // Statistische Praxis. 1946. № 2, Karteiblatt.
7. Die agrarische Struktur der sowjetischen Besatzungszone // Statistische Praxis. 1947. № 1, Karteiblatt.
8. Das Landverkehrsnetz der sowjetischen Besatzungszone // Statistische Praxis. 1947. № 3, Karteiblatt.
9. SAPMO–BArch., NY4182/1084.
10. Clarke Chr. Preußen. Aufstieg und Niedergang, 1600–1947. Bonn, 2007. 896 S.
11. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 162. Д. 38.
12. Архив внешней политики Российской Федерации (АВПРФ). Ф. 082. Оп. 30. П. 132. Д. 52.
13. Laufer J. Die Verfassungsgebung in der SBZ 1946–1949 // Aus Politik und Zeitgeschichte. 1998. № 32–33. S. 29–41.
14. SAPMO–BArch., NY4182/1087.
15. SAPMO–BArch., NY4182/1088.
16. АВПРФ. Ф. 082. Оп. 34. П. 152. Д. 64.
17. SAPMO–BArch., NY4182/1103.
18. ГАРФ. Ф. 7133. Оп. 1. Д. 221.
19. SAPMO–BArch., NY4036/694.
20. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 41.
21. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 42.
22. SAPMO–BArch., NY4036/695.
23. Gesetzblatt der DDR. 1949. S. 5–16.
24. Gesetzblatt der DDR. 1952. S. 613.

Boldyrev Roman Yu. Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov (Arkhangelsk, Russia). E-mail: r.boldyrev@narfu.ru

REGIONAL POLICY OF SOVIET MILITARY ADMINISTRATION IN GERMANY 1945–1949: FROM FEDERALISM TO UNITARIANISM

Keywords: Soviet occupation zone of Germany (SOZ); Soviet Military Administration in Germany (SMAG); regional policy; federalism; unitarianism.

Regional policy of Soviet occupation authorities in Germany remains an underexplored topic both in Russian and foreign historiography. Policy of Soviet Military Administration in Germany (SMAG) held towards administrative and territorial constitution of Soviet occupation zone of Germany (SOZ) brings an undoubted interest.

The purpose of the paper is to hold a complex analysis of regional policy held by Soviet occupational authorities, and to trace its transformation from federalism towards unitary structure. The documents from SMAG, administrative office on Germany of People's commissariat/Ministry of foreign affairs of the USSR, Foreign policy commission at the Central Committee of the Communist party of Soviet Union, and so from personal heritage of Wilhelm Pieck, Walther Ulbricht and Otto Grotewohl in the Federal Archive of Federal Republic of Germany were used.

It is possible to point out four stages in process of administrative and territorial structure reforming: 1) land reorganization based on new borders of Germany in 1945–1946; 2) adopting land constitutions in December 1945–1946; 3) camouflaged transition to unitary state structure during development of the Constitution of German Democratic Republic (GDR) in December 1947 – October 1949; 4) final elimination of grounds for federal state structure in 1952–1958.

Elimination of federalism and transition to unitarianism in SOZ/GDR took place due to numerous factors:

1. Soviet totalitarian state model reproduction, which was federal according to Constitution, but unitary de-facto. Stalin's political establishment did not see any purpose in constructing federal system in a country with single nation.
2. SMAG and Socialist Unity Party of Germany recognized appointing of Erhard Hübner from Liberal democratic party to position of minister-president in Saxony–Anhalt as a trade-off to bourgeois parties, which were included into National bloc, and as a major setback since the minister turned out to be too self-sufficient figure, and it took their time to substitute him with more loyal person.
3. The emergence of Cold war, people's democracies in Eastern Europe and de-facto split up of Germany made trade-offs to bourgeois parties in political and legislative aspects unnecessary.

In addition to these factors, the following grounds made transition to unitary state structure into practice: elimination of federalism set Weimar Constitution of Germany in 1919 during the establishment of NSDAP state in 1933–1934, and weakening of regional identities in Soviet occupation zone due to arrival of large amounts of refugees and displaced persons.

REFERENCES

1. Kreuzberger, S. (1996) *Die sowjetische Besatzungsmacht und das politische System der SBZ* [The Soviet occupying power and the political system of the SBZ]. Weimar: [s.n.].
2. Foitzik, J. (1999) *Sowjetische Militäradministration in Deutschland (SMAD) 1945–1949. Struktur und Funktion* [Soviet Military Administration in Germany (SMAD) 1945–1949. Structure and function]. Berlin: De Gruyter Akademie Forschung.
3. Amos, H. (2005) *Die Entstehung der Verfassung in der Sowjetischen Besatzungszone/DDR 1946–1949. Darstellung und Dokumentation* [The Formation of the Constitution in the Soviet Occupation Zone / GDR 1946–1949. Presentation and documentation]. Worms: LIT.
4. Brunner, D. (2006) *Der Schein der Souveränität. Landesregierung und Besatzungspolitik in Mecklenburg–Vorpommern 1945–1949* [The appearance of sovereignty. State government and occupation policy in Mecklenburg–Vorpommern 1945–1949]. Cologne: Böhlau.
5. Foundation Archive of the Parties and Mass Organizations of the former GDR in the Federal Archives (SAPMO-BArch.). NY4036/744.
6. Anon. (1946) Die regionale Struktur der sowjetischen Besatzungszone in Deutschland [The Regional Structure of the Soviet Occupation Zone in Germany]. *Statistische Praxis*. 2.
7. Anon. (1947) Die agrarische Struktur der sowjetischen Besatzungszone [The Agrarian Structure of the Soviet Occupation Zone]. *Statistische Praxis*. 1.
8. Anon. (1947) Das Landverkehrsnetz der sowjetischen Besatzungszone [The land transport network of the Soviet occupation zone]. *Statistische Praxis*. 3.
9. Foundation Archive of the Parties and Mass Organizations of the former GDR in the Federal Archives (SAPMO-BArch.). NY4182/1084.
10. Clarke, Ch. (2007) *Preußen. Aufstieg und Niedergang, 1600–1947* [Prussia. Rise and Decline, 1600–1947]. Bonn: Pantheon Verlag.
11. The Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI). Fund 17. List 162. File 38.
12. The Archive of the Foreign Policy of the Russian Federation (AVPRF). Fund 082. List 30. P. 132. File 52.
13. Laufer, J. (1998) Die Verfassungsgebung in der SBZ 1946–1949 [The Constitution in the SBZ 1946–1949]. *Aus Politik und Zeitgeschichte*. 32–33. pp. 29–41.
14. Foundation Archive of the Parties and Mass Organizations of the former GDR in the Federal Archives (SAPMO-BArch.). NY4182/1087.
15. Foundation Archive of the Parties and Mass Organizations of the former GDR in the Federal Archives (SAPMO-BArch.). NY4182/1088.
16. The Archive of the Foreign Policy of the Russian Federation (AVPRF). Fund 082. List 34. P. 152. File 64.
17. Foundation Archive of the Parties and Mass Organizations of the former GDR in the Federal Archives (SAPMO-BArch.). NY4182/1103.
18. The State Archive of the Russian Federation. Fund 7133. List 1. File 221.
19. Foundation Archive of the Parties and Mass Organizations of the former GDR in the Federal Archives (SAPMO-BArch.). NY4036/694.
20. The Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI). Fund 17. List 162. File 41.
21. The Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI). Fund 17. List 162. File 42.
22. Foundation Archive of the Parties and Mass Organizations of the former GDR in the Federal Archives (SAPMO-BArch.). NY4036/695.
23. *Gesetzblatt der DDR*. (1949) pp. 5–16.
24. *Gesetzblatt der DDR*. (1952) pp. 613.

УДК 355.355(47+57:430.2)(091)
DOI: 10.17223/19988613/57/13

С.Ю. Болдырева

«ДРУГАЯ ГЕРМАНИЯ»: ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ НЕМЕЦКИХ ПИСАТЕЛЕЙ-АНТИФАШИСТОВ НА ТЕРРИТОРИИ ЧЕХОСЛОВАКИИ, 1933–1939 гг.

Исследуются причины эмиграции значительной части немецкой интеллектуальной и культурной элиты в Чехословакию в 1933–1938 гг. Автор рассматривает основные организации и клубы, объединявшие немецких литераторов на территории этой страны, формы и содержание их антифашистской работы. В статье также показана деятельность важнейших газет и журналов, с которыми сотрудничали немецкие эмигранты.

Ключевые слова: Движение Сопротивления; Третий рейх; Чехословакия; эмиграция; литература; антифашизм.

Тема взаимодействия власти и культуры в нацистском государстве имеет давние традиции изучения в немецкой историографии. По мнению немецкого историка У. фон Хеля, тоталитарный режим в Германии пытался контролировать всю духовную сферу общества и каждого деятеля культуры, поэтому понятия «пропаганда» и «культура» в Третьем рейхе были неразрывно связаны друг с другом [1. S. 131]. Культура была призвана играть важную роль в репрезентации нацистского режима, выступать блестящей упаковкой его собственных, прежде всего расистских целей [2]. Языком литературы, живописи, музыки, других видов искусства нацистское государство пыталось передать самосознание нацистского руководства, сотворить нечто новое, создать собственный стиль [3. S. 256]. Немецкие исследователи убеждены, что в условиях неусыпного контроля руководимой Й. Геббельсом Имперской палаты культуры [4] подавляющее большинство представителей культурной элиты Третьего рейха выпускали «искусство по приказу» [5] и были «талантливыми от Бога и верными фюреру» [6. S. 7]. Конечно, представление о немецкой культурной элите как о некоем монолите является упрощением: как и в других сферах жизни, здесь тоже были свои воодушевленные и убежденные, оппортунисты и попутчики, «внутренние эмигранты» и молчаливые несогласные, смесь всех этих мотивов в одном, а также, не в последнюю очередь, и уехавшие в эмиграцию [Ibid. S. 246].

Среди видов искусства, попавших в поле зрения исследователей национал-социализма, видное место занимает литература. Й. Вольф в своих исследованиях представляет положение литераторов в Третьем рейхе дифференцированно. Он говорит о том, что под нацистским нажимом многие писатели и драматурги были вынуждены отказаться от создания серьезных произведений в пользу банальных; были авторы, которые не эмигрировали, но, находясь в трудных отношениях с правящим режимом, были вынуждены замолчать; были, конечно, и те, кто воспевал новый режим. Наконец, была многочисленная группа литераторов-эмигрантов, покинувших Германию [7].

В послевоенных ФРГ и ГДР, равно как и в современной объединенной Германии, научное изучение

Движения Сопротивления выполняет в том числе и политическую функцию [8. S. 291]. При этом историография ФРГ нередко находилась в двойной оппозиции: с одной стороны, к абсолютизовавшим коммунистическое сопротивление историкам ГДР, с другой – к националистическим и праворадикальным кругам собственной страны, считавшим сопротивление предательством Родины [1. S. 90]. При этом обе стороны избирательно относятся к вопросу о том, какие именно группы лиц относить к Движению Сопротивления. В результате общественно-политические взгляды и деятельность немецких писателей-эмигрантов во многом оказались вне поля зрения большинства историков [9].

В данной статье будет проанализирована общественно-политическая деятельность немецких писателей-антифашистов на территории Чехословакии. Это вызвано необходимостью охарактеризовать их концепции механизмов зарождения и развития нацистской идеологии в недрах немецкого общества, что чрезвычайно важно для современной духовной ситуации постмодернизма, доминантой которого является возведенный в абсолют принцип тотального релятивизма, усиливающий потенциальную возможность манипулирования массовым сознанием. Научная новизна и значимость темы заключаются в ее постановке в качестве самостоятельной проблемы исследования, не получившей, с нашей точки зрения, целостного осмысления в современной исторической науке.

Эмиграция 1930-х гг. не имела равных в истории немецкой литературы: из страны выехало большинство известных писателей. Крупнейшим центром немецкой эмиграции в 1933–1938 гг. была Чехословакия, которая приняла около 20 тыс. граждан Германии, в том числе 5 тыс. евреев [10. S. 235–241]. Это было обусловлено целым рядом факторов. Во-первых, эта страна непосредственно граничила с Германией, для въезда в нее была необязательна виза, существовала возможность нелегального перехода границы. Во-вторых, в межвоенной Чехословакии практически отсутствовал языковой барьер: в стране проживало около 3,2 млн судетских немцев, многие чехи знали немецкий язык со времен Австро-Венгерской империи [11. S. 5]. Здесь функционировали немецкие школы, театры, различные

организации и союзы, выходили газеты и печатались книги на немецком языке. В-третьих, немецкие эмигранты пользовались поддержкой со стороны чешского населения, в стране была полная свобода СМИ, находилось заграничное бюро СДПГ (SoPaDe), издавалось множество запрещенных в Германии газет, журналов и книг, которые затем нелегально перевозились через границу [12].

Сразу же после прихода Гитлера к власти в Чехословакии развернулось широкое движение протеста против нацизма. По всей стране прошли митинги солидарности с немецкими антифашистами, были организованы демонстрации перед немецким посольством и консульствами с требованиями освободить Э. Тельмана, Э. Андре и других общественных деятелей. В этом массовом движении участвовали немецкие и чехословацкие деятели культуры, такие как К. Чапек, И. Олбрахт, Э.Э. Киш, Ф.К. Вайскопф. В ответ на сожжение нацистами книг 10 мая 1933 г. на площади Оперплац в Берлине в городской библиотеке Праги была собрана литература, запрещенная в Германии. Чехословацкие и немецкие интеллигенты организовали комитет за спасение К. Осецкого, работали в комиссиях за освобождение Г. Димитрова, Э. Тельмана и других антифашистов [13. С. 89].

Центром общественно-политической борьбы против нацизма стала Прага. Здесь выпускались такие издания, как «Arbeiter illustrierte Zeitung», «Der Gegen-Angriff», «Neue deutsche Blätter», «Die neue Weltbühne». Крупнейшим немецким издательством было «Malikverlag». Активно действовали творческие организации: Союз Оскара Кокоски, клуб Бертольда Брехта и др. Опираясь на помощь и поддержку местной театральной интеллигенции, работал клуб «Studio-1934». Оценивая роль, которую играла столица Чехословакии в годы эмиграции, Ф.К. Вайскопф писал: «Со времени прихода к власти Гитлера в Германии и утверждения авторитарного режима в Австрии значение Праги как литературного центра значительно возросло. Для большого движения в защиту культуры против войны и фашизма Прага могла стать и стала важным опорным пунктом» [14. С. 57]. Именно в Чехословакии функционировала группа Союза революционных писателей. Во главе ее были Э.Э. Киш и Ф.К. Вайскопф. Членами группы являлись В. Херцфельде, А. Шарер, Ф. Эрпенбек, Я. Копловитц, Х. Циннер, П. Каст, О.М. Граф и другие немецкие литераторы. Летом 1933 г. на заседании группы Союза революционных писателей, где присутствовали около 30 человек, было принято решение об объединении всех немецких антифашистских деятелей культуры за границей [15. С. 70]. Были установлены контакты с группами союза в Париже, Швейцарии и Берлине. Важными объединительными центрами являлись также Культурная комиссия Лиги за права человека и Союз в защиту немецких писателей. К Союзу в защиту немецких писателей, который возник в Чехословакии еще в 1920-е гг., принадлежали немецкоязычные писатели различных политических направлений. В 1933 г., когда началась эмиграция в страну, Союз объявил о том, что он открыт для всех живущих в Чехословакии немецких писателей. Это обеспечило увеличение числа

членов союза с 134 человек в 1933 г. до 169 в 1934 г. [11. С. 51].

Существенный вклад в антифашистскую борьбу, которая развернулась в Чехословакии, внесли редакции немецких антифашистских газет и журналов. В конце апреля 1933 г. вышел первый номер «Der Gegen-Angriff», в июне – «Neuer Vorwärts», в июле – «Prager Mittag», осенью – «Die Welt im Wort» и литературный журнал «Neue deutsche Blätter».

Газета ««Die Welt im Wort»» основное внимание уделяла вопросам культуры, политически актуальных тем избегала или в лучшем случае освещала в кратких заметках. О борьбе против национал-социализма речь вообще не велась. Такое издание не могло рассчитывать на популярность и активную поддержку. Совершенно иное место в антифашистской периодике занимали «Der Gegen-Angriff» и «Neue deutsche Blätter», главная цель которых состояла в том, чтобы собрать все антифашистские силы и объединить их в единый фронт. В этих журналах раскрывалась сущность национал-социалистической идеологии. Оба издания большое внимание уделяли работе с интеллигенцией, разъяснению ей значения сплочения всех слоев общества для борьбы с национал-социализмом и против опасности войны [16. С. 205–210].

В издании «Neue deutsche Blätter» активное участие принимали немецкие писатели Ф.К. Вайскопф, И.Р. Бехер, а также В. Херцфельде, являвшийся руководителем «Malikverlag». Журнал был призван объединить различные политические силы, стремившиеся к борьбе с нацизмом. Уже в первом номере редакция сообщила, что в журнале могут выступать все, и даже те, чьи взгляды и убеждения не совпадали с мнением издателей [Там же. С. 205–210]. Издателями журнала за границей были А. Зегерс в Париже, О.М. Граф в Вене, Я. Петерсен в Берлине. Им удалось наладить прочные контакты с многими немецкими писателями. Статьи для журнала писал Г. Манн, активно сотрудничали в нем А. Цвейг, Р. Отвальд, Я. Вассерман, Л. Фейхтвангер, В. Меринг, Б. Олден, Л. Маркузе, В. Тюрк, Б. Фрай. Многие антифашистские произведения были впервые опубликованы именно в «Neue deutsche Blätter»: «Круглоголовые и остроголобые», «Трехгрошовой опера» Б. Брехта, «Флорисдорф» Ф. Вольфа, «Экзамен» В. Бределя, стихотворения И.Р. Бехера, Э. Вайнерта и многие другие.

Важной стороной деятельности «Neue deutsche Blätter» были связи с подпольной группой Я. Петерсена. Репортажи, зарисовки, короткие истории, рассказы, стихи антифашистских писателей-подпольщиков регулярно публиковались журналом в рубрике «Голоса из Германии». На его страницах выступали члены берлинской группы Э. Брюнинг, Б. Ватештадт, В. Ильберг, П. Кернер-Шрадер, Г. Рихтер, К. Штефан, В. Штоле и другие писатели. Основная их тематика – положение в Германии и сопротивление нацизму. Часто печатались в журнале рецензии на антифашистские произведения. Их авторами были Ф.К. Вайскопф, Э. Отвальд, Ф. Эрпенбек, К. Керстен, А. Цвейг. В 1934 г. регулярность выхода журнала нарушилась в связи с выступлениями нацистов в Вене и оккупацией Саара. В августе 1935 г.

журнал был закрыт. Арест членов берлинской группы привел к закрытию рубрики «Голоса из Германии». Журнал испытывал серьезные материальные трудности. Эти причины привели в августе 1935 г. к закрытию журнала. «Neue deutsche Blätter» внес большой вклад в объединение антифашистских сил, способствовал сплочению писателей-антифашистов.

Журнал «Der Gegen-Angriff», так же как и «Neue deutsche Blätter», ставил главной своей целью объединение немецких эмигрантов, в первую очередь писателей, в антигитлеровской борьбе. На протяжении трех лет своего существования журнал обращался к различным темам: анализировал взаимосвязь национал-социализма и немецких монополий, показывал опасность войны, сущность нацистской идеологии, литературы, освещал положение женщин в Германии. Он призывал к борьбе за освобождение К. Осецкого, Л. Ренна, В. Бределя, Э. Мюзамы, Э. Тельмана. Значительное место на страницах издания отводилось вкладу эмиграции в борьбу против национал-социализма. Особая роль была отведена анализу сущности нацизма. «Der Gegen-Angriff» определял национал-социализм как диктатуру, проникнутую идеями милитаризма. В одном из номеров журнала было отмечено: «Война есть конечный пункт программы гитлеровского маскарада... Демократические круги не связывают свои надежды с войной. Лозунгу “Война как выход из кризиса” они противопоставляют лозунг единого фронта, стремящегося к борьбе против фашизма» [17]. «Der Gegen-Angriff» выступил с рядом антифашистских инициатив. Например, борьба за сохранение статус-кво в Сааре, против его присоединения к Германии вылилась в широкую волну протеста. На страницах журнала в ней участвовали Г. Манн, Л. Фейхтвангер, И.П. Бехер, О.М. Граф, Э. Вайнерт, Г. Гупперт, А. Зегерс, К. Манн, В. Бредель и другие деятели немецкой литературы. Их новые антифашистские художественные произведения очень часто публиковались в журнале. «Der Gegen-Angriff», созданный в противовес нацистскому «Angriff», успешно справлялся с задачей объединения немецких антифашистских эмигрантов и даже проникал на территорию Германии. Но экономические трудности привели к закрытию журнала. С марта 1936 г. традиции «Der Gegen-Angriff» продолжила газета «Deutsche Volkszeitung», издававшаяся вначале в Праге, а затем в Париже [9. S. 103–105].

Энергией борьбы был насыщен и антифашистский журнал «Der Smpel». Он был учрежден, так же как и «Der Gegen-Angriff», в противовес нацистскому изданию, мюнхенскому «Simplizissimus». Сатирический журнал «Simplizissimus» – иллюстрированное издание, выходящее в Германии с 1896 г. В нем до прихода нацистов к власти печатались произведения Г. Манна, К. Тухольского, А. Цвейга. Попав под унификацию в Германии, журнал практически потерял всю свою остроту, а в 1942 г. за карикатуру на Гитлера был закрыт. Возродить лучшие традиции «Simplizissimus» и был призван «Der Smpel». Инициаторами его создания стали немецкие эмигранты Г. Натан и Г. Пол. Впоследствии Г. Натан вспоминал: «Я находился в Праге в поисках новой работы. Прежней, юридической, меня

лишили нацисты. Новая должна не только быть частным делом, но и предоставить поле деятельности для моей ненависти к коричневой грязи. Случай меня свел с группой немецких эмигрировавших берлинских художников, к которой принадлежал и Г. Пол. От него исходила идея унифицированному и в связи с этим обесцененному «Simplizissimus» противопоставить «Gegen-Simplizissimus» и в нем с помощью сатиры и карикатуры бороться против Третьего Рейха. План захватил меня...» [18. S. 379]. Журнал стал одним из наиболее значительных антинацистских изданий. Об этом свидетельствовали рисунки и тексты, помещенные в нём. Он затрагивал наиболее актуальные проблемы, такие как экономический кризис, безработица, оперативно реагировал на внутренние и внешнеполитические события. С «Der Smpel» сотрудничали такие видные немецкие литераторы, как Э. Вайнерт и А. Керр. Художниками журнала были созданы два иллюстрированных сборника «Третий Рейх в карикатурах» (1934) и «Евреи, христиане, язычники в Третьем Рейхе» (1935). Введения к сборникам были написаны Г. Манном и А. Керром. В Германии эти сборники распространялись нелегально. В июле 1935 г., когда все финансовые возможности были исчерпаны, журнал «Der Smpel» прекратил свое существование.

Активную антифашистскую борьбу развернул за границей немецкий журнал «Die neue Weltbühne». До 1938 г. он выходил в Праге, а затем во Франции. С началом второй мировой войны журнал прекратил существование. Это было одно из наиболее значительных и живучих эмигрантских изданий. Именно «Die neue Weltbühne» опубликовал воззвание «За немецкий народный фронт», в котором говорилось: «Народный фронт не может быть новой партией. Он должен стать союзом всех тех, кто решил свои силы отдать за свободу и благосостояние немецкого народа. Всех, кого объединяет желание уничтожить господство коричневого насилия» [19. S. 65]. В воззвании содержался призыв объединить усилия представителей различных политических, духовных, религиозных течений в борьбе за свержение национал-социализма. Под этим важнейшим документом поставили свои подписи около 70 человек, в том числе и 30 писателей, среди которых Г. Манн, К. Манн, Л. Фейхтвангер, В. Херцфельде, О.М. Граф, И.П. Бехер, А. Цвейг, К. Керстен и многие другие [20. С. 146–147]. На страницах «Die neue Weltbühne» увидели свет повести, рассказы, романы, стихи И.П. Бехера, Б. Брехта, Ф.К. Вайскопфа, Т. Вольфа, Ф. Вольфа. Здесь с публицистическими статьями выступали Г. Манн, Л. Фейхтвангер, Э. Вайнерт, К. Манн, О.М. Граф. Журнал раскрывал внутреннюю политику национал-социализма, его милитаризм, подготовку к войне, касался вопросов культурной жизни, публиковал документы международных конгрессов, партийных конференций, материалы Союза в защиту писателей.

В отличие от других центров эмиграции, в Чехословакии имелись многочисленные возможности публикации произведений и материалов немецких авторов в местных периодических изданиях. Так, чехословацкие немецкоязычные газеты «Prager Tageblatt», «Prager Presse», журналы «Kritik», «Der Monat», «Aufruf» пе-

чатали публикации Х. Циннер, Б. Брехта, И.Р. Бехера, Г. и К. Маннов, А. Цвейга, Э. Вайнерта. С ними сотрудничали также чешские издательства М. Коха, Ю. Китлса, «Нойманн и компания» и другие.

Кроме выступлений в печати были и другие возможности обращаться к общественности: вечера, диспуты, доклады, лекции. Особенно часто они проводились в немецком обществе народного образования «Урания». Редакции журналов устраивали также лекции и вечера. Их частыми гостями были Г., Т. и К. Манны, А. Цвейг, О.М. Граф. Культурная комиссия Лиги за права человека в рамках проводимых ею мероприятий организовывала выступления перед общественностью Г. Эйслера, К. Керстена, В. Херцфельде и других деятелей немецкой культуры.

Значительная роль в сплочении сил всех эмигрантов принадлежала различным клубам и профессиональным союзам. Первый шаг в этом направлении был сделан именно немецкими писателями, основавшими еще в 1934 г. в Чехословакии клуб Б. Брехта. Деятельность этого клуба была многогранной. Здесь читались и обсуждались новые произведения, организовывались различные дискуссии. Клуб проводил вечера, встречи, праздники, лекции, посвященные творчеству Э. Мюзама, Г. и Т. Маннов, И.Р. Бехера, Э.Э. Киша, Л. Фейхтвангера. Вдохновителем клуба был В. Херцфельде, руководивший одновременно и семинаром для начинающих молодых авторов. Ему активно помогал Ф.К. Вайскопф. Б. Брехт пользовался огромным авторитетом и уважением членов клуба. Живя в Дании, он поддерживал с ним тесные связи, присылал свои произведения. Членами клуба были Ф. Эрпенбек, Л. Фюрнберг, О.М. Граф, Э.Э. Киш, Т. Манн, А. Веддинг, М. Циммеринг, Х. Циннер. Кроме литературных встреч организовывались политические и культурно-политические вечера. В марте 1936 г. состоялся вечер на тему «Женщины и война». 13 декабря 1935 г. клуб Б. Брехта организовал митинг, призывавший к бойкоту Берлинской олимпиады, а 16 апреля 1936 г. была проведена манифестация в честь присвоения К. Осецкому Нобелевской премии. Клуб просуществовал до 1938 г. и имел большое значение для антифашистской немецкой эмиграции и

совместной работы деятелей чехословацкой и немецкой культуры. Он был местом сбора немецких писателей, центром культурной жизни в эмиграции.

Важнейшим звеном в объединении антифашистов-эмигрантов в Чехословакии был Союз за права и свободы, основанный 26 сентября 1935 г. в Праге. Это была организация интеллигентов, борющихся против уничтожения культуры, угнетения свобод и прав человека в Германии. В Союзе работали известные композиторы, писатели, деятели театра. Функции секретаря союза выполнял бывший депутат немецкого парламента от Коммунистической партии Г. Греф. Союз вел большую идеологическую работу путем интенсивной публицистической деятельности, проведения собраний, митингов, лекций. Он активно поддерживал преследуемых национал-социалистами политических деятелей, выступил инициатором движения за освобождение Э. Тельмана и К. Осецкого. Одной из последних крупных акций организации был вечер, посвященный памяти К. Осецкого, проведенный 18 мая 1938 г.

Переломным моментом в жизни немецкой эмиграции стало Мюнхенское соглашение о разделе Чехословакии, после которого в стране развернулись гонения на демократические организации и союзы. В октябре 1938 г. была запрещена Коммунистическая партия Чехословакии, распущен немецко-чешский сценический клуб. Все это означало, что для переселенцев из Германии усложнились условия жизни и работы в стране. Поток беженцев устремился во Францию, Великобританию и США.

Немецкая эмиграция в Чехословакии имеет ряд отличительных черт. Она заканчивается раньше, чем в других странах, оккупацией страны Германией в 1938 г. Еще до начала массовой немецкой эмиграции в стране выходили газеты и журналы на немецком языке, что облегчало литературную деятельность писателям-эмигрантам. Организация митингов, демонстраций, вечеров, издание антифашистских художественных произведений, листовок, воззваний, их доставка в Германию, объединение усилий в различных творческих союзах – таковы основные методы борьбы немецких писателей против национал-социализма.

ЛИТЕРАТУРА

1. Hehl U. Nationalsozialistische Herrschaft. München, 2001. 165 S.
2. Reichel P. Der schöne Schein des Dritten Reiches. Faszination und Gewalt des Faschismus. München–Wien, 1991. 452 S.
3. Dussel K. Der NS-Staat und die „deutsche Kunst“ // Bracher K.D., Funke M., Jacobsen H.-A. Deutschland 1933–1945. Neue Studien zur nationalsozialistischen Herrschaft. Bonn, 1992. S. 256–272.
4. Steinweis A.E. Art, Ideology & Economics in Nazi Germany. The Reich Chambers of Music, Theater, and the Visual Arts. ND Chapel Hill, 1997. 256 p.
5. Kunst auf Befehl? Dreiunddreißig bis Fünfundvierzig / B. Brock, A. Preiss (Hg.). München, 1990. 275 S.
6. Rathkolb O. Führertreu und gottbegnadet. Künstlereliten im Dritten Reich. Wien, 1991. 302 S.
7. Möller H. Exodus der Kultur. Schriftsteller, Wissenschaftler und Künstler in der Emigration nach 1933. München, 1984. 135 S.
8. Hildebrand K. Das Dritte Reich. München, 2003. 322 S.
9. Feilchenfeldt K. Deutsche Exilliteratur 1933–1945. Kommentar zu einer Epoche. München, 1986. 255 S.
10. Becher P. Exil und Exil-Literatur in der Tschechoslowakei // Handbuch der deutschen Literatur Prags und der Böhmisches Länder / P. Becher, S. Höhne, J. Krappmann, M. Weinberg (Hg.). Stuttgart, 2017. 445 S.
11. Grossmann K.R. Die Exilsituation in der Tschechoslowakei // Die deutsche Exilliteratur 1933–1945 / M. Durzak (Hg.). Stuttgart, 1977. 624 S.
12. Becher P. Drehscheibe Prag: zur deutschen Emigration in der Tschechoslowakei 1933–1939. München, 1992. 206 S.
13. Zur Geschichte der deutschen antifaschistischen Widerstandsbewegung. Berlin, 1957. 420 S.
14. Weiskopf F.C. Literarische Streifzüge. Berlin, 1956.
15. Becher J.R. Bericht über die Tätigkeit während meiner Reise vom 5. Juli bis 27. September 1933 // Zur Tradition der sozialistischen Literatur in Deutschland. Eine Auswahl von Dokumenten. Berlin, 1967. S. 570.
16. Девекин В.Н. Не споревшие на костре. Немецкая антифашистская литература. 1933–1945 гг. М., 1979. 437 с.
17. Der Gegen-Angrif. 1933. April.
18. Natan H. Der Simpl in der Emigration // Die Weltbühne. 1967. № 31.

19. Die neue Weltbühne. 1937. № 3.

20. Гинцберг Л.И., Драбкин Я.С. Немецкие антифашисты в борьбе против гитлеровской диктатуры (1933–1945). М., 1961. 152 с.

Boldyreva Slavyana Yu. Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov. (Arkhangelsk, Russia). E-mail: s.boldyreva@narfu.ru

“ANOTHER GERMANY”: PUBLIC AND POLITICAL ACTIVITY OF GERMAN ANTIFASCIST WRITERS IN CZECHOSLOVAKIA, 1933–1939

Keywords: resistance movement; Third Reich; Czechoslovakia; emigration; literature; antifascism.

Issues of interaction between authorities and culture in Nazi state have a long study tradition in German historiography. German researchers are convinced that a vast majority of cultural elite in the Third Reich were producing “art upon orders” under total control. Such image of German cultural elite is a simplification: like in other life spheres, there were its encouraged and convinced, opportunists and fellow travelers, “interior emigrants” and silent dissidents, and also emigrants. FRG and GDR historiographies have had a selective approach towards a problem, who should be referred as a Resistance member. As a result, activities of German emigrant writers predominantly remained underexplored.

The purpose of the paper is to analyze the public and political activities of German antifascist emigrant writers residing in Czechoslovakia. Uniqueness and relevance of the topic are confirmed by the fact, that these issues were not studied as a complex phenomenon in contemporary historical studies.

History of German literature did not face a case of emigration comparable with 1930's: a majority of famous German writers have left the country. Czechoslovakia turned into the biggest centre of German emigration in 1933-1938 due to following factors: 1) Common borders with Germany; 2) Low impact of language barrier; 3) German emigrants faced support from Czech population, and variety of newspapers, magazines and books forbidden in Germany were published in Czechoslovakia.

Prague turned into a centre for public and political struggle against Nazism. Such publications, as “Arbeiter illustrierte Zeitung”, “Der Gegen-Angriff”, “Neue deutsche Blätter”, “Die neue Weltbühne”, “Der Simpel” were issued there. Also creative organizations as Oskar Kokoschka Union, Berthold Brecht club, “Studio-1934 club”, the Union of revolutionary writers held their activities there actively. Cultural commission of League for human rights, Union for defense of the rights of German writers, Union for rights and freedoms became important unification centres for German emigrants. The German society for people's education “Urania” became a venue for evening events, disputes, presentations and lectures.

After the Munich agreement on division of Czechoslovakia came into force, persecution against democratic organizations and unions came into force, Communist party of Czechoslovakia was forbidden, German-Czech scenic club was dissolved. The German emigrants faced complications in life and work conditions in Czechoslovakia. Refugees fled to France, Great Britain and the USA.

REFERENCES

1. Hehl, U. (2001) *Nationalsozialistische Herrschaft* [National Socialist rule]. Munich: [s.n.].
2. Reichel, P. (1991) *Der schöne Schein des Dritten Reiches. Faszination und Gewalt des Faschismus* [The beautiful appearance of the Third Reich. Fascination and violence of fascism]. Munich; Vienna: Hanser.
3. Dussel, K. (1992) Der NS-Staat und die deutsche Kunst [The Nazi State and German Art]. In: Bracher, K.D., Funke, M. & Jacobsen, H.-A. *Deutschland 1933–1945. Neue Studien zur nationalsozialistischen Herrschaft* [Germany 1933-1945. New studies on National Socialist rule]. Bonn: Bundeszentrale für politische Bildung. pp. 256–272.
4. Steinweis, A.E. (1997) *Art, Ideology & Economics in Nazi Germany. The Reich Chambers of Music, Theater, and the Visual Arts*. ND Chapel Hill.
5. Brock, B. & Preiss, A. (eds) (1990) *Kunst auf Befehl? Dreiunddreißig bis Fünfundvierzig* [Art on Command? Thirty-three to forty-five]. Munich: Klinkhardt u. B., M.
6. Rathkolb, O. (1991) *Führertreu und gottbegnadet. Künstlereliten im Dritten Reich* [Führertreu and Gottbegnadet. Artist elites in the Third Reich]. Vienna: ÖBV.
7. Möller, H. (1984) *Exodus der Kultur. Schriftsteller, Wissenschaftler und Künstler in der Emigration nach 1933* [Exodus of culture. Writers, scientists and artists in emigration after 1933]. Munich: C.H. Beck.
8. Hildebrand, K. (2003) *Das Dritte Reich* [The Third Reich]. Munich: Oldenbourg Wissenschaftsverlag.
9. Feilchenfeldt, K. (1986) *Deutsche Exilliteratur 1933–1945. Kommentar zu einer Epoche* [German exile literature 1933–1945. Comment on an epoch]. Munich: Winkler Verlag.
10. Becher, P. (2017) Exil und Exil-Literatur in der Tschechoslowakei [Exile and exile literature in Czechoslovakia]. In: Becher, P., Höhne, S., Krappmann, J. & Weinberg, M. (eds) *Handbuch der deutschen Literatur Prags und der Böhmisches Länder* [Handbook of German literature in Prague and the Czech lands]. Stuttgart: J.B. Metzler.
11. Grossmann, K.R. (1977) Die Exilsituation in der Tschechoslowakei [The exile situation in Czechoslovakia]. In: Durzak, M. (ed.) *Die deutsche Exilliteratur 1933–1945* [The German exile literature in 1933–1945]. Stuttgart: Reclam Philipp Jun.
12. Becher, P. & Heumos, P. (eds) (1992) *Drehscheibe Prag: zur deutschen Emigration in der Tschechoslowakei 1933–1939* [Turntable Prague: to German emigration in Czechoslovakia in 1933–1939]. Munich: Oldenbourg Wissenschaftsverlag.
13. Haferkorn, K. (1957) *Zur Geschichte der deutschen antifaschistischen Widerstandsbewegung* [The history of the German anti-fascist resistance movement]. Berlin: Verl. d. Ministeriums f. Nationale Verteidigung.
14. Weiskopf, F.C. (1956) *Literarische Streifzüge* [Literary forays]. Berlin: Aufbau-Verl.
15. Becher, J.R. (1967) Bericht über die Tätigkeit während meiner Reise vom 5. Juli bis 27. September 1933 [Report on the activity during my journey from July 5 to September 27, 1933]. In: *Zur Tradition der sozialistischen Literatur in Deutschland. Eine Auswahl von Dokumenten* [On the tradition of socialist literature in Germany. A selection of documents]. Berlin: [s.n.].
16. Devekin, V.N. (1979) *Ne sgorevshie na kostre. Nemetskaya antifashistskaya literatura. 1933–1945 gg.* [Not burned at the stake. German anti-fascist literature. 1933–1945]. Moscow: Sovetskiy pisatel.
17. *Der Gegen-Angrif.* (1933) April.
18. Natan, H. (1967) Der Simpl in der Emigration [The Simpl in Emigration]. *Die Weltbühne.* 31.
19. *Die neue Weltbühne.* (1937) 3.
20. Gintsberg, L.I. & Drabkin, Ya.S. (1961) *Nemetskie antifashisty v bor'be protiv gitlerovskoy diktatury (1933–1945)* [German anti-fascists in the fight against Hitler's dictatorship (1933–1945)]. Moscow: USSR AS.

УДК 314.52 + 314.382 + 325.14 + 94(430).087
DOI: 10.17223/19988613/57/14

С.А. Васютин, Е.Н. Денискевич

МОДЕЛИ БРАКА В СРЕДЕ ЛЕГАЛЬНЫХ МИГРАНТОВ В СОВРЕМЕННОЙ ГЕРМАНИИ

Характеризуется демографическая ситуация в Германии последних лет. Внимание акцентируется на двух ключевых показателях демографического развития населения страны в целом, легальных и натурализованных мигрантов – возраст мужчин и женщин при вступлении в первый брак и суммарный коэффициент рождаемости. Исследование этих показателей дает возможность охарактеризовать разные модели брака и рождаемость у ряда этнических сообществ легальных мигрантов в Германии. Результаты анализа показывают, что и в иммигрантской среде рождаемость недостаточна для естественного воспроизводства населения в ФРГ.

Ключевые слова: Германия; мигранты; возраст вступления в брак; суммарный коэффициент рождаемости.

Общее количество мигрантов в Германии с 2011 по 2017 г. увеличилось на 3 963 044 человек (табл. 1) [1]. Общественность Германии, Европы и всего мира особенно обеспокоена числом прибывших в ФРГ иммигрантов в 2014 (519 340 чел.) и 2015 (954 925 чел.) гг. Огромные потоки мигрантов (к официально прибывшим необходимо добавить нелегалов, количество которых не поддается учету), рост преступлений, совершенных ими, теракт на рождественской ярмарке в Берлине в декабре 2016 г., затраты на соцобеспечение иммигрантов, рост конкуренции на рынке труда и другие аспекты миграционной политики вызвали волнение в немецком обществе, привели к усилению правоконсервативных и националистических движений, ослаблению политических позиций традиционных партий [2–6 и др.]. Одновременно с этим новым поводом для обеспокоенности общественности стал рост рождаемости в иммиграционной среде. В 2016 г. в Германии доля детей, рожденных не немецкими женщинами, составила около 23% (на 7% больше, чем в 2015 г.), или 184,7 тыс. новорожденных из 792 131 рожденных

в этом году в целом [7]. Данные показатели стали поводом для громких заявлений в СМИ о демографической угрозе в отношении немецкой нации [8–10 и др.]. Но так ли она велика для Германии?

Определить объективную ситуацию в вопросе возможной высокой рождаемости у мигрантов в Германии позволяет изучение моделей брака, принятых в этой среде. Семейно-брачные отношения легальных мигрантов рассматриваются с точки зрения двух важных показателей: 1) средний возраст вступления мужчин и женщин в первый брак; 2) суммарный коэффициент рождаемости (СКР). Эти критерии наряду с другими демографическими индексами позволят сравнить условную общегерманскую модель брака с моделями брачных отношений натурализованных и легальных мигрантов. Следует подчеркнуть, что в настоящей статье не изучается ситуация по нелегальным мигрантам, поскольку объективные данные по ним отсутствуют. По той же причине в реконструкции моделей брака исключаются беженцы (к примеру, выходцы из Сирии и Ирака).

Таблица 1

Прибыль и убыль иностранного населения Германии в 2000–2017 гг.*

Год	Количество мигрантов	Движение численности иностранных граждан по сравнению с предыдущим годом
2000	7 296 817	
2001	7 318 628	+21 811
2002	7 335 592	+16 964
2003	7 334 765	-827
2004	6 717 115	-617 641
2005	6 755 810	+38 695
2006	6 751 004	-4 806
2007	6 744 879	-6 125
2008	6 727 618	-17 261
2009	6 694 776	-32 842
2010	6 753 621	+58 845
2011	6 930 896	+177 275
2012	7 213 708	+282 812
2013	7 633 628	+419 920
2014	8 152 968	+519 340
2015	9 107 893	+954 925
2016	10 039 080	+931 187
2017	10 623 940	+584 860

* Таблица составлена на основе данных Федерального статистического управления ФРГ [1].

Данные статистики свидетельствуют о хорошо известном европейском тренде – повышении среднего

возраста мужчин и женщин при вступлении в первый брак. В Германии средний возраст вступления женщин

в первый брак за период с 1970–2017 гг. вырос с 22,7 лет до 31,7 года (табл. 2) [11, 12]. Аналогичные данные по мужскому населению Германии показывают, что средний возраст их вступления в первый брак вырос с 26 лет в 1970 г. до 34,2 в 2017 г. (см. табл. 2) [12–14]. Общий средний возраст населения Германии при вступлении в брак составил в 2015 г. – 32,2, в 2016 г. – 32,75, в 2017 г. – 32,95 года.

Второй демографический параметр – СКР – представлен ниже выборочно по тем же годам, что и возраст мужчин и женщин при вступлении в первый брак: 1970 г. – 2,03; 1980 г. – 1,56; 1990 г. – 1,45; 2000 г. – 1,38; 2005 – 1,34; 2010 – 1,39; 2012 – 1,41; 2014 – 1,47; 2015 – 1,5; 2016 г. – 1,59; 2017 г. – 1,57 [15, 16]. При этом для простого воспроизводства населения (без роста населения) СКР должен составлять 2,1–2,3! Имеющиеся данные о рождаемости и постоянном повышении возраста мужчин и женщин при вступлении в первый брак наряду с увеличением средней продолжительности жизни (мужчины в 2017 г. в среднем жили 75,68, женщины – 81,83 года) [17], связанное с этим старение населения, снижение детской смертности, распространение нетрадиционных форм брака отчетливо показывают, что немецкое общество находится в активной фазе второго демографического перехода.

При анализе моделей брака у мигрантов в Германии следует учитывать, что массово трудовые мигранты прибывали в ФРГ в середине 1950-х – 1960-х гг. В 1973 г. в связи с ростом цен на нефть и начавшейся рецессией въезд иностранцев на территорию Германии был прекращен. В ФРГ осталось около 2,5 млн трудовых мигрантов (мужчины в возрасте от 20 до 40 лет). С учетом программы воссоединения с семьями в Гер-

мании в начале 1970-х гг. оказалось около 4 млн легальных переселенцев (преимущественно турок, греков, югославов, итальянцев, испанцев) [18; 19. Р. 144]. Таким образом, в современной Германии проживает три поколения мигрантов из разных стран. Они довольно часто выстраивают иные жизненные стратегии и модели брачных отношений, чем прибывшие в Германию в последние 30 лет выходцы из Восточной Европы, Африки и Азии. Особую категорию мигрантов составляют этнические немцы из разных стран, которые в рамках специальных программ получали гражданство ФРГ.

Данные Федерального статистического управления ФРГ позволяют определить, выходцами из каких стран являются иммигранты в стране сегодня, а изучение брачного поведения в странах-реципиентах дает возможность выявить, какие модели брачных отношений доминируют в той или иной этнической среде. На конец 2017 г. в Германии с населением в 82 792 351 человек доля легальных мигрантов составила 12,8% [20, 21]. Нельзя не отметить, что из 10 623 940 иммигрантов 6 023 795 (56,7%) представляют страны ЕС и государства Восточной Европы (табл. 3) [22]. Значительная их часть (2 197 870, или 36%) – выходцы из стран Западной Европы (имеются в виду как потомки первых западноевропейских мигрантов в Германию, так и прибывшие в последние 10–15 лет). По данным на 2015–2016 гг. у мужчин брачный возраст варьирует от 35,1 (Испания) до 32,7–32,1 года (Швейцария, Австрия, Венгрия) (см. табл. 3) [23, 24]. Средний возраст первого замужества более дифференцирован: от 33 лет (Испания) до 30,3–30,1 (Австрия, Швейцария, Греция). Исключение составляет Венгрия, где возраст женщины при первом браке ниже 30 лет (29,2; см. табл. 3) [25, 26].

Таблица 2

Средний возраст мужчин и женщин в Германии при вступлении в первый брак*

Год	Средний возраст женщин при вступлении в первый брак	Средний возраст мужчин при вступлении в первый брак
1970	22,7	26**
1980	23,4	26,1
1990	25,9	28,1
2000	28,4	30,4
2005	29,6	31,9
2010	30,3	32,5
2012	30,7	32,8
2014	31	33,7
2015	31,2	33,8
2016	31,5	34
2017	31,7	34,2

* Таблица с определенной выборкой по годам составлена на основе данных Европейской экономической комиссии при ООН и Федерального статистического управления ФРГ [11–14].

** Данные по ФРГ; в ГДР брачный возраст мужчин был ниже – около 23 лет.

Таблица 3

Возраст мужчин и женщин при вступлении в первый брак (2015–2016) и суммарный коэффициент рождаемости в странах Европы*

Показатель	Испания	Италия	Франция	Нидерланды	Великобритания	Греция	Швейцария	Австрия	Португалия	Венгрия
Средний возраст мужчин при вступлении в первый брак	35,1	34,7	34,4 (2015)	33,6	33,4 (2015)	33,2	32,7	32,6 (2015)	32,2	32,1
Средний возраст первого замужества	33,0	31,9	32,2 (2015)	31,1	31,5 (2015)	30,1	30,3	30,3 (2015)	30,4	29,2
Суммарный коэффициент рождаемости	1,34	1,34	1,92	1,66	1,79	1,38	1,54	1,53	1,36	1,53

* Таблица составлена на основе данных Евростата и Европейской экономической комиссии при ООН [23–27].

Суммарный коэффициент рождаемости в 2016 г. в Италии, Испании, Португалии, Греции, Австрии, Венгрии, Швейцарии варьирует от 1,34 до 1,54, т.е. меньше, чем в Германии. Только в Нидерландах (1,66), Великобритании (1,79) и Франции (1,92) СКР выше немецкого (см. табл. 3) [27]. В целом в указанных странах господствует модель брака, аналогичная брачным структурам в Германии (условно ее можно назвать «западноевропейской»), поэтому как потомки ранних мигрантов из Италии, Испании, Греции, Португалии, так и более поздние мигранты из Западной Европы при постоянной тенденции увеличения брачного возраста и низкой рождаемости вряд ли могут внести дисбаланс в демографическое развитие Германии.

Несколько иную модель брака (условно «восточноевропейскую») олицетворяют брачные структуры Польши, Румынии, Болгарии, Сербии, Хорватии. В этих странах средний возраст мужчин и женщин при вступлении в первый брак ниже усредненной «немецкой модели» на 2–6 лет: средний возраст первого замужества в Румынии составляет 27 лет, в Польше – 27,1, в Болгарии – 27,1, в Сербии – 28,1, в Хорватии – 28 [26]. Средний возраст мужчин при вступлении в брак в Румынии – 30,4, в Польше – 29,5, в Болгарии – 30,5, в Сербии – 31,3, в Хорватии – 30,8 [23]. В Сербии средний возраст первого брака у мужчин уже «подтягивается» к западноевропейским стандартам. Еще одну модель представляет Украина: первое замужество в этой стране происходит в 24,4 года (2015), средний возраст мужчин при вступлении в брак составляет 27,4 года (2015). Аналогичная ситуация и в России. Однако все указанные различия в моделях брака в рассматриваемых странах нивелируются, когда речь заходит об СКР: Украина – 1,36, Польша – 1,39, Хорватия – 1,42, Сербия – 1,46, Болгария – 1,54 [27]. Проецируя эти сведения о рождаемости на восточноевропейских мигрантов в Германии можно определенно сказать, что они аналогичны рождаемости разных иммигрантских этнических групп из Западной Европы в ФРГ. У оказавшихся в Германии выходцев из стран Восточной Европы средний возраст вступления в брак повышается по сравнению с этим показателем на родине в силу длительной адаптации, необходимости социализироваться в местной социокультурной среде, диспропорции половозрастного состава мигрантов (хорошо известно, что среди румынских трудовых мигрантов, которые зачастую едут в Германию для выполнения неквалифицированных и малоквалифицированных работ, преобладают мужчины) и ряда других причин [19. Р. 140–144; 28. Р. 734–735].

Брачные и фертильные показатели выходцев из мусульманских стран рассмотрены на примере мигрантов из Турции, Туниса и Марокко, поскольку жители этих стран еще в 60-х гг. XX в. как официальные трудовые мигранты смогли приехать в ФРГ. Выходцы из Турции заслуживают отдельного внимания. Во-первых, они составляют наиболее крупную группу мигрантов (несмотря на сокращение численности иммигрантов из Турции в 2012–2017 гг. до 1 483 515 чел., их доля на 2017 г. составляла 1,8% от всего населения Германии и почти 14% от числа легальных мигрантов в этой

стране [22]). Во-вторых, следует учесть, что «турецкие» мигранты представлены разными этническими группами (в Турции проживает более 50 национальностей: турки, курды, греки, крымские татары, азербайджанцы, черкесы, зазы, арабы, албанцы, кумыки и др.), брачное поведение которых различается. В-третьих, для нашего исследования особенно важно, что выходцы из Турции составляют несколько поколений мигрантов, а даже в рамках одного поколения может быть несколько моделей брака.

Демографы в составе прибывших в ФРГ из Турции мигрантов выделяют три поколения (первые трудовые мигранты и их потомки, сформировавшие второе и третье поколения), а также так называемое «поколение 1,5» – выходцы из Турции, которые приехали в Германию в детском и юношеском возрастах [19]. Их брачное поведение частично формировалось в условиях новой общественной, этнической, культурно-религиозной среды. Составившим первое поколение миграции турецким гражданам, которым удалось привезти в ФРГ свои семьи в 1960–1970-х гг., были присущи брачные стратегии, характерные для жителей Турции с относительно низким средним возрастом мужчин и женщин при вступлении в брак и достаточно высокой рождаемостью – от 6,05 в 1960–1965 гг. до 4,72 в 1975–1980-х гг. [29]. Но стоит учесть, что часть трудовых мигрантов из Турции приехали в Германию неженатыми и не все из них имели партнера в Турции на момент миграции, поэтому они не смогли воспользоваться программой воссоединения семьи [28. Р. 733, 741]. Другая часть мигрантов, судя по сокращению их общего количества [18], вернулась в Турцию. Согласно исследованиям К. Вульф, реакцией молодых семей (особенно в возрасте 15–24 лет) первой волны мигрантов на переселение в Германию была повышенная рождаемость. Однако впоследствии рождаемость существенно снижалась и изначально была низкой у тех, кто приехал в ФРГ в возрасте за 30 лет. Средний СКР был сравнительно низким – 2,35 [28. Р. 741–751].

Пока рано говорить о моделях брака третьего поколения выходцев из Турецкой республики, поскольку им сейчас примерно от 10 до 30 лет, а чтобы судить об их брачном поведении и фертильности, необходимы статистические результаты исследования возрастной группы хотя бы в 40–45 лет, когда все поколение перерастет возрастной период первого брака. Таким образом, основное наше внимание будет сконцентрировано на втором поколении и «поколении 1,5».

Второе поколение мигрантов из Турции представляет несколько жизненных и брачных стратегий [19. Р. 144–145]. Первую брачную модель этого поколения характеризуют лица, адаптированные и социализированные. Они получают высшее образование, работают в сфере образования и медицины, ведут свой бизнес, женщины – зачастую отдельный от мужа, заключают смешанные браки (по данным на 2017 г. такие браки составляют более 11% от всех браков, заключенных мигрантами из Турции [26]) или браки в рамках своих этнических групп. Возраст вступления в первый брак, по сути, аналогичен средним цифрам брачности в Германии. Фертильность в данной модели брака низкая,

близка к показателям немецкого населения. Вторую модель олицетворяет часть представителей второго поколения и «поколения 1,5». Таких мигрантов можно определить как недостаточно адаптированных и социализированных [19. Р. 143, 145]. К этой модели причисляются лица, получившие среднее образование и чья деятельность связана с малым бизнесом, с наемной работой низкой и средней квалификации. Женщины, включенные в эту модель, работают непостоянно, часть из них периодически являются домохозяйками. Суммарный коэффициент рождаемости у представителей второй модели выше среднего и может достигать значений 1,8–1,9. В состав третьей модели входят лица второго поколения и «поколения 1,5», слабо адаптированные и мало либо вообще не социализированные. Это те, кто зачастую не закончил школу или даже не посещал ее. Как правило, мужчины трудятся на мало-квалифицированных работах, а женщины в основном проводят время дома, демонстрируют плохое знание немецкого языка. Они не испытывают в этом нужды, поскольку круг их общения ограничивается представителями местной этнической общины и гостями из других сообществ турецких мигрантов. Возраст первого замужества в рамках третьей модели может быть достаточно ранним (порой моложе 20 лет), а рождаемость близка к СКР в Турции. По данным Евростата, СКР турецкого населения нестабилен, в 2007–2011 гг. понижался, затем в 2012–2014 гг. имел неустойчивую тенденцию к росту, а в 2015–2016 гг. снова пошел на понижение: 2007 – 2,13, 2008 – 2,10, 2009 – 2,09, 2010 – 2,04, 2011 – 2,03, 2012 – 2,09, 2013 – 2,08, 2014 – 2,17, 2015 – 2,14, 2016 – 2,11 [27]. Если исходить из этих показателей, то у мигрантов с третьей моделью брака максимальный СКР находился на пороге простого воспроизводства (2,05–2,15).

К сожалению, статистические данные Федерального статистического управления ФРГ не выделяют выходцев из Марокко и Туниса в отдельные категории. Мигранты из этого региона в статистике обобщены как «Африка» с общим количеством переселившихся в ФРГ 539 385 чел. (0,65% от численности населения Германии и 5% от общего числа мигрантов в 2017 г. [22]). Поэтому о моделях брака бывших жителей Марокко и Туниса мы можем судить, отталкиваясь от особенностей их брачного поведения на родине. Сведения о брачных структурах и фертильности марокканцев и тунисцев выборочные и часто являются не результатами статистических исследований, а итогом предположительных оценок, которые даются на пятилетку. Согласно этим данным средний возраст мужчин при вступлении в первый брак в Марокко достигает 31,2 лет (данные 2004 и 2011 гг. [30], что позволяет рассматривать высокий возраст первой женитьбы как устойчивую тенденцию), а в Тунисе – 32,6 лет [Ibid.]. Возраст первого замужества в этих странах также далек от традиционной модели и составляет в Марокко – 26,4–26,3 (2003, 2004, 2011), в Тунисе – 28,7–28,5 (2004, 2012) [Ibid.]. Суммарный коэффициент рождаемости в Тунисе за последние 15 лет колеблется у порога воспроизводства: 2,04 в 2000–2005 гг., 2,02 в 2005–2010 гг. и 2,25 в 2010–2015 гг. В Марокко рождаемость постепенно снижается, но она

выше порога простого воспроизводства: 2,68 – в 2000–2005 гг., 2,55 – в 2005 – 2010 гг., 2,6 – в 2010 – 2015 гг. [29]. Исходя из этих данных можно предположить, что в условиях адаптации в Германии иммигрантов из Туниса и Марокко средний возраст вступления в первый брак вряд ли снижается, скорее даже увеличивается, по крайней мере у мужчин. СКР выше, чем у других рассматриваемых нами мигрантов, но он близок к уровню простого воспроизводства и не может существенно повлиять на общую рождаемость в Германии.

Подводя итоги, стоит отметить, что более высокая рождаемость у мигрантов из Африки и Азии, чем у немцев, в определенной степени нивелируется СКР мигрантов из стран Западной Европы и Восточной Европы. Суммарные показатели рождаемости иммигрантов существенно выше и отличаются на 4–5 пунктов (к примеру, в 2011 г. СКР у немецких женщин составлял 1,34, а у иммигранток – 1,82; в 2013 г. – 1,37 и 1,8 соответственно; в 2015 г. – 1,43 и 1,95 [31]), но стоит учитывать, что соотношение немецких женщин и женщин, прибывших в Германию из других стран, составляет примерно 7 к 1. Сопоставление СКР по землям ФРГ с данными о тех землях, где находятся наиболее крупные сообщества мигрантов, показывают, что какая-либо четкая корреляция между ними отсутствует. Например, в Берлине на долю мигрантов приходилось 24,6% населения (самый высокий показатель в ФРГ), но общий СКР (данные 2015 г.) в этом городе был одним из самых низких в Германии. В Бремене и Гессене, где доля мигрантов в 2017 г. была соответственно 18,5 и 16,8% (эти регионы занимают второе и третье места по доле мигрантов в составе населения), СКР равнялся среднему показателю по всей Германии – 1,5 (в Бремене – 1,51, в Гессене – 1,5) [31, 32]. Таким образом, можно обосновано утверждать, что рождаемость мигрантов не является угрозой для немецкого населения ФРГ. У мигрантов из разных регионов Европы, Северной Африки, Ближнего Востока в Германии сформировались разные модели брака, но суммарный коэффициент рождаемости не превышает показателей простого воспроизводства и чаще всего ниже этого порога на несколько пунктов. Естественно, стоит оговориться, что данное утверждение не исключает определенных демографических конъюнктур, таких как рост СКР мигрантов в 2016 г. на 7% по сравнению с 2015 г. Общие причины роста среднего возраста мужчин и женщин при вступлении в первый брак связаны с глобализацией, доминированием западной культуры и западной модели демографической адаптации, получением женщинами-иммигрантками из Азии и Африки образования в своих странах или в Германии, другими факторами, которые предопределили трансформацию брачных отношений в рамках второго демографического перехода. В завершение можно отметить, что более высокая рождаемость мигрантов в Германии во многом зависит от мощности волн миграции в ФРГ (резкое повышение СКР у женщин-иммигранток в 2016 г. во многом результат прибытия в Германию в 2014–2016 гг. почти 2,5 млн только легальных мигрантов), а миграция, в отличие от рождаемости, – процесс более контролируемый, но требующий координации усилий политических элит.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ausländische Bevölkerung, Einbürgerungen und ausgeschöpftes Einbürgerungspotential. Einbürgerungen 2000 bis 2017 // Statistisches Bundesamt. URL: <https://www.destatis.de/DE/ZahlenFakten/GesellschaftStaat/Bevoelkerung/MigrationIntegration/EingebuergerterePersonen/Tabellen/EinbuengerungenEinbuengerungsquoteLR.html> (das Datum des Zuganges: 11.11.2018).
2. Камкин А.К. «Альтернатива для Германии» как новый элемент партийного ландшафта // Современная Европа. 2015. Вып. 2 С. 118–122.
3. Тимошенко Е.П. Германия (раздел журнала «Мигранты в Европе») // Современная Европа. 2016. Вып. 2. С. 116–119.
4. Сербина А.С., Прядкина О.А. Позиция партий Великобритании и Германии по вопросу реформирования иммиграционной политики // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 420. С. 131–135.
5. Корнева Л.Н. Праворадикальное движение в ФРГ и выборы в Бундестаг 24 сентября 2017 г. // Вестник Томского государственного университета. История. 2018. № 53. С. 47–51.
6. Коростелёва И.Н. «Альтернатива для Германии» как ответ на миграционный кризис в Германии // Вестник Томского государственного университета. История. 2018. № 54. С. 69–72.
7. German birth rate surges to highest level in over four decades // The Local. URL: <https://www.thelocal.de/20180328/german-birth-rate-surges-to-highest-level-in-over-four-decades> (accessed: 11.11.2018).
8. Смерть Германии // Накануне.ru. URL: <https://www.nakanune.ru/articles/110104/> (accessed: 12.11.2018).
9. Германия теряет население. Вся надежда на мигрантов? // Вести. Экономика. URL: <https://www.vestifinance.ru/articles/84487> (дата обращения: 17.11.2018).
10. Камкин: к 2050 году в Германии останется лишь 45% немцев // Рамблер. Финансы. URL: <https://finance.rambler.ru/other/38586213-kamkin-k-2050-godu-v-germanii-ostanetsya-lish-45-nemtsev/?updated> (дата обращения: 12.11.2018).
11. Germany. Mean age of women at first marriage // UNECE. URL: <https://w3.unece.org/PXWeb/en/TimeSeries?IndicatorCode=303&CountryCode=276> (accessed: 05.11.2018).
12. Durchschnittliches Heiratsalter Lediger // Statistisches Bundesamt. URL: <https://www.destatis.de/DE/ZahlenFakten/GesellschaftStaat/Bevoelkerung/Eheschliessungen/Tabellen/EheschliessungenHeiratsalter.html> (das Datum des Zuganges: 03.10.2018).
13. Немцы стали вступать в брак позже // Актуально о Германии. Rusverlag.de. URL: <http://www.rusverlag.de/2011/07/27/13717/немцы-стали-вступать-в-брак-позже.html> (дата обращения: 21.10.2018).
14. Germany. Mean age of men at first marriage // UNECE. URL: <https://w3.unece.org/PXWeb/en/TimeSeries?IndicatorCode=300&CountryCode=276> (accessed: 05.11.2018).
15. Zusammengefasste Geburtenziffer nach Kalenderjahren // Statistisches Bundesamt. URL: <https://www.destatis.de/DE/ZahlenFakten/GesellschaftStaat/Bevoelkerung/Geburten/Tabellen/GeburtenZiffer.html> (das Datum des Zuganges: 27.09.2018).
16. Коэффициент суммарной рождаемости, 1950–2016 // Демоскоп Weekly / Институт демографии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/app/app4007.php> (дата обращения: 01.11.2018).
17. Durchschnittliches Sterbealter: Deutschland, Jahre, Geschlecht // Statistisches Bundesamt. URL: <https://www-genesis.destatis.de/genesis/online/link/tabelleErgebnis/12613-0007> (das Datum des Zuganges: 11.11.2018).
18. Злоказов И.А. Федеративная республика Германия // Демографический энциклопедический словарь. М. : Сов/ энциклопедия, 1985. URL: <http://geography.su/demogr/item/f00/s01/e0001328/index.shtml> (дата обращения: 07.11.2018).
19. Krapf S., Wolf K. Persisting Differences or Adaptation to German Fertility Patterns? First and Second Birth Behavior of the 1.5 and Second Generation Turkish Migrants in Germany // Kölner Zeitschrift für Soziologie und Sozialpsychologie. 2015. Bd. 67 (1). S. 137–164. URL: https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC4577547/pdf/11577_2015_Article_331.pdf (das Datum des Zuganges: 15.09.2018).
20. Bevölkerung nach Altersgruppen Deutschland // Statistisches Bundesamt. URL: https://www.destatis.de/DE/ZahlenFakten/GesellschaftStaat/Bevoelkerung/Bevoelkerungsstand/Tabellen/_Irbv01.html (das Datum des Zuganges: 21.10.2018).
21. Ausländische Bevölkerung nach Familienstand und ausgewählten Staatsangehörigkeiten am 31.12.2017 // Statistisches Bundesamt. URL: <https://www.destatis.de/DE/ZahlenFakten/GesellschaftStaat/Bevoelkerung/MigrationIntegration/AuslaendischeBevoelkerung/Tabellen/Familienstand.html> (das Datum des Zuganges: 19.10.2018).
22. Ausländische Bevölkerung 2009 bis 2017 nach ausgewählten Staatsangehörigkeiten // Statistisches Bundesamt. URL: <https://www.destatis.de/DE/ZahlenFakten/GesellschaftStaat/Bevoelkerung/MigrationIntegration/AuslaendischeBevoelkerung/Tabellen/StaatsangehoerigkeitJahre.html> (das Datum des Zuganges: 11.10.2018).
23. Mean age at first marriage – males // Eurostat. URL: <https://ec.europa.eu/eurostat/tgm/table.do?tab=table&init=1&language=en&pcode=tps00014&plugin=1> (accessed: 15.11.2018).
24. Austria. Mean age of men at first marriage // UNECE. URL: <https://w3.unece.org/PXWeb/en/TimeSeries?IndicatorCode=300&CountryCode=040> (accessed: 15.11.2018).
25. Austria. Mean age of women at first marriage // UNECE. URL: <https://w3.unece.org/PXWeb/en/TimeSeries?IndicatorCode=303&CountryCode=040> (accessed: 15.11.2018).
26. Mean age at first marriage – females // Eurostat. URL: <https://ec.europa.eu/eurostat/tgm/refreshTableAction.do?tab=table&plugin=1&pcode=tps00014&language=en> (accessed: 15.11.2018).
27. Total fertility rate // Eurostat. URL: <https://ec.europa.eu/eurostat/tgm/table.do?tab=table&init=1&language=en&pcode=tps00199&plugin=1> (accessed: 15.10.2018).
28. Wolf K. Marriage Migration Versus Family Reunification: How Does the Marriage and Migration History Affect the Timing of First and Second Childbirth Among Turkish Immigrants in Germany? // European Journal of Population. 2016. Vol. 32 (5). P. 731–759. URL: https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC5126209/pdf/10680_2016_Article_9402.pdf (accessed: 18.10.2018).
29. Total fertility (children per woman) // UN. DESA. Population Division. World Population Prospect 2017. URL: <https://population.un.org/wpp/DataQuery/> (accessed: 15.10.2018).
30. World Marriage Data 2015 // UN. Department of Economic and Social Affairs. URL: <https://esa.un.org/ffps/Index.html#/maritalStatusData> (accessed: 16.10.2018).
31. Geburtenziffer 2015: Erstmals seit 33 Jahren bei 1,50 Kindern je Frau // Statistisches Bundesamt, 2016. URL: https://www.destatis.de/DE/PresseService/Presse/Pressemitteilungen/2016/10/PD16_373_126.html?jsessionid=C8ED22B47F15096E4C1EF6F33DA62B74.cae1 (das Datum des Zuganges: 15.10.2018).
32. Ausländische Bevölkerung am 31.12.2017 // Statistisches Bundesamt. URL: <https://www.destatis.de/DE/ZahlenFakten/GesellschaftStaat/Bevoelkerung/MigrationIntegration/AuslaendischeBevoelkerung/Tabellen/Bundeslaender.html> (das Datum des Zuganges: 12.11.2018).

Vasyutin Sergey A. Kemerovo State University (Kemerovo, Russia). E-mail: vasutin2012@list.ru

Deniskevich Elena N. Kemerovo State University (Kemerovo, Russia). E-mail: elena-nur@bk.ru

MARRIAGE MODELS IN LEGAL MIGRANTS' COMMUNITIES IN MODERN GERMANY

Keywords: Germany; migrants; marriage age; total birth rate.

The necessity to study marital behavior of migrants in the FRG is made actual by stepped-up media information about risk of reducing of ethnic German because of the increasing flow of foreigners and increasing of their birth rate. The study subject is legal migrants

because there are data about population, age and gender and national composition of this group in official German statistics. Named information is presented in the base of the Federal Statistical Administration. Also the source base of the study includes materials of the statistical office of the European Union (Eurostat), the Economic Commission for Europe, the UN Department of Economic and Social Affairs.

To prove or disprove the thesis about the threat of dominating of foreign ethnic population over the indigenous one in Germany the authors analyze national composition of legal migrants, their marital behavior expressed in marriage age and also birth rate. Statistical data demonstrate that the largest amount of officially registered migrants comes from EU countries and Eastern Europe ones. Attitude to marriage in those countries is similar to the German's one. The inhabitants of the south and east of Europe almost coincide in marital age. For men it is about 32, for women it is 30. While in the FRG in 2017 male population get married for the first time in 34,2, and female population get married for the first time in 31,7. Coming from the Eastern Europe region migrants position their social adaptation, education and career as the main tasks. Creating a family and having a baby are not a priority. Representatives of this migrants group demonstrate rather low birth rate. It is not high in their home countries, too.

Turkish migrants are one of the largest and the longest living in the FRG territory groups of non-native population. Among them there are descendants of labor migrants and also Turks who came to Germany in childhood and adolescence and whose marital behavior was partly developed in conditions of new social, ethnic, cultural and religious surroundings. The second ones demonstrate different models of marriage behavior. Largely it is determined by social adaptation of citizens and their education level. Turks with higher education more often show high age of getting married for the first time and low birth level. Representatives of this group often get married with German. Having lower educational level and poorly adapted migrants predominantly create families with representatives of their people and demonstrate higher birth rate. In this case average birth rate reaches only the threshold of simple reproduction.

Incomers from the Northern Africa considered by the example of migrants from Tunisia and Marocco are predominantly characterized by gravitating to increasing of marriage age and forming of birth rate at the level of average reproduction.

So we can conclude that birth rate in the community of officially registered foreigners living in the FRG territory does not threaten the German population. Priorities of legal migrants are education and professional self-realization overshadowing the reproductive function.

REFERENCES

1. Federal Statistical Office. (n.d.) *Ausländische Bevölkerung, Einbürgerungen und ausgeschöpftes Einbürgerungspotential. Einbürgerungen 2000 bis 2017* [Foreign population, naturalization and exhausted naturalization potential. Naturalizations 2000 to 2017]. [Online] Available from: <https://www.destatis.de/DE/ZahlenFakten/GesellschaftStaat/Bevoelkerung/MigrationIntegration/EingebuergerertePersonen/Tabellen/EinbuergerungenEinbuergerungsquoteLR.html>. (Accessed: 11th November 2018).
2. Kamkin, A.K. (2015) "Alternative for Germany" as a new element of party landscape. *Sovremennaya Evropa – Coontemporary Europe*. 2 pp. 118–122. (In Russian).
3. Timoshenkova, E.P. (2016) Germaniya (razdel zhurnala "Migranty v Evrope") [Germany (section of the magazine "Migrants in Europe")]. *Sovremennaya Evropa – Coontemporary Europe*. 2. pp. 116–119.
4. Serbina, A.S. & Pryadkina, O.A. (2017) General positions of the parties of the United Kingdom and Germany on the issue of reforming immigration policy. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 420. pp. 131–135. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/420/18
5. Korneva, L.N. (2018) Ultra-right movement in FRG and Bundestag election at 24 of September 2017. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 53. pp. 47–51. (In Russian). DOI: 10.17223/19988613/53/10
6. Korostelova, I.N. (2018) "Alternative for Germany" as a response to the migration crisis in Germany. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 54. pp. 69–72. (In Russian). DOI: 10.17223/19988613/54/11
7. *The Local*. (2018) German birth rate surges to highest level in over four decades. [Online] Available from: <https://www.thelocal.de/20180328/german-birth-rate-surges-to-highest-level-in-over-four-decades>. (Accessed: 11th November 2018).
8. Chernyshov, E. (2015) *Smert' Germanii* [Death of Germany]. [Online] Available from: <https://www.nakanune.ru/articles/110104/>. (Accessed: 12th November 2018).
9. Anon. (2017) Germaniya teryaet naselenie. Vsyaya nadezhda na migrantov? [Germany is losing population. All hope for migrants?]. *Vesti. Ekonomika*. [Online] Available from: <https://www.vestifinance.ru/articles/84487>. (Accessed: 17th November 2018).
10. Rambler.ru. (2017) *Kamkin: k 2050 godu v Germanii ostanetsya lish' 45% nemtsev* [Kamkin: by 2050 only 45% of Germans will remain in Germany]. [Online] Available from: <https://finance.rambler.ru/other/38586213-kamkin-k-2050-godu-v-germanii-ostanetsya-lish-45-nemtsev/?updated>. (Accessed: 12th November 2018).
11. UNECE. (n.d.) *Germany, Mean age of women at first marriage*. [Online] Available from: <https://w3.unece.org/PXWeb/en/TimeSeries?IndicatorCode=303&CountryCode=276>. (Accessed: 5th November 2018).
12. Federal Statistical Office. (n.d.) *Durchschnittliches Heiratsalter Lediger* [Average age of marriage single person]. [Online] Available from: <https://www.destatis.de/DE/ZahlenFakten/GesellschaftStaat/Bevoelkerung/Eheschliessungen/Tabellen/EheschliessungenHeiratsalter.html>. (Accessed: 3rd October 2018).
13. RUSVERLAG.DE. (2011) *Nemtsy stali vstupat' v brak pozzhe* [Germans began to marry later]. [Online] Available from: <http://www.rusverlag.de/2011/07/27/13717/nemtsy-stali-vstupat'-v-brak-pozzhe.html>. (Accessed: 21st October 2018).
14. UNECE. (n.d.) *Germany, Mean age of men at first marriage*. [Online] Available from: <https://w3.unece.org/PXWeb/en/TimeSeries?IndicatorCode=300&CountryCode=276>. (Accessed: 5th November 2018).
15. Federal Statistical Office. (n.d.) *Zusammengefasste Geburtenziffer nach Kalenderjahren* [Combined birth rate by calendar year]. [Online] Available from: <https://www.destatis.de/DE/ZahlenFakten/GesellschaftStaat/Bevoelkerung/Geburten/Tabellen/GeburtenZiffer.html>. (Accessed: 27th September 2018).
16. Demoskop Weekly. (2018) *Koeffitsient summarnoy rozhdzaamosti, 1950–2016* [Total fertility rate, 1950–2016]. [Online] Available from: <http://www.demoscope.ru/weekly/app/app4007.php>. (Accessed: 1st November 2018).
17. Federal Statistical Office. (n.d.) *Durchschnittliches Sterbealter: Deutschland, Jahre, Geschlecht* [Average age at death: Germany, years, sex]. [Online] Available from: <https://www-genesis.destatis.de/genesis/online/link/tabelleErgebnis/12613-0007>. (Accessed: 11th November 2018).
18. Zlokazov, I.A. (1985) *Federativnaya respublika Germaniya* [Federal Republic of Germany]. In: Valentey, D.I. (ed.) *Demograficheskiy entsiklopedicheskiy slovar'* [Demographic Encyclopedic Dictionary]. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya. [Online] Available from: <http://geography.su/demogr/item/f00/s01/e0001328/index.shtml>. (Accessed: 7th November 2018).
19. Krapf, S. & Wolf, K. (2015) Persisting Differences or Adaptation to German Fertility Patterns? First and Second Birth Behavior of the 1.5 and Second Generation Turkish Migrants in Germany. *Köln Zeitschrift für Soziologie und Sozialpsychologie*. 67(1). pp. 137–164. [Online] Available from: https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC4577547/pdf/11577_2015_Article_331.pdf. (Accessed: 15th September 2018).
20. Federal Statistical Office. (n.d.) *Bevölkerung: Bevölkerung nach Altersgruppen Deutschland* [Population: Population by age group, Germany]. [Online] Available from: https://www.destatis.de/DE/ZahlenFakten/GesellschaftStaat/Bevoelkerung/Bevoelkerungsstand/Tabellen/_/Irbev01.html. (Accessed: 21st October 2018).

21. Federal Statistical Office. (n.d.) *Ausländische Bevölkerung nach Familienstand und ausgewählten Staatsangehörigkeiten am 31.12.2017* [Foreign population by marital status and selected nationalities on December 31, 2017]. [Online] Available from: <https://www.destatis.de/DE/ZahlenFakten/GesellschaftStaat/Bevoelkerung/MigrationIntegration/AuslaendischeBevolkerung/Tabellen/Familienstand.html>. (Accessed: 19th October 2018).
22. Federal Statistical Office. (n.d.) *Ausländische Bevölkerung 2009 bis 2017 nach ausgewählten Staatsangehörigkeiten* [Foreign population 2009 to 2017 according to selected nationalities]. [Online] Available from: <https://www.destatis.de/DE/ZahlenFakten/GesellschaftStaat/Bevoelkerung/MigrationIntegration/AuslaendischeBevolkerung/Tabellen/StaatsangehoerigkeitJahre.html>. (Accessed: 11th October 2018).
23. Eurostat. (n.d.) *Mean age at first marriage – males* [Online] Available from: <https://ec.europa.eu/eurostat/tgm/table.do?tab=table&init=1&language=en&pcode=tps00014&plugin=1>. (Accessed: 15th November 2018).
24. UNECE. (n.d.) *Austria, Mean age of men at first marriage*. [Online] Available from: <https://w3.unece.org/PXWeb/en/TimeSeries?IndicatorCode=300&CountryCode=040>. (Accessed: 15th November 2018).
25. UNECE. (n.d.) *Austria, Mean age of women at first marriage*. [Online] Available from: <https://w3.unece.org/PXWeb/en/TimeSeries?IndicatorCode=303&CountryCode=040>. (Accessed: 15th November 2018).
26. Eurostat. (n.d.) *Mean age at first marriage – females*. [Online] Available from: <https://ec.europa.eu/eurostat/tgm/refreshTableAction.do?tab=table&plugin=1&pcode=tps00014&language=en>. (Accessed: 15th November 2018).
27. Eurostat. (n.d.) *Total fertility rate*. [Online] Available from: <https://ec.europa.eu/eurostat/tgm/table.do?tab=table&init=1&language=en&pcode=tps00199&plugin=1>. (Accessed: 15th November 2018).
28. Wolf, K. (2016) Marriage Migration Versus Family Reunification: How Does the Marriage and Migration History Affect the Timing of First and Second Childbirth Among Turkish Immigrants in Germany? *European Journal of Population*. 32(5), pp. 731–759. DOI: 10.1007/s10680-016-9402-4
29. UN. DESA. (2017) *Total fertility (children per woman)*. [Online] Available from: <https://population.un.org/wpp/DataQuery/>. (Accessed: 15th October 2018).
30. UN Department of Economic and Social Affairs. (2015) *World Marriage Data 2015*. [Online] Available from: <https://esa.un.org/fips/Index.html#/maritalStatusData>. (Accessed: 16th October 2018).
31. Federal Statistical Office. (2016) *Geburtensziffer 2015: Erstmals seit 33 Jahren bei 1,50 Kindern je Frau* [Birth rate 2015: 1.50 children per woman for the first time in 33 years]. [Online] Available from: https://www.destatis.de/DE/PresseService/Presse/Pressemitteilungen/2016/10/PD16_373_126.html;jsessionid=C8ED22B47F15096E4C1EF6F33DA62B74.cae1. (Accessed: 15th October 2018).
32. Federal Statistical Office. (n.d.) *Ausländische Bevölkerung am 31.12.2017* [Foreign population on December 31, 2017]. [Online] Available from: <https://www.destatis.de/DE/ZahlenFakten/GesellschaftStaat/Bevoelkerung/MigrationIntegration/AuslaendischeBevolkerung/Tabellen/Bundeslaender.html>. (Accessed: 12th November 2018).

УДК 94(571.13)''1949/1953'':323.281
DOI: 10.17223/19988613/57/15

Е.С. Генина

КАМПАНИЯ ПО БОРЬБЕ С КОСМОПОЛИТИЗМОМ В ХАКАСИИ (1949–1953 гг.)

Представлены результаты изучения истории кампании по борьбе с космополитизмом в Хакасии (1949–1953 гг.), указана специфика проведения кампании в регионе. Выявлены основные установки идеолого-пропагандистской кампании. Определены формы наступления на творческую, научно-педагогическую и научную интеллигенцию региона. Установлены степень проявления активности кампании в регионе, ее географическая локализация. Обозначены основные направления продолжения изучения темы борьбы с космополитизмом в Хакасии.

Ключевые слова: кампания по борьбе с космополитизмом в СССР; идеология; интеллигенция; Хакасия; Абакан.

Одной из значимых идеологических кампаний сталинского режима первых послевоенных лет стала кампания по борьбе с космополитизмом. Данная кампания, порожденная обстановкой холодной войны и направленная прежде всего против еврейской интеллигенции, развернулась в СССР в 1949–1953 гг. Борьба с космополитизмом проходила с лозунгом сплочения общества под знаменами советского патриотизма. Одновременно преследовалась задача устранения «несогласных» граждан. В регионах страны кампания имела специфику, обусловленную экономическим развитием территории, представительством интеллигенции, позицией местных руководителей. Особо стоит вопрос о проведении кампании в национальных регионах страны. Присутствие национальной интеллигенции позволяло вносить коррективы в идеологические шаблоны, использовавшиеся повсеместно. Не стали исключением события в Хакасской автономной области, входившей в состав Красноярского края.

К осмыслению кампании по борьбе с космополитизмом в Хакасии уже обращались исследователи: Ю.К. Троякова, Ю.Б. Костякова, В.Н. Казарин, Е.Н. Данькин, Н.Я. Артамонова, Е.С. Генина, М.Г. Степанов реконструировали отдельные исторические пласты кампании в регионе. В первую очередь они связаны с наступлением на представителей различных групп интеллигенции [1. С. 25; 2; 3. С. 184–186, 210–212, 213–214; 4. С. 112–113, 114; 5. С. 148; 6. С. 17–18; 7. С. 222; 8. С. 95; 9. С. 100–101, 105–106]. На сегодняшний день отсутствует работа обобщающего характера, посвященная событиям борьбы с космополитизмом в Хакасии в хронологических рамках 1949–1953 гг., что стало целью настоящего исследования. Основу для его проведения составили документы Российского государственного архива социально-политической истории, Государственного архива Красноярского края, Национального архива Республики Хакасия, материалы периодической печати.

Официальным началом кампании по борьбе с космополитизмом в СССР выступила публикация 28 января 1949 г. редакционной статьи газеты «Правда», органа ЦК и МК ВКП(б), «Об одной антипатриотической группе театральных критиков», в которой разоблачалась «антипатриотическая группа последышей буржуазного эстетства», орудовавшая в журнале «Театр» и газете

«Советское искусство». Газета обнародовала имена И. Юзовского, А. Гурвича, А. Борщаговского, Л. Малюгина, Е. Холодова, Я. Варшавского, Г. Бояджијева, которые объявлялись «безродными космополитами» и обвинялись в неоправданной критике лучших произведений советской литературы и искусства [10].

Борьба с космополитизмом в Хакасии началась с подготовительного момента, идейно связанного с кампанией по борьбе с «низкопоклонством перед Западом» (1947–1948 гг.). 25 января 1949 г. на экран вышел фильм «Суд чести», снятый на киностудии «Мосфильм» в 1948 г. Сюжет фильма основан на антипатриотическом поступке ученого Лосева, опубликовавшего в Америке незавершенную научную работу, важнейшую для медицины. Лосев исходил из космополитического представления о том, что мировая наука не имеет границ. Он предстал перед «судом чести». Кинокартина удостоена Сталинской премии I степени (1949 г.) [11. С. 410–411]. 13 февраля 1949 г. газета «Советская Хакасия», орган Хакасского обкома, Абаканского горкома ВКП(б) и областного совета депутатов трудящихся, поместила статью, разъясняющую зрителям смысл кинофильма [12]. 6 марта 1949 г. газета сообщила о недавно состоявшейся в Абакане зрительской конференции, посвященной обсуждению пьесы А. Штейна «Суд чести», которую поставил областной театр Русской драмы им. М.Ю. Лермонтова. Конференцию организовали редакция газеты и дирекция театра [13].

В следующем месяце «Советская Хакасия» актуализировала тему кампании. 10 апреля 1949 г. была представлена рецензия на первый номер литературно-художественного альманаха «Огни Хакасии». Внимание рецензента привлекла статья М.А. Унгвицкой «Писатели советской Хакасии» с историческим очерком «Развитие литературы в Хакасии», где отсутствовало упоминание разгрома критиков-«космополитов» и реакции на это событие в региональной организации писателей [14].

Только в апреле 1949 г. в Хакасии последовал непосредственный отклик на редакционную статью «Правды» от 28 января 1949 г. В течение двух дней длилось собрание работников искусства, печати и литературы совместно с партийно-советским активом Абакана. Д.И. Нагрузов, заведующий отделом пропаганды и агитации Хакасского обкома ВКП(б), выступил

пил на собрании с докладом «Высоко держать знамя советского патриотизма в искусстве и литературе». Представители интеллигенции областного центра обвинялись в «преклонении перед иностранщиной». Критике подвергся композитор А.А. Кенель, научный сотрудник Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории, автор рукописи «Хакасская музыка». Он обвинялся в том, что приписал иностранцам изобретение хакасских национальных инструментов. Ц.-Д. Номинханов, кандидат филологических наук, автор трудов «Хакасская топонимика как источник истории хакасского народа» и «Словарь лексических сходжений хакасского и монгольского языков», представал как носитель идеи «о монгольском происхождении хакасского народа и его культуры». Не избежал нападков и бывший директор областного музея краеведения А.Н. Липский. На собрании отмечалось: «Каждому оригинальному экспонату, свидетельствующему о древней культуре хакасского народа, он подбирает иностранный ярлык». Обвинения идеологического плана коснулись деятельности и взглядов заведующего кафедрой всеобщей истории Абаканского государственного педагогического института Д.Е. Хайтуна. Участники собрания приняли резолюцию с осуждением «диверсионной деятельности космополитов» и призывом к работникам сферы литературы и искусства «высоко поднять знамя советского патриотизма» [15].

С идейными разоблачениями в Абакане связана «чистка» кадров. Занимаемой должности в АГПИ лишился кандидат исторических наук, доцент Д.Е. Хайтун. В апреле 1949 г. на заседании бюро обкома партии объявили о совершении им ошибок «космополитического характера». К их числу относились отказ признать А.А. Жданова выдающимся марксистским теоретиком, отсутствие разъяснения студентам членами кафедры всеобщей истории материалов партийной печати о космополитизме, идейные ошибки в преподавании курса истории Древнего мира, в докторской диссертации «Происхождение тотемизма», восхваление буржуазного Запада. В АГПИ работала и жена Давида Ефимовича Ю.А. Шиббаева, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры истории СССР. Д.Е. Хайтун и Ю.А. Шиббаева покинули Абакан и впоследствии трудились в Таджикском государственном университете. Кафедру всеобщей истории в 1949 г. возглавила кандидат исторических наук, доцент В.Э. Скорман, прибывшая из Сталинабадского государственного педагогического института, где ее обвинили в «космополитизме» и исключили из партии. Сложившаяся ситуация имеет объяснение лишь с точки зрения острой нехватки научно-педагогических кадров в АГПИ [5. С. 148; 16. С. 65–66].

Абаканский пединститут, единственное высшее учебное заведение в Хакасии, находился под пристальным контролем. В частности, на X Хакасской областной партийной конференции (24–26 февраля 1951 г.) шла речь о «недочетах», выявленных в вузе бригадой крайкома партии. После окончания дискуссии по языкознанию «в пединституте, где принимались экзамены по литературе, висел все еще портрет Марра и выдержки из так называемых “трудов” Марра». На

кафедре литературы работали люди, «которые трудились не за страх на немцев во время войны». Имелись «ошибки» в преподавании, отразившиеся на знаниях студентов [8. С. 95; 17. Л. 252–253].

Нападкам подверглись и сотрудники ХакНИИЯЛИ. Критический натиск испытали научные работы А.А. Кенеля, Д.Е. Хайтуна, Ц.-Д. Номинханова, А.Н. Липского. Бюро обкома ВКП(б) вывело исследователей из Ученого совета учреждения с формулировкой «как не оправдавших доверия» [7. С. 222]. Ц.-Д. Номинханов заведовал сектором языка ХакНИИЯЛИ. 14 июня 1949 г. решением бюро обкома партии он был отстранен от работы и исключен из партии. В просьбе о восстановлении на работе получил отказ. Первый секретарь Хакасского обкома ВКП(б) Т.Н. Небезиков дал ученому четкую характеристику: «В своих работах по хакасскому языку протаскивал антинаучные, буржуазные концепции, делал выводы космополитического характера по теории формирования хакасского языка и истории хакасского народа» [8. С. 95; 18. Л. 258].

Свою лепту в борьбу с космополитизмом и идейное воспитание населения внесло Всесоюзное общество по распространению политических и научных знаний. Филиал общества создан в Хакасии в феврале 1949 г. Подготовленные лекции должны были отражать вопросы внешней политики СССР, разоблачать политику американского империализма, показывать преимущества социализма перед капитализмом, содействовать формированию представлений о советском патриотизме [19, 20].

С проводившейся идеологической работой связывалось изучение истории Хакасии послеоктябрьского периода. Подобная постановка проблемы обозначена в редакционной статье «Советской Хакасии» за 14 ноября 1950 г. [21]. В конце января 1951 г. газета сообщила об объединенном заседании сектора истории ХакНИИЯЛИ, исторических кафедр АГПИ, преподавателей истории, определившем ключевые проблемы изучения на пять лет. Доминирующие позиции отводились послеоктябрьской истории региона [22].

Вопрос о состоянии идеологической работы в Хакасии стоял остро. На X Хакасской областной партийной конференции (1951 г.) огласили вывод, сделанный Красноярским крайкомом ВКП(б): «Разве не ясно, что обком не понял ведущей роли политической работы в нашей партийной деятельности?» Опасность сложившегося положения виделась руководству края со стороны присутствия в автономии значительной численности национального населения и экономического потенциала региона. Недооценка партийной и идеологической работы, по мнению руководства, могла препятствовать росту экономики [17. Л. 254].

Сложности с идеологической работой не прошли бесследно для руководства края. Последовало Постановление ЦК ВКП(б) «О работе Красноярского крайкома ВКП(б)» от 12 апреля 1952 г., где работа крайкома признавалась неудовлетворительной. В постановлении утверждалось, что крайком партии допускал серьезные просчеты в руководстве хозяйственной и партийно-политической работой, оказалась запущенной работа с кадрами, что отразилось на их подборе и воспитании.

Важный пункт документа касался неудовлетворительной постановки идеологической работы. В связи с принятым Постановлением ЦК ВКП(б) заведующего отделом пропаганды и агитации Красноярского крайкома партии В.С. Журова освободили от занимаемой должности. Ему на смену пришел работник, направленный в край ЦК партии. Но в апреле 1953 г. ЦК партии все еще располагал сведениями о неблагополучии в Красноярском крае, в том числе с кадровым вопросом, партийно-организационной и идеологической работой [8. С. 74; 23. Л. 2, 8, 12, 13; 24. Л. 144; 25. Л. 31, 32].

Решение ЦК ВКП(б) закономерно сказалось на положении в Хакасии. 30–31 августа 1952 г. проходила XI Хакасская областная партконференция. Особое внимание на ней уделялось теме идеологической работы: «Новому составу обкома партии необходимо ликвидировать полностью недостатки и ошибки в идеологической работе и до конца выполнить постановление ЦК ВКП(б) от 12 апреля» [26. Л. 54].

На партконференции поднималась тема уже «разоблаченной» пьесы И. Кычакова «Птица счастья», поставленной в начале 1952 г. Хакасским национальным театром. В «Советской Хакасии» опубликовали материал, завершающийся выводом: «Идея дружбы хакасского и русского народов в пьесе И. Кычакова “Птица счастья” опорочена. В этом вред пьесы. Подобное нигилистическое отношение к национальным традициям мешает использованию прогрессивных национальных традиций в интересах строительства коммунизма, мешает воспитанию советского патриотизма» [2. С. 128–129; 26. Л. 53–54, 111–112; 27]. Под прицелом критики находилось творчество поэта И. Котюшева, члена Союза советских писателей. В начале 1952 г. поэт представил в национальное издательство 42 стихотворения, в содержании которых рецензенты усмотрели «крупные ошибки идеологического порядка». Показательно критиковались стихотворения «Журавли», «Черемуха», «Золото», «Хакасия». Вывод с последующим выходом на тему советского патриотизма изложен в одном из номеров областной газеты: «Аполитичность и безыдейность, националистические тенденции в творчестве И. Котюшева должны быть осуждены общественностью и писательским коллективом области» [2. С. 128; 28].

Последней акцией кампании по борьбе с космополитизмом в СССР явилось «дело врачей». 13 января 1953 г. «Правда» опубликовала сообщение ТАСС «Арест группы врачей-вредителей», где говорилось о раскрытии органами государственной безопасности «террористической группы врачей, ставивших своей целью, путем вредительского лечения, сократить жизнь активным деятелям Советского Союза». В нем приводился список участников «группы» – виднейших советских медиков, большинство из которых были евреями. Сообщение ТАСС сопровождалось передовой статьей «Правды» «Подлые шпионы и убийцы под маской профессор-врачей» [29, 30]. 14 января 1953 г. «Советская Хакасия» перепечатала сообщение ТАСС, три дня спустя – передовую статью «Правды» [31, 32]. Затем газета привлекла внимание читателей к теме бдительности [33].

Сообщение ТАСС и передовая статья «Правды» обсуждались в Красноярском крае. Информация об

этом поступала в Красноярский крайком партии, который направлял ее в ЦК КПСС. Показательной является «Информационная справка об откликах трудящихся г. Красноярска и районов Хакасской автономной области на хронику ТАСС об аресте врачей-вредителей» от 16 января 1953 г. Документ, адресованный секретарю крайкома партии Н.Н. Органову, подготовили в секторе информации крайкома. Он отразил возмущение поступками «врачей-вредителей», требования применения к ним самого сурового наказания и обстановку усиления бдительности. Документ зафиксировал появление антисемитских настроений. В Аскизском районе заместитель начальника по политчасти СМП 159 заявил в райкоме партии: «Возмущению преступными действиями этих вредителей у всех честных тружеников нет границ, надо к ним применить самые суровые меры». В Ширинском районе работники райсельхозотдела сказали: «Предателей народа надо судить и приговорить к высшей мере наказания как изменников Родины. И как можно скорее убрать из Москвы политически ненадежных» [9. С. 105–106; 34. Л. 1–3; 35. Л. 115–116, 136–138].

В январе 1952 г. прокурор Хакасской автономной области, старший советник юстиции В. Абрамов представил в обком партии сведения о фактах неверного определения диагнозов, неправильного лечения больных и последствиях этого, о халатном отношении врачей к своим обязанностям, проблемах с дисциплиной и отсутствии необходимого контроля со стороны облздравотдела. По данным прокурора, 30% врачей облздравотдела не вызывали «политического доверия». При этом 29 человек были высланными немцами, литовцами и калмыками, 4 человека побывали в плену у немцев и лечили их, 11 человек ранее подвергались репрессиям за совершение контрреволюционных преступлений [36. Л. 20–24]. В середине 1952 г. в регионе сохранялась потребность в 410 врачах, но работали лишь 250 врачей, что соответствовало обеспеченности кадрами на 61% [8. С. 168; 37. Л. 24]. Представляется маловероятным, что имевшиеся проблемы были решены к 1953 г. Однако у нас отсутствуют сведения о репрессиях в отношении врачей. Возможно, краткий период «дела врачей», реабилитация «врачей-вредителей» в апреле 1953 г. не позволили региональным процессам сформироваться в полной мере.

Кампания по борьбе с космополитизмом в Хакасии 1949–1953 гг. имела свою специфику. Развитие событий в автономии не позволяет зафиксировать высокую степень проявления активности кампании, ее явный антисемитский характер, что обусловлено отсутствием многочисленной интеллигенции в целом и еврейской интеллигенции в частности. Нападкам подверглись представители творческой, научно-педагогической и научной интеллигенции. В регионе применялись различные формы наступления на интеллигенцию: контроль за составом кадров, контроль идейного содержания творческой, научно-педагогической и научной деятельности, «чистка» кадров. Присутствие национальной интеллигенции позволяло выдвигать обвинения в национализме, соотносить их с установками кампании. Особое внимание в регионе уделялось

идеологической работе. Областная газета «Советская Хакасия» представляла «антикосмополитические» публикации и материалы по вопросам идеологической работы. В первую очередь борьба с космополитизмом заявила о себе в Абакане, центре автономии. В настоящее время перспективы изучения темы связаны с проблемами политических репрессий в регионе периода

борьбы с космополитизмом, «дела врачей» (1953 г.), а также с реконструкциями биографий людей, пострадавших во время кампании.

Автор статьи выражает благодарность Е.А. Лактионовой за предоставленные архивные документы (Национальный архив Республики Хакасия. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 1669, 1778).

ЛИТЕРАТУРА

1. Троякова Ю.К. Художественная интеллигенция национальных районов Южной Сибири: проблемы формирования и роста (1945–1965 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Абакан, 2007. 28 с.
2. Костякова Ю.Б. Особенности борьбы с космополитизмом в национальном регионе (по материалам прессы Хакасии) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2011. № 7 (13) : в 3-х ч. Ч. 2. С. 124–130. URL: www.gramota.net/materials/3/2011/7-2/33.htm (дата обращения: 29.11.2018).
3. Костякова Ю. Б. Массово-информационные пространства южносибирских национальных регионов: исторические условия и опыт формирования (1922–1953 гг.). Абакан : Изд-во Хакас. гос. ун-та им. Н.Ф. Катанова», 2017. 252 с.
4. Казарин В.Н. Патриотизм и космополитизм в социально-политической жизни интеллигенции Восточной Сибири (1945–1950-е гг.) // Русский вопрос: история и современность : материалы Третьей всерос. науч. конф. (17–18 декабря 1996 г., Омск) / отв. ред. Д.А. Алисов, М.Л. Бережнова, Н.А. Томилов. Омск : Изд-во ОмГПУ, 1998. С. 110–115.
5. Казарин В.Н. Образование, наука и интеллигенция в Восточной Сибири (вторая половина 40-х – середина 60-х гг. XX в.). Иркутск : Изд-во Иркут. ун-та, 1998. 308 с.
6. Данькин Е.Н. Организация и развитие исторической науки в Хакасии (1920-е – 1985 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Улан-Удэ, 2009. 26 с.
7. Артамонова Н.Я. Интеллигенция Восточной Сибири: опыт формирования и деятельности (конец XIX – середина XX вв.). М. : Прометей, 2000. 237 с.
8. Генина Е.С. Кампания по борьбе с космополитизмом в Сибири (1949–1953 гг.). Кемерово : Кемеровский гос. ун-т, 2009. 255 с.
9. Степанов М. Г. Сталинские репрессии в Хакасии в конце 1930-х – начале 1950-х гг. Абакан : Хакасское кн. изд-во, 2006. 182 с.
10. Об одной антипатриотической группе театральных критиков // Правда. 1949. 28 янв.
11. Советские художественные фильмы : аннотированный каталог / сост. Н.А. Глаголева, М.Х. Зак, А.В. Мачерет и др.; под ред. А.В. Мачерета, Л.А. Парфенова, О.В. Якубовича, М.Х. Зака. М. : Искусство, 1961. Т. 2. 784 с.
12. Соломин Ф. «Суд чести» // Советская Хакасия (Абакан). 1949. 13 февр.
13. Зрители о пьесе «Суд чести» // Советская Хакасия. 1949. 6 марта.
14. Забелин Вл. «Огни Хакасии» // Советская Хакасия. 1949. 10 апр.
15. Выше знамя советского патриотизма в искусстве и литературе! // Советская Хакасия. 1949. 19 апр.
16. Данькин Е.Н. Организация и развитие исторической науки в Хакасии (1920-е – 1985 гг.) : дис. ... канд. ист. наук. Абакан, 2009. 221 с.
17. Национальный архив Республики Хакасия (НАРХ). Ф. П-2. Оп. 1. Д. 1669.
18. Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. П-26. Оп. 21. Д. 39.
19. Белошапкин А. Политические и научные знания – в массы // Советская Хакасия. 1949. 4 сент.
20. Шире размах пропаганды политических и научных знаний! // Советская Хакасия. 1949. 27 сент.
21. Повседневню повышать уровень идеологической работы // Советская Хакасия. 1950. 14 ноября.
22. Мартынов Н. За научную разработку истории Хакасии и ее народа // Советская Хакасия. 1951. 31 янв.
23. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 116. Д. 659.
24. ГАКК. Ф. П-26. Оп. 24. Д. 8.
25. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 119. Д. 839.
26. НАРХ. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 1778.
27. Порочная пьеса // Советская Хакасия. 1952. 8 февр.
28. Горин Б., Игнатъев Ф. О безидейности в творчестве И. Котюшева // Советская Хакасия. 1952. 8 июля.
29. Арест группы врачей-вредителей // Правда. 1953. 13 янв.
30. Подлые шпионы и убийцы под маской профессоров-врачей // Правда. 1953. 13 янв.
31. Арест группы врачей-вредителей // Советская Хакасия. 1953. 14 янв.
32. Подлые шпионы и убийцы под маской профессоров-врачей // Советская Хакасия. 1953. 17 янв.
33. Быть бдительным на любом участке и во всякой обстановке // Советская Хакасия. 1953. 25 янв.
34. ГАКК. Ф. П-26. Оп. 25. Д. 346.
35. ГАКК. Ф. П-26. Оп. 25. Д. 1.
36. НАРХ. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 1895.
37. НАРХ. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 1794.

Genina Elena S., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia). E-mail: elena_genina@mail.ru

ANTI-COSMOPOLITAN CAMPAIGN IN KHAKASSIA (1949–1953)

Keywords: anti-cosmopolitan campaign in the USSR; ideology; intelligentsia; Khakassia; Abakan.

The anti-cosmopolitan campaign was unleashed in the USSR in 1949–1953. It was directed primarily against the Jewish intelligentsia. The key ideological narrative of the campaign was the ideas of Soviet patriotism. In the ethnic regions of the country, this campaign had its local peculiarities. The purpose of this study is to serve the preparation of a summary generalizing work reconstructing of the events of the anti-cosmopolitan campaign in Khakassia throughout the period of its implementation. The source base for the study comprised the documents of the Russian State Archive of Socio-Political History, the State Archive of the Krasnoyarsk Territory, the National Archive of the Republic of Khakassia, materials of the periodical press (publications of the *Pravda* and the *Sovetskaya Khakassia* newspapers). The author restores the history of the campaign against cosmopolitanism on the territory of the Khakass Autonomous Region, which was part of the Krasnoyarsk Territory.

The analysis conducted made it possible to conclude that the anti-cosmopolitan campaign in Khakassia, which took place in 1949–1953, was characterized with some specific features. The development of events in that Siberian autonomy does not allow us to confirm a high degree of activity in launching the campaign. It had no clear anti-Semitic nature in the region. These factors were due to the modest number of intelligentsia in general and few members of Jewish intelligentsia, in particular. Representatives of the creative, academic,

pedagogical and scientific intelligentsia of the region experienced an oppressive attack. In Khakassia, the following forms of attack on the intelligentsia were used: control over the formation of personnel, supervision over the ideological content of creative, research, academic and pedagogical activities, working staff “cleansing”. The presence of intelligentsia with indigenous background in the region made it possible to bring accusations of nationalism, the wording of which turned out to be connected with the main ideological attitudes of the campaign. During the campaign, the government paid particular attention to ideological work. The publications of the regional newspaper *Sovetskaya Khakassia* contributed to the formation of the necessary public opinion in the region. The main events of the campaign developed in Abakan, the center of the autonomy, where the intelligentsia was concentrated.

At present, there are prospects of further study in the topic through addressing the issues of political repressions in the region that followed the anti-cosmopolitan campaign, the “doctors’ case” (1953), and the reconstruction of the biographies of people affected by the campaign.

REFERENCES

1. Troyakova, Yu.K. (2007) *Khudozhestvennaya intelligentsiya natsional'nykh rayonov Yuzhnoy Sibiri: problemy formirovaniya i rosta (1945–1965 gg.)* [Artistic intelligentsia of the national regions of Southern Siberia: problems of formation and growth (1945–1965)]. Abstract of History Cand. Diss. Abakan.
2. Kostyakova, Yu.B. (2011) *Osobennosti bor'by s kosmopolitizmom v natsional'nom regione (po materialam pressy Khakasii)* [Features of the struggle against cosmopolitanism in the national region (according to the press materials of Khakassia)]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki (Tambov)*. 7(13). pp. 124–130 [Online] Available from: www.gramota.net/materials/3/2011/7-2/33.html. (Accessed: 29th November 2018).
3. Kostyakova, Yu.B. (2017) *Massovo-informatsionnye prostranstva yuzhnosibirskikh natsional'nykh regionov: istoricheskie usloviya i opyt formirovaniya (1922–1953 gg.)* [Mass-information spaces of the South Siberian national regions: historical conditions and experience of formation (1922–1953)]. Abakan: Khakass State University.
4. Kazarin, V.N. (1998) *Patriotizm i kosmopolitizm v sotsial'no-politicheskoy zhizni intelligentsii Vostochnoy Sibiri (1945 – 1950-e gg.)* [Patriotism and cosmopolitanism in the socio-political life of the intelligentsia of Eastern Siberia (1945–1950s)]. In: Alisov, D.A., Berezhnova, M.L. & Tomilov, N.A. (eds) *Russkiy vopros: istoriya i sovremennost'* [The Russian question: History and modernity]. Omsk: Omsk State Pedagogical University. pp. 110–115.
5. Kazarin, V.N. (1998) *Obrazovanie, nauka i intelligentsiya v Vostochnoy Sibiri (vtoraya polovina 40-kh – seredina 60-kh gg. XX v.)* [Education, science and intelligentsia in Eastern Siberia (the second half of the 1940s – the mid 1960s)]. Irkutsk: Irkutsk State University.
6. Dankin, E.N. (2009) *Organizatsiya i razvitie istoricheskoy nauki v Khakasii (1920-e – 1985 gg.)* [Organization and development of historical studies in Khakassia (1920–1985)]. Abstract of History Cand. Diss. Ulan-Ude.
7. Artamonova, N.Ya. (2000) *Intelligentsiya Vostochnoy Sibiri: opyt formirovaniya i deyatelnosti (konets XIX – seredina XX vv.)* [Intellectuals of Eastern Siberia: the experience of formation and activity (the late 19th – mid 20th centuries)]. Moscow: Prometei.
8. Genina, E.S. (2009) *Kampaniya po bor'be s kosmopolitizmom v Sibiri (1949–1953 gg.)* [Campaign against cosmopolitanism in Siberia (1949–1953)]. Kemerovo: Kemerovo State University.
9. Stepanov, M.G. (2006) *Stalinskaya repressiya v Khakasii v kontse 1930-kh – nachale 1950-kh gg.* [Stalinist repression in Khakassia in the late 1930s – early 1950s]. Abakan: Khakasskoe kn. izd-vo.
10. Anon. (1949) *Ob odnoy antipatrioticheskoy gruppe teatral'nykh kritikov* [On one anti-patriotic group of theater critics]. *Pravda*. 28th January.
11. Macheret, A.V., Parfenov, L.A., Yakubovich, O.V. & Zak, M.Kh. (eds) (1961) *Sovetskie khudozhestvennye fil'my: annotirovannyi katalog* [Soviet feature films: An annotated catalog]. Vol. 2. Moscow: Iskusstvo.
12. Solomin, F. (1949) “Sud chesti” [“Court of Honour”]. *Sovetskaya Khakassiya*. 13th February.
13. Anon. (1949) *Zriteli o p'ese “Sud chesti”* [Spectators about the play “Court of Honour”]. *Sovetskaya Khakassiya*. 6th March.
14. Zabelin, V.I. (1949) “Ogni Khakasii” [“Lights of Khakassia”]. *Sovetskaya Khakassiya*. 10th April.
15. Anon. (1949) *Vyshe znayama sovetskogo patriotizma v iskusstve i literature!* [Higher the banner of Soviet patriotism in art and literature!]. *Sovetskaya Khakassiya*. 19th April.
16. Dankin, E.N. (2009) *Organizatsiya i razvitie istoricheskoy nauki v Khakasii (1920-e – 1985 gg.)* [Organization and development of historical science in Khakassia (the 1920s – 1985)]. History Cand. Diss. Abakan.
17. The National Archive of the Republic of Khakassia (NARKh). Fund P-2. List 1. File 1669.
18. The State Archive of the Krasnoyarsk Territory (GAKK). Fund P-26. List 21. File 39.
19. Beloshapkin, A. (1949) *Politicheskie i nauchnye znaniya – v massy* [Political and scientific knowledge – to the masses]. *Sovetskaya Khakassiya*. 4th September.
20. Anon. (1949) *Shire razmakh propagandy politicheskikh i nauchnykh znaniy!* [Broader the scope of propaganda of political and scientific knowledge!]. *Sovetskaya Khakassiya*. 27th September.
21. Anon. (1950) *Povsednevno povyshat' uroven' ideologicheskoy raboty* [To raise the level of ideological work every day]. *Sovetskaya Khakassiya*. 14th November.
22. Martynov, N. (1951) *Na nauchnyu razrabotku istorii Khakasii i ee naroda* [For the scientific development of the history of Khakassia and its people]. *Sovetskaya Khakassiya*. 31st January.
23. The Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI). Fund 17. List 116. File 659.
24. The State Archive of the Krasnoyarsk Territory (GAKK). Fund P-26. List 24. File 8.
25. The Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI). Fund 17. List 119. File 839.
26. The National Archive of the Republic of Khakassia (NARKh). Fund P-2. List 1. File 1778.
27. Anon. (1952) *Porochnaya p'esa* [The vicious play]. *Sovetskaya Khakassiya*. 8th February.
28. Gorin, B. & Ignat'ev, F. (1952) *O bezideynosti v tvorchestve I. Kotyusheva* [On the lack of ideology in works by I. Kotyushev]. *Sovetskaya Khakassiya*. 8th July.
29. Anon. (1953) *Arest gruppy vrachey-vrediteley* [The arrest of doctors-saboteurs]. *Pravda*. 13th January.
30. Anon. (1953) *Podlye shpiony i ubiytsy pod maskoy professorov-vrachey* [Mean spies and murderers under the guise of medical professors]. *Pravda*. 13th January.
31. Anon. (1953) *Arest gruppy vrachey-vrediteley* [The arrest of doctors-saboteurs]. *Sovetskaya Khakassiya*. 14th January.
32. Anon. (1953) *Podlye shpiony i ubiytsy pod maskoy professorov-vrachey* [Mean spies and murderers under the guise of medical professors]. *Sovetskaya Khakassiya*. 17th January.
33. Anon. (1953) *Byt' bditel'nym na lyubom uchastke i vo vsyakoy obstanovke* [To be vigilant at any site and in any situation]. *Sovetskaya Khakassiya*. 25th January.
34. The State Archive of the Krasnoyarsk Territory (GAKK). Fund P-26. List 25. File 346.
35. The State Archive of the Krasnoyarsk Territory (GAKK). Fund P-26. List 25. File 1.
36. The National Archive of the Republic of Khakassia (NARKh). Fund P-2. List 1. File 1895.
37. The National Archive of the Republic of Khakassia (NARKh). Fund P-2. List 1. File 1794.

УДК [94(430)+94(470+571)]:327
DOI: 10.17223/19988613/57/16

Ю.Л. Говоров

РОССИЙСКО-ГЕРМАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ ОТНОШЕНИЙ РОССИИ С ЗАПАДОМ

Рассматривается проблема российско-германских отношений в контексте отношений России с Западом. Выделены основные этапы и выявлена специфика российско-германского взаимодействия в международных отношениях нового–нового времени. Поскольку по ряду причин Россия и Германия в указанный период стали проблемной частью Европы, отношения между ними и отношение к ним в других европейских странах всегда колеблются от весьма положительных до крайне отрицательных. В торгово-экономической и особенно в технологической сфере наши страны объективно комплементарны друг другу. Однако в международно-политической сфере отношения двух стран детерминируются и деформируются под воздействием англо-саксонского мира.

Ключевые слова: Россия; Германия; российско-германские отношения; вестернизация; европеизация; индустриализация; технологии.

На протяжении столетий Россия была и остается вовлеченной в европейские дела – иногда как жан-дарм, иногда как спаситель, иногда как жертва, ... большую часть времени – не в составе Европы, но скорее рядом, в лучшем случае – на пороге Европы, в худшем – на ее обочине. Поэтому Н.Я. Данилевский еще полтора столетия назад пришел к выводу, что «ни истинная гордость, ни истинная скромность не позволяют нам считать себя европейцами» [1. С. 60]. При этом, как подметил декан Школы международных исследований Пекинского университета Цзя Цингуо, «европейская» голова у российского двуглавого орла все-таки гораздо больше, чем «азиатская» [2].

Запад по отношению к нашей стране всегда проявлял в лучшем случае меркантильно-торговый интерес, а в худшем – колониально-цивилизаторские устремления. В России же давно существует и периодически обостряется политико-культурный раскол по вопросу об отношении к Западу. Но основная тенденция развития России последних столетий – к вестернизации и европеизации.

В истории России витки модернизации обусловливались не столько потребностями внутреннего развития, сколько необходимостью выживания во враждебном окружении «передовых наций». Противостоять Западу можно было только посредством усвоения западных идей, институтов, техники и технологий на путях догоняющего развития. Поэтому российское общество, зачарованное более высоким уровнем культурного и технико-экономического развития Запада, время от времени поочередно полонизировалось, онемечивалось, англизировалось, офранцузивалось, американизировалось. При этом особый интерес Россия всегда проявляла к технологической сфере в форме копирования готовых западных образцов.

Технологическое донорство Запада порождает «диффузионную волну заимствований» [3] в самых различных сферах жизни отстающих в исторической гонке обществ: от повышения экономической эффективности к культурно-бытовой англomании, галломании, германофилии и далее к политико-идеологическим

заимствованиям со всеми вытекающими из этого последствиями для социально-политической стабильности принимающего общества-реципиента... Однако, как отмечал А. Тойнби, «... в каждом случае цивилизация, привлекая Россию на орбиту своей привлекательности, находила, что русский сателлит угрожает поменяться с ней местами, узурпировав место Солнца...» [4. С. 539] Поэтому, как отметил немецкий политолог А. Рар, искренние симпатии Запад проявлял к России только тогда, когда она была слабой в стадии развала... [5].

Германия занимала и занимает особое место в процессе российско-европейского взаимодействия. Прежде всего следует отметить, что Германия и Россия относились ко второму и, соответственно, третьему эшелону модернизации, что обусловило для них необходимость применения специфических методов проведения внутренней и внешней политики. В результате и Россия, и Германия стали проблемной частью Европы, а отношения между ними и отношение к ним в других европейских странах колеблются от весьма положительных до крайне отрицательных. Но никто в Европе, наверно, так не соединен общностью судьбы, как россияне с немцами и поляками, а немцы – с русскими и французами.

Известно, что стремление упорядочить все и вся является источником большинства немецких национальных достоинств. Поскольку порядок для себя непременно предполагает и порядок для других, «немец только самого себя ощущает как единственный источник порядка, организованности и культуры для всех этих несчастных народов. Отсюда, – отмечал Н. Бердяев, – органическое культуртрегерство немцев» [6].

Такое врожденное немецкое качество, как законопослушность, обеспечивает порядок и тем самым дает смысл существования. Косвенным доказательством этого положения является то, что немцы исторически, как правило, прекрасно уживались на службе у других правительств, верой и правдой служа своим новым правителям. Немец «не умствует относительно уже установленного порядка, как и не пытается придумать новый. Легко переселяется, но в чужих краях... выгодно отличается от переселенцев других народов прилежани-

ем, чистоплотностью и бережливостью» [7]. Они становились идеальными солдатами: храбрыми и преданными. Среди офицеров – русских немцев – в годы Первой мировой не оказалось ни одного предателя...

Наличие немецкого культурного влияния и человеческого элемента всегда оказывало облагораживающее дисциплинирующее влияние на российское общество с его специфическим менталитетом. Известно, что для русского человека «страшней всего не крупные дела – величие цели здесь уж вдохновляет, а мелкие, текущие дела...» Все невеликое ему мало интересно – не хочется в России педантично копать в мелочах: «...пусть этим немец занимается...» Также известно: сильная сторона русского человека – творческое мышление, а слабая – трудности самоорганизации, безответственность и непрактичность. В отличие от немцев, предпочитающих не нарушать даже те правила, которые сильно осложняют им жизнь, неуважение русского человека к правилам без всяких на то видимых причин столь велико, что президент Д. Медведев назвал его «ментальной проблемой» [8].

Проблема России не столько даже в качестве власти, сколько в качестве населения. В. Ключевский, видимо, в сердцах, гиперболизируя проблему, утверждал, что «в России нет средних талантов, простых мастеров, а есть одинокие гении и миллионы никуда не годных людей. Гении ничего не могут сделать, потому что не имеют подмастерьев, а с миллионами ничего нельзя сделать, потому что у них нет мастеров. Первые бесполезны, потому что их слишком мало; вторые беспомощны, потому что их слишком много» [9. С. 373.]. Чем дальше вглубь веков, тем больше прав В. Ключевский. И здесь образцом и ориентиром для России стала Германия, которая смогла стать процветающей развитой страной благодаря не столько «сумрачному германскому гению», сколько массовости «средних талантов».

Русские государи это понимали и начиная с Ивана Грозного в заметных масштабах регулярно приглашали европейских, в основном немецких, специалистов. В конце XVII в. их численность в России достигла 20 тысяч, а Немецкая слобода стала «Сколково XVII века» [10], что способствовало росту качественных показателей российского общества. При Петре I и его преемниках приглашение иностранных специалистов и мастеров «стало одним из элементов развития» Российской империи в рамках курса на модернизацию страны для обеспечения догоняющего Европу развития.

Благоприятные экономические условия и дешевая после отмены крепостного права рабочая сила привлекали зарубежных инвесторов и специалистов, особенно немцев. Так, Путиловская судостроительная фабрика полностью находилась под контролем гамбургской фирмы «Бинт и Фокс» (все директора судостроительной фабрики, начальники отделов и их помощники, чертежники, электромонтеры были немецкими подданными). В условиях частичного совпадения интересов двух стран на международной арене и благодаря династическим узам и личной дружбе Вильгельма II и Николая II Германия иногда делилась с Российской империей даже секретной военно-технической информацией [11].

К началу Первой мировой войны в России было до 2,5 млн немцев – качественной рабочей силы и управленцев. Как писал в начале XX в. офицер российской контрразведки, «Россия всегда нуждалась в немцах, которые были ее учителями» [12]. При 2%-ной доле в населении России русские немцы, например, составляли 40% высшего армейского командования, 57% служащих МИДа, 62% персонала Министерства почт и телеграфов» [13].

Реализация творческого потенциала немецкого народа сначала затруднялась отсутствием единой государственности. Объединение страны «железом и кровью» произошло эффектно, но поздно, на завершающей стадии борьбы за раздел мира – поэтому она стремилась к его переделу. Как метко подметил Томас Манн, «немецкому народу свойственно решать свои внутренние проблемы за счет всего мира». Для сравнения можно добавить, причем вовсе не в качестве похвалы, что «русскому народу, наоборот, свойственно решать мировые проблемы за свой собственный счет» [14]. На определенном этапе территориальная экспансия уже более не умножала мощь России, но умножала риски. Поэтому на западном направлении Россия вела осторожную политику, исходя из того, что дальнейшее «расширение территории есть расширение слабости». Однако, по оценке той эпохи Г. Киссинджером, «два колосса: импульсивная мощная Германия и огромная неугомонная Россия, – то и дело наталкиваются друг на друга в самом центре континента, и конфликт становится вероятным независимо от того, что Германии нечего приобретать от войны с Россией, а Россия может все потерять в войне с Германией» [15. С. 155].

Крушение Российской и Германской империй произошло практически одновременно – Германия была унижена жадностью победителей, СССР оказался во враждебном внешнем окружении. В конечном счете в России и Германии утвердились антагонистические тоталитарные идеологии интернационал-социализма и национал-социализма. При всем их глубинно-принципиальном различии обе эти идеологии требовали Общего поставить выше Личного, Государство – выше Общества, усилить государственную мощь применением мобилизационных методов. Германия традиционно направила эту мощь вовне страны. Сталин же «сумел направить разрушительную революционную энергию народа в позитивное, созидательное русло модернизации» [16], обеспечив тем самым индустриализацию и победу в грядущей мировой войне.

В конкретной ситуации Великого экономического кризиса конца 1920-х – начала 1930-х гг. решающее кадрово-техническое содействие индустриализации СССР без политических условий могли оказать только США. Веймарская Германия, угнетенная версальскими репарациями, могла оказать содействие этому проекту в основном только специалистами. А в 1939 г. Сталин вынудил Гитлера в качестве условия заключения Пакта о ненападении сделать практически невероятное: предоставить СССР целевой кредит для закупки в Германии оружия и промоборудования для производства оружия на 200 млн марок (при золотовалютном запасе Германии 500 млн марок) и заключить тор-

говое соглашение на 120 млн марок на те же цели в обмен на советское сырье.

В свете утверждений некоторых либеральных авторов о том, что «фашистский меч ковался в СССР» [17], представляет интерес номенклатура торгового обмена в соответствии с этими соглашениями: немцы поставили металлорежущее оборудование, краны, прокатные станы, компрессоры, спецоборудование для пороховых и химических фабрик, оборудование для угольной промышленности, турбины и мощные дизельные моторы, электрооборудование, контрольно-измерительные и оптические приборы, плавучие судоремонтные мастерские, предметы вооружения (в том числе даже крейсер, который позже будет защищать Ленинград). Подавляющее число этих товаров было несерийным и делалось исключительно на заказ. СССР же поставлял в ответ кроме нефтепродуктов сырье «в издевательски первоначальном его виде» [18], не прошедшее даже первого передела (кормовые хлеба, лес, марганцевая руда, парафин, пакля, хлопок-сырец, лен, конский волос, рыбий пузырь, пух и перо и т.д.) Таким образом, СССР готовился к войне в том числе и руками самих немцев – «советский меч отчасти ковался в Германии!»

Естественно, рост мощи двух тоталитарных режимов не добавлял им положительных оценок в представлениях других стран, которые и без того всегда к ним относились с опаской. Не удивительно, что западные демократии хотели столкнуть между собой два тоталитарных режима. Опыт истории показывает, что максимальную выгоду из русско-германской вражды всегда извлекали другие страны, дабы в решающий момент иметь возможность оказать определяющее воздействие на исход конфликта, навязать свою волю его участникам, истощенным в борьбе.

При этом компоненты военной мощи двух держав и, соответственно, их тактика и стратегия существенно различались. По оценке В. Ключевского, Россия – как рыцарь в тяжелых латах, «приспособлена к обороне, а не к нападению... В обороне мы сильнее себя... В нападении мы действуем на 10% своих сил, а остальные 90% тратятся на приведение в движение этих 10%...» [19. С 363]. Талейран полагал, что «Россия всегда была и слишком слаба, и слишком сильна одновременно». По современным западным оценкам, Россия всегда была достаточно сильна, чтобы блокировать чужие инициативы, но слишком слаба, чтобы предложить свою альтернативу – «эффективный соперник, но не мировой лидер...» [19].

Германская же стратегия всегда делала ставку на мобильность, внезапность, блицкриг. При этом, в отличие от бесспорно сухопутной России, Германия – среднего размера страна с ограниченной ресурсной базой – готовилась вести против держав-противников, морских и сухопутных гигантов, одновременно войны разных типов (сухопутную и морскую), что расплывало ее относительно скромные ресурсы. В результате Германия была побеждена в двух мировых войнах. При этом поражение Германии в 1945 г. привело к ликвидации в ней тоталитаризма, а победа СССР – к его консервации с тенденцией к смягчению и последующему саморазрушению державы.

У наших двух стран было также разное соотношение экономического благосостояния и национальной мощи. В России, в отличие от Германии, они были связаны только опосредованно: «стратегическая мощь России никогда не совпадала с ее экономическим благосостоянием» [20]. Ее экономическая слабость с лихвой компенсировалась высокой степенью централизации и специфическим русским патриотизмом. Немцы (и их агрессивные европейские предшественники) совершали огромную ошибку, путая российскую экономическую слабость с военной слабостью... Россия и сейчас «весит» на международной арене всего 2–3% соответственно ее доле в мировой экономике, но ее политическое значение – значительно выше. Россия на всех этапах своего взаимодействия с Западом умудряется выступать в более высокой геополитической категории, чем позволяет ее реальная экономическая мощь.

Германия во главе с Гитлером была единственным врагом за всю историю России, открыто поставившим задачу физического истребления русского народа «или онемечивания той его части, которая имеет явные признаки нордической расы» [21]. Поэтому советские потери в Великой Отечественной войне (~ 485 млрд долл.) [22] в 2 раза превысили затраты на сталинскую индустриализацию 1930 г. (250 млрд долл. по курсу 2005 г.) [23].

С точки зрения технологического прогресса СССР победа имела для него двойственные, противоречивые последствия:

1) после победы СССР брал репарации с Германии исключительно в натуральном виде, и эта «натура» составила 400 тыс. ж/д вагонов различных грузов, в том числе 2 885 заводов, 96 электростанций, 340 тыс. станков, 200 тыс. электромоторов и др. [24];

2) в распоряжении СССР оказалась «вся технологическая инфраструктура» [25] другой, более развитой страны, труд 2 млн немецких военнопленных и творческий потенциал 200 тыс. немецких специалистов и ученых, которые были вместе с семьями вывезены в СССР. Поглощение «трофейной Германии» дало дополнительный толчок качественному росту старых и появлению новых отраслей советской экономики, таких как [26]:

– ракетно-космическая – с использованием на начальном этапе документации и образцов ФАУ-2 и 3 тыс. немецких специалистов [27];

– атомная – с использованием 7 тыс. немецких специалистов, в том числе в созданном под них Атомном институте в Сухуми во главе с лауреатом Нобелевской и Сталинской премий Густавом Герцем [28];

– ЭВМ – на трофейных деталях и чертежах Конрада Цузе;

– знаменитое ЛОМО – на самом деле вывезенный немецкий завод К. Цейсс;

– та же картина в радиолокационном – химическом и других производствах.

Обновление советской индустрии за счет немецкого оборудования по репарациям стало продолжением сталинской модернизации 1930-х гг. Таким образом, если финансовая и политическая стороны сталинской индустриализации были обеспечены усилиями партии и народа, то «технологический прорыв» СССР был обеспечен США и Германией (довоенной и послево-

енной) [29]. Парадоксальный вывод: не будь войны, в СССР не появилось бы (по крайней мере в такие короткие сроки) множества современных производств.

С тактической точки зрения в условиях «холодной войны», все это было для СССР однозначно хорошо. Однако на стратегическую перспективу основой советской промышленности вплоть до 1960 гг. стала германская техника устаревшего довоенного 3-го технологического уклада, а западный мир сразу после войны начал переход на 4-й технологический уклад (именно в этом основное качественное отличие между послевоенным советским и западногерманским «экономическим чудом»). Таким образом, страна, по всем внешним показателям реально укреплявшая свою экономическую мощь, попала в ловушку технологической изоляции и зависимости, которую не могла преодолеть собственными силами [30]. На очередном витке НТР, проигранном Советским Союзом, новая мощная волна диффузионного влияния западных технологий «подорвала идеологические устои советской власти» [3], а в постсоветской России, как известно, технологическое отставание переросло в технологическую деградацию.

С победой над Германией СССР обрел статус великой державы и превратился в альтернативный Западу центр идеологического и геополитического влияния. Однако после успехов первых двух послевоенных десятилетий выяснилось, что реальные возможности СССР в борьбе двух систем оказались достаточно ограниченными: полувековая попытка советского лидерства в менее развитом незападном мире против более развитого западного оказалась чрезвычайно затратной. Внутреннее развитие СССР стало заложником бремени его имперских функций.

Поскольку распад СССР стал следствием внутренних причин, а не проигрыша страны в «холодной войне», Россия, не считая себя побежденной, в начале 1990-х гг. предприняла усилия с тем, чтобы стать равноправным членом евроатлантического сообщества, естественно, с учетом национальных интересов по периметру своих границ [31].

Существенно изменилось и место Германии в послевоенном мире. С одной стороны, произошла политическая европеизация Германии, а с другой – экономическая германизация объединяющейся Европы. Для сближения России с Европой (и с Западом в целом) это крайне важно, поскольку в общем евроатлантическом хоре, в целом недоброжелательном по отношению к России, Германия даже в эпоху «холодной войны» играла особую, более конструктивную роль «доброго, понимающего Россию полицейского» и при этом ее важнейшего торгово-экономического партнера. Заметно, что позиция немецких правящих кругов в отношении России обусловлена, сравнительно с другими западными странами, в меньшей степени идеологическими, а в большей – прагматическими факторами. Истории с турбинами фирмы Сименс [32] и позицией ФРГ по Северному потоку – 2 [33] – яркое тому подтверждение.

Развитие отношений между нашими странами в обоюдных интересах РФ и ФРГ, которые прекрасно взаимодополняют друг друга в рамках международного разделения труда. Курс на возрождение России делает

ее привлекательным торгово-экономическим партнером ФРГ: так, например, в последнее десятилетие 75% инвестиций на предприятиях российского ВПК направлялось на приобретение нового оборудования [34], в целом же в Россию сейчас завозится в три раза больше оборудования, чем производится внутри страны [35]. При этом в РФ в 2014 г. работали 150 тыс. западных, в том числе немецких, специалистов [10].

С российской стороны развитию отношений между двумя странами способствуют три важных фактора:

– во-первых, в России никогда не эксплуатировался тезис об исторической вине Германии перед нашей страной. Как говорил тов. Сталин: «Гитлеры приходят и уходят, а народ немецкий остается...» На Потсдамской конференции он четко выступил против раздробления Германии [22]. Такая позиция была подтверждена и В. Путиным во время визита А. Меркель в Москву 10 мая 2015 г.: «Наша страна воевала не с Германией, она воевала с нацистской Германией. С Германией, которая сама стала первой жертвой нацистского режима, мы не воевали никогда» [36];

– во-вторых, важно, что 30 лет назад Германия «получила вольную» и возможность объединения именно по инициативе Москвы «на основе нашего добровольного отказа от части наших прав в рамках послевоенного мироустройства» [37];

– в-третьих, в торгово-экономической и особенно в технологической сфере наши страны объективно комплементарны друг другу.

Однако в международно-политической сфере отношения России и Германии детерминируются и деформируются под воздействием англо-саксонского мира. С изменением баланса сил в постбиполярную эпоху Запад в целом и ФРГ в частности не преминули злоупотребить этим в ущерб России. Россияне были вправе полагать, что Германия, сама недавно воссоединенная, могла бы лучше, чем другие страны Запада, понимать наше стремление к защите и консолидации вокруг себя Русского мира... Однако именно с наступлением Крымской геополитической эпохи в полной мере проявилась вся степень несамостоятельности политики ФРГ по отношению к РФ. Это объясняется поведением немецкой элиты, выпестованной американскими победителями после Второй мировой войны. Как сетовал экс-канцлер ФРГ Г. Шредер, «наблюдение за действиями американского посла вызывает впечатление, что он скорее считает себя офицером оккупационных войск, нежели послом США в суверенном государстве» [38]. Именно поэтому ФРГ, а вместе с ней и ЕС, будучи экономическим гигантом, остается в статусе политического карлика.

Есть основания с тревогой смотреть в будущее. Из новой–новой истории известно, что если немцы и русские не воюют между собой, то и соперников в Европе не имеют. Не случайно мудрый Бисмарк исповедовал фундаментальный постулат: «без России – союзной или хотя бы нейтральной – благополучие Германии недостижимо...» [39]. Отступление Берлина от этого принципа всегда вело Россию к беде, а Германию – к катастрофе. Германия была главным врагом России и в Первой, и во Второй мировой войне. Сей-

час есть основания полагать, что если Вашингтон пойдет на вооруженный конфликт с Москвой, то Берлин будет слепо следовать за США и Германия вновь окажется ее противником [40], невзирая на печальные последствия такой политики для наших народов. Рос-

сия будет под угрозой, пока Германия (а следом за ней и ЕС в качестве нового мирового центра силы) не станет проводить самостоятельную от Вашингтона политику, уравновешивая вместе с Россией американские гегемонистские амбиции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М., 1991.
2. Цзя Цингуо. О ключевых проблемах отношений России и Китая. URL: <http://www.rodon.org/polit-090618114819>
3. Нефедов С., Механик А. Инновации победили Мальтуса. URL: <http://expert.ru/expert/2011/43/nnovatsii-pobedili-maltusa/>
4. Тойнbee А.Дж. A Study of History. New York–London, 1963. Vol. XXII.
5. Рар А. Россия радовала Запад лишь дважды – в 1918 и в 1991-м. URL: <http://www.stratagema.org/publications.php?nws=bry6p3740242851>
6. Бердяев Н. Религия германизма // Бердяев Н. Судьба России : сб. статей (1914–1917). URL: <http://www.lib.ru/HRISTIAN/BERDQEW/rossia.txt>
7. Павловская А. Особенности национального характера, или Зачем немцы моют улицы с мылом. URL: <http://www.vokrugsveta.ru/vs/article/587/>
8. В аварии виноват водитель. URL: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=308374>
9. Ключевский В.О. Сочинения : в 9 т. М. : Мысль, 1990. Т. IX.
10. Добряков Д. Сколько иностранных мозгов нужно для модернизации России. URL: <http://socialday.ru/news/30416>
11. Чертопруд С. Научно-техническая разведка от Ленина до Горбачева. URL: <http://lib.rus.ec/b/108525/read>
12. Федоров О. Дневник Тринадцатого императора. URL: <http://lib.rus.ec/b/304439/read>
13. Иванов С. Россия придет в Европу через Германию. URL: <http://subscribe.ru/archive/state.politics.dlachlenovidruz/201111/01222555.html>
14. Галковский Д. Бесконечный тупик. URL: <http://e-lib.info/book.php?id=1120000854&p=83>
15. Киссинджер Г. Дипломатия. М. : Ладомир, 1997.
16. Александров М. Внешнеполитическая доктрина Сталина. Канберра, 1995. Гл. 3. URL: http://stalinism.narod.ru/vieux/alexandr/alex_0.htm
17. Дьяков Ю., Бушуева Т. Фашистский меч ковался в СССР. Красная Армия и рейхсвер. Тайное сотрудничество. 1922–1933 : неизвестные документы. М., 1992.
18. Хафизов Р. Как Сталин Гитлера «обул». URL: <http://gidepark.ru/user/564682653/article/394304>
19. Пресса Британии: Россия – хороший соперник, плохой лидер. URL: <https://korrespondent.net/world/1599910-pressa-britanii-rossiya-horoshij-sopernik-plohoj-lider>
20. Фридман Дж. Российская экономика и российская мощь // Stratfor. 2009. July 27. URL: <http://forum.glavred.info/viewtopic.php?t=9050&sid=a52da9361147d0763607d8f5e4fd7315>
21. Ильинский И. Правда о «цене Победы». URL: <http://lgz.ru/article/-18-6508-6-05-2015/pravda-o-tsene-pobedy/>
22. Скоробогатый П. Исторический долг Германии не оплачен. URL: <http://expert.ru/expert/2015/20/istoricheskij-dolg-germanii-ne-oplachen/>
23. Бисенгалиев М. Почему Америка спонсировала нашу страну? URL: http://www.ptrg.ru/science/index.php?option=com_content&view=article&id=83:2011-06-30-13-50-51&catid=19:2011-05-11-08-21-57&Itemid=39
24. Кречетников А. Трофейная Германия. URL: http://news.bbc.co.uk/1/hi/russian/russia/newsid_6634000/6634155.stm
25. Шуман Е. Немецкие репарации и советская экономика: цифры, факты, люди. URL: http://www.dw-world.de/dw/article/0,,640521,00.html?masa=rus-rss_rus_yandex_new_comments_2-4163-xml
26. Germanych. Если бы не было войны. URL: <http://www.rosbalt.ru/blogs/2011/02/15/819325.html>
27. Черток Б.Е. Ракеты и люди : в 4 т. URL: http://militera.lib.ru/explo/chertok_be/index.html
28. Severny S. Неизвестные отцы советского атома. URL: <http://www.sdelanounas.ru/blogs/62551/>
29. Лунев. Полковник на распятие. URL: <http://inoforum.ru/forum/index.php?showtopic=66054>
30. Доронин А. Бизнес-разведка. URL: http://www.gramotey.com/?open_file=1269029460
31. Маленький А. Россия после СССР: умереть ради «Европы» или не умереть? URL: <http://www.iarex.ru/articles/55061.html>
32. Стремидловский С. Могут ли Россия и Германия быть вместе в «экономической войне» против США?. URL: <https://regnum.ru/news/polit/2504449.html>
33. Новый план: что Украина требует за «Северный поток – 2». URL: https://www.gazeta.ru/business/2018/11/04/12046561.shtml?utm_source=uxnews&utm_medium=desktop
34. Морген Ф. Российский авиационныйпром. URL: <http://www.glavgazeta.com/ru/node/1878>
35. Паничев Н.А. Эра болтунов. Власть сама разрушает свое будущее – отечественное станкостроение. URL: <http://www.argumenti.ru/society/n303/121611>
36. Лучше днем позже, чем никогда. URL: http://www.gazeta.ru/politics/2015/05/10_a_6681877.shtml
37. Каменский А. Как Германия трактует причины и следствия 2-й Мировой. URL: <http://centero.ru/opinions/kak-germaniya-traktuet-prichiny-i-sledstviya-vtoroj-mirovoj-vojny>
38. Экс-глава Германии раскритиковал США: «С нами обходятся как с оккупированной страной». URL: <https://politros.com/132298-eks-glava-germanii-raskritikoval-ssha-s-nami-obkhodyatsya-kak-s-okkupirovannoi-stranoi>
39. Дегоев В. Россия и Бисмарк. URL: <http://magazines.russ.ru/zvezda/2001/7/degoev.html>
40. Россия может победить Запад без оружия, одной только правдой, считают в Германии. URL: <https://tehnovar.ru/87100-rossija-mozhet-pobedit-zapad-bez-oruzhija-odnoj-tolko-pravdoj-schitajut-v-germanii.html>

Govorov Yury L. Kemerovo State University (Kemerovo, Russia). E-mail: super.govorov@yandex.ru

RUSO-GERMAN RELATIONS IN THE SHADOW OF RELATIONS BETWEEN RUSSIA AND THE WEST

Keywords: Russia; Germany; Russo-German relations; westernization; industrialisation; technologies.

The article deals with the problem of Russo-German relations in the shadow of relations between Russia and the West. All its history Russia participated to European policy. Russian society and public opinion are traditionally disrupted on the question of our connections with the West, but the main trend of the development of Russia over the latest three centuries is directed on westernization and europeanization. Among other things Russia was always especially interested in the western technologies. But the West manifested kind attitude toward Russia only when it became weak.

Germany always played overriding role in the process of interaction between Russia and Europe.

The influence of German culture on Russia let it the great opportunity to discipline society and organize production environment in the country of specific mentality. It was great advantage for Russia to have 2% German people inside the populations of Empire. Germany became the sample copy and baseline for technological and administrative spheres. It was great advantage for Russia to use labor services of German professional staff members, invited to Russia - they played the role of very important element of its development.

Germany was too late for division of the world and sought to world repartition. One of the characteristic features of the German people - attempts to solve its internal problems at the expense of the whole world. One of the characteristic features of the Russian people is propensity to solve world problems at its own expense. As the result, mighty Germany and gigantic Russia were destined for conflict in the centre of the not great continent.

As the result of the First World War in both countries affirmed totalitarian regimes with mobilization methods. Germany traditionally directed power of the state out of the country, USSR – at the purposes of internal modernization. Naturally, “the Western democracies” tried to bring up one totalitarian regime against the other. It is known from history, that the third countries always make profit on Russian-German hostilities. As the result of the Second World War totalitarian regime in Germany was reversed, but in the USSR it was preserved with the trend to gradual meltdown and the crash of the Power.

The victory-45 over Germany put an antinomial imprint on the further development of the USSR. From the one side, our country became able to use a chance to refresh technological level of soviet economy and create sunrise industries at the expense of war reparations equipment. But from the other side, by the same way the Soviet economy took to the needle of obsolescent pre-war German machinery and fell into a trap of technological dependence and qualitative underachievement.

Thanks to the victory in the WW2 the Soviet Union became one the centre of the world power.

But the Soviet attempt to be the leader of the less developed countries against advanced democracies of the West was foredoomed to failure, because it was too cash-consuming project. The internal development of the USSR had become hostage to its empire aspirations and one of the main reasons of its disintegration.

The role of Germany in post-war world had also fundamentally changed. From the one side, Germany had fell in political Europeanization, from the other side we can see economic Germanization as the result and ration part of European consolidation. It is very important for Russo-Western relations, because German policy toward USSR-RF in post-war years traditionally based on more pragmatic approach.

It is possible to mark, from the RF side, three important premises of co-operation between our countries: Moscow has never exploited the head-note about historical guilt and laid the blame of the WW2 on contemporary Germany; it is important, that 30 years ago Germany received opportunity of reunification at the initiative of the USSR; our countries complement each other at the trade, economical and, especially, technological spheres. Unfortunately, Russo-German political relations at odd times distort into enmity towards each other under the pressure of Anglo-Saxon world on Germany. The Crimean events striped all degree of German lack of independence toward RF.

As we knew about it from history, Germany was the main enemy of Russia at both World Wars. Russia would be under the threat, while Germany (and the EU as the future new centre of the world power) resolve to pursue own national interests without reference to the USA.

REFERENCES

- Danilevskiy, N.Ya. (1991) *Rossiya i Evropa* [Russia and Europe]. Moscow: Kniga.
- Jia Qingguo. (2009) *O klyuchevykh problemakh otnosheniy Rossii i Kitaya* [On the key problems of Russian – Chinese relations]. [Online] Available from: <http://www.rondon.org/polit-090618114819>.
- Nefedov, S. & Mekhanik, A. (2011) *Innovatsii pobedili Mal'tusa* [Innovation defeated Malthus]. [Online] Available from: <http://expert.ru/expert/2011/43/nnovatsii-pobedili-maltusa/>.
- Toynbee, A.J. (1963) *A Study of History*. Vol. 22. New York; London: [s.n.].
- Rahr, A. (n.d.) *Rossiya radovala Zapad lish' dvazhdy – v 1918 i v 1991-m* [Alexander Rahr: Russia pleased the West only twice – in 1918 and 1991]. [Online] Available from: <http://www.stratagema.org/publications.php?nws=bry6p3740242851>
- Berdyayev, N. (n.d.) *Religiya germanizma – N.Berdyayev. Sud'ba Rossii. Sbornik statey (1914–1917)* [Religion of Germanism – N. Berdyayev. The fate of Russia. Collection of articles (1914–1917)]. [Online] Available from: <http://www.lib.ru/HRISTIAN/BERDQEW/rossia.txt>.
- Pavlovskaya, A. (2003) *Osobennosti natsional'nogo kharaktera, ili zachem nemtsy moyut ulitsy s mylom* [Peculiarities of the national character, or why the Germans wash the streets with soap]. [Online] Available from: <http://www.vokrugsveta.ru/vs/article/587/>.
- Vesti.ru. (2009) *V avarii vinovat voditel'* [The driver is to blame for the accident]. [Online] Available from: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=308374>.
- Klyuchevskiy, V.O. (1990) *Sochineniya: V 9 t.* [Works. In 9 vols]. Vol. 9. Moscow: Mysl'.
- Dobryakov, D. (n.d.) *Skol'ko inostrannykh mozgov potrebno dlya modernizatsii Rossii* [How many foreign brains are needed for the modernization of Russia]. [Online] Available from: <http://socialday.ru/news/30416>
- Chertoprud, S. (n.d.) *Nauchno-tehnicheskaya razvedka ot Lenina do Gorbacheva* [Scientific and technical intelligence from Lenin to Gorbachev]. [Online] Available from: <http://lib.rus.ec/b/108525/read>.
- Fedorov, O. (n.d.) *Dnevnik Trinadtsatogo imperatora* [The Diary of the Thirteenth Emperor]. [Online] Available from: <http://lib.rus.ec/b/304439/read>.
- Ivanov, S. (2011) *Rossiya pridot v Evropu cherez Germaniyu* [Russia will come to Europe through Germany]. [Online] Available from: <http://subscribe.ru/archive/state.politics.dlachlenovidruz/201111/01222555.html>.
- Galkovskiy, D. (n.d.) *Beskonechnyy tupik* [Endless deadlock]. [Online] Available from: <http://e-lib.info/book.php?id=1120000854&p=83>
- Kissinger, H. (1997) *Diplomatiya* [Diplomacy]. Translated from English by V.V. Lvov. Moscow: Ladimir.
- Aleksandrov, M. (1995) *Vneshnepoliticheskaya doktrina Stalina* [Stalin's foreign policy doctrine]. Canberra: Australian National University.
- Dyakov, Yu. & Bushueva, T. (1992) *Fashistskiy mekh kovalsya v SSSR. Krasnaya Armiya i reykhsver. Taynoe sotrudnichestvo. 1922–1933* [The Fascist sword was forged in the USSR. Red Army and Reichswehr. Secret collaboration in 1922–1933]. Unknown documents. Moscow: [s.n.].
- Khafizov, R. (2011) *Kak Stalin Gitlera "obul"* [How Stalin conned Hitler]. [Online] Available from: <http://gidepark.ru/user/564682653/article/394304>.
- Korrespondent.net. (2013) *Pressa Britanii: Rossiya – khoroший sopernik, plokhoy lider* [British Press: Russia is a good contender, a bad leader]. [Online] Available from: <https://korrespondent.net/world/1599910-pressa-britanii-rossiya-horoshij-sopernik-plohoj-lider>.
- Friedman, G. (2009) *Rossiyskaya ekonomika i rossiyskaya moshch' ("Stratfor", SSHA, 27 iyulya 2009)* [Russian economy and Russian power (“Stratfor”, USA, July 27, 2009)]. [Online] Available from: <http://forum.glavred.info/viewtopic.php?t=9050&sid=a52da9361147d0763607d8f5e4fd7315>.
- Iliinskiy, I. (2015) *Pravda o "tsene Pobedy"* [The truth about the “price of Victory”]. [Online] Available from: <http://lgz.ru/article/-18-6508-6-05-2015/pravda-o-tsene-pobedy/>
- Skorobogatyy, P. (2015) *Istoricheskiy dolg Germanii ne oplachen* [The historical debt of Germany is not paid]. [Online] Available from: <http://expert.ru/expert/2015/20/istoricheskij-dolg-germanii-ne-oplachen/>.
- Bisengaliev, M. (2011) *Pochemu Amerika sponsirovala nashu stranu?* [Why did America sponsor our country?]. [Online] Available from: http://www.ptgr.ru/science/index.php?option=com_content&view=article&id=83:2011-06-30-13-50-51&catid=19:2011-05-11-08-21-57&Itemid=39.

24. Krechetnikov, A. (2007) *Trofeynaya Germaniya* [The Trophy Germany]. [Online] Available from: http://news.bbc.co.uk/hi/russian/russia/newsid_6634000/6634155.stm
25. Shuman, E. (n.d.) *Nemetskie reparatsii i sovetskaya ekonomika: tsifry, fakty, lyudi* [German reparations and the Soviet economy: numbers, facts, people]. [Online] Available from: http://www.dw-world.de/dw/article/0,,640521,00.html?maca=rus-rss_rus_yandex_new_comments_2-4163-xml.
26. Germanych. (2011) *Esli by ne bylo voyny* [If there was no war]. [Online] Available from: <http://www.rosbalt.ru/blogs/2011/02/15/819325.html>.
27. Chertok, B.E. (1999) *Rakety i lyudi (v 4-kh tt.)* [Rockets and humans (in 4 vols)]. [Online] Available from: http://militera.lib.ru/explo/chertok_be/index.html.
28. Severny, S. (2015) *Neizvestnye ottsy sovetskogo atoma* [Unknown fathers of the Soviet atom]. [Online] Available from: <http://www.sdelanounas.ru/blogs/62551/>.
29. Lunev. (n.d.) *Polkovnik na raspyatie* [Colonel on a crucifix]. [Online] Available from: <http://inoforum.ru/forum/index.php?showtopic=66054>.
30. Doronin, A. (n.d.) *Biznes-razvedka* [Business intelligence]. [Online] Available from: http://www.gramotey.com/?open_file=1269029460
31. Malenkiy, A. (2018) *Rossiya posle SSSR: umeret' radi "Evropy" ili ne umeret'?* [Russia after the USSR: to die for the sake of "Europe" or not to die?]. [Online] Available from: <http://www.iarex.ru/articles/55061.html>.
32. Stremidlovskiy, S. (2018) *Mogut li Rossiya i Germaniya byt' vmeste v "ekonomicheskoy voyne" protiv SSHA?* [Can Russia and Germany be together in an "economic war" against the USA?]. [Online] Available from: <https://regnum.ru/news/polit/2504449.html>.
33. Anon. (2018) *Novyy plan: chto Ukraina trebuetsya za "Severnyy potok-2"* [New plan: what Ukraine is demanding for Nord Stream 2]. [Online] Available from: https://www.gazeta.ru/business/2018/11/04/12046561.shtml?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop.
34. Morgen, F. (n.d.) *Rossiyskiy aviaprom* [Russian aviation industry]. [Online] Available from: <http://www.glavgazeta.com/ru/node/1878>.
35. Panichev, N.A. (2011) *Era boltunov. Vlast' sama razrushayet svoe budushchee – otechestvennoe stankostroenie* [The era of talkers. The government itself destroys its future – Russian machine tool industry]. [Online] Available from: <http://www.argumenti.ru/society/n303/121611>.
36. Dergachev, V. & Vinokurov, A. (2015) *Luchshe dnev pozzhe, chem nikogda* [Better one day later than never]. [Online] Available from: http://www.gazeta.ru/politics/2015/05/10_a_6681877.shtml.
37. Kamenskiy, A. (n.d.) *Kak Germaniya traktuet prichiny i sledstviya 2-y Mirovoy* [How Germany interprets the causes and consequences of WWII]. [Online] Available from: <http://centero.ru/opinions/kak-germaniya-traktuet-prichiny-i-sledstviya-vtoroj-mirovoj-voyny>.
38. Butkevich, V. (2018) *Eks-glava Germanii raskritikoval SSHA: "S nami obkhodyatsya kak s okkupirovannoy stranoy"* [The former head of Germany criticized the United States: "They treat us as if it were an occupied country"]. [Online] Available from: <https://politros.com/132298-eks-glava-germanii-raskritikoval-ssha-s-nami-obkhodyatsya-kak-s-okkupirovannoi-stranoi>.
39. Degoev, V. (2001) *Rossiya i Bismarck* [Russia and Bismarck]. [Online] Available from: <http://magazines.russ.ru/zvezda/2001/7/degoev.html>.
40. Surikov, K. (2018) *Rossiya mozhet pobedit' Zapad bez oruzhiya, odnoy tol'ko pravdoy, schitayut v Germanii* [Russia can defeat the West without weapons, alone with truth, as Germany believes]. [Online] Available from: <https://tehnowar.ru/87100-rossiya-mozhet-pobedit-zapad-bez-oruzhija-odnoj-tolko-pravdoj-schitajut-v-germanii.html>.

УДК 94(571.16)''1941/1955''
DOI: 10.17223/19988613/57/17

А.В. Горбатов, А.Б. Коновалов

СПЕЦПОСЕЛЕНЦЫ В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ: ВОСПРИЯТИЕ РЕГИОНАЛЬНЫМ РУКОВОДСТВОМ, ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА (НАЧАЛО 1940-х – СЕРЕДИНА 1950-х ГОДОВ)

Статья подготовлена при поддержке стипендии Германского исторического института в Москве на проведение исследования по теме «Роль региональной партийной номенклатуры Сибири в обеспечении управления и функционирования системы ГУЛАГ (1940-е – середина 1950-х годов)».

На основе широкого круга архивных документов определяются место и роль спецпоселенцев в социально-экономическом развитии Западной Сибири, а также последствия этнических депортаций для конфессиональной ситуации в регионе. Показаны механизмы влияния регионального партийного руководства на процесс закрепления спецпоселенцев, представлены конкретные примеры возникавших межрегиональных конфликтов и противоречий по поводу использования труда спецконтингента. Реконструирован процесс освобождения спецпереселенцев категории «бывшие кулаки» во второй половине 1940-х – начале 1950-х гг., выявлены позиции групп партийно-хозяйственной номенклатуры по поводу участия спецконтингента в промышленном производстве.

Ключевые слова: партийная номенклатура; спецпоселенцы; этноконфессиональная специфика; Западная Сибирь.

Введение

Тема участия спецпоселенцев в наращивании экономического потенциала Западной Сибири уже хорошо изучена в отечественной историографии. В работах Р.С. Бикметова, А.А. Долголюка, С.А. Красильникова, Н.М. Маркдорф [1–4] и многих других определены особенности правового статуса, материального обеспечения, направлений трудоустройства так называемого «спецконтингента», в котором немалую роль играли крестьянские и этнические спецпереселенцы. Можно констатировать, что к настоящему времени основательно проработаны механизмы государственного воздействия на спецпоселенцев, показана роль репрессивно-карательных органов, и прежде всего органов НКВД–МВД СССР, в обеспечении контроля за их деятельностью. Публикация сборников документов [5–7] и обстоятельных монографий [8–9] фиксирует складывание отдельного историографического направления по изучению принудительного труда в СССР периода 1940-х – начала 1950-х гг.

Значительно меньшее внимание исследователей уделено проблемам оценки спецпоселенцев как экономической категории (трудовых ресурсов) партийным и ведомственным руководством. Отчасти эти вопросы затронуты в трудах самарского исследователя А.В. Захарченко [10]. Насколько весомым было влияние первых секретарей крайкомов и обкомов ВКП(б) на процесс привлечения спецпоселенцев к решению экономических задач? Какие механизмы включались для направления дополнительного спецконтингента в случае острой необходимости? Как воспринимались спецпоселенцы региональным руководством? Все эти вопросы еще не нашли достаточного освещения в исторической литературе. Между тем представляется очевидным, что в 1940-е – начале 1950-х гг. уже были сформированы противоречия в ведомственных и реги-

ональных интересах, в том числе и в вопросах завоза и использования рабочей силы.

Не менее значимой проблемой для отечественной историографии остается определение влияния спецконтингента на формирование этноконфессиональной специфики в Западной Сибири. Ряд опубликованных работ демонстрирует подходы к подобным исследованиям [11–13], но не дает целостных представлений о масштабах этнических и конфессиональных изменений в регионе.

В данной статье авторы ставят своей целью выявление специфики состава спецпоселенцев как трудового ресурса с точки зрения субъективных представлений западносибирской номенклатуры, а также установление этноконфессиональных последствий нахождения спецконтингента в регионе.

Позиция регионального руководства по регулированию хозяйственной деятельности спецпоселенцев

По мнению С.А. Красильникова и В.В. Сарновой, спецпереселенцы представляли собой универсальную рабочую силу, подходившую для целей форсированной колонизации труднодоступных необжитых районов [14. С. 165]. Огромные контингенты в Западной Сибири трудились в аграрном секторе, угольной, лесной, рыбной промышленности. В условиях ограниченного привлечения трудовых ресурсов спецконтингент представлялся партийному и хозяйственному руководству экономически эффективной силой при низком уровне производственных затрат. Например, мотивация к труду членов семей раскулаченных прежде всего сводилась к возможности избавиться от режимного положения.

Однако факты нарушения режима спецпоселения имели место и не могли не беспокоить руководителей западносибирских регионов. Так, в Нарымский округ

Западно-Сибирского края в первой половине 1930-х гг. были переселены раскулаченные, направленные из основных зерновых районов страны. Находясь в трудпоселках под контролем НКВД, они жили оседло и работали на предприятиях лесной и рыбной промышленности. По состоянию на январь 1943 г. их численность составляла около 78 тыс. человек.

С прибытием этнических переселенцев в начальный период войны возникла необходимость усилить режимные ограничения как для бывших кулаков, так и для новых депортированных категорий. Бюро Новосибирского обкома ВКП(б) 18 ноября 1942 г. приняло решение распространить на спецпереселенцев (немцев, латышей, эстонцев, молдаван, а также контингента из Западной Белоруссии и Украины), переселенных в районы Нарымского округа в 1941 и 1942 гг., правила режима, которые существовали в Нарымском округе для спецпереселенцев-кулаков.

Нарымскому окружному ВКП(б) и окрисполкому поручалось принимать решения, запрещающие свободное передвижение, особенно в те пункты, где нет достаточного продовольственного обеспечения или где продовольственные запасы крайне ограничены. Предлагалось изучить новые места, пригодные для организации новых поселений. Прибытие этнических спецпереселенцев потребовало изменить структуру функционирования поселков, которые подразделялись на трудовые (для семей «раскулаченных») и специальные (для новых депортированных групп).

Необходимость упорядочения расселения этнических спецпереселенцев, определения принципов их взаимоотношений с раскулаченными находилась в числе проблем, которые требовали решения центральными органами. 7 января 1943 г. секретарю ЦК ВКП(б) А.А. Андрееву было направлено совместное обращение секретаря Новосибирского обкома ВКП(б) П.Ф. Ужева и начальника УНКВД по Новосибирской области Л.А. Малинина, в котором они предлагали передать ссыльнопоселенцев и немцев на местах в административное обслуживание комендатур НКВД, в связи с чем реорганизовать существовавшие районные и поселковые комендатуры по трудпоселению в смешанные, именуя их в дальнейшем комендатурами по трудовому и специальному поселению [15. Л. 3]. Трудности в организации работы этнических спецпереселенцев во многом обуславливались неопределенностью их административно-правового положения. Их нельзя было отнести к заключенным, они не считались и эвакуированными.

Для представителей многих депортированных в Западную Сибирь народов со стороны региональных органов власти отсутствовали механизмы их принуждения к высокопроизводительному труду. Летом 1942 г. в район Нарыма были вселены 13 858 человек немцев для использования на рыбной ловле. Эта категория в своем большинстве была расселена в трудпоселенческих поселках, расположенных по руслу р. Оби. Рассматривая свое переселение в Нарымский округ временным, немцы хозяйственно не обустроивались, жилье не строили и стремления к оседлости не проявляли. По мнению регионального руководства, ссыльнопоселенцы самовольно передвигались из одних населен-

ных пунктов в другие, занимались спекуляцией, воровством и, таким образом, являлись тяжелым бременем для основного населения Нарыма.

Заместитель наркома внутренних дел СССР С.Н. Круглов в ответ на письмо Ужева и Малинина проинформировал секретаря ЦК ВКП(б) о том, что «отрицательные явления среди ссыльнопоселенцев имеют место в результате недостаточной борьбы с нарушениями со стороны органов НКВД Новосибирской области» [16. Л. 5]. Было дано распоряжение начальнику УНКВД по Новосибирской области принять меры по более компактному расселению спецконтингентов и прекращению их самовольных выездов с мест расселения без ведома органов НКВД. Выражались требования усилить надзор, привлечь к работе всех трудоспособных и ограниченно годных к труду, организовать разъяснительную работу среди ссыльнопоселенцев и спецпереселенцев, принимать необходимые меры к злостным отказчикам от работы и занимающимся спекуляцией, воровством, бродяжничеством.

Нередко спецпоселенцев пытались привлечь к решению крупных хозяйственных проблем, которые требовали значительных трудовых ресурсов. В условиях военного времени не было никакой возможности направить несколько тысяч человек на стройку промышленных объектов без оформления ходатайств через ЦК ВКП(б), Совнарком СССР и Наркомат внутренних дел СССР. Однако и в этом случае вероятность изыскания резервов была крайне низкой. Так, например, первый секретарь Новосибирского обкома ВКП(б) М.В. Кулагин 5 августа 1943 г. информировал ЦК ВКП(б) о мерах по выполнению постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 6 января 1942 г. «О развитии рыбных промыслов в бассейнах рек Сибири и на Дальнем Востоке» [17. Л. 114]. Кулагин писал, что за последние годы оз. Чаны начало мелеть. Происходил процесс осолонения, вымирили ценные породы рыб. Озеро Чаны требовалось пополнять пресной водой из притоков и небольших рек, из болот Барабинской степи. Собственными ресурсами эти работы Новосибирская область выполнить не могла. Поэтому Новосибирский обком ВКП(б) вновь обращался с внесенными, но не принятыми предложениями о направлении в Барабинскую степь до 10 тыс. человек из числа военнопленных или заключенных для проведения указанных работ, что позволило бы расширить базу для рыбной промышленности Барабинского треста. Однако ответственный контролер ЦК ВКП(б) Каганов 1 ноября 1943 г. пояснил, что завоз в Новосибирскую область каких-либо контингентов не предусмотрен. Записку Кулагина с контроля сняли. Этот пример показывает, что в военный период региональным руководителям требовалось максимально бережно подходить к использованию спецконтингента, но категорически возражать в ситуациях, когда ставился вопрос о вывозе трудовых ресурсов за пределы региона.

Между тем руководство НКВД СССР (чаще всего за подписью В.В. Чернышова) сообщало, что произвести переселение трудпоселенцев на предприятия, подчиненные какому-либо отраслевому наркомату, невозможно. Это было связано с тем, что большие кон-

тингентны перебрасывались из области в область, что обостряло проблему трудовых ресурсов на местах. Данному процессу противились и первые секретари областных и краевых комитетов партии.

Трудовые ресурсы из спецконтингента быстро исчерпывались, и это обостряло проблему выполнения плановых заданий. Тяжелая ситуация в 1942–1943 гг. сложилась в рыбной промышленности. 27 мая 1943 г. заместитель наркома внутренних дел СССР В.В. Чернышов направил секретарю ЦК ВКП(б) А.А. Андрееву записку о проблемах с использованием трудовых ресурсов в отрасли. Постановлениями СНК СССР и ЦК ВКП(б) № 19сс от 6 января 1942 г. и № 1732сс от 24 октября 1942 г. на НКВД СССР возлагалась задача для работы в рыбной промышленности в районах Крайнего Севера переселить в 1942 г. 35 000 человек и в 1943 г. 19 500 человек из числа труд- и спецпоселенцев (бывшие кулаки, немцы и пр.) [17. Л. 60].

В 1942 г. НКВД СССР полностью выполнил решение СНК СССР и ЦК ВКП(б), переселив 50 441 человек (в том числе 15 760 иждивенцев). В том же 1942 г. НКВД СССР в соответствии с решениями Государственного Комитета Обороны оставшаяся трудоспособная часть спецпереселенцев (немцев) в количестве 159 тыс. мужчин и 84 тыс. женщин была мобилизована в рабочие колонны и направлена на работы на важнейшие объекты оборонного строительства, в угольную и нефтяную промышленность.

В результате оказалось, что после проведенных мобилизаций контингентов для переселения в 1943 г. в Якутскую АССР (5 тыс. человек), Красноярский край (10 тыс. человек), Архангельскую (1 500 семей) и Омскую области (3 тыс. человек) на рыбную промышленность резервов не имелось.

В Красноярском крае отобрали 4 995 семей, состоящих из 884 трудоспособных мужчин, многодетных женщин (4 428), инвалидов (355) и детей (7 774). Однако их переселение на Крайний Север для работы в рыбной промышленности не имело экономического смысла.

Как отмечал 28 октября 1943 г. В.В. Чернышов, «в результате в трудпоселенческих поселках остались в основном женщины с детьми и нетрудоспособные старики, переселение которых никакой практической пользы рыболовецким хозяйствам не принесет» [18. Л. 129]. Сообщалось, что областные и краевые комитеты ВКП(б) регионов, в которых находилась основная масса трудпоселенцев – Архангельской, Новосибирской и Омской областей, Красноярского и Алтайского краев, – а также ЦК ВКП(б) Казахстана не считали возможным проведение дальнейшей мобилизации трудпоселенцев. Представляя статистические данные, заместитель наркома внутренних дел СССР просил пересмотреть вопрос о дополнительном отборе переселенцев в рыбную промышленность.

С этим мнением в ЦК ВКП(б) согласились. 17 ноября 1943 г. сотрудник аппарата ЦК ВКП(б) подготовил для А.А. Андреева заключение: «В связи с тем, что НКВД СССР не имеет необходимых контингентов, а время для переселения их в 1943 г. в северные районы Сибири прошло, считаю возможным вопрос закончить» [17. Л. 64]. Бесспорно, конечное решение по

направлению спецконтингента принималось в ГКО СССР, аппарате ЦК ВКП(б) и Совнаркомом СССР, однако в системе подготовки решений о переброске контингентов учитывалась и позиция первых секретарей крайкомов и обкомов ВКП(б).

С течением времени стало очевидным, что перемещение спецконтингента для выполнения хозяйственных заданий стало предметом административного торга между наркоматом внутренних дел СССР и отраслевыми наркоматами при посредничестве ЦК ВКП(б). Отраслевые наркомы жаловались на действия НКВД СССР, который отказывал в увеличении контингентов рабочих на важнейших стройках. Народный комиссар промышленности строительных материалов СССР Л.А. Соснин 24 июня 1945 г. жаловался Г.М. Маленкову, что уже на протяжении года вел безуспешную переписку с заместителем наркома внутренних дел СССР В.В. Чернышовым по поводу завоза рабочих на добычу слюды [19. Л. 111]. При наличии постановления ГКО СССР, которое обязывало завезти на рудники 4 500 человек, за весь 1944 г. и первую половину 1945 г. не было завезено ни одного рабочего. При посредничестве Маленкова Чернышов дал ответ, в котором проинформировал, что всего спецпоселенцев на слюдяные предприятия наркомата промышленности строительных материалов 20 мая направлено 194 семьи (449 человек). Больше спецпоселенцев наркомат внутренних дел выделить не мог и рекомендовал изыскать другие возможности получения рабочей силы.

Таким образом, в период Великой Отечественной войны складываются новые практики взаимоотношений между отраслевыми и партийными органами. Возрастает роль НКВД СССР не только как репрессивно-карательного, но и как экономического института государства. Ограниченность трудовых резервов обострила противоречия в партийной и хозяйственной элите как на союзном, так и на региональном уровне, обозначив проблему межрегиональной конкуренции за выполнение текущих производственных планов.

Роль партийного руководства Западной Сибири в освобождении спецпереселенцев из контингента «бывшие кулаки»

С окончанием Великой Отечественной войны отношение к спецпоселенцам из крестьян со стороны государственных органов меняется в лучшую сторону. Еще в военный период было очевидным, что трудоустройство этой категории спецконтингента давало наилучший экономический результат. Множество источников свидетельствует о награждении спецпоселенцев из бывших кулаков орденами и медалями СССР. Многие из них были призваны в действующую армию и отмечены боевыми наградами.

При рассмотрении практики снятия ограничений с бывших раскулаченных принципиально важным вопросом остается роль региональной номенклатуры в этом процессе. Насколько серьезным на принятие решений было влияние ходатайств, присланных с мест? Или их подготовка была отрежессированной кампанией? Уже упомянутый В.Н. Земсков полагал, что «в решении

этой проблемы многое зависело от инициативы местных властей, а также от позиции заинтересованных министерств и ведомств» [8. С. 151].

По данным В.Н. Земскова, за период с августа 1946 по январь 1952 г. на основании ходатайств местных партийных и советских органов Совет Министров СССР принял 14 специальных постановлений, по которым в 28 республиках, краях и областях спецпоселенцы контингента «бывшие кулаки» были почти полностью (за исключением немцев, калмыков, чеченцев и некоторых других национальностей) сняты со спецучета [Там же. С. 146]. В числе регионов Западной Сибири, откуда были направлены ходатайства, числились Новосибирская, Омская и Томская области [Там же. С. 146–147]. Массовый характер направленных в Москву обращений в определенный хронологический период, конечно, не может свидетельствовать о полной самостоятельности в действиях региональных лидеров. Очевидно, что до них были доведены какие-то рекомендации по оформлению ходатайств.

Вместе с тем анализ подписанных первыми секретарями писем демонстрирует значительные различия в аргументации изменения режима спецпоселения. 20 марта 1947 г. первый секретарь Новосибирского обкома ВКП(б) М.В. Кулагин информировал секретаря ЦК ВКП(б) А.А. Кузнецова о расселении 1 165 семей бывших кулаков, которые «за время нахождения в спецпоселении хозяйственно обустроились и закрепились на постоянное жительство в Сибири». Кузнецов считал нецелесообразным «дальнейшее обслуживание бывших кулаков по линии органов МВД» и просил указаний ЦК ВКП(б) о снятии с них ограничений и переводе их на положение правового населения. По мнению новосибирского руководителя, «за последние 5 лет и особенно в годы Отечественной войны серьезных антисоветских выпадов и проявлений среди бывших кулаков не было. Трудились они наравне с правовым населением и зарекомендовали себя с положительной стороны» [20. Л. 103]. После знакомства А.А. Кузнецова с письмом из Новосибирского обкома Министерство внутренних дел СССР возбудило ходатайство перед Советом Министров СССР об освобождении из спецпоселения бывших кулаков, расселенных на территории Новосибирской области [21. Л. 16]. Об этом секретаря ЦК информировал лично министр внутренних дел С.Н. Кружков. Постановлением Совета Министров СССР от 21 июля 1947 г. № 2598-802сс с режима спецпоселения по Новосибирской области были сняты 2 472 человека из контингента «бывшие кулаки» [8. Л. 147].

Одна из наиболее обстоятельных записок такого рода 31 июля 1949 г. была направлена томскими руководителями Д.К. Филимоновым (председатель облисполкома) и И.А. Смольяниновым (второй секретарь обкома партии) заместителю председателя Совета Министров СССР Л.П. Берии. На пяти листах подробно описывался вклад бывших кулаков-спецпоселенцев в развитие области. Отмечалось, что «за время пребывания на спецпоселении бывшими кулаками проделана большая работа по освоению Нарымской тайги, разработке новых земельных угодий, прокладке и строительству новых дорог, жилищному и хозяйствен-

ному строительству» [22. Л. 83–84]. Отмечалась роль спецпоселенцев в сборе средств на укрепление обороны СССР и подписке на государственные военные займы. Некоторые семьи вносили из личных накоплений от 5 до 25 тыс. руб., а члены сельхозартели XVIII партсъезда Колпашевского района явились инициаторами постройки колонны самоходных орудий и внесли наличными деньгами на строительство колонны 100 тыс. руб. Более 1 млн руб. собрали из личных сбережений члены сельхозартели Пудинского района для строительства танков и самолетов.

Спецпоселенцами досрочно выполнялись и перевыполнялись государственные планы хлебопоставок, сдачи мясных и молочных продуктов. В 1946–1947 гг. фиксировалась высокая активность в голосовании на выборах в Верховные Советы СССР и РСФСР, местные советы депутатов трудящихся. Постановлением Совета Министров СССР № 245-74 сс от 21 января 1950 г. в отношении 27 490 спецпоселенцев Томской области был отменен особый режим и выданы справки для получения паспортов на общих основаниях [8. С. 146].

В монографии «Спецпоселенцы в СССР» В.Н. Земсков приводит сведения, что в 1947–1951 гг. органы МВД–МГБ Коми АССР, Мурманской и Курганской областей неоднократно ставили вопрос о снятии ограничений в правовом положении с бывших кулаков перед местными партийными и советскими органами. Однако последние уклонялись от подготовки ходатайств.

В пользу версии о том, что у партийных органов на местах была определенная свобода действий в части подписания и отправки в Москву документов на снятие с бывших кулаков режима спецпоселения, свидетельствует наличие нескольких кампаний по подготовке таких документов. Первая кампания проводилась в 1946–1947 гг., что позволило освободить 326 611 человек, в том числе на территории Алтайского края, Кемеровской, Томской и Тюменской областей. Министерство внутренних дел СССР в ноябре подготовило проект постановления Совмина СССР «Об отмене режима спецпереселенцев бывших кулаков» (проект предусматривал изменение снятия ограничений со спецпоселенцев Узбекской ССР, а также двух автономных республик и 12 областей в составе РСФСР). Однако, по данным В.Н. Земскова, постановление не только не было принято, но и с конца 1947 г. процесс полного освобождения бывших кулаков по регионам замедлился [Там же. С. 150].

Причины изменений политики по освобождению бывших кулаков крылись в ведомственной заинтересованности сохранить их статус. Отраслевые министерства отмечали высокий уровень профессионального мастерства спецпоселенцев из бывших кулаков на производстве и не считали возможным утрачивать их как рабочую силу. В угольной промышленности Кузбасса техническое руководство было довольно производственными успехами спецпоселенцев. Например, по трестам «Кузнецкуголь» и «Куйбышевуголь» из 3 313 человек спецпоселенцев – бывших кулаков в третьем квартале 1948 г. не выполнил нормы только 81 человек [23. С. 113].

Поэтому стало очевидным различие в подходах к проблеме спецпоселенцев: если партийно-советское руководство не видело причин для сохранения ограничений для бывших кулаков, то начальство, подчиненное отраслевыми министерствам, считало необходимым режим сохранить. Показательный пример иллюстрирует ситуацию в Кемеровской области. 26 марта 1949 г. записку о необходимости снятия ограничений с бывших кулаков, расселенных на территории Кузбасса, направили И.В. Сталину первый секретарь Кемеровского обкома ВКП(б) Е.Ф. Колышев и председатель облисполкома В.А. Москвин. В числе аргументов для принятия положительного решения назывался преклонный возраст глав семей бывших кулаков и большое количество в семьях несовершеннолетних детей, активное участие спецпоселенцев в реализации четвертого пятилетнего плана [24. Л. 75–76]. Однако вопрос решен не был «в связи с возражением Министерства угольной промышленности СССР», которое боялось потерять бывших кулаков как рабочую силу [8. С. 151].

В монографии Земскова показано, что в вопросе по снятию ограничений с бывших кулаков не было единства ни в Министерстве внутренних дел, ни на местах. Периодически региональные руководители ставили этот вопрос перед центральными органами вновь. Так, 20 мая 1953 г уже новые руководители области М.И. Гусев и П.И. Морозов направляют ходатайство на имя заместителя председателя Совета Министров СССР Л.П. Берии. В документе отмечалось, что в период с 1944 г. по 1 мая 1953 г. по мотивам службы членов семей спецпоселенцев, бывших кулаков, в Советской Армии, награждения орденами и медалями Советского Союза и по достижении 16-летнего возраста освобождено из спецпоселения 49 513 человек. Требовалось решить вопрос о снятии ограничений по спецпоселению в отношении 7 163 человек взрослых спецпоселенцев и находившихся на их иждивении детей до 16-летнего возраста (3 700 человек) [25. Л. 59]. В числе оснований для снятия ограничений отмечалось, что подавляющее большинство спецпоселенцев из бывших кулаков «честно относились и относятся к труду, активно участвуют в выполнении задач, поставленных перед трудящимися Кузбасса». В их числе 39 человек имели звания мастеров угля, 88 человек – почетных шахтеров.

Таким образом, можно сделать вывод, что во второй половине 1940-х – начале 1950-х гг. усиливается дифференциация позиций в группах партийной и хозяйственной номенклатуры по вопросам использования спецконтингента в промышленности. Существовали группы интересов, которые полагали допустимым сохранить механизмы социальной дискриминации в целях форсированного достижения плановых показателей. Напротив, партийное руководство регионов, как и руководство МВД СССР, считало необходимым снять существовавшие ограничения.

Политическая оценка спецконтингента номенклатурой

Значительная роль спецконтингента в экономике западносибирских регионов признавалась большин-

ством партийных и хозяйственных руководителей. Однако при этом низкая оценка социального статуса спецпоселенцев зачастую вызывала пренебрежительное отношение к ним со стороны начальства.

Фактический материал показывает, что в процессе обсуждения хозяйственных задач спецпоселенцы рассматривались прежде всего как источник рабочей силы, не заслуживающей равных возможностей со свободным населением. Начальник Кемеровского областного управления МВД В.В. Губин, выступая на одном из пленумов обкома партии, утверждал, что поселенцы как рабочие являются полноценными гражданами и должны пользоваться одинаковыми правами в части обеспечения культурно-бытовых условий с остальными. Председатель облисполкома подал реплику: «Насчет полноценности... спецконтингента мы сомневаемся». Начальник шахты 3-3-бис в г. Прокопьевске, критикуемый за упущения в работе со спецконтингентом, заявлял: «Я ничего делать не буду, у меня нет времени заниматься всякой вашей швалью...» [26. Л. 86–87].

Однако такую позицию все-таки разделяли не все хозяйственники. Бывший начальник комбината «Кузбассуголь» и нарком строительства предприятий топливной промышленности СССР А.Н. Задемидко оценивал работу трудмобилизованных на шахтах в период войны и первые послевоенные годы следующим образом: «Есть государственное решение, что они должны работать. Это совпадало с моим понятием. Почему я, как какая-то рабочая лошадь, должен трудиться и любой рабочий должен трудиться для того, чтобы бездельников кормить, которые сидят там в лагерях?! Пусть работают! Другое дело, что абсолютно недопустимо издевательство – физическое, моральное, какое угодно. Что работающие люди должны вознаграждаться за свой труд на основании тех же принципов, что и члены профсоюза. Заработал – получай! Спец-одежда полагается по закону? Вынь и положи! Восьмичасовой рабочий день, отдых» [27. С. 235]. Вместе с тем стоит предположить, что такая позиция сформировалась у бывшего наркома уже с течением времени и не отражала реального отношения к спецконтингенту в период войны.

В военное время и в первые послевоенные годы дискриминируемые по разным основаниям группы были вычеркнуты из общественно-политической жизни. Не имели права писать о них в прессе. Любое случайное упоминание рассматривалось как грубая политическая ошибка, которая виновным могла стоить должностей и даже партийного билета. В докладной записке начальнику Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) Г.Ф. Александрову от 13 января 1946 г. сообщалось, что редакция газеты смоленского района Алтайского края «Ударник полей» поместила ответ на провокационный вопрос «Имеют ли избирательные права пленные немцы и японцы?» со ссылкой на указание ЦК ВКП(б). Крайком ВКП(б) снял с работы редактора газеты и указал секретарю райкома и заведующему отделом пропаганды и агитации райкома, а также автору ответа [28. Л. 8].

Противоречивая позиция в политических оценках сформировалась в послевоенный период и в отноше-

нии бывших ссыльных из крестьян. Несмотря на просьбы о снятии ограничений с бывших раскулаченных, находившихся на спецпоселении, в региональном руководстве отношение к этой категории спецконтингента оставалось весьма настороженным. Значимым маркером было ограничение доступа на номенклатурные должности лиц, родственники которых пребывали в статусе спецпереселенцев. В 1951 г. для первого секретаря Томского обкома партии А.В. Семина подготовили список номенклатурных работников, на которых имелся компрометирующий материал. В основном было достаточно таких данных: «Дядя (секретаря Колпашевского райкома ВКП(б). – А.К.) имел кулацкое хозяйство – мельницу, в 1929–1930 гг. осужден. Отбывал наказание в ИТЛ. Женат на спецпереселенке»; «Муж сестры (заведующего сельскохозяйственным отделом Верхне-Кетского райкома ВКП(б). – А.К.) – бывший спецпереселенец, сейчас живет в г. Сталинске Кемеровской области»; «Хозяйство отца (консультанта Томского горкома ВКП(б). – А.К.) было признано кулацким, и семья была выслана из пределов района» [29. Л. 44–48]. Такие списки составлялись повсеместно и существенно осложняли карьеру для перспективных партийных аппаратчиков.

Надзор за поведением спецпереселенцев велся в систематическом режиме и не прекратился после смерти Сталина. В июльские дни 1953 г., когда в Москве «разоблачили» деятельность Л.П. Берии, сотрудники управления МВД по Томской области систематизировали данные о нестандартных высказываниях. Их в формате спецсообщений направляли первому секретарю Томского обкома КПСС В.А. Москвину. 13 июля 1953 г. начальник управления Н.С. Великанов представил обзор высказываний спецпереселенцев, в числе которых можно выделить следующие: «Меня, конечно, это сообщение (об аресте Берии. – А.К.) интересует только с точки зрения того, насколько улучшится наше положение. Я лично думаю, что должно быть лучше – будут снимать с учета. Берия, возможно, и не был связан с иностранными государствами, а просто это была борьба за власть, он хотел быть диктатором». Другой спецпереселенец Ш., по национальности немец, в разговоре о сообщении ЦК КПСС и Президиума Верховного Совета СССР сказал: «Я так и предполагал, что после смерти Сталина будут большие события. И теперь не все еще кончилось – борьба за портфель будет продолжаться и дальше». Еще один спецпереселенец Ж., учтенный как «литовский националист», высказал неверие в виновность Берии: «Может, все будет так же, как с врачами-вредителями. Подняли такой шум, а потом все пошло насмарку – никаких вредителей-отравителей не отказалось, так будет и сейчас. Берия еврей, а евреев задеть опасно, их будет поддерживать Англия, Америка и все остальные. Когда врачей-евреев задела, то за рубежом началось большое движение протеста. Будут протестовать и сейчас» [30. Л. 161–162]. Внимание к оценкам спецпереселенцев, их систематизация и представление партийному руководителю области фиксируются также и в связи с окончанием следствия по делу Берия в декабре 1953 г. Первый секретарь Томского обкома КПСС В.А. Москвин с этим спецсо-

общением ознакомился в день приведения приговора в отношении Берии – 23 декабря [31. Л. 349–352].

Очевидно, что в сознании партийного руководства любые дискриминированные советским государством категории, вне зависимости от статуса и степени правомерности их поведения, рассматривались как потенциальные враги. В номенклатурной среде недоверие к бывшим спецпереселенцам объяснялось обидой на советскую власть. Ограничения на доступ во властные институты для потенциальных номенклатурных функционеров из семей спецпереселенцев были сняты лишь в 1960-е гг.

Переселенцы и этноконфессиональная специфика

При рассмотрении влияния спецпереселенцев на этноконфессиональную специфику стоит отметить, что население Западной Сибири традиционно представляло собой пеструю религиозную картину (Русская православная церковь, буддизм, мусульманство, иудаизм, старообрядчество различных согласий и толков, баптизм, шаманизм и др.) Итогом вероисповедной политики государства к началу Великой Отечественной войны явился факт институциональной ликвидации в Сибири практически всех религиозных сообществ. С другой стороны, переселенческая политика в 1940-х – начале 1950-х гг. изменила конфессиональную карту послевоенной Западной Сибири и обусловила появление и функционирование на ее территории новых, нетрадиционных для региона этноконфессиональных групп и общин. В довоенные годы основной контингент спецпоселений представляли раскулаченные крестьяне, большая часть которых была перевезена из европейской части СССР. Многие представители этого русского и украинского контингента являлись ревностными приверженцами православия, будущими активными прихожанами РПЦ.

В 1940–1950-е гг. можно выделить следующие друг за другом волны переселений, привлечшие в регион различные религиозные сообщества и этнические группы. Таким образом, мы опосредованным образом можем проследить динамику распространения религиозных групп и общин, исходя из политики перемещения населения советским государством (таблица).

Так, за несколько недель до нападения нацистской Германии на СССР были депортированы лица из вновь присоединенных Литвы, Западной Украины и Белоруссии (преимущественно поляки, но также украинцы, белорусы, евреи др.) – пятидесятники, униаты, баптисты, свидетели Иеговы, иудеи.

Великая Отечественная война вызвала следующий поток переселений. В западносибирские регионы были перемещены лица, традиционно исповедующие религии протестантских деноминаций (поволжские немцы, латыши, эстонцы, финны, карелы), католицизм (литовцы, западные белорусы, поволжские немцы, поляки), ислам (балкарцы, крымские татары, чеченцы, турки-месхетинцы и пр.).

В конце лета 1941 г. началась массовая депортация немцев – лютеране, католики, меннониты, баптисты, адвентисты, пятидесятники. Вместе с ними отправи-

лись в Западную Сибирь и другие «наказанные» народы: представители Северного Кавказа (чеченцы, ингуши, карачаевцы, балкарцы) – мусульмане, крымские татары – мусульмане и др.

Насильственное перемещение осуществлялось и по религиозным основаниям. 1 673 представителей правоконсервативного радикального оппозиционного дви-

жения в РПЦ – истинно-православных христиан (ИПХ) преимущественно из регионов Центральной России были депортированы летом 1944 г. [32. С. 190], их большая часть расселена в Западной Сибири. К примеру, в Тюменской области к 1 января 1949 г. было зафиксировано 454 спецпоселенца – приверженца этого движения, Томской – 444 [8. С. 165; 33. С. 151–165].

Спецпоселенцы в Западной Сибири на 1 января 1953 г.*

Регионы	Контингент спецпоселенцев												
	Немцы	Из Прибалтики	«Оуновцы»	Калмыки	Бывшие кулаки	Из Молдавии	ЧМП	«Власовцы»	По указу	СИ	ИПХ	Другие	Всего на 01.01.1953
Алтайский край	97 616	2 064	7	18 581	547	4 262	15 447	6	–	–	1	55	138 586
Кемеровская обл.	65 653	213	28 577	227	12 329	1 548	3	5 101	2 959	–	–	4 988	121 598
Новосибирская обл.	78 873	9 499	220	17 719	–	476	2	316	1	–	4	3 054	110 164
Омская обл.	42 299	21 433	12 812	9 838	1	518	–	23	1	–	–	384	87 309
Томская обл.	26 006	20 688	11 679	1 124	8 444	3 317	4 419	54	–	3 118	448	796	80 093
Тюменская обл.	28 695	1 286	5 904	10 364	5 718	9 397	–	36	3 387	–	391	3 501	68 679
Всего	339 142	55 183	59 199	57 853	27 039	19 518	19 871	5 536	6 348	3 118	844	12 778	606 429

* Составлено и подсчитано по данным В.Н. Земскова [8. С. 214–219].

Примечание. Немцы – выселенные, репатриированные, местные; из Прибалтики – литовцы, эстонцы, латыши; «оуновцы» – представители «Организации украинских националистов»; ЧМП – выселенные с черноморского побережья Кавказа («дашнаки», греки, турки); «власовцы» – русские коллаборационисты в составе вермахта; по указу – в соответствии с указом от 2 июня 1948 г. «О выселении в отдаленные районы страны лиц, злостно уклоняющихся от трудовой деятельности и ведущих антиобщественный паразитический образ жизни»; СИ – свидетели Иеговы; ИПХ – истинно православные христиане; другие – из западных областей УССР и БССР, Крыма, Грузии, с Северного Кавказа, «фольсдойче» – этнические немцы до 1945 г., которые жили за пределами Германии.

В послевоенный период (1946–1953 гг.) последовала вторичная крупная волна переселений. В очередной раз были переселены жители Прибалтики (католицизм, протестантские деноминации), Молдавии (свидетели Иеговы), немцы, греки, турки и армяне с черноморского побережья Кавказа, а также бывшие коллаборационисты из РОА и сторонники Организации украинских националистов (грекокатолики, баптисты, пятидесятники). Из переселенных народов преобладали немцы (см. таблицу), ко второй половине XX в. они уже являлись одной из наиболее крупных по численности национальных групп в Западной Сибири.

Следует также учитывать и значительную часть православных верующих в среде крестьянских спецпоселенцев. По данным на март 1949 г. в составе спецпоселенцев контингента «бывшие кулаки» русские составляли абсолютное большинство в Кемеровской, Томской, Тюменской, Мурманской, Амурской, Курганской областях и Хабаровском крае. В Алтайском крае на первом месте по численности находились украинцы [Там же. С. 151].

Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 ноября 1948 г. «Об уголовной ответственности за побеги из мест обязательного и постоянного поселения лиц, выселенных в отдаленные районы СССР в период Отечественной войны» фиксировал переселение навечно, без права возврата к прежним местам жительства. Этот документ значительно усугубил положение «наказанных народов». Ожидания получения долгожданной свободы в условиях перехода к мирной жизни оказались совершенно несбыточными. Данное обстоятельство, считаем, послужило катализатором как для радикализации взглядов репрессированных, так и для вхождения их в сообщества, идеологически альтернативные советскому режиму, – религиозные организации. Значительная часть переселенцев, прежде всего из Западной Украины и республик Прибалтики, националистически настроенная, в большинстве своем

крайне негативно относилась к действующей в СССР социалистической системе. В докладной записке управления КГБ Хакасской автономной области за январь 1957 г. утверждалось, что «об этом свидетельствуют многочисленные материалы, имеющиеся в распоряжении управления КГБ области. Многие из них мечтают о восстановлении капиталистических порядков в СССР, надеются на победу империализма в предстоящей мировой войне, которая, по их мнению, приведет к гибели социалистического строя» [34. Л. 1]. Считаем, что такие настроения в целом были характерны для ситуации в Сибири.

Последняя крупная депортация лиц, ранее проживавших в западных областях Украинской и Белорусской ССР, Молдавской, Латвийской и Эстонской ССР, в 1952 г. привела, по сути, к возникновению нового крупного религиозного объединения на территории Сибири. Неожиданно появившаяся пассионарно настроенная «антисоветская нелегальная секта» свидетелей Иеговы в количестве почти 6 тыс. человек добавила множество забот (на долгие годы) органам госбезопасности в сибирских регионах.

Во многом «благодаря» депортационной политике в Западной Сибири можно было обнаружить крупные немецкие районы в городах, где активно осуществляли свою религиозную деятельность общины и группы евангельских христиан-баптистов, лютеран, меннонитов. В тайге Томской и Тюменской областей скрывались ИПХ, противостоящие «власти антихриста». Соседствующие с Кемеровской областью и Горно-Алтайской автономной областью христиане веры евангельской из Хакасии, возглавляемые бывшими спецпоселенцами – семьями Ващенко и Чмыхаловыми («Сибирская семерка»), активной борьбой за свои права превратили провинциальный город Черногорск в известный западному миру центр радикального пятидесятничества всей Сибири. Один из крупнейших центров движения свидетелей Иеговы в СССР находился

в Томской области. Образовавшиеся в послевоенный период указанные религиозные центры оказывали существенное влияние на конфессионально-родственные общины и группы всей Сибири и Дальнего Востока [35. С. 185–189].

Резкое уменьшение количества адептов религиозных сообществ, понижение религиозной активности тоже зачастую коррелирует с переселенческой политикой. Постепенное ослабление режима поселений, поэтапное освобождение с 1953 по 1956 г., как правило, приводили к отъезду на родину, а чаще переселению бывших спецпоселенцев в более подходящие места как для проживания, так и для удовлетворения духовных потребностей.

Выводы

Изменения административно-политического статуса спецпоселенцев в Западной Сибири начала 1940-х – середины 1950-х гг., наличие нескольких волн депортаций способствовали трансформации их роли в региональной экономике и оценки деятельности со стороны партийно-хозяйственной номенклатуры. Общее негативное восприятие дискриминированных групп населения региональным руководством все же давало

возможность для их дифференциации по мотивации к труду и степени производительности. Наиболее ценной категорией спецконтингента признавались крестьянские спецпереселенцы, ставшие объектом региональных и ведомственных интересов. Борьба партийных руководителей и отраслевых наркоматов (министерств) за увеличение контингентов из спецпоселенцев при общем нежелании стимулировать социальное развитие в конечном итоге привела к исчерпанию экономической эффективности принудительного труда.

Депортационная государственная политика в течение более чем двух десятков лет существенным образом повлияла на религиозную карту Западной Сибири и привела к трансформации ареала расселения различных этносов, особенно немцев. В то же время распространение нетрадиционных для региона конфессий по территории Западной Сибири вызывало глубокую озабоченность у политического руководства регионов, создало предпосылки для жесткого идеологического противостояния в будущем. Многие верующие спецпереселенцы и их домочадцы в последующие десятилетия составят руководящее ядро ряда незаконных религиозных организаций, активно противостоящих вероисповедной политике советского государства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Долголюк А.А. Принудительный труд на сибирских стройках в первое послевоенное десятилетие // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер. Отечественная история. 2007. № 2. С. 56–60.
2. Бикметов Р.С. Лагерьный сектор в экономике Кузбасса в первые послевоенные годы (1945–1947): производственная деятельность и структурные изменения // Гуманитарные науки в Сибири. 2009. № 2. С. 85–89.
3. Красильников С.А. Режимный сегмент советской экономики: становление системы спецпоселений в первой половине 1930-х годов // *Magistrae Vitae* : электронный журнал по историческим наукам и археологии. 2016. № 1. С. 64–76.
4. Маркдорф Н.М., Долголюк А.А. Ленинградские немцы на спецпоселении в Кемеровской области (1941–1956) // Ежегодник Международной ассоциации исследователей истории и культуры российских немцев. 2015. № 1. С. 174–184.
5. История сталинского ГУЛАГа. Конец 1920-х первая половина 1950-х годов : Собрание документов : в 5 т. М. : РОССПЭН, 2004. Т. 5: Спецпереселенцы в СССР. 824 с.
6. Сталинские депортации. 1928–1953 / под общ. ред. А.Н. Яковлева; Сост. Н.Л. Поболь, П.М. Полян. М. : МВД ; Материк, 2005. 904 с. (Россия XX век. Документы).
7. Иностранцы военнопленные в Кузбассе в 1940-е годы : документы и материалы / сост. К.Д. Лукин, В.В. Сенкус, Г.Ф. Шабалин; под ред. Н.М. Маркдорф-Сергеевой, Р.С. Бикметова. Кемерово : Кузбассвузиздат, 2002. 252 с.
8. Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР, 1930–1960. М. : Наука, 2003. 306 с.
9. Бердинских В.А. Спецпоселенцы. Политическая ссылка народов Советской России. М. : Новое лит. обозрение, 2005. 765 с.
10. Захарченко А.В. «Ведомственный эгоизм»: правительство, Госплан и хозяйственные амбиции агентов советской экономики в использовании труда военнопленных в 1945–1949 гг. // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2016. Т. 18, № 3. С. 116–126.
11. Сердюк М.Б. Религиозные группы в среде спецпоселенцев Приамурья в 1941–1954 гг. // Вестник Бурятского государственного университета. 2010. № 7. С. 21–26.
12. Глушаев А.Л. Без проповедников, в углу барачков...»: протестанские «барачные общины» в пермском Прикамье 1940–1950-х гг. // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2012. Т. 30, № 3–4. С. 257–283.
13. Глушаев А.Л. Спецпоселенцы и религиозные движения пермского Прикамья. 1940–1950-е годы // Религиоведение. 2012. № 1. С. 50–55.
14. Красильников С.А., Сарнова В.В. Спецпереселенцы // Историческая энциклопедия Сибири. Т. 3. Новосибирск : Историческое наследие Сибири, 2009. С. 164–168.
15. Российский государственный архив социально политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 121. Д. 243.
16. РГАСПИ. Ф. 121. Оп. 121. Д. 242.
17. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 121. Д. 241.
18. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 122. Д. 46.
19. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 121. Д. 384.
20. Государственный архив Новосибирской области (ГАО). Ф. П-4. Оп. 34. Д. 257.
21. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 121. Д. 611.
22. Центр документации новейшей истории Томской области (ЦДНИТО). Ф. 607. Оп. 1. Д. 1140.
23. Неизвестный Кузбасс : сб. архивных документов / сост. Н.В. Галкин; ред. В.А. Сергиенко. Кемерово, 1995. Вып. 2: Тоталитарная система: Палачи и жертвы.
24. Государственный архив Кемеровской области (ГАКО). Ф. П-75. Оп. 2. Д. 303.
25. ГАКО. Ф. П-75. Оп. 7. Д. 197.
26. ГАКО. Ф. П-75. Оп. 2. Д. 227.
27. Коновалов А.Б. Беседа со сталинским наркомом Александром Николаевичем Задемидко в 2000 году // Разыскания: историко-краеведческий альманах / сост. Л.Ф. Кузнецова. Кемерово : Примула, 2010.
28. Государственный архив Алтайского края (ГААК). Ф. П-1. Оп. 30. Д. 50.
29. ЦДНИТО. Ф. 607. Оп. 1. Д. 1148.

30. ЦДНИТО. Ф. 607. Оп. 1. Д. 1924.
31. ЦДНИТО. Ф. 607. Оп. 1. Д. 1942.
32. Шкаровский М.В. Иосифляноство: течение в Русской Православной Церкви. СПб., 1999.
33. Земсков В.Н. Заключенные, спецпоселенцы, ссыльнопоселенцы, ссыльные и высланные : (статистико-географический аспект) // История СССР. 1991. № 5. С. 151–165.
34. Центральный государственный архив Республики Хакасия (ЦГАРХ). Ф. 2. Оп. 1. Д. 2364.
35. Федирко О.П. Пятидесятники Амурской области во второй половине XX в. // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества : материалы VIII Междунар. науч.-практ. конф. Благовещенск. 2018. С. 185–189.

Gorbatov Alexey V. Kemerovo State University (Kemerovo, Russia). E-mail: orbn1965@yandex.ru

Konovalov Alexander B, Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

SPECIAL SETTLERS IN WESTERN SIBERIA: PERCEPTION BY REGIONAL LEADERSHIP, ETHNO-RELIGIOUS SPECIFICS (EARLY 1940s – MID 1950s)

Keywords: party elite; special settlers; ethnic and religious specificity; Western Siberia.

Special settlers in the USSR were considered not only as a discriminated social group, but also as an important labor resource. Each regional leader sought to ensure that the industrial development targets set by the central authorities were met. In the conditions of the Great Patriotic War there was a huge shortage of labor. That is why the category of special settlers began to be considered as a necessary source of ensuring the work of leading industries. In Western Siberia, the work of special settlers was used in the coal, forest, fishing industry, enterprises of defense industries. Regional leaders, together with the sectoral People's Commissars, asked the Central authorities to increase the quotas for the movement and use of the contingent. However, resources were limited. The resettlement of the special contingent, its use had become the subject of administrative bargaining. In this process, the apparatus of the Central Committee of the party played an important role. Its employees acted as mediators in resolving disputes between regional leaders.

At the same time, the role of the People's Commissariat for Interior Affairs of the USSR, which appeared not only as a repressive and punitive, but also as an economic institution, was growing. Regional leaders (the first secretaries of the regional and regional committees of the party, the chairmen of the executive committees) sought to agree with the leadership of the NKVD of the USSR on the placement of labor and special settlements.

The perception of special settlers by the regional leadership was extremely controversial. On the one hand, representatives of the party and economic nomenclature were satisfied with the results of the work of peasant special settlers. This fact served as the basis for the preparation of applications for the removal of any restrictions from them. On the other hand, the economic value of special settlers was understood by representatives of the economic management. They sought to limit changes in the regime of special settlement.

Until the mid-1950s, special settlers were regarded as a group hostile to the Soviet state system. The presence of relatives from special settlers was considered a compromising fact of party workers. The daily life of the special settlers was monitored behind the scenes. Carefully recorded assessment of the political situation, which expressed the peasant and ethnic immigrants.

The presence of the population deported from the European part of the USSR in Western Siberia changed the ethno-confessional situation in the region. Residents of the Baltic States, Moldova, Western Ukraine and Belarus were resettled. This affected the formation of Catholic and Protestant communities, religious groups of Christian Baptists, Lutherans and Mennonites in the region. The decrease in the number of adherents of religious communities correlated with resettlement policy. Removal of special settlers of Western Siberia from the register in the mid-1950s allowed large groups of believers to return home.

REFERENCES

1. Dolgolyuk, A.A. (2007) Prinuditel'nyy trud na sibirskikh stroykakh v pervoe poslevoennoe desyatiletie [Forced labour at Siberian construction sites in the first post-war decade]. *Vestnik NGU. Seriya "Otechestvennaya istoriya"*. 2. pp. 56–60.
2. Bikmetov, R.S. (2009) Lagernyy sektor v ekonomike Kuzbassa v pervye poslevoennyye gody (1945–1947): proizvodstvennaya deyatel'nost' i strukturnye izmeneniya [The camp sector in the economy of Kuzbass in the early postwar years (1945–1947): production activities and structural changes]. *Gumanitarnyye nauki v Sibiri – Humanitarian Sciences in Siberia*. 2. pp. 85–89;
3. Krasilnikov, S.A. (2016) Regime segment of the Soviet economy: the creation of the special settlements system in the first half of the 1930s. *Magistrae Vitae: elektronnyy zhurnal po istoricheskim naukam i arkhologii – Magistra Vitae: Electronic Journal of Historical Sciences and Archeology*. 1. pp. 64–76. (In Russian). DOI: 10.24411/2542-0275-2016-00022
4. Markdorf, N.M. & Dolgolyuk, A.A. (2015) Leningradskie nemtsy na spetsposelenii v Kemerovskoy oblasti (1941–1956) [Leningrad Germans in special settlements in Kemerovo Region (1941–1956)]. *Ezhгодnik Mezhdunarodnoy assotsiatsii issledovateley istorii i kul'tury rossiyskikh nemtsev*. 1. pp. 174–184.
5. Vert, N. & Mironenko, S.V. (eds) (2004) *Istoriya stalinskogo GULAGA. Konets 1920-kh pervaya polovina 1950-kh godov. Sobranie dokumentov v 5 tomakh* [History of Stalin's Gulag. The late 1920s – first half of the 1950s. Collection of documents in 5 vols]. Vol. 5. Moscow: ROSSPEN.
6. Yakovlev, A.N. (ed.) (2005) *Stalinskie deportatsii. 1928–1953* [Stalinist deportations. 1928–1953]. Moscow: MVD; Materik.
7. Markdorf-Sergeeva, N.M. & Bikmetov, R.S. (eds) (2002) *Inostrannyye voennoplennyye v Kuzbasse v 1940-e gody: dokumenty i materialy* [Foreign prisoners of war in Kuzbass in the 1940s: documents and materials]. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat.
8. Zemskov, V.N. (2003) *Spetsposelentsy v SSSR, 1930–1960* [Special settlers in the USSR, 1930–1960]. Moscow: Nauka.
9. Berdinskikh, V.A. (2005) *Spetsposelentsy. Politicheskaya ssylka narodov Sovetskoy Rossii* [Deportees. The political link of the peoples of Soviet Russia]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
10. Zakharchenko, A.V. (2016) "Vedomstvennyy egoizm": Pravitel'stvo, Gosplan i khozyaystvennyye ambitsii agentov sovetskoy ekonomiki v ispol'zovanii truda voennoplennykh v 1945–1949 gg. ["Departmental Egoism": Government, Gosplan, and Economic Ambitions of Agents of the Soviet Economy in the Use of Labor of Prisoners of War in 1945–1949]. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiyskoy akademii nauk – Izvestia of Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*. 18(3). pp. 116–126.
11. Serdyuk, M.B. (2010) Religioznye grupy v srede spetsposelentsev Priamur'ya v 1941–1954 gg. [Religious groups among the deportees of Amur region in 1941–1954]. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta – The Buryat State University Bulletin*. 7. pp. 21–26.
12. Glushaev, A.L. (2012) "With no Preachers, at the Corner of Barracks...": Protestant "Barrack Communities" in Perm'-Kama Region in 1940–1950-s. *Gosudarstvo, religiya, tserkov' v Rossii i za rubezhom – State, Religion and Church in Russia and Worldwide*. 30(3–4). pp. 257–283. (In Russian).
13. Glushaev, A.L. (2012) Spetsposelentsy i religioznye dvizheniya permskogo Priamur'ya. 1940 – 1950-e gody [Deportees and religious movements of the Prikamye Perm Region. 1940–1950s]. *Religiovedenie*. 1. pp. 50–55.
14. Krasilnikov, S.A. & Sarnova, V.V. (2009) Spetsposelentsy [Deportees]. In: Lamin, V.A. (ed.) *Istoricheskaya entsiklopediya Sibiri* [Historical Encyclopedia of Siberia]. Vol. 3. Novosibirsk: Istoricheskoe nasledie Sibiri. pp. 164–168.
15. The Russian State Archive of Social and Political History (RGASPI). Fund 17. List 121. File 243.

16. The Russian State Archive of Social and Political History (RGASPI). Fund 121. List 121. File 242.
17. The Russian State Archive of Social and Political History (RGASPI). Fund 17. List 121. File 241.
18. The Russian State Archive of Social and Political History (RGASPI). Fund 17. List 122. File 46.
19. The Russian State Archive of Social and Political History (RGASPI). Fund 17. List 121. File 384.
20. The State Archive of Novosibirsk Region (GANO). Fund P-4. List 34. File 257.
21. The Russian State Archive of Social and Political History (RGASPI). Fund 17. List 121. File 611.
22. The Documentation Center of the Latest History of the Tomsk Region (TsDNITO). Fund 607. List 1. File 1140.
23. Sergienko, V.A. (ed.) (1995) *Neizvestnyy Kuzbass. Sbornik arkhivnykh dokumentov* [Unknown Kuzbass. Collection of archival documents]. Vol. 2. Kemerovo: [s.n.].
24. The State Archive of Kemerovo Region (GAKO). Fund P-75. List 2. File 303.
25. The State Archive of Kemerovo Region (GAKO). Fund P-75. List 7. File 197.
26. The State Archive of Kemerovo Region (GAKO). Fund P-75. List 2. File 227.
27. Konovalov, A.B. (2010) Beseda so stalinskim narkomom Aleksandrom Nikolaevichem Zademidko v 2000 godu [Conversation with Stalin's Commissar Alexander Nikolaevich Zademidko in 2000]. In: Kuznetsova, L.F. (ed.) *Razyskaniya: istoriko-kraevedcheskiy al'manakh* [Research: a local history almanac]. Kemerovo: Primula.
28. The State Archive of the Altai Territory (GAAK). Fund P-1. List 30. File 50.
29. The Documentation Center of the Latest History of the Tomsk Region (TsDNITO). Fund 607. List 1. File 1148.
30. The Documentation Center of the Latest History of the Tomsk Region (TsDNITO). Fund 607. List 1. File 1924.
31. The Documentation Center of the Latest History of the Tomsk Region (TsDNITO). Fund 607. List 1. File 1942.
32. Shkarovskiy, M.V. (1999) *Iosiflyanstvo: techenie v Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi* [Josephism: the course in the Russian Orthodox Church]. St. Petersburg: Memorial.
33. Zemskov, V.N. (1991) Zaklyuchennyye, spetsposelentsy, ssyl'noposelentsy, ssyl'nye i vyslannyye (Statistiko-geograficheskiy aspekt) [Prisoners, special settlers, deportees, exiles and deportees (Statistical-geographical aspect)]. *Istoriya SSSR*. 5. pp. 151–165.
34. The Central State Archive of the Republic of Khakassia (TSGARKh). Fund 2. List 1. File 2364.
35. Fedirko, O.P. (2018) Pyatidesyatniki Amurskoy oblasti vo vtoroy polovine XX v. [Amur Pentecostals in the second half of the 20th century]. In: *Rossiya i Kitay: istoriya i perspektivy sotrudnichestva* [Russia and China: history and prospects of cooperation]. Blagoveshchensk: Blagoveshchensk State Pedagogical University. pp. 185–189.

УДК 94(430)

DOI: 10.17223/19988613/57/18

Т.В. Евдокимова

ПЕТРА КАРИН КЕЛЛИ И ЕЕ «ЗЕЛЕНАЯ АЛЬТЕРНАТИВА»

Статья посвящена малоизученной в отечественной германистике проблеме – жизни и деятельности основателя партии «зеленых» ФРГ Петры Карин Келли. Подчеркивается, что хотя содержание ее «зеленой альтернативы» и было обусловлено конкретно-исторической ситуацией и обстоятельствами личной жизни, тем не менее ее можно отнести к первым теоретикам глобализации. Анализ конкретных шагов П. Келли по реализации принципов «зеленой политики» позволяет сделать вывод о том, что ее «зеленая альтернатива» предназначалась скорее для мира, чем для Германии.

Ключевые слова: Петра Карин Келли; «зеленая» альтернатива; экология; права человека; ненасилие; «антипартия»; Германия; человечество.

Петра Карин Келли – немецкий политик, активная участница движения за мир, одна из основателей западногерманской партии «зеленых» (ПЗ) – являлась популярной личностью в начале 1980-х гг. Средства массовой информации ФРГ уделяли пристальное внимание этой харизматической личности, называя ее «Жанной Д'Арк движения за мир», «всемирной монахиней», «малокровной аскеткой» [1. S. 78]. В глазах Петры Келли читались грусть и «страдания Вертера», в ее манерах – «настоящая тевтонская скорбь» [2]. В то время она получала в день до ста писем, в которых люди делились своими бедами [3. S. 133–135]. Озабоченный данным обстоятельством Генрих Бёлль просил сопредседателя фракции ПЗ в бундестаге Марию-Луизу Бекманн: «Позаботьтесь о Петре Келли, она очень важна для нашей страны. Я много раз говорил ей это сам. Она сломается, когда... позволит всем страданиям этого мира приблизиться к ней» [4].

Однако в начале 1990-х гг. Петра Келли оказалась изолированной как от партии, так и от общества, о чем свидетельствуют обстоятельства ее ухода из жизни: трупы – ее и Герта Бастиана – нашли только через три недели после их смерти [5] (официальная версия – двойное самоубийство). Выяснению причин исчезновения харизмы П. Келли для немцев и посвящена данная статья.

Петра Келли была неординарной личностью, как и та партия, в создании которой она принимала участие. Но, в отличие от достаточно широкого круга отечественных диссертаций по ПЗ и экологическому движению в ФРГ (С.Ф. Вититнев, В.В. Дамье, Т.В. Евдокимова, А.С. Рожков, Н.Е. Шонин, В.Ю. Щербаков и др.), жизнь и деятельность Петры Келли в России не являлись предметом научных исследований. В Германии же о ней написано три книги [6–8], но только последняя из работ может претендовать на научность, так как имеет широкую источниковую основу благодаря использованию архива Петры Келли, который находится в архиве «Зеленая память» фонда Генриха Белля [9]. В данной статье использованы издания фонда Г. Белля, работы Петры Келли, документы, связанные с ее политической деятельностью, а также обширные материалы

немецких и зарубежных средств массовой информации о П. Келли.

ПЗ являлась «детищем Федеративной Республики Германия» [10]. Несмотря на ее первоначальную оценку как «бабочки-однодневки» (социальный, идейный и политический состав был крайне разнородным), на выборах в бундестаг 1983 г. она смогла преодолеть пятипроцентный барьер и войти в состав западногерманского парламента. Основные принципы деятельности партии [11. S. 4] знаменовали возникновение партии с постматериалистическими ценностями [12], выразителями которых стали главным образом «новые социальные движения». На рубеже 1970–1980-х гг. «зеленые» предложили немцам «зеленую альтернативу» в виде надклассового экологизма, критиковавшего ориентацию «индустриального общества» на прибыль, а не на человека, поддержку социально незащищенных слоев населения, базисную демократию в противовес традиционной партийно-парламентской системе и пацифизм в условиях нарастания ядерной опасности. Внутри западногерманского политического спектра ПЗ не принадлежала ни к одному из направлений, заявляя первоначально о своем стремлении быть альтернативной партией.

Петра Карин Келли (1947–1992) стояла у истоков этой партии и была первоначально одной из многих [13]. Однако сложно назвать другого создателя ПЗ, который бы был так последователен в осуществлении «зеленой» альтернативы [14]. Сложно представить более цельную натуру, сочетавшую в себе сверхчувственную восприимчивость человеческих страданий, блестящий теоретический интеллект с планетарным видением проблем, а также огромную силу воли и последовательность при внедрении теории в практику.

Петра Келли пришла в политику как сформировавшийся профессионал: обучение политологии в университетах Вашингтона и Амстердама; участие в избирательной компании Роберта Кеннеди и сотрудничество с вице-президентом США Хубертом Хемфри; работа в комитетах по экономическим и социальным проблемам Европейского сообщества в Брюсселе; членство в Федеральном союзе гражданских инициатив в защиту окружающей среды; лидерство в списке «зеленых» на выбо-

рах в Европарламент в 1979 г.; наконец, член правления ПЗ, созданной в январе 1980 г. в Саарбрюккене.

Среди «зеленых» ФРГ она, как никто другой, последовательно реализовывала «зеленую» политику, которая не знала ни территориальных, ни национальных границ. Во многом это было обусловлено тем, что, с одной стороны, она была немкой, с другой – американкой. Урожденная Леманн, она родилась в Германии, в Гюнцбурге / Бавария, где появился на свет и Йозеф Менгель [15], «ангел смерти» Освенцима. Обучаясь при монастыре в школе-интернате для девочек (1953–1959), Петра не имела никакого представления о Холокосте, и лишь в США, куда она переехала с отчимом и своей семьей, она узнала про Анну Франк, Освенцим, Берген-Бельзен, Треблинку, Бухенвальд, Равенсбрюк, Дахау. «Молчаливое согласие» немецкого народа [16. S. 52], стремившегося забыть прошлое, Петра Келли восприняла как «личное бремя», которое она несла всю жизнь. Приехав из США, она хотела привести Германию и «послушных немцев» в состояние «гражданского непослушания», которое она видела в США на примере антивоенного и молодежного движения в конце 1960-х гг. Под «гражданским непослушанием» ею понималась не отдельная акция против определенного закона или проекта, а продолжительное сопротивление условиям социального насилия, существующего в мире. Появившиеся в Германии гражданские инициативы она расценивала как начало гражданского непослушания.

(Примечателен тот факт, что, хотя американские студенты, с которыми она училась, считали ее американкой, «как хот-дог» [17], она не приняла американского гражданства, чтобы получать американскую стипендию. Она осталась немкой, взяв только фамилию своего американского отчима, но отказалась от официального удочерения).

На протяжении всей своей общественной и политической деятельности Петра Келли всегда помнила про Менгеля и преступления национал-социализма. В 1982 г., получая альтернативную Нобелевскую премию, она отдавала дань уважения Софии Шолль, участнице антифашистской организации «Белая роза», казненной нацистами [18]. В 1987 г. Петра Келли, единственная из членов бундестага [19], приехала в испанскую Гернику на трагический 50-летний юбилей варварской бомбардировки города нацистской авиацией. Она вступила в СДПГ, так как ее возглавлял Вилли Брандт, немец с «безупречным» прошлым (в период Третьего рейха он находился в эмиграции). Келли считала этого политика близким себе по духу, так как для него, как и для Келли, политика была неотделима от морали.

В центре «зеленой альтернативы» Петры Келли находился человек, поскольку нет ничего ценнее человеческой жизни, которой угрожает существующая среда обитания. Формированию данного убеждения во многом способствовали трагические события, связанные со смертью ее родной сестры Грации Келли, умершей от рака в 1970 г. У Грации была обнаружена злокачественная опухоль, и после трех лет облучения в клиниках США и Германии она умерла. Петра Келли считала, что Грация стала жертвой ядерного века.

В память о своей сестре Петра инициировала создание «Киндерпланет», объединения им. Грации Келли, которое представляло собой «психосоциальную модель» для поддержки детей с онкологическими заболеваниями и их родственников [20], что нашло свое продолжение в поддержке создания больниц и клиник, которые лечили таких детей в Германии и за рубежом [21]. Любовь и сострадание к людям, особенно к детям, остались на всю жизнь.

Смерть сестры стала важным толчком для активного участия Петра Келли в движении против ядерной энергии, используемой как в мирных, так и военных целях. В ноябре 1980 г. она принимала участие в организации и проведении Крефельдского форума ответственности под девизом «Атомная смерть угрожает нам всем. Никаких ядерных ракет в Европе», в феврале 1983 г. – Нюрнбергского трибунала над гонкой вооружений [6. S. 163–165]. Став депутатом бундестага, она активно участвовала в обсуждении вопросов войны и мира на заседаниях парламента, в антивоенных манифестациях (например, в осаде военно-воздушной базы в Битбурге / Рейнланд-Пфальц осенью 1983 г.).

Решение проблем экологии и борьба против ядерной угрозы стали неотъемлемой частью «зеленой альтернативы», реализация которой была возможна, по мнению П. Келли, исключительно путем отказа от применения силы в любых проявлениях [22].

Первоначально отказ от насилия сформировался под влиянием религиозных взглядов Петры Келли, воспитанницы монахинь. (После смерти сестры она вышла из католической церкви [23. S. 35] и приняла буддизм [24]). Позднее он стал одним из основополагающих принципов «зеленой» политики: «Для меня... гражданское непослушание, принцип ненасилия и действительно последовательный принцип ненасилия и свобода от блоковой политики – это столпы “зеленых”» [25].

С точки зрения Петры Келли, мировое насилие «расположено» на двух уровнях [26. S. 15–16]. Первый уровень – это физическое насилие, видимое, без признания географических и культурных границ. Второй уровень – структурное и культурное насилие, невидимое, когда одни имеют привилегии, а другие – нет. И здесь Петра Келли устанавливает прямую связь между милитаризмом, разрушением окружающей среды и дискриминацией по полу как следствием господства мужчин-завоевателей [27. S. 12]. По ее глубокому убеждению, женская эмансипация способствует не только реформированию общества, но и его трансформации. Поставив вопрос о «разделении власти» между мужчинами и женщинами, она считала, что мужчины должны участвовать в ней, только их политике нужно придать духовность [Ibid. S. 40].

Обладая «внеблоковой ментальностью», воспринимая мир как единое целое без границ, провозглашая основополагающими принципами «мир, справедливость, права человека», Петра Келли занимала равноудаленную позицию от сверхдержав. Поэтому, с одной стороны, она пускала голубей мира в Вашингтоне, сжигала бумажные ракеты перед зданием СДПГ в Бонне в 1982 г., а с другой стороны, участвовала в акциях протеста против советских ракет на Александрплатц

в Восточном Берлине и на Красной площади в Москве. Она демонстративно надевала футболки с пацифистской эмблемой «Перекуем мечи на орала» на встречах с Э. Хонеккером в Берлине и К.У. Черненко в Москве.

Окончание «холодной войны» и ее последствия, которые воспринимались ею как «глобализация сверху», разочаровали Петру Келли. Она настороженно, если не негативно, отнеслась к объединению Германии. После немецкого объединения и расширения НАТО на Восток она как эксперт однозначно изложила свою позицию: «У меня есть абсолютно ясная, но жесткая позиция. Я против этой так называемой германизации Средней Европы и Восточной Европы. И я испытываю жуткий страх после этого объединения» [25]. Петра Келли также считала, что после объединения для «зеленой политики» в бундестаге стал характерен «немецкий провинциализм», что «члены партии “зеленых” стали в высшей степени немцами» и примеряют эту немецкость к себе лично и ко всей партии в целом. На что она ответила: «Я – не партийный солдат, поэтому меня это постоянно раздражает» [Ibid.].

Но не это было главным разногласием Келли с ПЗ. За время пребывания «зеленых» в бундестаге самым серьезным модификациям подверглись первоначальные установки ПЗ как «антипартии» и курс на проведение «антиполитики». Разрыв с СДПГ (в связи с уходом В. Брандта с поста канцлера) был тяжело воспринят Петрой Келли, но именно он стал началом ее пути в «антиполитику».

По ее мнению, «антипартия» должна быть антиполитичной [22. S. 20], т.е. стать новой формой власти (как противоборствующая власть), свободной от насильственных изменений и насильственной трансформации. В противовес политической власти, которая навязывается сверху и пассивно воспринимается людьми, антивласть возникает в результате выявления и самореализации собственных сил народа. Не через способность доминировать, подавлять, а через способность изменять, но без использования насилия. Петра Келли была сторонницей «антиполитики», под которой понималась борьба против умственных, пространственных и временных границ, ограничивающих креативность человека и ее реализацию. Поэтому если первоначально она входила в группу «фундаменталистов» ПЗ, то впоследствии стала дистанцироваться от межпартийных противоречий и в ответ на критику создания антипартийной группы заявила, что потерпело неудачу «не наше видение, а наш стиль политики, вечные споры между различными течениями» [27. S. 7].

«Антиполитика», с точки зрения Петры Келли, предполагала и другое понимание роли парламента, поскольку он является не целью, а частью стратегии. Парламент – это не путь к правительственной власти, а общественная сцена для распространения так называемой контринформации в противовес официальной информации для высказывания своей точки зрения [28]. Отсюда постановка «неудобных» вопросов на заседаниях бундестага об участии немецких инженеров в ракетном проекте в Индии, о жертвах нацизма, о статусе Тибета (Петра Келли первая подняла в стенах бундестага проблему населения Тибета, выступая за

его независимость [29]). При этом, критикуя государство, она считала, что «государство делает много скверного, но оно гарантирует права. Недостаточно сказать: “У нас хорошая демократия”. Мы должны ее развивать дальше и улучшать» [27. S. 129].

«Антиполитика» и гражданское общество неотделимы друг от друга. В предисловии к своей последней работе «Думать сердцем» (1990) Петра Келли критически высказалась в адрес реформистского крыла ПЗ. Она беспокоилась о потере «про-зеленой» позиции партии, так как при вступлении ПЗ в немецкий бундестаг в 1983 г. «мы обещали, – отмечала Келли, – что не предадим социальные движения никогда. Это означало для меня укреплять наши “основные коалиции”, например с Гринписом, сторонниками международной амнистии, группами самопомощи, лицами, уклоняющимися от военной службы, родительскими группами больных раком детей, коренными жителями, со старыми и больными людьми. При этом я настойчиво и бескомпромиссно выступала за человека и поднимала те темы, которые оставались до сих пор абсолютно незамеченными... Это на нас лежит ответственность проводить политику таким образом, чтобы она соответствовала интересам человека, самого слабого. Бытие преобладает над обладанием, согласно Эриху Фромму» [15. S. 4].

Данное высказывание являлось выражением понимания Келли «глобализации снизу», в реализацию которой она внесла свой вклад: участвовала в акциях протеста против использования АЭС Каттеном (Франция); выступала в дискуссионном обществе Оксфордского союза по вопросу использования атомной энергии; разоблачала неонацизм в Германии, в Гёте-институте Лос-Анджелеса; протестовала в американском посольстве против насилия концернов в отношении индейцев навахо; принимала активное участие в акции в защиту безатомного Тихого океана; выступала перед обществом Ганди в Лондоне и постоянно вела переговоры с «зелеными» партиями и группами антиатомного сопротивления, борьбы за мир в Австрии, Англии, Польше.

При этом Келли рассматривала международные поездки в качестве важного средства осуществления антиполитики, однако «зеленые» обвиняли ее в «презрении базисом» и даже корысти, когда в 1985 г. она не захотела отдать свой императивный мандат, т.е. следовать принципу ротации, и отказалась от выплаты в экологический фонд.

Главным оппонентом П. Келли по вопросу «антипартии» и «антиполитики» выступал Й. Фишер, первоначально сторонник радикальной анархистской позиции, проделавший путь от уличного борца к партийному. Он вступил в ПЗ, чтобы сделать ее «настоящей партией», «нормальной партией», ориентирующейся не на «совершенствование всего мира», а на решение прагматических задач. «Я – парламентарий телом и душой... Игра за власть – захватывающая вещь» [30. S. 212], – резюмировал он. В 1985 г. Й. Фишер занял министерский пост в земле Гессен, а в 1998 г. стал вице-канцлером. «Если в один прекрасный день “зеленые” начнут отправлять министров в Бонн, тогда это не та ПЗ, которую я бы хотела построить», – сказала Петра

Келли в 1982 г. Она понимала неизбежность заключения компромисса с СДПГ, но упорно отказывалась от этого, называя в качестве условия превращение СДПГ в экологическую партию.

На выборах 1990 г. Петра Келли не прошла в состав германского бундестага: на федеральном собрании членов ПЗ она получила 36 голосов из 650. Келли потеряла харизму? Или ПЗ потеряла свою «зеленую» окраску?

Для ответа на данный вопрос достаточно важными представляются слова самой Петры Келли, сказанные в 1985 г.: «Я всегда остаюсь верной “зеленой” идее, но останется ли “зеленая” партия верной этой идее, я не знаю» [25]. «Зеленая альтернатива» Петры Келли предполагала «инобытие», которое пыталось связать сохранение мира, защиту окружающей среды и феминизм в рамках «зеленой» этики, отклоняя при этом в деятельности партии национальные политические цели. Основой ее «инобытия» была антиполитическая перспектива, фундаментом которой являлся отказ от насилия. Ее можно назвать теоретиком и практиком по осуществлению «глобальной политики», предложившим человечеству концептуальные рамки, где сосуществовали права человека, защита окружающей среды и мир. Она основала или была одним из создателей международных организаций, которые боролись за права человека, за мир, в защиту экологии. При этом

выступала не от имени нации, а от всего человечества. Для нее не существовало национальных границ, когда речь шла о человеческой жизни, тем более жизни ребенка. Она считала необходимым децентрализовать политическую власть, дать возможность локальным объединениям самим решать собственные проблемы, превратить оппозицию в независимого, неполитического арбитра политики.

В конце 1980-х гг. в связи с изменением ситуации в Германии и в мире, когда некоторые лозунги «зеленых» теряли актуальность или были заимствованы другими партиями, членов ПЗ отталкивали не только идеи, но и сама личность Петры Карин Келли. Они не хотели допустить существования какой-либо властной структуры в своей партии, поэтому не принимали харизматичности Келли с ее миссионерским сознанием и природным инстинктом руководителя. Некоторых отталкивала ее морализаторская риторика, ограниченная частная жизнь, бескомпромиссная позиция.

Келли, острый аналитик и эмоциональный интеллигент, вела себя, как казалось, неблагоразумно и наивно. Борец по натуре, вопреки слабому здоровью, она требовала от людей максимальной самоотдачи, чего ожидать от человека «общества потребления» не стоило. Но, проиграв с точки зрения «зеленых», она оставила людям надежду на выживание, акцентируя внимание в пространстве политики на понятии совести.

ЛИТЕРАТУРА

1. Der Spiegel. 1984. № 3, 16 Jan.
2. Die Welt. 1983. № 59.
3. Kelly P. Und dann sitzt du oft ohnmächtig vor all diesen wichtigen Problemen // Jäger B., Pini C. Zwischen Rotation und Routine. Die Grünen im Bundestag. Kiepenheuer & Witsch GmbH, 1988. P. 127–136.
4. Frankfurter Allgemeine Zeitung. 2010. 17 Nov.
5. Friedt M. Petra Kelly und Gert Bastian. Tödliche Schüsse im Reihenhause // Spiegel online. 2017. 29 Nov. URL: <http://www.spiegel.de/einestages/petra-kelly-und-gert-bastian-tod-der-pazifistin-und-des-ex-generals-a-1180659.html>
6. Sperr M. Petra Karin Kelly: Politikerin aus Betroffenheit. München : C. Bertelsmann, 1983.
7. Schwarzer A. Eine tödliche Liebe: Petra Kelly und Gert Bastian. Frankfurt am Main ; Wien : Büchergilde Gutenberg, 1993.
8. Richter S. Die Aktivistin: das Leben der Petra Kelly. München : Dt. Verl.-Anst., 2010.
9. Camp R. Das Petra-Kelly-Archiv. URL: <https://www.boell.de/de/navigation/archiv-2122.html>
10. Frankfurter Allgemeine. 1983. № 57, 9 März.
11. Die Grünen. Das Bundesprogramm. Bonn, 1980.
12. Friedemann K. Die GRÜNEN – Eine postmaterialistische Partei. München : GRIN Verlag, 2009.
13. Mende S. Die Formierung der „Gründungsgrünen“ in der Bundesrepublik der siebziger und frühen achtziger Jahre. URL: <http://cle.ens-lyon.fr/allemand/civilisation/histoire/les-deux-allemande-1949-1990>
14. Kelly P. Die vierte Partei-eine wählbare, ökologische, gewaltfreie, soziale und basis demokratische Antipartei // Die Grünen: Personen, Projekte und Programme. Stuttgart, Degerloch : Seewald, 1980. P. 62–80.
15. Keller S. Günzburg und der Fall Josef Mengele. Die Heimatstadt und die Jagd nach dem NS-Verbrecher. München : Oldenbourg Wissenschaftsverlag GmbH, 2003.
16. Kelly P. Mit dem Herzen denken: Texte für eine glaubwürdige Politik. München : Beck, 1990.
17. Fromm A. Petra Kelly ZEIT Campus Nr. 2/2014. URL: <https://www.zeit.de/campus/2014/02/ehemaligenverein-petra-kelly>
18. Acceptance speech – Petra Kelly. URL: <https://www.rightlivelivelihoodaward.org/speech/acceptance-speech-petra-kelly>
19. Niebel I. Petra Kelly y Gernika. URL: http://www.bombardeodegernika.org/descargas/petra_kelly_gernika.pdf
20. Grace P. Kelly Vereinigung. URL: <https://www.grace-p-kelly-vereinigung.de/.../40+Jahre+GPK>
21. Kelly P. Viel Liebe gegen Schmerzen Krebs. Reinbek, Hamburg : Rowohlt, 1988.
22. Kelly P. Um Hoffnung Kämpfen: gewaltfrei in eine Grüne Zukunft. Bornheim-Merten : Lamuv, 1983.
23. Schlötzer-Scotland Ch. Mit dem Herzen denken. Petra Kelly // Jahrhundertfrauen. Ikonen, Idole, Mythen / hrsg. von C. Kahlweit. München, 2000. P. 34–41.
24. Kelly P., Bstan-vdzin-rgya-mtsho, Dalai Lama XIV. «Tu es, fang an, und die Welt wird sich ändern!»: Gedanken von Petra Kelly und Seiner Heiligkeit, dem XIV. Dalai Lama. Ludwigsburg : Pop, 2008.
25. Kelly P. Lebensspuren einer Polit-Ikone. URL: <https://www.swr.de/-/id.../nid.../swr2-wissen-20121011.pdf>
26. Bevan R.A. Petra Kelly: Die andere Grüne // Grünes Gedächtnis 2008. Berlin : Heinrich-Böll-Stiftung, 2007. P. 10–38.
27. Kelly P. Thinking green! : essays on environmentalism, feminism, and nonviolence. Berkeley, CA : Parallax press, 1994.
28. Deutscher Bundestag. Stenographischer Bericht 234. Sitzung Bonn, Mittwoch, den 31. Oktober 1990. P. 18753–18754. URL: <http://dipbt.bundestag.de/dip21/btp/11/11234>
29. Kelly P. Tibet klagt an: zur Lage in einem besetzten Land. Wuppertal : Hammer, 1992.
30. Krause-Burger S. Joschka Fischer: Der Marsch durch die Illusionen. Stuttgart : DVA, 1999.

Evdokimova Tatyana V. Volgograd State Socio Pedagogical University (Volgograd, Russia). E-mail: eva_tan@mail.ru

PETRA KARIN KELLY AND HER "GREEN INITIATIVE"

Keywords: Petra Karin Kelly; "green" alternative; ecology; human rights; non-violence; "anti-party"; Germany; humanity.

The article is devoted to Petra Karin Kelly, an active participant in the anti-war movement in the Federal Republic of Germany, one of the founders of the West German Green Party, a member of the Bundestag, who is undeservedly deprived of national historiography. Based on the works of P. Kelly, party and government documents, materials of German and foreign media, an analysis of the "green alternative" by P. Kelly is presented in a theoretical aspect and in terms of its practical implementation. The purpose of the article is to find out the reasons for the evolution of attitudes toward P. Kelly on the part of German society, from the sharp increase in its popularity to oblivion. The emergence of the "green" FRG party is seen as the result of the intensification of new social movements that had significant democratic potential in the conditions of the transition of West German society from materialistic to post-materialistic ones. The formation of the worldview and life position of P. Kelly is studied in the historical and political context taking into account the circumstances of her personal life, which contributed to the development of P. Kelly as a committed human rights defender, advocate of non-violent actions, an active participant in the movement to save humanity from a nuclear and environmental disaster. Already at the turn of the 1970-1980s she acted as one of the first theorists of globalization, as her "green alternative" represented the system of views that was distinguished by extra-class "planetary" consciousness. The pillars of the "green policy" - protection of the environment, support for the socially deprived strata of the population, basic democracy, freedom from violence - did not have a national framework. The created party, which proclaimed itself as "anti-party", represented the interests of the protest potential outside the existing party-parliamentary system. It was at this stage - from the creation of the party to the first years of being in the Bundestag (1980-1984) - that P. Kelly's popularity in West German society reached its peak. When P. Kelly, as a member of the Bundestag (1985-1990), began to defend the security of human society on an international scale, seeking the "globalization of consciousness" of the German parliament, her strategy came into conflict with the political realities of the Federal Republic of Germany. The Green Party was becoming increasingly institutional, systemic, seeking to raise its status in power in the face of declining anti-war and environmental movement; P. Kelly in her turn was less institutional and non-systemic, striving to "be, not to have", who wanted to preserve her spiritual component and individuality. The end of the Cold War, changes in Western and Eastern Europe and their consequences for the development of the Third World countries were perceived by her as an imposed "globalization from above" which she contrasted to "globalization from the bottom". She reacted negatively to the unification of Germany, which led, from her point of view, to weakening of the "green" color of the "green" party. And that abandoned "non-German" Petra Kelly. The tragic, violent death, and so far unexplained, contradicted her whole life concept. For the German regional organizations of the "green" and the international civil society, she remained an example of a person who introduced the concept of "conscience" into political discourse.

REFERENCES

1. *Der Spiegel*. (1984). 16th January.
2. *Die Welt*. (1983) 59.
3. Kelly, P. (1988) Und dann sitztest du oft ohnmächtig vor all diesen wichtigen Problemen [And then you often sit unconscious in front of all these important problems]. In: Jäger, B. & Pini, C. (eds) *Zwischen Rotation und Routine. Die Grünen im Bundestag* [Between rotation and routine. The Greens in the Bundestag]. Kiepenheuer & Witsch GmbH. pp. 127-136.
4. *Frankfurter Allgemeine Zeitung*. (2010) 17th November.
5. Friedt, M. (2017) *Petra Kelly und Gert Bastian. Tödliche Schüsse im Reihenhaus 29.11.2017* [Petra Kelly and Gert Bastian. Lethal shots in the row house in November 29, 2017]. [Online] Available from: <http://www.spiegel.de/einestages/petra-kelly-und-gert-bastian-tod-der-pazifistin-und-des-ex-generals-a-1180659.html>.
6. Sperr, M. (1983) *Petra Karin Kelly: Politikerin aus Betroffenheit* [Petra Karin Kelly: a politician out of concern]. München: C. Bertelsmann.
7. Schwarzer, A. (1993) *Eine tödliche Liebe: Petra Kelly und Gert Bastian* [Deadly Love: Petra Kelly and Gert Bastian]. Frankfurt am Main; Vienna: Büchergilde Gutenberg.
8. Richter, S. (2010) *Die Aktivistin: das Leben der Petra Kelly* [The activist: the life of Petra Kelly]. Munich: Dt. Verl.-Anst.
9. Cămp, R. (n.d.) *Das Petra-Kelly-Archiv* [The Petra Kelly Archive]. [Online] Available from: <https://www.boell.de/de/navigation/archiv-2122.html>.
10. *Frankfurter Allgemeine*. (1983) 9th March.
11. Germany. (1980) *Die Grünen. Das Bundesprogramm* [The Greens. The Federal Program]. Bonn: [s.n.].
12. Friedemann, K. (2009) *Die GRÜNEN – Eine postmaterialistische Partei* [The GREENS - A post-materialist party]. Munich: GRIN Verlag.
13. Mende, S. (n.d.) *Die Formierung der Gründungsgrünen in der Bundesrepublik der siebziger und frühen achtziger Jahre* [The formation of the "founding greens" in the Federal Republic of the seventies and early eighties]. [Online] Available from: <http://cle.ens-lyon.fr/allemand/civilisation/histoire/les-deux-alle-magne-1949-1990>.
14. Kelly, P. (1980) Die vierte Partei-eine wählbare, ökologische, gewaltfreie, soziale und basis demokratische Antipartei [The Fourth Party – an electoral, ecological, non-violent, social and grassroots democratic antiparticle]. In: Lüdke, H.-W. & Dinne, O. (eds) *Die Grünen: Personen, Projekte und Programme* [The Greens: people, projects and programs]. Stuttgart, Degerloch: Seewald. pp.62-80.
15. Keller, S. (2003) *Günzburg und der Fall Josef Mengele. Die Heimatstadt und die Jagd nach dem NS-Verbrecher* [Günzburg and the case of Josef Mengele. The hometown and the hunt for the Nazi criminal]. Munich: Oldenbourg Wissenschaftsverlag GmbH.
16. Kelly, P. (1990) *Mit dem Herzen denken: Texte für eine glaubwürdige Politik* [Thinking with the Heart: Texts for a credible policy]. Munich: Beck
17. Fromm, A. (2014) *Petra Kelly ZEIT Campus Nr. 2/2014* [Petra Kelly ZEIT Campus No. 2/2014]. [Online] Available from: <https://www.zeit.de/campus/2014/02/ehemaligenverein-petra-kelly>.
18. Kelly, P. (n.d.) *Acceptance speech*. [Online] Available from: <https://www.rightlivelivelihoodaward.org/speech/acceptance-speech-petra-kelly>.
19. Niebel, I. (n.d.) *Petra Kelly y Gernika*. [Online] Available from: http://www.bombardeodegernika.org/descargas/petra_kelly_gernika.pdf.
20. Germany. (n.d.) *Grace P. Kelly Vereinigung* [Grace P. Kelly Association]. [Online] Available from: <https://www.grace-p-kelly-vereinigung.de/.../40+Jahre+GPK>.
21. Kelly, P. (1988) *Viel Liebe gegen Schmerzen Krebs* [Much love against pain cancer]. Reinbek, Hamburg: Rowohlt.
22. Kelly, P. (1983) *Um Hoffnung kämpfen: gewaltfrei in eine Grüne Zukunft* [Fighting Hope: Nonviolent in a Green Future]. Bornheim-Merten: Lamuv.
23. Schlötzer-Scotland, Ch. (2000) Mit dem Herzen denken. Petra Kelly [Thinking with the heart. Petra Kelly]. In: Kahlweit, C. von (ed.) *Jahrhundertfrauen. Ikonen, Idole, Mythen* [Women of the Century. Icons, idols, myths]. Munich: C.H.Beck. pp. 34-41.
24. Kelly, P. (2008) *Bstan-vdzin-rgya-mtsho, Dalai Lama XIV. "Tu es, fang an, und die Welt wird sich ändern!": Gedanken von Petra Kelly und Seiner Heiligkeit, dem XIV Dalai Lama* [Bstan-vdzin-rgya-mtsho, Dalai Lama XIV. "Do it, start, and the world will change!": Thoughts of Petra Kelly and His Holiness Dalai Lama XIV]. Ludwigsburg: Pop.

25. Kelly, P. (2012) *Lebensspuren einer Polit-Ikone* [Traces of life of a political icon]. [Online] Available from: <https://www.swr.de/-/id.../nid.../swr2-wissen-20121011.pdf>.
26. Bevan, R.A. (2007) Petra Kelly: Die andere Grüne [Petra Kelly: The Other Green]. In: *Grünes Gedächtnis 2008* [Green Memory 2008]. Berlin: Heinrich-Böll-Stiftung, 2007, pp. 10-38.
27. Kelly, P. (1994) *Thinking green!: essays on environmentalism, feminism, and nonviolence*. Berkeley, Calif.: Parallax press.
28. German Bundestag. (1990) *Stenographischer Bericht 234. Sitzung Bonn, Mittwoch, den 31. Oktober 1990* [Stenographic Report 234th Session Bonn, Wednesday, October 31, 1990]. pp. 18753–18754. [Online] Available from: <http://dipbt.bundestag.de/dip21/btp/11/11234>.
29. Kelly, P. (1992) *Tibet klagt an: zur Lage in einem besetzten Land* [Tibet accuses: On the situation in an occupied country]. Wuppertal: Hammer.
30. Krause-Burger, S. (1999) *Joschka Fischer: Der Marsch durch die Illusionen* [Joschka Fischer: The march through the illusions]. Stuttgart: DVA.

УДК 94(430).087
DOI: 10.17223/19988613/57/19

Е.А. Жаронкина, В.Г. Дорохов

«ПРИНУЖДЕНИЕ К ДЕМОКРАТИИ»: АДМИНИСТРАТИВНЫЙ РЕСУРС АМЕРИКАНСКОЙ ЗОНЫ ОККУПАЦИИ ГЕРМАНИИ В ДЕЙСТВИИ (1945–1949 гг.)

Рассматриваются основные направления политики американской военной администрации по демократизации и денацификации послевоенной Германии, проанализированы ее результаты. Выявлены методы, при помощи которых американские оккупационные власти стремились решить проблему «демократизации» на основе американских демократических традиций. Показана роль военной администрации в восстановлении демократических институтов и формировании западногерманского государства. Сделан вывод, что осуществление демократических преобразований проходило под постоянным контролем со стороны оккупационных властей.

Ключевые слова: Германия; оккупация; военная администрация; демократизация; денацификация.

После поражения во Второй мировой войне Германия была оккупирована войсками четырех держав: СССР, США, Великобритании и Франции. Оккупация страны, по замыслу союзников, должна была привести к коренному переустройству всех сфер жизни немецкого общества. При этом задачи, которые они ставили перед собой, были очень сложными, более того, многие из них приходилось решать впервые. Ситуация осложнялась тем, что помимо уничтожения экономической инфраструктуры, в Германии были практически полностью парализованы органы власти и управления. Глубинной целью воссоздания немецкого государства на демократической основе было полное подавление сопротивления со стороны оставшихся сторонников нацизма и реорганизация жизни страны на новом фундаменте.

Исходя из этого понимания, одной из главных задач, которая встала перед союзниками, было возрождение либерально-демократических институтов, разрушенных за годы нацистской диктатуры. Для этого предполагалось осуществить комплекс мер, объединенных под названием «демократизация». В Потсдамском протоколе и в директиве JCS 1067 – официальном программном документе американской военной администрации в Германии (далее АВАГ), демократизация признавалась одной из главных целей оккупационной политики [1. Р. 76–78].

Составной частью политики демократизации и одновременно одной из противоречивых проблем, возникших перед американцами после поражения Германии, была проблема денацификации. С подобной задачей союзные оккупационные силы столкнулись впервые, поэтому разрешение данной проблемы они рассматривали как важнейшее при решении германского вопроса. О сложности осуществления этого процесса свидетельствует тот факт, что в ноябре 1945 г. еще около 50% немцев считали национал-социализм хорошей идеей, но плохо воплощенной [2. Р. 171–172]. Несмотря на первоначальный замысел, предполагавший строгий и жесткий подход к денацификации, в американской оккупационной зоне она была проведена достаточно «мягко» и не была лишена ошибок. В частности, ошибкой стоит считать превращение денаци-

фикации как процесса регулируемого очищения в массовую чистку, в ходе которой разница между высшими партийными функционерами и массой рядовых членов многочисленных нацистских организаций была практически нивелирована. Немцы, которые первыми попали под ее осуществление, были наказаны гораздо более строго. Причем в основном это были как раз те, кто лишь формально являлся нацистом. Постепенно процедура денацификации смягчалась, и получалось, что виновные в гораздо более серьезных и тяжких преступлениях были наказаны мягче либо не наказаны вообще.

Несоразмерность вынесенных приговоров породила в широких массах рядовых немцев ощущение несправедливости. Это привело к тому, что количество немцев, выражавших одобрение методам американской денацификации, становилось с каждым годом все меньше: от 57% в марте 1946 г. до 17% в мае 1949 г. [3. Р. 304–305]. Основную критику и недовольство немецкого населения вызывало практическое осуществление денацификации, при котором ее реальными «жертвами» стали номинальные, а не действительные нацисты. Не устраивала немцев и практика увольнения с занимаемых должностей, поскольку это влекло за собой значительное ухудшение их материального положения. Однако это не означало, что немцы враждебно относились к самой идее денацификации. Наоборот, более 50% проживающих в американской зоне поддерживали эту идею.

Другой важной составной частью политики демократизации немецкого общества стала деятельность АВАГ в области «перевоспитания» немцев в проамериканских демократических традициях. В этом направлении оккупационным властям удалось добиться определенных успехов. Как и в политической сфере, американская администрация стремилась к тому, чтобы возрождение общественной и культурной жизни было главным образом обязанностью самих немцев под американским надзором и контролем. Однако в некоторых случаях она могла действовать достаточно жестко, оказывая непосредственное давление на немцев. Еще весной 1945 г. руководители американских и английских оккупационных войск не верили в готов-

ность немцев к демократическим преобразованиям. Американский военный губернатор Л. Клей в своих мемуарах не скрывал того факта, насколько трудным было «проникнуть в сознание немцев» и «преодолеть цинизм аудитории Геббельса». [4. Р. 281–282]. Достичь этой цели предполагалось через демократизацию системы образования, культурную политику, возрождение свободной прессы и других средств массовой информации. И хотя, как вспоминал Л. Клей, «...мы с самого начала приняли решение не использовать непосредственную пропаганду... но делать это всеми доступными средствами: информационными и образовательными, журналами, прессой, радио, книгами, кинофильмами, театром, музыкой, лекциями; на собраниях профсоюзов, в школах, в церквях» [Ibid. Р. 283], в реальности большая часть мероприятий носила пропагандистский характер.

Еще до окончания войны американцы предприняли попытку пробудить в немцах чувство «коллективной вины» или «коллективной ответственности» за преступления нацизма. При этом стояла задача не столько убедить в этом немецкое население, сколько способствовать, чтобы немцы сами осознали свою ответственность. Для этого применялись различные средства, например плакаты с изображениями жертв концентрационных лагерей, подпись к которым гласила: «Вы виновны в этом!» или «Эти зверства: ваша вина!», немцам демонстрировали документальные фильмы, снятые в концентрационных лагерях. Военная администрация исходила из ложного представления, что принятие немцами своей вины и ответственности за нацистские преступления будет первым шагом в их перевоспитании на пути к демократии. Однако уже к концу 1945 г. стало понятным, что подобная плохо продуманная пропагандистская кампания не достигла своих целей, так как немцы в подавляющем большинстве отвергали идею «коллективной вины». Такая же неудача постигла и американскую политику «небрата-ния»: в первые месяцы оккупации Германии в американской зоне существовал запрет на неформальные контакты американских войск и немецкого населения. В июле 1945 г. в интервью газете «Нью-Йорк Таймс» один из военнослужащих пояснил, что запрет на дружеское общение должен был «показать немцам, что... мы не хотим иметь никакого к ним отношения, пока не почувствуем, что они снова готовы войти в мировое сообщество» [5. Р. 8]. По факту к концу 1945 г. стало понятно, что подобная тактика была малопродуктивна и скорее мешала, чем способствовала демократизации. К тому же американский персонал довольно часто игнорировал этот запрет, особенно в отношениях с детьми.

Американская военная администрация осознавала потребность как в уничтожении национал-социализма и разрушении основ авторитарного государства, так и в необходимости укрепления демократических сил, восстановления деятельности демократических политических институтов через возрождение многопартийной системы и органов немецкого самоуправления. С самого начала оккупационные власти стремились не допускать появления на политической арене большого количества партий, а также партийных объединений,

занимавших крайние позиции в партийном спектре. Только большие умеренные партии могли в американском представлении стать действенной гарантией политической стабильности. Официально военная администрация провозгласила свободу и равенство всех демократических политических партий, декларировала свой политический нейтралитет и избегала открыто отдавать предпочтение каким-либо партиям. Однако не оказывая напрямую воздействия на партийные программы, не продвигая нужных партийных функционеров и не вмешиваясь во внутрипартийные споры, оккупационная администрация, тем не менее, благодаря процедуре лицензирования успешно сохраняла контроль над деятельностью партий, ограничивая развитие или вообще запрещая неудобные партии. Так, из четырех главных партий в американской зоне наибольшей симпатией и поддержкой оккупационных властей пользовались ХДС/ХСС, а Баварская отечественная и монархическая партия была запрещена на том основании, что идея восстановления монархии несовместима с демократией и противоречит целям американской оккупационной политики [6. Р. 672–674]. Мелкие партии оккупационные власти вынуждали примыкать к более крупным либо старались не допустить их роста, ограничить деятельность таких партий окружным уровнем, под разными предлогами отказывая в земельной лицензии (как было с Национальной партией в Гессене).

Следует отметить, что развитие политической жизни в Германии в рассматриваемый период проходило на фоне возрастающей напряженности в отношениях между Востоком и Западом. Это напрямую отразилось на положении Коммунистической партии в американской зоне. Хотя оккупационные власти официально заявляли о своем политическом нейтралитете по отношению ко всем партиям, КПГ всегда была под их пристальным вниманием. Несмотря на явное желание запретить деятельность компартии в американской зоне, военная администрация не решилась на такой шаг, поскольку это могло дать СССР лишний повод для усиления антизападной пропаганды. К тому же партия могла развернуть подпольную деятельность, и ее было бы труднее контролировать. Понимая это, американцы пошли другим путем: всеми возможными способами они стремились ограничить влияние КПГ. В вопросах предоставления материальной помощи или доступа к средствам массовой информации приоритет отдавался некоммунистическим партиям, в первую очередь ХДС. Это в очередной раз подтверждает тезис, что американские оккупационные власти, предоставив немцам свободу политического выбора, никогда не забывали о своих собственных интересах.

Прямое американское управление постепенно прекратилось к концу 1946 г., когда американская военная администрация, первая среди союзников, провела в своей зоне оккупации свободные выборы. В январе 1946 г. состоялись выборы в советы общин, а в ноябре-декабре 1946 г. прошли референдумы, на которых были одобрены земельные конституции. Проведение выборов и принятие конституций земель, разграничение полномочий между оккупационными и немецкими властями позволили военной администрации изменить

свою роль и перейти от прямого управления политической жизнью к косвенному контролю и наблюдению за ней. В этом смысле возрождение немецкой общественно-политической жизни на демократической основе хорошо укладывалось в логику восстановления органов местного самоуправления, но уже состоявших из немцев. Стойкое стремление военной администрации передать максимум властных полномочий немцам было характерной чертой американской оккупационной политики. Это можно объяснить как необходимостью демобилизации американской армии и сокращением оккупационного аппарата и затрат на него, так и утилитарным желанием американцев разделить ответственность за послевоенное развитие Германии с немцами. Восстановление демократических институтов в Германии и передача управленческих функций проходили постепенно, снизу вверх: от местного уровня до земельного и далее зонального. Например, деятельность немецких партий была разрешена сначала только на окружном уровне, а затем уже стали появляться земельные и зональные партийные организации. Свободные демократические выборы были проведены на уровне муниципалитетов и только потом в ландтаги. Так же постепенно проходила и передача управленческих функций: от восстановления местных органов власти до вручения всей полноты власти правительств земель. Назначенные американцами должностные лица, заменялись избранными представителями на всех уровнях власти.

Помимо контроля над политической сферой при осуществлении политики демократизации одним из серьезных ограничений в культурной жизни на начальном этапе стал запрет на любую публицистическую или культурную деятельность самих немцев. Предполагалось, что возобновлением деятельности прессы и радио, театральной и музыкальной жизни, кинематографа и тому подобного могут заниматься только политически надежные и не запятнавшие себя связью с национал-социализмом немцы. Это было возможно лишь после регистрации и получения лицензии от АВАГ. Получение лицензии на выпуск газеты было настолько желанным, что среди немецких издателей появилось выражение: «Лицензия на выпуск газеты – то же самое, что разрешение печатать деньги» [7. Р. 14]. На протяжении всего периода оккупации американская администрация внимательно следила за всеми публикациями в прессе, хотя жесткой предварительной цензуры издаваемых материалов не осуществляла уже с августа 1945 г.

На страницах печатных изданий разрешались свободное обсуждение политических проблем, комментарии относительно политики оккупационных властей. Однако средствам массовой информации в американской зоне, как и в других оккупационных зонах Германии, запрещались: 1) пропаганда нацистских, милитаристских, антидемократических и тому подобных идей; 2) критика политики или персонала военной администрации; 3) распространение информации, вызывающей недоверие и враждебность немцев к оккупационным властям, а также информации, призывающей к сопротивлению политике властей [8. Р. 29].

Вся ответственность за содержание публикуемой информации полностью возлагалась на редакторов и издателей, и если напечатанная информация не устраивала американские власти, редактор и издатель могли получить предупреждение или выговор и были обязаны внести исправления. Крайней мерой был отзыв лицензии на издательскую деятельность. Таким образом, военная администрация определила границы приемлемого и дозволенного в информационной сфере и имела полную возможность контролировать содержание и направленность информации в своей зоне ответственности. Тех же, кто не придерживался правил игры, серьезно наказывали. Например, в апреле 1947 г. был закрыт популярный журнал «Руф», на страницах которого авторы продвигали идею о третьем, европейском пути развития Германии между Востоком и Западом, критически оценивали деятельность военной администрации и политическую линию союзников. Но оккупационные власти сочли его прокоммунистическим и закрыли «за нигилизм».

В первые месяцы оккупации, когда издававшихся газет и журналов было явно недостаточно, одним из основных источников информации о событиях внутри страны и за ее пределами стало радио, которое к тому же служило мощным инструментом пропаганды, особенно после начала «холодной войны». Особый размах антикоммунистическая пропаганда приняла с началом берлинского кризиса, когда было установлено круглосуточное радиовещание. Подобная кампания была развернута и в других официальных СМИ. К этому времени усилия американских оккупационных властей в «перевоспитании» немцев все более смещаются в сторону идеологического конфликта с коммунизмом и переориентации немцев на западные стандарты демократии. При этом подчеркивается, что понятия «демократия» и «коммунизм» являются взаимоисключающими. Однако, несмотря на ряд ограничений (выдача лицензий, денацификация, запрет критики оккупационных властей), культурная жизнь в американской зоне развивалась достаточно свободно, без значительного вмешательства АВАГ. В целом, американская политика «перевоспитания» сыграла важную роль в демократизации немецкого общества и способствовала культурному и духовному перерождению Германии.

Необходимо понимать, что весь комплекс изменений, осуществленный в западных оккупационных зонах под эгидой демократизации, в конечном итоге способствовал разделению немецкого государства на две части. Когда в июле 1948 г. военные губернаторы трех оккупационных зон представили премьер-министрам одиннадцати западногерманских земель так называемые «франкфуртские документы», немецкие политики, не желая способствовать разделению Германии, отказались их принять в том виде, в каком они предлагались союзниками. Логичным итогом этой обструкции стала резкая критика со стороны Л. Клея, обвинившего немецких политиков в нерешительности и выразившего сильное разочарование их позицией: «Ваши решения разочаровывают, так как русские будут теперь ссылаться на то, что немцы не хотели западного государства и что его желали только амери-

канцы. Таким образом, своими решениями Вы бесцеремонно обошлись с Вашими настоящими помощниками и друзьями – американцами» [9. С. 408–409]. Понимая невозможность длительной конфронтации с оккупационными властями, находясь фактически под прямым давлением АВАГ, немцы вынуждены были изменить свою позицию. Как позже отмечал в своих мемуарах известный западногерманский политик Ф.-Й. Штраус, принимавший участие в работе Экономического совета: «Все наши решения в обязательном порядке подлежали утверждению американцами... при всем при том не создавалось такого впечатления, будто мы в глазах американцев были простыми марионетками, которых держат за нитки, или будто американцы принимают решения по своему произволу и капризу. Напротив, они давали нам понять, что мы тоже имеем право голоса – и это соответствовало действительности. И все-таки когда

речь заходила о чем-то важном для них, американцы пускали в ход все свое влияние» [10. С. 101]. Фактически это означало признание того факта, что процесс демократизации так или иначе был управляемым и подконтрольным американской военной администрации.

Таким образом, «принуждение к демократии» со стороны американцев носило комплексный характер и затронуло все сферы жизни немецкого общества. Поскольку практического опыта в проведении подобных мероприятий еще не было, американские оккупационные власти находили правильные (на их взгляд) направления путем проб и ошибок. Была возрождена политическая многопартийная система, культурная и экономическая жизнь получила мощный толчок для своего развития. Конечным итогом этих процессов стало создание на обновленной основе демократического западногерманского государства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Directive to Commander in Chief of United States Forces of Occupation regarding the Military Government of Germany (JCS 1067) // Germany under occupation: illustrative materials and documents. Ann Arbor, 1949. 317 p.
2. Balfour M. Four-Power Control in Germany and Austria 1945–1946 / M. Balfour, J. Mair. London–New York–Toronto, 1956. 381 p.
3. Public opinion in occupied Germany: The OMGUS Surveys, 1945–1949 / ed. by A.J. Merrit, R.L. Merrit. Urbana–Chicago–London, 1970. 320 p.
4. Clay L.D. Decision in Germany. New York, 1950. 505 p.
5. The New York Times. 1945. 10 July.
6. Foreign Relations of the United States. 1946. Washington. 1969. Vol. V: The British Commonwealth; Western and Central Europe. 1109 p.
7. Weekly Information Bulletin / Office of the Assistant Chief of Staff, G-5 Division USFET, Information Branch. August 1945. №2.
8. Control Council Directive № 40: Policy to be Followed by German Politicians and the German Press, 3 February 1947 // The German Press in the U.S. Occupied Area 1945–1948. Special report of Military Governor / Office of Military Government for Germany (U.S.). November 1948. 39 p.
9. Из ответа американского военного губернатора Л. Клея на «Кобленцские решения» 14 июля 1948 г. // История Германии : учеб. пособие для студентов вузов : в 3 т. / под общ. ред. Б. Бонвеча, Ю.В. Галактионова. Кемерово : Кузбассвузиздат, 2005. Т. 3: Документы и материалы. 544 с.
10. Штраус Ф.Й. Воспоминания / пер. с нем. М., 1991. 560 с.

Zharonkina Elena A. Kemerovo State University (Kemerovo, Russia). E-mail: zharonkina@mail.ru

Dorokhov Valeriy G. Kemerovo State University (Kemerovo, Russia). E-mail: dorohov_@mail.ru

“COMPULSION TO DEMOCRACY”: THE ADMINISTRATIVE CAPACITY IN ACTION WITHIN AMERICAN ZONE OF OCCUPATION IN GERMANY (1945–1949)

Keywords: Germany; occupation; military government; democratization; denazification.

The authors of this research strived to unveil in their article the main lines of “democratization” process in American occupation zone following the defeat of Nazi Germany and the extent to which the “administration capacity” was used for the realization of given policy. Throughout the research, it was determined, that the purpose of such capacity was significant due to the specifics of social fabric of Germany. Being under long-lasting Nazi dictatorship, the majority of Germans were incapable of instant transitioning into reality imposed by American models of culture, economics and politics. Realizing, that a simple lunch of such process is impossible, in the meantime seeking to deprive Germany of possibility to unwind a new world war, the American military government came to the right decision of necessity in conducting the “democratization” process by force, thus pushing Germans to move in the correct direction for Americans. The research builds on such central source as the directive JCS 1067 of the Supreme Commander of USA Forces (April 1945), that exposes main vectors of new policy of the democratization. As part of the reorganization of German political field, the procedure of denazification took place. The specifics of holding this resulted from the fact that nothing alike had ever been carried out before, therefore the precedents did not exist. As part of the earlier stages in realization of the policy mentioned above (Spring–Fall 1945), there were excesses, connected with false understanding that acknowledging the concept of “collective fault” from the German side would be that trigger initiating all of the following democratization mechanisms at the formation of new political and social landscape of Germany. In 1946 and 1947, Americans directed major efforts to blaming the key Nazi criminals and doing fundamental changes to the entire political system. Since 1948, the military administration had begun doing the state reconstructions, but not the social cleansing among Germans from Nazi’s legacy. It is worth emphasizing, that a core focus on administrative regulation of democratization process was made on implementing implicit leverage. It is about licensing procedure, be it the political party foundation or publishing new press. The authors came to conclusion, that regardless of tough procedure of “democracy compulsion”, political and cultural reality in American occupation zone evolved rapidly and in general, the tasks given were resolved on formal grounds by summer 1948. By that moment, direct administration had not been used anymore, since American military government understood, that a fresh foundation for German state was established in American occupation zone and as a result, it was necessary to share the burden of German districts’ leadership with Germans themselves, however in terms of the formation of independent West German State (1949).

REFERENCES

1. USA. (1949) Directive to Commander in Chief of United States Forces of Occupation regarding the Military Government of Germany (JCS 1067). In: Pollock, J.K., Meisel, J.H. & Bretton, H.L. *Germany under occupation: illustrative materials and documents*. Ann Arbor.
2. Balfour, M. & Mair, J. (1956) *Four-Power Control in Germany and Austria 1945–1946*. London; New York; Toronto: Oxford University Press. DOI: 10.2307/1952463
3. Merrit, A.J. & Merrit, R.L. (eds) *Public opinion in occupied Germany: The OMGUS Surveys, 1945–1949*. Urbana; Chicago; London: University of Illinois Press.
4. Clay, L.D. (1950) *Decision in Germany*. New York: William Heinemann Medical Books.
5. *The New York Times*. (1945). 10th July.
6. Everett Gleason, S. (1969) *Foreign Relations of the United States. 1946. Volume V. The British Commonwealth; Western and Central Europe*. Washington: United States Government Printing Office.
7. *Weekly Information Bulletin*. (1945) Office of the Assistant Chief of Staff, G-5 Division USFET, Information Branch. 2.
8. Office of Military Government for Germany (U.S.). (1948) Control Council Directive №40: Policy to be Followed by German Politicians and the German Press, 3 February 1947. In: *The German Press in the U.S. Occupied Area 1945–1948. Special report of Military Governor*. November 1948.
9. Clay, L. (2005) Iz otveta amerikanskogo voennogo gubernatora L. Kleya na “Koblentsskie resheniya” 14 iyulya 1948 g. [From the answer of the American military governor L. Clay to the “Koblenz decisions” on July 14, 1948]. In: Bonwech, B. & Galaktionov, Yu.V. (eds) *Istoriya Germanii* [History of Germany]. Vol. 3. Kemerovo: Kuzbasvuzizdat.
10. Strauss, F.J. (1991) *Vospominaniya* [Memories]. Translated from German by F.J. Strauss. Moscow: [s.n].

УДК 930.1(44)"19"
DOI: 10.17223/19988613/57/20

Н.Г. Костромина

ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕХОДА ОТ ТОТАЛИТАРИЗМА К ДЕМОКРАТИИ В РАБОТАХ ФРАНЦУЗСКОГО ПОЛИТОЛОГА И СОЦИОЛОГА РАЙМОНА АРОНА

Рассматривается взгляд известного французского политолога и социолога Раймона Арона на проблемы перехода от тоталитаризма к демократии. Выделены направления и схемы анализа тоталитарных режимов, выявлены их главные недостатки, анализируются основные труды Арона по данной проблематике. Показаны важность и дискуссионность представлений о либерализме. Анализ представленных схем либерализации тоталитарных режимов, проведенный Ароном, является комплексным и всесторонним.

Ключевые слова: Раймон Арон; демократия; тоталитаризм; проблемы перехода от тоталитаризма.

Раймон Арон – крупнейший французский ученый XX в. Библиография его работ обширна, а индекс ссылок на его исследования по сей день остается самым высоким. Трудно переоценить актуальность и значимость его работ. До сих пор выходят книги, посвященные Р. Арому [1].

Будучи социологом и политологом, Р. Арон размышлял о возможных методах правления в современных индустриальных обществах и считал, что самой главной опасностью, самым главным злом является тоталитарный режим. В его глазах сталинский режим был законченным, совершенным тоталитарным режимом. Сделать режим более тоталитарным было уже невозможно.

В ряде своих работ («Классовая борьба» [2], «Демократия и тоталитаризм» [3], «Цепные войны» [4], «Опиум интеллектуалов» [5], «Этапы развития социологической мысли» [6] и др.) ученый анализирует причины установления тоталитарных режимов. Красной нитью через все произведения Арона проходит мысль об опасности «сползания в тоталитаризм» конституционно-плюралистических режимов (демократий, подобных западным). Он указывает, что эта опасность вполне реальная, а не возможная альтернатива [7. С. 74]. Исходя из реальной угрозы ученый выявляет и дает подробное описание характерных черт различных режимов [3. С. 231]. Сопоставляя и сравнивая их между собой, он обнаруживает слабости каждого из них и размышляет об их возможном будущем.

Говоря о демократических режимах, он констатирует, что вероятность прихода к власти на различных этапах своего исторического развития однопартийных правительств весьма высока, но верит в то, что это лишь временный и необходимый шаг. Что же касается альтернатив тоталитарных режимов, то прогнозы ученого здесь не столь однозначны и оптимистичны, особенно в отношении советского режима.

Цель данной статьи – показать взгляд знаменитого французского ученого Р. Арона на проблемы перехода от тоталитаризма к демократии.

Раймон Арон считает, что существует всего два варианта развития событий: первый – насильственное свержение существующего режима извне, как это про-

изошло с национал-социализмом, второй – изменения внутри самого режима, не исключая радикальные, такие как революции и перевороты.

Что касается судьбы национал-социализма, по мнению ученого, она была предрешена, когда «в 1939 г. государство ввязалось в военную авантюру». При этом он отмечает, что национал-социалистскому режиму было отпущено всего лишь шесть лет мирной жизни и, если бы ему было дано больше времени, неизвестно, как бы он развивался дальше. Однозначный ответ получить никогда не удастся [Там же. С. 114]. «Мы никогда не узнаем, каким оказалось бы второе или третье поколение гитлеровцев, какими бы стали Германия и Европа в результате победы Третьего рейха» [8. С. 226].

Советский режим, история которого охватывает множество этапов, представляет широкое поле для размышлений. Р. Арон подробно исследует разные периоды истории русской большевистской партии и выделяет пять этапов. Первый прошел до взятия власти. Вторым этапом последовал после взятия власти и при жизни Ленина, практика партии стала другой. Третий этап – период борьбы между преемниками, с 1923 по 1930 г. Четвертый этап характеризуется всемогуществом Сталина: между 1930 и 1953 гг. И пятый этап, когда разворачивается борьба между его преемниками и утверждается новый стиль в жизни партии, – с 1953 по 1965 г. На пятом этапе, отмечает ученый, происходят существенные изменения. «Теперь не может быть и речи о сосредоточении власти в руках одного человека» [3. С. 114]. Тем не менее соперничество между преемниками напоминает борьбу периода 1923–1930 гг., хотя они и не преступают «кровавую черту»: противников устраняют, но – политически, а не физически. Решения по-прежнему принимаются на высшем уровне, но, пожалуй, не единолично, а группой. Это называется коллегиальным руководством. Чтобы нанести поражение какой-либо группе, против нее всякий раз образуют большинство. Таким образом, власть пока продолжает оставаться на вершине, а не в массах, однако количество тех, кто влияет на принятие решений, увеличилось. По мнению Р. Арона, на пятом этапе Советский Союз вышел из экстремальной фазы [8. С. 201].

Затем Р. Арон задается вопросами: Что же дальше? Какова судьба советского режима? Произойдет ли его демократизация? Каковы возможные проблемы трансформации данного режима? Ответы на эти вопросы не могут быть однозначными. Применительно к советскому режиму, считает Р. Арон, осмысление должно быть комплексным. Разнообразные аспекты режима не могут быть объяснены одной отдельно взятой причиной.

В ходе исследования Арон обнаруживает в обществе советского типа некоторые черты бюрократических империй: единственным управляющим коллективным трудом является государство; единственный привилегированный класс – государственная бюрократия, есть и противоречия, но без классовой борьбы в западном понимании [3. С. 121]. В работе «Классовая борьба» он отмечает, что классовая борьба в западном понимании подразумевает не только разнообразие социальных групп, но и способность этих групп к самоорганизации, возможность выдвигать и отстаивать свои требования. Также в обществах этого типа уровень доходов и образ жизни отличаются по группам, но ни одна из них не может быть независимой, ни одна не сможет противопоставить себя остальным. Этот вид социальной структуры, считает исследователь, нельзя считать переходным, так как он является неизбежным следствием отмены всей частной собственности и всякого рыночного механизма. В результате таких коренных реорганизаций руководитель предприятия является всего лишь государственным служащим, а любой гражданин получит право на богатство и власть, только если будет принадлежать к государственному привилегированному классу [2. Р. 10.]. Подобное описание будет присутствовать в работах специалистов по истории коммунистического режима [9].

Популярную среди социологов идею о связи экономического прогресса и демократии [10] Арон также считает сомнительной, хотя допускает, что с достижением высокого уровня развития производительных сил режим станет менее безжалостным к тем, кто не согласен с официальной линией. По его мнению, экономический прогресс не может автоматически привести к созданию демократического режима, этого недостаточно.

Проблема заключается в своеобразии самого советского режима. Наблюдается три аспекта, определяющих оригинальность коммунистического режима. Первый заключается в обладании полицейскими и пропагандистскими институтами, которые отсутствовали во всех деспотических режимах прошлого. Вторым показывает наличие странного сочетания авторитарной бюрократии и стремления построить социализм. Новизна бюрократического управления страной заключена в его цели – ускоренном развитии средств производства. Третий аспект указывает на подчиненность бюрократического аппарата партии, что имеет революционный смысл. Отмеченная специфика коммунистического режима «позволяет сделать несколько замечаний о его дальнейшей судьбе». Р. Арон пишет: «Мой долг – остановиться на возможности разложения... режима во главе с монополизировавшей власть партией. Разложение такого режима означало бы его

десоветизацию. Объективно говоря, разложение – это отказ от ряда присущих режиму функций» [3. С. 124].

Ученый считает, что самый простой способ проанализировать указанную проблему – противопоставить оптимистическую и пессимистическую версии марксизма.

Оптимистическую версию сформулировал Исаак Дойчер, считая связь между экономическим развитием и прискорбными явлениями советского режима неразрывной [11]. Все идеологические перегибы, террор, однопартийное руководство, политические процессы объяснялись необходимостью индустриализации. Таким образом, как только закончится этот этап, постепенно иссякнут и все патологические черты [12, 13].

Пессимистическая версия основана на концепции азиатского способа производства, согласно которой полное бюрократичивание жизни советского режима является не патологическим явлением, как считают оптимисты, а типичным для бюрократического абсолютизма, однопартийности, идеологической ортодоксальности.

Раймон Арон отмечает, что между этими версиями существует множество промежуточных вариантов. Соответственно, встает вопрос: какие черты советского режима обоснованы нуждами индустриализации, а какие объясняются принципиальной структурой советского режима? [14. С. 447]. Для ответа на этот вопрос ученый дает обзор основных преобразований советского режима после смерти Сталина. Во-первых, важные изменения произошли в области личных свобод граждан: прекратился террор, наступила «оттепель», общий характер режима по сравнению с предыдущим (до 1953 г.) изменился. Но, по мнению ученого, «эти глубокие, важнейшие перемены» – пока не революция [3. С. 125]. Десталинизация нередко осуществляется сталинскими методами. Во-вторых, у полиции нет прежней роли, но она подвластна правительству и подчиняется его решениям. В-третьих, грандиозных чисток больше не проводится, но стабильно проходит какое-то подобие чистки. По-прежнему быстро происходит «циркуляция элиты», что указывает на продолжение борьбы фракций и лидеров. Четвертое, главное, – руководящая роль в экономике, государственных делах и духовной жизни по-прежнему принадлежит партии. Главные черты режима остались неизменными. Произошли перемены и в экономической области. Повысился уровень жизни населения, стали производить больше товаров широкого потребления, более гибкими стали методы руководства. Появились материальные поощрения работников для увеличения производительности труда [14. С. 447].

Арон с грустью констатирует: «Я прихожу к следующему выводу: до сих пор наблюдались изменения внутри режима, но не изменения самого политико-экономического режима, который проводит различные реформы, не затрагивая основ. Какие же перемены должны произойти, чтобы можно было говорить об изменении сути режима?» [3. С. 126]. Важнейшими чертами советского режима французский ученый считает: 1) однопартийность и сохранение идеологической ортодоксальности, единственным выразителем которой

является партия; 2) централизованное планирование, которое осуществляет бюрократия; 3) бюрократическую иерархию, которая является основной причиной неравенства в обществе. Также стоит отметить отсутствие априори любых автономных сил, кроме государственных. По сравнению с любым западным обществом, классовым по своей сути, группы коммунистического общества являются составной частью бюрократической, государственной иерархии. Готовности изменить (разрушить) эту структуру у наследников Сталина нет. Советизм по-прежнему жив, но сталинизма уже нет [8. С. 243].

Далее Р. Арон рассматривает отдаленные перспективы преобразования советского режима. Он детально останавливается на трех отвлеченных схемах, предлагаемых учеными, верящими в преобразование советского режима.

Первая схема, оптимистическая, касается возможности преобразования самой системы. Она основана на связи экономического положения и жестокости советского режима и предполагает, что вместе с повышением уровня жизни населения будет расти и его культурный уровень, а это, в свою очередь, приведет к либерализации самого режима. Но, предостерегает исследователь, данная неомарксистская схема основана на представлении о прямой взаимной связи между уровнем жизни и культуры, с одной стороны, и демократическими (либеральными) формами государственных институтов – с другой. Проблема заключается в том, что наличие этой взаимосвязи не доказано. Примером является печальный опыт нацистской Германии. Уровень жизни и культуры населения был высоким, но это не помешало принять режим с партией, монополизировавшей власть, и «поразительно тупоумной идеологией» [5. Р. 12]. Опыт однопартийных режимов и демократических стран свидетельствует, что даже просвещенные люди легко принимают более или менее нелепые идеологические построения. В определенных обстоятельствах кто угодно готов уверовать во что угодно [5. Р. 10]. Если допустить, что русские люди будут все меньше придерживаться своей идеологии, это не будет означать, что идеология перестанет играть важнейшую роль. История показывает, что множество официальных доктрин после утраты веры в эти доктрины десятилетиями и даже столетиями сохранялось как средство управления. Наконец, считает ученый, невозможно утверждать заранее, что развитое индустриальное общество обязательно приведет к социально-политическому режиму, подобному западному, так как режим бюрократической иерархии, авторитарного планирования полностью совместим с развитым индустриальным обществом [8. С. 687].

Второе оптимистическое суждение о будущем советского режима основано на схеме метаморфозы революций. У всех революций есть общая черта – они не бесконечны. Постепенно революционный энтузиазм иссякает, происходит возврат к серым будням. Коммунисты Советского Союза, считает Арон, в итоге тоже будут вынуждены смириться с устоявшимся порядком вещей. Эти рассуждения базируются на идеях постепенного отмирания революционной веры либо

постепенного становления какого-то привилегированного класса. Например, Джилас обвинял своих прежних соратников в обуржуазивании, которое в глазах революционера свидетельствовало о разложении революции. Для социолога же этот процесс представлялся необходимым возвратом к норме существования. Поэтому Р. Арону данная схема представляется убедительной, но вряд ли она приведет к потрясению режима. Могут исчезнуть некоторые явления, такие как пристрастие к идеологическому террору, но единовластие партии, идеологическая правоверность и бюрократический абсолютизм останутся неизменными. Режим в своих структурных чертах может просуществовать еще длительное время [3. С. 128].

Третья схема преобразования режима – рационализация. Она базируется на представлении о Советском Союзе американского социолога Б. Мура, который увидел в советском режиме «сочетание трех начал» – традиционного, рационального и террористического. Предполагается, что рано или поздно режим станет все более традиционным и рациональным [15. С. 56]. Традиционным в смысле укоренения определенных привычек, рациональным потому, что советские руководители постараются изготавливать как можно больше продукции и по возможности дешевле, все меньше уделяя внимания идеологии, следовательно, все реже используя крайние средства. Анализируя эту схему, Арон допускает, что в длительной перспективе экономические взгляды станут преобладающими. Будущие руководители советской экономики будут все больше озабочены производительностью труда, чем теорией. Но тогда встает вопрос о духовной свободе и многопартийности: являются ли они рациональными феноменами? Рационализировать экономический и политический режим, устранить такие патологические излишества, как строгое планирование или чистки, вполне возможно, но установить режим, подобный западным, – совершенно другое дело. Таким образом, считать рационализацию советского режима явлением, сопровождающим демократизацию, значит как минимум соглашаться со спорным утверждением о том, что единственным рациональным решением для экономики, нацеленной на развитие промышленности, является многопартийный режим [14. С. 448].

Подводя итоги анализа трех схем, Арон отмечает, что можно принять часть аргументов, приведенных оптимистами. Вполне можно допустить, что рациональнее станет управление хозяйством, условия жизни граждан улучшатся, наступит идеологическая разрядка и т.д. Но остается одно сомнение. Связано оно с тем, что преобразования никак нельзя считать несовместимыми с основами самого режима. Первое – это единовластие партии, обстоятельство, которое исключает либо по крайней мере затрудняет «проведение курса на конституционность борьбы за власть, идеологический плюрализм». Второе – бюрократический абсолютизм, при котором практически невозможно создать центры независимых сил. Сохранить основы чрезвычайно важно. Это отвечает сущности режима. Последнее и, по мнению Арона, важнейшее: в подобном режиме решающую роль играет партия, аппаратчик.

Оптимистические предсказания относительно будущего советского режима сформированы часто на уверенности в том, что специалисты, хозяйственники обязательно должны одержать победу над аппаратчиками. Тем не менее в борьбе между преемниками Сталина победил партиец [3. С. 129].

При таком режиме люди, обладающие привилегиями, в отличие от западных партий на фракции не делятся. Невозможно представить, что имеется партия специалистов, которая выступает против партии идеологов, или военных, или полицейских. Большинство специалистов являются членами партии. Партийцы являются важной составляющей основной части политического персонала, который по большому счету определяет важнейшие черты режима. На Западе есть профессиональные политики, правительственные проблемы там определенным образом улаживаются политическими деятелями, которые используют свои методы прихода к власти и собственные способы проверки преданности граждан. В советском государстве такими политическими деятелями являются аппаратчики [Там же]. Политики решают многие сходные проблемы, некоторые из них являются универсальными, например как удержать власть в своих руках, как управлять страной, как урегулировать конфликт, но решения каждый принимает разные. Политики способны конституировать единую партию, в которой будет особый характер соперничества. Однопартийность обладает значительными преимуществами. Идеология постоянно будет являться оправданием для партии, и провозглашать законность учрежденной власти и правомерность деяний правителей, а партия может не признавать официально наличие конфликтов. Такое общество принципиально однородно. Поэтому вполне объяснимо, что, привыкнув к однопартийному режиму, политики во что бы то ни стало стараются сохранить эту структуру. Предполагаемые перемены, сопутствующие развитию промышленности и повышению уровня жизни населения, не могут привести к ликвидации однопартийности и идеологии, так же как и не исчезнет присущая обществу и государству бюрократическая иерархия. Подобной позиции придерживаются и другие ученые [16].

Следующая гипотеза преобразования советского режима, которую рассматривает Р. Арон, – гипотеза революции. Ученый предположил, что раз случаются революции против плюралистических режимов, то вполне вероятны революции и против однопартийных режимов. Примером являются революции в Восточной Европе против режимов, «точнее, псевдорезимов с единовластной партией». Раймон Арон определяет их так, потому что и в Польше, и в Венгрии не было главного: национального характера самого режима. Поэтому в этих странах не мог утвердиться и стать долговечным режим без поддержки советского государства [3. С. 130].

Для того, чтобы произошла революция в режиме с единовластной партией, необходимо, чтобы сначала произошел раскол в правящей верхушке. До тех пор пока все политики и бюрократия будут едины, сложно предположить бунт управляемых. Проблема заключается и в том, что сложно предположить появление это-

го желания у русского населения. Установление режима не было результатом свободного выбора, так же как и нет в Советском Союзе традиции верить свою судьбу выборам [17. С. 195]. Управляемые в советском государстве убеждены в том, что вряд ли кто будет интересоваться их отношением к государству. Позже подобные выводы сделали и другие авторы [18].

Арон, анализируя «либерализацию» и ее пределы, которые возможны в режимах советского типа, в 1981 г. писал: «Пределы были весьма ограниченными. Я был, вероятно, скорее слишком оптимистичным относительно возможностей преобразования советского режима. Но в основном то, что я говорил, остается правильным и в настоящее время» [19. С. 286]. К сожалению, отмечает исследователь, либерализация однопартийных режимов «не предусмотрена заранее в книге *Истории*».

Рассмотрение различных схем привело ученого к двум основным положениям. Разнообразные периоды экономического роста в некоторой степени благоприятно влияют на тот или иной режим, но, если забыть об абсолютном изобилии, ничто не доказывает, что в индустриальных обществах возможен только один тип политической надстройки. Можно представить себе высокоразвитую индустриальную цивилизацию с разнообразными режимами.

Нынешний мир явно не согласуется ни с одной упрощенной схемой. У индустриальных обществ есть выбор между либеральной демократией и демократией тиранической. Так, на основе противопоставления друг другу двух типов современных режимов происходит возвращение к альтернативе, сформулированной Токвилем [6. С. 255–266].

Раймон Арон рассмотрел различные типы режимов и перспективы их развития. Исследования автора построены на уверенности в том, что наиболее приемлемой и перспективной формой существования большинства режимов является конституционно-плюралистическая. История представляет разные варианты и сочетания и доказывает состоятельность данных представлений. Поэтому будущее тоталитарных режимов зависит от многих факторов. Не исключено, что такая форма правления при желании может продержаться очень долго, от нескольких десятилетий до столетий. Сосредоточив внимание на варианте, предусматриваемом в итоге изменение формы правления, можно сказать, что Арон выделил всего два возможных пути: насильственное устранение извне и внутреннее преобразование режима. Подробно остановившись на рассмотрении схем внутреннего преобразования режима, ученый обозначил ряд проблем в экономике и политике, с которыми он неизбежно столкнется. Но самой главной проблемой, по его мнению, является проблема нежелания властвующей элиты изменить суть самого режима.

Своими исследованиями о проблемах возможного перехода от тоталитаризма к демократии Раймон Арон предвосхитил события. В 70–90-е гг. XX в. резко возрос интерес к проблемам перехода от различных форм диктатуры (авторитаризма и тоталитаризма) к демократии [20–22]. Вызвано это было процессами, происходившими в ряде стран в данный период.

Таким образом, французский социолог и политолог сделал солидный вклад в изучение различных типов режимов, рассмотрел ряд теорий и схем преобразования

тоталитарных режимов, обозначил главные проблемы выхода из тоталитаризма. Исследования Раймона Арона представляют большую ценность для мировой науки.

ЛИТЕРАТУРА

1. The Companion to Raymond Aron / J. Colen, E. Dutartre-Michaut (eds). Basingstoke : Palgrave Macmillan, 2015. .
2. Aron R. *La Lutte de classes*. Paris : Gallimard, 1966.
3. Арон Р. Демократия и тоталитаризм / пер. с франц. Г.И. Семенова. М. : Текст, 1993.
4. Aron R. *Les Guerres en chain*. Paris : Gallimard, 1951.
5. Aron, R. *The Opium of the Intellectuals*. New York : Doubleday & Company, Inc., 1957.
6. Арон Р. Этапы развития социологической мысли / общ. ред. и предисл. П.С. Гуревича. М. : Прогресс-Политика, 1992.
7. Костромина Н.Г. Теория и практика тоталитаризма в оценке французской исторической и политической мысли в XX веке. Томск : Изд-во Том. гос. пед. ун-та, 2008.
8. Арон Р. История XX века. Антология. М. : Ладомир, 2007.
9. Верт Н. История советского государства. 1900–1991. М., 1992.
10. Сартори Дж. Вертикальная демократия // Полис. 1993. № 2. С. 80–89.
11. Deutscher I. *Russia After Stalin*. London, 1953.
12. Deutscher I. *Russia, What Next?* New York : Oxford University Press, 1953.
13. Deutscher I. *Russia in transition, and other essays*. New York : Coward-McCann, Inc., 1957 .
14. Арон Р. Мемуары: 50 лет размышлений о политике. М., 2002.
15. Moore B., jr. *Social origins of dictatorship and democracy*. Lord and Peasant in the Making of the Modern World. Boston : Beacon Press, 1966.
16. Пшеворский А. Переходы к демократии // Путь. 1993. № 3.
17. Aron R. *Essai sur les libertes*. Paris : Calmann-Levy, 1976. URL: <http://www.civisbook.ru/files/File/1996-1-Aron.pdf>
18. Зиновьев А. Коммунизм как реальность. М., 1994.
19. Арон Р. Пристрастный зритель / пер. с франц. под ред. Б.М. Скуратова. М. : Праксис, 2006.
20. Гонсалес Ф. Создать в обществе основу для согласия и перемен // Свободная мысль. 1995. № 15.
21. Растоу Д.А. Переходы к демократии: попытка динамической модели // Полис. 1996. № 5. С. 5–15.
22. Шумпетер Й. Капитализм, социализм и демократия. URL: https://royallib.com/book/shumpeter_yozef/kapitalizm_sotsializm_i_demokratiya.html

Kostromina Nadezhda G. Kemerovo State University. (Kemerovo, Russia). E-mail: Klio73@mail.ru

PROBLEMS OF TRANSITION FROM TOTALITARISM TO DEMOCRACY IN THE WORKS OF THE FRENCH POLITICAL SCIENTIST AND SOCIOLOGIST RAYMOND ARON

Keywords: Raymond Aron; democracy; totalitarianism; problems of transition from totalitarianism.

Many well-known scientists studied totalitarianism. The result of their research was the emergence of a number of global theories, including the creation of a theory of totalitarianism. Within the framework of these theories has been given the typology and characteristics of totalitarian regimes; the origins, formation and practice of one-party regimes have been studied in detail. Most of the researches were limited to the study of varieties of the totalitarian regime, a comparative analysis of modes within a single theory. Raymond Aron was one of the few scientists who studied not only the theory and practice in detail, and as one of the pioneers of the theory of totalitarianism gave a description of these regimes, but also thought about the future of the existing regimes.

The purpose of the article is to show the view of the famous French sociologist and political scientist Raymond Aron on the problems of transition from totalitarianism to democracy. The sources of research were the works of the French scientist, devoted to the analysis of known regimes. The brightest of them are “Democracy and Totalitarianism”, “Class Struggle”, “History of the Twentieth Century”, “Memoirs”, “Stages of Development of Sociological Thought”, “Opium of Intellectuals”, “Biased Viewer”.

A red thread through all the works of Aaron is the idea of the danger of “slipping into totalitarian” constitutional-pluralistic regimes (like the Western democracies). He admits that this danger is very real, and not a possible alternative. Based on a real threat, the scientist identifies and gives a detailed description of the characteristic features of various modes. Matching and comparing them with each other, he finds the weaknesses of each of them. And he reflects on the possible future of each of them. Speaking about democratic regimes, he states that the likelihood of coming to power, at various stages of its historical development, of one-party governments is very high, but believes that this is only a temporary and necessary step. As for the alternatives of totalitarian regimes, the scientist’s forecasts here are not so unambiguous and optimistic. Especially in relation to the Soviet regime.

R. Aron believes that there are only two versions of the development of events. The first is the forcible overthrow of the existing regime from the outside, as happened with the national-socialist and the second is the changes within the regime itself, not excluding radical, such as revolutions and coups.

In this way, the French sociologist and political scientist made a solid contribution to the study of various types of regimes, considered various theories and schemes for the transformation of totalitarian regimes. He outlined the main problems of getting out of totalitarianism. Raymond Aron’s study represent a significant value to the world of science.

REFERENCES

1. Colen, J. & Dutartre-Michaut, E. (eds) *The Companion to Raymond Aron*. Basingstoke: Palgrave Macmillan.
2. Aron, R. (1966) *La Lutte de classes* [Class Struggle]. Paris: Gallimard.
3. Aron, R. (1993) *Demokratiya i totalitarizm* [Democracy and totalitarianism]. Translated from French by G.I. Semenov. Moscow: Tekst.
4. Aron, R. (1951) *Les Guerres en chain* [The Chain Wars]. Paris: Gallimard.
5. Aron, R. (1957) *The Opium of the Intellectuals*. New York: Doubleday & Company, Inc.
6. Aron, R. (1992) *Etapy razvitiya sotsiologicheskoy mysli* [Stages of development of sociological thought]. Translated from English. Moscow: Progress-Politika.
7. Kostromina, N.G. (2008) *Teoriya i praktika totalitarizma v otsenke frantsuzskoy istoricheskoy i politicheskoy mysli v XX veke* [The theory and practice of totalitarianism in the assessment of French historical and political thought in the 20th century]. Tomsk: Tomsk State Pedagogical University.
8. Aron, R. (2007) *Istoriya XX veka. Antologiya* [History of the twentieth century]. Translated from English by L.G. Larionova. Moscow: Ladomir.
9. Werth, N. (1992) *Istoriya sovetskogo gosudarstva. 1900–1991* [History of the Soviet state. 1900–1991]. Translated from French. Moscow: Progress.

10. Sartori, J. (1993) Vertikal'naya demokratiya [Vertical democracy]. *Polis*. 2. pp. 80–89.
11. Deutscher, I. (1953) *Russia After Stalin*. London: Hamish Hamilton.
12. Deutscher, I. (1953) *Russia, What Next?* New York: Oxford University Press.
13. Deutscher, I. (1957) *Russia in transition, and other essays*. New York: Coward- McCann, Inc.
14. Aron, R. (2002) *Memuary: 50 let razmyshleniy o politike* [Memoirs: 50 years of thinking about politics]. Moscow: Ladomir.
15. Moore, B. Jun. (1966) *Social origins of dictatorship and democracy. Lord and Peasant in the Making of the Modern World*. Boston: Beacon Press
16. Pshevorskiy, A. (1993) Perekhody k demokratii [Transitions to Democracy]. *Pur'*. 3.
17. Aron, R. (1976) *Essai sur les libertes* [Essay on Liberty]. Paris: Calmann-Levy. [Online] Available from: <http://www.civisbook.ru/files/File/1996-1-Aron.pdf>.
18. Zinovyev, A. (1994) *Kommunizm kak real'nost'* [Communism as a reality]. Moscow: Tsentrpoligraf.
19. Aron, R. (2006) *Pristrastnyy zritel'* [Biased Viewer]. Translated from French. Moscow: Praksis.
20. Gonsales, F. (1995) Sozdat' v obshchestve osnovu dlya soglasiya i peremen [To create a basis for agreement and change in society]. *Svobodnaya mysl'*. 15.
21. Rastou, D.A. (1996) Perekhody k demokratii: popytka dinamicheskoy modeli [Transitions to democracy: an attempt at a dynamic model]. *Polis*. 5. pp. 5–15.
22. Shumpeter, J. (n.d.) *Kapitalizm, sotsializm i demokratiya* [Capitalism, socialism and democracy]. https://royallib.com/book/shumpeter_yozef/kapitalizm_sotsializm_i_demokratiya.html.

УДК 94(327)

DOI: 10.17223/19988613/57/21

Б.В.Петелин

ХДС/ХСС ФРГ: СТАНОВЛЕНИЕ ПАРТИЙНОГО СОЮЗА

Послевоенный период в истории Германии характеризуется сложным переплетением различных политических и социальных сил, организаций, партий, фракций, действовавших под контролем военных администраций стран-победителей. В таких противоречивых условиях, как показано в данной статье, были созданы две христианские партии: Христианско-социальный союз в Баварии и Христианско-демократический союз, претендовавший на роль общегерманской партии. Политическая ситуация, а также социально-экономические условия в Западной Германии привели к созданию фракционного союза ХДС/ХСС, который партии сохранили до настоящего времени.

Ключевые слова: христианские партии; Экономический совет; фракция; выборы в бундестаг.

В политической борьбе за власть создание партийных союзов, коалиций, соглашений – распространенная практика. В большинстве своем они носят временный характер, но встречаются и исключения. Среди них – фракционный союз двух немецких партий: Христианско-демократического союза и Христианско-социального союза, официально существующий с 1949 г., выдержавший все нелегкие испытания от раскола страны до ее объединения в 1990 г., находящийся и сегодня у власти в ФРГ.

Что легло в основу этого союза, или «блока», как было принято называть ХДС/ХСС в публикациях советского времени? Христианская близость партий? Или то, что эти партии были «новыми», появившимися в оккупированной Германии? Разумеется, имело значение, что ХДС и ХСС своим основным социальным ресурсом избрали самостоятельных хозяев (в марксистской терминологии – «мелкая и средняя буржуазия»), впрочем, и лица наемного труда – рабочие, служащие, часть молодежи, студенчества, женщин, пенсионеров – также окажутся в организационных структурах этих партий. Все это вкупе с их внутренней политикой было основанием позиционирования данных партий в качестве «народных». Существенным фактором тесного сближения ХДС и ХСС стало то, что через этот «союз» закреплялся принцип федеративного устройства Западной Германии. Как подчеркивал западногерманский историк-марксист Ганс Адамо, с «самого начала ХСС выступил за решительный федерализм, который учитывал бы особенности Баварии и обеспечивал достаточно широкое поле деятельности тем кругам Баварии, которые господствовали в экономике и политике» [1. С. 78].

В отечественной историографии не так много работ, посвященных ХДС и ХСС. Наиболее значимой по-прежнему остается монография С.Л.Сокольского, в которой автор, отступая от классовых оценок «партии крупного капитала», попытался показать социальный облик ХДС, а также содержание и особенности его внутренней и внешней политики [2]. Ранняя история ХДС, становление и организационное развитие партии представлены в исследованиях Б.В. Петелина [3], О.Г. Некрыловой [4]; немало интересных сведений о деятельности ХДС/ХСС и ведущих христианских по-

литиках можно найти в работах А.Ю. Ватлина [5], Н.В. Павлова [6], А.И. Патрушева [7].

Значимую ценность для российских исследователей имеет труд по истории ХСС белорусского профессора М.В. Стрельца, всесторонне проанализировавшего деятельность баварского союза на основе изучения документальных источников из Архива христианско-социальной политики (АССП) Фонда имени Ханнса Зайделя [8]. Организационное и идейное становление ХСС в первые послевоенные годы было показано в диссертационном исследовании вологодского историка И.Д. Попова [9]. Однако авторы названных работ ограничивались лишь констатацией союза между ХДС и ХСС без детального освещения и анализа причин и факторов его возникновения в Западной Германии.

Естественно, что партийная история ХСС и ХДС представлена в Германии внушительным количеством разного рода литературы. Отметим прежде всего фундаментальное издание, подготовленное Фондом имени Ханнса Зайделя к 50-летию юбилею ХСС, в котором всесторонне показана деятельность баварского союза [10]. Среди работ по истории ХДС назовем монографии Франка Бёша [11], Ханса-Отто Кляйманна [12], энциклопедическое издание по христианской демократии [13], мемуары первого канцлера ФРГ и председателя ХДС Конрада Аденауэра [14] и многолетнего лидера ХСС премьер-министра Баварии Франца Йозефа Штрауса [15]. Непосредственное отношение к установлению союза между ХДС и ХСС имеют опубликованные материалы заседаний Экономического совета [16] и Парламентского совета, занимавшегося разработкой Основного закона для будущей ФРГ [17].

Чтобы понять, почему в послевоенной Германии, разделенной на оккупационные зоны, сформировалась новая партийная система, отличная от Веймарской республики, следует обратиться к периоду существования последней: 1918–1933 гг. В российской историографии прежде всего сошлемся на работы авторитетного историка-германиста М.Е. Ерина [18–20], авторские издания профессора Ивановского государственного университета И.Я. Биска [21, 22], а также коллективные сборники, изданные сотрудниками этого же университета [23, 24].

Среди немецких изданий, переведенных на русский язык, отметим фундаментальную монографию известного историка Г.А. Винклера [25], а также монографию Х. Мёллера, справедливо указавшего, что немецкая партийная система видоизменилась под влиянием войны и революции [26. С. 76]. Но первый опыт демократии на немецкой земле оказался более чем неудачным. Уже с конца 1920-х гг. начался отход от ее подлинной демократической сущности, что в конечном счете привело к капитуляции государства. Но «Гитлер получил свое канцлерство не только в результате интриг властных элит, но и благодаря массам, оказавшим ему, как и ранее, свою поддержку» [25. С. 746]. То есть Веймарская республика потерпела крах не от недостатка демократии, а от ее переизбытка. Впрочем, тирания, что отмечали еще философы древности, как раз и вырастает из подобной демократии.

Вторая немецкая республика отстраивалась с учетом уроков Веймара. Решено было отказаться от прежнего партийного наследства. Католическая партия Центра и Баварская народная партия хотя и возобновили свою деятельность после войны, но перспектив в будущем они не имели. Большинство католических политиков, как и политиков-евангелистов, поддержали создание межконфессиональной партии. Подобная идея высказывалась и ранее [3. С. 11–12], но только теперь можно было приступить к ее воплощению.

ХСС как партия был создан раньше, чем ХДС. Вновь дали о себе знать исторические особенности Баварии. Даже при Бисмарке в этой земле была собственная армия. «Нигде в Германии, как пишет профессор Н.В. Павлов, не сохраняют так тщательно народные традиции, как здесь» [27. С. 223–224]. После свержения монархии в 1918 г. Бавария объявила себя «свободным государством». В 1945 г. американская военная администрация фактически сохранила территориальную целостность Баварии, которая осталась самой большой землей в Западной Германии. По примеру Советской военной администрации, разрешившей Приказом № 2 за подписью Главноначальствующего СВАГ Маршала Советского Союза Г.К. Жукова политическую деятельность антифашистским организациям и партиям в СОЗ [28. С. 510–511], американские власти также содействовали становлению политической жизни в своей зоне. Раз партийная система Веймарской республики «дала сбой», то ее «не следует оживлять или восстанавливать заново», считал Франц Йозеф Штраус, многолетний председатель ХСС и глава правительства Баварии [15. С. 82].

Несмотря на идейные и организационные разногласия между создателями ХСС (исследователи указывают на ключевую роль Йозефа Мюллера (Мюнхен) и Адама Штегервальда (Вюрцбург)), уже 8 января 1946 г. представители всех районов Баварии собрались в Мюнхене, где было заявлено о создании новой партии с названием «Христианско-социальный союз» [29. С. 117]. В конце января американские оккупационные власти выдали ХСС разрешение на осуществление политической деятельности на всей территории Баварии. 30–31 марта 1946 г. на заседании земельного комитета ХСС в Бамберге (официальный съезд ХСС пройдет

в Мюнхене 17 мая 1946 г.) Йозеф Мюллер был избран председателем партии. В декабре 1946 г. в ХСС уже числилось почти 70 тыс. членов; через год – 82 тыс. [Ibid. S. 120].

У основателей ХСС была идея вывести партию за пределы Баварии. Сторонники нашлись бы, но мог быть утрачен «баварский колорит». Тот же Мюллер поддерживал тесные контакты с Якобом Кайзером и его сторонниками в Берлине – организаторами христианско-демократических союзов на немецком Востоке. По своим взглядам и убеждениям Мюллер считался «левым» политиком, симпатизировавшим Советскому Союзу (в годы национал-социализма Мюллер был в концлагере), охотно встречался с представителями СВАГ [30. С. 85, 88]. С Конрадом Аденауэром, избранным в начале февраля 1946 г. председателем ХДС английской оккупационной зоны, у Мюллера сложились вполне деловые отношения. Однако начавшийся процесс раскола Германии сказался на единстве политических партий. Общегерманскую ХДС так и не удалось создать: в Восточной Германии ХДС (Ost-CDU), в скором времени примкнет к строителям социализма [31], часть христианских демократов, несогласных с подобным выбором, создадут «ХДС в изгнании» [32], остальные с 1949 г. вольются в ряды западногерманской ХДС [12. С. 126–127].

Началом сближения ХСС и ХДС можно считать встречу Мюллера с Аденауэром в апреле 1946 г. в Штутгарте. На ней было решено, что ХСС и ХДС британской зоны будут стремиться к совместным действиям, добиваясь расположения оккупационных властей. Конрад Аденауэр этими встречами с политиками в Штутгарте (из Берлина приехал Якоб Кайзер – председатель берлинской ХДС) добивался единства между разрозненными христианскими союзами на Западе Германии. В декабре 1946 г. американские и английские оккупационные власти, можно сказать, пошли навстречу Аденауэру, когда было принято решение о создании Бизонии – объединении двух западных, кроме французской, зон. Как отметил Штраус в своих воспоминаниях, это было не только продиктовано экономическими причинами, но и осуществлялось с прицелом на создание в дальнейшем государственного образования на Западе [15. С. 88].

Создание Бизонии ускорило сближение ХСС и ХДС. 6–7 февраля 1947 г. в Кенигштайне было заключено соглашение о сотрудничестве союзов в рамках создаваемого «Рабочего сообщества» двух партий [13. С. 425–426]. Многие рядовые члены, прежде всего из ХСС, выказывали недовольство сближением с партией Аденауэра, опасаясь за судьбу баварского союза. Эти вполне понятные тревоги были напрасными. ХДС в противостоянии с главным политическим соперником – СДПГ – требовался верный союзник, каким мог быть только ХСС, за которым сохранялась партийная самостоятельность.

Необходимость фракционного единства ХДС и ХСС была продиктована созданием 24 июня 1947 г. во Франкфурте Экономического совета Бизонии, который стал заниматься экономической политикой [16. С. 5–6]. Его первое заседание состоялось 21 июля того же года.

Всего от ХДС/ХСС в работе Экономического совета в 1947–1949 гг. участвовали 49 человек, из них 15 – от ХСС. В работе Совета не принимали участия ни Аденауэр, ни Мюллер, ни Шумахер, но это вовсе не означало, что их не интересовало экономическое устройство Западной Германии. Партийные споры в Совете были острыми и долгими. Социал-демократы выступали за введение централизованной плановой экономики. Среди представителей от ХДС/ХСС были твердые сторонники рыночных отношений. Людвиг Эрхард – «отец социально-рыночного хозяйства» – не вошел в Совет, но его взгляды имели серьезную поддержку в ХДС/ХСС. Штраус, участвовавший в работе Экономического совета с 24 февраля 1948 г., писал, что «профессор Эрхард был серьезным ученым и политическим борцом, который как лев боролся за свою идею социального рыночного хозяйства» [15. С. 95].

С октября 1947 г. Людвиг Эрхард, занимаясь подготовкой денежной реформы, возглавил специально созданную (под надзором Контрольного совета) экспертную группу. Правда, как отмечает российский исследователь С. Невский, немецкий вариант реформы не был принят [32. С. 66–67]. В итоге был реализован американский вариант, разработка которого была завершена еще в 1946 г. и который более двух лет держался в строжайшей секретности. После согласия французских оккупационных властей на присоединение их зоны к денежной реформе была установлена дата ее проведения – 20 июля 1948 г. [Там же. С. 69].

Когда экономический раскол Германии фактически произошел, на повестку дня был поставлен вопрос политического оформления как Западной, так и Восточной части Германии. На востоке этим занималась СВАГ, используя созданную в 1946 г. из коммунистов и левых социал-демократов новую партию – СЕПГ. После присоединения французских оккупационных властей к политике американской и английской администраций Бизония стала именоваться Тризонией. Представители трех западных держав и главы правительств 11 немецких земель поручили специалистам разработать проект конституции, который надлежало обсудить и принять на специально созданном Парламентском совете. Штраус, не отличавшийся особым подобострастием к западным союзникам, прежде всего к американцам, считал, что Экономический и Парламентский советы были «немецкими организациями». В полной мере таковыми они, конечно, не являлись – оккупационный статус сохранялся, но немецкие политики получили большую свободу. Другой немецкий политик, коммунист Макс Рейман, писал в своей книге, что Парламентский совет не имел мандата народа, а его легитимацией был «приказ № 1 военных администраций» [33. С. 126]. Из-за неудовольствия немецких политиков слово «приказ» было заменено более лояльным «рекомендацией», что, впрочем, ничего не меняло.

1 сентября 1948 г. в зоологическом музее небольшого рейнского города Бонн начал свою работу Парламентский совет. В подготовленном экспертами проекте конституции новое государство предлагалось именовать «Союз германских земель» [5. С. 148]. Состав Парламентского совета был сформирован по пар-

тийному принципу. 31 августа фракция ХДС/ХСС провела свое заседание. Председательствовал на нем Конрад Аденауэр как старейший член фракции. Он же на этом заседании был выдвинут кандидатом в президенты Парламентского совета. У Аденауэра было больше шансов занять эту должность, чем у Кайзера или Мюллера. Курт Шумахер – лидер социал-демократов – в заседаниях Парламентского совета не участвовал. ХДС/ХСС имели 27 мандатов, столько же было у СДПГ, по 2 мандата имели КПП, партия Центра и правая Немецкая партия. Западный Берлин был представлен двумя депутатами с совещательным голосом. У СвДП было 5 мандатов, и именно эта либеральная партия могла влиять на принятие решений [17. С. 6–7].

Обсуждение Основного закона (конституции) в Парламентском совете сопровождалось острыми дискуссиями, нападками, обвинениями. Фракция ХДС/ХСС оказалась не такой уж монолитной. При голосовании 8 мая 1949 г. Основной закон собрал большинство голосов, но 12 депутатов, из них 6 от ХСС, голосовали против. Как посчитали в ХСС, в проекте недостаточно учтены федералистские пожелания партии. «Нет Основному закону, да Германии», – так выразил позицию ХСС глава баварского правительства Ханс Эрхард. 20 мая 1949 г., после многочасового обсуждения Основного закона, ландтаг Баварии большинством голосов: 101 – «против», 63 – «за», отклонил конституцию ФРГ [10. С. 155].

Для принятия Основного закона требовалось согласие двух третей ландтагов западных земель, так что голосование в Баварии не повлияло в целом на конечный результат. 24 мая 1949 г. Основной закон ФРГ вступил в силу. Согласно ему 14 августа 1949 г. были проведены первые выборы в бундестаг. За ХДС и ХСС голосовали 31% избирателей, и они получили 139 депутатских мест в бундестаге из 402. Баварский союз делегировал в Бонн 24 парламентария, ХДС – 115. Партии решили создать совместную фракцию в бундестаге. Кроме этого ХСС организовал свою земельную группу в Бонне. СДПГ получила 131 депутатское место, но у нее не оказалось союзников, и партия осталась в оппозиции [13. С. 723].

Несмотря на успех на выборах (Аденауэр рассчитывал на коалицию с СвДП; впрочем, он допускал возможность «большой коалиции» с СДПГ), при распределении министерских постов столкновения были нешуточными. В ХСС даже заговорили о разрыве союза с ХДС, но в таком случае баварский союз мог лишиться многого: партия была все же региональной. В конце концов ХСС получил три министерских поста в первом правительственном кабинете канцлера Аденауэра (15 сентября 1949 г. Конрад Аденауэр был избран Федеральным канцлером большинством в один голос) [14. С. 231]. Президентом ФРГ избрали председателя СвДП Теодора Хейса.

До 1969 г. ХДС и ХСС оставались правящими партиями в ФРГ. В 1957 г. на выборах в бундестаг они сумели получить более 50% голосов избирателей, что было и остается непревзойденным рекордом для политических партий ФРГ. На федеральных выборах ХСС стабильно получал более 9%, а в годы оппозиции

1969–1982 гг. – более 10% голосов избирателей. Разумеется, трения между ХДС и ХСС возникали, но под угрозой единства фракции было поставлено, по сути, один раз. Инициатива исходила от Ф.Й. Штрауса, который был яркой, но неудобной фигурой для умеренных демокристов [34]. В 1970-е гг., протестуя против «соглашательской» позиции ХДС по внешней политике, Штраус заявил о создании «четвертой» партии в ФРГ, т.е. о превращении ХСС в федеральную партию. Однако этого не случилось, хотя угроза раскола союза с ХДС витала в воздухе. В 1980 г. Штраус стал кандидатом в канцлеры от ХДС/ХСС, что отразилось на единстве фракции. Немалая часть функционеров из ХДС фактически устранилась от поддержки Штрауса. Его поражение на выборах ослабило правое крыло в ХДС/ХСС и способствовало укреплению позиций «умеренных» деятелей союза, лидером которых был Гельмут Коль.

Еще одну попытку преодолеть статус региональной партии баварский союз предпринял в начавшемся процессе объединения Германии. В Мюнхене подумывали о расширении влияния ХСС посредством создания в ГДР родственной организации. 18 января 1990 г. подобная организация появилась: в Лейпциге в здании оперы состоялся учредительный съезд Немецкого социального союза (DSU). Вольфганг Шойбле, министр внутренних дел ФРГ – доверенное лицо канцлера Коля, должен был убедить делегатов, чтобы они на предстоящих 18 марта выборах дружно проголосовали за «Альянс за Германию». Но главной фигурой на этом съезде оказался Тео Вайгель, председатель ХСС. Его появление было встречено шумными аплодисментами. Оформление зала, документация, продовольственное снабжение делегатов съезда – все было организовано из Мюнхена. Даже полный текст национального гимна, который раздали всем участникам, был отпечатан в Баварии. ХСС, как отметил Шойбле, проделал значительную подготовительную работу [35. С. 48–49]. Впрочем, объединение Германии не привело к распаду фракционного союза.

В 2002 г. кандидатом в канцлеры стал премьер-министр Баварии, председатель ХСС Эдмунд Штойбер. Политик достойный, но его выдвижение было обусловлено тем, что руководство ХДС оказалось замешанным в афере с так называемыми «черными касками». Однако Штойбер проиграл выборы социал-демократу Герхарду Шредеру, и к власти в Германии пришла «красно-зеленая» коалиция.

Многолетний союз ХДС и ХСС оправдал себя. Христианские партии в истории ФРГ осознавали свою ответственность перед немецким народом и, несмотря на межпартийные разногласия, не допускали серьез-

ных политических кризисов в стране. Считаясь правыми, консервативными, ХДС и ХСС проявили завидную приспособляемость к меняющимся условиям развития как в Европе, так и в мире. Однако ситуация меняется. Миграционная политика канцлера Ангелы Меркель вызвала напряженность между партиями. Председатель ХСС Хорст Зеehoфер демонстративно подверг жесткой критике такую политику. Определенную самостоятельность он проявил и в отношении России в связи с введенными против нее санкциями. Взаимными уступками словесного характера межпартийный конфликт был улажен. Но на выборах в бундестаг 24 сентября 2017 г. ХДС и ХСС показали худшие результаты в своей истории. С большим трудом Ангеле Меркель удалось сформировать правительство «большой коалиции» ХДС/ХСС–СДПГ. Хорст Зеehoфер стал в нем министром внутренних дел [36].

ХСС и ХДС в настоящее время явно испытывают лидерский кризис. Канцлер ФРГ и председатель ХДС Ангела Меркель, как и председатель ХСС Хорст Зеehoфер, просто не видит, кому она могла бы передать свои партийные полномочия. Разумеется, кандидаты есть, но будут ли они приняты большинством членов в своих партиях? Проблем добавили неудачи на земельных выборах в Баварии 14 октября 2018 г. (ХСС получил всего лишь 37% голосов избирателей) и Гессене 29 октября 2018 г. (ХДС – 27%). Вполне ожидаемого успеха добилась правая партия «Альтернатива для Германии» (AfD). После этих выборов «Альтернатива для Германии» будет представлена не только в бундестаге, но и во всех земельных парламентах ФРГ. Новое поколение избирателей в Германии отдает ей голоса куда охотнее, чем «старым» христианским партиям. Немецкие обозреватели уже описывают сценарии, когда АдГ захватит на кресло федерального канцлера [37. С. 130–131].

Впрочем, ситуация в Германии, когда появляются новые радикальные партии, способствует внутренней консолидации в ХДС/ХСС. Произойдет ли это сейчас, когда Ангела Меркель уже заявила, что на ближайшем съезде партии сложит с себя председательские полномочия и больше не станет выдвигаться кандидатом в канцлеры? Вряд ли эти перемены окажутся болезненными для ХДС.

Время больших «народных», а тем более христианских партий в Германии, как и в других европейских странах, прошло. В ХДС уже давно идет дискуссия о смене названия партии. Присутствующая в нем конфессиональность «отпугивает» избирателей, которые не являются христианами [38. С. 173–174]. Новые политические структуры уже не будут такими жесткими, как прежде, как и партийные союзы и коалиции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Адамо Г. ХДС/ХСС. Сущность и политика : пер. с нем. М. : Политиздат, 1979. 308 с.
2. Сокольский С.Л. Христианско-демократический союз ФРГ: социология и политика. М. : Наука, 1983. 264 с.
3. Петелин Б.В. Ранняя история Христианско-демократического союза: Конрад Аденауэр-Якоб Кайзер-Отто Нушке. 1945–1952 гг. Череповец : Череповец. гос. ун-т, 2014. 207 с.
4. Некрылова О.Г. Христианско-демократический союз в партийно-политической системе послевоенной Западной Германии: проблемы образования в условиях оккупации (1945–1949 гг.). Елец : Елецкий гос. ун-т им. И.А.Бунина, 2017. 175 с.
5. Ватлин А.Ю. Германия в XX веке. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2005. 336 с.
6. Патрушев А.И. Германия в XX веке : учеб. пособие. М. : Дрофа, 2004. 432 с.

7. Павлов Н.В. Россия и Германия: несостоявшийся альянс (история с продолжением) : науч. изд. М. : Аспект-Пресс, 2017. 560 с.
8. Стрелец М.В. Христианско-социальный союз в Баварии (ФРГ): идеология и политика. Брест : Изд-во БГТУ, 2004. 410 с.
9. Попов И. Д. Организационное и идейное становление христианско-социального союза в Баварии : 1945–1949 гг. : дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2011. 255 с.
10. Geschichte einer Volkspartei. 50 Jahre CSU. ATWERB-Verlag KG. München, 1995. 815 S.
11. Bösch F. Die Adenauer- CDU. Gründung, Aufstieg und Krise einer Erfolgspartei 1945–1969. München : Deutsche Verlags-Anstalt, 2001. 575 S.
12. Kleinmann H.-O. Geschichte der CDU 1945-1982. Stuttgart : Deutsche Verlags-Anstalt, 1993. 544 S.
13. Lexikon zur Geschichte der Christlichen Demokratie in Deutschland / hrsg. von W. Becker, G. Buchstab, A. Doering-Manteuffel, R. Morsey. Schöningh Verlag Paderborn, 2002. 809 S.
14. Adenauer K. Erinnerungen 1945–1953. Stuttgart, 1965. Bd. I. 589 s.
15. Штраус Ф.Й. Воспоминания : пер. с нем. М. : Международные отношения, 1991. 560 с.
16. Die CDU/CSU im Frankfurter Wirtschaftsrat. Protokolle der Unionsfraktion 1947–1949. Düsseldorf : Droste Verlag, 1988. 481 S.
17. Die CDU/CSU im Parlamentarischen Rat. Sitzungsprotokolle der Unionsfraktion. Stuttgart : Klett-Gotta, 1981. 701 s.
18. Ерин М.Е. Распад партийной системы и крах Веймарской республики : учеб. пособие. Ярославль : ЯрГУ, 1992. 112 с.
19. Ерин М.Е. История Веймарской республики в новейшей германской историографии : учеб. пособие. Ярославль, 1997. 115 с.
20. Ерин М.Е. Генрих Брюнинг. Канцлер и политик : биография. Ярославль : ЯрГУ, 2010. 319 с.
21. Биск И.Я. История повседневной жизни населения в Веймарской республике. Иваново : Ивановский гос. ун-т, 1990. 156 с.
22. Биск И.Я. Пресса Веймарской Германии. Иваново : Ивановский гос. ун-т, 1995. 231 с.
23. Веймарская республика: история и источниковедение. Межвузовский сборник научных трудов. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2001. 200 с.
24. Веймарская республика: история, историография, источниковедение : межвуз. сб. науч. тр. Иваново : Ивановский гос. ун-т, 2011. 392 с.
25. Винклер Г.А. Веймар 1918–1933: история первой немецкой демократии : пер. с нем. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2013. 878 с.
26. Мёллер Х. Веймарская республика: Опыт одной незавершенной демократии / пер. с нем. А.Н. Доронина. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. 311 с.
27. Павлов Н.В. Германия на пути в третье тысячелетие : пособие по страноведению. М. : Высшая школа, 2001. 367 с.
28. Деятельность Советской военной администрации в Германии (СВАГ) по демилитаризации Советской зоны оккупации Германии. 1945–1949 : сб. документов. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. 838 с.
29. Henzler Ch. Die Christlich-Soziale Union in den ersten Nachkriegsjahren // Geschichte einer Volkspartei. 50 Jahre CSU. München, 1995. P. 109–161.
30. Советская Военная Администрация в Германии (СВАГ). Управление пропаганды (информации) и С.И.Тюльпанов. 1945–1949 : сб. документов. 2-е изд., доп. и изм. М. : АИРО-XXI, 2006. 352 с.
31. Добровольский Е.С. Христианская демократия и строительство социализма в Восточной Германии / ГДР 1948–1952 гг. // Вестник Череповецкого государственного университета. 2013. № 4 (51), т. 1. С. 34–37.
32. Невский С.И. Социально-экономические реформы в послевоенной Западной Германии: 1945–1949. М. : ТЕИС, 2008. 159 с.
33. Рейман М. Решения 1945–1956 / [пер. с нем. Г.Я. Рудого]. М. : Политиздат, 1975. 256 с.
34. Петелин Б.В. Франц Йозеф Штраус: баварский политик европейского масштаба Германия: государство, общество, человек : сб. науч. статей / отв. ред. Л.Н.Корнева. Кемерово : Кузбассвузиздат, 2015. С. 205–218. (Германские исследования в Сибири. Вып. 9).
35. Schäuble W. Der Vertrag Wie ich über die deutsche Einheit verhandelte. München : Droemersche Verlagsanstalt, 1993. 317 S.
36. Павлов Н.В. Меркель 4.0 – это реальность! // Historia Provinciae : журнал региональной истории. 2018. Т. 2, № 2. С. 80–90.
37. Bender J. Was will die AfD? Eine Partei verändert Deutschland. München : Pantheon Verlag, 2017. 206 S.
38. Resing V. Die Kanzler-Maschine. Wie die CDU funktioniert. Freiburg : Verlag Herder GmbH, 2013. 223 S.

Petelin Boris V. Cherepovets State University (Cherepovets, Russia). E-mail: pbwtscherepovez@mail.ru

CDU/CSU FRG: FORMATION OF THE PARTY UNION

Keywords: Christian parties; Economic council; fraction; elections to the Bundestag.

The post-war period in the history of Germany came to the end in 1949 with split of the country to the FRG and the GDR. The reasons of this split were caused not only by policy of the occupational authorities, but also lack of unity in those political structures which worked in West Germany and in the Soviet occupational zone (since 10/7/1949 – the GDR).

The purpose of this article is the analysis of the specific historical conditions, which developed in West Germany in which there was a formation of two Christian parties: The Christian Social Union in Bavaria (CSU) and the Christian Democratic Union, which united in themselves Catholics and Protestants and concluded among themselves the fractional agreement existing until present.

Sources of this subject are documentary materials on stories of CDU and CSU, Economic and Parliamentary councils, statistical data on elections to the Bundestag of Germany and stories of Christian democracy in Germany, researches of the German historians and political scientists and also Soviet and Russian experts. Memoirs of Konrad Adenauer and Franz Josef Strauss; biography of Helmut Kohl, Wolfgang Schaeuble, Teo Vaygel, Horst Zeekhofer, Angela Merkel were attracted with the author.

Creation of CSU in Bavaria happened earlier than CDU (the first congress took place in 1950 in Goslar). Specifics of Bavaria, the Bavarian conservatism and patriotism caused the regional status of CSU. However, its creators wished bigger: representative offices of the party at the federal level. In it their ambitions coincided with plans of founders of CDU, first of all, of Adenauer who moved forward for the first roles in the course of institutionalization of West Germany. The agreement on joint activity between CSU and CDU was signed with the beginning of work of Economic council. Christian parties could block the aspiration of social democrats to enter planned economy in West Germany. Without having allies, SPD could not prevent transition to social market economy. After elections to the Bundestag of 1949, CDU and CSU formed uniform parliamentary fraction which remained ruling till 1969.

The allied unity of CDU/CSU was exposed to crisis more than once. Especially sharp disagreements between parties were in the late seventies when the ambitious politician F.J. Strauss was the chairman of CSU. In recent years the Bavarian union sharply criticized the chancellor Angela Merkel for immigration policy which weakened support of parties from voters. Thereby the social and political situation in Germany forces CDU/CSU to look for new opportunities for preservation of the interparty union.

REFERENCES

1. Adamo, G. (1979) *KhDS/KhSS. Sushchnost' i politika* [CDU / CSU. Essence and politics]. Translated from German. Moscow: Politizdat.
2. Sokolskiy, S.L. (1983) *Khristiansko-demokraticheskiy soyuz FRG: sotsiologiya i politika* [Christian Democratic Union of Germany: Sociology and Politics]. Moscow: Nauka.

3. Petelin, B.V. (2014) *Rannaya istoriya Khristiansko-demokraticeskogo soyuza: Konrad Adenauer-Yakob Kayzer-Otto Nushke. 1945–1952 gg.* [The early history of the Christian Democratic Union: Konrad Adenauer-Jacob Kaiser-Otto Nushke. 1945–1952]. Cherepovets: Cherepovets State University.
4. Nekrylova, O.G. (2017) *Khristiansko-demokraticeskii soyuz v partiynno-politicheskoy sisteme poslevoennoy Zapadnoy Germanii: problemy obrazovaniya v usloviyakh okkupatsii (1945–1949 gg.)* [Christian Democratic Union in the Party-Political System of Post-War West Germany: Problems of Education under Occupation (1945–1949)]. Elets: Elets State University.
5. Vatlin, A.Yu. (2005) *Germanii v XX veke* [Germany in the 20th century]. Moscow: ROSSPEN.
6. Patrushev, A.I. (2004) *Germaniya v XX veke* [Germany in the 20th century]. Moscow: Drofa.
7. Pavlov, N.V. (2017) *Rossiya i Germaniya: nesostoyavshiyasia al'yans (istoriya s prodolzheniem)* [Russia and Germany: the failed alliance (a story with a sequel)]. Moscow: Aspekt-Press.
8. Strelets, M.V. (2004) *Khristiansko-sotsial'nyy soyuz v Bavarii (FRG): ideologiya i politika* [Christian-Social Union in Bavaria (Germany): ideology and politics]. Brest: BSTU.
9. Popov, I.D. (2011) *Organizatsionnoe i ideynoe stanovlenie khristiansko-sotsial'nogo soyuza v Bavarii: 1945–1949 gg.* [Organizational and ideological formation of the Christian-social union in Bavaria: 1945–1949]. History Cand. Diss. St. Petersburg.
10. CSU. (1995) *Geschichte einer Volkspartei. 50 Jahre CSU* [History of a People's Party. 50 years CSU]. Munich: ATWERB-Verlag KG.
11. Bösch, F. (2001) *Die Adenauer-CDU. Gründung, Aufstieg und Krise einer Erfolgspartei 1945–1969* [The Adenauer CDU. Foundation, rise and crisis of a successful party in 1945–1969]. Munich: Deutsche Verlags-Anstalt.
12. Kleinmann, H.- O. (1993) *Geschichte der CDU 1945–1982* [History of the CDU in 1945–1982]. Stuttgart: Deutsche Verlags-Anstalt.
13. Becker, W., Buchstab, G., Doering-Manteuffel, A. & Morsey, R. (eds) (2002) *Lexikon zur Geschichte der Christlichen Demokratie in Deutschland* [Encyclopedia on the History of Christian Democracy in Germany]. Paderborn: Schöningh Verlag.
14. Adenauer, K. (1965) *Erinnerungen 1945–1953* [Memories 1945–1953]. Vol. I. Stuttgart: Deutsche Verlags-Anstalt.
15. Strauss, F.J. (1991) *Vospominaniya* [Memories]. Translated from German. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya.
16. The CDU / CSU in the Frankfurt Economic Council. (1998) *Protokolle der Unionsfraktion 1947–1949* [Minutes of the Union faction 1947–1949]. Düsseldorf: Droste Verlag.
17. The CDU / CSU in the Parliamentary Council. (1981) *Sitzungsprotokolle der Unionsfraktion* [Minutes of the Union Group]. Stuttgart: Klett-Gotta.
18. Erin, M.E. (1992) *Raspad partiynoy sistemy i krakh Veymarskoy respubliki* [The collapse of the party system and the collapse of the Weimar Republic]. Yaroslavl: Yaroslavl State University.
19. Erin, M.E. (1997) *Istoriya Veymarskoy respubliki v noveyshey germanskoy istoriografii* [The history of the Weimar Republic in the newest German historiography]. Yaroslavl: Yaroslavl State University.
20. Erin, M.E. (2010) *Genrikh Bryuning. Kantsler i politik. Biografiya* [Heinrich Brüning. Chancellor and politician. Biography]. Yaroslavl: Yaroslavl State University.
21. Bisk, I.Ya. (1990) *Istoriya povsednevnoy zhizni naseleniya v Veymarskoy respublike* [The history of the daily life of the population in the Weimar Republic]. Ivanovo: Ivanovo State University.
22. Bisk, I.Ya. (1995) *Pressa Veymarskoy Germanii* [Press of Weimar Germany]. Ivanovo: Ivanovo State University.
23. Bisk, I.Ya., Baev, V.G. & Erin, M.E. (eds) (2001) *Veymarskaya respublika: istoriya i istochnikovedenie* [Weimar Republic: history and source study]. Ivanovo: Ivanovo State University.
24. Bisk, I.Ya. et al. (eds) (2011) *Veymarskaya respublika: istoriya, istoriografiya, istochnikovedenie* [Weimar Republic: history, historiography, source study]. Ivanovo: Ivanovo State University.
25. Winkler, G.A. (2013) *Veymar 1918–1933: istoriya pervoy nemetskoj demokratii* [Weimar 1918–1933: the history of the first German democracy]. Translated from German. Moscow: ROSSPEN.
26. Moller, Kh. (2010) *Veymarskaya respublika: Opyt odnoy nezavershennoy demokratii* [Weimar Republic: The Experience of an Incomplete Democracy]. Translated from German by A.N. Doronin. Moscow: ROSSPEN.
27. Pavlov, N.V. (2001) *Germaniya na puti v tret'e tysyacheletie* [Germany on the way to the third millennium]. Moscow: Vysshaya shkola.
28. Zakharov, V. (ed.) (2004) *Deyatel'nost' Sovetskoy voennoy administratsii v Germanii (SVAG) po demilitarizatsii Sovetskoy zony okkupatsii Germanii. 1945–1949* [The activities of the Soviet military administration in Germany (SVAG) for the demilitarization of the Soviet zone of occupation of Germany. 1945–1949]. Moscow: ROSSPEN.
29. Henzler, Ch. (1995) Die Christlich-Soziale Union in den ersten Nachkriegsjahren [The Christian-Social Union in the First Postwar Years]. In: Seidel Stiftung, H. (ed.) *Geschichte einer Volkspartei. 50 Jahre CSU* [History of a People's Party. 50 years of the CSU]. Munich: Hanns-Seidel-Stiftung. pp. 109–161.
30. Boryugov, G.A. et al. (eds) (2006) *Sovetskaya Voennaya Administratsiya v Germanii (SVAG). Upravlenie propagandy (informatsii) i S.I.Tyulpanov. 1945–1949* [Soviet Military Administration in Germany (SVAG). Management of Propaganda (Information) and S.I.Tyulpanov. 1945–1949]. 2nd ed. Moscow: AIRO-XXI.
31. Dobrovolskiy, E.S. (2013) Christian democracy and building of socialism in East Germany/GDR in 1948–1952. *Vestnik Cherepovetskogo gosudarstvennogo universiteta*. 4(1). pp. 34–37. (In Russian).
32. Nevskiy, S.I. (2008) *Sotsial'no-ekonomicheskie reformy v poslevoennoy Zapadnoy Germanii: 1945–1949* [Socio-economic reforms in post-war West Germany: 1945–1949]. Moscow: TEIS.
33. Reiman, M. (1975) *Resheniya 1945–1956* [Decisions of 1945–1956]. Translated from German by G.Ya. Rudy. Moscow: Politizdat.
34. Petelin, B.V. (2015) *Frants Yozef Shtraus: bavarskiy politik evropeyskogo masshtaba Germaniya: gosudarstvo, obshchestvo, chelovek* [Franz Josef Strauss: Bavarian politician of European scale Germany: state, society, person]. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat. pp. 205–218.
35. Schäuble, W. (1993) *Der Vertrag Wie ich über die deutsche Einheit verhandelte* [The Contract. How I Negotiated German Unity]. Munich: Droemersch Verlag.
36. Pavlov, N.V. (2018) Merkel 4.0 is a reality! *Historia Provinciae – zhurnal regional'noy istorii – Historia Provinciae – The Journal of Regional History*. 2(2). pp. 80–90. (In Russian).
37. Bender, J. (2017) *Was will die AfD? Eine Partei verändert Deutschland* [What does the AfD want? One party is changing Germany]. Munich: Pantheon Verlag.
38. Resing, V. (2013) *Die Kanzler-Maschine. Wie die CDU funktioniert* [The chancellor machine. How the CDU works]. Freiburg: Verlag Herder GmbH.

УДК 325.14; 329.058.2; 338.054.23
DOI: 10.17223/19988613/57/22

А.С. Сербина

К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ ИММИГРАЦИИ И НЕЛЕГАЛЬНОЙ ЗАНЯТОСТИ В ГЕРМАНИИ

Делается попытка ответить на вопрос, как соотносится иммиграция и нелегальная занятость в Германии. Дана оценка масштабов иммиграции последних лет, связанной с гражданской войной в Сирии и в целом с дестабилизацией Ближнего и Среднего Востока. Характеризуются масштабы теневой экономики ФРГ, отрасли, наиболее подверженные нелегальной деятельности, половозрастная и профессиональная структура нелегально занятых мигрантов. Сделан вывод о том, что на фоне растущей миграционной нагрузки доля теневой экономики по отношению к ВВП Германии падает. Эффективную борьбу с нелегальной деятельностью, в том числе среди мигрантов, гарантирует существующее законодательство в этой области, которое постоянно совершенствуется, а также работа ответственных служб и профилактические меры.

Ключевые слова: иммиграция; ксенофобия; политический дискурс; нелегальная занятость; правовое регулирование.

Немецкие СМИ пестрят заголовками о превращении Германии в страну мигрантов. Историю иммиграции в ФРГ можно проследить, начиная с середины 1950-х гг. по настоящее время. Для восстановления разрушенной войной экономики дефицит рабочей силы восполнялся за счет привлечения трудовых мигрантов из Греции, Италии и Югославии. Итальянцы до сих пор остаются достаточно крупной группой среди иностранного населения Германии, занимая четвертое место после турок, поляков и сирийцев. Следующая волна иммиграции связана с 1970-ми гг., когда в ФРГ приехали тысячи гастарбайтеров из Турции. По данным Федерального статистического ведомства в 2017 г. из 9,5 млн иностранцев в стране почти 1,5 млн (15,5%) имели турецкое происхождение [1. S. 29]. Приток мигрантов из Турции стабильно падает начиная с 1999 г.

Структура иностранного населения современной Германии стремительно меняется, в первую очередь за счет прибывших из стран Ближнего и Среднего Востока. Лидерами по темпам прироста беженцев и экономических мигрантов в Германию с 2013–2014 гг. стали Сирия и Афганистан. Только из Сирии в 2017 г. прибыли почти 699 тыс. человек, а из Афганистана – 252 тыс. Динамика роста сирийского и афганского населения на территории Германии представлена в таблице.

Динамика прироста сирийского и афганского населения на территории Германии с 2010 по 2017 г., тыс. чел.*

Страна исхода	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017
Сирия	30,1	32,9	40,4	56,9	118,2	366,5	638	699
Афганистан	51,3	56,6	61,8	67	75,4	131,5	253,5	251,6

* Составлено автором по: [1. S. 24–33].

Новизна современной миграционной ситуации в ФРГ состоит в том, что в результате лояльной политики по приему беженцев в некоторых городах и районах коренное население отныне не составляет большинства. Лидерами по количеству иностранного населения, безусловно, являются западные земли. В 2017 г. доля населения с миграционным прошлым в целом по Германии составила 12%, в западных землях в среднем выше: 17% в Берлине и Бремене, 16% в Гамбурге и Гессене и 15% в Баден-Вюртемберге. В восточных

землях это соотношение колеблется в пределах 4–5%. [Ibid. S. 21]. В городе Оффенбах в земле Гессен в настоящее время 2/3 населения имеет иностранные корни. Неслучайно, что именно здесь с 1999 г. вручается премия организациям или отдельным лицам за вклад в интеграцию мигрантов и борьбу с ксенофобией и дискриминацией. Премия 2018 г. получила школа Теодора Хейсса, 70% учеников которой имеют миграционный фон. Школа позиционирует себя как межкультурное учебное заведение, в котором преподаются не только конкретные предметы и язык, но и навыки толерантной коммуникации.

Огромный приток беженцев последних лет, неравномерное их распределение по землям и городам, сложности с их адаптацией порождают ксенофобские настроения среди коренного населения. Подобные настроения подогреваются СМИ и политическими партиями и движениями, которые активно используют миграционную карту для своей популяризации среди населения. Так, партия «Альтернатива для Германии» по результатам выборов 2017 г. стала третьей партией в бундестаге, набрав 12,6% голосов, что почти в 3 раза больше, чем в 2013 г. [2]. Сторонники и члены АдГ делают ставку на антимиграционную риторику и в настоящее время выступают против подписания Германией Всемирного пакта ООН о миграции, запланированного на 10 декабря 2018 г. «Альтернатива для Германии» критикует правительство Меркель за то, что оно полностью привержено этому соглашению в отличие от США, Австралии, Австрии, Венгрии, Дании и других демократических стран, которые вышли из пакта из-за его возможных последствий [3].

Существующие в Германии страхи в отношении иностранцев во многом необоснованны, и их можно отнести к разряду стереотипов. Мало кто говорит о вкладе иммигрантов в благосостояние страны, предпочитая разжигать политические дискуссии вокруг темы ужесточения иммиграционного законодательства. Одним из таких стереотипов является представление о том, что мигранты, особенно из третьих стран, составляют большую часть теневой экономики в целом и работают в основном нелегально.

Точные масштабы теневой экономики в Германии невозможно определить по причине ее скрытого характера, однако существуют различные подходы для приблизительной оценки ее размеров. В 2016 г. отношение теневой экономики к ВВП Германии (330 млрд евро) в среднем составило 10,4% [4. S. 4]. Если обратиться к более ранним данным (тв 2010 г. теневая экономика ФРГ составила 13,9%), можно сделать вывод о плавном снижении доли теневой экономики, в том числе и нелегальной занятости. Данный факт подтверждают и социологические опросы, проведенные фондом Роквул (Rockwool Foundation), которые показывают снижение количества нелегально занятых и отработанных ими трудочасов с 2001 г.

Л. Фельд и К. Ларсен подсчитали, что в 2008 г. 0,75% ВВП пришлось на нелегальную деятельность. Это означает, что примерно 10% населения в возрасте от 18 до 74 лет в течение года занимались незаконной трудовой деятельностью примерно по 5 часов в день [5. S. 124].

В Германии задействованы различные структуры сдерживания теневой экономики. За борьбу с криминальной деятельностью ответственны, в частности, полиция (по вопросам организованной экономической преступности) и земельные министерства финансов (по вопросам уклонения от уплаты налогов). Основную ответственность за раскрытие и контроль сферы нелегальной занятости несут службы таможенного управления. В целом в финансовом контроле над нелегальной деятельностью задействованы примерно 6 700 сотрудников в двух рабочих областях. В отрасли E (проверки и расследования) работают примерно 85% сотрудников. Они проводят проверки рабочих мест и дополнительные расследования. В отрасли F задействованы 15% сотрудников, в задачи которых входит обработка данных расследований административных правонарушений в рамках нелегальной деятельности.

Нелегальная занятость составляет наибольшую часть теневой экономики. Под нелегальной занятостью понимается не только нарушение обязательств по социальному страхованию и налоговым обязательствам, но и нарушение законов о минимальной заработной плате, о нормативных условиях труда для иностранных работников, о переуступке наемного работника другому работодателю, а также нелегальная деятельность иностранных граждан.

Нелегальная занятость шире распространена среди мужчин (в 2 раза больше по сравнению с женщинами). Незаконной деятельности подвержены больше молодые мужчины: в 2008 г. 18% 18–19-летних и 19% 20–29-летних представителей мужского пола подтвердили свое участие в нелегальной активности за последние два месяца к моменту опроса, в то время как доли 50–59-летних и 60–69-летних людей составили 8 и 6% соответственно. 12% опрошенных, которые занимались нелегальной деятельностью в течение последних двух месяцев, не имели никакой профессиональной квалификации и вообще оконченного профессионального образования. 9% окончили колледж, 5–6% имели диплом о высшем профессиональном образовании и 9% только аттестат о среднем общем образовании.

3% опрошенных на момент анкетирования находились в статусе обучающихся [Ibid. S.30].

Наиболее вовлеченные в нелегальную занятость сферы экономики: строительство, ресторанный и гостиничный бизнес, пассажирские перевозки, транспорт и логистика, индустрия развлечений, лесная промышленность, клининговый сервис, выставочный бизнес, мясная промышленность. Причем в строительстве работают преимущественно мужчины, женщины заняты в основном уходом за детьми, пожилыми людьми, в клининге и др. Из этого можно сделать вывод, что незаконная деятельность связана прежде всего не с производством товаров, а, скорее, с оказанием услуг.

Особого внимания заслуживает дискуссия о мерах эффективного противодействия теневой экономике и нелегальной занятости. В коалиционном договоре между ХДС, ХСС и СДПГ 2013 г. неоднократно отмечается, что борьба с нелегальной занятостью является важным элементом финансовой политики и политики на рынке труда. Это относится, в частности, и к теме упрощения налогообложения и исполнения налоговых обязательств: «Мы улучшим борьбу с уклонением от платежей налогов, аферами социально-страхового характера, незаконной занятостью в правовых рамках, а также модернизируем персональное и информационно-техническое оснащение финансового контроля над нелегальной деятельностью. Работа по финансовому контролю над нелегальной деятельностью должна быть более эффективно организована и на достаточном уровне персонифицирована» [6. S. 90]. Положения коалиционного договора были осуществлены в том числе в рамках реформы закона об усилении борьбы с нелегальной деятельностью, которая вступила в силу 10 марта 2017 г., а также в рамках постановления об изменении закона о переуступке наемного работника другому работодателю, вступившего в силу от 1 апреля 2017 г. Цель реформы закона о борьбе с нелегальной деятельностью состоит в улучшении общих правовых условий надзорной и розыскной деятельности органа финансового контроля и других уполномоченных органов над нелегальной занятостью, а также в оптимизации информационно-технологического оснащения.

Все партии, представленные в Бундестаге, разделяют мнение федерального правительства о социальном вреде нелегальной деятельности. Однако существуют разногласия в вопросах подходов и методов политики сдерживания. ХДС, также как и ХСС, утверждает, что финансовый контроль над нелегальной деятельностью в прошлом достиг большого прогресса, но все-таки данная система нуждается в дальнейшем планомерном развитии. Союз 90 / Партия зеленых требуют выделять больше ресурсов для финансового контроля над нелегальной деятельностью и исключить из государственных заказов работодателей, осужденных по причине участия в нелегальной деятельности. Левая партия Германии требует, чтобы ключевой задачей финансового контроля над нелегальной деятельностью была борьба с организованной преступностью, прежде всего в строительстве, так как именно здесь сконцентрирована преобладающая часть незаконной предпринимательской деятельности. Объединение немецких

профсоюзов настаивает на том, чтобы политика сдерживания была сосредоточена на существующих до сих пор «полулегальных» формах занятости, в которых чаще нарушаются права работников и практикуется демпинг заработной платы [7].

Приток работоспособного населения потенциально увеличивает предложение рабочей силы. Однако можно утверждать, что расширение предложения рабочей силы за счет беженцев не входит в число причин роста теневой экономики. Так, по данным Центрального регистра иностранных граждан, иностранное население в Германии в октябре 2015 г. увеличилось на 820 тыс. человек по сравнению с тем же месяцем прошлого года. В 2016 г. в результате иммиграции предложение легальной рабочей силы повысилось еще на 380 тыс. человек. Из всех беженцев порядка 25% трудоустроены, остальные 285 тыс. остаются официально безработными. Однако это касается тех, кто подтвердил свой статус беженца и получил вид на жительство. Однако могут быть и случаи участия в теневой экономике лиц, чей статус либо еще рассматривается, либо им было отказано в убежище, но они пока находятся на территории Германии. В среднем в 2016 г. можно говорить о 385 тыс. человек в возрастной группе 16–64 лет с действующей процедурой предоставления убежища, которые могут работать нелегально. Кроме того, опираясь на данные о том, что около трети заявок, поданных в 2015 г. на предоставление убежища, были отклонены, еще порядка 130 тыс. человек в этой возрастной группе могут быть заняты нелегально. Исходя из этих предположений, Ф. Шнайдер и Б. Букманн оценивают потенциальное увеличение предложения рабочей силы в теневом секторе в 800 тыс. человек (285 000 + 385 000 + 130 000). Точных данных о том, сколько человек фактически задействовано в теневой экономике и в какой степени, естественно, нет. По самому скромному расчету можно предположить, что 25% из них, т.е. 200 тыс. человек, работают в теневом секторе. Приблизительный доход беженцев и лиц, ищущих убежище, работающих нелегально, составляет 5 евро в час. Для сравнения для легально работающих лиц по закону о минимальной заработной плате доход не может быть меньше 8,84 евро в час. Объем занятости в теневом секторе ниже, чем в официальной экономике – около 20 часов в неделю, или 80 часов в месяц. Таким образом, средняя заработная плата нелегально занятых мигрантов составляет примерно 400 евро в месяц, или 4 800 евро в год. Средняя брутто-зарплата, по данным ведомства статистики, в 2017 г. при полной легальной занятости составляла 3 527 евро в месяц. Таким образом, по самым скромным оценкам, нелегально занятыми беженцами может быть получен неучтенный доход в размере 960 млн евро. Тем не менее доля теневой экономики по отношению к ВВП снижается даже с учетом повышения миграционной нагрузки. Так, в период между 2015 и 2016 гг. теневая экономика сократилась на 1,9 млн евро на фоне растущей иммиграции в страну [8. S. 26].

Большую роль в сдерживании нелегальной занятости играют постоянно совершенствующееся законодательство в этой области, работа ответственных служб

и профилактические меры. Борьба с незаконной занятостью регулируется в Германии главным образом законом о борьбе с незаконной занятостью 1957 г. Он устанавливает компетенции органов, ответственных за проведение проверок, определяет характер и масштабы их сотрудничества, устанавливает штрафные санкции за нарушение тех или иных норм. Кроме того, в начале 2000-х гг. были созданы первые законодательные акты для каждой особенно подверженной нелегальной занятости отрасли экономики. Так, в 2001 г. был принят закон сдерживания нелегальной деятельности в строительстве, а также в области коммерческих грузовых перевозок. В 2002 г. принят закон об облегчении борьбы с нелегальной деятельностью. Законодательное регулирование борьбы с нелегальной занятостью достигло своей наивысшей точки в 2004 г. с принятием соответствующего закона (Das Schwarzarbeitsbekämpfungsgesetz). Он определил понятие «нелегальная занятость», описал задачи проверки различными служащими, установил их компетенции и представил систему наказаний. Наряду с этим законом важную роль при сдерживании нелегальной деятельности играют такие законы, как закон о переуступке наемного работника другому работодателю, закон об обязательных условиях труда для иностранных наемных рабочих и закон о минимальной заработной плате. 1 апреля 2017 г. вступило в силу постановление об изменении закона о переуступке наемного рабочего другому работодателю. Цель данной реформы состояла в том, чтобы предотвратить злоупотребление договором подряда и препятствовать скрытой переуступке работников. В частности, согласно реформе максимальный срок действия переуступки для временного работника ограничивается теперь 18 месяцами. Более длительный срок может быть возможен только на предприятиях, связанных тарифным соглашением. Спустя 9 месяцев временные работники должны получать зарплату, соответствующую оплате штатного работника предприятия.

Меры профилактики обычно носят общий характер и редко прямо нацелены на граждан третьих стран. Это прежде всего информационные кампании для работодателей, которые повышают осведомленность о недостатках и рисках незаконной занятости, и юридические консультации для незаконно работающих граждан третьих стран. Как работодатели, так и работники, работающие без соответствующего вида на жительство или права на работу, могут привлекаться к уголовной ответственности вплоть до трех лет тюремного заключения. На работодателей, которые незаконно используют граждан третьих стран, могут быть наложены штрафы в размере до 500 тыс. евро, они могут быть исключены из государственных контрактов и субсидий. Последствия для работников из третьих стран варьируют от штрафов до тюремного заключения, ограничения места жительства, депортации. Однако незаконно нанятые граждане третьих стран имеют право требовать неоплаченное вознаграждение за свою работу. В нескольких городах Германии существуют центры консультирования, оказывающие им юридическую помощь.

Итак, нелегальная деятельность мигрантов в Германии все чаще становится предметом политических дискуссий. В ФРГ уже существует достаточно развитая и эффективная система правовых и практических средств ограничения нелегальной деятельности. Кроме того, несмотря на потенциальное увеличение рабочей силы за счет огромного притока мигрантов, мы не наблюдаем роста доли теневой экономики по отношению к ВВП. Нелегальная занятость – это явление универсальное, характерное как для мигрантов, так и для

коренного населения. Некоторые отрасли экономики вообще не могут существовать без нелегальной занятости. Более того, по итогам 2017 г. в ФРГ зафиксированы рекордно высокая занятость и низкая безработица. Прогнозируется, что в 2018 г. в условиях бума на немецком рынке труда возникнет и будет далее обостряться дефицит квалифицированных кадров, восполнять который правительство планирует за счет привлечения иностранных специалистов, в том числе из третьих стран.

ЛИТЕРАТУРА

1. Bevölkerung und Erwerbstätigkeit. Ausländische Bevölkerung: Ergebnisse des Ausländerzentralregisters // Statistisches Bundesamt (Destatis), 2018. URL: https://www.destatis.de/DE/Publikationen/Thematisch/Bevoelkerung/MigrationIntegration/AuslaendBevoelkerung2010200177004.pdf?__blob=publicationFile
2. Bundestagswahl 2017: Endgültiges Ergebnis // Büro des Bundeswahlleiters. URL: https://www.bundeswahlleiter.de/info/presse/mitteilungen/bundestagswahl-2017/34_17_endgueltiges_ergebnis.html
3. Migrationspakt-stoppen! // Alternative für Deutschland, AfD. URL: <https://www.afd.de/migrationspakt-stoppen/>
4. Prognose zur Entwicklung der Schattenwirtschaft 2017. Anhaltend positive Beschäftigungslage und steuerliche Entlastungen führen zu einem weiteren Rückgang der Schattenwirtschaft. URL: http://www.iaw.edu/index.php/presse-detail/736?file=tl_files/dokumente/IAW_JKU_Pressemitteilung_Schattenwirtschaftsprognose_Februar_2017.pdf
5. Das Ausmaß der Schwarzarbeit in Deutschland, Odense: University Press of Southern Denmark. URL: <http://www.rockwoolfonden.dk/app/uploads/2015/12/Das-Ausmas-der-Schwarz-arbeit-in-Deutschland.pdf>
6. Deutschlands Zukunft gestalten. Koalitionsvertrag zwischen CDU, CSU und SPD. 18. Legislaturperiode. URL: <https://www.bundesregierung.de/resource/blob/72488/336570/be89704c0e89fe01a1594f00c5acc938/2013-12-17-koalitionsvertrag-data.pdf?download=1>
7. Tangermann J., Grote J. Illegale Beschäftigung von Drittstaatsangehörigen in Deutschland. Fokusstudie der deutschen nationalen Kontaktstelle für das Europäische Migrationsnetzwerk // Bundesamt für Migration und Flüchtlinge 2017. URL: http://www.bamf.de/SharedDocs/Anlagen/DE/Publikationen/EMN/Studien/wp74-emn-illegale-beschaeftigung-drittstaatsangehoerige-deutschland.pdf?__blob=publicationFile
8. Schneider F., Boockmann B. Die Größe der Schattenwirtschaft – Methodik und Berechnungen für das Jahr 2016. URL: https://www.iaw.edu/tl_files/dokumente/IAW_JKU_Schattenwirtschaft_Studie_2016_Methodik_und_Berechnungen.pdf
9. Gesetz zur Bekämpfung der Schwarzarbeit und illegalen Beschäftigung (Schwarzarbeitsbekämpfungsgesetz – SchwarzArbG). URL: https://www.gesetze-im-internet.de/schwarzarb_g/2004/SchwarzArbG.pdf

Serbina Anna S. Novosibirsk State University of Economics and Management (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: serbina.anna@mail.ru

INTERRELATION OF IMMIGRATION AND ILLEGAL EMPLOYMENT IN GERMANY

Keywords: immigration; xenophobia; political discourse; illegal employment; legal regulation.

The article makes an attempt to study the correlation between immigration and unreported employment in modern Germany. Based on the latest data the history of immigration to Germany is traced. Due to the multiple growth of the North African, the Middle Eastern and the South Asian immigrants' flow to the EU and in particular Germany in fall 2015 witnessed the greatest migration crisis since the Second World War. According to the German Federal Office of Statistics Syria was rank first among the migrants' origin states. So, for example the number of people with Syrian citizenship on the German soil had risen more than ten times. The situation when in some towns native Germans are no longer a majority fuels xenophobic sentiment. This in turn is used by political powers for gaining popularity. For example, Alternative für Deutschland, political party with strong anti-migrant rhetoric moved into third place in 2017 Parliament Elections. Fears associated with foreigners existing in Germany are mainly baseless and can be considered as stereotypes. One of such fears is the notion of migrants being the core of the twilight economy and tend to unreported employment. Existing methods of the twilight economy estimation allow us to talk about gradual decline of its take to the country's GDP since 2010. Unreported employment has the greatest share of the twilight economy. Article represents gender, age and professional characteristics of illegally employed third countries' migrants. The conclusion that illegal activities are mainly connected not with goods production but services can also be drawn. Economic sectors deeper intervened with unreported employment are: building, restaurant and hotel business, passenger traffic, transportation and logistics, entertainment, timber industry, cleaning services, exhibition activities, meat industry, etc. The research focuses on the discussion over the shadow economy and unreported employment effective countermeasures. All parties represented in Bundestag share the position of the Federal Government on social harm of illegal activities, the disagreement on ways and methods of its deterrent exist though. Labor pool inflow has the potential to boost the labor offer. However, we can state that expanding labor offer through the refugees is not the reason behind the growth of the shadow economy. Moreover, we can note that the share of the twilight economy in regard to the country's GDP shrinks even considering the migration. The greater part in the unreported employment deterrence plays constantly improving legal base, responsible authorities' activities and prevention control.

REFERENCES

1. Federal Statistical Office (Destatis). (2018) *Bevölkerung und Erwerbstätigkeit. Ausländische Bevölkerung Ergebnisse des Ausländerzentralregisters* [Population and employment. Foreign population Results of the Foreigners Central Register]. [Online] Available from: https://www.destatis.de/DE/Publikationen/Thematisch/Bevoelkerung/MigrationIntegration/AuslaendBevoelkerung2010200177004.pdf?__blob=publicationFile.
2. Office of the Federal Returning Officer. (2017) *Bundestagswahl 2017: Endgültiges Ergebnis* [Bundestag election 2017: Final result]. [Online] Available from: https://www.bundeswahlleiter.de/info/presse/mitteilungen/bundestagswahl-2017/34_17_endgueltiges_ergebnis.html.
3. Alternative für Deutschland, AfD. (n.d.) *Migrationspakt-stoppen!* [Migration pact-stop!]. [Online] Available from: <https://www.afd.de/migrationspakt-stoppen/>.
4. Johannes Kepler University. (2017) *Prognose zur Entwicklung der Schattenwirtschaft 2017. Anhaltend positive Beschäftigungslage und steuerliche Entlastungen führen zu einem weiteren Rückgang der Schattenwirtschaft* [Forecast for the development of the shadow economy in 2017. Ongoing

- positive employment and tax relief lead to a further decline in the shadow economy]. [Online] Available from: http://www.iaw.edu/index.php/presse-detail/736?file=tl_files/dokumente/IAW_JKU_Pressemitteilung_Schattenwirtschaftsprognose_Februar_2017.pdf
5. Feld, L.P. & Larsen, C. (2015) *Das Ausmaß der Schwarzarbeit in Deutschland* [The extent of undeclared work in Germany]. Odense: University Press of Southern Denmark. [Online] Available from: <http://www.rockwoolfonden.dk/app/uploads/2015/12/Das-Ausmas-der-Schwarz-arbeit-in-Deutschland.pdf>.
 6. Die Bundesregierung. (2013) *Deutschlands Zukunft gestalten. Koalitionsvertrag zwischen CDU, CSU und SPD. 18. Legislaturperiode* [Shape Germany's future. Coalition agreement between CDU, CSU and SPD. 18th legislative period]. [Online] Available from: <https://www.bundesregierung.de/resource/blob/72488/336570/be89704c0e89fe01a1594f00c5acc938/2013-12-17-koalitionsvertrag-data.pdf?download=1>
 7. Tangermann, J. & Grote, J. (2017) *Illegale Beschäftigung von Drittstaatsangehörigen in Deutschland. Fokusstudie der deutschen nationalen Kontaktstelle für das Europäische Migrationsnetzwerk* [Illegal employment of third-country nationals in Germany. Focus study of the German National Contact Point for the European Migration Network]. [Online] Available from: http://www.bamf.de/SharedDocs/Anlagen/DE/Publikationen/EMN/Studien/wp74-emn-illegale-beschaefigung-drittstaatsangehoerige-deutschland.pdf?__blob=publicationFile.
 8. Schneider, F. & Boockmann, B. (2016) *Die Größe der Schattenwirtschaft – Methodik und Berechnungen für das Jahr 2016* [The size of the shadow economy – methodology and calculations for 2016]. [Online] Available from: https://www.iaw.edu/tl_files/dokumente/IAW_JKU_Schattenwirtschaft_Studie_2016_Methodik_und_Berechnungen.pdf.
 9. Germany. (2004) *Gesetz zur Bekämpfung der Schwarzarbeit und illegalen Beschäftigung (Schwarzarbeitsbekämpfungsgesetz – SchwarzArbG)* [Law to combat illegal work and illegal employment (Illicit Labor Law – SchwarzArbG)]. [Online] Available from: https://www.gesetze-im-internet.de/schwarzarbg_2004/SchwarzArbG.pdf.

УДК 930:94(430),085
DOI: 10.17223/19988613/57/23

О.Э. Терехов

В ТЕНИ САМОГО СЕБЯ: ОСВАЛЬД ШПЕНГЛЕР И ГУМАНИТАРНАЯ МЫСЛЬ XX СТОЛЕТИЯ

Рассматривается отношение к интеллектуальному наследию Освальда Шпенглера в гуманитарной мысли XX столетия. Анализируются этапы отражения и восприятия основных философско-исторических и политических идей Шпенглера в западной и отечественной гуманитарной научной мысли. Утверждается идея о том, что интеллектуальное наследие Шпенглера долгое время воспринималось в гуманитарной мысли XX столетия преимущественно как творение дилетанта-одиночки, культурно-исторические и политические взгляды которого находились скорее в плоскости мифа, чем в области строго научного анализа.

Ключевые слова: Освальд Шпенглер; философия истории; «консервативная революция».

В 1918 г. исполняется сто лет со дня выхода одной из самых интеллектуально провокативных книг XX столетия – первого тома «Заката Европы» Освальда Шпенглера (1880–1936). Как показало время, труд никому не известного дилетанта-мыслителя, при всей его формальной неакадемичности, «методологическом анархизме», начиная от заглавия самой книги, содержал ворох разнообразных идей и интуитивных догадок, от знакомства с которыми «захватывало дух». Выход первого тома также совпал с важными политическими событиями в истории Европы, связанными с окончанием Первой мировой войны. Поэтому неудивительно ошеломляющее впечатление, какое он произвел на европейскую интеллектуальную публику.

Однако второй том «Заката Европы», вышедший лишь в 1922 г., оказался в тени первого, и это сыграло со Шпенглером злую шутку. Второй том, «Всемирно-исторические перспективы», – важная часть авторского замысла, он нес основную смысловую нагрузку «Заката Европы» и ставил актуальные вопросы: нации и расы, философия больших городов, предназначение женщины и борьба полов, христианство и еврейский вопрос, проблема аристократии, философия политики, денег и техники. Все это было обнародовано тогда, когда страсть публики к Шпенглеру поутихла, а обширная антишпенглеровская литература развернулась во всю мощь. Шпенглер оказался в тени самого себя.

Как писала Ольга Балла, «Шпенглер состоялся не как идеология, а именно как миф – влияние которого более всеобъемлюще, более тонко и, вследствие этого, менее явно» [1. С. 44]. Сам Шпенглер сознательно культивировал образ мыслителя-одиночки, стоящего «над схваткой». Это, судя по его биографии, было ему чрезвычайно удобно, так как полностью соответствовало его позиции пророка и мистификатора, стремившегося подобной интеллектуальной ролью, или, перефразируя его же терминологию, интеллектуальным гештальтом, как можно больше обезопасить себя от вторжения реальной действительности, порой жесткой и некрасивой, не совсем отвечающей его тонким эстетическим вкусам и запросам.

То, что Шпенглер являлся «Enfant terrible» (ужасное дитя) западной гуманитарной мысли XX столетия, не вызвало сомнений даже у тех интеллектуалов, ко-

торые с интересом и благосклонностью отнеслись к его идеям. Автодидакт, хотя и с дипломом профессионального философа и математика, надменно смотрящий на современную ему академическую науку, претендующий ни много ни мало на «коперниканское открытие в области истории» [2. С. 147], Шпенглер, безусловно, стоит особняком в контексте германской и западной гуманитарной мысли прошлого столетия, не вписываясь ни в одно из ее направлений и течений. Да и объективные факторы развития гуманитарной мысли XX столетия явно не способствовали демифологизации интеллектуального наследия Шпенглера, который после Второй мировой войны большей частью рассматривается как незадачливый предшественник Тойнби, безнадежно запутавшийся в немецком идеализме, ницшеанстве, национализме и дилетантизме.

Академическое научное сообщество в своем большинстве так и не признало за автором «Заката Европы» равного интеллектуального субъекта, с которым можно вести какие-то дискуссии на предмет его исследования. Критика ряда маститых гуманитариев, в частности известных и авторитетных историков Э. Трельча и Ф. Мейнеке, сделало из Шпенглера некую маргинальную фигуру в гуманитарной мысли на долгое время. Например, один из ведущих послевоенных немецких историков Эрнст Нольте в своей фундаментальной монографии об исторической мысли XX столетия хотя и включил Шпенглера в число историков и философов, тем не менее давал ему достаточно сдержанную оценку. Нольте указывал на то, что в своей критике культуры и характеристике цивилизации Шпенглер не был оригинальным исследователем для своего времени. Л. Клаггесс, К. Брейзинг, В. Ратенау, М. Вебер, по мнению Нольте, были куда более значительными и важными интерпретаторами этой проблематики [3. S. 218].

До настоящего времени существует значительный интеллектуальный пласт, рассматривающий культурологию и философию истории автора «Заката Европы» как нечто выходящее за рамки академической традиции. Известный литературовед и культуролог Александр Генис в авторской передаче на радио «Свобода», посвященной столетию выхода в свет «Заката Европы», называет этот труд культурологическим бестселлером, гениально написанной, но во многом ошибочной книгой [4].

Несмотря на практически полное забвение интеллектуального наследия Шпенглера к середине столетия, неожиданное возвращение к его идеям произошло в германской гуманитарной мысли с ее, казалось бы, строгим академизмом, не оставляющим места интеллектуальным вольностям и строго карающим тех, кто хоть как-то пытался выйти за его рамки. Карл Ясперс в «Истоках истории и ее цели» (1949), полемизируя с автором «Заката Европы», включил его, наряду с А. Вебером и А. Тойнби, в число ведущих философов истории современности.

В пике продолжающемуся принципиальному «незамечанию» в академической среде философско-исторических и культурологических идей Шпенглера, исключительную поддержку они получили в среде «новых правых». Обращение «новых правых» к интеллектуальному наследию Шпенглера выявило другую грань его творчества, которая была известна, но долгое время оставалась в тени его культурологических и исторических штудий. Она выявила Шпенглера как одного из ведущих идеологов немецкого консерватизма, в частности «консервативной революции». В конечном итоге именно синтез культурно-исторических и политических идей Шпенглера позволил встроить их в интеллектуальный и общественно-политический контекст эпохи. Как позднее писал историк Х. Мёллер, «политические сочинения Шпенглера воспринимаются как выражение политических, духовных проблем послевоенного времени и одновременно как парафразы его необычно сенсационного волнующего главного труда» [5. S. 51].

Основоположник изучения феномена немецкой «консервативной революции» и впоследствии один из ведущих идеологов «новых правых» Армин Молер, характеризуя мировоззренческую и социально-политическую позицию Шпенглера, определяет ее как «героический реализм». Молер распространил эту категорию на всю «консервативную революцию», включив ее в число главных мировоззренческих и идеологических установок «революционного консерватизма» «Героический реализм» стал идейным и мировоззренческим ответом интеллектуалов «консервативной революции» на кризис культуры и национального самосознания в эпоху модерна [6. S. 157–161].

Американский либеральный историк немецкого происхождения Клеменс Клемперер в своем труде «Консервативные движения между кайзеровским рейхом и национал-социализмом» (первое издание книги на английском языке вышло в 1957 г. под названием «Germany's New Conservatism») называет Шпенглера «языческим консерватором» [7. S. 167]. По мнению Клемперера, историческая диалектика Шпенглера достигла высшей точки своего развития в концепции «пруссачества», в которой он возвращается к идее Гегеля. Шпенглер вновь вернул смысл диалектики к ее исходному пункту, идущему от понимания государства Гегелем, в создании государственных форм по образу и подобию Пруссии. Размышления Клемперера о наличии в политических взглядах Шпенглера диалектической составляющей, идущей в своей основе от установок гегелевской диалектики, несомненно, были

важным шагом в укоренении автора «Заката Европы» в немецкой гуманитарной традиции и – шире – в европейской.

Важное место в возвращении идей Шпенглера в интеллектуальный дискурс занимает историк Антон Мирко Коктанек, который, работая с архивом Шпенглера, хранящимся в Баварской государственной библиотеке в Мюнхене, не только издал его неопубликованные труды, но и написал первую фундаментальную монографию о нем [8]. Коктанек отбросил эмоциональное восприятие идей Шпенглера, столь характерное для его предшественников. Книга отличается взвешенностью в осмыслении идей Шпенглера. Особенностью книги стало то, что автор обратился к рассмотрению не только философско-исторических и культурологических идей Шпенглера, но затронул достаточно по тем временам болезненную для немецкой гуманитарной мысли тему политических взглядов и трудов автора «Заката Европы». Коктанек попытался создать целостную и как можно более объективную картину не только жизни и творческой судьбы Шпенглера, его работ, но и эпохи в целом.

Труд Коктанека стал переломным в западной шпенглерии. С 1970-х гг. критика интеллектуального наследия Шпенглера стала уступать место его аналитическому осмыслению и постепенному включению в «джентельменский интеллектуальный набор» гуманитарной мысли XX столетия. Особенно важным в этом отношении стал этап 1980-х гг., в ходе которого соединились два направления в изучении наследия Шпенглера: как философа истории, культуролога и политического мыслителя консервативного толка. Характерной чертой этого этапа стал международный характер шпенглерии. Достаточно назвать имена французского историка Жилбера Мерлио, который является одним из ведущих специалистов по творчеству Шпенглера, и американского политолога Джеффри Херфа, создателя концепции «реакционного модерна».

Интеллектуальным итогом шпенглерии 1980-х гг. стала книга, которая окончательно утвердила автора «Заката Европы» в статусе значительного представителя немецкой и западной гуманитарной мысли XX столетия. Речь идет о монографии Детлефа Фелькена «Освальд Шпенглер: консервативный мыслитель между кайзеровской империей и диктатурой» [9]. По сению итальянского шпенглероведа Массимо Феррари Цумбини, «это была первая современная монография в истинном смысле этого слова» [10. S. 12–13], посвященная творчеству Шпенглера. Главным достоинством работы Фелькена было то, что автор впервые рассмотрел Шпенглера не как некоего провидца и пророка, а поставил вопрос о непосредственных источниках его философско-исторических и политических взглядов. Фелькелю удалось связать воедино все грани интеллектуального наследия Шпенглера в единое целое и, самое главное, комплексно рассмотреть генезис его научных и политических позиций.

Что касается отечественной шпенглерии, то она прошла ряд этапов в своей эволюции: от знаменитого сборника 1922 г. «Освальд Шпенглер и Закат Европы», в котором мыслители «серебряного века», в их

числе Н.А. Бердяев и С.Л. Франк, выразили свое отношение к труду Шпенглера и который спровоцировал жесткую реакцию советских властей в форме «философского парохода», до полного неприятия советскими гуманитариями философии истории «Заката Европы», автора которого причисляли к выразителям идеологии реакционной буржуазии и предтечам германского фашизма, и попыток в позднесоветский период гуманитарной мысли с позиции марксистской методологии более или менее объективно проанализировать культурно-историческую и политическую концепции Шпенглера [11–13]. Современный этап восприятия отечественными гуманитариями наследия Шпенглера характеризуется его рассмотрением в интеллектуальном и социокультурном контексте своего времени [14–16].

Восприятие интеллектуального наследия Шпенглера в гуманитарной мысли XX столетия прошло долгий и сложный путь его адаптации к стремительно меня-

ющейся, выражаясь словами Карла Ясперса, духовной ситуации времени. Избранный самим Шпенглером образ мыслителя-одиночки, стоящего в стороне от скучных, на его взгляд, интеллектуальных дискуссий, сыграл с ним историческую шутку. Образ мыслителя-одиночки со временем трансформировался в некий миф интеллектуала-дилетанта, все достижения которого свелись к изобретению звучного лозунга «Закат Европы». Известный немецкий философ Герман Люббе еще в 1980 г., в год столетнего юбилея автора «Заката Европы», утверждал: «Шпенглер – не классик» [17. С. 1]. Однако «ужасное дитя» западной гуманитарии все же было принято в материнское лоно ее базовых ценностей и установок, плоть от плоти которых он был. Эволюция шпенглеряны показывает нам, как сложно проходил этот процесс. Шпенглер в конечном итоге все же стал классиком германской и западной гуманитарной мысли XX столетия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Балла О. Историческая судьба «Заката Европы» Освальда Шпенглера : биография одного мифа // Балла О. Примечания к не написанному. Статьи. Эссе. Franc-Tireur, 2010. Т. 1. С. 44.
2. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории / пер. с нем. М. : Мысль, 1993. Т. 1: Гештальт и действительность С. 147.
3. Nolte E. Geschichtsdenken im 20. Jahrhundert von Max Weber bis Hans Jonas. Berlin ; Frankfurt a. Main : Propyläen, 1991. 218 S.
4. Поверх барьеров. Американский час. Опять «Закат Европы»? К 100-летию книги Шпенглера // Радио свобода. 2018. 18 июня. URL: <https://www.svoboda.org/a/29289679.html>
5. Möller H. Oswald Spengler – Geschichte im Dienste der Zeitkritik // Spengler heute / Hrsg. von Ch. Ludz. München, 1980. S. 49–73.
6. Mohler A. Die Konservative Revolution in Deutschland 1918–1932: Grundriss ihrer Weltanschauungen. Stuttgart : Vorwerk, 1950.
7. Klemperer K. von. Konservative Bewegungen zwischen Kaiserreich und Nationalsozialismus. München, 1962.
8. Kocktanek A.M. Oswald Spengler in seiner Zeit. München : Beck, 1968.
9. Felken D. Oswald Spengler: Konservativer Denker zwischen Kaiserreich und Diktatur. München : Beck, 1988.
10. Zumbini M.F. Untergänge und Morgenröten: Nietzsche–Spengler–Antisemitismus. Würzburg, 1999.
11. Аверинцев С.С. «Морфология культуры» Освальда Шпенглера // Новые идеи в философии : ежегодник Философского общества СССР, 1991. М., 1991. С. 183–203.
12. Свасьян К.А. Социально-философская и политическая доктрина О. Шпенглера // Социологические исследования. 1987. № 11. С. 125–133.
13. Тавризян Г.М. О. Шпенглер, Й. Хейзинга: две концепции кризиса культуры. М., 1987.
14. Афанасьев В.В. Либеральное и консервативное // Шпенглер О. Политические произведения. М., 2009. С. 223–526.
15. Артамошин С.В. Понятия и позиции консервативной революции: интеллектуальное течение «консервативной революции» в политической жизни Веймарской республики. Брянск, 2011.
16. Терехов О.Э. Феномен «консервативной революции» в историографии ФРГ: основные концепции и проблемы интерпретации. Кемерово : Кемеровский гос. ун-т, 2011.
17. Spengler heute / Hrsg. von Ch. Ludz. München, 1980.

Terekhov Oleg E. Kemerovo State University (Kemerovo, Russia). E-mail: terekhov1968@mail.ru

IN THE SHADOW OF HIMSELF: OSWALD SPENGLER AND THE HUMANITARIAN THOUGHT OF THE XX CENTURY

Keywords: Oswald Spengler; Philosophy of history; The “Conservative Revolution”.

2018 has special significance, marking the 100th anniversary since publication of the first volume of “The Decline of the West” by the German philosopher of history, cultural studies and political journalist Oswald Spengler. As time has shown, the ideas of this deliberately not academically written work, have become firmly established in the humanitarian thought of the XX century. The paradox of the perception of Spengler’s intellectual heritage is that despite the fact that it was rejected by academic science, cultural, historical and political ideas of the thinker in one way or another were spread and further developed in the context of the evolution of humanitarian and sociopolitical thought past century.

The purpose of the article is to consider the stages of reflection and perception of the Spengler’s main philosophical-historical and political ideas in the Western and Russian humanitarian thought. Sources of research were the works of native and foreign humanitarians. Particular emphasis is placed on the analysis of works devoted to the study of Spengler’s intellectual heritage.

The discussion around the Spengler’s ideas, mainly related to the cultural-historical concept of “The Decline of the West”, began from the moment of its release. Only a few exceptions, the academic thought had rejected the idea of this book. However, even at that stage of perception and criticism of Spengler’s ideas, it was obvious that he in the mythologized and polemical form had touched upon many urgent problems of our time. Return to the Spengler’s works began after the World War II. Only then two trends of interpretation of his intellectual heritage emerged clearly. The first trend was characterized by the gradual adaptation of his ideas in the academic environment. The beginning of this process was laid by the German philosopher K. Jaspers. The second trend was associated with the perception of the Spengler’s political ideas by “new right” movement. Ultimately, these trends have merged and gave rise to a certain extent “Spengler’s Renaissance”. Among the leading researchers of Spengler should be named: A. Mohler, A.M. Kocktanek, E. Felken, J. Merle, J. Herf, and from Russian philosophers of “Silver Age”, G.M. Tavrizyan, S.V. Artamoshina, V.V. Afanaseva.

The perception of Spengler’s intellectual heritage in the humanitarian thought of the XX century passed a long and difficult path. Elected by Spengler spiritual and intellectual path of single thinker, in humanitarian thought was transformed into an image of a thinker-mystifier

and amateur intellectual who had no idea about history, culture and politics. However, the “spenglerian” evolution shows, that Spengler was able to become one of the leading representatives of German and Western humanitarian thought.

REFERENCES

1. Balla, O. (2010) *Primechaniya k nenapisannomu. Stat'i. Esse* [Notes to the Unwritten. Articles. Essays]. Vol. 1. Franc-Tireur, USA: [s.n.]. pp. 44.
2. Spengler, O. (1993) *Zakat Evropy. Ocherki morfologii mirovoy istorii* [The Decline of the West. Essays on the Morphology of World History]. Vol. 1. Translated from German. Moscow: Mysl'.
3. Nolte, E. (1991) *Geschichtsdenken im 20. Jahrhundert von Max Weber bis Hans Jonas* [Historical thinking in the 20th century from Max Weber to Hans Jonas]. Berlin, Frankfurt am Main: Propyläen.
4. Genis, A. & Paramonov, B. (2018) Poverkh bar'erov. Amerikanskiy chas. Opyat' "Zakat Evropy"? K 100-letiyu knigi Shpenglera [Over the barriers. American hour. Again "The Decline of the West"? To the 100th anniversary of Spengler's book]. *Radio svoboda*. 18th June. [Online] Available from: <https://www.svoboda.org/a/29289679.html>.
5. Möller, H. (1980) Oswald Spengler – Geschichte im Dienste der Zeitkritik [Oswald Spengler – History in the Service of Contemporary Criticism]. In: Ludz, Ch. (ed.) *Spengler heute* [Spengler Heute]. Munich: C.H. Beck Verlag. pp. 49–73.
6. Mohler, A. (1950) *Die Konservative Revolution in Deutschland 1918–1932: Grundriss ihrer Weltanschauungen* [The Conservative Revolution in Germany in 1918–1932: Outline of their world views]. Stuttgart: Vorwerk.
7. Klemperer, K. von (1962) *Konservative Bewegungen zwischen Kaiserreich und Nationalsozialismus* [Conservative movements between the Empire and National Socialism]. Munich: [s.n.].
8. Koktanek, A.M. (1968) *Oswald Spengler in seiner Zeit* [Oswald Spengler in his time]. Munich: Beck.
9. Felken, D. (1988) *Oswald Spengler: Konservativer Denker zwischen Kaiserreich und Diktatur* [Oswald Spengler: Conservative thinker between empire and dictatorship]. München: Beck.
10. Zumbini, M.F. (1999) *Untergänge und Morgenröten: Nietzsche – Spengler – Antisemitismus* [Ruins and Dawns: Nietzsche – Spengler – Anti-Semitism]. Würzburg: Königshausen u. Neumann.
11. Averintsev, S.S. (1991) "Morfologiya kul'tury" Osval'da Shpenglera ["The morphology of culture" by Oswald Spengler]. In: Frolov, I. (ed.) *Novye idei v filosofii: Ezhegodnik Filosofskogo obshchestva SSSR* [New Ideas in Philosophy: Yearbook of the Philosophical Society of the USSR]. Moscow: Nauka. pp. 183–203.
12. Swassjan, K.A. (1987) Sotsial'no-filosofskaya i politicheskaya doktrina O. Shpenglera [Socio-philosophical and political doctrine of O. Spengler]. *Sotsiologicheskie issledovaniya – Sociological Studies*. 11. pp. 125–133;
13. Tavrizyan, G.M. (1987) *O. Shpengler. Y. Kheyzinga: dve kontseptsii krizisa kul'tury* [O. Spengler, J. Huizinga: Two Concepts of the Crisis of Culture]. Moscow: Iskusstvo.
14. Afanasyev, V.V. (2009) Liberal'noe i konservativnoe [Liberal and Conservative]. In: Spengler, O. *Politicheskie proizvedeniya* [Political works]. Moscow: [s.n.]. pp. 223–526.
15. Artamoshin, S.V. (2011) *Ponyatiya i pozitsii konservativnoy revolyutsii: intellektual'noe techenie "konservativnoy revolyutsii" v politicheskoy zhizni Veymarskoy respubliki* [Concepts and positions of the conservative revolution: The intellectual course of the "conservative revolution" in the political life of the Weimar Republic]. Bryansk: Bryansk State University.
16. Terekhov, O.E. (2011) *Fenomen "konservativnoy revolyutsii" v istoriografii FRG: osnovnye kontseptsii i problemy interpretatsii* [The phenomenon of "conservative revolution" in the historiography of Germany: The basic concepts and problems of interpretation]. Kemerovo: Kemerovo State University.
17. Ludz, Ch. (ed.) (1980) *Spengler heute* [Spengler Today]. Munich: Beck.

А.Х. Хильгер

СОВЕТСКИЕ ВОЕННОПЛЕННЫЕ: НЕМЕЦКИЙ ПЛЕН И ПРОБЛЕМЫ ВОЗВРАЩЕНИЯ НА РОДИНУ

Рассматриваются ключевые аспекты истории советских военнопленных Второй мировой войны в немецком плену. К ним относятся мотивация немецких конкретных мер в отношении советских военнопленных, позиция вермахта в этом вопросе, численность пленных и погибших, их стратегии выживания и репатриация. Анализируется политика германского руководства в отношении военнопленных и описываются судьбы отдельных категорий военнопленных. Обращение к послевоенной памяти о бывших военнопленных показывает, что эта тема до сегодняшнего дня лишена должного внимания. Совместный российско-немецкий проект – одна из инициатив для исправления этой ситуации.

Ключевые слова: советские военнопленные; Вторая мировая война; военные преступления; репатриация; воспоминание.

Введение

История советских военнопленных Второй мировой войны до сих пор остается на задворках немецкой исторической науки. Не обсуждается эта тема и в контексте вопросов «культурной памяти». Предложение одной из инициативных групп немецкой общественности, которая вот уже несколько лет ведет работу по созданию в Берлине общенемецкого мемориала памяти в том числе красноармейцев, почтить память жертв так называемой «восточной политики» национал-социализма пока не нашло сколько-нибудь значимого отклика [1].

Сегодня одним из пятидесяти классических исторических трудов, опубликованных после окончания Второй мировой войны, по праву считается фундаментальное исследование Кристиана Штрайта «Они нам не товарищи», вышедшее в 1978 г. [2] Несколькими десятилетиями ранее авторитетное мнение по этому вопросу уже высказал Международный военный трибунал в Нюрнберге, заявив в своем приговоре, что «обращение с советскими военнопленными... характеризовалось особой бесчеловечностью», а их смерть была «следствием претворения в жизнь планов по систематическому уничтожению» [3. С. 536]. Тем не менее представляется, что этой теме не удалось стать важным предметом исследований немецких историков. Даже такие значимые явления в области исторической политики, как выставка «Преступления вермахта. 1941–1944 годы», прошедшая в середине 1990-х гг., и периодически вспыхивающие дебаты о выплате Германией компенсаций бывшим военнопленным не изменили в корне эту ситуацию.

Знаменательно, что, насколько можно судить, эту тему обходят стороной также историки и сторонники исторической политики в государствах постсоветского пространства. Это, безусловно, удивительное явление; нежелание заниматься темой жертв национал-социализма является достаточным поводом для того, чтобы в очередной раз обратиться к конкретным событиям, так как советские военнопленные были второй по численности группой жертв Третьего рейха и его «крупных» и «мелких» деятелей.

По сей день фактически отсутствует международный консенсус как относительно точной численности военнопленных, так и относительно того, можно ли вообще сделать достоверные, общепризнанные и имеющие обязательную силу выводы на основании соответствующих статистических данных. И действительно, до нас дошли далеко не все источники. Кроме того, обнаруживаются существенные различия между данными разных немецких ведомств, которые, собственно, должны были располагать точной информацией, а также несовпадения между совокупными данными и сведениями отдельных источников о численности пленных.

Так, в датированных началом 1945 г. документах Верховного командования сухопутных войск (ОКХ) и генерал-квартирмейстера, с одной стороны, и отдела «Иностранные армии Востока» (Fremde Heere Ost), с другой стороны, говорится либо о 5,2 млн пленных, либо о 5,7 млн [4. С. 559]. Данные, которые в свое время сообщил СССР, еще больше запутывают. Согласно официальной статистике потерь Красной армии, число пленных составило 4,1–4,5 млн плюс 0,5 млн мобилизованных военнообязанных, попавших в плен до прибытия в распоряжение своих частей [5. С. 226–236; 6]. Обнародовав в декабре 1945 г. данные о 1,8 млн репатрированных военнопленных, советские власти, естественно, не сообщили об общем их количестве. Жесткая политика советского руководства по отношению к своим пленным соотечественникам наталкивает на мысль о том, что судьбы военнопленных можно проследить по другой советской статистике, например по 370 тыс. судебных процессов против «дезертиров» и других, которые велись в СССР с 1941 по 1945 г., а также по делам так называемых «власовцев», которых заклеили «предателями Родины» и тем самым лишили статуса военнопленных.

Наряду с проблемой со статистическими данными об общем количестве пленных, сведения о смертности в плену также варьируют. Разные ученые сходятся на цифре 2,5–3,3 млн умерших и убитых военнопленных. Как и следовало ожидать, подсчеты на основании официальных советских данных дают более низкие цифры [7. С. 29–31]. Однако несомненно одно: упомянутые здесь масштабы трагедии плена огромны и ужасающи.

Дебаты по вопросу о военнопленных ни в коем случае нельзя понимать только лишь как дискуссию о цифрах. Вопросы статистики тесно связаны с проблемами статуса, т.е. с тем, кого немецкая сторона вообще считала и признавала военнопленным. Тесную связь между статусом и статистикой хорошо иллюстрирует такой пример, как убийства советских комиссаров и политруков: немецкая сторона отказала этим категориям военнослужащих в статусе военнопленных, и они исчезли в буквальном смысле бесследно – в том числе и из статистики [8].

В общем и целом с немецкой точки зрения вопрос статуса представлял собой решение о том, каким противникам можно было присвоить статус военнопленных и тем самым особую международно-правовую защиту, а каким – нет. Такое решение основывалось на общих целях ведущейся войны и идеологических представлениях, принималось в контексте событий на фронтах и оккупированных территориях. Это хорошо видно на примере отношения к партизанам и отбившимся от своих частей красноармейцам. В первые месяцы войны ситуация с этими категориями советских граждан на местах была довольно запутанной, несмотря на то что масштабное и организованное партизанское движение возникло только некоторое время спустя. Тем не менее в указе «О применении военной подсудности в районе “Барбаросса” и об особых мерах войск», изданном в мае 1941 г., говорится о том, что нападения ополченцев и гражданских лиц на немецкие части должны «подавляться войсками вплоть до уничтожения нападающего». Там, где «подобные меры были упущены», ближайший офицер решает, следует ли расстрелять таких «преступных элементов» [9]. Эти положения указа как минимум частично нарушали нормы международного права, согласно которому вышеперечисленные группы лиц при определенных условиях считались военнопленными.

С немецкой точки зрения сложность, особенно на тыловых территориях, заключалась в необходимости отличать отдельных, например беглых, красноармейцев от гражданских лиц и участников воинских соединений, чтобы в установленном порядке признавать военнопленными как минимум красноармейцев и обращаться с ними соответствующим образом. Например, в своем приказе от 29 июня 1941 г. 4-я армия предприняла попытку определить внешние критерии для вышеописанного различия. В приказе говорится, что «с невооруженными лицами, в которых, даже если они одеты в гражданскую одежду, сразу узнаются солдаты», следует обращаться, как с военнопленными. Однако гражданские лица, которые «имеют при себе оружие, даже если этим оружием будет опасная бритва в сапоге, считаются ополченцами и подлежат уничтожению» [10. С. 326–327]. 6-я армия пошла по пути наименьшего сопротивления и издала в июле 1941 г. приказ, предписывавший сразу же расстреливать всех солдат в гражданском [11. С. 367]. В конце июля ОКХ дополнительно распорядилось обращаться, как с ополченцами, также с красноармейцами, которые отбились от своих частей, находились в тылу и не сдались немцам добровольно [10. С. 148–150]. Наконец, в сентябре 1941 г.

главнокомандующий фон Браухич отнес к ополченцам, т.е. к категории, подлежащей уничтожению, и отбившихся от своих частей солдат, которые продолжали сражаться против нацистов, хотя такие солдаты однозначно были потенциальными военнопленными [Там же. С. 266].

Изменения этого радикального подхода обусловлены осознанием того, что жестокость немцев только подливала масла в огонь сопротивления в СССР и в конечном итоге оборачивалась против немецких солдат. В дальнейшем проблема рассматривалась под другими углами зрения: с сентября 1943 г. так называемым формированиям по борьбе с бандами вообще было приказано оставлять в живых всех трудоспособных мужчин на якобы «зараженных партизанами» территориях, чтобы угнать их на принудительные работы, т.е. предоставить в распоряжение немецкой промышленности [Там же. С. 294–295].

Этот пример показывает, что немецкие ведомства из идеологических, экономических и военных соображений присваивали статус военнопленного весьма произвольно, мало заботясь при этом о соблюдении норм права, в том числе международного.

Похожее самоуправство немцы проявляли и в отношении женщин-красноармейцев. В конце июня 1941 г. командование той же 4-й армии открытым текстом предписывало «расстреливать женщин в форме», в то время как ОКХ 30 июня потребовало обращаться с женщинами в форме, как с военнопленными [Там же. С. 326–327]. Однако, несмотря на это, служащие, например, пехотных дивизий и дивизий охраны тылов и тыловых коммуникаций продолжали целенаправленно расстреливать женщин-красноармейцев. В октябре 1941 г. командующий 6-й армией фон Рейхенау и подвно жаловался на то, что «все еще продолжают квалифицировать... развратных женщин, как военнопленных». Позднее ОКХ примечательным образом разрешило фундаментальное идеологическое противоречие между обращением с женщинами-красноармейцами, как с военнопленными, с одной стороны, и как с большевистскими солдатками – с другой. ОКХ согласилось после тщательной «проверки в соответствующих службах гестапо» отдавать женщин-военнопленных в распоряжение соответствующих трудовых ведомств («карбайт-самтов»). То есть женщин лишали статуса военнопленных в угоду, опять же, их интенсивному использованию для нужд немецкой военной экономики. Но на первый план выходил все-таки идеологический момент. Так, в указе говорится: «Поскольку против военнопленных женщин из районов боевых действий повсеместно возникают подозрения, то эта проверка, как правило, позволяет выявить политическую неблагонадежность этих женщин» [Там же. С. 328–330]. Это означало, что женщины, как правило, передавались полиции безопасности, что означало передачу командам смерти («морд-коммандо») или направление в женские концлагеря.

Особенности немецкой политики и идеологии запутали ситуацию со статусами и в такой обширной области, как освобождение пленных, опять-таки с серьезными последствиями. До конца 1941 г. были освобождены около 270 тыс. пленных. Примерно 80 тыс.

из них были украинцами (хотя в ноябре 1941 г. освобождать их перестали), остальные – балтами и этническими немцами. В середине 1942 г. освобождение пленных прекратилось, и на смену ему пришло использование представителей привилегированных национальностей в качестве так называемых «хильфсвиллиге» – добровольцев. Для улучшения ситуации на рынке труда в начале 1945 г. планировалось освободить благонадежных военнопленных всех национальностей с последующей отправкой на работу, однако больших масштабов это явление не приобрело. Стоит отметить, что зачастую не велось ни точный учет, ни индивидуальная регистрация освобождаемых пленных – немецкая логика усложнила статистические изыскания и в этой области [10. С. 655–661, 684, 686–688].

Как видно из приведенных выше примеров, важной особенностью такой немецкой логики обращения с советскими военнопленными было то, что представители всех уровней вермахта большей частью были уверены в неполноценности и возможности использования в своих целях большинства советских военнопленных, особенно русских, не говоря уже о евреях. В этой позиции вермахта слились воедино общее чувство превосходства немцев, общий антикоммунизм и анти-славизм, национал-консервативные и национал-социалистические идеи. Поэтому при обращении с пленными вермахт руководствовался не нормами и принципами международного права, а соображениями пользы, прежде всего военного и экономического характера. Эти соображения возникли и существовали в контексте тогдашнего представления вермахта об иерархии народов: немцы – в самом верху, славяне – гораздо ниже. Заявленная «вынужденная необходимость» вытекала из намерения национал-социалистов вести завоевательную войну на уничтожение, а также из презрения к населению СССР. При таком подходе должно было и могло воплотиться в жизнь намерение уничтожить отдельные группы пленных, а именно пленных, которых органы вермахта и / или представители высокой политики сочли крайне опасными или вообще недостойными жизни.

Ниже я более развернуто обосную и наглядно поясню этот вывод, анализируя три обширных конкретных тематических поля: ‘содержание под стражей’ – ‘селекция’ – ‘обречение на голодную смерть’.

Первое тематическое поле – ‘содержание под стражей’

Это понятие составляет наипервейшую и наиважнейшую задачу любой армии, захватывающей в плен солдат противника, и имеет своей целью сохранение жизни и здоровья пленных [2; 10. С. 253–296, 393–605; 12]. Пресловутое высказывание Гитлера о том, что «коммунист» не может быть товарищем и жестокость «мягка для будущего», поставило под угрозу решение этой фундаментальной задачи [10. С. 123–125]. Вермахт воплотил идеи Гитлера в своих указах и директивах еще при подготовке операции «Барбаросса» в июне 1941 г. Документы снова и снова призывали к жестоким и беспощадным действиям. Приказы, отдававшиеся

войскам во время войны, также подогревали ненависть к красноармейцам – потенциальным пленным. К примеру, фон Рейхенау называл солдат вермахта «носителями народной идеи и мстителями», а также предупреждал о «красной бестии», с которой они вынуждены сражаться [Там же. С. 164–166]. Генерал-полковник Хот (17-я армия) призывал культивировать в себе «здоровое чувство ненависти» к врагу [11. С. 372]. Кроме того, в этот период времени Гитлер продолжал призывать к фанатичной борьбе.

Это натравливание привело к тому, что на фронте вообще не доходило дело до «содержания под стражей», поскольку солдат противника попросту не брали в плен. Индивидуальные мотивы убийства солдат, сдававшихся в плен, были очень разнообразны: иногда такие злоупотребления были продиктованы конкретной боевой обстановкой, иногда – мстостью за атаки противника (причем факты таких атак не всегда были точно установлены, хватало одного подозрения), иногда – досадой из-за сопротивления врага. И все эти чувства подкреплялись и усиливались ярким образом врага, сформированным под сильным влиянием идеологии. Этот образ вдохновлял немецких солдат и на массовые акции возмездия. Так, например, приказ по 9-й армии предписывал убивать десять советских военнопленных за каждый установленный факт плохого обращения с немецкими пленными. Впоследствии немцы отказались от систематического применения этого принципа, правда, по одной-единственной причине: главнокомандующий фон Браухич понял, что «даже расстрел большого числа военнопленных... не обеспечит нам успех», а только спровоцирует советскую сторону на новые атаки [Там же. С. 364]. В рассматриваемом контексте более важным представляется тот факт, что немецкие командиры долго не предпринимали никаких действенных мер против убийства пленных. И только в связи с летним наступлением 1942 г. начались разговоры о том, что ввиду потребности военной экономики Германии в рабочей силе войскам следует разьяснять необходимость захватывать много пленных. Однако в конкретных ситуациях по-прежнему имели место злоупотребления отдельными солдатами в отношении пленных. Имеются доказательства того, что такие преступления совершались примерно в двух третях всех немецких дивизий — несмотря на то что сохранились далеко не все документы [8. С. 202–317].

Вышеописанное отрицательное отношение немцев к пленным ощутили на себе и красноармейцы, взятые ими в плен. Большинству пленных не было уготовано немедленное уничтожение, но об их жизнях никто особо не заботился. Так, вермахт почти не подготовился к приему пленных, хотя, естественно, рассчитывал на победы в сражениях. В тех же случаях, когда такая подготовка велась, стандарты содержания под стражей советских пленных намеренно снижались. В результате в рейхе были организованы специальные изолированные лагеря для советских военнопленных – так называемые «руссенлагер». Этим военнопленным также можно было привлекать к неоплачиваемой работе на нужды армии. Кроме того, для них установили отдельный рацион, который был уравнен с пайками

пленных других национальностей только в 1944 г. Однако даже эти более скудные нормы питания часто не соблюдались, поскольку для снабжения военнопленных использовались ресурсы оккупированных территорий, подвергнутых разграблению и опустошению. Советские военнопленные не имели возможности связаться с государством-гарантом, у них не было доверенных лиц, им запрещалось получать письма и посылки. Они охранялись строже других пленных, вплоть до применения огнестрельного оружия при неповиновении приказу. Поэтому еще осенью 1942 г. командующий германскими войсками на западе фон Рундштедт выступил за использование советских пленных на работах во Франции, ведь «в случае неповиновения их можно просто пристрелить» [11. С. 384].

На этой почве в условиях военного времени (огромное количество пленных, приоритет военных интересов на местах, а также сложности, обусловленные климатическими и географическими условиями) произошел плавный переход от осознанного пренебрежения и недостаточных норм питания к обречению на голодную смерть.

Второе тематическое поле – ‘обречение на голодную смерть’

Это понятие можно назвать синонимом массовой гибели пленных зимой 1941–1942 гг. в районе боевых действий и на территории рейха [2; 10. С. 253–296, 393–605; 12]. К весне 1942 г. количество умерших пленных составило около 2 млн. Важны следующие моменты: хотя уровень смертности после этого в целом снижался, в последующие зимы он всегда сильно увеличивался; в отдельных населенных пунктах и расположениях снова и снова отмечались массовые смерти пленных; уровень смертности советских пленных всегда был гораздо выше, чем уровень смертности западных пленных. Считается, что смертность среди советских военнопленных составила примерно 50%, среди британских и американских пленных – около 3%, среди французских – 2,8, среди польских 2–4, среди итальянских пленных – 6–7% [13. С. 755, 772, 799, 820, 836].

Голодная смерть пленных в 1941–1942 гг. частично была обусловлена тем, что снабжение их велось из местных ресурсов по остаточному принципу и в недостаточной мере. Однако и на территории Германии пленные с самого начала не получали необходимого питания. Определяющее значение имело то обстоятельство, что советские военнопленные находились на самой нижней ступени продовольственной пирамиды. Подтверждением тому служат заявления Геринга, сделанные им на совещаниях в сентябре 1941 г. [10. С. 509–511]. Исходя из этой иерархии, в октябре 1941 г. немцы урезали рацион неработающих пленных почти на 30%; тогда эта мера затронула 1 млн пленных. Увеличение норм питания в декабре 1941 г. не улучшило ситуацию с недоеданием прежде всего потому, что снабжение продовольствием по-прежнему велось с оккупированных территорий.

Усугубляли ситуацию отсутствие нормальной медицинской помощи и полнейшая антисанитария. Дей-

ственных средств, которые могли бы помочь справиться с заболеваниями, вызванными голодом и слабостью – т.е. продуктов питания – не было. Усугубляли ситуацию транспортировка и проживание в катастрофических условиях, а также свирепость караула, перегруженного из-за недостаточной численности. Летом пленных не перевозили в поездах и обозах, а гнали пешком. Поздней осенью и зимой 1941 г. в лучшем случае их сажали в открытые вагоны. Переходы и перевозки зачастую были неорганизованными, т.е. места для ночлега, питание и уход за ранеными предусмотрены не были. Во многих новых лагерях изначально строились только временные укрытия, например землянки и глинобитные строения, в лучшем случае – примитивнейшие бараки. Думаю, все видели фотографии нор в земле, палаток, изорванной одежды, колонн военнопленных, которые набрасываются на грязную воду, открытых вагонов для их перевозки и т.д.

И без того бедственное положение пленных ухудшалось до обстоятельства, что местному населению было запрещено оказывать им помощь. Позже рейхсминистр по оккупированным восточным территориям раскритиковал этот запрет: «В большинстве случаев коменданты лагерей запрещали гражданскому населению передавать продовольствие пленным, обрекая их тем самым на голодную смерть» [Там же. С. 180–184]. Число жертв росло и из-за чрезмерной жестокости, произвола и зверств караула, частично объяснявшихся недостаточной численностью его личного состава.

Наконец, и без того драматичную жизненную ситуацию военнопленных ухудшали условия труда – в том числе те, за создание которых отвечал вермахт. В целом ученые полагают, что пленные имели статус рабов воинских подразделений и использовались, например, для разминирования. С крупными проектами, в частности разработкой месторождений в Донецкой области, дело наверняка обстояло так же. В начале июля 1942 г. Гитлер хотел привлечь к этим работам 60 тыс. пленных, оставив их при этом в непосредственном подчинении ОКХ. Из-за плохого состояния здоровья – летом 1942 г.! – эти пленные не могли работать в шахтах, а уровень смертности зимой в соответствующих шталагах превышал 12%. На немецких предприятиях довольно часто условия труда и их последствия были такими же суровыми.

Положение пленных и, как следствие, их шансы на выживание всегда определялись соображениями выгоды и никогда – гуманитарными соображениями или нормами международного права. Сочетание прагматичного расчета с идеологическим характером войны хорошо прослеживается на примере «Приказа о комиссарах» и так называемых селекций военнопленных.

Третье тематическое поле – ‘селекция’

Гитлер настаивал на том, что для победы в «конфликте двух мировоззрений» «еврейско-большевистская интеллигенция должна быть уничтожена», требовал «обезвреживать большевистских главарей и комиссаров», а также задействовать службу безопасности и полицию безопасности на территориях, исконно пред-

назначавшихся вермахту, т.е. в районах боевых действий [2; 10. С. 123–125, 331–392; 14]. Верховное командование вермахта даже и не думало возражать против этих требований. Еще в марте 1941 г. генерал-квартирмейстер Вагнер и начальник Главного управления имперской безопасности Гейдрих договорились о том, что полиция безопасности и СД будут действовать совместно с армией, а в апреле ОКХ утвердило эту договоренность. Речь шла о предоставлении этим национал-социалистическим службам доступа к тыловым территориям. Перед ними стояла задача обеспечить «политическую безопасность» этих территорий согласно собственному определению и освободить армию от необходимости обезвреживать «повстанческие элементы». На самом деле войсковые части и полиция безопасности в тесном сотрудничестве боролись с красноармейцами, отбившимися от своих частей, партизанами и другими категориями лиц.

Наряду с этим на базе вышеупомянутого указа «О применении военной подсудности в районе “Барбаросса” и об особых мерах войск» были разработаны и 6 июня 1941 г. приняты так называемые «Директивы об обращении с политическими комиссарами» [10. С. 318–325]. Они требовали расстреливать военных комиссаров в армейских тылах и тылах районов боевых действий, а во фронтовом тылу – передавать айнзацгруппам полиции безопасности и СД. В августе 1941 г. действие приказа было распространено на «политруков» и «помощников по политической работе». Жертвами этого приказа стали до 10 тыс. человек, так как его получили и, как правило, исполняли все соединения. С учетом развития событий на фронтах в мае 1942 г. действие приказа было приостановлено, чтобы привлечь перебежчиков.

Так называемые селекционные были тесно связаны с «Приказом о комиссарах», однако не только с ним одним. Здесь учитывались также соображения касательно направления военнопленных на работы, которое сначала предусматривалось, затем было отменено, а с октября 1941 г. – введено окончательно и расширено. Направлению на работы должны были предшествовать селекционные, поскольку считалось, что «надлежит защитить немецкий народ от большевистских подстрекателей и немедленно крепко взять власть в свои руки на оккупированных территориях» [Там же. С. 325]. При этом генерал Рейнеке приветствовал тесное сотрудничество вермахта с полицией безопасности и СД, так как, по его мнению, многие офицеры и солдаты все еще действовали недостаточно жестко.

В конце июня 1941 г. ОКХ и Главное управление имперской безопасности договорились о создании в штаб-лагах айнзацкоманд, на которые возлагалась задача по проведению сортировок, в середине июля были изданы соответствующие приказы по генерал-губернаторству и рейху, а в середине октября – по фронтовым тылам. От основной массы военнопленных отсортировывались функционеры, так называемые интеллигенты, евреи, потенциальные подстрекатели, а также – для использования при установлении нового порядка на оккупированных территориях – военнопленные, которые, по мнению немцев, особо рьяно поддерживали нацистов.

«Негативные» пленные направлялись в концлагеря и умерщвлялись; в частности, их использовали для проведения опытов на людях и испытаний газа «Циклон-Б». Через некоторое время стало понятно, что селекционные, проводившиеся в лагерях, оскорбляли чувство чести некоторых (немногих) солдат и шли вразрез с важными экономическими соображениями. Поэтому в мае 1942 г. от этой практики начали отходить [10. С. 331–345, 351–356].

Тем не менее вермахт и полиция безопасности продолжали сотрудничать. При совершении преступлений военнопленные по-прежнему направлялись в концлагеря, а с мая 1944 г. туда также попадали унтер-офицеры и офицеры после неудавшихся попыток бегства. На территории рейха селекционные проводились, если, например, работодатель и караул сообщали о нежелании пленных работать, подстрекательской деятельности военнопленных офицеров или об одной из редких любовных связей военнопленного с немецкой или советской женщиной. Общее количество жертв селекционных составило не менее 140 тыс. человек.

Не следует путать селекционные с направлением пленных в концлагеря якобы для привлечения к труду – в этом были заинтересованы СС, которые хотели в том числе таким способом укрепить собственную экономическую империю. Еще в марте 1942 г. в Люблине планировалось создать лагерь СС для военнопленных, рассчитанный примерно на 150 тыс. узников. На самом деле в распоряжение СС, очевидно, поступило гораздо меньше «работников»: в октябре 1941 г. в Гросс-Розен, Дахау и другие лагеря было направлено около 25 тыс. военнопленных. Всего за несколько месяцев основная их масса погибла от тяжелой работы. Так, из 10 тыс. пленных, отправленных на работы в Освенцим в октябре, через 9 месяцев были зарегистрированы только 163.

Судьба пленных, получивших по результатам селекционных привилегии, в конечном итоге тоже, как правило, была всецело в руках немцев. Например, если пленные, служившие в разведывательно-диверсионной организации «Цеппелин», оказывались непригодными к этой службе или якобы неблагонадежными, их немедленно расстреливали.

Хотя в целом коллаборация пока исследована недостаточно, из последних работ в этой области уже становится понятно, что формы и мотивы сотрудничества с немецкой стороной были весьма и весьма разнообразными. Это приводит к пересмотру и иногда объявлению несостоятельными традиционных концепций, частью которых являются политически выгодные категоризация и оценка героев, предателей, сопротивленцев, жертв и преступников. Наряду с огромными пропастями между разными группами военнопленных – узников концлагерей иногда обнаруживаются удивительные союзы коллаборационистов, сопротивленцев и пассивных узников, направленные против немецких охранников и их агрессии. Взаимоотношения между узниками, их индивидуальные и групповые позиции представляются более сложными и динамичными, чем описывали раньше большинство исследователей. Так или иначе, при принятии решения добровольно согласиться на работу или выполнение других обязанностей

будущие коллаборационисты очень часто руководствовались желанием просто выжить в немецком плену. То есть для подавляющего большинства таких пленных коллаборация была стратегией выживания, а не окончательным политическим решением за или против Гитлера или Сталина. Соответственно, некоторые пленные-коллаборационисты переходили на другую сторону: они использовали свое положение, чтобы помогать другим пленным оказывать сопротивление или готовить собственное сопротивление. Некоторые пленные изменяли принятые ранее решения. Перемена военно-политической обстановки влекла за собой проверку и при необходимости корректировку соответствующей стратегии и действий по ее реализации. Коллаборанты перебежали из боевых подразделений на сторону Красной Армии или партизан. Интересно, что антинемецкое восстание грузин на острове Тексел длилось до 20 мая 1945 г.(!) [15–17].

Заключение

Сегодня Федеральное правительство Германии в тесном сотрудничестве с Правительством России реа-

лизует совместный проект, целью которого является восстановление имен и биографий военнопленных путем архивного поиска, а также содействие историческим исследованиям на эту тему путем изучения индивидуальных и коллективных судеб. При этом в фокусе должны оказаться сами военнопленные, что позволит исследовать, задокументировать и проанализировать многочисленные аспекты их жизни в плену и после плена как часть политической и социальной истории Германии и СССР в военное и послевоенное время, как часть истории сопротивления, истории преследования и истории коллаборационизма в Европе, как часть мировой истории и истории европейской культурной памяти.

Стоит отметить, что при подготовке этой небольшой статьи уже были использованы некоторые первые находки и выводы, сделанные в рамках вышеупомянутого проекта. Последние научные работы и сотрудничество в Прибалтике, Казахстане, Сербии, Франции и других странах всегда подчеркивают европейский и международный масштаб, а также фундаментальное значение данного комплекса вопросов, который, надеемся, наконец будет детально проработан.

ЛИТЕРАТУРА

1. Der NS-Lebensraumpolitik. URL: <http://www.gedenkort-lebensraumpolitik.de/> (das Datum des Zuganges: 16.11.2018).
2. Streit C. Keine Kameraden. Die Wehrmacht und die sowjetischen Kriegsgefangenen 1941–1945. Stuttgart : DVA, 1978.
3. Der Prozess gegen die Hauptkriegsverbrecher vor dem Internationalen Militärgerichtshof Nürnberg, 14. November 1945-1. Oktober 1946. Nuremberg : IMT, 1947. Bd. 21–22.
4. Keller R. Nagel Jens. Otto Reinhard. Sowjetische Kriegsgefangene in deutschem Gewahrsam. Zahlen und Definitionen. 2008. VfZG 56.
5. Кривошеев Г.Ф. Андроников В.М. Россия и СССР в войнах XX века. Книга потерь. Москва : Вече, 2010.
6. Земсков В.И. Возвращение советских перемещенных лиц в СССР. 1944–1952 гг. М. : Центр гуманитарных инициатив, 2016.
7. Gefangene in deutschem und sowjetischem Gewahrsam 1941–1956. Dimensionen und Definitionen / U. Schmidt, M. Zeidler (hrsg.). Dresden : HAIT, 1999.
8. Römer F. Der Kommissarbefehl. Wehrmacht und NS-Verbrechen an der Ostfront, 1941/42. Paderborn : Schöningh, 2008.
9. Schlüsseldokumente zur Deutschen Geschichte. URL: https://www.1000dokumente.de/index.html?c=dokument_de&dokument=0093_kgs&l=de (das Datum des Zuganges: 16.11.2018).
10. Rotarmisten in deutscher Hand. Dokumente zu Gefangenschaft, Repatriierung und Rehabilitierung sowjetischer Soldaten des Zweiten Weltkriegs / A. Hilger, R. Overmans, P. Polian (hrsg.). Paderborn: Schöningh, 2012.
11. Hürter J. Hitlers Heerführer. Die deutschen Oberbefehlshaber im Krieg gegen die Sowjetunion, 1941/42. München : Oldenbourg, 2006.
12. Keller R. Sowjetische Kriegsgefangene im Deutschen Reich 1941/42. Göttingen : Wallstein, 2011.
13. Overmans R. Die Kriegsgefangenenpolitik des Deutschen Reiches 1939 bis 1945 // Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg, tom 9,2: Die deutsche Kriegsgesellschaft 1939 bis 1945 / J. Echternkamp (hrsg.). München : DVA, 2005. C. 729–875.
14. Reinhard O. Wehrmacht, Gestapo und sowjetische Kriegsgefangene im deutschen Reichsgebiet 1941/42. München : Oldenbourg, 1998.
15. Kaltenbrunner M. Flucht aus dem Todesblock. Der Massenausbruch sowjetischer Offiziere aus dem Block 20 des KZ Mauthausen und die „Mühlviertler Hasenjagd“. Innsbruck : Studienverlag, 2012.
16. Edele M. Stalin's defectors. How Red Army soldiers became Hitler's collaborators, 1941–1945. Oxford : Oxford University Press, 2017.
17. Althoetmar K. Gekreuzigte Insel. Der Aufstand der Georgier auf Texel. 6. April 1945. Bad Münstereifel: Independent Create Space Publishing Platform, 2016.

Hilger Andreas. German Historical Institute Moscow (Moscow, Russia). E-mail: andreas.hilger@dhi-moskau.org

SOVIET POWS IN THE GERMAN CAPTIVITY AND RETURNING HOME

Keywords: Soviet Prisoners of War; Second World War; War crimes; Repatriation; Remembrance.

On 22 June 2016, the Joint Statement of the German and Russian foreign ministers, Frank-Walter Steinmeier and Sergey Lavrov initiated a new German-Russian project on the history of Soviet and German Prisoners of War and Internees. The initiative reflected the general memorial gap with regard to the fate of this victim group of National Socialism.

The purpose of the article is to analyse the most important aspects of German policy towards Soviet Prisoners of War. On this basis, the article discusses the development of historical research and collective memory in Germany, post-Soviet republics, and the rest of Europe, thus highlighting misbalances in our historical knowledge about the Third Reich and in our commemoration alike. The article draws from a vast collection of war-time documents, secondary literature, and media coverage of newer developments.

German policy against Soviet POWs constituted an integral part of the national-socialist war of annihilation against the Soviet Union. Indeed, pre-war planning expected millions of Soviet POWs. With regard to these future prisoners, German military authorities translated Hitler's ideological prescriptions into a special regime for Soviet POWs of War, thus demonstrating ideological allegiance or ideological compatibility. In comparison to the treatment of Western POWs, the Wehrmacht consciously defined lower standards of accommodation, medical support, and supplies, postulated harsher rules of custody and work, excluded Soviet POWs from certain general rights of POWs, and so on. Besides, Hitler and the Wehrmacht singled out certain categories of the Red Army's soldiers for immediate homicide. Altogether, German politics reflected general anti-communism, anti-slavism, and German beliefs in racial hierarchies. There-

fore, mass mortality of Soviet POWs in German custody cannot be ascribed to allegedly unexpected climate or transport conditions, surprisingly high numbers of POWs, and the like, but proved to be a logical, often desired result of handling of Soviet POWs. Against this background, Soviet POWs developed, if possible, own strategies of survival. In this field, the article discusses possible 'grey zones' between the poles of collaboration and resistance. It makes clear, that Stalin's general condemnation of POWs as traitors did not correspond to the realities of German camps and politics or to the activities of the vast majority of POWs, but reflected his ideological approach to assumed alliances between internal and external enemies. Finally, deep-seated German racial and political prejudices against Soviet POWs as well as Soviet politics with regard to POWs and home-comers contributed to the long neglect of this group in historiography and remembrance.

REFERENCES

1. Germany. (n.d.) *Der NS-Lebensraumpolitik* [THE NS Lebensraum policy]. [Online] Available from: <http://www.gedenkort-lebensraumpolitik.de/>. (Accessed: 16th November 2018).
2. Streit, C. (1978) *Keine Kameraden. Die Wehrmacht und die sowjetischen Kriegsgefangenen 1941–1945* [They are not comrades to us. Wehrmacht and Soviet prisoners of war, 1941–1945]. Stuttgart: DVA.
3. Germany. (1947) *Der Prozess gegen die Hauptkriegsverbrecher vor dem Internationalen Militärgerichtshof Nürnberg, 14. November 1945–1. Oktober 1946* [The trial of the International Military Tribunal over the main war criminals, November 14, 1945 – October 1, 1946]. Vol. 21–22. Nuremberg: IMT.
4. Keller, R. & Nagel, J. (2008) *Otto Reinhard. Sowjetische Kriegsgefangene in deutschem Gewahrsam. Zahlen und Definitionen* [Soviet prisoners of war in German captivity. Number and definitions]. VfZG 56 (2008).
5. Krivosheev, G.F. & Andronikov, V.M. (2010) *Rossiya i SSSR v voynakh XX veka. Kniga poter'* [Russia and the USSR in the wars of the 20th century. The Book of Loss]. Moscow: Veche.
6. Zemskov, V.I. (2016) *Vozvrashchenie sovetskikh peremeshchennykh lits v SSSR. 1944–1952 gg.* [The Return of Soviet Displaced Persons in the USSR. 1944–1952]. Moscow: Tsentr gumanitarnykh initsiativ.
7. Schmidt, U. (1999) *Gefangene in deutschem und sowjetischem Gewahrsam 1941–1956. Dimensionen und Definitionen* [Captives in German and Soviet captivity. Scales and definitions]. Dresden: HAIT.
8. Römer, F. (2008) *Der Kommissarbefehl. Wehrmacht und NS-Verbrechen an der Ostfront, 1941/42* [Wehrmacht and NA crimes on the wax front, 1941–1942]. Paderborn: Schöningh.
9. Germany. (n.d.) 100(0) *Schlüsseldokumente zur Deutschen Geschichte* [A Hundred Key Documents on German History]. [Online] Available from: https://www.1000dokumente.de/index.html?c=dokument_de&dokument=0093_kgs&l=de. (Available from: 16th November 2018).
10. Hilger, A., Overmans, R. & Polian, P. (2012) *Rotarmisten in deutscher Hand. Dokumente zu Gefangenschaft, Repatriierung und Rehabilitierung sowjetischer Soldaten des Zweiten Weltkriegs* [Red Army soldiers in German hands. Documents on captivity, repatriation and rehabilitation of Soviet soldiers of the second world war]. Paderborn: Schöningh.
11. Hürter, J. (2006) *Hitlers Heerführer. Die deutschen Oberbefehlshaber im Krieg gegen die Sowjetunion, 1941/42* [Hitler's commanders. German commanders-in-chief in the war against the Soviet Union, 1941–1942]. Munich: Oldenbourg.
12. Keller, R. (2011) *Sowjetische Kriegsgefangene im Deutschen Reich 1941/42* [Soviet prisoners of war in German Reich, 1941–1942]. Gettlingen: Wallstein.
13. Overmans, R. (2005) Die Kriegsgefangenenpolitik des Deutschen Reiches 1939 bis 1945 [German Reich policy towards prisoners of war in 1939–1945]. In: Echternkamp, J. (ed.) *Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg* [German Reich and WWII]. Vol. 9(2). Munich: DVA. pp. 729–875.
14. Reinhard, R. (1998) *Wehrmacht, Gestapo und sowjetische Kriegsgefangene im deutschen Reichsgebiet 1941/42* [Wehrmacht, Gestapo and Soviet prisoners of war in the Reich, 1941–1942]. Munich: Oldenbourg.
15. Kaltenbrunner, M. (2012) *Flucht aus dem Todesblock. Der Massenausbruch sowjetischer Offiziere aus dem Block 20 des KZ Mauthausen und die Mühlviertler Hasenjagd* [Escape from the death block. The mass exodus of Soviet officers from Block 20 of Mauthausen concentration camp and "hunting for hares in Müllviertel"]. Innsbruck: Studienverlag.
16. Edele, M. (2017) *Stalin's defectors. How Red Army soldiers became Hitler's collaborators, 1941–1945*. Oxford: Oxford University Press.
17. Althoetmar, K. (2016) *Gekreuzigte Insel. Der Aufstand der Georgier auf Texel. 6. April 1945* [Crucified Island. Rise of the Georgians on Texel. 6.4.1945]. Bad Münstereifel: Independent Create Space Publishing Platform.

УДК 930

DOI: 10.17223/19988613/57/25

Ю.Г. Чернышов

ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ ОБЩЕСТВА И ГОСУДАРСТВА В ГЕРМАНИИ В XX ВЕКЕ В ТРУДАХ ИСТОРИКОВ АлтГУ

Рассматривается опыт исследований, проведенных учеными Алтайского государственного университета по теме взаимоотношений общества и государства в Германии в XX в. Характеризуется тот вклад, который был внесен различными публикациями, в том числе кафедральными сборниками, разделами в трехтомной «Истории Германии», выпусками «Дневника Алтайской школы политических исследований». Отмечается взаимосвязь между общественно-политическими процессами, происходившими в стране и в регионе в конце XX – начале XXI в., и выбором учеными тематики при изучении истории Германии (проблемы перехода от тоталитаризма к демократии и т.д.).

Ключевые слова: история Германии; историография; гражданское общество; тоталитаризм; демократизация.

События, происходившие с начала XX в., закономерным образом меняли общественно-политическое устройство в разных государствах, причем в таких странах, как Россия и Германия, произошли самые серьезные, кардинальные трансформации. История этих двух стран, при всех их различиях, имеет немало сходных черт и, главное, дает богатый материал для анализа таких общих тем, как проблемы становления и развития гражданского общества, проблемы преодоления тоталитаризма, проблемы реализации принципов федерализма и т.д. Изучение этого опыта помогает лучше понять, как соотносятся общие закономерности в демократическом транзите с теми национальными особенностями, которые могут вносить в этот процесс серьезные коррективы. Определенную роль в осмыслении данного опыта, несомненно, должны сыграть экспертные сообщества с участием специалистов в области истории, международных отношений, политологии, права и т.д. В некоторых российских регионах уже несколько десятилетий назад сложились научные сообщества, работающие над изучением новейшей истории Германии. Основная цель данной статьи – обобщение опыта исследований по данной тематике, который был накоплен одним из таких сообществ, учеными Алтайского государственного университета. Кроме этого, автор делает попытку выявить взаимосвязь между теми общественно-политическими процессами, которые происходили в стране и регионе в конце XX – начале XXI в., и выбором учеными подходов при изучении истории Германии.

Прежде всего нужно отметить, что активное развитие германских исследований на Алтае связано с несколькими факторами. Во-первых, история Алтая начиная с XVIII в. была тесно связана с деятельностью немцев, приехавших из Германии. Это знаменитые путешественники, специалисты горнозаводского производства, врачи и т.д. (Александр Гумбольдт, Андреас Беэр, Фридрих Геблер и др.). Кроме того, появляются и немецкие переселенцы-крестьяне, создавшие в конце XIX в. довольно значительные колонии на территории Алтая. По данным всероссийской переписи 1920 г., на территории Алтайского округа было 5 278 домохозяйств немцев; с 1941 г. в связи с депор-

тацией численность немцев Алтая значительно увеличилась; по переписи 2002 г. на Алтае проживали 79 502 немцев, однако в последующие годы их число сокращалось в связи с отъездом в Германию [1. С. 99]. В настоящее время на северо-западе Алтайского края существует Немецкий национальный район, в Барнауле работает Российско-немецкий дом, проводится немало мероприятий, направленных на изучение немецкого языка и знакомство с немецкой культурой.

Германистика как наука на Алтае первоначально развивалась в основном в стенах Барнаульского педагогического института (ныне – университета), причем наибольшее внимание уделялось теме истории российских немцев на Алтае (Л.В. Малиновский, В.И. Матис и др. (см., напр.: [2, 3])). Данная тема привлекала внимание разных авторов и вплоть до настоящего времени (С.Ю. Ножкин, В.Н. Шайдуров, А.Х. Дитц и др. [4–6]). Что же касается изучения истории Германии, то оно получило серьезный импульс после открытия в 1973 г. классического Алтайского государственного университета. На исторический факультет тогда были приглашены из Томского государственного университета преподаватели, многие из которых занимались историей Германии. Это Анатолий Ефимович Глушков (1936–2007) работавший заведующим кафедрой всеобщей истории в течение 15 лет, Наталья Ильинична Кругова, Любовь Владимировна Моница, Александр Иванович Седельников. С 1994 г. издавались кафедральные сборники под редакцией Е.П. Глушанина (1957–2006) и Ю.Г. Чернышова (оба они вернулись в 1984–1985 гг. на кафедру после аспирантуры в Ленинградском государственном университете, а затем защитили докторские диссертации). В этих сборниках был опубликован целый ряд статей по истории внутренней и внешней политики Германии (см., напр.: [7, 8]).

Важную роль в развитии германских исследований на Алтае сыграла деятельность созданного в 1999 г. Западносибирского центра германских исследований, которым руководил заведующий кафедрой новой, новейшей истории и международных отношений КемГУ, председатель Кемеровского отделения Ассоциации европейских исследований Юрий Владимирович Галлактионов (1949–2005), инициативы которого получи-

ли поддержку профессора Бернда Бонвеча, основателя и директора Германского исторического института в Москве (1940–2017) [9]. Наиболее масштабным проектом стало написание в 2000–2005 гг. трехтомной «Истории Германии», охватывающей период от древних германцев до современности [10]. Авторами трех глав первого тома (Т. 1: С древнейших времен до создания Германской империи) стали Е.П. Глушанин и Л.В. Моница, во втором томе (Т. 2: От создания Германской империи до начала XXI века) четыре главы были написаны А.М. Бетмакаевым и А.Е. Глушковым. Все эти авторы в рамках проекта получили возможность совершить поездку для сбора материалов в Германию. Издание осуществлено при поддержке фонда «Фольксваген» (ФРГ). Были проведены рабочие конференции с участием ведущих российских и немецких историков, на которых обсуждались тексты глав. В 2004 г. вышла из печати подготовленная А.Е. Глушковым хрестоматия по истории международных отношений, а в июне 2008 г., уже после смерти профессора, коллегами было опубликовано подготовленное им учебное пособие, в приложении к которому приведены отзывы и воспоминания о нем О.А. Аршинцевой, В.Н. Владимировой, Л.Н. Корневой, Н.И. Круговой, О.Ю. Курныкина, Л.В. Моницы [11, 12].

Еще одно важное направление работы стало развиваться после создания в 1996 г. Алтайской школы политических исследований (ее директором стал профессор Ю.Г. Чернышов, заместителем директора – доцент А.М. Бетмакаев, а позднее – доцент В.Н. Козулин). В это время в АлтГУ открывается прием студентов на специальность «Международные отношения». С 1999 г. профессор Ю.Г. Чернышов стал заведующим кафедрой всеобщей истории и международных отношений. Открылись отделения Ассоциации европейских исследований, Западносибирского центра германских исследований, Российской ассоциации международных исследований, Российской ассоциации политической науки, Центра Европейского Союза в Сибири и др. Активизация международных контактов проявилась, в частности, в том, что в ежегодных конференциях АШПИ в 1996–2001 гг. регулярно принимали участие ведущие эксперты из Германии и других стран Западной Европы.

В эти годы была проведена серия научных конференций, посвященных актуальным проблемам демократизации общественного строя, изучению мирового опыта парламентаризма, федерализма и т.д., организованных при поддержке депутата Государственной Думы РФ В.А. Рыжкова совместно с Фондом Ф. Эберта (Германия), в которых участвовали известные эксперты из Москвы и Германии, а также местные ученые, представители власти, общественники и журналисты.

1996 г. – «Тоталитаризм и его преодоление: актуальные уроки истории»; «Принципы самоуправления в федеральных системах России и Германии»;

1997 г. – «Политическая система и политическая жизнь современной России. Проблемы федерального и регионального уровней»;

1998 г. – «Становление гражданского общества в России: проблемы и перспективы»;

1999 г. – «Роль парламента в демократическом государстве»;

2000 г. – «Россия после выборов: перспективы экономического и политического развития»;

2001 г. – «Современная Россия и мир: альтернативы развития».

Материалы данных конференций вместе со стенограммами обсуждения докладов были опубликованы в первых выпусках серийного издания «Дневник АШПИ» [13–19]. Затем традиция проведения конференций на Алтае разделилась на два разных направления, и АШПИ стала проводить свои конференции в более академичном ключе, с большим вниманием к исследованию международных аспектов общей темы: «Современная Россия и мир: альтернативы развития».

Говоря о тематике работ германистов в 90-е гг. XX в., нельзя не отметить то влияние, которое оказывали на ученых происходившие тогда серьезные изменения в общественно-политической обстановке в стране и регионе. На Алтае в эти годы довольно активно развивалось общественное движение за проведение реформ, многие участники которого надеялись на скорые перемены. И перемены происходили: демократизация общественного строя, отмена идеологической цензуры и раскрытие новых документов, проливших свет на прежде запретные темы, способствовали более свободному изучению ряда исторических сюжетов, представлявшихся актуальными в условиях реформирования. Так, например, на опыте Германии активно исследовались проблемы перехода от тоталитарного режима к демократии, развития гражданского общества, многопартийной системы, парламентаризма, федерализма и т.д. И поскольку в Германии эти традиции имели более богатую историю, чем в России, выступления немецких экспертов с интересом обсуждались – разумееется, не как «инструкции», а как конкретная информация для размышлений о том, как такие традиции можно развить в других странах.

Определенный «дух времени» можно почувствовать, например, в цитате из текста, написанного А.Е. Глушковым для 2-го тома «Истории Германии». Рассказывая о результатах Первой мировой войны, он отмечал: «...на передний план были вытолкнуты большие массы социальных низов, в глубинах которых вырелись новые радикальные силы – коммунизм и фашизм. Коммунистическая идея класса и фашистская идея расы с разных сторон атаковали либеральную идею человека... Но прежде чем столкнуться друг с другом в новой кровавой бойне, они попытались уничтожить своего общего врага – демократию» [10. С. 88–89]. Сейчас эти суждения, вероятно, были бы сформулированы менее однозначно. И все же стоит отметить, что автор здесь отнюдь не отождествлял «правый» и «левый» тоталитаризм, а обращал внимание на те объективные тенденции общественного развития, которые подтолкнули в XX в. многие страны на недемократический путь развития. Нужно помнить, что именно в XX в. впервые появляются технологии манипулирования обществом в массовых, «тотальных» масштабах. Кстати, темы тоталитаризма, пропаганды и отношений общества и государства в нацистский период истории Германии при-

влекали внимание еще ряда историков на Алтае (см., напр.: [20–24]). Кроме того, в исследованиях А.М. Бетмакаева рассматривалась также история «соревнования систем» в эпоху холодной войны, сравнивались отношения общества и государства на примере ФРГ и ГДР (см., напр.: [25–28]). Здесь тоже прослеживались попытки лучше понять опыт других стран на их пути к демократизации.

В трудах по философии истории давно замечено, что историки часто стремятся заглянуть, как в зеркало, в историю других эпох и других стран – они пытаются понять, нет ли там решения тех вопросов, которые волнуют их современников. И действительно, подводя итог, можно сказать: если в 1990-е гг. многие наши историки искали в германской истории ответы на вопросы о демократическом транзите и роли в нем гражданского общества, то сейчас эти вопросы по ряду причин отошли на второй план. К началу XXI в. ситуация в России изменилась сразу по многим параметрам. Демократический транзит на российской почве столкнулся с серьезными препятствиями. Постепенно стали другими и основные векторы политического развития страны, и условия работы ученых-историков, и наиболее популяр-

ные темы их исследований. На первый план вышли проблемы, составляющие нынешнюю повестку дня: восприятие имиджа страны на международной арене, информационные войны, применение «мягкой силы», социальная политика, миграции, ксенофобия, этнические стереотипы, сепаратизм, международный терроризм и т.д. Об этом наши историки тоже пишут сейчас, обращаясь к опыту Германии и других стран и вступая в диалог с зарубежными экспертами (см., напр.: [29–32]), однако это не напоминает диалог учителей с учениками, это, скорее, диалог равных. Один из уроков последних десятилетий заключается как раз в том, что наряду с «общими закономерностями» у каждой страны есть и свои особенности, свои темпы в движении по пути к более демократичному государственному устройству, и здесь вряд ли может принести желаемый результат простое «механическое копирование» опыта других стран. Тем не менее знание этого опыта (и особенно универсальных составляющих этого опыта) все же полезно и необходимо. Поэтому большая заслуга историков, работавших в конце XX – начале XXI в., заключается в том, что они сделали этот опыт для граждан России более понятным и доступным.

ЛИТЕРАТУРА

- Щеглова Т.К. Народы Алтая в прошлом и настоящем: численность, размещение, этнокультурный состав, этноконтактные зоны // Вестник Алтайского государственного педагогического университета. 2015. № 23. С. 97–107.
- Малиновский Л.В. История советских немцев в современной историографии ФРГ // Вопросы истории. 1991. № 2/3. С. 238–241.
- Матис В.И. Немцы Алтайского края // Социологические исследования. 1999. № 11. С. 79–83.
- Ножкин С.Ю. Политика правительства ФРГ в отношении российских немцев // Дневник Алтайской школы политических исследований (далее – Дневник АШПИ) / под ред. Ю.Г. Чернышова. Барнаул : Азбука, 2001. № 11: Западная Сибирь: регион, экономика, инвестиции. С. 138–150.
- Шайдулов В. Российские немцы на Алтае: конец XIX – начало XX в. Переселение. Экономическое развитие. Palmarium Academic Publishing, 2012. 204 с.
- Дитц А.Х. Российские немцы: откуда они – история, судьба, проблемы. Барнаул : Алтайский дом печати, 2012. 259 с.
- Исследования по всеобщей истории и международным отношениям / отв. ред. Е.П. Глушанин. Барнаул : Изд-во АГУ, 1997. 207 с. URL: <http://elibrary.asu.ru/handle/asu/820> (дата обращения: 01.11.2018).
- Власть, политика и идеология в истории Европы / отв. ред. Ю.Г. Чернышов и др. Барнаул : Изд-во АлтГУ, 2005. 200 с. URL: <http://elibrary.asu.ru/handle/asu/254> (дата обращения: 01.11.2018).
- Корнева Л.Н. История России и Германии в судьбе немецкого ученого // Historia Provinciae : журнал региональной истории. 2018. Т. 2, № 2. С. 91–110. URL: <http://hpchsu.ru/arkhiv/zhurnal-regionalnoy-istorii-t-2-2/istoriya-rossii-i-germanii-v-sudbe-nemetskogo-uchenogo/> (дата обращения: 01.11.2018). DOI: 10.23859/2587-8344-2018-2-2-5.
- История Германии : учеб/ пособие : в 3 т. / год общ. ред. Б. Бонвеча, Ю.В. Галактионова. Кемерово : Кузбасс-вузиздат, 2005 ; М. : КДУ, 2008. Т. 1. 544 с.; Т. 2. 672 с.; Т. 3. 592 с.
- Глушков А.Е. История международных отношений в Европе (1918–1945 гг.) в документах и материалах : хрестоматия. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2004. 192 с.
- Глушков А.Е. История международных отношений в Европе и Америке (1918–1945 гг.) : учеб. пособие. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2008. 323 с.
- Дневник АШПИ. Барнаул : Изд-во Алт. гос. ун-та, 1996. № 1: Тоталитаризм и его преодоление: актуальные уроки истории. 8 с. URL: <http://ashpi.asu.ru/prints/dn1.html> (дата обращения: 10.11.2018).
- Дневник АШПИ. Барнаул : Изд-во Алт. гос. ун-та, 1996. № 2: Принципы самоуправления в федеральных системах России и Германии. 12 с. URL: <http://ashpi.asu.ru/prints/dn2.html> (дата обращения: 10.11.2018).
- Дневник АШПИ. Барнаул : Изд-во Алт. гос. ун-та, 1997. № 4: Политическая система и политическая жизнь в современной России: проблемы федерального и регионального уровней. 106 с. URL: <http://ashpi.asu.ru/prints/dn4.html> (дата обращения: 10.11.2018).
- Дневник АШПИ. Барнаул : Изд-во Алт. гос. ун-та, 1998. № 6: Становление гражданского общества в России: проблемы и перспективы. 212 с. URL: <http://ashpi.asu.ru/prints/dn6.html> (дата обращения: 10.11.2018).
- Дневник АШПИ. Барнаул : Изд-во Алт. гос. ун-та, 1999. № 7: Роль парламента в демократическом государстве. 227 с. URL: <http://ashpi.asu.ru/prints/dn7.html> (дата обращения: 10.11.2018).
- Дневник АШПИ. Барнаул : Изд-во Алт. гос. ун-та, 2000. № 10: Россия после выборов: перспективы экономического и политического развития. 224 с. URL: <http://ashpi.asu.ru/prints/dn10.html> (дата обращения: 10.11.2018).
- Дневник АШПИ. Барнаул : Изд-во Азбука, 2001. № 13/14: Современная Россия и мир: альтернативы развития. Республика Алтай и реформы в экономике и федеративном устройстве России. 339 с. URL: http://ashpi.asu.ru/prints/dn13_14.html (дата обращения: 10.11.2018).
- Кругова Н.И. Проблемы тоталитаризма как явления немецкой и европейской истории в споре о «музеизации истории» (конец 80-х гг. XX в.) // Германия и Россия в XXI веке: две тоталитарные диктатуры, два пути к демократии. Кемерово : Изд-во КемГУ, 2000. С. 111–114.
- Монина Л.В. Проблема сохранения прав человека в сильном государстве // Дневник АШПИ. Барнаул : Изд-во Алт. гос. ун-та, 2000. № 10: Россия после выборов: перспективы экономического и политического развития. С. 174–175. URL: <http://ashpi.asu.ru/prints/dn10.html> (дата обращения: 10.11.2018).

22. Кузнецов А.К. Радиопропаганда и ее применение в Третьем Рейхе // *Дневник АШПИ*. Барнаул : Изд. АлтГУ, 2012. № 28: Современная Россия и мир: альтернативы развития (информационные войны в международных отношениях). С. 58–60. URL: <http://ashpi.asu.ru/prints/dn28.html> (дата обращения: 10.11.2018).
23. Кузнецов А.К. Образ фашистской Италии в пропаганде нацистов на начальном этапе их пребывания у власти (1933–1934 гг.) // *Дневник АШПИ*. Барнаул : Азбука, 2013. № 29: Современная Россия и мир: альтернативы развития (Запад и Восток: междивизиационные взаимодействия и международные отношения). С. 72–77. URL: <http://ashpi.asu.ru/prints/dn29.html> (дата обращения: 10.11.2018).
24. Плесовских А.Е., Чернышов Ю.Г. Политика нацистской Германии по отношению к евреям и ее оценка на Нюрнбергском процессе // *Труды молодых ученых Алтайского государственного университета*. 2015. Т. 1, № 12. С. 43–46.
25. Бетмакаев А.М. Конрад Аденауэр и становление партийной системы Боннской республики // *Дневник АШПИ*. Барнаул : Азбука, 2001. № 13–14: Современная Россия и мир: альтернативы развития. Республика Алтай и реформы в экономике и федеративном устройстве России. С. 250–252. URL: http://ashpi.asu.ru/prints/dn13_14.html (дата обращения: 10.11.2018).
26. Бетмакаев А.М. Когда же закончилась «холодная война»? К вопросу о хронологических рамках конфликта Запада и Востока во второй половине XX в. // *Дневник АШПИ*. Барнаул : Изд-во Алт. гос. ун-та, 2011. № 27: Современная Россия и мир: альтернативы развития (разрешение межгосударственных конфликтов: актуальный опыт истории и современность). С. 167–172. URL: <http://ashpi.asu.ru/prints/dn27.html> (дата обращения: 10.11.2018).
27. Бетмакаев А.М. «Заботливая диктатура» (о специфике социальной политики в ГДР) // *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2013. Т. 3, № 2. С. 21–25. URL: <https://vestnik.kemsu.ru/jour/article/view/178> (дата обращения: 12.11.2018). DOI: 10.21603/2078-8975-2013-2-21-25.
28. Бетмакаев А.М. Вальтер Ульбрихт и обновление ГДР в 1960-е гг. // *Известия Алтайского государственного университета*. 2017. № 5 (97). С. 129–133. URL: <http://izvestiya.asu.ru/index.php/iz/article/view/%282017%295-22> (дата обращения: 12.11.2018). DOI: 10.14258/izvasu(2017)5-22.
29. Чернышов Ю.Г. Российско-германские отношения и стереотипы восприятия Германии и немцев в России // *Новый политический цикл: повестка дня для России*. М. : РАПН, 2008. С. 273–274.
30. Чернышов Ю.Г. Имидж Германии и восприятие немецкой политической культуры в России // *Политическая культура в истории Германии и России*. Кемерово : Кузбассвузиздат, 2009. С. 422–430.
31. Овсянникова В.В., Чернышов Ю.Г. О причинах ремиграции российских немцев из Германии в Россию в конце XX – начале XXI вв. (на материалах Алтайского края) // *Известия Алтайского государственного университета*. Сер/ История. Политология. 2013. № 4/2 (80). С. 188–192. URL: <http://izvestia.asu.ru/ru/article/40/> (дата обращения: 12.11.2018). DOI: 10.14258/izvasu(2013)4.2-37.
32. Корнева Л.Н., Арапина С.В., Бетмакаев А.М., Ипатенко Е.В., Молина Л.В., Сербина А.С., Супрыгина Г.Г., Терехов О.Э. Социальная политика и социальное государство в Германии : учеб. пособие. Кемерово : Кузбасс-вузиздат, 2014. 455 с.

Chernyshov Yury G. Altai State University (Barnaul, Russia). E-mail: ashpi@ya.ru

PROBLEMS OF RELATIONSHIPS OF SOCIETY AND STATE IN GERMANY IN THE XX CENTURY IN THE WORKS OF HISTORIANS OF THE ALTAI STATE UNIVERSITY

Keywords: history of Germany; historiography; civil society; totalitarianism; democratization.

The main purpose of this article is to summarize the research experience of scientists of the Altai State University on the relationship between society and the state in Germany in the 20th century. The author also makes an attempt to identify the relationship between the socio-political processes that took place in Russia and in Altai region at the end of the 20th and the beginning of the 21st centuries, and the choice of scientific approaches in the study of the history of Germany. The factors that influenced the development of German studies in the region are noted. The contribution made by scientists in various publications is considered, including in the collections of the Department of World History and International Relations of the AltSU, in the sections in the three-volume “History of Germany”, in the issues of the “Dnevnik of the Altai School of Political Studies”, etc. Two structures played a major role in the intensification of scientific research: the Altai branch of the West Siberian Centre for German Studies and the Altai School of Political Studies (AShPI). The head of the first of them was Professor A.E. Glushkov, who together with his colleagues (A.M. Betmakaev, Yu.G. Chernyshov, E.P. Glushanin, N.I. Krugova, A.K. Kuznetsov, L.V. Monina, etc.) collaborated with the head of the Center, Professor of the Kemerovo University Yu.V. Galaktionov and Director of the German Historical Institute in Moscow, Professor B. Bonvech. The second organization - AShPI - since 1996 annually held conferences, in which many German experts participated, who also contributed to the study of the experience of the political history of Germany. In Altai, as well as in Russia, during these years there was an active social movement for reforms. The democratization of the social system, the abolition of ideological censorship and the disclosure of new documents that shed light on previously taboo topics, contributed to a freer study of a number of historical subjects that seemed relevant in the context of reform. For example, on the experience of Germany intensively studied problems of transition from totalitarian regime to democracy, problems of development of civil society, multiparty system, parliamentary system, federalism, etc. However, by the beginning of the 21st century the situation has changed. Gradually, the main vectors of the country's political development, the working conditions of historians, and the most popular topics of their research have become different. Nevertheless, the study of the experience of relations between society and the state in Germany (and especially – the universal components of this experience) was useful and necessary. So, the great merit of the historians who worked in the late XX-early XXI centuries is that they have made this experience more understandable and accessible for the citizens of Russia.

REFERENCES

1. Scheglova, T.K. (2015) Altai peoples in the past and at the present days: population, distribution, ethnocultural population structure, ethnocontact areas. *Vestnik Altayskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 23. (In Russian). pp. 97–107.
2. Malinovsky, L.V. (1991) Istoriya sovetskikh nemtsev v sovremennoy istoriografii FRG [History of the Soviet Germans in the modern historiography of Germany]. *Voprosy istorii – Issues of History*. 2/3. pp. 238–241.
3. Matis, V.I. (1999) Nemtsy Altayskogo kraya [The Germans of the Altai Territory]. *Sotsiologicheskie issledovaniya – Sociological Studies*. 11. pp. 79–83.
4. Nozhkin, S.Yu. (2001) Politika pravitel'stva FRG v otnoshenii rossiyskikh nemtsev [The policy of the Government of Germany in relation to the Russian Germans]. In: Chernyshov, Yu.G. (ed.) *Dnevnik Altayskoy shkoly politicheskikh issledovaniy* [Diary of the Altai School of Political Studies]. Vol. 11. Barnaul: Azbuka. pp. 138–150.
5. Shaidurov, V. (2012) *Rossiyskie nemtsy na Altae: konets XIX – nachalo XX v. Pereselenie. Ekonomicheskoe razvitiye* [Russian Germans in Altai: the end of 19th – early 20th centuries. Relocation. Economic development]. Palmarium Academic Publishing.

6. Dietz, A.Kh. (2012) *Rossiyskie nemtsy: otkuda oni – istoriya, sud'ba, problemy* [Russian Germans: where are they from – history, fate, problems]. Barnaul: Altayskiy dom pečati.
7. Glushanin, E.P. (ed.) (1997) *Issledovaniya po vseobshchey istorii i mezhdunarodnym otnosheniyam* [Studies in general history and international relations]. Barnaul: Altai State University. [Online] Available from: <http://elibrary.asu.ru/handle/asu/820>. (Accessed: 1st November 2018).
8. Chernyshov, Yu.G. (ed.) (2005) *Vlast', politika i ideologiya v istorii Evropy (1918–1945 gg.) v dokumentakh i materialakh* [Power, politics and ideology in the history of Europe]. Barnaul: Altai State University. [Online] Available from: <http://elibrary.asu.ru/handle/asu/254>. (Accessed: 1st November 2018).
9. Korneva, L.N. (2018) The history of Russia and Germany in the destiny of the German academic. *Historia Provinciae. Zhurnal regional'noy istorii – Historia Provinciae. Journal of Regional History*. 2/2. pp. 91–110. DOI: 10.23859 / 2587-8344-2018-2-2-5.
10. Bonwech, B. & Galaktionov, Yu.V. (eds) (2005) *Istoriya Germanii* [History of Germany]. Vol. 1-3. Kemerovo: Kuzbassvuzuzdat; Moscow: KDU.
11. Glushkov, A.E. (2004) *Istoriya mezhdunarodnykh otnosheniy v Evrope (1918–1945 gg.) v dokumentakh i materialakh* [The history of international relations in Europe (1918–1945) in documents and materials]. Barnaul: Altai State University.
12. Glushkov, A.E. (2008) *Istoriya mezhdunarodnykh otnosheniy v Evrope i Amerike (1918–1945 gg.)* [History of international relations in Europe and America (1918–1945)]. Barnaul: Altai State University.
13. Chernyshov, Yu.G. et al. (1996) *Totalitarizm i ego preodolenie: aktual'nye uroki istorii* [Totalitarianism and its overcoming: topical lessons of history]. Barnaul: Altai State University. [Online] Available from: <http://ashpi.asu.ru/prints/dn1.html>. (Accessed: 1st November 2018).
14. Chernyshov, Yu.G. et al. (1996) *Printsipy samoupravleniya v federal'nykh sistemakh Rossii i Germanii* [Principles of self-government in the federal systems of Russia and Germany]. Barnaul: Altai State University. [Online] Available from: <http://ashpi.asu.ru/prints/dn2.html>. (Accessed: 10th November 2018).
15. Chernyshov, Yu.G. et al. (1997) *Politicheskaya sistema i politicheskaya zhizn' v sovremennoy Rossii: problemy federal'nogo i regional'nogo urovney* [The political system and political life in modern Russia: problems of the federal and regional levels]. Barnaul: Altai State University. [Online] Available from: <http://ashpi.asu.ru/prints/dn4.html>. (Accessed: 10th November 2018).
16. Chernyshov, Yu.G. (ed.) (1998) *Stanovlenie grazhdanskogo obshchestva v Rossii: problemy i perspektivy* [Formation of a civil society in Russia: problems and prospects]. Barnaul: Altai State University. [Online] Available from: <http://ashpi.asu.ru/prints/dn6.html>. (Accessed: 10th November 2018).
17. Chernyshov, Yu.G. (ed.) (1999) *Rol' parlamenta v demokraticheskom gosudarstve* [The role of parliament in a democratic state]. Barnaul: Altai State University. [Online] Available from: <http://ashpi.asu.ru/prints/dn7.html>. (Accessed: 10th November 2018).
18. Chernyshov, Yu.G. (ed.) (2000) *Rossiya posle vyborov: perspektivy ekonomicheskogo i politicheskogo razvitiya* [Russia after elections: prospects for economic and political development]. Barnaul: Altai State University. [Online] Available from: <http://ashpi.asu.ru/prints/dn10.html>. (Accessed: 10th November 2018).
19. Chernyshov, Yu.G. (ed.) (2001) *Sovremennaya Rossiya i mir: al'ternativy razvitiya. Respublika Altay i reformy v ekonomike i federativnom ustroystve Rossii* [Modern Russia and the world: alternatives to development. Altai Republic and reforms in the economy and federal structure of Russia]. Barnaul: Azbuka. [Online] Available from: <http://ashpi.asu.ru/prints/dn13/14.html>. (Accessed: 10th November 2018).
20. Krugova, N.I. (2000) Problemy totalitarizma kak yavleniya nemetskoj i evropejskoj istorii v spore o “muzeizatsii istorii” (konets 80-kh gg. XX v.) [The problems of totalitarianism as a phenomenon of German and European history in a dispute about the “museumification of history” (the end of the 1980s)]. In: Bonwech, B. & Galaktionov, Yu.V. (eds) *Germaniya i Rossiya v XX veke: dve totalitarnye diktatury, dva puti k demokratii* [Germany and Russia in the twentieth century: two totalitarian dictatorships, two ways to democracy]. Proc. of the International Conference. Kemerovo. September 19–22, 2000. Kemerovo: Kemerovo State University. pp. 111–114.
21. Monina, L.V. (2000) Problema sokhraneniya prav cheloveka v sil'nom gosudarstve [The problem of preserving human rights in a strong state]. In: Chernyshov, Yu.G. (ed.) (2000) *Rossiya posle vyborov: perspektivy ekonomicheskogo i politicheskogo razvitiya* [Russia after elections: prospects for economic and political development]. Barnaul: Altai State University. pp. 174–175. [Online] Available from: <http://ashpi.asu.ru/prints/dn10.html>. (Accessed: 10th November 2018).
22. Kuznetsov, A.K. (2012) Radiopropaganda i ee primenenie v Tret'em Reykhe [Radio propaganda and its use in the Third Reich]. In: Chernyshov, Yu.G. (ed.) *Sovremennaya Rossiya i mir: al'ternativy razvitiya (informatsionnye voyny v mezhdunarodnykh otnosheniyakh)* [Modern Russia and the world: alternative developments (information wars in international relations)]. Barnaul: Altai State University. pp. 58–60. [Online] Available from: <http://ashpi.asu.ru/prints/dn28.html>. (Accessed: 10th November 2018).
23. Kuznetsov, A.K. (2013) Obraz fashistskoj Italii v propagande natsistov na nachal'nom etape ikh prebyvaniya u vlasti (1933–1934 gg.) [The image of Fascist Italy in the propaganda of the Nazis at the initial stage of their stay in power (1933–1934)]. In: Chernyshov, Yu.G. (ed.) *Sovremennaya Rossiya i mir: al'ternativy razvitiya (Zapad i Vostok: mezhtsilizatsionnye vzaimodeystviya i mezhdunarodnye otnosheniya)* [Modern Russia and the world: development alternatives (West and East: inter-civilization interactions and international relations)]. Barnaul: Azbuka. pp. 72–77. [Online] Available from: <http://ashpi.asu.ru/prints/dn29.html>. (Accessed: 10th November 2018).
24. Plesovskikh, A.E. & Chernyshov, Yu.G. (2015) Politika natsistskoj Germanii po otnosheniyu k evreyam i ee otsenka na Nyumbergskom protsesse [The policy of Nazi Germany in relation to the Jews and its assessment at the Nuremberg trials]. *Trudy molodykh uchenykh Altayskogo gosudarstvennogo universiteta*. 1/12. pp. 43–46.
25. Betmakaev, A.M. (2001) Konrad Adenauer i stanovlenie partiynoy sistemy Bonnskoj respubliki [Konrad Adenauer and the formation of the party system of the Bonn Republic]. In: Chernyshov, Yu.G. (ed.) (2001) *Sovremennaya Rossiya i mir: al'ternativy razvitiya. Respublika Altay i reformy v ekonomike i federativnom ustroystve Rossii* [Modern Russia and the world: alternatives to development. Altai Republic and reforms in the economy and federal structure of Russia]. Barnaul: Azbuka. pp. 174–175. [Online] Available from: http://ashpi.asu.ru/prints/dn13_14.html. (Accessed: 10th November 2018).
26. Betmakaev, A.M. (2011) Kogda zhe zakonchilas' “kholodnaya voyna”? K voprosu o khronologicheskikh ramkakh konflikta Zapada i Vostoka vo vtoroy polovine XX v. [When did the cold war end? On the question of the chronological framework of the conflict between the West and the East in the second half of the 20th century]. In: Chernyshov, Yu.G. (ed.) *Sovremennaya Rossiya i mir: al'ternativy razvitiya (Razreshenie mezhdunarodnykh konfliktov: aktual'nyy opyt istorii i sovremennost')* [Modern Russia and the world: development alternatives (resolving interstate conflicts: current experience of history and modernity)]. Barnaul: Altai State University. pp. 58–60. [Online] Available from: <http://ashpi.asu.ru/prints/dn27.html>. (Accessed: 10th November 2018).
27. Betmakaev, A.M. (2013) “Welfare dictatorship” (on the specificity of social policy in the GDR). *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Kemerovo State University*. 3(2). pp. 21–25. DOI: 10.21603/2078-8975-2013-2-21-25
28. Betmakaev, A.M. (2017) Walter Ulbricht and the renewal of the GDR in the 1960s. *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta – Izvestiya of Altai State University Journal*. 5(97). pp. 129–133. DOI: 10.14258/izvasu(2017)5-22. [Online] Available from: <http://izvestiya.asu.ru/index.php/iz/article/view/282017%295-22>. (Accessed: 12th November 2018)
29. Chernyshov, Yu.G. (2008) [Russian-German relations and stereotypes of perception of Germany and Germans in Russia]. *Novyy politicheskij tsikl: povestka dnya dlya Rossii* [New Political Cycle: Agenda for Russia]. Proc. of the International Conference. Moscow. December 5–6, 2008. Moscow: RAPN. pp. 273–274. (In Russian).

30. Chernyshov, Yu.G. (2009) Imidzh Germanii i vospriyatie nemetskoj politicheskoy kul'tury v Rossii [The image of Germany and the perception of German political culture in Russia]. In: Vasyutin, S.A. (ed.) *Politicheskaya kul'tura v istorii Germanii i Rossii* [Political culture in the history of Germany and Russia]. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat. pp. 422–430.
31. Ovsyannikova, V.V. & Chernyshov, Yu.G. (2013) The reasons of re-emigration of Russian Germans to Russia at the end of the 20th – beginning of the 21st centuries: a case study of the Altai Territory. *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta- Izvestiya of Altai State University Journal*. 4/2(80). pp. 188–192. (In Russian). DOI: 10.14258/izvasu(2013)4.2-37. [Online] Available from: <http://izvestia.asu.ru/ru/article/40/>. (Accessed: 12th November 2018).
32. Korneva, L.N., Arapina, S.V., Betmakaev, A.M., Ipatenko, E.V., Monina, L.V., Serbina, A.S., Suprygina, G.G. & Terekhov, O.E. (2014) *Sotsial'naya politika i sotsial'noe gosudarstvo v Germanii* [Social policy and social state in Germany]. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat.

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИОГРАФИИ И МЕТОДОЛОГИИ ИСТОРИИ

УДК 94(47).08

DOI: 10.17223/19988613/57/26

О.П. Дорошенко, В.Н. Кудряшев

ТРУДЫ Г.Е. КАТАНАЕВА КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ СИБИРСКОГО КАЗАЧЕСТВА

На основании систематизации и анализа печатного и рукописного наследия Г.Е. Катанаева дается оценка его трудов как источника по истории сибирского казачества. Введение в научный оборот автографов известного казачьего деятеля, хранящихся в Историческом архиве Омской области, позволяет расширить круг его работ и показать роль Г.Е. Катанаева в историографии Сибирского казачьего войска.

Ключевые слова: историография; история Сибири; казачество; Г.Е. Катанаев; Сибирское казачье войско.

Имя Г.Е. Катанаева как исследователя достаточно хорошо известно и популярно в среде профессионального научного сообщества. Труды Г.Е. Катанаева используются как источник не только профессиональными историками, но и представителями других отраслей научных знаний. Ссылки на исследования Г.Е. Катанаева можно встретить и в работах, посвященных истории развития российско-индийских торгово-экономических связей в XVIII и XIX вв. [1. С. 180], и в рамках изучения историографии деятельности государственных органов по обеспечению безопасности границ Российской империи в Средней Азии в конце XIX – начале XX в. [2. С. 95], и при рассмотрении вопроса о юридическом статусе некоторых земельных территорий в рамках развития межкультурных процессов в полиэтнических регионах Российской империи [3. С. 30], и в работах экономистов, посвященных вопросам зарождения российских институтов финансового контроля (на примере аудиториата и фискалитета начала XVIII в.) [4. С. 36], и в трудах искусствоведов, занимающихся изучением градостроительных традиций Сибири XVI – начала XIX в. [5. С. 190]. Не обходятся без ссылок на труды Г.Е. Катанаева и работы российских исследователей Степного края. [6. С. 40] Обращение же к работам Г.Е. Катанаева казахских ученых, по меткому выражению одного из них, стало в последнее время «насушной необходимостью всякого из занимающихся историей, правоведением, этнологией Степного края» [7. С. 136]. На работы Г.Е. Катанаева как источник своих научных изысканий ссылаются и этнографы, изучающие тюркоязычное и восточнославянское население Западной Сибири [8].

Но наиболее ценным источником труды Г.Е. Катанаева являются в истории сибирского казачества. Его работы широко используются историками, занимающимися вопросами социально-экономического развития [9] и социально-территориального и организационного становления [10] Сибирского казачьего войска.

Источниковедческая работа Г.Е. Катанаева и его роль как исследователя сибирского казачества в исторической литературе оценивается достаточно высоко [9. С. 11, 23, 29; 11. С. 5–6; 12. С. 11], но преимущественно на основе анализа его наиболее известных опубликованных работ. Между тем научное наследие Г.Е. Катанаева гораздо значительнее. Поэтому целью данной статьи являются введение в научный оборот неиспользованных исследователями трудов Г.Е. Катанаева по истории казачества и их систематизация.

Вся научно-исследовательская работа Г.Е. Катанаева непосредственно связана с его общественной и профессиональной деятельностью. Являясь крупным военным чиновником, он в силу своей профессиональной деятельности постоянно работал с документами, отражающими как историческое прошлое, так и настоящее сибирского региона вообще и Сибирского казачьего войска в частности. Постепенно Г.Е. Катанаев приходит к осознанию необходимости создания собственных исторических работ и с конца 80-х гг. XIX в. начинает целенаправленно заниматься сбором материалов по интересующей его проблематике. В письме к Г.Н. Потанину от 30 января 1888 г. он сообщает о первоначальном плане своих научных изысканий [13. Л. 323–324, 326–329]. Ввиду приближения 175-летия существования Сибирского казачьего войска Г.Е. Катанаевым был задуман большой труд, подразделяющийся на три составные части: 1) собственно исторический обзор службы сибирских казаков за весь период их существования; 2) наглядный хронологический перечень событий в Западной Сибири (в том числе в Сибирском и Семиреченском казачьих войсках), Туркестане, Киргизских степях и Оренбургском крае в связи с главнейшими историческими событиями в Европейской России и отчасти в Западной Европе с 1650 по 1885 г.; 3) атлас (в 15 карт по периодам) наступательного движения России вглубь Киргизских степей и Средней Азии с 1650 по 1885 г., наглядно отображающий роль в этом деле каждого из казачьих войск.

Но план этот не был воплощен в жизнь, а послужил лишь отправной точкой многолетних исторических изысканий Г.Е. Катанаева и его работы по написанию истории Сибирского казачьего войска, ставшей делом всей его жизни. Следует подчеркнуть также, что в означенном выше письме Г.Е. Катанаев сообщал Г.Н. Потанину о готовности войскового начальства финансировать его научные изыскания. В то же время он просил Г.Н. Потанина не отказать ему в дальнейших консультациях по некоторым спорным вопросам из истории освоения и заселения Сибири и Степного края и в рекомендации наиболее ценных исторических трудов (статей, описаний, воспоминаний и пр.) по истории Сибири в целом и сибирского казачества в частности.

Автору данной статьи удалось установить название 34 публикаций, принадлежащих перу Г.Е. Катанаева и изданных при его жизни. 28 из них так или иначе имеют отношение к истории сибирского казачества. Кроме этого в Историческом архиве Омской области сохранились неопубликованные автографы Г.Е. Катанаева, посвященные истории сибирского казачества, которые впервые вводятся в научный оборот.

Как объект исследования опубликованные и рукописные работы Г.Е. Катанаева по истории казачества не представляют однородного и компактного комплекса, поскольку были созданы в разное время, многообразны по форме и целевому назначению, отличаются степенью овладения материалом и кругом анализируемых проблем. Представляется, что все их, правда, достаточно условно, можно разделить на несколько основных групп.

Первую группу составляют ранние печатные работы Г.Е. Катанаева, созданные им в рамках научной деятельности в ЗСОИРГО и опубликованные в «Записках» Отдела за 1893 г. Объединяет эти работы прежде всего тот факт, что их научное значение состояло не столько в новых выводах и обобщениях, сколько в накоплении нового фактического материала. В них Г.Е. Катанаев выступает как историк-собирающий (по классификации А. Шлёцера [14. С. 22]). В первой своей работе – «Киргизские степи, Средняя Азия и Северный Китай в XVII и XVIII столетиях. По показаниям, разведкам, доезжим записям, отчетам и исследованиям западносибирских казаков и прочих служилых сибирских людей» (Записки ЗСОИРГО. 1893. Кн. XIV, Вып. 1. С. 1–72.) – он ставит целью сгруппировать и изложить в более или менее связанном рассказе все факты о казачьих «разведках», поездках и экспедициях, а также все устные и письменные показания о поездках служилых людей в Сибирь, Киргизские степи, Джунгарию, Среднюю Азию, на Дальний Восток и кратко описать малоизвестные и недостаточно оцененные военные действия в пределах названных территорий, повлекшие за собой присоединение к России части Азии. Для современных историков эта работа Г.Е. Катанаева представляет прежде всего определенный источниковедческий интерес, поскольку автор впервые вводит в научный оборот ряд архивных документов.

В основу двух следующих работ – «Хлебопашество в Бель-Агачской безводной степи Алтайского горного ок-

руга» (Записки ЗСОИРГО. 1893. Кн. XV, вып. 2. С. 1–24) и «При-Иртышские казаки и киргизы Семипалатинского уезда в их домашней и хозяйственной обстановке (к вопросу о культурном взаимодействии рас)» (Записки ЗСОИРГО. 1893. Кн. XV, вып. 2. С. 1–38.) – положен весьма богатый материал об экономике и быте казачьего и киргизского населения Иртышско-Бийской казачьей линии, прибрежий Нор-Зайсана и Черного Иртыша. Материал был собран Г.Е. Катанаевым во время служебной командировки летом 1885 г. по им же самим составленной программе. Он уделяет внимание вопросу земледелия прииртышских казаков, подробно рассматривая и оценивая условия аренды земли, жилища и хозяйственные постройки казаков, организацию пахотных работ (сроки, сельскохозяйственный инвентарь, сортность и урожайность зерновых, проблемы мелиорации и использования наемного труда).

Работа «При-Иртышские казаки...» представляет собой публикацию двух подробных описей имущества казачьей и киргизских семей с примечаниями автора. Г.Е. Катанаев полагает, что «в числе ингредиентов, составляющих существо того, что принято называть человеческою культурой, предметы домашнего обихода и обстановки человека, бесспорно, занимают одно из видных мест, они – внешние показатели этой культуры» [15. С. 1]. Основной вопрос публикации – характер и количество имущества среднезажиточных казачьей и киргизской семей. Однако следует отметить, что эта работа Г.Е. Катанаева далеко не случайно имеет такой значительный подзаголовок – «к вопросу о культурном взаимодействии рас». Дело в том, что 80–90-е гг. XIX в. в истории сибирской науки были временем перемещения центра тяжести исследований на этнографические изыскания в ответ на тревогу передовых слов общества России и Сибири о современном и будущем положении сибирских народов. Как подчеркивает В.Г. Мирзоев, вопрос вылился в очень острые политические формы: обречены ли «киноверцы» на неизбежную гибель или будут включены в общее русло культурного развития человечества? [16. С. 234] Очевидно, посредством публикаций двух вышеозначенных описей Г.Е. Катанаев попытался показать взаимопроникновение и взаимовлияние на бытовом уровне двух сосуществующих культур. Впрочем, сам Г.Е. Катанаев, обработав факты в виде описей и сделав лишь некоторые примечания, выводы предоставил сделать самим читателям или будущим исследователям.

В своей работе «Еще об Ермаке и его Сибирском походе (новая вариация на старую тему)» (Записки ЗСОИРГО. 1893. Кн. XV, вып. 2. С. 1–36) исследование истории сибирского казачества Г.Е. Катанаев начинает с ответа на вопрос, кем был Ермак, и разрешения некоторых спорных моментов из его славной биографии. Известно, что существуют различные мнения о происхождении Ермака. Однако наиболее распространена в литературе версия о его уральском происхождении [17. С. 20]. Г.Е. Катанаев же склоняется к мнению, что Ермак был волжским казаком, отмечая при этом, что название Ермака «волжским» еще не есть определенный ответ на вопрос о его происхожде-

нии, так как «волжским» казаком мог быть всякий «гулящий» человек и с Волги, и с Камы, и, как, например, Ермак, – с реки Чусовой [18. С. 2]. Что же касается имени Ермака, то Г.Е. Катанаев, отмечая все существующие трактовки его как прозвища, полагает, что это христианское имя Ермил, Ермолай или Герман, переиначенное в обыденной речи [Там же]. Исследователь полагает, что начало Сибирскому казачеству положили именно сподвижники Ермака, которые остались в Сибири навсегда и послужили тем «цементом», который связал между собой вновь образованные казачьи станицы «традициями первых покорителей Сибири» [19. С. 4].

В то же время Г.Е. Катанаев неоднократно подчеркивает, что сибирское казачество не было продуктом вольной колонизации окраин московского государства, а Сибирское казачье войско образовано всецело почином самого русского правительства [Там же]. И хотя, как отмечает Г.Е. Катанаев, ядром, или зародышем, сибирского казачества послужила волжско-камская вольница, все же сибирские казаки никогда не были «вольными», а всегда исключительно «служилыми». [Там же] Это обстоятельство, по мнению исследователя, составляет исключительную особенность Сибирского казачьего войска (правда, Г.Е. Катанаев считает, что то же самое можно сказать и об астраханском и оренбургском казачестве, если учитывать, что образование этих казачьих войск началось в последние годы царствования Ивана Грозного посредством возникновения служилых казачьих поселений) [Там же].

В группе основных исследований Г.Е. Катанаева по истории Сибирского казачьего войска можно назвать три работы: «Исторический очерк службы Сибирского казачьего войска (к вопросу о служебном старшинстве Сибирского казачьего войска в ряду других казачьих войск)» (Военный сборник. 1903. № 7. С. 42–60; № 8. С. 47–66); «Краткий исторический обзор службы Сибирского казачьего войска с 1582 по 1908 год» (СПб., 1908); «Западно-Сибирское служилое казачество и его роль в обследовании и занятии русскими Средней Азии и Сибири. Вып. I: Конец шестнадцатого – начало семнадцатого столетий. По архивным и печатным материалам (СПб., 1908).

Прежде всего оговорим некоторые моменты истории создания и публикации этих работ. При ближайшем рассмотрении названных исследований становится очевидным, что два первых из них практически идентичны по своему содержанию. Дело в том, что «Исторический очерк службы Сибирского казачьего войска» был впервые опубликован на страницах «Военного сборника». В нем Г.Е. Катанаев пытается на конкретных фактах показать и доказать наличие непрерывной исторической связи между казачьей дружиной Ермака и первыми стрелецкими отрядами и современным ему Сибирским казачьим войском. Поэтому данная работа нашла и чисто практическое применение (т.е. имела прикладное значение). Очерк в виде особой «Записки» (составленной также Г.Е. Катанаевым) был представлен войсковым начальством в Военное министерство и после рассмотрения положен

в основу ходатайства о признании за Сибирским казачьим войском трехсотлетнего старшинства (с 1582 г.) с пожалованием ему Общевоинского Георгиевского знамени. Впоследствии работа «Исторический очерк...» была лишь несколько изменена и дополнена Г.Е. Катанаевым и вышла отдельным изданием под заглавием «Краткий исторический обзор службы Сибирского казачьего войска с 1582 по 1908 год». Основное отличие от издания 1903 г. заключалось главным образом в добавлении автором описания событий, произошедших в XX в., а именно участия Сибирского казачьего войска в мобилизации 1900 г. и русско-японской войне 1904–1905 гг.

«Краткий исторический обзор службы Сибирского казачьего войска...» следует признать главной исторической работой Г.Е. Катанаева. Труд этот указывается в «Сибирской советской энциклопедии» как одно из основных сочинений по истории сибирского казачества. Свое значение он не утратил и по сей день, поэтому и приводится в списке основной литературы по истории сибирского казачества многих современных изданий справочного характера. Небольшой по объему, этот очерк отличается и богатством материала, и стройностью построения, и широким кругом поставленных автором проблем, и глубиной их проработки. Главное же его значение состоит в том, что это первый опыт постановки и решения задачи написания истории Сибирского казачьего войска, начиная с 1582 г. Следует отметить, однако, что сам Г.Е. Катанаев оценивал этот исторический обзор не более как конспект подготавливаемой им к изданию «полной истории всякого рода службы западносибирского казачества престолу и отечеству за более чем трехвековой период его существования» [Там же. С. 67]. Здесь представляется уместным оговорить, что на определенном этапе работы Г.Е. Катанаева его личный научно-исследовательский интерес и намерения совпали со своеобразным «социальным заказом». Дело в том, что в начале XX в. перед войсковым начальством Сибирского казачьего войска остро встал вопрос о необходимости написания полной систематической истории войска. В Историческом архиве Омской области (ИАОО) сохранились протоколы заседания войскового правления, отражающие суть данного вопроса [20. Л. 1–12]. В одном из протоколов отмечается, что общее присутствие войскового правления полагает создание вышеозначенного исторического труда крайне важным, поскольку «до сих пор не было создано ни одной работы, претендующей на более или менее полное и достаточно объективное изложение истории сибирских казаков, и со своей прошлой жизнью мало знакомо не только рядовое казачество, но и большая часть привилегированного войскового населения» [Там же. Л. 7 об.].

Действительно, за период 1758–1891 гг. о казаках Сибири было издано 83 названия работ (в 104 т.) и 200 статей, некоторые из которых неоднократно переиздавались [21. С. 227]. По своей тематике эти работы распределялись следующим образом: биографии видных деятелей – 126 работ, военное дело – 77, география и путешествия – 23, история Сибири – 16, быт и

этнография – 13, статистика – 13, медицина – 3, картография – 2, библиотеки, пожарное дело, ремесло, охотничье оружие, экономика, суд – по одной работе. Трудов же общего характера из 283 работ было всего 4. Это прежде всего работы Ф.Н. Усова: «Справочная книжка о Сибирском казачьем войске» (Тюмень, 1873); «Статистическое описание Сибирского казачьего войска» (СПб., 1879; Омск, 1879); «Очерк по истории Сибирского казачьего войска» (Омск, 1894), а также «Хронологический перечень событий из истории Сибирского казачьего войска со времени водворения западносибирских казаков на занимаемой ими ныне территории», составленный Н.Г. Путинцевым (Омск, 1891). Но работы эти, во-первых, не были доступны массовому читателю из-за небольшого тиража, во-вторых, являли собой по большей части издания сугубо справочного характера. Предстояло же создать фундаментальный труд. Войсковым начальством обсуждался ряд кандидатур в качестве авторов предполагаемого издания (в их числе, кстати, был и Н.Г. Путинцев). В результате выбор пал на Г.Е. Катанаева. Он получил статус официального историка (историографа) Сибирского казачьего войска. В журнальном постановлении войскового правления отмечалось, что «генерал этот, имеющий уже в своем распоряжении много исторических материалов, частью обработанных, а частью уже выпущенных в свет, и обладающий при этом литературным талантом, несомненно, с успехом выполнит возложенную на него задачу» [20. Л. 8]. Архивными документами подтверждается, что исторические изыскания Г.Е. Катанаева неоднократно финансировались из войсковой казны [Там же. Л. 1 об., 8 об., 110–112 об.].

Г.Е. Катанаевым был задуман большой труд по истории сибирского казачества, главная цель которого – показать роль западносибирских казаков в обследовании и занятии Сибири и Средней Азии [Там же. Л. 8]. Хронологические рамки работы определились XVI–XX вв. Г.Е. Катанаев планировал создание многотомной «истории» войска – шесть выпусков, три тома. Все они должны были предположительно составить около 50 печатных листов в 16 страниц каждый, а всего 800 страниц. Именно этот план Г.Е. Катанаев предложил войсковому начальству. Следует подчеркнуть, что Г.Е. Катанаев задумал и вынашивал его задолго до того, как этот вопрос встал перед войсковым начальством. В свет к тому времени уже вышел первый выпуск; «Западно-Сибирское служилое казачество и его роль в обследовании и занятии русскими Сибири и Средней Азии (конец шестнадцатого – начало семнадцатого столетий)». Сейчас же появилась реальная возможность профинансировать дальнейшую научную работу Г.Е. Катанаева, поскольку издание предполагалось за счет войска. Вместе с тем вся выручка от продаж издания по условиям договора предназначалась войсковой казне. Войску же Г.Е. Катанаев должен был безвозмездно передать весь печатный, архивный и рукописный материал, собранный им [Там же. Л. 10]. Пункт о «безвозмездности» передачи всего материала достаточно примечателен, поскольку в ИАОО сохранились документальные свидетельства, подтверждающие

существовавшие переговоры войскового начальства с Н.Г. Путинцевым на предмет покупки войском имеющихся у последнего материалов (архивных выписок, копий документов и пр.) по истории войска [Там же]. Но реализовать задуманное Г.Е. Катанаеву не удалось, очевидно, из-за последовавших вскоре политических событий, поставивших перед войсковым начальством более актуальные задачи. Ближайшее же рассмотрение конкретного содержания первого выпуска издания позволяет сделать вывод, что он включил в себя в несколько измененном и дополненном виде ранее опубликованные работы Г.Е. Катанаева. Так, статья «Еще об Ермаке...» составила 1-ю и 2-ю главы выпуска, материал публикации «Киргизские степи...» был положен в основание 3-й и 4-й глав. Дополнения и поправки, сделанные Г.Е. Катанаевым, носят лишь фрагментарный характер и не имеют принципиального значения.

Следует отметить, что в последние годы жизни (1920–1921) Г.Е. Катанаевым было подготовлено новое, переработанное и дополненное издание этого выпуска, обращающее его, по словам самого автора, в целый том, хронологически доведенный до конца царствования М.Ф. Романова. В одной из рукописей Г.Е. Катанаев приводит названия глав нового варианта с краткой росписью их содержания [22. Л. 8]. На поверку оказалось, что три главы нового варианта полностью повторяли три главы прежнего. Их названия и содержание идентичны. На основе 4-й главы Г.Е. Катанаевым были написаны две: 4-я – «Сибирь при царе Борисе и в Смутное время», 5-я – «Первые годы царствования М.Ф. Романова». В личном фонде Г.Е. Катанаева удалось обнаружить рукописи этих глав [23], правда, по описи они имеют названия, отличные от авторских. Примененный метод текстурального сопоставления сохранившейся рукописи с текстом издания 1908 г. позволяет опять-таки сделать заключение о незначительности правок и дополнений, внесенных в новый вариант автором. Кроме того, специально для второго, переработанного издания Г.Е. Катанаевым была написана новая глава – «Организация и быт служилого населения Сибири к началу второго пятидесятилетия занятия ее русскими». К сожалению, в архиве она сохранилась в неполном объеме и разрозненном виде (листы рукописи подшиты к разным делам фонда Г.Е. Катанаева: Д. 316. 43 л.; Д. 317. Л. 5–6).

Отдельную (условную) группу работ Г.Е. Катанаева составляют его исследования по земельным вопросам сибирского казачьего войска. Это три печатные работы: «К вопросу о так называемых “земельных захватах” Сибирского казачьего войска» (Омск, 1898. 19 с.); «Киргизский вопрос в Сибирском казачьем войске» (Омск, 1904. 201 с.); «Офицерство и рядовое казачество наше (к вопросу землеустройства в Сибирском казачьем войске)» (Омск, 1918. 48 с.) Следует отметить, что последняя работа первоначально была опубликована в виде статьи в войсковом еженедельнике «Иртыш», а лишь затем вышла отдельным изданием. Также к этой группе можно причислить и неопубликованную рукопись Г.Е. Катанаева «Очерк о казачьих арендных землях» (ИАОО. Ф. 366. Оп. 1. Д. 315. 22 л.).

Г.Е. Катанаев одним из первых в ряду исследователей обращается к проблеме отношений между линейными казаками и казахами. В его работах отражена история межведомственной борьбы за земли так называемой «десятиверстной полосы», находящейся в пользовании войска. Одним из первых же Г.Е. Катанаев предлагает свое видение процесса формирования земельного фонда в Сибирском казачьем войске. Его работы, посвященные земельным отношениям сибирских казаков, наряду с богатым историческим, справочным и статистическим материалом содержат и достаточно широкие обобщения приводимых данных.

В следующую группу работ можно объединить ряд публицистических статей Г.Е. Катанаева: Самоупражняться ли нам? // Сибирские войсковые ведомости. Омск, 1917. № 26, 22 апр. С. 1–3; Десятиверстная полоса // Сибирские войсковые ведомости. Омск, 1917. № 27, 29 апр. С. 7–14; Офицерство и рядовое казачество наше (к вопросу землеустройства в Сибирском казачьем войске) // Иртыш. 1917. № 33, 34, 35, 38–39; Генеалогическая справка о «войсковой старшине» Сибирского казачества // Иртыш. 1918. № 38–39; Роль казачества в истории государственного строительства России // Иртыш. 1918. № 40, 41, 42; 1919. № 1, 2, 4.

Эти исторические работы Г.Е. Катанаева носят, прежде всего, полемико-популяризаторский характер. Они явились своеобразным откликом на политические события того времени. По признанию самого автора, статьи должны были, с одной стороны, стать ответом на попытки «углубителей» революции дискредитировать в глазах «трудового казачества» войсковое офицерство, с другой – явиться основанием справедливой гордости тем, что сделано казаками для государства за время их существования и службы [24. С. 21].

Безусловно, данные работы Г.Е. Катанаева отличаются полемичностью и большой политизированностью. В то же время они более свободны от строгой «академичности» изложения и точнее передают взгляды Г.Е. Катанаева на многие вопросы истории казачества. Статья «Самоупражняться ли нам?» была вызвана намечавшимся на I-м съезде Сибирского казачьего войска течением сторонников «рассказачивания». В ней Г.Е. Катанаев уделяет основное внимание боевым качествам казаков и преимуществам особого порядка отбывания ими воинской повинности. На основе конкретно-исторического материала исследователь пытается показать и доказать жизнеспособность и эффективность казачества как социального института. Появление статьи «Десятиверстная полоса» было обосновано обострением весной 1917 г. взаимоотношений между казаками и казахами («киргизами»). Г.Е. Катанаев отстаивает «историческое право» Сибирского казачьего войска на занимаемые им земли, в том числе и на «десятиверстную полосу», кратко повторив основные аргументы, изложенные им в свое время в работе «Киргизский вопрос в Сибирском казачьем войске», в пользу преимущественного права казаков на эти земли. В следующей статье – «Офицерство и рядовое казачество наше (к вопросу о землеустройстве в сибирском казачьем войске)» – Г.Е. Катанаев подробно

рассматривает историю наделения сибирского казачества землей и, в частности, попытки «насаждения в Сибири дворянского землевладения» посредством превращения войскового офицерства в землевладельцев-собственников и искусственного создания на войсковой территории чиновно-помещичьего земледельческого хозяйства. Основным лейтмотивом работы «Генеалогическая справка о “войсковой старшине” Сибирского казачества» явился тезис о том, что «войсковое офицерство было и есть плоть от плоти и кость от кости своего казачества». В результате изучения родословных большого количества офицерских семейств Г.Е. Катанаев приходит к выводу, что войсковая «верхушка» генетически вышла из рядовых казаков. Более того, Г.Е. Катанаев старается доказать, что войсковое офицерство никогда не выделяло и не противопоставляло себя (в том числе и в преследовании своих земельных интересов) рядовым казакам. Другими словами, он пытается обосновать идею отсутствия внутри казачества классовых противоречий.

Последней (по времени выхода) печатной работой Г.Е. Катанаева, изданной при его жизни, стала статья «Роль казачества в истории государственного строительства России», публикация которой состоялась в нескольких номерах войскового еженедельника «Иртыш» за 1918 и 1919 гг. Это достаточно значительная по объему работа, состоящая из десяти глав. Кроме того, в личном фонде Г.Е. Катанаева удалось обнаружить ряд рукописных текстов под одноименным заглавием, не вошедших в опубликованный вариант статьи (ИАОО. Ф. 366. Оп. 1. Д. 319. 12 л.). При создании этой работы Г.Е. Катанаев руководствовался, прежде всего, желанием кратко изложить историю казачества (главным образом сибирского) в доступной для широкой читательской аудитории форме. Он полагал, что настало время для оценки исторической деятельности казачества с точки зрения службы государству и «пользы-вреда, причиненных ему казаками» [25. Л. 12; 26. Л. 11об.–12 об.]. Также данная статья могла бы, по мнению Г.Е. Катанаева, послужить для самих казаков материалом для отражения многих, по существу незаслуженных, нареканий, появившихся в их адрес [25. Л. 11].

Исторические работы Г.Е. Катанаева были призваны выполнять в основном ознакомительно-популяризаторскую функцию. Написаны они в манере повествовательного рассказа, выдержанного по хронологии дат описываемых событий. Своеобразным стержнем этих повествований является задача выяснения исторических моментов поступательного движения казаков вглубь Сибири и Средней Азии. Следует подчеркнуть также, что все работы Г.Е. Катанаева по истории сибирского казачества объединяет неподдельный патриотизм автора, которым они проникнуты.

Кроме изданных работ Г.Е. Катанаева большое значение для интерпретации его исторических взглядов имеет его мемуарная литература и рукописи, как изданные после его смерти, так и неопубликованные, сохранившиеся в личном фонде омского архива. На наш взгляд, именно эти автографы в полной мере дополняют и «раскрывают» достаточно реферативные по сво-

ему характеру изданные труды Г.Е. Катанаева. Сам исследователь незадолго до смерти писал, что наиболее серьезные его работы по истории Сибири и Степного края вообще и сибирского казачества в частности еще не закончены и находятся частью в периоде систематического изложения собранного материала, а частью – еще в виде первоначальных набросков, нуждающихся в дополнениях и поправках [22. Л. 6]. В последние годы жизни, Г.Е. Катанаев работал над написанием и подготовкой к печати ряда работ, среди которых он выделяет главным образом две: «Князь Матвей Петрович Гагарин. Генеральный президент Сибирского приказа и Сибирских провинций судья. Московский комендант и всей Сибири губернатор. (Первый сибирский автономист)»; «*Степной край Азиатской России и его заселение (исторический обзор оседло-кочевой колонизации Акмолинской, Семипалатинской, Уральской и Семиреченской областей с прилегающими к ним частями Барабинской и Кулундинской степей с половины XV столетия по наши дни)*».

Работе над первой рукописью Г.Е. Катанаев придавал большое значение. «В среде наиболее памятных для Сибири ее деятелей, – писал он, – имя князя М.П. Гагарина, бесспорно, должно занять одно из виднейших мест... Но более или менее полной и всесторонней оценки деятельности этого более чем незаурядного человека до сих пор не было» [26. Л. 1]. Г.Е. Катанаев ставит перед собой задачу восполнить этот весьма важный, по его мнению, пробел в историографии Сибири и планирует создание историко-биографического обзора жизни и деятельности М.П. Гагарина. Им был задуман большой труд в 8 отделов (глав). В 1921 г. Г.Е. Катанаев писал, что с нетерпением ожидает того момента, когда ему представится возможность закончить рукопись и отдать в печать [22. Л. 10]. К сожалению, осуществить свой замысел в полном объеме Г.Е. Катанаеву не удалось. В одной из своих рукописей он отмечает, что им были написаны 5 из 8 планируемых глав, а для трех остальных был собран и систематизирован фактический материал [Там же. Л. 10–11]. В личном архиве Г.Е. Катанаева сохранились рукописи четырех глав труда в полном объеме и отрывки из третьей главы, а также материалы докладов, сделанных им в ЗСОИРГО (в 1920 г. им был прочитан один одноименный доклад и 2 доклада на тему «Сибирь эпохи Петра Великого», в основу которых положен тот же фактический материал), черновики, выписки из различных справочных и прочих изданий и другой подготовительный материал (Ф. 366. Оп. 1. Д. 369. 58 л.; Д. 372. 58 л.; Д. 370. 63 л.; Д. 371. 151 л.). Работа Г.Е. Катанаева о М.П. Гагарине была опубликована относительно недавно – в 2005 г. [27].

Вторая рукопись была задумана из пяти глав, но написаны Г были только три: 1-я – «*Степной край до нашествия калмыков (XV – начало XVII века)*»; 2-я – «*Калмыцкое засилье (XVII век)*»; 3-я – «*Начало прочного внедрения в Сибирских степях казачьей орды под протекторатом России (XVIII век)*». Рукописи этих глав сохранились в ИАОО (Ф. 366. Оп. 1. Д. 324. 8 л.; Д. 325. 37 л. (1-я глава); Д. 326. 64 л. (2-я глава), Д. 328.

41 л. (3-я глава). Кроме этого в личном фонде Г.Е. Катанаева сохранились рукописные материалы трех докладов под общим названием «*Очерк былого. Аборигены, старожилы и новоселы Степного края с половины XV века до наших дней*», прочитанных на заседаниях ЗСОИРГО осенью-зимой 1920 г (Ф. 366. Оп. 1. Д. 333. 2 л.; Д. 330. 30 л.; Д. 331. 30 л.; Д. 332. 26 л.). В основание докладов был положен тот же конкретно-исторический материал, который Г.Е. Катанаев использовал при написании работы «*Степной край...*» Автографы практически дублируют друг друга. Основной их целью было выяснение ответа на вопрос о праве исторической давности пребывания и землепользования в крае той или иной группы его населения.

Кроме вышеназванных рукописей Г.Е. Катанаева в ряду его исторических работ необходимо назвать еще одну. Эта рукопись не получила авторского названия. По архивной описи она озаглавлена «*К истории сибирского казачества*» (Ф. 366. Оп. 1. Д. 309. 10 л. (наброски); Д. 320. 89 л. (основная рукопись)). Вероятнее всего, была задумана Г.Е. Катанаевым как введение ко второму, переработанному изданию работы «*Западно-сибирское служилое казачество...*», но по своему объему (89 рукописных листов), содержанию и значению может считаться самостоятельной законченной работой о сибирском служилом казачестве. Вот что писал сам Г.Е. Катанаев об этой работе в одной из своих записных книжек: «Предлагаемый вниманию читателей исторический очерк представляет собой не более как введение к подготовляемому мною большому труду по собственно истории Сибирского казачьего войска, получившего собирательное имя «СКВ» в отличие от других, так сказать, местных Сибирских войск, каковы Семиреченское, Забайкальское, Уссурийское и городов Красноярска, Иркутска, Якутска. Не известно, позволят ли мне время и обстоятельства довести до конца и подготовить к изданию весь этот труд, но введение... показалось настолько само по себе цельным, что я... решил опубликовать его теперь же, без окончательной обработки» [25. Л. 8–9]. Однако издать этот очерк Г.Е. Катанаеву не удалось. В ИАОО наряду с его автографом сохранилась и копия, отпечатанная типографским способом с правками автора (Ф. 366. Оп. 1. Д. 323. 12 л.). Г.Е. Катанаев в этой работе уделяет внимание вопросу происхождения казачества, а также рассматривает характер и конкретное содержание действительной службы сибирских казаков на всем протяжении их существования.

Определенное значение для интерпретации исторических взглядов Г.Е. Катанаева имеют и другие его неопубликованные рукописи. Это прежде всего «*Казачество в важнейшие эпохи жизни русского государства*» (ИАОО, Ф. 366. Оп.1. Д. 318. 21 л.; к сожалению, часть рукописи утрачена), а также «*Заметки на память при составлении истории Сибирского казачьего войска*» (ИАОО, Ф. 366. Оп.1. Д. 314. 53 л.).

Анализ творческого и научного наследия Г.Е. Катанаева позволяет сделать вывод, что он внес значительный вклад в исследование истории Сибирского казачьего войска, а его работы являются ценным ис-

точником по различным аспектам истории казачества. Г.Е. Катанаев одним из первых предпринял попытку полного, в определенном смысле системного изложения истории Сибирского казачьего войска. Комплекс работ Г.Е. Катанаева достаточно значителен по объему и разнообразен по проблематике исследуемых вопросов и глубине их научной разработки. В его работах содержится большое количество фактического материала о казаках-землепроходцах, социально-экономическом положении и системе жизнеобеспечения казачьего населения Западной Сибири, материальной, духовной и бытовой культуре сибирского казачества. Г.Е. Катанаев не только использует в своих работах значительные по объему статистические и гене-

логические данные, но и переходит на их основании к достаточно широким теоретическим обобщениям. Первым из дореволюционных исследователей Г.Е. Катанаев обращается к изучению проблемы земельных отношений линейных сибирских казаков и населения сопредельных территорий. Одним из первых в ряду историков он предлагает и собственное видение процесса наделения сибирского казачества землей и формирования земельного фонда Сибирского казачьего войска. Следует признать, что работы Г.Е. Катанаева не только расширили проблематику дореволюционных исследований, но и определили новые векторные направления дальнейших научных изысканий по истории сибирского казачества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шкунов В.Н. Российско-индийские торгово-экономические связи в XVIII–XIX вв. М., 1918.
2. Лещёв В.Н. Историография деятельности государственных органов по обеспечению безопасности границ Российской империи в Средней Азии (1860–1917 гг.) // Вестник военного университета. 2010. № 4 (24). С. 92–95.
3. Анисимова И.В., Лысенко Ю.А., Лысенко М.Ф., Юферова Н.С. О юридическом статусе Иртышского десятивёрстного пространства в дореволюционной историографии // Известия Алтайского государственного университета. 2015. № 4 (88), т. 1. С. 25–30.
4. Баранов П.П., Шапошников А.А. Аудиторы и фискалы эпохи Петра Великого: зарождение российских институтов финансового контроля // Бухгалтерский учет в бюджетных и некоммерческих организациях. 2017. № 9. С. 26–36.
5. Можегорова Н.В. Градостроительные традиции XVI – начала XIX вв. в историко-архитектурном наследии северо-западной Сибири : дис. ... канд. ист. наук. Барнаул. 2006.
6. Иванов Е.П. Изучение Степного края российскими исследователями в XIX веке. // Омский научный вестник. 2015. № 2 (136). С. 37–40.
7. Мукатаева Л.К. Г.Е. Катанаев как историк Степного края (к постановке вопроса) // Степной край: зона взаимодействия русского и казахского народов (XVIII–XX вв.) : 2-я Междунар. науч. конф. : тез. докл. и сообщ. Омск, 2001. С. 136–138.
8. Захарова И.В., Томилов Н.А. Этнографические научные центры Западной Сибири середины XIX – начала XXI вв. Омский этнографический центр. Омск, 2007.
9. Колупаев Д.В. Сибирское казачество во второй половине XIX века – 1850–1900 гг.: социально-экономическое развитие : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Иркутск. 2011.
10. Андреев С.М. Сибирское казачье войско как социально-территориальная система: организация и основные этапы развития: 1808–1917 гг. : дис. ... д-ра ист. наук. Омск, 2007.
11. Шевченко С.В. Сибирское линейное казачество и казахи Среднего жуза в XVIII – начале XIX в. : дис... канд. ист. наук. Екатеринбург, 1997.
12. Андреев С.М. Офицерское землевладение в Сибирском казачьем войске (середина XIX в. – 1916 г.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Омск, 1997.
13. Научная библиотека Томского государственного университета (НБ ТГУ). Архив Г.Н. Потанина. Св. 115. Л. 323–324, 326–329.
14. Бахрушин С.В. Г.Ф. Миллер как историк Сибири // Миллер Г.Ф. История Сибири. М.–Л., 1937.
15. Катанаев Г.Е. При-Иртышские казаки и киргизы Семипалатинского уезда в их домашней и хозяйственной обстановке (к вопросу о культурном взаимодействии рас) // Записки Западно-Сибирского отдела императорского русского географического общества (ЗСОИРГО). 1893. Кн. XV, вып. 2. С. 1–38.
16. Мирзоев В.Г. Историография Сибири (домарксистский период). М, 1970.
17. Миненко Н.А. Историография Сибири (период феодализма). Новосибирск, 1978.
18. Катанаев Г.Е. Еще об Ермаке и его Сибирском походе (новая вариация на старую тему) // Записки ЗСОИРГО. 1893. Кн. XV, вып. 2. С. 1–36.
19. Катанаев Г.Е. Краткий исторический обзор службы Сибирского казачьего войска (с 1582 по 1908 год). СПб., 1908.
20. Исторический архив Омской области (ИАОО) Ф. 67. Оп. 2. Д. 2758. Л. 1–12.
21. Эрлих В.А. Сибирское казачество в публикациях 18–19 веков : по материалам второго тома «Сибирской библиографии» В.И. Межова // Армия и книга : тез. докл. и сообщ. Новосибирск, 1995.
22. ИАОО. Ф. 366. Оп. 1. Д. 357.
23. ИАОО. Ф. 366. Оп. 1. Д. 369. 58 л.; Д. 372. 58 л.; Д. 370. 63 л.; Д. 371. 151 л.
24. Катанаев Г.Е. Офицерство и рядовое казачество наше (к вопросу о землеустройстве в Сибирском казачьем войске). Омск, 1918.
25. ИАОО. Ф. 366. Оп. 1. Д. 317.
26. ИАОО. Ф. 366. Оп. 1. Д. 314. Л. 11 об.–12 об.
27. Катанаев Г.Е. Князь Матвей Петрович Гагарин. Генеральный президент Сибирского приказа и сибирских провинций судья. Московский комендант и всея Сибири губернатор. (Первый сибирский автономист). (Сибирь эпохи Петра Великого). Тюмень : Мандр и К, 2005.

Doroshenko Olga P. Tomsk Institute of Retraining and Agribusiness (Tomsk, Russian Federation). E-mail: dop@tipkia70.ru
Kudryashev Vyacheslav N. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: kvn18011962@yandex.ru

WORKS OF G.E. KATANAEV AS A SOURCE ON THE HISTORY OF THE SIBIRIAN COSSACKS

Keywords: historiography; history of Siberia; Cossacks; G.E. Katanaev; Siberian Cossack army.

The article is devoted to the analysis of the creative heritage of the famous Cossack figure of the second half of XIX – early XX centuries G.E. Katanaev. The authors note the fact of recognition in the scientific literature of the special role of G.E. Katanaev in the historiography of the Siberian Cossacks, however, it is emphasized that this assessment is based on the analysis of his most famous published works.

The purpose of the article is to introduce the works of G.E. Katanaev on the history of the Cossacks and their systematization not used by researchers into scientific circulation. The authors of the article set and solve the problem of analysis and systematization of G.E. Katanaev's works. Recognizing that as an object of research, published and handwritten works of G. E. Katanaev on the history of the Cossacks do not represent a homogeneous and compact complex, because they were created at different times, are diverse in form and purpose, differ in the degree of mastery of the material and the range of analyzed problems, the authors consider it possible to fairly conditionally distinguish several major groups. These are "early printed works" of G. E. Katanaev, "main of his works", "works on land issues" of the Siberian Cossack army and journalistic articles. The history of creation, publication and specific content of these works are considered. It is emphasized that in addition to the published works of G. E. Katanaev, his memoir literature and unpublished manuscripts have a great importance for the interpretation of his historical views.

Analysis of the creative heritage of G. E. Katanaev allows the authors to draw the following conclusions:

- The complex of G. E. Katanaev's works is very important from the point of view of the number and diversity of the problems of the studied issues and the depth of their scientific development. They contain a large amount of factual material about the Cossack pioneers, the socio-economic situation and the life support system of the Cossack population of Western Siberia, material, spiritual and everyday culture of the Siberian Cossacks.

- In his works G. E. Katanaev not only used a huge amount of statistical and genealogical data, but also passed on their basis to a fairly broad theoretical generalizations.

- G. E. Katanaev was one of the first to attempt a complete, in a certain sense, systematic exposition of the "history" of the Siberian Cossack army. The first of the pre-revolutionary researchers G. E. Katanaev referred to the study of the problem of land relations of linear Siberian Cossacks and Kazakhs, and also offered his own vision of the process of providing the Siberian Cossacks with land and the formation of the land fund of the Siberian Cossack army.

In conclusion, the authors emphasize the significant contribution of G. E. Katanaev in the study of the history of the Siberian Cossack army and note the importance of his works as a source on the history of the Cossacks.

REFERENCES

- Shkunov, V.N. (1918) *Rossiysko-indiyskie torgovo-ekonomicheskie svyazi v XVIII-XIX vv.* [Russian-Indian trade and economic ties in the 18th – 19th centuries]. Moscow: [s.n.].
- Leshchov, V.N. (2010) *Istoriografiya deyatel'nosti gosudarstvennykh organov po obespecheniyu bezopasnosti granits Rossiyskoy imperii v Sredney Azii (1860–1917 gg.)* [Historiography of the activities of government agencies to ensure the security of the borders of the Russian Empire in Central Asia (1860–1917)]. *Vestnik voennogo universiteta.* 4(24). pp. 92–95.
- Anisimova, I.V., Lysenko, Yu.A., Lysenko, M.F. & Yuferova, N.S. (2015) About the Legal Status of the Irtysh Ten-Verst Space in Pre-Revolutionary Historiography. *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta – Izvestiy of Altai State University Journal.* 4(88). pp. 25–30. (In Russian).
- Baranov, P.P. & Shaposhnikov, A.A. (2017) *Auditory i fiskaly epokhi Petra Velikogo: zorozhdenie rossiyskikh institutov finansovogo kontrolya* [Auditors and fishers of the era of Peter the Great: the birth of Russian institutions of financial control]. *Bukhgalterskiy uchët v byudzhemnykh i nekommercheskikh organizatsiyakh.* 9. pp. 26–36.
- Mozzhegorova, N.V. (2006) *Gradostroitel'nye traditsii XVI – nachala XIX vv. v istoriko-arkhitekturnom nasledii severo-zapadnoy Sibiri* [Urban planning traditions of the 16th – early 19th centuries in the historical and architectural heritage of northwestern Siberia]. History Cand. Diss. Barnaul.
- Ivanov, E.P. (2015) *Izucheniye Stepnogo kraya rossiyskimi issledovatelyami v XIX veke* [Study of the Steppe region by Russian researchers in the 19th century]. *Omskiy nauchnyy vestnik – Omsk Scientific Bulletin.* 2(136). pp. 37–40.
- Mukataeva, L.K. (2001) [G.E. Katanaev as a historian of the Steppe Territory (to the statement of the question)]. *Stepnoy kray: zona vzaimodeystviya russkogo i kazakhskogo narodov (XVIII–XX vv.)* []. Proc. of the International conference. Omsk. pp. 136–138. (In Russian).
- Zakharova, I.V. & Tomilov, N.A. (2007) *Etnograficheskie nauchnye tsentry Zapadnoy Sibiri serediny XIX – nachala XXI vv. Omskiy etnograficheskiy tsentr* [Ethnographic scientific centers of Western Siberia in the middle of the 19th – early 21st centuries. Omsk ethnographic center]. Omsk: Nauka.
- Kolupaev, D.V. (2011) *Sibirskoe kazachestvo vo vtoroy polovine XIX veka – 1850-1900 gg.: sotsial'no-ekonomicheskoe razvitiye* [Siberian Cossacks in the second half of the 19th century – 1850–1900 gg.: socio-economic development]. Abstract of History Dr. Diss. Irkutsk.
- Andreev, S.M. (2007) *Sibirskoe kazach'e voysko kak sotsial'no-territorial'naya sistema: organizatsiya i osnovnye etapy razvitiya: 1808–1917 gg.* [Siberian Cossack army as a socio-territorial system: the organization and the main stages of development: 1808–1917]. History Dr. Diss. Omsk.
- Shevchenko, S.V. (1997) *Sibirskoe lineynoe kazachestvo i kazakhi Srednego zhuzha v XVIII – nachala XIX v.* [Siberian linear Cossacks and Kazakhs of the Middle Zhuz in the 18th – early 19th centuries]. History Cand. Diss. Ekaterinburg.
- Andreev, S.M. (1997) *Ofiterskoe zemlevladieniye v Sibirskom kazach'em voyske (seredina XIX v. – 1916 g.)* [Officer land tenure in the Siberian Cossack army (middle of the 19th century – 1916)]. Abstract of History Cand. Diss. Omsk.
- Potantin, G.N. (n.d.) *Arhive in Research Library of Tomsk State University.* List 115. pp. 323–324, 326–329
- Bakhrushin, S.V. (1937) *G.F. Miller kak istorik Sibiri* [G.F. Miller as a Siberian historian]. In: Miller, G.F. *Istoriya Sibiri* [The History of Siberia]. Moscow; Leningrad: [s.n.].
- Katanaev, G.E. (1893a) *Pri-Irtyshskie kazaki i kirgizy Semipalatinskogo uyezda v ikh domashney i khozyaystvennoy obstanovke (k voprosu o kul'turnom vzaimodeystvii ras)* [the Near-Irtysh Cossacks and Kirghiz of Semipalatinsk County in their home and business environment (on the issue of cultural interaction of races)]. *Zapiski Zapadno-Sibirskogo otdela imperatorskogo rossiyskogo geograficheskogo obshchestva (ZSOIRGO).* 15(2). pp. 1–38.
- Mirzoev, V.G. (1970) *Istoriografiya Sibiri (domarksistskiy period)* [Historiography of Siberia (pre-Marxist period)]. Moscow: Mysl'.
- Minenko, N.A. (1978) *Istoriografiya Sibiri (period feodalizma)* [Historiography of Siberia (feudalism)]. Novosibirsk: Novosibirsk State University.
- Katanaev, G.E. (1893b) *Eshche ob Ermake i ego Sibirskom pokhode (novaya variatsiya na staruyu temu)* [More about Ermak and his Siberian campaign (a new variation on the old theme)]. *Zapiski ZSOIRGO.* 15(2). pp. 1–36.
- Katanaev, G.E. (1908) *Kratkiy istoricheskiy obzor sluzhby Sibirskogo kazach'ego voyska (s 1582 po 1908)* [A brief historical overview of the service of the Siberian Cossack army (from 1582 to 1908)]. St. Petersburg: [s.n.].
- Historical Archive of the Omsk Region (IAOO). Fund 67. List 2. File 2758.
- Erlikh, V.A. (1995) [Siberian Cossacks in publications of the 18th – 19th centuries: on the materials of the second volume of V.I. Mezhev's "Siberian Bibliography"]. *Armiya i kniga* [Army and Book]. Proc. of the Conference. Novosibirsk. April 18–19, 1995. Novosibirsk: SB RAS. (In Russian).

22. Historical Archive of the Omsk Region (IAOO). Fund 366. List 1. File 357.
23. Historical Archive of the Omsk Region (IAOO). Fund 366. List 1. File 369.
24. Katanaev, G.E. (1918) *Ofitserstvo i ryadovoe kazachestvo nashe (k voprosu o zemleustroytve v Sibirskom kazach'em voyske)* [Our officers and ordinary Cossacks (to the question of land management in the Siberian Cossack army)]. Omsk: [s.n.].
25. Historical Archive of the Omsk Region (IAOO). Fund 366. List 1. File 317.
26. Historical Archive of the Omsk Region (IAOO). Fund 366. List 1. File 314.
27. Katanaev, G.E. (2005) *Knyaz' Matvey Petrovich Gagarin. General'nyy prezident Sibirskogo prikaza i sibirskikh provintsiy sudiya. Moskovskiy komendant i vseya Sibiri gubernator. (Pervyy sibirskiy avtonomist). (Sibir' epokhi Petra Velikogo)* [Prince Matvey Petrovich Gagarin. The general president of the Siberian order and the judge of Siberian provinces. Moscow commandant and all Siberia governor. (First Siberian autonomist). (Siberia of Peter the Great)]. Tyumen: Mandr i K.

ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

УДК 930 (902)

DOI: 10.17223/19988613/57/27

Б.С. Попова

ПАМЯТНИКИ ИРМЕНСКОЙ КУЛЬТУРЫ НИЖНЕГО ПРИТОМЬЯ. ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ОБЗОР

В статье использованы результаты, полученные в ходе выполнения проекта № 8.1.41.2018 в рамках Программы повышения конкурентоспособности ТГУ.

Рассматривается история изучения ирменских древностей на территории Нижнего Притомья. Сущность историографической проблемы заключается в малой изученности нижнетомских памятников конца эпохи бронзы, что является причиной большого количества спорных мнений о происхождении, развитии и датировке памятников периода ирменской культуры в Нижнетомском регионе. Цель работы – провести анализ имеющихся исследовательских концепций по вопросам генезиса и датировки артефактов для выявления культурообразующих факторов томского варианта ирменской культуры. Автор считает, что введение в научный оборот новых репрезентативных материалов станет решением этих проблем, а также позволит досконально проанализировать своеобразие материалов ирменских комплексов в Нижнем Притомье.

Ключевые слова: ирменская культура; томский вариант; эпоха поздней бронзы; историография.

До 1950-х гг. памятники ирменской культуры на территории Западной Сибири причислялись исследователями к карасукской культуре. В 1955 г. в журнале «Советская археология» была опубликована статья Н.Л. Членовой «О культурах бронзовой эпохи лесостепной зоны Западной Сибири», в которой она обосновала выделение новой культуры поздней бронзы, получившей название «ирменская» по поселению Ирмень I в Новосибирской области. Данная культура занимала пространство лесостепной полосы Западной Сибири, ограниченное на севере южной границей тайги, на востоке – р. Урюп, притоком Чулыма, на западе – междуречьем Иртыша и Ишима, на юго-западе – северо-восточнее г. Петропавловска. Н.Л. Членова считала ирменскую культуру на основной территории ее распространения достаточно однородным образованием, но допускала наличие нескольких окраинных вариантов: северо-алтайского и предгорно-алтайского на юго-востоке, большеложского на юго-западе, розановского на северо-западе [1. С. 209]. Она отстаивала короткую хронологию ирменских памятников без разделений на периоды [2. С. 24–28]. Другие ученые считали ирменскую культуру достаточно единой, но выделяли в ней несколько периодов. Сейчас обосновано разделение считавшейся некогда единой культуры на две последовательных: ирменскую и позднеирменскую [3. С. 68–69].

Нижнетомский регион (нижнее течение р. Томь от г. Томска до устья) расположен в пограничной между лесостепью и тайгой зоне. Здесь происходили активные культурные контакты лесостепного и лесного населения, которым немало способствовало наличие крупной водной артерии и большой сети малых рек. К памятникам ирменской культуры, располагавшимся в нижнем течении р. Томи, Н.Л. Членова отнесла Том-

ский могильник на Большом мысу, поселения Самусь и Басандайка [4. С. 44, 46].

С момента выделения ирменской культуры и до настоящего времени не утихают споры о ее генезисе, хронологических параметрах и локальных вариантах. Несмотря на то, что все исследователи опирались практически на одни и те же источники, выводы у них получались разные. Памятники нижнего течения Томи упоминались ими чаще всего в качестве аналогий или в составе Верхнеобского региона. Это происходило потому, что до 1990-х гг. XX в. в Нижнем Притомье не было изучено раскопками ни одного однослойного ирменского памятника, на который в своих рассуждениях могли бы опереться ученые. Исследованные поселения имели ирменский слой среди других временных горизонтов, а могильники – ирменские погребения среди захоронений других культур. Многие памятники данной территории представлены лишь сборами подъемного материала. Мнения исследователей о существовании локального, томского, варианта базируются именно на материалах этих многослойных и разновременных памятников, но пока не имеют подтверждения на материалах какого-либо однослойного памятника.

Постоянно растущее количество данных, проблема выделения локальных вариантов ирменской культуры [1. С. 209], отсутствие историографических обобщающих работ относительно нижнетомских комплексов, а также открытие ирменского памятника Чекист делают чрезвычайно актуальным вопрос происхождения и развития ирменской культуры в Нижнем Притомье. В данной статье выборка исследовательских положений обусловлена тем, что в работах нижеперечисленных ученых так или иначе был затронут интересующий нас регион. Ниже в историографическом аспекте

рассмотрены два вопроса: генезис и датировка ирменской культуры на территории Нижнего Притомья.

Вопрос о происхождении как культуры в целом, так и ее локальных вариантов всегда труден потому, что наряду с общими фактами, оказавшими влияние на всю эпоху, необходимо показать явления, характерные для отдельного варианта, влиявшие на формирование его местных особенностей. Кроме того, проблема генезиса ирменской культуры на территории Нижнего Притомья сложна по причине малой изученности самих памятников.

В 1920-х гг. С.А. Теплоуховым была выделена карасукская культура. Исследователь предполагал наличие единого андроновского базиса для начальных, сходных между собой стадий карасукской культуры в различных районах Сибири. И только спустя некоторое время, по его мнению, южные территории подверглись влиянию азиатских культур, а вот в северных районах, отрезанных от культурных центров, в том числе и в Нижнем Притомье, рассматриваемая культура надолго сохранилась в архаичной форме [5. С. 107]. Материалы с Томского могильника (Малый мыс), раскопанного А.В. Адриановым в 1889 г., С.А. Теплоухов также относил к карасукской культуре [Там же. С. 106]. Однако в 1920-е гг. исследователь еще не обладал достаточным количеством данных, чтобы увидеть явные отличия нижнетомских комплексов от местонахождений этого же времени в Минусинской котловине.

Позднее С.В. Киселев нижнетомские памятники считал близкими основному карасуцкому комплексу [6. С. 142–143]. Некоторые захоронения Томского могильника из-за наличия тагарских форм он отнес к поздней карасукской культуре, носители которой, по его мнению, пришли в низовья Томи из Минусинской котловины [Там же. С. 149]. В целом происхождение и развитие карасукской культуры он связывал с переселением населения из северного Китая сначала на Енисей (в Минусинскую котловину), где произошли встреча с андроновским населением и быстрое объединение в культурном отношении. Затем эти племена двинулись на Томь и Обь [Там же. С. 142–143, 150].

В 1944–1946 гг. профессор Томского государственного университета К.Э. Гриневиц провел раскопки Басандайского городища и Басандайских курганов. В насыпи курганов и поселенческом слое городища были найдены фрагменты керамики, которые исследователь, опираясь на мнения предшественников – С.А. Теплоухова и С.В. Киселева, датировал карасукской эпохой [7. С. 144–147].

М.Н. Комарова в 1952 г. опубликовала материалы Томского могильника [8]. Находки с Малого мыса этого памятника из-за количественного преобладания предметов, аналогичных материалам андроновской культуры, она отнесла к переходному андроновско-карасуцкому времени [Там же. С. 27]. Материалы с Большого мыса, в противовес мнению С.В. Киселева, она посчитала принадлежащими носителям большеберченской культуры, синхронной минусинским памятникам начала тагарского времени [Там же. С. 42, 46]. Ее мнение разделил М.П. Грязнов, который подчеркивал, что на Томи не имеется ни одного предмета, хоть

отдаленно похожего по типу на северокитайские вещи [9. С. 39, 41]. Разница в культуре населения, оставившего погребения на мысах Томского могильника, по мнению М.Н. Комаровой, настолько велика, что невозможно отметить преемственность ни в обряде погребения, ни в формах орудий. Исследовательница говорила, что эти два памятника разделяет какая-то эпоха, еще недостаточно выявленная в районе Томска. Таким образом, на основе материалов с Томского могильника и Басандайки М.Н. Комарова предположила, что на Томи есть еще много неизвестных памятников карасуцского времени, и их открытие и изучение позволят установить особый, томский вариант карасуцской культуры, на существование которого указывает керамика карасуцского типа из уже известных памятников [8. С. 45–46]. Эта локальная культура, по ее расчетам, своеобразная и самобытная, сложилась в условиях лесной области, унаследовав в орнаментации посуды некоторые традиции местного неолита, осложненные новыми орнаментальными элементами, распространенными на Томи в карасуцское время [Там же. С. 30, 50]. Таким образом, по опубликованным М.Н. Комаровой материалам можно сказать, что Томский могильник не содержит погребений ирменской эпохи. Но факт, что носители ирменской культуры жили на территории Нижнего Притомья, неоспорим, хотя исследовательница считала эту культуру карасуцской [Там же. С. 45].

М.П. Грязнов, как и С.А. Теплоухов, считал, что карасуцская культура распространяется на территорию Верхней Оби (до устья р. Томь). Он не принял концепцию Н.Л. Членовой о выделении ирменской культуры и предложил все культурные образования периода поздней бронзы с наличием «карасуцских черт» позиционировать как «варианты карасуцской культуры» [9. С. 26]. В 1956 г. исследователь определил 10 районов сосредоточения культур карасуцского типа, а все нижнетомские памятники отнес к Томскому району. Он отмечал, что памятники Томского, Новосибирского и Верхнеобского районов очень сходны между собой по признакам материальной культуры (общим чертам керамических и формам бронзовых изделий) и образуют одну группу, приуроченную к лесостепным участкам по рекам Оби и Томи [10. С. 36–37].

Сравнивая памятники карасуцской эпохи на Верхней Оби с предшествующими им андроновскими, М.П. Грязнов утверждал, что культура местного населения на Верхней Оби развивалась на основе андроновской, потому что прослеживается преемственность в погребальном обряде, орнаментации керамики, украшениях [9. С. 36, 39]. Но в отличие от андроновской культуры, однообразной по форме на всей территории распространения, на карасуцском этапе в Сибири выработались особые, местные признаки материальной сферы, которые зависели от характерных для территории природных условий. Он отмечал, что, несомненно, имел место обмен с племенами Енисея, благодаря чему на Обь попадали отдельные бронзовые изделия. При этом каких-либо элементов культуры монгольского или северокитайского происхождения ни в формах вещей, ни в расовом типе на Оби и Томи, по мнению ученого, не наблюдается [Там же. С. 39, 40–41].

Н.Л. Членова, как было сказано выше, выделила ирменскую культуру и ее четыре окраинных варианта. Эту культуру она отнесла к северной разновидности культур карасукского типа. В отличие от С.В. Киселева Н.Л. Членова отрицала генетическую связь собственно карасукской и андроновской культур, но считала, что андроновская основа имела место во всех северокарасукских культурах [4. С. 48; 11. С. 17–19]. Таким образом, исследовательница отрицала карасукский характер памятников Западной Сибири, а генезис ирменской культуры расценивала как результат взаимодействия андроновской и лесных культур при опосредованном влиянии карасукских племен Минусинской котловины [4. С. 49, 55]. Она не выделяла локальный вариант ирменской культуры, который мог бы существовать в низовьях р. Томи. Таким образом, М.П. Грязнов был первым, кто предположил существование Томского района карасукской культуры.

А.И. Мартынов считал вполне целесообразным выделение локальных сибирских культур карасукского типа. Вместе с тем он предполагал, что на Томи существовала культура явно лесного облика, на которую карасукские племена оказали опосредованное влияние [12. С. 122–123, 132].

М.Ф. Косарев к нижнетомским памятникам томского (северного) варианта ирменской культуры относил слой Самусьского IV поселения, поселенческий слой городища Басандайское, Шеломок, Каштак, Томское Лагерное, местонахождение у пос. Чекист [13. С. 173, 178]. В I тыс. до н.э., по мнению исследователя, основные направления этнокультурных воздействий в Приобье проходили с севера на юг (потомки древних самусьцев) и одновременно с юго-востока на северо-запад (карасукское население) [14. С. 16–17; 15. С. 42; 16. С. 27].

В 1960-х гг. М.Ф. Косарев считал, что ирменская культура на территории Обь-Иртышья сформировалась на базе еловского, северо-таежного и карасукского компонентов. При этом карасукскому компоненту он отводил второстепенную роль, а роль андроновского компонента отрицал полностью [17. С. 171–174].

Однако в 1970-х гг. М.Ф. Косарев изменил свою точку зрения в связи с окончательным признанием в среде научного сообщества ирменской культуры и удревнению выделенной им еловской культуры. Он полагал, что в генезисе варианта ирменской культуры в Нижнем Притомье участвовали местный еловско-десятьковский компонент (сложившийся из среднеиртышских, самусьских и томских племен) и пришлый из Минусинской котловины карасукский [16. С. 30; 17. С. 171–173]. В основе обоих компонентов, по мнению исследователя, лежал андроновский (федоровский) пласт, хотя ранее участие андроновского компонента он полностью отрицал. Таким образом, М.Ф. Косарев относил ирменскую культуру к кругу культур карасукского типа [13. С. 161]. Он уточнял, что употребление термина «томский карасук», введенного М.П. Грязновым, вносит путаницу и приводит к тому, что к собственно карасукской культуре относят абсолютно всякую керамику с резным геометрическим орнаментом [17. С. 174].

В.А. Посредников, как и М.Ф. Косарев, считал еловский компонент, сформировавшийся на базе местной томской культуры и пришлых андроновских племен [18. С. 170], основным составляющим ирменской культуры [19. С. 188–189]. Но влияние енисейского карасукского населения из-за малого распространения типичных карасукских вещей В.А. Посредников отрицал. Он полагал, что носители карасукской культуры Енисея оказывали лишь опосредованное влияние на население Западной Сибири через алтайско-верхнеобские племена, продвинувшиеся в начале I тыс. до н.э. по пойме Оби на север. Таким образом, по мнению исследователя, еловские племена смешались с алтайско-верхнеобскими мигрантами и сформировали ирменскую культуру [Там же. С. 191].

В.И. Матющенко на территории лесного и лесостепного Приобья по распространенности типов сосудов выделял девять локальных вариантов еловско-ирменской культуры на территории Западной Сибири, прошедшей в своем развитии два последовательных этапа: еловский и ирменский [20. С. 87–89]. К нижнетомскому району еловско-ирменской культуры он относил такие памятники, как Шеломок, Басандайка, Томский могильник, Томское поселение, Самусь III и IV.

Еловско-ирменская культура, по мнению В.И. Матющенко, представляла сложное историческое образование, возникшее в ходе взаимодействия различных по своему происхождению компонентов. В Приобье носители культуры были преемниками самусьской традиции [Там же. С. 128, 132]. На еловском этапе проявлялась генетическая близость самусьского и окуневского населения, что привело к сложению некоторых сходных форм культур у носителей еловско-ирменской и карасукской культур [Там же. С. 149, 168]. Вторым компонентом еловско-ирменской культуры стал андроновский, под воздействием которого происходили основные изменения в культуре [Там же. С. 136, 143]. Влияние карасукских верхнеобских племен придало соответствующую окраску ирменскому этапу [Там же. С. 142, 144, 162–163]. Таким образом, по мнению ученого, формирование еловско-ирменской культуры предполагало наличие в лесном и лесостепном Приобье автохтонного компонента, который мог быть как андроновским, так и самусьским [Там же. С. 158]. М.Ф. Косарев в противовес В.И. Матющенко полагал, что ирменская и еловская культуры не могли относиться к единому еловско-ирменскому комплексу из-за различий в керамике, ее орнаментации, а также в погребальном обряде [13. С. 180]. Н.Л. Членова считала еловскую культуру не предшественницей ирменской, а соседней культурой, сосуществовавшей с ней на границе с лесными районами [1. С. 209].

Д.Г. Савинов и В.В. Бобров высказали свое мнение насчет генезиса ирменской культуры в целом. Они отметили участие андроновского и карасукского (минусинского) компонентов [21. С. 60–62]. Последний, по их мнению, являлся результатом диффузии, т.е. ирменские аналоги карасукских вещей – это не заимствования, а переработанное в местной среде явление [22. С. 122–135]. Исследователи по степени проявле-

ния карасукского компонента делят ирменскую культуру по особенностям признаков памятников на две большие территории: 1) Верхняя Обь, южная часть Новосибирского Приобья и бассейн р. Иня; 2) Томское и северная часть Новосибирского Приобья. Д.Г. Савинов и В.В. Бобров говорят о слабой изученности северных районов лесостепного Приобья (куда входит и территория Нижнего Притомья), что значительно затрудняет выяснение генезиса ирменской культуры данного региона. Вместе с тем они упоминают об особенностях нижнетомских памятников, имея в виду то, что в Томском Приобье значительно сильнее проявляются связи с местными лесными памятниками – самусьскими и еловскими [21. С. 61–62].

В.И. Молодин не подвергает сомнению выделение ирменской культуры как самостоятельного явления, а не варианта карасукского субстрата [23. С. 137]. На основе материалов Барабы он высказал новое предположение о генезисе ирменской культуры, основными компонентами которой являются андроновский и позднеротовский. Влияние же карасукской культуры он считает опосредованным через лежащий в основе ирменской и карасукской культур андроновский (федоровский) пласт. Кроме того, по мнению В.И. Молодина, существовали и прямые связи между ирменцами и карасуками, что стало причиной появления карасукских вещей в ирменской среде [Там же. С. 140]. В 1979 г. исследователь выделил позднеирменскую культуру переходного от бронзы к железу времени [24. С. 110–112]. Выделенная культура имеет генетическое сходство с предшествующей ирменской и более поздней большереченской культурой [23. С. 171]. Относительно культурогенеза населения Нижнего Притомья В.И. Молодин полагает, что проявление ирменских элементов в позднееловской керамике объясняется развитой речной системой, которая позволяла поздним еловцам мигрировать на юг, а ирменцам – на север. Исследователь говорит о том, что еловская культура на последнем этапе своего бытования сосуществовала с ирменской и испытывала мощное влияние последней. Таким образом, нижнетомские памятники В.И. Молодин относит к томскому локальному варианту ирменской культуры, сформировавшемуся на основе синтеза позднееловского и ирменского населения [Там же. С. 138–139].

А.В. Матвеев отрицал возможное участие еловского компонента в становлении всей ирменской культуры по той причине, что еловские памятники были расположены в узкой пограничной полосе между тайгой и лесостепью, тогда как ирменские памятники распространены в основном по лесостепи, и именно там должен был происходить процесс становления ирменской культуры [25. С. 12–13]. Таким образом, он считал, что формирование ирменской культуры произошло в южных районах лесостепного Приобья на основе памятников ордынского типа, генетически связанных с андроновскими (федоровскими), а затем ирменцы мигрировали на территорию Нижней Томи. А.В. Матвеев разделил ирменскую культуру на три этапа: быстровский, ирменский и позднеирменский; он указывал на то, что каждый этап имеет свои особенности, сформировавшиеся под влиянием различных культурных связей (с западным Алтаем, с Восточным Казахстаном, с еловцами) [Там же. С. 93, 135].

Связь с карасукскими племенами Минусинской котловины А.В. Матвеев отрицал, предполагая, что в Западной Сибири керамика карасукского типа имела местные корни, а сходство карасукской и быстровской посуды являлось результатом не миграций минусинского населения в Приобье, а следствием общей для этих культур андроновской основы [Там же. 110]. Исследователь полагал, что в Нижнем Притомье носители андроновской культуры сменили самусьское население [Там же. С. 94]. На быстровском и ирменском этапах племена ирменской культуры существовали синхронно и были тесно связаны с еловским населением, а также с обитателями Восточного Казахстана [Там же. С. 108–109]. Кроме того, именно ирменцы оказывали сильное культурное влияние на поздних еловцев, а не наоборот [Там же. С. 120].

На проблему датировки ирменской культуры существуют различные точки зрения, хотя и достаточно близкие. С.А. Теплоухов датировал карасукскую культуру Минусинской котловины и Западной Сибири приблизительно концом II – началом I тысячелетия до н.э. (X–VIII вв. до н.э.). К.Э. Гриневиц считал, что в районе устья р. Томи карасукская культура могла существовать и позже данного срока, но не уточнял, насколько именно позже [7. С. 146]. М.П. Грязнов связывал памятники карасукской эпохи на Верхней Оби (куда включал и нижнетомские) с памятниками предскифского времени (конец II тысячелетия – VIII вв. до н.э.) [9. С. 36].

С.В. Киселев предполагал, что находки из Томского могильника одновременны позднеандоновским предметам с этого же могильника [6. С. 179]. Кроме того, по его мнению, носители карасукской культуры проникли в низовья Томи сравнительно поздно, о чем свидетельствуют находки раннетагарских вещей в этом же могильнике. М.Н. Комарова датировала погребения на Малом мысу Томского могильника переходным андроновско-карасукским временем, а на Большом мысу – временем большереченской культуры (VII–VI вв. до н.э.) [8. С. 27, 42, 46]. Н.Л. Членова определяла ирменскую культуру в рамках IX–VII вв. до н.э. [2. С. 22] М.Ф. Косарев допускал датировку памятников ирменской культуры в пределах IX (X)–VIII вв. до н.э. [13. С. 180; 14. С. 121; 16. С. 30; 17. С. 169; 26. С. 230].

В.И. Матющенко при сопоставлении еловско-ирменской культуры с другими культурами эпохи бронзы сделал вывод о том, что памятники данной культуры занимают последнее место в хронологической шкале культур эпохи бронзы. Они хронологически смыкаются с носителями андроновской и самусьской культур, с одной стороны, и большереченской и тагарской – с другой [20. С. 72, 75]. Он датировал еловско-ирменскую культуру в достаточно широких значениях: XII–VIII – началом VII вв. до н.э. [Там же. С. 74, 76]. Сам же ирменский этап по периодизации В.И. Матющенко укладывается в пределы VIII–VII вв. до н.э. [Там же. С. 79]. В.А. Посредников считал ир-

менскую культуру финальной стадией бронзового века (IX–VIII вв. до н.э.) [18. С. 171].

В.И. Молодин также был склонен датировать памятники ирменской культуры IX–VIII (началом VII) вв. до н.э. [23. С. 137–138]. В последних своих работах ученый предлагает более дробную хронологию, основанную на результатах радиоуглеродных анализов материалов с городища Чича-1. Он поделил культуру на ирменскую (XIV–X вв. до н.э.) и позднейирменскую (переходную от эпохи бронзы к раннему железному веку: первая половина X – VIII в. до н.э.) [3. С. 68–69]. А.В. Матвеев быстровский этап ирменской культуры отнесил к середине XII – до середины XI в. до н.э. [25. С. 112]. Ирменский этап – конец XI – конец IX в. до н.э. [Там же. С. 127]. Позднейирменский этап – первая половина VIII в. до н.э. [Там же. С. 132].

Несмотря на то, что нижнетомские памятники ирменской культуры по своим материальным признакам вполне укладываются в общепринятую хронологическую шкалу (XIV–VII вв. до н.э.), все же вопрос об их датировке остается открытым, потому что на данный момент не получено радиоуглеродных дат с памятников данной территории.

Таким образом, в историографии ирменской культуры можно выделить два этапа (без дореволюционного этапа по Матвееву, поскольку он представлял собой фактически только сборы материалов [Там же. С. 7–8]). На первом этапе, с 1920-х по начало 1950-х гг., памятники ирменской культуры Западной Сибири в целом и Нижнего Притомья в частности считались относящимися к карасукской культуре. С середины 1950-х гг., после того как Н.Л. Членова выделила ирменскую культуру, начался новый этап изучения, продолжающийся по сегодняшний день. Памятники эпохи поздней бронзы на территории лесостепной полосы Западной Сибири стали относиться уже не карасукской, а к ирменской культуре.

В 1973 г. Н.Л. Членова выделила окраинные локальные варианты ирменской культуры, среди которых не было томского. М.Н. Комарова в 1952 г. предположила на территории Нижнего Притомья существование особой карасукской культуры, подвергшейся влиянию местных традиций, но она не обладала достаточным количеством данных, чтобы обосновать выделение особого варианта. М.П. Грязнов, так же как и М.Н. Комарова, в 1952 г. предположил о наличии [27. С. 151], а в 1956 г. окончательно выделил Томский район, как он считал, карасукской культуры и стал первым исследователем, обосновавшим на основе отличия материальной культуры некоторую особенность рассматриваемого региона. В дальнейшем ученые, так же как и М.П. Грязнов, обращали внимание, что нижнетомские ирменские памятники имеют отличительные от основного массива ирменских материалов признаки материальной культуры (правда, не всегда прописывали, какие именно), и выделяли локальный томский вариант, который возник под влиянием местного, лесного компонента.

Таким образом, анализ литературы по вопросам генезиса ирменской культуры на территории Нижнего Притомья показал, что все исследователи признают

основным компонентом формирования ирменской культуры на территории Нижнего Притомья андроновский субстрат. Взгляды разнятся лишь на то, было ли участие андроновцев прямым (С.А. Теплоухов, М.П. Грязнов, Н.Л. Членова) или опосредованным (М.Ф. Косарев, В.А. Посредников, В.И. Матющенко, Д.Г. Савинов, В.В. Бобров, В.И. Молодин, А.В. Матвеев).

Вторым компонентом, участвовавшим в генезисе локального варианта ирменской культуры в Нижнем Притомье и придавшим ему некоторые особенности, была какая-либо местная лесная культура: самусьская или еловская (М.Ф. Косарев, В.А. Посредников, В.И. Матющенко, Д.Г. Савинов, В.В. Бобров, В.И. Молодин, А.В. Матвеев).

Судя по тому, что ирменская культура по своему облику является лесостепной, стоит признать, что, действительно, формироваться в контактной зоне лесостепи и тайги она не могла. Скорее всего, ее носители пришли на территорию Нижнего Притомья в самом конце существования еловской культуры (Д.Г. Савинов, В.В. Бобров, В.И. Молодин, А.В. Матвеев), и здесь, благодаря активному взаимовлиянию (с преобладанием ирменского компонента) местного и пришлого населения, сформировались локальные особенности ирменской культуры, которые и стали причиной выделения многими исследователями томского варианта. При этом вопрос о правомерности выделения локального варианта остается открытым, так как труды, в которых в той или иной степени описывается своеобразие памятников ирменской культуры на территории Нижнего Притомья, относятся ко второй половине XX в. А для рассмотрения особенностей, в которых могло проявиться культурное своеобразие региона, необходимо привлечь материалы однослойного памятника с территории Нижнего Притомья (таким памятником может стать местонахождение Чекист) и сопоставить их с новейшими открытиями, относящимися к изучению ирменской археологической культуры в других регионах.

В русле данной темы необходимо упомянуть и комплексное историографическое исследование ирменской культуры, проведенное С.А. Ковалевским. В своей работе он проанализировал всю имеющуюся на сегодняшний день информацию по истории изучения ирменских древностей. Относительно региона Нижнего Притомья он отмечает некоторую свернутость исследований во второй половине XX в., а следовательно, недостаточность информации о культурном развитии данной территории в конце эпохи поздней бронзы [28. С. 18–19].

Необходимо открывать, изучать и вводить в научный оборот материалы новых репрезентативных источников не только для того, чтобы окончательно решить вопрос о генезисе и датировке ирменской культуры на территории Нижней Томи, но и для того, чтобы появилась возможность с помощью современных междисциплинарных методов познания проанализировать своеобразие материалов нижнетомских памятников в сравнении с другими общепризнанными локальными вариантами ирменской культуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Членова Н.Л. Ирменская культура и ее локальные варианты // Происхождение аборигенов Сибири и их языков. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1973. С. 207–209.
2. Членова Н.Л. Памятники конца эпохи бронзы в Западной Сибири. М. : Наука, 1994. 170 с.
3. Молодин В.И., Парцингер Г., Кривоногов С.К. и др. Чича – городище переходного от бронзы к железу времени в Барабинской лесостепи. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии, 2009. Т. 3. 248 с.
4. Членова Н.Л. О культурах эпохи бронзы лесостепной зоны Западной Сибири // Советская археология. 1955. Т. XXIII. С. 38–57.
5. Теплоухов С.А. Древние погребения в Минусинском крае // Материалы по этнографии. Л. : Изд. Государственного Русского музея, 1927. Т. III, вып. 2. С. 57–112.
6. Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. М. : Изд-во АН СССР, 1951. 643 с.
7. Гриневиц К.Э. Опыт классификации и датировки басандайской керамики // Басандайка : сб. материалов и исследований по археологии Томской области. Томск, 1947. С. 140–147.
8. Комарова М.Н. Томский могильник // Материалы и исследования по археологии СССР. М. : Изд-во АН СССР, 1952. № 24. С. 7–50.
9. Грязнов М.П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка // Материалы и исследования по археологии СССР (МИА). М.–Л. : Изд-во АН СССР, 1956. № 48. 163 с.
10. Грязнов М.П. К вопросу о культурах эпохи поздней бронзы в Сибири // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры (КСИИМК). 1956. Вып. 64. С. 27–42.
11. Членова Н.Л. Карасукские культуры Сибири и Казахстана и их роль в киммерийско-карасукском мире (XIII–VII вв. до н.э.) // Сибирь в прошлом, настоящем и будущем : тез. докладов и сообщений всесоюз. науч. конф. (13–15 октября 1981 г.) Новосибирск, 1981. Вып. III: История и культура народов Сибири. С. 17–21.
12. Мартынов А.И. Новый район карасукской культуры // Советская археология. 1964. № 2. С. 122–133.
13. Косарев М.Ф. Бронзовый век Западной Сибири. М. : Наука, 1981. 279 с.
14. Косарев М.Ф. Древняя культура Томско-Нарымского Приобья. М. : Наука, 1974. 168 с.
15. Косарев М.Ф. Бронзовый век лесного Обь-Иртышья // Советская археология. 1964. № 3. С. 37–44.
16. Косарев М.Ф. Некоторые проблемы древней истории Обь-Иртышья // Советская археология. 1966. № 2. С. 24–32.
17. Косарев М.Ф. О происхождении ирменской культуры // Памятники каменного и бронзового веков Евразии : межвуз. сб. науч. трудов. М. : Наука, 1964. С. 169–175.
18. Посредников В.А. Томское Приобье в карасукское время // Происхождение аборигенов Сибири и их языков : материалы межвуз. конф., 11–13 мая 1969 г. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1969. С. 169–172.
19. Посредников В.А. К вопросу о происхождении ирменской культуры // Материалы науч. конф. молодых ученых вузов г. Томска. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1968. Т. 2: Секция гуманитарных наук. С. 188–191.
20. Матющенко В.И. Древняя история населения лесного и лесостепного Приобья. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1974. Ч. 4: Еловско-ирменская культура. 195 с. (Из истории Сибири. Вып. 12).
21. Савинов Д.Г., Боборов В.В. Титовский могильник (к вопросу о памятниках эпохи поздней бронзы на юге Западной Сибири) // Древние культуры Алтая и Западной Сибири : сб. науч. ст. Новосибирск : Наука, 1978. С. 41–62.
22. Савинов Д.Г., Бобров В.В. Титовский могильник эпохи поздней бронзы на реке Инь // Проблемы западносибирской археологии. Эпоха камня и бронзы : сб. науч. ст. Новосибирск : Наука, 1981. С. 122–135.
23. Молодин В.И. Бараба в эпоху бронзы. Новосибирск : Наука, 1985. 200 с.
24. Молодин В.И. Некоторые проблемы переходного от бронзы к железу времени в Новосибирском Приобье и лесостепной Барабе // Тезисы докладов Всесоюз. археологической конф. «Проблемы скифо-сибирского культурно-исторического единства». Кемерово : Изд-во КемГУ, 1979. С. 110–112.
25. Матвеев А.В. Ирменская культура в лесостепном Приобье. Новосибирск : Изд-во Новосиб. гос. ун-та, 1993. 181 с.
26. Косарев М.Ф. Рецензия: Членова Н.Л. Памятники конца эпохи бронзы в Западной Сибири. М., 1994. // Советская археология. 1996. № 2. С. 229–230.
27. Грязнов М.П. Памятники карасукского этапа в Центральном Казахстане // Советская археология. 1952. № XVI. С. 129–162.
28. Ковалевский С.А. Ирменские древности юга Западной Сибири: история изучения и исследовательские концепции : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Барнаул, 2016. 43 с.

Popova Bogdana S. Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: bogdana.borilo@mail.ru

THE MONUMENTS OF THE IRMEN CULTURE OF THE LOWER TOM RIVER AREA. THE HISTORIOGRAPHICAL REVIEW

Keywords: the Irmen culture; the Tomsk variant; Late Bronze Age Period; the historiography.

The approaches, which deal with origin, development and dating of the Irmen archaeological culture on the territory of the Lower Tom River Area, are firstly analyzed by the author. The article begins with the data about allocation of the Irmen culture and its local variants, determines the relevance of the geographical location of this region and its role in the cultural and historical contacts between forest-steppe and taiga population groups, gives information about relevance of research. The author divides the history of study of the Irmen culture into two periods: from 1920 to 1950 years, because scientists believed that the monuments of the Irmen culture were attributed to Karasuk culture; and from 1950 to present days as N.L. Chlenova proved the existence of the separate Irmen culture as a fact. In 1973 N.L. Chlenova raised the issue of identification of local variants of the Irmen culture and this issue is highly relevant today. In 1952 M.P. Gryaznov claimed about existence of the Tomsk local variant. The author aimed at considering the available literature on the topic and concluded that many scientists after M.P. Gryaznov identified the Tomsk variant, but nobody analyzed its cultural specificity. The issue of identification of local Tomsk variant of the Irmen culture is complicated because the researchers do not have the materials of representative single layer Irmen monument from the territory of the Lower Tom River Area. The author considers that this monument might be the place Chekist. Therefore, the article generalizes views of researchers on genesis and dating of the Tomsk variant of the Irmen culture, who referred to materials of the monuments of Late Bronze Age of the Lower Tom River Area. The problem of introduction of new Irmen materials of the Lower Tom River Area, definition of their cultural features with the assistance of modern interdisciplinary methods and their comparison with other local variants of the Irmen culture is highlighted in the article.

The author's attention is focused on two aspects of research of the Tomsk variant of the Irmen culture. At the beginning the concepts of genesis of this local variant are analyzed, then views on the dating of the Irmen culture are given in general. Also the author raises the issue of the dating of Tomsk local variant. The author concludes that it is necessity to study both above-mentioned issues and cultural features of the monuments of the Irmen culture based on new sources in scientific circulation.

REFERENCES

1. Chlenova, N.L. (1973) Irmenskaya kul'tura i ee lokal'nye varianty [Irmen culture and its local variants]. In: Dulzon, A.P. (ed.) *Proiskhozhdenie aborigenov Sibiri i ikh yazykov* [Origin of aborigines of Siberia and their languages]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 207–209.
2. Chlenova, N.L. (1994) *Pamyatniki kontsa epokhi bronzy v Zapadnoy Sibiri* [Monuments of the late Bronze Age in Western Siberia]. Moscow: Nauka.
3. Molodin, V.I., Partsinger, G., Krivonogov, S.K. et al. (2009) *Chicha – gorodishche perekhodnogo ot bronzy k zhelezu vremeni v Barabinskoy lesostepi* [Chicha as the ancient settlement of the transition from bronze to iron time in the Barabinsk forest-steppe]. Vol. 3. Novosibirsk: Institute of Archeology.
4. Chlenova, N.L. (1955) O kul'turakh epokhi bronzy lesostepnoy zony Zapadnoy Sibiri [On the Bronze Age cultures of the forest-steppe zone of Western Siberia]. *Sovetskaya arkheologiya*. Vol. 23. pp. 38–57.
5. Teploukhov, S.A. (1927) Drevnye pogrebeniya v Minusinskom krae [Ancient burials in Minusinsk region]. *Materialy po etnografii*. 3(2). Leningrad: The Russian State Museum. pp. 57–112.
6. Kiselev, S.V. (1951) *Drevnyaya istoriya Yuzhnoy Sibiri* [The ancient history of southern Siberia]. Moscow: USSR AS.
7. Grinevich, K.E. (1947) Opyt klassifikatsii i datirovki basandayskoy keramiki [Classification and dating of Basandai ceramics]. In: Gorlachev, Ya.D. (ed.) *Basandayka. Sbornik materialov i issledovaniy po arkheologii Tomskoy oblasti* [Basandaika. Collection of materials and research on the archeology of Tomsk region]. Tomsk: [s.n.]. pp. 140–147.
8. Komarova, M.N. (1952) Tomskiy mogil'nik [Tomsk burial ground]. *Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR*. 24. pp. 7–50.
9. Gryaznov, M.P. (1956) Istoriya drevnikh plemen Verkhney Obi po raskopkam bliz s. Bol'shaya Rechka [The history of the ancient tribes of the Upper Ob on the excavations near the village Bolshaya Rechka]. *Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR (MIA)*. 48.
10. Gryaznov, M.P. (1956) K voprosu o kul'turakh epokhi pozdney bronzy v Sibiri [On the Late Bronze Age Cultures in Siberia]. *Kratkie soobshcheniya o dokladakh i polevykh issledovaniyakh Instituta istorii material'noy kul'tury (KSIMK)*. 64. pp. 27–42.
11. Chlenova, N.L. (1981) [Karasuk cultures of Siberia and Kazakhstan and their role in the Cimmerian-Karasuk world (XIII - VII centuries. BC)]. *Sibir' v proshlom, nastoyashchem i budushchem* [Siberia in the Past, Present and Future]. Proc. of the Conference. Novosibirsk. October 13–15, 1981. Novosibirsk. pp. 17–21. (In Russian).
12. Martynov, A.I. (1964) Novyy rayon karasukskoy kul'tury [New district of Karasuk culture]. *Sovetskaya arkheologiya*. 2. pp. 122–133.
13. Kosarev, M.F. (1981) *Bronzovyy vek Zapadnoy Sibiri* [Bronze age of Western Siberia]. Moscow: Nauka.
14. Kosarev, M.F. (1974) *Drevnie kul'tury Tomsko-Narymskogo Priob'ya* [Ancient cultures of Tomsk-Narym Priobe]. Moscow: Nauka.
15. Kosarev, M.F. (1964) Bronzovyy vek lesnogo Ob'-Irtys'h'ya [Bronze age of the forest Ob-Irtys'h'ya]. *Sovetskaya arkheologiya*. 3. pp. 37–44.
16. Kosarev, M.F. (1966) Nekotorye problemy drevney istorii Ob'-Irtys'h'ya [Some problems of the Ob-Irtys'h'ya ancient history]. *Sovetskaya arkheologiya*. 2. pp. 24–32.
17. Kosarev, M.F. (1964) O proiskhozhdenii irmenskoy kul'tury [On the origin of the Irmen culture]. In: Bader, O.N. (ed.) *Pamyatniki kamennogo i bronzovogo vekov Evrazii* [Monuments of the Stone and Bronze Ages of Eurasia]. Moscow: Nauka. pp. 169–175.
18. Posrednikov, V.A. (1969) Tomskoe Priob'e v karasukskoe vremya [The Tomsk Ob in Karasuk time]. In: Dulzon, A.P. (ed.) *Proiskhozhdenie aborigenov Sibiri i ikh yazykov* [Origin of Siberian aborigines and their languages]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 169–172.
19. Posrednikov, V.A. (1968) K voprosu o proiskhozhdenii irmenskoy kul'tury [On the origin of the Irmen culture]. In: *Materialy nauchnoy konferentsii molodykh uchennykh vuzov g. Tomsk* [Proceedings of the Conference of Young Tomsk Researchers]. Vol. 2. Tomsk: Tomsk State University. pp. 188–191.
20. Matyushchenko, V.I. (1974) *Drevnyaya istoriya naseleniya lesnogo i lesostepnogo Priob'ya* [The ancient history of the population of forest and forest-steppe Priobe]. Tomsk: Tomsk State University.
21. Savinov, D.G. & Boborov, V.V. (1978) Titovskiy mogil'nik (k voprosu o pamyatnikakh epokhi pozdney bronzy na yuge Zapadnoy Sibiri) [The Titovsky burial ground (on monuments of the Late Bronze Age in the south of Western Siberia)]. In: Molodin, V.I. (ed.) *Drevnie kul'tury Altaya i Zapadnoy Sibiri* [Ancient Cultures of Altai and Western Siberia]. Novosibirsk: Nauka. pp. 41–62.
22. Savinov, D.G. & Bobrov, V.V. (1981) Titovskiy mogil'nik epokhi pozdney bronzy na reke Ine [The Titovsky burial site of the Late Bronze Age on the River Inya]. In: Troitskaya, T.N. (ed.) *Problemy zapadnosibirskoy arkheologii. Epokha kamnya i bronzy* [Problems of West Siberian Archeology. The Age of Stone and Bronze]. Novosibirsk: Nauka. pp. 122–135.
23. Molodin, V.I. (1985) *Baraba v epokhu bronzy* [Baraba in the Bronze Age]. Novosibirsk: Nauka.
24. Molodin, V.I. (1979) Nekotorye problemy perekhodnogo ot bronzy k zhelezu vremeni v Novosibirskom Priob'e i lesostepnoy Barabe [Some problems of the time of transition from bronze to iron in the Novosibirsk Ob and forest-steppe Baraba]. In: Dobzhanskiy, V.N. (ed.) *Problemy skifosibirskogo kul'turno-istoricheskogo edinstva* [Problems of Scythian-Siberian Cultural-Historical Unity]. Kemerovo: Kemerovo State University. pp. 110–112.
25. Matveev, A.V. (1993) *Irmenskaya kul'tura v lesostepnom Priob'e* [Irmen culture in the forest-steppe Priobe]. Novosibirsk: Novosibirsk State University.
26. Kosarev, M.F. (1996) Retsenziya: Chlenova N.L. Pamyatniki kontsa epokhi bronzy v Zapadnoy Sibiri [Review: Chlenova N.L. Monuments of the end of the Bronze Age in Western Siberia]. *Sovetskaya arkheologiya*. 2. pp. 229–230.
27. Gryaznov, M.P. (1952) Pamyatniki karasukskogo etapa v Tsentral'nom Kazakhstane [Monuments of the Karasuk Stage in Central Kazakhstan]. *Sovetskaya arkheologiya*. 16. pp. 129–162.
28. Kovalevskiy, S.A. (2016) *Irmenskie drevnosti yuga Zapadnoy Sibiri: istoriya izucheniya i issledovatel'skie kontseptsii* [Irmen antiquities of the south of Western Siberia: the history of the study and research concepts]. Abstract of History Dr. Diss. Barnaul.

УДК 316.356.4

DOI: 10.17223/19988613/57/28

Ф.А. Сметанин

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ И КОММУНИКАТИВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СБОРА ИНФОРМАЦИИ ПО ТЕМЕ РЕЛИГИОЗНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ МИГРАНТОВ-МУСУЛЬМАН

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ в рамках научного проекта № 18-18-00293
«Использование и создание мигрантами городской инфраструктуры сибирских региональных столиц».*

Рассматриваются дискуссионные вопросы антропологии ислама в меняющемся российском миграционном пространстве. Содержится краткое общее введение в специфику происхождения терминов «мигрант-мусульманин» и «ислам», приводится характеристика постмодернистской антропологической теории. Обсуждаются современные подходы к анализу действий антрополога в трудных ситуациях поля. Эмпирической базой для раскрытия темы послужили экспертные интервью лидеров национальных и религиозных организаций г. Томска в 2017–2018 гг.

Ключевые слова: ислам; мигранты; мусульмане; антропология ислама.

С распадом советского государства кардинально обострились проблемы, обусловленные массовой миграцией в Россию из стран Центральной Азии. Следствием этого стало формирование новых исламских традиций, которые несут с собой мигранты-мусульмане. В России и за рубежом возрос интерес к методологии изучения миграции: как исследовать связь миграционных процессов, исламской религии и возникающих в процессе «десекуляризации» представлений о терроризме и радикализме исламских сообществ? К этому прибавилось появление контроля и воздействия на общество мусульман с помощью социальных институтов, таких как мечеть или средства массовой информации. В этом информационном дискурсе перед антропологами встала задача инструментального обоснования объекта и предмета исследования. В ходе полевых исследований также были выявлены коммуникативные проблемы, наиболее часто встречающиеся у мигрантов-мусульман.

После 70-х гг. XX в. началась революция в социальной антропологии, связанная с именем Б. Малиновского. С этого момента антропологическое сообщество стало свидетелем распространения эпистемологических дискуссий о полевых действиях: о том, что означает объект исследования в поле, о роли «полевого» в поле и т.д. Другими словами, полевые работы обсуждались с любой мыслимой точки зрения и с помощью множества примеров, полученных из различных теоретических позиций и этнографического опыта. Применяя разнообразные типологии опыта полевых работ, можно было бы ожидать, что те, кто исследовал мусульманские общества, внесли свой вклад в эту «эпистемологию», т.е. в сам принцип научного знания. Обзор разнообразных этнографических примеров, представленных в этих «ноу-хау», руководствах по работе, оставляет это предположение в значительной степени позитивистским или взятым из исторических концепций. Теперь, в постмодернистской трактовке, объектом исследования уже не может быть такая категория, как определенная религия или течение [1. С. 76].

В современных исследованиях рассматриваются проблемы изучения религиозных практик, связанных с эмоциональными и визуальными аспектами. Объектом исследования стали мусульмане, которые отличаются между собой социальными маркерами – этническими, территориальными, общинными и т.д. В этой связи предметом исследования являются личные истории мусульман, их переживания, связанные с религиозными практиками и миграцией. Для социальных антропологов в полевой работе считается привычным в качестве инструмента исследования использовать методологию включенного наблюдения, которая у каждого конкретного исследователя характеризуется различным по качеству «включением». «Качество включенного наблюдения – дозволенного фиксирования происходящего исследователем, воспринимаемым сообществом как лицо постороннее, но допущенное к участию в действии, контролируемое и опекаемое членами социума, которые помогают ему разобраться в происходящем (разумеется, на уровне знаний для непосвященного), – позволяет понять многое и оценить увиденное довольно точно» [2. С. 11].

В начале наших рассуждений стоит сказать о возникновении дискурса о десекуляризации, т.е. об усилении влияния на пространство религиозных институтов дискуссии об увеличении числа верующих мигрантов-мусульман и историческом возрождении религии. В качестве примера можно привести доводы коллег-антропологов, занимающихся изучением религии: «В нашем случае идет речь о “возникновении” религии в обществе, которое является объективно и субъективно секулярным, в котором проявления “жизни по вере” если не маргинализированы, то сконцентрированы на особых площадках, границы которым задает социальное воображение» [3. С. 9]. С этого ракурса процессы, связанные с десекуляризацией, нужно рассматривать в контексте пересмотра существующих границ между социальными полями религиозного и секулярного путем разрушения автономного статуса религии в социальном пространстве в историческом

контексте угнетения религиозных форм в прошлом. Сейчас процессы десекуляризации инициируются не только религиозными институтами, но и теми, кто заинтересован в использовании традиционных образов социального воображения для решения новых задач; как правило, этими людьми являются лидеры мигрантских религиозных сообществ. Они заинтересованы в увеличении десекуляризации либо «возникновении» религии, хотя из полевого опыта в г. Томске можно заключить, что они являются вполне «секулярными», или светскими, решающими свои политические или идеологические задачи. Такими примерами «секулярности» могут быть возникновение и регулирование конфликтов между мусульманами за право доминирования одного духовного управления над другим, конкурентирование за ресурсы и приходы и т.д. [4. С. 146].

Характеризуя понятие «мигранты-мусульмане», нужно сказать о проблеме подхода к самому определению — что же такое ислам? Ислам изучался советскими этнологами как некий пережиток ортодоксальной религии. По этой причине они попадали в понятийную ловушку. С точки зрения антрополога Талала Асада, «ни одна форма ислама не может претендовать на то, чтобы считаться более “реальной”, чем другие. Каждая из них есть то, что она есть, все они сформировались разными путями в разных условиях» [5. С. 46–47]. Для того чтобы избежать двоякого «интерпретационного» контекста, необходимо понимать, что понятие «ислам» в его религиозном и историческом контексте как свод правовых норм и единая, монолитная религия в антропологии не может быть объектом исследования. Опыт «общепринятого» использования понятия «ислам» показывает нам, каким должно быть представление о некоей универсальной системе, описанное во множестве печатных изданий, поясняющих, какой ислам существует и как его нужно «правильно понимать». Объектом антропологического исследования должна стать интерпретация ислама самими мусульманами, представляющими религиозную систему как единственно правильную и универсальную в связи с божественным. Вследствие этого в дискурсе образуются многослойные трактовки и изобретения самостоятельной интерпретации религиозных положений, которыми занимаются различные группы в связи со своими национальными, культурными, этническими особенностями.

Говоря об исламе и «десекуляризации», важно понимать, что мигранты-мусульмане (или мусульманские мигранты), приехавшие из Центральной Азии, могут и не являться мусульманами, относиться к религии индифферентно и не исполнять установленных исламом обязательных религиозных обрядов. Кроме того, большинство тех, кто считает себя верующими, не являются практикующими ислам. В данном контексте антрополог не должен искать определенных закономерностей. Значения, связанные с символами, которые интерпретируют индивидуумы, должны стать ядром исследований и анализа. В таком антропологическом подходе может быть сделан акцент на наблюдение за местными формами культуры, их проявлениями и самобытностью.

Наряду с выявлением этнических особенностей нужно обратить внимание на методологические тенденции, связанные с постмодернизмом. Среди существенных взаимосвязанных элементов этого направления можно назвать поле антрополога, его претензии на предметное описание или интерпретацию объекта исследования, саморефлексию антрополога как главного участника полевой работы. В отличие от прошлого поколения этнологов, теперь должен быть услышан голос исследователя, полевая работа должна быть диалогом, а этнография — стать более понятной и проанализированной как литературная дисциплина. Следует уделять особое внимание интерпретации значений, а не причинности и поведению. «...Поскольку главным моментом в исследовании культуры является интерпретация (этнографа) интерпретаций (информантов), необходимо отказаться от утверждения об объективности и в то же время обратить внимание на саморефлексию полевого исследователя в процессе создания этнографического текста...» [6. С. 51].

Поэтому чтобы антрополог имел возможность адекватно воспринимать поле исследования, в границы исследования должен включаться анализ эмоционального контекста, который для антрополога будет главной опорой в ходе выяснения относительности этих самых пресловутых и призрачных граней формируемой проблемы, что означает переориентацию нашего внимания на то, как информанты понимают «карту», которую мы называем «исламом». Для этого нам необходимо соблюдать интерпретацию ислама как часть сети общих значений при наблюдении за концепциями, которые мы можем встретить в наших интервью (например, джихад, джахилия и таухид) в результате интерпретаций, затрагивающих личную идентичность, эмоции, чувства и окружающую среду, а не просто рациональный текстовый детерминизм или спор ортодоксии против ортопраксии. Это также означает переосмысление влияния, которое может оказать антропология ислама на современные проблемы [7. С. 17–18].

Кроме методологических проблем, стоящих перед изучением современных исламских практик, существуют коммуникативные проблемы, связанные с погружением в поле исследования. С точки зрения религии мигранты-мусульмане придерживаются правила уводить разговор в сторону дискуссии о принадлежности к исламу самого антрополога, является ли он мусульманином и как понимает ислам. Поскольку обозначение понятия «мусульманин» исходит от некоего «чувственного ощущения» [Там же. С. 20], люди интерпретируют свою принадлежность к исламу по-разному, каждое чувство уникально в каждом из них, и они выражают это чувство в форме религиозного обсуждения между верующими разных поколений и школ современных практик создания различных интернет-форумов, торговых отделов с мусульманскими товарами, одеждой, использования религиозной символики.

Вовлечение исследователя в конструкт мусульманского сообщества включает сегодня еще один аспект, некоторые исследователи обозначают его как «политический ислам». Эта разница в исследовании обозна-

чает взаимосвязь между «традиционным» и радикальным исламом и приводит к тому, что вместо обсуждения повседневности и восприятия информантом правил понимания религии возникает ориенталистский¹ барьер сравнения Запада и Востока, христианства и мусульманства, выражающийся в толковании ислама как системы ценностей, обсуждаемой в контексте призывов к насилию, терроризму. В качестве примера можно привести высказывание одного из торговцев на рынке: «Ну, как сказать, иногда тревожит, что происходит в мире. Я как мусульманин все это вижу, политики ерундой занимаются – люди страдают. Поэтому вот днем с бородой хожу, мне на это плевать, кто что говорит. Есть такие “придурки”, которые меня называют “террорист”» (интервью, Р. 24.08.2017).

Анализируя информационное пространство вокруг мигрантов-мусульман, мы видим как недоверие к мусульманским сообществам со стороны государственных структур, так и ответную реакцию со стороны мусульманских «диаспор», возникающую в основном из-за мигрантофобии в СМИ, дискурса «всеобщей исламизации», а также из-за формального понимания процессов десекуляризации. Вот что говорит по этому поводу один из руководителей национальных организаций г. Томска: «У нас каждый год проходят собрания молодежи, приезжают из муфтията люди. Это и есть профилактическая работа по экстремизму, по терроризму. А администрация нас вызывает к себе, проводит профилактические беседы, нам это неприятно. Мы за два дня успеваем сделать гораздо больше, чем на этих встречах» (интервью, А.А. 20.08.2017).

Кроме того, информационное пространство влияет и на институты, где сосредоточен религиозный контекст. С помощью эстетизации религиозных объектов, придания им высокой идеологической ценности, выражаемой эпитетами «наше наследие», «достояние», единственным легитимным актором в своем религиозном поле представляется мечеть. Она наделяется правом быть главным связующим звеном между представителями различных тенденций и направлений в исламе

и «верхушкой», называемой мусульманским духовенством, имеющим право на обучение верующих и определение границ допустимого в жизни мусульман. Однако многие игнорируют посещение мечети как во время Джума-намаза, так и в другие дни из-за камер наблюдения, установленных в 2017 г. в Красной и Белой Соборных мечетях в г. Томске. По сути, видимость наблюдения нужна там, где приходится иметь дело с множественностью индивидов, которым надо навязать конкретную форму поведения – «некое небольшое пространство, в котором требуется держать под надзором некоторое количество людей» [8. С. 250–251]. Таким образом, создается идеальная система, контролирующая верующих и усиливающая власть и надзор. Хотя в сторожке охранника, как правило, никого не бывает, однако создается ощущение тотального контроля, поскольку никто не знает, наблюдает за тобой кто-либо или нет [9].

Таким образом, в результате миграции из Средней Азии начало складываться новое концептуальное поле в антропологии ислама. Методология исследования сместилась из сферы изучения религии в переосмысление концепции «кто такой мусульманин и мигрант-мусульманин». Из-за процессов разрушения автономного статуса религии и религиозных институтов контекст ислама становится все более влиятельным инструментом в создании сообщества, осуществляющего нерелигиозные задачи. Исходя из этого вектор изучения переносится на деятельность чувственного индивидуального восприятия ислама, а также на переосмысление дисциплины антропологии ислама. Переосмысление выражается в дальнейшем разделении интерпретаций форм ислама и отсутствии среди них правильной, или основной. Антрополог начинает исследовать многослойные трактовки понятий дисциплины антропологии ислама, социальные связи между акторами и объектами исследования, выражающие чувственную позицию по отношению к исламу. К этому добавляются факторы дискуссий об «угрозах» радикализма и мигрантофобии, негативно влияющие на доверие и отношения как вне, так и внутри религиозного сообщества.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ В данном случае речь идет о дискуссии про Восток и проявлениях Востока как отсталой и неразвитой системы ценностей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Eller J.D. *Introducing anthropology of religion*. Milton Park, Abingdon : Routledge, 2007. 371 p.
2. Харитонов В.И. Работа с сакральными знаниями и практиками: методико-методологический аспект // Этнографическое обозрение. 2010. № 3. С. 7–21.
3. Кормина Ж., Штырков С. «Это наше исконно русское, и никуда нам от этого не деться»: предистория постсоветской десекуляризации // Изобретение религии: десекуляризация в постсоветском контексте. СПб. : Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2015. 280 с.
4. Сметанин Ф.А. Роль мусульманского духовенства в формировании общинно-территориальных отношений (на примере Томска). // Вестник Томского государственного университета. История. 2015. № 5 (37). С. 143–149.
5. Асад Т. Идея антропологии Ислама // *Islamology*. 2017. Т. 7, № 1. С. 42–60.
6. Krizek D. Islam in postmodern anthropology: towards theoretical principles for fieldwork // *Ethnologia actualis Slovaca*. 2012. № 2. С. 48–59.
7. Marranci G. *The Anthropology of Islam*. London ; New York : Berg. 2007. 193 с.
8. Фуко М. Надзирать и наказывать: рождение тюрьмы. М. : Ад маргинем пресс, 2015. 416 с.
9. Полевые материалы автора (ПМА). 2018. 09 фев.

Smetanin Fedor A. Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: f-smetanin@mail.ru

METHODOLOGICAL AND COMMUNICATIVE PROBLEMS OF GATHERING INFORMATION ON THE RELIGIOUS IDENTITY OF MUSLIM MIGRANTS

Keywords: islam; migrants; muslims; anthropology.

This study begins with a description of migration problems and the specific nature of migration processes. The collapse of the Soviet state led to a serious deterioration in migration problems due to the influx of a large number of migrants from Central Asian countries. A consequence of this was the formation of new Islamic practices, which are conducted by migrants, professing Islam. The aim of the study was to start a discussion in Russia and abroad, as interest in the methodology of studying migration increased. The article is based on the material of structured and semi-structured interviews, as well as included observation with field notes and notes how to study the formation of the concepts of the relationship between migration processes, the Islamic religion and the perception of terrorism and radicalism. The article examines the markers of the community under investigation and explains what the definition of Muslim migrants means, because those who live in Central Asia may not be Muslims, treat religion indifferently and do not follow the Islamic religious rituals. In addition, most of those who consider themselves believers may not be practicing Muslims. In this context, the anthropologist should not seek certain patterns, and the meanings associated with symbols and interpreted by individuals that are the essence of culture should become the core of research and analysis. In addition to ethnic features, it is necessary to pay attention to the methodological tendencies associated with postmodernism. Among the significant interrelated elements of this trend can be called: the field of an anthropologist, his claims to a substantive description or interpretation of the object of research, the self-reflection of an anthropologist as the main participant in field work. In addition to the methodological problems facing the study of Islam, there are communicative problems associated with immersion in the field of research. From the religious point of view, Muslim migrants adhere to the rules of discussion regarding the discussion about the fact of belonging to Islam of the anthropologist himself, whether he is a Muslim and how he understands Islam. As a result of migration, a new conceptual area arose in the anthropology of Islam. The methodology of the research has shifted from the scope of studying religion to the context of rethinking the concept of “who is a Muslim and a Muslim migrant”. The priority of the research is shifted to the activity of a sensible individual perception of Islam, as well as a rethinking of the discipline of the anthropology of Islam.

REFERENCES

1. Eller, J.D. (2007) *Introducing anthropology of religion*. Milton Park, Abingdon: Routledge.
2. Kharitonova, V.I. (2010) Rabota s sakral'nymi znaniyami i praktikami: metodiko-metodologicheskii aspekt [Work with sacred knowledge and practices: the methodological and methodological aspect]. *Etnograficheskoe obozrenie – Ethnographic Review*. 3. pp. 7–21.
3. Kormina, Zh. & Shtyrkov, S. (2015) “Eto nashe iskonno russkoe, i nikuda nam ot etogo ne det'sya”: predystoriya postsovetskoy desekulyarizatsii [“This is our primordial Russian, and nowhere we cannot escape from this”: the prehistory of post-Soviet desecularization]. In: Kormina, Zh., Panchenko, A. & Shtyrkov, S. (eds) *Izobretenie religii: desekulyarizatsiya v postsovetskom kontekste* [The invention of religion: desecularization in the post-Soviet context]. St. Petersburg: European University in St. Petersburg.
4. Smetanin, F.A. (2015) The role of Muslim clergy in the formation of community and territorial relations (on the case of Tomsk). *Vestnik TGU. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 5(37). pp. 143–149. (In Russian). DOI: 10.17223/19988613/37/21
5. Asad, T. (2017) Ideya antropologii Islama [The idea of the anthropology of Islam]. *ISLAMOLOGYY*. 7(1). pp. 42–60.
6. Krizek, D. (2012) Islam in postmodern anthropology: Towards theoretical principles for fieldwork. *Ethnologia actualis Slovaca*. 2. pp. 48–59.
7. Marranci, G. (2007) *The Anthropology of Islam*. London and New York: Berg.
8. Foucault, M. (2015) *Nadzirat' i nakazyvat': Rozhdenie tyur'my* [Supervise and punish: Birth of the prison]. Translated from French. Moscow: Ad marginem.
9. Smetanin, F.S. (2018) *Field materials*. 9th February.

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ НАУКИ И ТЕХНИКИ

УДК 94:001(571.1/5)
DOI: 10.17223/19988613/57/29

В.В. Расколец, А.Н. Сорокин

ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ БОТАНИКИ, ЗООЛОГИИ И СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА НА СЪЕЗДЕ ПО ОРГАНИЗАЦИИ ИНСТИТУТА ИССЛЕДОВАНИЯ СИБИРИ (15–26 ЯНВАРЯ 1919 г.)

Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ, проект № 18-49-703004 р_мол_а «Университет и интеллектуальный капитал: исторический опыт и ответы на вызовы современности вузовского комплекса Томска в XX–XXI вв.»; гранта Президента РФ для государственной поддержки молодых ученых-кандидатов наук, проект № МК-2268.2018.6 «Молодежный вектор развития науки, образования и инноваций и его вклад в развитие интеллектуального капитала Западной Сибири, отечественной и мировой науки, социокультурной и экономической модернизации страны в XX – начале XXI вв.».

На основе широкого круга источников и литературы исследуется работа секций ботаники, зоологии и сельского хозяйства на съезде по организации Института исследования Сибири (ИИС). Анализируются научные проблемы, поставленные членами съезда в области указанных выше секций, а также предложенные пути их решения. Исследуется конструкция отделов ботаники, зоологии и сельского хозяйства в соответствии с принятым по итогам работы съезда Положением об организации ИИС. По итогам проведенного исследования автор приходит к выводу о том, что деятельность секций ботаники, зоологии и сельского хозяйства знаменовала собой новый этап в исследовании этих дисциплин.

Ключевые слова: Институт исследования Сибири; В.В. Сапожников; П.Н. Крылов; Докучаевский почвенный комитет; Байкальская гидробиологическая станция; сельскохозяйственное опытное дело.

В течение многих столетий Сибирь представляла собой terra incognita во всех смыслах. Обладая огромной территорией, русские цари, а затем императоры долгое время не знали, что с ней делать. Век за веком они эксплуатировали ее ресурсы и использовали в качестве места для ссылки неугодных. Раскрытие подлинного потенциала, рассмотрение Сибири в качестве «фундамента» экономического развития государства виделось лишь отдельными прозорливыми деятелями как отдаленная перспектива будущего.

В центре данного исследования – изучение ботаники, зоологии и сельского хозяйства Сибири – дисциплин, без которых немислимо сколько-нибудь полное освоение края. Глупо утверждать, что Сибирь в этом отношении в дореволюционный период не была изучена вовсе. Серьезные исследования в данных областях велись с XVIII в. и связаны с экспедициями Д.Г. Мессершмидта, Г.В. Миллера, П.С. Палласа, И.П. Фалька и И.Г. Георги, И. Сиверса, А.Ф. Миддендорфа и др. [1. С. 10–11; 2. С. 15–21]. К исследованиям Академии наук в середине XIX в. присоединило свои усилия Русское географическое общество, открывшее в скором времени отделения в Западной и Восточной Сибири, а также на Дальнем Востоке [3–5]. Помимо отделений и отделов РГО в Сибири появляется все больше научно-просветительских обществ самого различного характера, в том числе научных обществ по изучению сельского хозяйства [6–8].

Системные исследования Сибири в области ботаники и зоологии обозначились с открытием в Томске первого в азиатской части России университета и об-

разованием на его медицинском факультете кафедр ботаники и зоологии [9. С. 3]. Дореволюционный период существования этих кафедр отмечен деятельностью выдающихся сибирских исследователей. С фигурами С.И. Коржинского, П.Н. Крылова, В.В. Сапожникова связаны становление в Сибири первой ботанической школы, основание направлений систематики растений и геоботаники, применение географо-морфологического, флорогенетического, фитоценологического подходов, изучение реликтового вопроса и т.д. [10. С. 169].

За период с 1880-х по 1917 г. томские ботаники провели 57 экспедиций в районы Западной Сибири, Урянхайского края, Семиречья и Монголии, по итогам которых опубликовано свыше 70 научных работ. В результате был подробно исследован растительный покров Западной Сибири, и уже по приезду из Петрограда в 1917 г. П.Н. Крылов был готов приступить к изданию труда всей своей жизни – определителя растений для всей Западной Сибири [11. С. 117].

Зоологические исследования велись под руководством Н.Ф. Кашенко, Г.Э. Иоганзена и М.Д. Рузского. Их стараниями в Сибири было положено начало первой зоологической научной школе [10. С. 200]. В дореволюционный период ученые Томского университета совершили около 40 экспедиций, опубликовав 15 работ о пресмыкающихся и земноводных, 80 – о птицах, 100 – о млекопитающих. Был изучен состав фауны наземных позвоночных Алтая, таежной полосы и низовьев Сибири. В орнитологическом отношении была изучена Новая земля и степные районы, в ихтиологи-

ческом – районы Барабинской степи, часть Горного Алтая и Обь-Енисейского канала. Были созданы предпосылки для издания систематического обзора млекопитающих Западной Сибири и Туркестана.

В ходе исследований естественноисторического характера, проводящихся Академией наук, РГО и другими научными обществами, накапливались знания и о ведении сельского хозяйства. По утверждению Л.Л. Корнилова, именно в сельском хозяйстве быстрее, чем в других научных областях, в Сибири начались стационарные исследования, ведущиеся местными силами. Так, еще в 1828 г. в Омске возник хутор Сибирского линейного казачьего войска в г. Омске, в программу которого входило изучение биологии сельскохозяйственных культур с проведением сортоиспытания и семеноводства, разработка приемов агротехники и выбор пригодной для Сибири системы земледелия, изучение проблем животноводства в крае и т.д. [12. С. 5]. В начале 60-х гг. XIX в. на месте этого хутора возникло Омское опытное поле, занимающее площадь более 200 десятин. В конце XIX в. Департамент земледелия учредил в Сибири штатные должности губернских агрономов, ветеринарных инспекторов, уездных ветеринарных врачей и фельдшеров. К 1914 г. в Сибири, благодаря усилиям Московского общества сельского хозяйства, действовало 123 сельскохозяйственных общества. Положительный вклад внесли отделы Общества изучения Сибири и улучшения ее быта [8].

Однако в научном изучении сельского хозяйства Сибирь, как и вся Россия, серьезно отставала от ведущих европейских стран, и тем более от США, что было продемонстрировано разразившейся в стране засухой и голодом 1891–1892 гг., а затем и в ходе Всемирной сельскохозяйственной выставки 1893 г. в Чикаго [13. С. 335, 342]. Достижения американцев еще более укрепили руководителей Министерства земледелия и государственных имуществ (МЗиГИ) А.С. Ермолова, В.И. Вешнякова, П.А. Костычева и других в необходимости создания Центрального агрономического института и организации государственной сети опытных учреждений.

Однако проект института в дореволюционный период так и остался на бумаге. Создание же сети опытных учреждений ввиду серьезной нехватки финансирования и межведомственных противоречий протекало медленно. К 1914 г. в стране насчитывалось 272 сельскохозяйственных опытных учреждения различных типов, 16 из них действовало на обширной территории Томской, Тобольской, Енисейской и Иркутской губерний [14. С. 103]. К 1917 г. действовало уже 370 опытных учреждений, однако, по утверждению О.Ю. Елиной, лишь 100 из них являлись опытными станциями. 20 учреждений из этой сотни по своему уровню соответствовали европейским и, с натяжкой, – американским стандартам [13. С. 384].

Работа опытных учреждений не была объединена в рамках единой опытной сети. С началом войны и без того скудное финансирование опытных учреждений было заморожено, агрономы призваны для выполнения работ для армии, скот реквизируется, а химическая промышленность переориентирована на оборонитель-

ные нужды. Формирование сети опытных учреждений по всей стране было фактически заморожено. По этой причине не получила своего реального воплощения идея о создании в Омске Центральной сибирской сельскохозяйственной опытной станции. Ситуация улучшилась лишь в феврале 1918 г., когда после долгих лет усилий сибирской общественности в Омске в составе агрономического отделения был открыт сельскохозяйственный институт [15. С. 81]. В том же году в Омске возникла Западно-Сибирская селекционная станция, первым директором которой стал видный агроном В.В. Таланов.

Таким образом, успехи исследователей Сибири к 1917 г. в области ботанического и зоологического исследования сибирского края представляются значительными и неоспоримыми. Более скромными были исследования в области сельского хозяйства, которое делало свои первые самостоятельные шаги. Однако изучение Сибири не носило комплексного, всеохватывающего, планомерного характера. Усилий ученых Томского университета не хватало для изучения обширного региона. На повестке дня стоял вопрос о создании единого координирующего исследовательского центра и перехода тем самым к новому этапу изучения Сибири. Первая попытка создания такого центра связана с историей создания и деятельности Института исследования Сибири (ИИС) в годы Гражданской войны.

Исходя из сказанного, мы можем обозначить актуальность исследования как необходимость обращения к поискам ученых Сибири в условиях вызова времени к новой модели решения научных проблем в области ботаники, зоологии и сельского хозяйства. Историография Института исследования Сибири в общих чертах уже освещалась автором в одной из его работ [16]. Что касается естественноисторического отдела ИИС, то здесь, за исключением статей общего характера, изданных коллективом томских историков, не проводилось специальных исследований [17–18].

Цель данной статьи – выявление ключевых проблем в области ботаники, зоологии и сельского хозяйства на съезде по организации Института исследования Сибири и способов их решения, предложенных участниками съезда. История создания Института исследования Сибири не является предметом данного исследования, ввиду чего мы лишь кратко обозначим ее основные моменты.

Первая серьезная попытка придать ИИС реальное воплощение произошла на Первом сибирском метеорологическом съезде, проходившем в Иркутске в конце октября 1917 г. Его участники пришли к выводу о желательности создания учреждения, которое занималось бы систематизацией уже добытых знаний и координацией исследований в масштабах всей Сибири. Юридически эта идея была оформлена Временным положением о ИИС [19. С. 294–296].

Октябрьская революция и последовавшая за ней Гражданская война помешали претворению в жизнь намеченных планов. Лишь с установлением в ноябре 1918 г. диктатуры адмирала А.В. Колчака началась подготовка к созыву съезда по организации ИИС в Томске. Этот съезд должен был стать «смотром»

научных сил Сибири, поскольку здесь ведущие ученые планировали обсудить ключевые проблемы в самых разных отраслях науки. Съезд по организации ИИС открылся 15 января 1919 г. Несмотря на суровые зимние условия и сложности с железнодорожным транспортом, на съезд прибыли около 240 делегатов от 17 городов Сибири, Урала и Европейской России [20. С. 134]. Работа велась на общих и секционных заседаниях. Проблемы ботаники, зоологии и сельского хозяйства обсуждались в ходе работы соответствующих секций.

Секция ботаники и почвоведения

Секция ботаники и почвоведения, состоящая из 17 человек, работала в ботаническом кабинете Томского университета. Секцию составили достаточно известные ученые: министр народного просвещения Российского правительства А.В. Колчака, заслуженный ординарный профессор в области ботаники В.В. Сапожников, основатель Гербария Томского университета, сверхштатный ординарный профессор по кафедре ботаники Томского университета П.Н. Крылов, член Докучаевского почвенного комитета М.И. Рожанец, ассистент кафедры ботаники Томского университета Н.В. Никитина, арктический геоботаник, географ и путешественник Б.Н. Городков и др. Всего состоялось четыре заседания с шестью докладами, а также одно совместное заседание с секцией зоологии, на котором был заслушан один доклад [21. С. 417–420; 22. С. 188–192].

Первым на заседании ботанической секции выступил П.Н. Крылов. В его концептуальном докладе была поставлена главная проблема – изучение Сибири в ботанико-географическом отношении, в связи с чем он выделял пять основных задач: 1) выяснение видового состава растений Сибири; 2) изучение распространения каждого вида на территории Сибири и определение его ареала; 3) подразделение растительного покрова на отдельные районы, определяемые климатом, топографическими, геосторическими и другими причинами и определение границ этих подразделений; 4) выяснение отношения современной растительности к флоре предыдущих геологических периодов и к истории развития существующей теперь флоры Сибири или отдельных ее частей [23. Ч. 3. С. 4].

Решение поставленных задач, по мнению П.Н. Крылова, потребовало бы широкого обзора всей территории страны, в связи с чем он указал на предпочтительность исследований в виде экскурсий. Гарантом успешных исследований должно было стать тщательное и последовательное изучение растительного покрова в течение ряда лет одним и тем же ученым. Кроме того, докладчик указал на потребность в обработке и систематизации «собранных во время экскурсий коллекций, определении ареалов распространения изучаемых растений в других странах и пр.». Для выполнения данных работ требовались специальная литература и обширный гербарный материал. В связи с этим П.Н. Крылов выразил надежду на открытие в Сибири центрального учреждения с филиалами, располагающего и тем и другим [Там же. С. 5].

Весьма интересным был доклад В.И. Баранова, посвященный проблемам и методам фитоэкологического

направления в ботанике. «Основной задачей фитоэкологии, – говорил В.И. Баранов, – является изучение растительности в связи с условиями местообитания, а экологическое исследование сводится к выяснению деталей интимной связи между растительностью и средой» [Там же. С. 8]. Главным отличием ботанико-географических исследований, по словам докладчика, является область изучения: более широкая, чем у ботаников, и более узкая и углубленная, чем у экологов.

Докладчик подробно ознакомил аудиторию с проблемами физиологической и количественной оценки растительных сообществ (в частности, использования суммарно-проективного метода Раменского), изучения произрастания, роста и увядания растительного покрова с помощью фенологических наблюдений, установления влияния климата в общегеографическом, топографическом и формационном аспектах, применения метода экологических рядов и др. [Там же. С. 9–11]. Далее В.И. Баранов описал план организации экологических исследований, разбив их на два этапа: рекогносцировочные и стационарные (включающие в себя лабораторные) исследования и последующую научную обработку данных.

Актуальной задаче почвоведения Сибири был посвящен доклад М.И. Рожанца «Роль Докучаевского почвенного комитета в исследовании почв Сибири и ближайшие задачи таких исследований». Описав историю становления этой организации, охарактеризовав ее как единственное учреждение, «знакомое с почвенным покровом Сибири», имеющее богатый необработанный материал, докладчик признал необходимым передать организацию почвенного отдела при будущем ИИС Докучаевскому комитету [Там же. С. 18]. Однако ввиду «недостижимости» этого комитета и отсутствия достаточного количества кадров автор заключил, что на первых порах можно ограничиться образованием подотдела, в задачи которого входило бы выполнение работ, связанных с колонизацией, мелиорацией и агрономическими вопросами.

В небольшом докладе Н.Н. Лаврова была поставлена проблема изучения микроорганизмов, в связи с чем участники пришли к выводу о необходимости учреждения в будущем института микробиологии, ограничившись на первое время созданием микробиологического подотдела при отделе ботаники.

Острой проблеме нехватки лекарств в России, и особенно в Сибири, был посвящен доклад И.В. Горбатова. Докладчик предложил организовать сбор лекарственных растений и осуществить их последующий химический анализ уже с весны 1919 г. с помощью местного населения. Развивая свою мысль, И.В. Горбатов высказал идею о создании при ИИС фармацевтического отдела с лабораторией, библиотекой и маленьким музеем [Там же. С. 23]. По итогам доклада присутствующие согласились с основной идеей докладчика, не удовлетворив, однако, его пожелания об организации отдела фармацевтики.

В резолюции ботанической секции была намечена конструкция будущего отдела, состоящего из трех подотделов: 1) ботанической географии и систематики (с музеем, ботаническим участком и питомником для

лекарственных растений); 2) экологии и опытной физиологии (с лабораторией, станцией с опытным участком и станцией испытания семян); 3) микробиологии для исследования микрофлоры почвы (с химической и микробиологической лабораториями).

Планируемый штат отдела ботаники включал в себя 23 человека (на первое время 11–12). При отделе должна была быть организована библиотека. В русле идеи, изложенной в докладе П.Н. Крылова, резолюция намечала создание сети стационарных станций для изучения растительного мира: 1) в пустынно-степной зоне (Семипалатинская область); 2) в степной зоне (Акмолинская область или Алтайская губерния); 3) в лесной зоне Западной Сибири; 4) в лесной зоне Восточной Сибири; 5) в лесной зоне Приамурья; 6) в горной зоне (Алтай); 7) в зоне тундры (например, в устье Лены); 8) в степной зоне Забайкалья; 9) в приморской зоне Дальнего Востока; 10) на Байкале. Эти станции должны были иметь не только ботанический, но также почвенный, агрономический, метеорологический и зоологический характер (для двух последних) [Там же. С. 29].

В принятом Положении, однако, ботанический отдел был учрежден в составе пяти человек. В отдел были избраны: П.Н. Крылов, В.В. Сапожников, М.И. Рожанец, С.С. Неуструев и Б.Н. Городков. Бюджет отдела на 1919 г. составлял, согласно принятому Положению, 500 тыс. руб., из которых 300 тыс. руб. было выделено на операционные расходы и 200 тыс. – на личный состав.

Секция зоологии

Секция зоологии и животноводства заседала в зоологическом кабинете Томского университета. Из представлявших секцию 11 участников следует выделить экстраординарного профессора по кафедре зоологии и сравнительной анатомии М.Д. Рузского, хранителя кабинета зоологии и анатомии позвоночных животных, приват-доцента по кафедре зоологии физико-математического факультета Томского университета Г.Э. Иоганзена, сотрудницу кабинета зоологии Е.Ф. Киселёву, а также адъюнкт-профессора Омского сельскохозяйственного института В.Ч. Дорогостайского [24; 25. С. 279–281; 26. Т. 1. С. 216–220].

После избрания президиума в составе председателя М.Д. Рузского, товарища председателя В.Ч. Дорогостайского и секретарей А.Н. Липина и Е.Ф. Киселёвой секция приступила к работе. На четырех ее заседаниях было заслушано три доклада.

Главный доклад, посвященный задачам зоологических исследований в Сибири, был прочитан председателем секции. Описав историю зоологических исследований в Сибири от академика П.С. Палласа и А.Ф. Миддендорфа до П.Ю. Шмидта и А.М. Никольского, автор сделал вывод о том, что «картина животной жизни Сибири в настоящее время может считаться в общих чертах выясненной», но только в общих чертах. По факту же перед зоологами Сибири стояли следующие задачи: 1) составление полного обзора зоологических исследований в хронологическом порядке с указанием местностей и маршрутов исследований. Важным в этом направлении представлялась библио-

графическая работа; 2) изучение животной жизни речных бассейнов Сибири, прежде всего Оби и Амура, с постройкой для этих целей гидробиологических станций; особенно докладчик обратил внимание на необходимость изучения такого явления, как «замор рыбы» – массовая гибель рыбы в зимний период в устьях рек; 3) изучение всевозможных способов заготовления рыбы; 4) изучение жизни промысловых и охотничьих зверей и птиц. С этой целью М.Д. Рузский указал на необходимость сооружения заповедников и заказников на Алтае, в Минусинском крае, в Кокчетавском уезде Акмолинской области, в Барабинской степи и других местах; 5) систематическое исследование вредных насекомых с организацией энтомологических станций для борьбы с ними в наиболее важных районах: в хлебородной южной полосе Тобольской губернии, на севере Томской губернии, в нагорной местности Забайкалья; 6) уделение особого внимания исследованиям фауны озер [23. Ч. 3. С. 75].

И.В. Кучин и А.Н. Лялин в своих докладах развили положения М.Д. Рузского в области рыбного и пушного промыслов. Так, И.В. Кучин указал на то, что в Сибири при наличии огромных рыбных богатств импорт рыбы превышает экспорт в 13–16 раз. Ввиду этого, по мнению докладчика, была необходима коренная реорганизация всего управления государственными рыбными промыслами, а также подключение к развитию этой области деятелей науки, земств и других общественных учреждений. А.Н. Лялин, в свою очередь, указал на необходимость скорейшего введения в Сибири закона об охоте для предупреждения распространившегося браконьерства.

Идеи, высказанные в докладах участниками зоологической секции, получили отражение в ее резолюции. Для исследования фауны Сибири в теоретическом и практическо-промысловом аспектах отдел ставил своими задачами составление библиографии зоологических исследований, объединение и координацию работ существующих научных и научно-промысловых учреждений, открытие энтомологических, гидробиологических и других станций, законодательную деятельность, организацию музея, справочного бюро и т.д. [Там же. Ч. 4. С. 30].

Состав отдела должен был включать пять человек. Первоначально были избраны М.Д. Рузский, Г.Э. Иоганзен и С.С. Кожанчиков. Бюджет отдела на 1919 г. составлял, согласно принятому Положению, 600 тыс. руб., из которых 400 тыс. руб. было выделено на операционные расходы и 200 тыс. – на личный состав.

Нельзя обойти стороной соединенное заседание ботанической и зоологической секций, на котором был заслушан интересный доклад В.Ч. Дорогостайского, посвященный Байкальской гидробиологической станции.

Докладчик подробно рассказал об истории исследования озера Байкал от первопроходцев в лице академика П.С. Палласа (1775) и И. Георги (1825) до современных исследований выполняемых Г.Ю. Верещагиным, К.И. Мейром, Месяцовым, Зенкевичем и Россолимо. Коснулся он и создания Байкальской гид-

робиологической станции, созданной при Особой комиссии Академии наук в 1916 г.

Результаты многолетних трудов не остались напрасными: «Байкал можно считать довольно хорошо изученным в систематическом отношении, – говорил В.Ч. Дорогостайский, однако тут же вынужден был добавить, – но нельзя этого же сказать о биологии самого озера, т.е. о зависимости представителей его интересной фауны и флоры друг от друга и от физических факторов» [23. Ч. 3. С. 24–25]. Ввиду этого он поставил вопрос финансовой и юридической поддержки гидробиологической станции с переводом ее в ведение Института исследования Сибири.

В ходе работы секции ботаники и секции зоологии не раз всплывал вопрос об объединении их работ в едином отделе. Однако ввиду несоответствия методов, районов исследования, а также объема дисциплин «даже с научно-практической точки зрения» соединения работ этих секций в итоговой совместной было резолюции признано нежелательным. В то же время в резолюции было признано желательным открытие почвенного отдела в составе 16 человек (на первое время восемь), «который должен работать в контакте с ботаническим отделом, но независимо от него» [Там же. Ч. 4. С. 27].

Секция сельского хозяйства, животноводства и лесоведения

Техническую лабораторию питательных веществ Технологического института заняла секция сельского хозяйства, животноводства и лесоведения. Эта секция, включавшая в себя 31 участника, была представлена по большей части специалистами, не принадлежавшими к высшим учебным заведениям. Среди них стоит выделить старшего производителя работ по образованию переселенческих участков в Томском районе Главного управления земледелия и государственных имуществ Томской губернии А.П. Выдрин, агрономов В.В. Тейса и М.Г. Александровского, заведующего Амурским земледельческим отделом П.В. Писцова и др.

16 января на организационном заседании председателем секции был избран А.П. Выдрин, товарищами председателя – В.В. Тейс и Н.П. Поздняков, секретарем – И.А. Казанцев. На шести заседаниях секции было заслушано шесть докладов.

Проблеме постановки агрономического изучения сибирского края был посвящен доклад В.В. Тейса. В первую очередь докладчик указал на необходимость строгой демаркации, с одной стороны, естественно-исторических и статистико-экономических исследований, с другой – агрономических исследований, требующих специально подготовленных кадров. Между тем агрономические исследования, по словам докладчика, находятся на совершенно неудовлетворительном уровне: приезжающие для помощи населению агрономы вынуждены заниматься изучением растительности, почвы и климата, не имея при этом специальных исследовательских программ, а все результаты проделанной работы они увозят с собой, ввиду чего их преемники вынуждены повторять ту же работу [Там же. Ч. 3. С. 29].

Докладчик выделил пять принципов, которыми агрономический отдел должен был руководствоваться в своей работе. Отдел: 1) организует, объединяет и направляет по определенным планам все работы по агрономическому исследованию края; 2) при организации исследований разрабатывает соглашения с местными учреждениями; 3) оказывает поддержку только тем исследованиям, которые ведутся по установленным им способам и принципам; 4) ведает всей научной стороной выполнения работ; 5) устанавливает принципы для принятия местных учреждений в управление исследованиями.

Особенно остро, по словам докладчика, стояла реорганизация «опытного дела», которое необходимо было централизовать в руках агрономического отдела, ведущего работу по единому исследовательскому плану. При этом В.В. Тейс признал неотъемлемыми участие в агрономической работе земских учреждений и «финансовую подпитку» с их стороны. Агрономические исследования должны были вестись в тесном контакте с естественно-историческими и статистико-экономическими. Кроме заведования опытными учреждениями отделу предстояло заняться анкетированием, экспедиционными обследованиями, колонизационным делом и др.

Положения выступления В.В. Тейса были развиты в ходе обсуждений, а также в других докладах. Так, А.П. Выдрин указал на следующие задачи отдела: 1) в области земледелия – определение сельскохозяйственных районов Сибири и их характеристика; изучение дикорастущих растений, имеющих практическое значение (лекарственных, кормовых и сорных); изучение высоких или своеобразных культур; изучение вредителей сельского хозяйства; введение в культуру местных дикорастущих растений и акклиматизация чужеземных; 2) в области животноводства – изучение местных домашних и промысловых животных, местных приемов животноводства и утилизации его продуктов; изучение болезней домашних животных; выработка методов разведения промысловых животных, их одомашнивания, а также акклиматизация чужеземных пород скота [Там же. С. 32].

П.М. Писцов детально обрисовал конструкцию опытного дела в Сибири. Во главе его должен был стоять центральный орган, заведующий которого должен было избираться съездом представителей опытного дела с согласия Совета института и Министерства земледелия. Избранный заведующий возглавлял сельскохозяйственный отдел ИИС. При центральном органе формировался ряд отделов: 1) центральная химическая лаборатория с отделом изучения физики почв; 2) бюро прикладной ботаники; 3) отдел переработки молочных продуктов и др.

Центральный орган ведал систематическим агрономическим изучением Сибири и ее районов. Он объединял работу отдельных опытных учреждений, определял направления агрономических исследований, разрабатывал методику, готовил кадры и популяризировал достигнутые результаты. Районные же опытные учреждения должны были быть совершенно независимыми от центра, за исключением «объема и направле-

ния работ», направляемых по заданиям из центра [23. Ч. 3. С. 38].

Конструкции отдела агрономии и лесоведения был посвящен обширный доклад М.Г. Александровского. Исходя из положений, изложенных в докладе доктора фон Рюмкера на Международном сельскохозяйственном конгрессе в Генте в 1913 г., М.Г. Александровский положил в основу агрономического отдела следующие принципы: 1) упор на сельскохозяйственное опытное дело; 2) тесная связь работ с практическими запросами сибирского сельского хозяйства без вреда для теоретической деятельности; 3) свобода от необходимости выполнения контрольных и справочных задач; 4) широкая издательская деятельность отдела в целях популяризации результатов исследований [Там же. С. 41].

Научно-служебный аппарат в области опытной агрономии подразумевал на первое время восемь специальных бюро: 1) прикладной ботаники; 2) полеводства; 3) зоотехники; 4) молочного хозяйства; 5) энтомологии; 6) агрохимии и бактериологии; 7) микологии и фитопатологии; 8) сельскохозяйственной техники [Там же. С. 46]. Метеорология и экономические исследования выносились при этом за сферу сельскохозяйственных обследований. Помимо этого представлялось необходимым учреждение бюро прикладной ботаники и особого бюро лесоводства.

Два доклада С.В. Шперлинга были посвящены актуальной проблеме мелиорации и ее значению для развития сельского хозяйства и скотоводства. Докладчик коснулся всех стадий этого процесса: осушки, расчистки, обработки, удобрения, запашки, сбора и обработки урожая [26. Л. 78–86]. Проведя подсчеты, С.В. Шперлинг выяснил, что для окультуривания одной десятины болота необходимо около 110 руб. (по довоенным ценам), что составляет около 380 руб. на 1917 г. Определив среднюю чистую прибыль за год в размере 17 руб. 83 коп. на десятину, докладчик уточнил, что в 1917 г. эта прибыль будет составлять соответственно ценам на рынке 137 руб. 54 коп., что уже являлось, по его мнению, более существенной суммой. При открытии каналов сбыта на рынки Европейской России и Западной Европы, в условиях повышенного спроса на продовольственные товары, рентабельность осушки болот, по его словам, увеличилась бы еще больше.

Далее докладчик указал на более высокую плодородность осушенных земель, приведя обширные статистические данные, касающиеся разведения скота, сбора сена, урожая различных культур и т.д. Для надлежащей постановки мелиоративного дела он указал на необходимость учреждения в Томской губернии болотной станции с опытным полем при ней, а также опытно-показательных участков на болотах в пределах северных заболоченных уездов губернии [23. Ч. 3. С. 60].

Вопросам организации лесоведения был посвящен доклад заведующего лесоустроительной партией при Томском управлении земледелия и государственных имуществ А.В. Елисеева. Обрисовав совершенно неудовлетворительную картину знаний в области лесных богатств Сибири, докладчик выдвинул идею создания

независимого от сельского хозяйства отдела лесоведения. Компетенция этого отдела планировалась достаточно широкой и включала в себя: 1) лесовозращение; 2) лесохранение; 3) изучение методов лесной таксации; 4) лесоустройство; 5) лесную технологию механической и химической обработки продуктов лесного хозяйства; 6) организацию опытных лесничеств и опытных лесных станций; 7) организацию музеев в области лесоведения.

Несмотря на то, что в ходе прений против организации при институте отдела лесоведения высказались ведущие члены секции А.П. Выдрин, В.В. Тейс, В.Ч. Доростайский и К.А. Умов, секция большинством высказалась за учреждение отдела [Там же. С. 38].

В итоговой резолюции секции сельского хозяйства и лесоведения учреждался сельскохозяйственный отдел в составе семи бюро: 1) прикладной ботаники; 2) полеводства и опытного дела; 3) животноводства; 4) агрохимии; 5) мелиорации; 6) сельскохозяйственной экономики; 7) издательства, библиографии и справок. Научный персонал отдела был внушительным и включал в себя 22 человека. На первое время, однако, был утвержден сокращенный состав отдела из 11 лиц. Состав отдела лесоведения включал трех специалистов: по лесной биологии, лесной технике и лесной технологии.

В заключительной части резолюции была высказана идея об открытии агрономического факультета с отделением лесоведения и лесоводства при Томском университете и кафедры лесной технологии при Томском технологическом институте [Там же. Ч. 4. С. 32].

Однако, как и в случае с другими отделами, состав отдела сельского хозяйства и лесоведения был сокращен. Сельскохозяйственный отдел учреждался в составе десяти членов. Их должны были избрать на предстоящем сельскохозяйственном съезде. Не изменился штат отдела лесоведения, в который были избраны П.Ю. Арндт, В.П. Сукачев и П.Н. Крылов. Таким образом, П.Н. Крылов становился членом сразу двух отделов: отдела ботаники и отдела лесоведения.

Бюджет отдела сельского хозяйства на 1919 г. составлял 600 тыс. руб., из которых 400 тыс. руб. было выделено на операционные расходы и 200 тыс. – на личный состав. Смета отдела лесоведения была утверждена в размере 300 тыс. руб. (200 и 100 тыс. соответственно).

Сокращение исследовательских планов и штатного персонала не было случайностью. В.В. Тейс в своем докладе отмечал: «Многочисленность и многосложность этих нужд (нужд исследования Сибири. – В.Р.) так велики, что представителям различных отраслей знания при составлении проекта организации Института исследования Сибири придется, быть может, вступить в ожесточенное состязание между собою по вопросу о том, какие из отделов Института должны быть организованы первыми» [Там же. Ч. 3. С. 27]. Ввиду этого на первых порах нужно было ограничиться самым необходимым.

Таким образом, в ходе работы секций ботаники, зоологии и сельского хозяйства на съезде по организации Института исследования Сибири была принята амбициозная программа преобразований, успех в пре-

творении которой означал бы мощный подъем производительных и культурных сил сибирского края. Съезд стал платформой, с которой его члены декларировали необходимость организации самого широкого круга исследований. Речь шла не только о применении новых методов (в области фитоэкологии, опытного дела и т.д.), но, что более важно, – об институционализации целого ряда направлений: агрономии, почвоведения, микробиологии, фармацевтики и лесоведения, организуемых в виде отделов и подразделов.

Работа каждой из секций имела свою специфику. Так, ботаники были более сосредоточены на теоретических исследованиях, секция зоологии – на практическом изучении Сибири (пушной и рыбный промыслы), а секция сельского хозяйства – на координации и правильной постановке агрономического дела.

Съезд по организации ИИС завершил свою деятельность 26 января 1919 г. По итогам его работы бы-

ло принято Положение об Институте исследования Сибири, согласно которому целью института являлось «планомерное научно-практическое исследование природы и населения Сибири в целях наиболее рационального использования естественных богатств края и культурно-экономического развития» [27. Д. 15. Л. 176]. На первое время Институт учреждался в качестве общественной организации «Общество ИИС» [28. С. 68]. Чтобы реализовать свои масштабные исследовательские задачи, ему необходимо было утверждение в качестве государственного учреждения со стороны правительства А.В. Колчака.

Научно-практическая работа отделов началась летом 1919 г. Представляется значимым проследить, как заложенные на съезде по организации ИИС принципы и установки проводились учеными института на практике. Однако эта тема заслуживает самостоятельного исследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. История Сибири с древнейших времен до наших дней : в 5 т. / гл. ред. А.П. Окладников. Л. : Наука, 1968. Т. 2. С. 343–353.
2. Российская академия наук. Сибирское отделение : исторический очерк / Е.Г. Водичев, С.А. Красильников, В.А. Ламин и др. Новосибирск : Наука, 2007. 510 с.
3. Скалабан И.А. Западно-Сибирский отдел Императорского Русского Географического общества в последней четверти XIX – начале XX вв. (1877–1919 гг.) : дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1994. 283 с.
4. Пименова И.А. Организация и деятельность Восточно-Сибирского отдела Русского Географического Общества (1851–1918 гг.) : дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 2009. 197 с.
5. Корнева Л.В. Приамурский отдел РГО и его роль в изучении и освоении российского Дальнего Востока в конце XIX – начале XX века // Вестник Дальневосточной государственной научной библиотеки. 2009. № 3 (44). С. 66–77.
6. Дегальцева Е.А. Общественные неполитические организации Западной Сибири (1861–1917 гг.). Барнаул, 2002. 287 с.
7. Некрылов С.А. Научные общества в Томском университете в дореволюционный период. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2013. 258 с.
8. Шиловский М.В. Общество изучения Сибири и улучшения её быта (1908–1917 гг.). URL: https://duma.tomsk.ru/content/obshhestvo_izucheniya_sibiri_i_uluchsheniya_ejo_byta_19081917_gg (дата обращения: 02.05.2017).
9. Итоги исследований по биологии за 50 лет. 1917–1967 : труды Межвуз. науч. конф., посвященной пятидесятилетию Великой Октябрьской социалистической революции. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1968. 278 с.
10. Некрылов С.А. Томский университет – первый научный центр в азиатской части России (середина 1870-х гг. – 1919 г.). Томск : Изд-во Том. ун-та, 2011. Т. 2. 598 с.
11. Фоминых С.Ф., Некрылов С.А., Литвинов А.В. и др. К истории издания труда П.Н. Крылова «Флора Западной Сибири» // Krylovia. Сибирский ботанический журнал. 2001. Т. 3, № 1. С. 117–125.
12. Корнилов Л.Л. Из истории организации науки в дореволюционной Сибири // Вопросы истории и методологии науки. Омск, 1971. С. 3–30.
13. Елина О.Ю. Становление системы сельскохозяйственных опытных учреждений в России, XVIII – 20-е гг. XX в. : дис. ... д-ра ист. наук. М., 2009. 632 с.
14. Зангеева Л.Р. Первые опытные станции Сибири в начале XX в. // Известия Алтайского государственного университета. 2010. № 4–1 (68). С. 103–107.
15. Слабодцкий В.В., Чернявская Н.К. Омский сельскохозяйственный институт: как всё начиналось // Вестник Омского государственного аграрного университета. 2015. № 3 (19). С. 75–83.
16. Организация географического отдела в составе Института исследования Сибири (октябрь 1917 – июль 1919 г.) // Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых ученых : сб. материалов Всерос. молодежной науч. школы-конф. Новосибирск : Ин-т истории СО РАН, 2017. С. 141–149.
17. Некрылов С.А., Фоминых С.Ф., Маркевич Н.Г. и др. Из истории Института исследования Сибири // Журналы заседаний совета Института исследования Сибири (13 ноября 1919 г. – 16 сентября 1920 г.). Томск : Том. гос. ун-т, 2008. С. 5–44.
18. Некрылов С.А., Фоминых С.В., Грибовский М.В. и др. Отделы, Средне-сибирское отделение и комиссии Института исследования Сибири (1919–1921 гг.) // Журналы заседаний отделов, Средне-Сибирского отделения и комиссий Института исследования Сибири (1919–1920 гг.) / отв. ред. С.Ф. Фоминых. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2014. С. 5–41.
19. Труды первого сибирского метеорологического съезда в г. Иркутске 26–30 октября 1917 года. Благовещенск, 1919. 306 с.
20. Молчанов Л.А. «Институт представляется в виде мощного... союза всех коллективов, причастных к делу изучения Сибири». Организация и деятельность Института исследования Сибири. 1919–1920 гг. // Вестник архивиста. М., 2009. № 6. С. 132–141.
21. Профессора медицинского факультета Императорского (государственного) Томского университета – Томского медицинского института – Сибирского государственного медицинского университета (1878–2013) : биографический словарь / С.Ф. Фоминых, С.А. Некрылов, М.В. Грибовский, Г.И. Мендрин, А.И. Венгеровский, В.В. Новицкий. 2 изд., испр. и доп. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2013. Т. 1. 488 с.
22. Профессора медицинского факультета Императорского (государственного) Томского университета – Томского медицинского института – Сибирского государственного медицинского университета (1878–2013) : биографический словарь / С.Ф. Фоминых, С.А. Некрылов, М.В. Грибовский, Г.И. Мендрин, А.И. Венгеровский, В.В. Новицкий. 2 изд., испр. и доп. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2014. Т. 2. 574 с.
23. Труды съезда по организации Института исследования Сибири. Томск, 1919. 467 с.
24. Вестник Томского орнитологического общества. Томск, 1921. Кн. 1. 290 с.
25. Профессора Томского политехнического университета : биографический справочник / автор и сост. А.В. Гагарин. Томск : Изд-во НТЛ, 2000. Т. 1. 300 с.
26. НБ ТГУ. ОРКП. Ф. 11 (Институт исследования Сибири).
27. Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. Р-26 (Институт исследования Сибири). Оп. 1.
28. Соскин В.Л. Сибирь, революция, наука. Новосибирск, 1989. 174 с.

Raskolets Viktor V. Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: predator-101@mail.ru

Sorokin Aleksandr N. Tyumen State University (Tyumen, Russia). E-mail: soranhist@yandex.ru

CONGRESS ON THE FOUNDATION OF THE INSTITUTE FOR THE STUDY OF SIBERIA (JANUARY 1 –26, 1919): THE CHALLENGES RELATED TO STUDIES OF BOTANY, ZOOLOGY AND AGRICULTURE

Keywords: Institute of research of Siberia; V.V. Sapozhnikov; P.N. Krylov; Dokuchaev soil Committee4 Baikal hydrobiological station; agricultural pilot business.

This article explores the activity of botany, zoology and agriculture sections of Congress on the foundation of the Institute for the Study of Siberia on the basis of proceedings of the First Siberian Meteorological Congress, proceedings of Congress on the foundation of the Institute for the Study of Siberia and archival materials found in Tomsk Region State Archives and Tomsk State University Scientific Library. The purpose of this article is to explore key challenges in the fields of botany, zoology and agriculture, raised on Congress on the foundation of the Institute for the Study of Siberia, and solutions proposed by congress members.

Despite some research success achieved in the fields of botany, zoology and agriculture, the pre-revolutionary studies were not comprehensive and systematic. There was a need of a single research coordinating center. The first attempt at foundation of such center is connected with the history of foundation and activity of the Institute for the Study of Siberia (ISS) in Civil War period.

It is noted that the congress carried out its work in Tomsk from January 15 to January 25, 1919. The challenges in the fields of botany, zoology and agriculture were discussed during the work of their respective sections.

Among the botany section members were such researchers as: P.N. Krylov, V.V. Sapozhnikov, M.I. Rozhanets, B.N. Gorodkov and others. Section members deliberated the foundation of centralized organization for the study of Siberia in botany and geography fields. Other challenges were related to phytocology field in botany, soil science development, microbiology, medical herb gathering, etc.

The biology section had such members as: M.D. Ruzski, G.E. Iohanzen, V.C. Dorogostaiski and others. In the spotlight of this section was the challenges of arranging a systematic zoology research of Siberia. The challenges in developing the hunting and fishing industries were also important.

The agriculture section had such members as: A.P. Vydrin, V.V. Teis, M.G. Aleksandrovski and others. In this section, the main question was related to establishing agriculture research organizations. Also, the section discussed the problems of land reclamation, forest science establishment, etc.

It is concluded that as a result of the botany, zoology and agriculture sections of Congress on the foundation of the Institute for the Study of Siberia, an ambitious project was planned, that, if undertaken, could greatly rise the industry and culture of Siberian region. The congress became a stage from which its members proclaimed the necessity of organizing a wide range of studies. It was not only about putting new methods (in the fields of phytocology, agriculture, etc.) to practice, but, more importantly, institutionalizing a number of research fields: agronomy, soil science, microbiology, pharmacy and forest science, and establishing their corresponding departments in the future Institute for the Study of Siberia.

REFERENCES

- Okladnikov, A.P. (ed.) (1968) *Istoriya Sibiri s drevneyshikh vremen do nashikh dney (v 5 tomakh)* [The history of Siberia from ancient times to the present day (in 5 vols)]. Vol. 2. Leningrad: Nauka. pp. 343–353.
- Vodichev, E.G., Krasilnikov, S.A., Lamin, V.A. et al. (2007) *Rossiyskaya akademiya nauk. Sibirskoe otdelenie: Istoricheskiy ocherk* [Russian Academy of Sciences. Siberian Branch: Historical Essay]. Novosibirsk: Nauka.
- Skalaban, I.A. (1994) *Zapadno-Sibirskiy otdel Imperatorskogo Russkogo Geograficheskogo obshchestva v posledney chetverti XIX – nachale XX vv. (1877–1919 gg.)* [West Siberian Department of the Imperial Russian Geographical Society in the last quarter of the 19th – early 20th centuries (1877–1919)]. History Cand. Diss. Novosibirsk.
- Pimenova, I.A. (2009) *Organizatsiya i deyatelnost' Vostochno-Sibirskogo otdela Russkogo Geograficheskogo Obshchestva (1851–1918 gg.)* [Organization and Activity of the East-Siberian Department of the Russian Geographical Society (1851–1918)]. History Cand. Diss. Irkutsk.
- Korneva, L.V. (2009) *Priamurskiy otdel RGO i ego rol' v izuchenii i osvoenii rossiyskogo Dal'nego Vostoka v kontse XIX – nachale XX veka* [The Amur Department of the Russian Geographical Society and its role in the study and development of the Russian Far East in the late 19th – early 20th centuries]. *Vestnik Dal'nevostochnoy gosudarstvennoy nauchnoy biblioteki*. 3(44). pp. 66–77.
- Degaltseva, E.A. (2002) *Obshchestvennye nepoliticheskie organizatsii Zapadnoy Sibiri (1861–1917 gg.)* [Public non-political organizations of Western Siberia (1861–1917)]. Barnaul: Altai State Technical University.
- Nekrylov, S.A. (2013) *Nauchnye obshchestva v Tomskom universitete v dorevolutsionnyy period* [Scientific societies at Tomsk University in the pre-revolutionary period]. Tomsk: Tomsk State University.
- Shilovskiy, M.V. (n.d.) *Obshchestvo izucheniya Sibiri i uluchsheniya eyo byta (1908–1917 gg.)* [Society for the Study of Siberia and the improvement of its life (1908–1917)]. [Online] Available from: https://duma.tomsk.ru/content/obshchestvo_izucheniya_sibiri_i_uluchsheniya_eyo_byta_19081917_gg. (Accessed: 2nd May 2017).
- Babushkin, N.F. & Iogazen, B.G. (eds) (1968) *Itogi issledovaniy po biologii za 50 let. 1917–1967* [Results of research in biology for 50 ears. 1917–1967]. Tomsk: Tomsk State University.
- Nekrylov, S.A. (2011) *Tomskiy universitet – pervyy nauchnyy tsentr v aziatskoy chasti Rossii (seredina 1870 – kh. gg. – 1919 g.)* [Tomsk University is the first research center in the Asian part of Russia (mid-1870s – 1919)]. Vol. 2. Tomsk: Tomsk State University.
- Fominykh, S.F., Nekrylov, S.A., Litvinov, A.V. et al. (2001) *K istorii izdaniya truda P.N. Krylova "Flora Zapadnoy Sibiri"* [On the publication of P.N. Krylov's "Flora of Western Siberia"]. *Krylovia. Sibirskiy botanicheskiy zhurnal*. 3(1). pp. 117–125.
- Kornilov, L.L. (1971) *Iz istorii organizatsii nauki v dorevolutsionnoy Sibiri* [From the history of the organization of science in pre-revolutionary Siberia]. In: Kornilov, L.L. et al. *Voprosy istorii i metodologii nauki* [Problems of history and methodology of science]. Omsk: Omsk Institute of Railway Engineers. pp. 3–30.
- Elina, O.Yu. (2009) *Stanovlenie sistemy sel'skokhozyaystvennykh opytnykh uchrezhdeniy v Rossii, XVIII – 20-e gg. XX v.* [Formation of the system of agricultural experimental institutions in Russia, the 18th – 1920s]. History Dr. Diss. Moscow.
- Zangeeva, L.R. (2010) *The First Experimental Stations in Siberia in the Early 20th Century. Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta – Izvestiya of Altai State University Journal*. 4–1(68). pp. 103–107. (In Russian).
- Slabodskiy, V.V. & Chernyavskaya, N.K. (2015) *Omskiy sel'skokhozyaystvennyy institut: kak vso nachinalos'* [Omsk Agricultural Institute: how it all began]. *Vestnik Omskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta*. 3(19). pp. 75–83.
- Romanov, R.E. (ed.) (2017) *Aktual'nye problemy istoricheskikh issledovaniy: vzglyad molodykh uchonykh* [Topical problems of historical research: a view of young scientists]. Novosibirsk: SB RAS. pp. 141–149.
- Nekrylov, S.A., Fominykh, S.F., Markevich, N.G. et al. () *Iz istorii Instituta issledovaniya Sibiri* [From the history of the Institute for the Study of Siberia]. In: Fominykh, S.F. (ed.) *Zhurnaly zasedaniy soveta Instituta issledovaniya Sibiri (13 noyabrya 1919 g.–16 sentyabrya 1920 g.)* [Journal

- of meetings of the Council of the Institute for the Study of Siberia (November 13, 1919 – September 16, 1920)]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 5–44.
18. Nekrylov, S.A., Fominykh, S.V., Gribovskiy, M.V. et al. (2014) Otdely, Sredne-sibirskoe otdelenie i komissii Instituta issledovaniya Sibiri (1919–1921 gg.) [Departments, Mid-Siberian Branch and Commissions of the Institute for the Study of Siberia (1919–1921)]. In: Fominykh, S.F. (ed.) *Zhurnaly zasedaniy otdelov, Sredne-Sibirskogo otdeleniya i komissiy Instituta issledovaniya Sibiri (1919–1920 gg.)* [Departmental Meeting Logs, Mid-Siberian Branch and Commissions of the Institute for the Study of Siberia (1919–1920)]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 5–41.
 19. Anon. (1919) *Trudy pervogo sibirskogo meteorologicheskogo s"ezda v g. Irkutske 26–30 oktyabrya 1917 goda* [Proceedings of the first Siberian meteorological congress in Irkutsk on October 26–30, 1917]. Blagoveshchensk: I.Ya. Churin i Ko.
 20. Molchanov, L.A. (2009) “Institut predstavlyaetsya v vide moshchnogo...soyuza vsekh kollektivov, prichastnykh k delu izucheniya Sibiri”. Organizatsiya i deyatelnost' Instituta issledovaniya Sibiri. 1919–1920 gg. [“The Institute is represented as a powerful ... union of all the teams involved in the study of Siberia”. Organization and activities of the Siberian Research Institute. 1919–1920]. *Vestnik arkhivista*. 6. pp. 132–141.
 21. Fominykh, S.F., Nekrylov, S.A., Gribovskiy, M.V., Mendrina, G.I., Vengerovskiy, A.I. & Novitskiy, V.V. (2013) *Professora meditsinskogo fakul'teta Imperatorskogo (gosudarstvennogo) Tomskogo universiteta – Tomskogo meditsinskogo instituta – Sibirskogo gosudarstvennogo meditsinskogo universiteta (1878–2013): Biograficheskiy slovar'* [Professors of the Medical Faculty of the Imperial (State) University of Tomsk – Tomsk Medical Institute – Siberian State Medical University (1878–2013): Biographical Dictionary]. 2nd ed. Vol. 1. Tomsk: Tomsk State University.
 22. Fominykh, S.F., Nekrylov, S.A., Gribovskiy, M.V., Mendrina, G.I., Vengerovskiy, A.I. & Novitskiy, V.V. (2014) *Professora meditsinskogo fakul'teta Imperatorskogo (gosudarstvennogo) Tomskogo universiteta – Tomskogo meditsinskogo instituta – Sibirskogo gosudarstvennogo meditsinskogo universiteta (1878–2013): Biograficheskiy slovar'* [Professors of the Medical Faculty of the Imperial (State) University of Tomsk – Tomsk Medical Institute – Siberian State Medical University (1878–2013): Biographical Dictionary]. 2nd ed. Vol. 1. Tomsk: Tomsk State University.
 23. Weinberg, B.P. (ed.) (1919) *Trudy s"ezda po organizatsii Instituta issledovaniya Sibiri* [Proceedings of the Congress on the Organization of the Institute for the Study of Siberia]. Tomsk: [s.n.].
 24. *Vestnik Tomskogo ornitologicheskogo obshchestva*. (1921) 1.
 25. Gagarin, A.V. (2000) *Professora Tomskogo politekhnicheskogo universiteta: Biograficheskiy spravochnik* [Professors of Tomsk Polytechnic University: A Biographical Guide]. Vol. 1. Tomsk: NTL.
 26. Research Library of Tomsk State University. Department of Rare Books and Manuscripts. Fund 11.
 27. The State Archive of Tomsk Region (GATO). Fund R-26. List 1.
 28. Soskin, V.L. (1989) *Sibir', revolyutsiya, nauka* [Siberia, revolution, science]. Novosibirsk: SB RAS.

УДК 396.1

DOI: 10.17223/19988613/57/30

А.О. Степнов

ПЕРВЫЕ УЧЕНЫЕ-ЖЕНЩИНЫ В СОВЕТСКОЙ ФИЗИКЕ – ПРОФЕССОРА ТОМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА В.М. КУДРЯВЦЕВА, Н.А. ПРИЛЕЖАЕВА, М.А. БОЛЬШАНИНА: ГЕНДЕРНЫЕ АСПЕКТЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНО-АДАПТАЦИОННЫХ ПРАКТИК

Результаты были получены в рамках выполнения государственного задания Минобрнауки России, проект № 33.1687.2017/4.6.

Освещаются отдельные страницы из жизни первых ученых-женщин в советской физике, профессоров В.М. Кудрявцевой, Н.А. Прилежаевой, М.А. Большаниной, с точки зрения гендерных аспектов профессионально-адаптационных практик. На основе источников личного происхождения и периодической печати реконструируются их социально-психологические ролевые модели в образах ученого, педагога и организатора науки. Выдвигается положение, согласно которому в контексте традиционалистской ментальности успех женской гендерной социализации в научном мире основывается на принятии «маскулинных» поведенческих стилей.

Ключевые слова: гендерная история; Томский университет; история физики; М.А. Большанина; В.М. Кудрявцева; Н.А. Прилежаева.

В современной науке, как в России, так и за рубежом, проблема дискриминации по половому признаку постепенно отходит на второй план: некорректность оценивания ученого по гендерному критерию видится сегодня все более очевидной. Так, в опросе, проведенном в 2014 г. интернет-журналом «ПостНаука», представители современного научного мира в большинстве своем признали эту проблему либо себя изжившей, либо изрядно преувеличенной. С другой стороны, предлагалось обратить внимание и на некую трансформацию половой дискриминации в науке в современных реалиях, на различия гендерной академической политики в России и на Западе, наконец, на истоки долговечности и живучести «научного сексизма». К примеру, директор Фонда биогеронтологических исследований А.А. Жаворонков отметил, что причиной тому «традиции и пережитки прошлого», а также религия, которая «во все времена угнетала интересы и права женщин». «Для избавления общества от сексизма должно пройти время», – резюмировал ученый [1].

Трудно не согласиться с тем, что по мере течения исторического времени ситуация гендерного соотношения в научных сообществах трансформируется, а «различия между полами» в целом представляются уже «не созданными самой Природой, а исторически меняющими свою конфигурацию» [2. С. 52]. Те проблемы, что волнуют современных женщин-ученых, изрядно далеки от того, с чем столкнулись первопроходцы в этой сфере – первые женщины-ученые в XIX и XX вв.

Историография гендерных исследований в области отечественной истории науки и техники включает в себя достаточно ограниченный круг работ. Н.Л. Пушкарева в качестве причин непопулярности «женской темы» в исторических исследованиях в целом указывает на отсутствие гендерных аспектов в существующей образовательной литературе, которая по-прежнему

находится под влиянием метанарративных конструктов, «марксистско-ленинского социально-экономического детерминизма и традиций государственной школы отечественной историографии», «традиционную патриархальность большинства социальных структур», негативное отношение к термину «феминизм» на «бытовом, профанном уровне знания» и т.д. [Там же. С. 61–63].

Тем не менее исследовательский интерес к гендерным проблемам науки прошлого существует, и базируется он, кроме прочего, на той воле к социальному сопротивлению, которой подчас выделяются изучаемые персоналии. Женщины в дореволюционной российской науке действительно были явлением скорее исключительным, чем закономерным, а их научные достижения представляли собой «результат не усиленной поддержки, а, напротив, их собственной упорной, несгибаемой воли и исключительного трудолюбия» [3. С. 144].

Судьбе и творческому пути первой русской женщины-археолога, графини П.С. Уваровой (жене известного русского археолога, основателя Московского археологического общества, Исторического музея в Москве, инициатора археологических съездов, Почетного члена Петербургской Академии наук А.С. Уварова), посвящены статьи В.Г. Аксареевой [4, 5]. На примере этой яркой женщины – светской дамы, ставшей прототипом Кити Щербатской из «Анны Карениной», урожденной княжны Прасковьи Щербатовой, оказавшейся причастной к большой науке традиционно «мужского века», – В.Г. Аксареева прослеживает те трудности, с которыми сталкивалась женщина-ученый в условиях гендерной асимметрии – скрытой дискриминации феминной природы на основе патриархальных установок традиционного общества. Исследованные мемуары графини отражают постепенное формирование новой женской гендерной роли в российской науке, открывают непростой путь так называемой гендерной ресо-

циализации женщины, в руках которой большие ученые тех лет привыкли видеть «скорее роман, чем книгу по истории искусства» [5. С. 138–147].

Отдельный корпус научных работ, затрагивающих гендерный фактор, посвящен жизни и творчеству первой в истории женщины-профессора математики, первой женщины-профессора в Северной Европе С.В. Ковалевской (см.: [6, 7] и др.). Отметим, что страницы ее биографии получили освещение и в новелле современной канадской писательницы, лауреата Нобелевской премии по литературе Эллис Манро [8], а также в ряде художественных фильмов.

Галерея русских дореволюционных женщин-ученых представлена в статье Н.Л. Пушкаревой «Из небытия: женские имена в российской науке начала XX в.» [3]. В кратких биографических зарисовках первых женщин: доктора юриспруденции А.М. Евреиновой, магистра фармации О.Е. Габрилович, доктора офтальмологии М.А. Обручевой-Боковой-Сеченовой, а также О.А. Добиаши-Рожественской – первой россиянки, получившей докторскую степень по специальности «всеобщая история» в Сорбонне, и ряда других, представлено не только их научное наследие, но и процесс сопротивления их профессиональной реализации со стороны патриархально ориентированного общества, в том числе его интеллектуальной элиты (в частности, почтенного Н.А. Бердяева). Последний аспект в расширительном ключе исследован в статье филолога Н.М. Ковальчук, которая рассмотрела отражение образов женщин-нигилисток в художественной литературе, в частности в повести С.В. Ковалевской «Нигилистка». Выбор нигилистического поведения в XIX в. был своеобразной стратегией гендерного «выживания» и самоутверждения, что находило отторжение и критику в русской литературе того времени (произведения Н.С. Лескова, И.С. Тургенева, Ф.М. Достоевского) [9].

Неоднозначное освещение в историографии получила советская гендерная политика. С одной стороны, устоявшимся является взгляд, согласно которому именно Октябрьская революция 1917 г. открыла массовый приток женщин в систему высшей школы и научных учреждений и именно советская власть создала для слабого пола режим наибольшего благоприятствования в науке.

Вместе с тем рядом авторов отмечаются отдельные противоречия между декларируемой гендерной политикой советского государства и реальными карьерными возможностями женщин в науке и высшей школе. Так, Е.В. Ведерникова в своей статье на основе собственных же интервью с женщинами-учеными, воспоминаний проанализировала обратную сторону «научно-профессиональной социализации» женщин в советское время. Автор обращает внимание на то, «что в дискурсе власти раннего советского государства женщина рассматривалась как особая категория граждан, нуждающаяся в целенаправленном государственном воздействии». В этом смысле открытие доступа к высшему образованию женщинам шло в русле своеобразного «перевоспитания». Акцентируется сложившаяся в то время парадоксальная ситуация: при провозглашенной пролетаризации образования поступление в вузы для

выходцев из «нижних слоев» фактически ограничивалось их низким уровнем подготовки, а для «высших» (точнее, «бывших») – дискриминацией по классовому признаку. В итоге «в первые годы советской власти возможности получения высшего образования для женщин как “буржуазного”, так и пролетарского происхождения были ограничены», а их «карьерные возможности в науке определялись в значительной степени сложившимися до революции социальными институтами и стратегиями сопротивления» [10].

Схожей точки зрения придерживается Н.Л. Пушкарева, в одной из своих статей также заострившая вопрос стратегий сопротивления женщин раннесоветского периода, избравших путь науки [11]: для получения высшего образования выпускницы Бестужевских курсов нередко меняли фамилии при замужестве, утаивая свое «неправильное» социальное происхождение.

В более поздние периоды советской истории карьерные возможности женщин в науке ограничивались пропагандируемым двойственным концептом женщины как «работницы и матери». Любопытно, что тенденции гендерной диспропорции в советском научном мире ретранслировались и в живописи соцреализма: «на большинстве изображений женщина занимает подчиненное положение, в то время как центральное отводится ученому-мужчине». В советской живописи практически отсутствуют и портреты ученых-женщин, что контрастно выделяется на фоне обширной галереи изображений «мужских лиц» науки СССР [12. С. 128].

Отталкиваясь от существующих наработок и имеющегося категориального аппарата, в центр настоящей статьи хотелось бы поставить проблему профессионально-адаптационных практик первых женщин-ученых в контексте доминирования традиционных общественных ценностей. Речь пойдет о советской физике – области познания, которая и по сей день является преимущественно мужской территорией. Академической колыбелью первых ученых-женщин-физиков в СССР стало научное сообщество г. Томска, где в 1920–1930-е гг. университетская среда открыла для физической науки имена профессоров М.А. Большаниной, В.М. Кудрявцевой, Н.А. Прилежаевой.

Следует отметить, что автор не ставит своей целью всестороннее исследование их жизни и творчества, которые представлены во 2-м томе биографического словаря «Профессора Томского университета», созданного под редакцией профессора С.Ф. Фоминых [13]. Отдельные аспекты научных биографий этих профессоров затронуты в кандидатских диссертациях, монографиях и статьях А.В. Литвинова и А.Н. Сорокина (см.: [14, 15] и др.) и ряде других работ. В качестве цели статьи мы изберем выявление тех ролевых моделей, стратегий поведения ученых-женщин, что послужили для них адаптационными механизмами в «маскулинном» научном мире. Это станет рамкой, в пределах которой нам предстоит под определенным углом взглянуть на их путь в советской физике, который прокладывался в культурных интерьерах старейшего университетского центра Северной Азии – г. Томска.

Стороннего наблюдателя этот город накануне Русской революции 1917 г. не мог не впечатлить своей

контрастностью: деревянные тротуары в нем сменялись булыжными мостовыми центральных улиц, архаичная застройка – эклектичной архитектурой богатых особняков на каменном фундаменте, арками гостиного двора и университетским комплексом, провинциальная аура – духом по-европейски современного культурного центра. Весной 1917 г. он был необычайно оживлен революционными событиями. После известий из Петрограда улицы то и дело заполнялись студентами и солдатами резервных полков, расквартированных в городе: вместе с городскими обывателями они участвовали в парадах и митингах, числу которым в то время не было конца. Жители города не зря тратили свою энергию на ликование. Февральская революция принесла не только уличную эйфорию, но и конкретные гражданские права. Не в последнюю очередь это коснулось и молодых женщин. Для некоторых из них в тот год появилась возможность осуществить недостижимую до сей поры мечту: «осенью семнадцатого они впервые наравне с мужчинами принимались в Томский университет» [16. С. 22].

В числе первых студенток физико-математического факультета были две молодые выпускницы 1-й Мариинской женской гимназии в Томске – Мария Большанина и Вера Кудрявцева. В 1916 г. обе окончили дополнительный класс гимназии со званием домашних наставниц по русскому языку и математике. Вера вслед за этим поступила слушательницей на естественное отделение Сибирских высших женских курсов (далее – СВЖК), в то время как ее одноклассница Мария вынуждена была подрабатывать репетиторством, а затем в топливной организации «Обенитоп»: в семье кроме нее было еще три дочери и сын (все младшие), и средств на дальнейшее образование не было. Однако еще в гимназии юная ученица проявила способности к физике и математике. В апреле-мае 1917 г. она была подвергнута дополнительным испытаниям по латинскому языку и физике, после чего поступила на 1-й курс математического отделения физико-математического факультета Томского университета. Поступила вопреки воле отца [17. 1936. 8 марта].

Молодая курсистка Вера Кудрявцева позднее, в 1920 г., после закрытия СВЖК и слияния его естественного отделения с физико-математическим факультетом, сдала экзамены экстерном и в свои 20 лет получила свидетельство об окончании университета (дипломов тогда не выдавали) [18. С. 97–98].

Будущих ученых ожидал непростой путь, который кроме гендерных аспектов осложнялся и общими социально-экономическими условиями и политической обстановкой в стране. Годы получения высшего образования выпали для них на время Гражданской войны. Студенческого коллектива тогда, по сути, не существовало: «каждый жил сам по себе». Не было доступа к общежитиям, бытовые условия студентов оставляли желать лучшего [16. С. 24]. Учебный процесс осложнялся и тем, что достать книги и учебную литературу было практически невозможно [18. С. 97]. Однокурсница М.А. Большаниной, будущий ученый-математик, доцент Томского государственного университета (далее – ТГУ) Е.Н. Аравийская вспоминала, как профес-

сор В.Л. Некрасов, давая однажды ей для подготовки доклада книгу В. Кагана о геометрии Лобачевского, сказал: «Дайте честное слово, что если у вас случится пожар, то первое, что вы вынесете, будет эта книга» [16. С. 23].

Не требуется большой проникновенности для понимания масштаба той воли к науке, которая должна была руководить молодыми девушками, чтобы пройти через эти испытания. В 1919 г. значительная часть студентов томских вузов была мобилизована в армию адмирала А.В. Колчака. «Тяжелые условия жизни заставили и многих девушек покинуть университет». К четвертому курсу, как вспоминала Е.Н. Аравийская, по специальностям «математика» и «физика» занятия посещали лишь пять студенток. Одна из них, Наталья Савельева, вскоре умерла от тифа. К концу обучения их осталось четверо: трое математиков и одна – физик. Это была Мария Александровна Большанина. Последняя в дальнейшем так вспоминала о своем студенческом периоде: «Трудно представить, как мы жили! Жизнь была трудная, голодная, но жажда образования была сильнее всех невзгод. Именно тяга к знаниям руководила студенческой молодежью, так как интеллигентные профессии приносили материальных благ меньше, чем рабочие» [19].

Нередко целый день им приходилось проводить в университете. Утро посвящалось лекциям, затем – участие в организованных при университете физическом (под руководством профессора А.П. Поспелова) и математическом (под руководством профессора В.Л. Некрасова) кружках. Со 2-го курса М. Большанина начала работать у В.Д. Кузнецова. Приходилось много читать. Вместе с В. Кудрявцевой она принимала участие в семинаре, организованном будущим нобелиатом, а тогда – молодым преподавателем Н.Н. Семеновым [20. 1947. 27 нояб.; 21. С. 6].

Среди университетских учителей М.А. Большаниной были и профессора А.П. Поспелов, В.А. Малеев, М.Н. Иванов. Осенью 1918 г. студенты физико-математического факультета познакомились с высоким белобородым мужчиной с «длинными, почти до плеч, седыми волосами». Это был профессор Ф.Э. Молин, до того преподававший в Томском технологическом институте. В математическом мире он был уже признанным ученым, а в истории остался как первый математик Сибири. Аравийская позднее вспоминала о нем: «Лекции Федора Эдуардовича создавали образ человека, увлеченного наукой, наводили на мысль о мощи человеческого разума, о красоте объективного, непредвзятого, строгого исследования фактов. Это очень увлекало» [16. С. 22].

М.А. Большанина не оставила откровенных зарисовок своих учителей, по всей видимости, в силу своего темперамента не будучи склонной к проявлениям чувств и сентиментальности. Однако на протяжении своей долгой жизни в официальных публикациях и докладах она всякий раз отдавала дань В.Д. Кузнецову как личности, определившей путь развития физики в Сибири, талантливому организатору, всегда внимательному к незаурядным студентам [22].

Что касается В.М. Кудрявцевой, то и для нее бесспорно было влияние этого ученого, которого впервые

она встретила как преподавателя на СВЖК. Доцент физического факультета ТГУ И.Н. Анохина отмечала по этому поводу: «[Владимир Дмитриевич] был все-сторонне одаренным человеком. Его научная эрудиция, увлеченность, трудолюбие и интеллигентность привлекали всех, кто с ним встречался в лекционной аудитории или в научной лаборатории... Могла ли юная и впечатлительная Вера Михайловна не увлечься физикой, слушая лекции молодого, элегантного, увлеченного лектора?» [21. С. 6].

В качестве наблюдения обратим внимание на то влияние, которое оказывали на молодых студенток их учителя. И все это были мужчины, поведенческий стиль которых не мог не стать своеобразным профессиональным архетипом, который сознательно и бессознательно отразился на их ученицах и, вне всякого сомнения, послужил для тех фундаментом профессиональной адаптации в научном социуме, с железной грубостью перекрывая пространство «родной» феминной психологии.

В начале 1920-х гг. Томский университет покинули профессора В.Н. Ульянов и И.А. Соколов, уехал в Петроград Н.Н. Семенов и т.д. Начался отток кадров, столь характерный для этого сибирского города. В свою очередь, именно данное обстоятельство создало условия для карьерного продвижения в университете молодых выпускниц. «Нужда в кадрах математиков и физиков в то время была настолько велика, что мы, не окончившие студенты, уже получали лестные предложения на работу», – вспоминала Аравийская [16. С. 24].

Курс советской власти на пролетаризацию образования требовал нового культурного инструментария. Им стали создаваемые тогда рабфаки. Молодые «дети крестьян и рабочих», приступая к учебе, сталкивались здесь с женскими лицами. В числе первых преподавателей рабфака при Томском университете были М.А. Левитская – ученица Макса Планка, приехавшая в Томск в 1918 г. и за недолгий период работы в университете запомнившаяся своей «беззаветной преданностью своему делу», и еще студентка М.А. Большанина [23].

В.М. Кудрявцева, с 1919 г. работавшая ассистентом в Институте исследования Сибири, летом 1921 г. командировалась на Алтай, где участвовала в магнитной съемке под руководством профессора И.П. Порфирьева [13. С. 58, 208]. Вскоре, по всей вероятности, по рекомендациям Н.Н. Семенова, М.А. Большаниной, Е.Н. Аравийской и В.М. Кудрявцевой поступили предложения о работе в физико-техническом отделе при организованном в 1918 г. по инициативе профессора М.И. Неменова и при участии А.Ф. Иоффе Государственном рентгенологическом и радиологическом институте в Петрограде. Лишь последняя приняла его и с осени того же года стала преподавателем (ассистентом) физики в институте. Одновременно она вела лабораторные занятия со студентами на подготовительных курсах в 1-м Петроградском политехническом институте.

В то время в Петрограде в школе училась юная Наталья Прилежаева – «профессор Наталиус», как в шутку именовала она себя еще в детской игре (этим

игровым именем на протяжении всей жизни будут называть ее друзья и коллеги [20. 1988. 1 сент.]). Дочь А.И. Прилежаева, ученого, специализировавшегося в прикладной механике и теории упругости, она с детства увлеклась точными науками. Семья в начале 1920-х гг. испытывала материальные трудности, и школьницей Н. Прилежаева начала подрабатывать репетиторством. В 1926 г., по окончании трудовой школы 2-й ступени, способная ученица поступила на физико-математический факультет Ленинградского университета. Будучи студенткой, она начала исследовательскую деятельность: летом 1927 г. работала в комиссии по наблюдению за солнечным затмением при Главной геофизической лаборатории, затем в качестве ассистента по кафедре физики в Учебном комбинате точной механики и оптики [13. С. 356].

На 3-м курсе Н. Прилежаева была направлена в Государственный оптический институт (далее – ГОИ) для прохождения производственной практики. Там она впервые встретила будущего академика А.Н. Теренина. Он, «галантливый экспериментатор и глубокий теоретик», по отзывам современников, производил впечатление «жюль-верновского ученого чудака» и к тому же был убежденным женоненавистником, «не пускавшим ни одной женщины на порог своей лаборатории» [24. С. 8–9].

Вспомним, как молодая С.В. Ковалевская, приехавшая в Европу с намерением посвятить себя науке, отправилась к профессору математики Берлинского университета К. Вейерштрассу, «с предубеждением относившемуся к женскому образованию» [7. С. 5] и, вполне вероятно, принявшему Ковалевскую за гувернантку, пришедшую «взять у него рекомендацию, чтобы добавить в число своих знаний и умений математику» [8. С. 298]. Почтенный профессор тогда прибег к своему излюбленному методу «отделаться» от неугодных аспирантов – он дал ей для решения самые сложные задачи. Не составит труда представить степень замешательства и изумления Вейерштрасса, которому, уже позабывшему о молодой Ковалевской, через неделю будущая первая женщина-математик принесла с блеском решенные задачи. Вскоре он стал ее учителем и ментором в математическом мире.

Быть может, со схожим предубеждением в лице А.Н. Теренина столкнулась и юная, «с очками на длинном носу», Наталья Прилежаева. По рассказу, увидев ее, шокированный профессор, занимавшийся фотографированием спектра дугового разряда, «усадила нахалку на свое место» и отправился «жаловаться начальству». Вернувшись, Теренин застал Прилежаеву фотографирующей спектры и читающей статью в англоязычном журнале, – уходя, он оставил его открытым [24. С. 8–10]. Наряду с Д.С. Рождественским и В.А. Фоком профессор Теренин стал учителем Н.А. Прилежаевой. Позднее она отмечала, что все «они открыли» для нее «красоту физического мира, показали, что надо не только любить свою профессию, но и отдать все силы, все знания, посвятить жизнь» [20. 1988. 1 сент.].

Окончив университет в 1931 г. по двум специальностям – оптика и теоретическая физика, – Н.А. Прилежаева успешно начала свой путь в науке. С 1932 г.

она вела общий курс математики и курс теоретической механики со студентами Учебного комбината точной механики и оптики, а с 1934 г. была старшим научным сотрудником в секторе спектроскопии ГОИ. В институте Наталья Александровна успела выполнить 20 научных работ. Отмечается, что ее сотрудничество с Терениным «могло бы привести к блестящим результатам» [24. С. 10]. Планам, однако, не суждено было сбыться. Вскоре после убийства С.М. Кирова, в марте 1935 г., мать и дочь Прилежаевы (отец умер ранее, в 1934 г.) были высланы из Ленинграда из-за социального происхождения (мать, Марианна Сергеевна, была родом из дворян). Местом жительства был определен Томск. Несмотря на то, что в 1936 г. это постановление отдела НКВД было отменено, семья приняла решение остаться в сибирском городе.

Здесь к тому времени успели пройти путь «научной инициации» М.А. Большанина и В.М. Кудрявцева. Последняя еще осенью 1922 г. вернулась из Петрограда. В отдельных источниках подчеркивается, что одной из причин возвращения стал своеобразный гендерный «дискомфорт», который испытала там молодая преподавательница: почти все студенты были мужчины, «революционная молодежь», к тому же нередко старше ее [18. С. 98].

В Томске по рекомендации В.Д. Кузнецова она с 26 декабря 1922 г. исполняла обязанности ассистента по кафедре геофизики Томского университета. Немного ранее, с 1 сентября того же года, по окончании вуза была оставлена ассистентом на кафедре физики и М.А. Большанина. В 1923 г. Кудрявцева по прочтении двух пробных лекций получила право самостоятельного преподавания. Спустя год тот же путь повторила и Большанина. К 1936 г. обе без защиты диссертации были утверждены в ученой степени кандидата физико-математических наук. С января месяца М.А. Большанина занимала должность и.о. профессора по кафедре общей и экспериментальной физики ТГУ (с 1928 г. работала научным сотрудником в лаборатории молекулярной физики в СФТИ). В конце 1935 г. в той же должности была утверждена В.М. Кудрявцева (также с момента основания служила в СФТИ). 25 ноября 1938 г. вместе с Н.А. Прилежаевой (они стали подругами, неразлучными «супругами Кюри», как однажды назвал их профессор Б.П. Токин [25. С. 129]) они в один день защитили диссертации на соискание степени доктора физико-математических наук и были в числе первых женщин-физиков, получивших эту ученую степень в СССР [13. С. 208–209, 357]. Подчеркнем, что ранее, в 1935 г., степени доктора наук без защиты диссертации была удостоена упомянутая уже физик М.А. Левитская [26]. В 1941 г. докторскую диссертацию защитила и М.А. Большанина.

Всех их ждал успех больших ученых. В 1942 г. Большанина совместно с В.Д. Кузнецовым получила Сталинскую премию за 2-й том «Физики твердого тела». Профессор В.М. Кудрявцева стала первой женщиной – проректором по научной работе Томского университета. М.А. Большанина и Н.А. Прилежаева удостоились званий Заслуженного деятеля науки (1959) и Заслуженного деятеля науки и техники (1969) РСФСР

соответственно. Каждая из них побывала на посту декана физико-математического факультета ТГУ: М.А. Большанина – в 1936–1937 гг., В.М. Кудрявцева – в 1939–1944 гг., Н.А. Прилежаева – в 1944–1949 гг. Все это лишь штрихи к научным портретам женщин-физиков, чьи исследовательские достижения получили признание научного сообщества. Им первым удалось войти в высокую «научную касту», встать в один ряд со своими коллегами-мужчинами. Живописные полотна с их изображениями выставлены сегодня в галерее профессоров на втором этаже главного корпуса Томского государственного университета. И надо сказать, что в гендерном плане среди подавляющего большинства мужских портретов выглядят они несколько одиноко.

Что же способствовало этому успеху? В поисках факторов их научно-профессиональной адаптации обратимся к ролевым моделям, образам и поведенческим стилям исследуемых женщин-профессоров в качестве ученых и педагогов – в том виде, в каком они отложились в памяти своих современников, коллег и учеников.

М.А. Большанина как ученый и педагог запомнилась определенным набором доминирующих качеств: ответственным отношением к делу, высокой организованностью, принципиальностью, строгостью и бескомпромиссностью. Одна из ее учениц вспоминала, что профессор «до конца с трепетом и волнением выходила на лекцию к студентам». Отмечается, что «педагогические обязанности были для нее святым делом». Во время экзаменационных сессий М.А. Большанина обычно откладывала все свои командировки, чтобы лично принимать экзамены у студентов. «Студенческий экзамен, – подчеркивала она, – это в некотором роде зеркало, где мы видим все свои огрехи». По воспоминаниям, ее лекции увлекали настолько, что студенты забывали их конспектировать [27].

«Фанатично преданная своему делу», с теми же мерками она подходила к своим ученикам и коллегам по кафедре экспериментальной физики, которой заведовала с 1939 по 1969 г. Раз в 2 недели ее аспиранты обязаны были отчитываться о своей работе. Любые попытки оправданий в бездеятельности жестко отвергались [28].

Свою требовательность и строгий подход М.А. Большанина реализовывала не только на должности заведующей кафедрой, но и в качестве руководителя лаборатории металлофизики СФТИ, которую она возглавляла на протяжении многих лет. Ее ученица доктор физико-математических наук Т.Ф. Елсукова вспоминала, что характерным в руководстве Марии Александровны «была полная самостоятельность исполнителя в выполнении эксперимента». Результаты исследований всегда обсуждались на заседаниях кафедры, где руководитель не терпела посторонних разговоров. Дисциплина была возведена в абсолют. «Это напоминало естественный отбор, – добавляет Елсукова, – каждый это знал и изо всех сил старался, чтобы не оказаться за бортом». Вместе с тем подчеркивается, что профессор Большанина при этом была доброжелательна и даже в случае конфликтов сохраняла корректность. «Не помню, – подчеркивала Л.П. Китаева, – чтобы она устраивала разносы с криком... только с гла-

зу на глаз» [27]. Коллективы кафедры и лаборатории со временем стали для нее большой семьей. М.А. Большанина всегда отстаивала их интересы. Профессор Б.Ш. Перкальскис писал позднее, что «обиды кафедры были ее кровными обидами». С той же бескомпромиссностью она всю жизнь прослужила в своей Alma mater, хотя неоднократно получала выгодные предложения из других вузов и городов.

В.В. Караваева, ученица Большаниной, назвала ее «святой» [29. С. 94], Н.В. Кудряцева, дочь В.М. Кудрявцевой, – «рыцарем науки», хотя куда более ожидаемым выглядело бы сравнение женщины с Прекрасной Дамой из куртуазной литературы. Уместным видится предположить, что в «по-мужскому» строгом и аскетичном образе М.А. Большаниной как ученого, педагога и руководителя нашли отражение личные качества ее учителя В.Д. Кузнецова, что, возможно, и послужило гендерным профессионально-адаптационным амортизатором.

Владимир Дмитриевич также с первых курсов привлекал студентов к исследовательской работе. В отношениях с ними подчас проявлял твердость и требовательность. В работе с аспирантами он предпочитал ненавязчивый стиль общения и предоставлял им полную свободу, требуя при этом дисциплины [30. Л. 164] и опираясь на тот же «естественный отбор». Обаяние ученого с классическим дореволюционным образованием, его образ русского интеллигента в лучшем смысле этого понятия, как уже отмечалось в настоящей статье, не могли не влиять на его учеников и учениц. М.А. Большанина, сознательно или нет, заимствовала у своего учителя и увлечение искусством: она ценила и разбиралась в живописи, долгое время была поклонницей оперной и симфонической музыки, в особенности творчества Моцарта, достоинства которого всякий раз отстаивала в спорах [27]. При этом схожесть их характеров и темпераментов, как вспоминала В.М. Кудряцева, нередко приводила к научной полемике, в ходе которой они «были беспощадны в критике друг друга».

Сама Вера Михайловна тоже немало внимания уделяла подготовке будущих научных кадров. С 1935 г. она заведовала лабораторией структуры молекул отдела физхимии (возглавлял его профессор М.И. Усанович) СФТИ, а с апреля 1937 г. – лабораторией малых интенсивностей света, затем – лабораторией фотоэлектрических явлений. В мае 1940 г. она была утверждена заведующей кафедрой оптики и спектроскопии ТГУ. Более того, в 1944–1949 гг., как уже вскользь упоминалось, профессор занимала должность проректора, и в этом качестве неоднократно исполняла обязанности ректора во время отъезда последнего [13. С. 209]. Ее дочь Нина Всеволодовна вспоминала о взаимоотношениях матери и ректора Я.Д. Горлачева: «Они отлично сработались и, доверяя друг другу, вскоре перестали дублировать командировки. В Москву ехал кто-то один и проворачивал там все дела» [31. Л. 27 об.].

Руководящая работа требовала соответствующего стиля поведения. В воспоминаниях подчеркивается, что в своих лабораториях В.М. Кудряцева «царствовала безраздельно, а ее слово было последним». Бу-

дучи очаровательной и красивой женщиной, она при необходимости «засучивала рукава и выполняла любую подсобную работу». И в отношениях с учениками проявлялась та же строгость, оттеняя ее тонкую женственную натуру, с детства любившую природу и увлекавшуюся акварельной живописью. Н.Б. Богданова, ее ученица, вспоминала, как изменились их отношения, когда она, студентка 4-го курса, вернулась в Томск после практики в Ленинграде у академика Иоффе, отвергнув предварительно предложение пройти ее в лаборатории Кудрявцевой. «Поначалу Вера Михайловна очень тепло ко мне относилась, – писала позднее Богданова, – но, вернувшись, осенью, я не узнала ее. Она явно охладела ко мне и едва меня замечала» [32]. Современники отмечали, что «пленительная женственность» в образе В.М. Кудрявцевой сочеталась с «жесткой рациональностью научной мысли» и «чисто мужским умом» [18. С. 100].

Что же касается Н.А. Прилежаевой, о которой один из последних ее учеников профессор Л.В. Горчаков писал как об одном из «последних осколков когорты дворянства», «резко отличавшихся от более молодых преподавателей своей интеллигентностью, несуетливостью и кристально прозрачными лекциями», то запомнилась она прежде всего как мягкий и отзывчивый человек, всегда готовый поддержать в трудную минуту [24. С. 19]. С другой стороны, и Наталья Александровна проявила себя в качестве сильного организатора науки: создала в составе отдела теоретической физики (во главе с профессором П.С. Тартаковским) СФТИ лабораторию спектроскопии, которая превратилась при ней «в крупный научный центр» [20. 1958. 12 окт.]. С 1939 по 1949 г. она заведовала кафедрой общей физики, а в 1949–1969 гг. – кафедрой оптики и спектроскопии ТГУ. Отмечалось, что даже после того, как она оставила должность руководителя лаборатории СФТИ, которую возглавил ее ученик В.С. Мельченко, там сохранился ее непререкаемый авторитет. Л.В. Горчаков отмечал в связи с этим: «[Наталья Александровна] оставалась негласным руководителем... все дела решались с ее участием или предварительной консультацией с ней». Доверенным советником была она и для директора СФТИ М.А. Кривова [33].

Таким образом, мы видим, что первые женщины-ученые в советской физике заметно выделялись своими лидерскими качествами. Все они оставили после себя немало учеников, ставших в дальнейшем учеными и специалистами. Кроме того, за пределами статьи осталась и достаточно обширная плоскость общественной деятельности наших героев (или героинь).

В очертаниях их профессиональных судеб, стратегий поведения в науке мы встречаем оттенки той простой истины, что для достижения успеха женщина в советской научном социуме первой половины XX в. преодолевала себя, т.е. традиционалистские гендерные атрибуты, которые изначально готовило для них общество. Вероятно, и их наставники, профессора Кузнецов, Теренин, Тартаковский, видели в своих ученицах нечто большее, чем просто женщину. Вспомним в связи с этим небольшой отрывок из диалога между С.В. Ковалевской и К.Т.В. Вейерштрассом, представ-

ленного на страницах упомянутой новеллы Манро. Разговор этот состоялся незадолго до смерти Ковалевской, которая по пути в Стокгольм навестила своего старого и больного учителя. При встрече она упомянула о своем недавно написанном романе «о девушке, которую политика интересует больше, чем любовь» (речь, по всей видимости, о той же «Нигилистке»). Профессор не преминул тогда заметить, что ему «вообще не очень по душе романы». «Оставим это женщинам, да?» – иронично заметила Софья Васильевна. «Честно говоря, – ответил Вейерштрасс, – иногда я забываю, что вы женщина...» [8. С. 311].

Женщины-ученые сталкиваются со сложной дилеммой: их роль педагога и ученого-руководителя начинает противоречить образу жены и хранительницы очага, репрезентуемому обществом. Патриархальный эталон женщины, поддерживаемый в том числе и русской классической литературой, задает модель жертвенности и преданности как ее прямой функции, идеал которой выражен в образах Татьяны Лариной, Сони Мармеладовой, Наташи Ростовской и др. Отсюда вытекает и нередкий побочный эффект женской эмансипации – отсутствие того самого пресловутого простого женского счастья. «Если бы не было в ее жизни науки – возможно, она смогла бы стать по-настоящему счастливой женщиной», – так начинают авторы-исследователи свою статью о Софье Ковалевской (кстати сказать, оба автора – женщины) [7. С. 1].

И М.А. Большанина, и Н.А. Прилежаева не имели семьи и детей. Обе вели достаточно скромный образ жизни. Так, Наталья Александровна, будучи уже профессором, занимала двухкомнатную квартиру в доме № 46 по ул. Советской (дом профессоров и преподавателей ТГУ; она жила там с 1957 г.), расположенном недалеко от СФТИ. Вести хозяйство ей помогала вахтер из института, которую студенты называли тетей Олей и «очень боялись из-за ее строгости». Там профессор принимала коллег и учеников, которые стали ее «семьей». «Всю свою нерастрченную любовь [Наталья Александровна] направила на нас», – вспоминал Л.В. Горчаков. Интерьеры квартиры были обставлены старинными вещами, в том числе привезенными из Ленинграда: в гостиной располагались сундук (сегодня он выставлен как экспонат в Музее истории ТГУ), тумбочка, стулья, созданные венскими мастерами. А во время званных обедов профессор подавала приборы с вензельными инициалами своей фамилии [33]. Радушием и гостеприимством отличалась жившая в том же доме М.А. Большанина. Кстати, и ее домашними делами занималась домработница – Мария Николаевна [29. С. 95].

Характерной в данном контексте представляется судьба М.А. Левитской. Еще в 28 лет, изучая философию в Геттингенском университете, она встретила Г. Мозли, молодого и перспективного ученого, за свою недолгую жизнь успевшего стать родоначальником рентгеновской спектроскопии. В 1913 г. он сделал ей предложение, однако свадьбы не случилось: 10 августа 1915 г. капитан Британского военно-морского флота Мозли погиб у берегов Галлиполи. По словам краеведа И.И. Кesslerа, «с тех пор почти постоянной одеждой»

Левитской «стал черный лабораторный халат» [34]. В дальнейшем ее аскетизм вошел в легенду.

Личная судьба В.М. Кудрявцевой, которая дважды была замужем, в некотором смысле выделяется на этом фоне. В 1950 г., вскоре после назначения директором открывавшегося Научно-исследовательского института физики Казахской АН в Алма-Ате, она преждевременно ушла из жизни.

В преломлении рассмотренной темы затронем кратко институциональный аспект гендерной ассиметрии. На протяжении многих лет советская пресса успешно эксплуатировала образ «гендерного торжества» в СССР, где «впервые в истории женщина раскрепощена и поднята до уровня активного и равноправного участника строительства нового коммунистического общества» [20. 1949. 8 марта], а женщины-ученые «трудятся во всех областях науки и техники, внося ценнейшие вклады в сокровищницу передовой научной мысли» [17. 1947. 8 марта]. В 1949 г. в газете «За советскую науку» подчеркивалось, что среди специалистов с высшим образованием в стране 43% – женщины. В Томском государственном университете в тот год из числа студенчества 63% составляли женщины, почти половина научных работников вуза были представительницами слабого пола.

В том же году на страницах местной газеты «Красное знамя» была опубликована заметка «Женщины в науке» под авторством В.М. Кудрявцевой. В ней профессор отвергла позицию руководителя женской секции Испанской фаланги, активного общественного деятеля эпохи Гражданской войны в Испании и диктатуры Франко Пилар Примо де Ривера, которая незадолго до того заявила, что «неизменная роль женщины – подчиняться мужчине». Апеллируя к тому, что советской властью «проделана колоссальная работа» по вовлечению женщин в научную, управленческую, общественную сферы, Кудрявцева подчеркнула, что СССР «выковывает замечательные кадры передовых женщин, которыми гордится вся страна» [17. 1941. 8 марта].

Трудно сказать, была ли она искренна в этих словах. Однако Кудрявцева-младшая, вспоминая о своей матери, писала: «[Она] была уверена, что в сорок шестом году членом-корреспондентом АН СССР провели не ее, а Кузнецова, потому что он мужчина». И далее: «Возможно, именно в силу принадлежности мамы к прекрасному полу не рассматривалась ее кандидатура на пост ректора, когда в 1948 г. Горлачеву пришлось уйти из-за отсутствия ученой степени. Не ясно, правда, зачем вообще понадобился варяг [с 1 сентября 1948 г. ректором ТГУ был назначен бывший проректор по учебной работе Казанского университета профессор В.Т. Макаров]? Был же Пегель, давно и успешно работавший в ректорате. Вроде, к тому времени он выпал докторскую по пищеварению рыб. К тому же явно не был бабой!» [31. Л. 105].

Справедливости ради отметим, что упомянутые мемуары не дают даже косвенных свидетельств о мужском шовинизме по отношению к профессору В.М. Кудрявцевой. Советский режим действительно создал базовые условия для реализации способностей

женщин во многих сферах, хотя отрицать наличие в СССР и современной России убеждений об умственном превосходстве мужчин над женщинами среди сильного пола не стоит.

В заключение хотелось бы вновь подчеркнуть, что основным профессионально-адаптационным механизмом первых женщин-ученых в советской физике стала практика своеобразного гендерного социально-психологического переформатирования. Надеюсь на то, что данное положение не будет истолковано превратно, автор статьи хотел показать, что в контексте доминирующих традиционных установок в обществе

гендерная ресоциализация в научном мире и утверждение женщины как ученого, педагога и организатора науки реализуется по траектории принятия «маскулинных» ролевых моделей и поведенческих стилей. Биографические портреты первых женщин-профессоров в отечественной физике убедительно демонстрируют нам, что данный фактор способствует преодолению ситуации гендерной ассиметрии. Ведь именно такая социально-психологическая маска подчас нивелирует ту слабость, которая, по, быть может, стереотипным представлениям, является привычным спутником «второго пола».

ЛИТЕРАТУРА

1. Точка зрения | Сексизм в науке // ПостНаука. URL: <https://postnauka.ru/talks/26589> (дата обращения: 07.12.2017).
2. Пушкарёва Н.Л. Женская и гендерная история: итоги и перспективы развития в России // Историческая психология и социология. 2010. № 2. С. 51–64.
3. Пушкарёва Н.Л. Из небытия: женские имена в российской науке начала XX в. // Научные ведомости. Сер. История. Политология. Экономика. Информатика. 2010, № 1 (72), вып. 13. С. 143–149.
4. Аксареева В.Г. «Мы, французы, не привыкли видеть русскую даму, занимающуюся науками, и в особенности археологией...»: мемуары графини Прасковьи Сергеевны Уваровой в гендерном прочтении // Вестник Челябинского государственного университета. История. 2009. № 32 (170), вып. 35. С. 157–163.
5. Аксареева В.Г. Гендерный взгляд на мемуары Прасковьи Сергеевны Уваровой // Вестник Удмуртского университета. История и филология. 2009. Вып. 2. С. 138–147.
6. Полубаринова-Кочина П.Я. Софья Васильевна Ковалевская. 1850–1891: ее жизнь и деятельность. М.: Гостехиздат, 1955. 100 с.
7. Феоктистова О.П., Чернышева И.Н. Софья Ковалевская: поэт от математики // Наука и образование : научное издание МГТУ им. Н.Э. Баумана. 2014. № S1. С. 1–19.
8. Манро Э. Слишком много счастья // Слишком много счастья / пер. А. Степанов. СПб.: Азбука, 2014. С. 273–336.
9. Ковальчук Н.М. Типы нигилистического поведения на примере женских образов в литературе // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2009. № 1. С. 49–52.
10. Ведерникова Е.В. Советская гендерная политика и карьерные возможности женщин в науке // Федеральный образовательный портал – экономика, социология, менеджмент. URL: <http://ecsocman.hse.ru/rubezh/msg/18347421.html> (дата обращения: 10.12.2017).
11. Пушкарёва Н.Л. Женщины в советской науке. 1917–1980-е гг. // Вопросы истории. 2011. № 11. С. 92–102.
12. Володарская Е.А., Разина Т.В. Образ женщины-ученого в изобразительном искусстве СССР как отражение гендерного неравенства в науке // Социология науки и технологий. 2017. Т. 8, № 1. С. 125–137.
13. Профессора Томского университета : биографический словарь / С.Ф. Фоминых, С.А. Некрылов, Л.Л. Берцун, А.В. Литвинов. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1998. Т. 2. 544 с.
14. Сорокин А.Н. Сибирский физико-технический институт имени академика В.Д. Кузнецова: история создания и деятельности в 1920-е гг. – 1991 г. : дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2012. 338 л.
15. Литвинов А.В. Образование и наука в Томском государственном университете в 20–30-е гг. XX в. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2006. 156 с.
16. Аравийская Е.Н. Вела к мысли о мощи человеческого разума // Сибирская старина. 1998. № 15 (20). С. 22–24.
17. Красное знамя : орган Томского горкома ВКП(б) и Городского совета депутатов трудящихся (с августа 1944 г. Томского обкома ВКП(б) и Областного совета депутатов трудящихся). Томск.
18. Кудрявцева Н.В. Вера Михайловна Кудрявцева // Физики о физике и физиках : сб. статей / под ред. И.Н. Анохиной. Томск : Изд-во НТЛ, 1998. С. 96–101.
19. Большанина М.А. Студенческая жизнь в прошлом // Музей истории физики ТГУ.
20. За советскую науку : орган парткома, ректората, комитета ВЛКСМ, месткома и профкома Томского государственного университета им. В.В. Куйбышева. Томск.
21. Анохина И.Н. К 100-летию со дня рождения В.М. Кудрявцевой. Томск, 1999. [15] с.
22. Большанина М.А. О физическом факультете // Музей истории физики ТГУ.
23. Большанина М.А. История кафедры физики Томского университета // Музей истории физики ТГУ.
24. Труды и дни профессора Наталиуса : к 100-летию со дня рождения профессора Н.А. Прилежаевой. Томск, 2001. 21 с.
25. Кудрявцева Н.В. Дела столетовские // Физики о физике и физиках : сб. статей / под ред. И.Н. Анохиной. Томск : Изд-во НТЛ, 1998. С. 125–130.
26. Латышев А.Н. Памяти Марии Афанасьевны Левитской // Успехи физических наук. 1968. Т. 95, Вып. 2.
27. Китаева Л.П. Воспоминания о М.А. Большаниной // Музей истории физики ТГУ.
28. Перкальскис Б.Ш. Воспоминания о М.А. Большаниной // Музей истории физики ТГУ.
29. Караева В.В. Мое слово об учителе // Физики о физике и физиках : сб. статей / под ред. И.Н. Анохиной. Томск : Изд-во НТЛ, 1998. С. 92–96.
30. Костерев А.Г. Научная биография академика В.Д. Кузнецова : дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2008. 215 л.
31. Кудрявцева Н.В. Пять лет // Музей истории физики ТГУ. 133 л.
32. Богданова Н.Б. Сквозь толщу лет // Музей истории физики ТГУ.
33. Горчаков Л.В. Отраженное время (воспоминания о моем руководителе Н.А. Прилежаевой) // Музей истории физики ТГУ.
34. Клятва Левитской, или Ядерная Мария // ИА «Галерея Чижова». URL: <http://www.infovoronezh.ru/News/Klyatva-Levitskoy-ili-YAdernaya-Mariya-34934.html> (дата обращения: 19.12.2017).

Stepnov Aleksey O. National Research Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: ASAOM@yandex.ru

THE FIRST FEMALE SCIENTISTS IN SOVIET PHYSICS – PROFESSORS OF TOMSK UNIVERSITY V.M. KUDRYAVTSEVA, N.A. PRILEZHAEVA, M.A. BOLSHANINA: GENDER ASPECTS OF PROFESSIONAL-ADAPTIVE PRACTICES

Keywords: gender history; Tomsk State University; history of physics; M.A. Bolshanina, V.M. Kudryavtseva, N.A. Prilezhaeva.

In the article separate episodes from the life of the first female scientists – Doctors of Science in Soviet physics, professors M.A. Bolshanina, V.M. Kudryavtseva, N.A. Prilezhaeva, are highlighted. Their professional development took place in Tomsk, the largest cultural center of North Asia. A brief review of the Russian-language historiography of gender studies in the history of science and education is given. At the center of the article is the problem of professional-adaptive practices of the first female scientists in conditions dominance of traditional social values. The context of the gender policy of the Soviet state and the socio-economic and political conditions, against which, in the 1920's, they received higher education in Tomsk (M.A. Bolshanina, V.M. Kudryavtseva) and Leningrad (N.A. Prilezhaeva) universities, are considered. Separate episodes from their biographies, that illustrates a situation of prejudices and gender asymmetry in scientific societies of that period, are considered. It is emphasized that Bolshanina, Kudryavtseva and Prilezhaeva achieved significant success both as scientists and as organizers of science, having thus passed the path of gender resocialization and becoming, along with M.A. Levitskaya, the first women-physicists in the USSR, awarded the degree of Doctor of Sciences. Their role models in the images of a scientist, teacher and science leader are reconstructed on the materials of periodicals and memoirs of contemporaries. It is noted that in these hypostases they showed such qualities that in the gender realities of those years were perceived as “masculine”. This is austerity, dedication, diligence, orderliness, “iron” principles, etc. It is emphasized that in these models the individual features of their mentors in the scientific world, first of all by Professor V.D. Kuznetsov, were reflected. A conclusion, that the practices of gender socio-psychological reformatting became the main professional adaptation mechanism of the first female scientists in Soviet physics, and the main factor of their success in the science of the context dominance of traditional social values was the “masculine” gender behavioral styles in the images of a scientist, teacher and science leader, is made. Attention is drawn to the fact, that the reception of these role models as a method of a gender emancipation influenced the personal life of these women-professors, which reflected, in particular, in their rather ascetic lifestyle.

REFERENCES

1. Postnauka.ru. (2014) *Tochka zreniya | Seksizm v nauke* [Point of view | Sexism in science]. [Online] Available from: <https://postnauka.ru/talks/26589>. (Accessed: 7th December 2017).
2. Pushkareva, N.L. (2010) *Zhenskaya i gendernaya istoriya: itogi i perspektivy razvitiya v Rossii* [Women's and Gender History: Results and Prospects for Development in Russia]. *Istoricheskaya psikhologiya i sotsiologiya – Historical Psychology and Sociology*. 2. pp. 51–64.
3. Pushkareva, N.L. (2010) *Iz nebytiya: zhenskie imena v rossiyskoy nauke nachala XX v.* [From non-existence: female names in Russian science at the beginning of the 20th century]. *Nauchnye vedomosti. Seriya Istoriya. Politologiya. Ekonomika. Informatika*. 1(72). pp. 143–149.
4. Aksareeva, V.G. (2009) “My, frantsuzy, ne privykli videt' russkuyu damu, zanimayushchuyusya naukami, i v osobennosti arkhologiyey...”: memuary grafini Praskov'i Sergeevny Uvarovoy v gendernom prochtenii [“We, the French, are not accustomed to seeing the Russian lady, engaged in science, and especially archeology ...”: the memoirs of Countess Praskovya Sergeevna Uvarova in gender reading]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*. 32(170). pp. 157–163;
5. Aksareeva, V.G. (2009) *Gendernyy vzglyad na memuary Praskov'i Sergeevny Uvarovoy* [Gender view of the memoirs of Praskovya Sergeevna Uvarova]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Istoriya i filologiya – Bulletin of Udmurt University. History and Philology Series*. 2. pp. 138–147.
6. Polubarinova-Kochina, P.Ya. (1955) *Sofya Vasil'evna Kovalevskaya. 1850–1891: Eyo zhizn' i deyatel'nost'* [Sofia Vasilievna Kovalevskaya. 1850–1891: Her life and work]. Moscow: Gostekhizdat.
7. Feoktistova, O.P. & Chernysheva, I.N. (2014) *Sofya Kovalevskaya: poet ot matematiki* [Sofia Kovalevskaya: a poet from mathematics]. *Nauka i obrazovanie – Science and Education*. 1. pp. 1–19.
8. Munro, E. (2014) *Slishkom mnogo schast'ya* [Too much happiness]. Translated from English by A. Stepanov. St. Petersburg: Azbuka. pp. 273–336.
9. Kovalchuk, N.M. (2009) *Tipy nigilisticheskogo povedeniya na primere zhenskikh obrazov v literature* [Types of nihilistic behaviour on the example of female images in literature]. *Gumanitarnyye issledovaniya v Vostochnoy Sibiri i na Dal'nem Vostoke – Humanitarian Research in the Russian Far East*. 1. pp. 49–52.
10. Vedernikova, E.V. (n.d.) *Sovetskaya gendernaya politika i kar'ernyye vozmozhnosti zhenshchin v nauke* [Soviet gender policy and career opportunities for women in science]. [Online] Available from: <http://ecsocman.hse.ru/rubzh/msg/18347421.html>. (Accessed: 10th December 2017).
11. Pushkareva, N.L. (2011) *Zhenshchiny v sovetskoy nauke. 1917–1980-e gg.* [Women in Soviet science. 1917–1980-s]. *Voprosy istorii – Issues of History*. 11. pp. 92–102.
12. Volodarskaya, E.A. & Razina, T.V. (2017) *The Image of a Female Scientist in the Visual Arts of the USSR as a Reflection of Gender Inequality in Science. Sotsiologiya nauki i tekhnologii – Sociology of Science and Technology*. 8(1). pp. 125–137. (In Russian).
13. Fominykh, S.F., Nekrylov, S.A., Bertsun, L.L. & Litvinov, A.V. (1998) *Professora Tomskogo universiteta: Biograficheskiy slovar'* [Professors of Tomsk University: Biographical Dictionary]. Vol. 2. Tomsk: Tomsk State University.
14. Sorokin, A.N. (2012) *Sibirskiy fiziko-tekhnicheskiy institut imeni akademika V.D. Kuznetsova: istoriya sozdaniya i deyatel'nosti v 1920-e gg.–1991 g.* [Siberian Physical-Technical Institute named after academician V.D. Kuznetsov: the history of creation and activity in the 1920s – 1991]. History Cand. Diss. Tomsk.
15. Litvinov, A.V. (2006) *Obrazovanie i nauka v Tomskom gosudarstvennom universitete v 20–30-e gg. XX v.* [Education and science at Tomsk State University in the 1920-30s]. Tomsk: Tomsk State University.
16. Araviyskaya, E.N. (1998) *Vela k mysl' o moshchi chelovecheskogo razuma* [She led to the idea of the power of the human mind]. *Sibirskaya starina*. 15(20). pp. 22–24.
17. *Krasnoe znamya*. (n.d.) The organ of the Tomsk city committee of the CPSU (b) and the City Council of Workers' Deputies (since August 1944 of the Tomsk Regional Committee of the CPSU (B) and the Regional Council of Workers' Deputies). Tomsk.
18. Kudryavtseva, N.V. (1998) *Vera Mikhaylovna Kudryavtseva* [Vera Mikhailovna Kudryavtseva]. In: Anokhina, I.N. (ed.) *Fiziki o fizike i fizikakh* [Physicists about Physics and Physicists]. Tomsk: NTL. pp. 96–101.
19. Bolshanina, M.A. (n.d.) *Studencheskaya zhizn' v proshlom* [Student life in the past]. Tomsk: [s.n.]
20. Tomsk State University. (n.d.) *Za sovetskuyu nauku. Organ partikoma, rektorata, komiteta VLKSM, mestkoma i profkoma Tomskogo gosudarstvennogo universiteta im. V.V. Kuibysheva* [For Soviet science. The organ of the party committee, administration, committee of the Komsomol, local committee and trade union committee of Tomsk State University named after V.V. Kuibyshev]. Tomsk: Tomsk State University.
21. Anokhina, I.N. (1999) *K 100-letiyu so dnya rozhdeniya V.M. Kudryavtsevoy* [To the Centennial of V.M. Kudryavtseva]. Tomsk: [s.n.].
22. Bolshanina, M.A. (n.d.) *O fizicheskoy fakul'tete* [On the Faculty of Physics]. Tomsk: [s.n.].
23. Bolshanina, M.A. (n.d.) *Istoriya kafedry fiziki Tomskogo universiteta* [History of the Department of Physics, Tomsk University]. Tomsk: [s.n.].
24. Anon. (2001) *Trudy i dni professora Nataliusa: k 100-letiyu so dnya rozhdeniya professora N.A. Prilezhaevoy* [Works and days of Professor Natalius: to the Centennial of Professor N.A. Prilezhaeva]. Tomsk: [s.n.].
25. Kudryavtseva, N.V. (1998) *Dela stoletovskie* [On the Centennial]. In: Anokhina, I.N. (ed.) *Fiziki o fizike i fizikakh* [Physicists about Physics and Physicists]. Tomsk: NTL. pp. 125–130.
26. Latyshev, A.N. (1968) *Pamyati Marii Afanas'evny Levitskoy* [In memory of Maria Afanasevna Levitskaya]. *Uspekhi fizicheskikh nauk*. Vol. 95(2).
27. Kitaeva, L.P. (n.d.) *Vospominaniya o M.A. Bol'shaninoy* [Memories of M.A. Bolshanina]. Tomsk: [s.n.].

28. Perkalskis, B.Sh. (n.d.) *Vospominaniya o M.A. Bol'shaninoy* [Memories of M.A. Bolshanina]. Tomsk: [s.n.].
29. Karavaeva, V.V. (1998) Moe slovo ob uchitele [My word about the teacher]. In: Anokhina, I.N. (ed.) *Fiziki o fizike i fizikakh* [Physicists about Physics and Physicists]. Tomsk: NTL. pp. 92–96.
30. Kosterev, A.G. (2008) *Nauchnaya biografiya akademika V. D. Kuznetsova* [Scientific biography of academician V.D. Kuznetsov]. History Cand. Diss. Tomsk.
31. Kudryatsveva, N.V. (n.d.) *Pyat' let* [Five ears]. Tomsk: [s.n.].
32. Bogdanova, N.B. (n.d.) *Skvoz' tolshchu let* [Through the thickness of years]. Tomsk: [s.n.].
33. Gorchakov, L.V. (n.d.) *Otrazhennoe vremya (vospominaniya o moem rukovoditele N.A. Prilezhaevoy)* [Reflected time (memories of my leader N.A. Prilezhaeva)]. Tomsk: [s.n.].
34. Chernykh, M. (2015) *Klyatva Levitskoy, ili Yadernaya Mariya* [The Levitskaya's Oath, or Nuclear Maria]. [Online] Available from: <http://www.inforonezh.ru/News/Klyatva-Levitskoy-ili-YAdernaya-Mariya-34934.html>. (Accessed: 19th December 2017).

РЕЦЕНЗИИ

УДК 94 (571)

DOI: 10.17223/19988613/57/31

М.К. Чуркин

РЕЦЕНЗИЯ: СКОПА В.А. ИСТОРИЯ СТАТИСТИЧЕСКИХ УЧРЕЖДЕНИЙ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ И СТЕПНОГО КРАЯ В XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА : МОНОГРАФИЯ. БАРНАУЛ : АлтГПУ, 2015. 411 с.

Одной из характерных черт современной историографической ситуации является процесс гуманизации исторического знания, сопровождающийся расставанием с духом сциентизма, стремлением исследователей увидеть за конкретным уникальным явлением контекст эпохи. В обстоятельствах антропологического поворота в исторической науке, обозначившегося на рубеже XX–XXI столетий, рождается и новый стиль историописания, предполагающий переосмысление традиционных, многократно апробированных подходов к оценке исторических событий и явлений посредством обращения к новым методологическим конструкциям, научно-исследовательским приемам и практикам.

Рецензируемая монография Виталия Александровича Скопы, посвященная процессу институционализации и развития статистических учреждений Западной Сибири и Степного края в XIX – начале XX в., априори оказывается вовлеченной в контекст новой историографической ситуации по целому ряду оснований.

Во-первых, оформление статистической службы в России в начале XIX столетия де-факто и де-юре осуществлялось в контекстных рамках организации управления в стране с опорой на существовавшие европейские стандарты. В условиях европеизации управления статистическая служба и собственно статистика не только являлись показателем эффективности государственно-административного аппарата, но и подчеркивали высокую степень включенности статистических учреждений в сферу имперской политики. Включение статистических служб России в имперскую систему координат, таким образом, изначально поставило автора монографии в обстоятельства тщательной рефлексии моделей взаимодействия акторов власти: центральной и региональной, а также состояния и статуса статистической службы как профессионального сообщества.

Во-вторых, смещение акцента исследования в направлении региональной составляющей вопроса открыло перед автором широкие перспективы в плане осмысления региональной политики как совокупности правительственных мероприятий, направленных на сохранение целостности империи, предоставило возможность через исследование статистических учре-

ждений Западной Сибири и Степного края оценить специфику формирования и эволюции сибирского чиновничества.

Своевременность монографии В.А. Скопы в свете вышесказанного обусловлена стабильно высокой значимостью статистических учреждений, как элемента государственной политики, одного из эффективных механизмов трансляции имперских проектов и практик в условиях освоения окраин. Кроме того, изучение процессов становления и функционирования статистических учреждений в Западной Сибири и Степном крае способствует значительному приросту фактического и аналитического материала, проливающего свет на различные обстоятельства, связанные с вовлечением колонизируемых пространств в общеимперский конструкт. Широкий спектр деятельности статистических учреждений в исследуемом региональном ареале в сочетании с работой чиновников и представителей общества по проведению научной экспертизы колонизируемых территорий обозначил основные механизмы и до некоторой степени сформировал шаблоны реализации правительственных задач социально-экономического характера в продолжительной исторической перспективе.

Стоит отметить профессиональный подход автора к конструированию интеллектуального ландшафта работы, представленного логически связной структурой, в которой зафиксированы историографический опыт исследования, лакуны в рефлексии научной проблемы, четко обозначены хронологические и пространственные параметры. Определенные автором цель и задачи адекватно коррелируют с блоком основных выводов, обозначенных в заключительной части работы.

Несомненным достоинством монографии следует признать основательность источниковой базы исследования, обеспеченной материалами, извлеченными из 11 архивохранилищ центрального и регионального уровней, привлечение к решению поставленных задач более 500 дел. Автором были скрупулезно проработаны, сгруппированы и включены в контекст исследования материалы официального делопроизводства, представленные документами отчетной и нормативной категорий, а также протокольной документацией и деловой перепиской. Привлеченные материалы делопроизводственного порядка в значительной мере отражали со-

держание властного дискурса о роли и значении статистических учреждений в Западной Сибири и Степном крае, что позволило автору не только раскрыть обстоятельства становления статистических служб в регионе, но и выявить кадровый состав служащих, установить коммуникационные каналы, по которым осуществлялось взаимодействие имперских и периферийных служб ведомства, определить основные направления и специфику деятельности отдельных статистических учреждений. Обращение к источникам законодательного происхождения позволило автору сформировать четкое представление о принципах нормативно-правового регулирования статистических служб, а также о юридическом статусе региональных центров статистики. Привлеченные В.А. Скопой статистические материалы очертили основные структурные элементы статистической службы, способствовали уточнению основных направлений деятельности ведомства, выявлению механизмов взаимодействия отдельных структур при формировании статистических данных. Обращение к справочным изданиям было обусловлено фактом публикации в них Всеподданейших отчетов, где отраженная властью статистическая информация выступала в качестве аргумента, объяснявшего принятие того или иного решения.

Очевидно, что авторскому перу принадлежит оригинальное, самостоятельное исследование, в котором представлены результаты комплексной оценки процесса становления, институционализации, развития и деятельности статистических учреждений Западной Сибири и Степного края в XIX – начале XX вв. Научная новизна монографии значительно усилена контекстом модернизации, определявшей динамику функционирования статистического ведомства региона, состав и содержательные аспекты взаимодействия чиновников учреждения, формы коммуникаций на региональном и центральном уровнях. Привлечение эмпирического материала позволило В.А. Скопе уточнить периодизацию истории формирования и деятельности статистических учреждений региона в исследуемый временной промежуток, представить детализированную характеристику условий возникновения, организации, развития и деятельности статистических учреждений Западной Сибири и Степного края в период XIX – начала XX вв.

Необходимо признать, что автору монографии удалось не только успешно совместить личные выводы с оценками, сложившимися в отечественной историографии по заявленной проблематике, но и обнаружить историографические «пустоты» в научном осмыслении вопроса, что позволило ему рельефно обозначить собственные траектории исследовательского поиска.

В то же время полагаем важным остановиться на некоторых элементах монографии, входящих, по нашему разумению, в «зону критики» либо носящих дискуссионный характер.

Исходным пунктом, определяющим общее направление адресной критики монографии, является название работы. Автор, выводя здесь на первый план именно историю статистических учреждений региона, изначально сужает проблемные параметры исследовательской программы. В подобном варианте формули-

ровки темы не представляется возможным четкое определение предмета исследования, а также адекватная постановка цели работы. В результате возникает внутренняя рассогласованность основных блоков вводной части работы, представляющей интеллектуальный ландшафт исследовательского проекта.

«Размытое» толкование научной проблемы в названии работы повлекло за собой неопределенности в формулировке цели исследования, в обосновании которой В.А. Скопа делает акцент на комплексном и всестороннем «...изучении истории статистических учреждений и их деятельности по направлениям статистических и социокультурных работ Западной Сибири и Степного края в XIX – начале XX в. в контексте общеимперских процессов». Отметим при этом, что изучение подразумевает под собой внутренний исследовательский процесс, предшествующий фиксации основных результатов научного поиска, тогда как в постановочной части работы автор должен максимально точно зафиксировать эти результаты путем расшифровки своей исследовательской программы (выявить, установить, раскрыть и т.д.).

Следующее замечание относится к методологической части монографии и, как следствие, к историографическому блоку, а также к области постановки задач: тем разделам, которые наряду с другими составляют интеллектуальную конструкцию текста. Нам представляется, что автор несколько преувеличил роль теории модернизации, используя ее в качестве чуть ли не единственного «ключа» в раскрытии становления и деятельности статистических учреждений региона. Следует учесть, что за последние полвека историческая наука достаточно серьезно продвинулась в методологическом отношении, что реализуется в разработке и апробации новых научно-исследовательских подходов и практик, часть из которых наиболее адекватно вписывается в авторскую концепцию монографии, обозначая ее проблемные точки. Прежде всего, в центре научной рефлексии Виталия Александровича Скопы – статистическая служба, которая в рамках «новой локальной истории», может быть идентифицирована как профессиональное сообщество с такими атрибутивными признаками, как профессиональная этика, нормы общения, коммуникативная культура. Построение методологического «здания» работы в связи с раскрытием данных признаков в историческом контексте позволило бы В.А. Скопе значительно сместиться из плоскости описательно-повествовательной к проблемной сфере выявления профессиональной и региональной идентичности группы статистиков.

Проблема, избранная автором, в значительной мере вписывается в концептуальные рамки проекта «новой истории империи» (Герасимов, Могильнер, Ремнев и др.) прежде всего потому, что статистическая служба в России и регионах являлась важнейшим инструментом имперских практик, в особенности на окраинах страны. Обращение к положениям и выводам современной империологии позволило бы автору монографии дать более четкое обоснование проблемно-хронологическому подходу, выбранному при осмыслении историографической традиции, которая понимается нами не столько как

формализованная констатация отношения к научной проблеме, сколько как философия истории и состояние исторической мысли. Нельзя не согласиться с В.А. Скопой в том, что в середине XIX в. статистика в России становится серьезным аргументом государственной политики, приобретает отчетливые контуры научной дисциплины, что неизбежно фиксируется в работах, посвященных деятельности статистических учреждений. Между тем апология государственных служб, в том числе и статистического ведомства в данный период, оказывается в эпицентре историографического дискурса по крайней мере вследствие двух причин. Во-первых, в середине названного столетия российские историки пребывают в «шлейфе» общеевропейской полемики о всемирно-исторических народах. В этой ситуации статистические сведения о России и ее регионах являются прямым доказательством включенности Российской империи в общемировой исторический процесс. Во-вторых, в середине XIX в., по констатации участников проекта «новой истории империи» (см.: Ремнев А.В. Сибирь в имперской географии власти XIX – начала XX веков. Омск, 2015), завершается классический период имперской политики с многовариантностью систем управления, этноконфессиональной толерантностью и прагматизмом и намечается переход к новому этапу и новой концепции «единой и неделимой России». В этих условиях роль статистического ведомства на окраинах становится несоизмеримо высокой. Деятельность статистических служб в районах «внутренней колонизации» все интенсивней вписывается в имперские проекты колонизации, а чиновники статистических учреждений реализуют на окраинах идею имперского управленческого транзита. Тем самым вполне обоснованным могло стать обращение В.А. Скопы к регионально-управленческому подходу в достижении цели и задач исследования. Автор, безусловно, был близок к постановке и решению данной проблемы, что оказалось фрагментарно запечатлено во втором и третьем разделах, а также в приложениях, где содержатся сведения о выдающихся статистиках и элементы их биографий. К сожалению, важные биографические сведения оказались территориально локализованы Западной Сибирью и Степным краем. Между тем специфика профессиональной карьеры многих статистиков определялась наличием обширного бюрократического опыта чиновников (А.А. Кауфман, А.Ф. Фортунатов и др.), который приобретался в других окраинных регионах империи, что накладывало отпечаток на характер их деятельности, а также государственные модели управления губерниями и областями Западной Сибири.

Наконец, последнее критическое соображение, носящее во многом дискуссионный характер, касается источниковой части монографии. На наш взгляд, приоритетный статус законодательных источников в настоящем исследовании является скорее данью устоявшейся традиции, нежели объективной потребностью при решении поставленных задач. Поскольку речь в работе идет о статистических учреждениях, невольно возникает вопрос: можно ли оценить эффективность становления и развития учреждения, полагаясь в первую очередь на материалы законодательства? Где, как не в периодической печати, эго-источниках, материалах официального делопроизводства, репрезентировались представления и сюжеты общественно-политического дискурса, обозначавшие значимость статистических учреждений, их место в имперской политике и деятельности в Западной Сибири и Степном крае? К сожалению, представление периодической печати, привлеченной к исследованию, соискатель начинает с обвинения в «бессистемности публикуемых материалов» (с. 50), что, однако, не умаляет ценности данного вида источника, а делает востребованной работу исследователя по систематизации газетных и журнальных публикаций, позволяющих проникнуть в содержание властного и общественно-политического дискурса, существенное место в котором было отведено системе государственного управления и статистики. Столь же беспомощным представляется и блок, посвященный источникам личного происхождения. Увы, но за весьма содержательным массивом эго-материалов соискатель увидел только информацию коннотационного свойства. В.А. Скопа по большей части лишь констатирует факт привлечения мемуаров, травелогов, описаний, не раскрывая сложный процесс формирования и эволюции представлений авторов о Сибири, статистических учреждениях, а также имперском контексте их деятельности.

Подводя общий итог, отметим, что высказанные замечания как принципиального, так и рекомендательного характера не меняют общего позитивного впечатления от рецензируемой работы. В монографии, несомненно, содержится решение важной задачи, направленной на выявление обстоятельств становления, институционализации, развития и деятельности статистических учреждений Западной Сибири и Степного края в контексте общеимперских процессов XIX – начала XX в., что имеет существенное значение для приращения новых научных знаний в сфере истории государственного управления и имперской политики в регионах..

Churkin Mikhail K. Omsk State Pedagogical University (Omsk, Russia). E-mail: proffchurkin@yandex.ru

REVIEW: SKOPA V.A. THE HISTORY OF STATISTICAL INSTITUTIONS OF WESTERN SIBERIA AND THE STEPPE REGIONS IN THE 19th – EARLY 20th CENTURY. BARNAUL : ALTGPU, 2015. 411 p.

УДК 002.2(092)

DOI: 10.17223/19988613/57/32

Г.М. Залесов

**РЕЦЕНЗИЯ: ПЁТР ИВАНОВИЧ МАКУШИН: НОВЫЙ ВЗГЛЯД НА ЛЕГЕНДУ :
КОЛЛЕКТИВНАЯ МОНОГРАФИЯ / ГОС. ПУБЛИЧ. НАУЧ.-ТЕХН. Б-КА СИБ. ОТД-НИЯ
РОС. АКАД. НАУК, ГОС. АРХИВ ТОМ. ОБЛ., НАУЧ. Б-КА ТОМ. ГОС. УН-ТА [И ДР.] /
ОТВ. РЕД. С.Н. ЛЮТОВ. НОВОСИБИРСК : ГПНТБ СО РАН, 2018. 536 с.**

П.И. Макушин – известный в Томске деятель второй половины XIX и начала XX в. Он вот уже четвертое десятилетие привлекает внимание ученых-книгovedов. Раз в три года собираются Макушинские чтения. По рекомендации десятых (2015, г. Томск) к одиннадцатым чтениям (2018, Томск) ГП НТБ СО РАН, ее отдел книговедения, объединив архивистов, исследователей, издали первую монографию о нем. П.И. Макушину посвящены уже сотни статей, возникло новое направление региональной историографии – макушиноведение. Что же нового предложила первая монография об известном деятеле?

Организаторы книги отошли от только книговедения, в ней широко представлены и другие грани личности Макушина, его общественно-делового темперамента и многообразного наследия. Потому в монографии правомерна стилевая и жанровая индивидуальность текстов и оправдана коллективность авторства.

Важная особенность и достоинство монографии в том, что впервые собраны сведения о наличии документов о Макушине в трех томских архивохранилищах. Архивисты Т.В. Шульга (ГАТО), Н.В. Васенькин и Е.В. Ивановская (НБ ТГУ), Т.П. Карташова (ТОКМ) специально подготовили обзоры макушинских фондов и ряд документов к публикации. Все обзорные статьи очень основательны и информативны, они существенно помогут исследователям сориентироваться в фондах. Авторы обзоров выделили особенности своих хранилищ. В ГАТО документы сгруппированы по направлениям деятельности П.И. Макушина, в НБ ТГУ архивный фонд Макушина систематизирован последний раз в 90-х гг. прошлого века, имеет материалы за период с 1880 по 1991 г. Давний специалист по Макушину кандидат исторических наук Т.П. Карташова в обширной статье сообщила о материалах в Томском областном краеведческом музее, где скомплектован особый фонд его имени, обозначила нерешенные вопросы изучения деятеля. В будущем можно ожидать подобные обзоры из Новосибирского и Иркутского архивов, тогда будет более полная картина сибирских фондов для макушиноведения.

Структурно монография имеет шесть частей: названные три архивные; очень основательный историографический обзор историка СО РАН Ю.В. Тимофеевой, солидная «Хроника жизни и деятельности П.И. Макушина» О.Г. Никиенко и современный (за 25 последних лет, до 2017 г.) с дополнительными рубриками «Биб-

лиграфический указатель» томского библиотекаря А.В. Яковенко.

Доктор исторических наук, организатор книги С.Н. Лютов вступительным словом обосновал актуальность внимания к личности и делам Макушина, охарактеризовал его неординарность и востребованность его опыта, возможности данного издания высветить некоторые лакуны изучения образа-легенды.

«Человеку-легенде» посвящен фундаментальный историографический обзор историка Ю.В. Тимофеевой, где на основании деятельностного подхода к систематизации и анализу литературы о Макушине рассмотрены достижения и проблемы макушиноведения. Статья оригинальна, насыщена именами исследователей, их работам даются критические оценки. Не совсем обычно читается в работе целая страница, где автор характеризует свои статьи, воздаст себе должное в приоритетности ряда выводов. В частности, что ею впервые подчеркнута комплексность подхода Макушина к созданию и развитию книжной культуры, что она первая, кто ввел термин «макушинские библиотеки».

Существенное достоинство монографии – в наличии опубликованных архивных документов, в основном впервые. Работники госархива Томской области (ГАТО) разместили их шесть; от НБ ТГУ – два, но самых объемных: на девяти страницах; а Томский краеведческий музей поделился пятью. Итак, всего 13 – весьма скромно: документы заняли чуть более 4% от всего текста книги. Но те, что есть, дают характеристику Макушину и в самом начале его публичной деятельности в Томске (организация им детсада-школы в 1874 г.) (с. 78–82) и в ее завершении (письмо П.И. Макушина наркому А.В. Луначарскому (11 июля 1924 г.) и его последняя речь – приветствие коммунистическому университету при его открытии 13 октября 1925 г. (с. 93–102)). Таков широкий временной и общественно-политический диапазон, очень показательный для активной, деятельной натуры.

К этим публикациям есть некоторые комментарии.

Основное содержание Обращения к Луначарскому и особо пространное Заявление Петра Ивановича в Сибревком историкам уже известны [1, 2]. Ценность данной публикации в том, что это «последняя версия». И очень важны 23 профессионально исполненных подстрочных примечания к документу, которые помогают понять его глубже. А к документам об открытии Макушиным детсада, к сожалению, таковых нет.

Между тем за официальными документами о саде-школе просматривается зарождение индивидуального стиля всех последующих общественных и благотворительных инициатив человека-легенды. Макушин выступил здесь очень грамотно и расчетливо. Будучи пристрастным к педагогике и имея свежую информацию в этой сфере, он задумал учредить детсад по методу немецкого педагога Фребеля, которую одобрял К.Д. Ушинский. Получив разрешение Томского губернатора, Петр Иванович составил «План занятий...» (опубликован на с. 79–80, фактически это Программа), убедил купца 1-й гильдии И.Ф. Каменского принять на себя содержание сада, подыскал помещение в «доме мещанина Косоносова», его же уговорил выделять средства на содержание нескольких воспитанников, подобрал воспитательниц. «Томские губернские ведомости» освещали это начинание. Через год инициатор добился принятия сада в ведение директора училищ губернии. Позже получил звание Почетного попечителя этого сада-школы. В устройении сада-школы он проявил себя идейным (по-современному – креативным) лидером, пионером и отличным организатором (менеджером). Обо всем этом и дальнейшей судьбе сада-школы подробно поведала доктор исторических наук А.Н. Жеравина в одном из разделов своей книги [3]. Было бы очень уместно дать ссылку на этого серьезно-исследователя в примечании.

В целом подбор архивных материалов для монографии тематически и хронологически продуман логично. Однако читателю трудно работать с ними: в одних случаях сказано, что это подлинник или заверенная копия, в других – нет таких указаний, не все снабжены необходимыми примечаниями. Понятны разные подходы среди архивохранилищ, но в монографии следовало бы принять общий, единый. Есть еще частное замечание: у документа на с. 123–124 отсутствует дата, а для одного документа на с. 126 и 127 две разные даты и нет никаких пояснений.

Самая объемная часть научного издания – «Хроника жизни и деятельности П.И. Макушина», она занимает две трети монографии (343 с. из 536). Автор – О.Г. Никиенко, заслуженный работник культуры РФ, главный библиотекарь Томской областной библиотеки им А.С. Пушкина, – назвала ее «Сибирский американец». О.Г. Никиенко уже участвовала в составлении такой хроники в 1994 г. [4] С тех пор она неумолимо и тща-

тельно продолжала изыскания новых дат и событий, избрав на этот раз нижний хронологический предел 1837 г., т.е. получился охват фактов в трех столетиях, всего за 180 лет. Многолетний труд автора получился основательным, даже с некоторыми микрооткрытиями. Если в хронике 1994 г. отражено 250 дат и событий, то настоящая запечатлела их свыше 1 300, т.е. в пять раз больше! Причем не только за счёт фактов прошедшей четверти века. Их насчитывается примерно 180, основная же масса дат и событий – это добавка примерно 900 тех, которых не было в прошлом издании. Вот где простор для нового прочтения человека-легенды. Хроника расширяет познание внутреннего мира крупной Личности сибирского региона. Труд О.Г. Никиенко имеет самостоятельную высокую значимость и достоин отдельного издания, которое стало бы более доступным и доставило бы дополнительную честь томичам.

Всякий человек – загадка, но не всякая легенда. О Макушине в Сибири, да и в центре России они ходили. Он и сам их умело поддерживал. Большинство пишущих о его личности и делах за основу брали юбилейные тексты о нем, его печатные работы и итоговые воспоминания. Чаще получался односторонний подход и даже апологетика. Монография дает значительный новый фактический материал для более всестороннего взгляда на известную в Сибири персону, являющуюся одной из составляющих культурной атмосферы прошлого. Намеченный в монографии новый подход к образу деятеля-легенды, верится, будет продолжен. Высказанная Ю.В. Тимофеевой идея о много-томном монографическом исследовании (с. 38) заслуживает внимания.

Издание оформлено очень прилично – книговеды не могли не следовать лучшим традициям, идущим и от сибирского книгоиздателя. Том приятно взять в руки, он эстетичен: от обложки, форзаца, фронтисписа, ляссе до колонтитулов, искусно подготовленных иллюстраций, старинного шрифта, других необходимых элементов. Все аккуратно, гармонично.

Итак, первая научная монография о П.И. Макушине, коллективный труд томичей и новосибирцев, имеет ярко выраженный документальный историко-библиографический характер с подведением итогов исследований и перспективных задач. Труд оригинальный и по-своему фундаментальный, добавляющий вклад в сибирские регионологию и культуроведение.

ЛИТЕРАТУРА

1. Заявление П.И. Макушина в Сибревком с просьбой передать ряд домов в г. Томске для нужд культурных учреждений // Власть и интеллигенция в сибирской провинции. 1919–1925 : сб. докладов. Новосибирск, 1996. С. 224–230.
2. Рыженко В.Г. Культура региона: история и современность : метод. пособие. Омск : ОмГАУ, 2000.
3. Жеравина А.Н. Томск второй половины XIX – начала XX в. : (по материалам дореволюционной печати) / под ред. В.П. Зиновьева. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2010. С. 278–293.
4. Пётр Иванович Макушин : библиогр. указатель, хроника жизни и деятельности, биография : к 150-летию со дня рождения / под ред. Н.М. Дмитриенко. Томск, 1994.

Zalesov Gennadiy M. (Tomsk, Russia). E-mail: gmzalesov@gmail.com

REVIEW: PETER IV. MAKUSHIN: A NEW LOOK AT THE LEGEND: COLLECTIVE MONOGRAPHY / RESP. ED. S. LYUTOV NOVOSIBIRSK : GPNTB PUBLISHING HOUSE, 2018. 536 p.

REFERENCES

1. Makushin, P.I. (1996) Zayavlenie P.I. Makushina v Sibrevkom s pros'boy peredat' ryad domov v g. Tomske dlya nuzhd kul'turnykh uchrezhdeniy [Letter from P.I. Makushin to Sibrevkom to transfer a number of houses in Tomsk for the needs of cultural institutions]. In: Soskin, V.L., Krasilnikov, S.A., Ostashko, T.N. & Pistina, L.I. *Vlast' i intelligentsiya v sibirskoy provintsii. 1919–1925* [Power and intelligentsia in the Siberian province. 1919–1925]. Novosibirsk: Ekor. pp. 224–230;
2. Ryzhenko, V.G. (2000) *Kul'tura regiona: istoriya i sovremennost'* [Culture of the region: history and modernity]. Omsk: Omsk State Agrarian University.
3. Zheravina, A.N. (2010) *Tomsk vtoroy poloviny XIX–nachala XX v. (po materialam dorevolyutsionnoy pechati)* [Tomsk in the second half of the 19th – early 20th centuries (based on the materials of the pre-revolutionary press)]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 278–293.
4. Dmitrienko, N.M. (1994) *Petr Ivanovich Makushin: Bibliograficheskiy ukazatel', khronika zhizni i deyatelnosti, biografiya* [Peter Ivanovich Makushin: Bibliography, chronicle of life and work, biography]. Tomsk: Tomsk State University

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АНТОНОВ Александр Евгеньевич, кандидат исторических наук, преподаватель Кемеровского государственного университета. E-mail: derchef.kem@mail.ru

АНТЮХОВА Екатерина Андреевна, кандидат политических наук, старший преподаватель кафедры сравнительной политологии Московского государственного института международных отношений (университета) МИД России. E-mail: e.ant1507@yandex.ru

АРАПИНА Светлана Владимировна, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории и социально-политических наук Кемеровского государственного университета. E-mail: arapina77@mail.ru

АРТАМОШИН Сергей Викторович, доктор исторических наук, декан факультета истории и международных отношений Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского. E-mail: artamoshinsv@mail.ru

БАДАЕВ Евгений Васильевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры политических наук и технологий Сибирского института управления – филиала РАНХиГС при Президенте Российской Федерации (Новосибирск). E-mail: badaev2000@mail.ru

БАЛАШОВ Дмитрий Геннадьевич, аспирант кафедры всеобщей истории высшей школы социально-гуманитарных наук и международной коммуникации Северного (Арктического) федерального университета им. М.В. Ломоносова. E-mail: balashov.db@yandex.ru

БЕТМАКАЕВ Алексей Михайлович, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории и международных отношений Алтайского государственного университета (Барнаул). E-mail: btmkv@yandex.ru

БИРЮКОВА Ольга Владимировна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Кемеровского государственного университета. E-mail: olga1.biryukova@yandex.ru

БОЛДЫРЕВ Роман Юрьевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории Северного (Арктического) федерального университета им. М.В. Ломоносова. E-mail: r.boldyrev@narfu.ru

БОЛДЫРЕВА Славяна Юрьевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры регионоведения, международных отношений и политологии Северного (Арктического) федерального университета им. М.В. Ломоносова. E-mail: s.boldyreva@narfu.ru

ВАСЮТИН Сергей Александрович, доктор исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории и социально-политических наук Кемеровского государственного университета. E-mail: vasutin2012@list.ru

ДЕНИСКЕВИЧ Елена Нургалиевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории и социально-политических наук Кемеровского государственного университета. E-mail: elena-nur@bk.ru

ДОРОХОВ Валерий Геннадьевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры Всеобщей истории и социально-политических наук Кемеровского государственного университета. E-mail: dorohov_@mail.ru

ДОРОШЕНКО Ольга Петровна, проректор по учебно-методической работе Томского института переподготовки кадров и агробизнеса, соискатель кафедры истории и документоведения факультета исторических и политических наук Томского государственного университета. E-mail: dop@tipkia70.ru

ГЕНИНА Елена Сергеевна, доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Кемеровского государственного университета. E-mail: elena_genina@mail.ru

ГОВОРОВ Юрий Людвигович, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории и социально-политических наук Кемеровского государственного университета. E-mail: super.govorov@yandex.ru

ГОРБАТОВ Алексей Владимирович, доктор исторических наук, профессор кафедры Всеобщей истории и социально-политических наук Кемеровского государственного университета. E-mail: orbn1965@yandex.ru

ЕВДОКИМОВА Татьяна Васильевна, доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории и методики преподавания истории и обществоведения Волгоградского государственного социально-педагогического университета. E-mail: eva_tan@mail.ru

ЖАРОНКИНА Елена Алексеевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры Всеобщей истории и социально-политических наук Кемеровского государственного университета. E-mail: zharonkina@mail.ru

ЗАЛЕСОВ Геннадий Михайлович, кандидат исторических наук, пенсионер. E-mail: gmzalesov@gmail.com

ЗИНОВЬЕВ Василий Павлович, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой отечественной истории Томского государственного университета. E-mail: vpz@tsu.ru

ИПАТЕНКО Елена Валерьевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории и социально-политических наук Кемеровского государственного университета. E-mail: ipatenko78@mail.ru

КОНОВАЛОВ Александр Борисович, доктор исторических наук, профессор кафедры философии и общественных наук Кемеровского государственного университета. E-mail: konab@list.ru

КОРНЕВА Лидия Николаевна, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры всеобщей истории и социально-политических наук Кемеровского государственного университета. E-mail: korneva_21@mail.ru

КОСТРОМИНА Надежда Георгиевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории и социально-политических наук Кемеровского государственного университета. E-mail: Klio73@mail.ru

КУДРЯШЕВ Вячеслав Николаевич, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории и документоведения факультета исторических и политических наук Томского государственного университета. E-mail: kvn18011962@yandex.ru

ПЕТЕЛИН Борис Валентинович, доктор исторических наук, профессор кафедры истории и философии Гуманитарного института Череповецкого государственного университета. E-mail: pbwtscherepovez@mail.ru

ПОПОВА Богдана Станиславовна, лаборант Лаборатории археологических и этнографических исследований Западной Сибири, аспирант факультета исторических и политических наук Томского государственного университета. E-mail: bogdana.borilo@mail.ru

РАСКОЛЕЦ Виктор Владимирович, аспирант кафедры современной отечественной истории факультета исторических и политических наук Томского государственного университета. E-mail: predator-101@mail.ru

РОСТОВЦЕВ Евгений Анатольевич, доктор исторических наук, доцент кафедры истории России до XX в. Института истории Санкт-Петербургского государственного университета. E-mail: e.rostovtsev@spbu.ru

СЕРБИНА Анна Степановна, кандидат исторических наук, доцент кафедры мировой экономики, международных отношений и права Новосибирского государственного университета экономики и управления. E-mail: serbina.anna@mail.ru

СИДОРЧУК Илья Викторович, кандидат исторических наук, доцент Высшей школы общественных наук Гуманитарного института Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого. E-mail: chubber@yandex.ru

СКУБНЕВСКИЙ Валерий Анатольевич, доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории Алтайского государственного университета (Барнаул). E-mail: driller@hist.asu.ru

СМЕТАНИН Федор Анатольевич, аспирант факультета исторических и политических наук, лаборант кафедры антропологии и этнологии Томского государственного университета. E-mail: f-smetanin@mail.ru

СОРОКИН Александр Николаевич, кандидат исторических наук, заведующий кафедрой отечественной истории Тюменского государственного университета. E-mail: soranhist@yandex.ru

СТЕПНОВ Алексей Олегович, лаборант Лаборатории социально-антропологических исследований, аспирант кафедры современной отечественной истории Томского государственного университета. E-mail: ASAOM@yandex.ru

ТЕРЕХОВ Олег Эдуардович, доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории и социально-политических наук Кемеровского государственного университета. E-mail: terehov1968@mail.ru

ХИЛЬГЕР Андреас Ханс-Петер, доктор исторических наук, научный руководитель проекта «Советские и немецкие военнопленные и интернированные» Германского исторического института в Москве. E-mail: andreas.hilger@dhi-moskau.org

ЧЕРНЫШОВ Юрий Георгиевич, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории и международных отношений, директор Алтайской школы политических исследований. E-mail: ashpi@ya.ru

ЧУРКИН Михаил Константинович, доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории Омского государственного педагогического университета. E-mail: proffchurkin@yandex.ru

ШКИТИН Дмитрий Иванович, аспирант факультета исторических и политических наук Томского государственного университета. E-mail: shkitindmitry@gmail.com

ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА. ИСТОРИЯ

Научный журнал

2019 № 57

Председатель редакционного совета – Э.В. Галажинский
Главный редактор – В.П. Зиновьев
Ответственный секретарь – В.С. Воробьева

Подписано к печати 22.02.2019 г. Формат 60x84¹/₈. Бумага белая писчая. Гарнитура Times New Roman.
Цифровая печать. Усл. печ. л. 23,5. Тираж 50 экз. Заказ № 3651. Цена свободная.

Дата выхода в свет 28.02.2019 г.

Редактор Е.Г. Шумская
Оригинал-макет А.И. Лелююр, Е.Г. Шумской
Дизайн обложки Л.Д. Кривцовой
Редакторы-переводчики – Н.А. Глущенко, В.Н. Горенинцева

Журнал отпечатан на полиграфическом оборудовании
Издательского Дома Томского государственного университета
634050, г. Томск, Ленина, 36
Телефон 8+(382-2)-53-15-28

Учредитель – Томский государственный университет

Периодичность издания шесть номеров в год. Все статьи, поступающие в редакцию журнала, подлежат обязательному рецензированию.
Ознакомиться с полнотекстовой версией журнала и требованиями к оформлению материалов можно на сайте: <http://journals.tsu.ru/history>

Founder – Tomsk State University

Tomsk State University Journal of History is issued six times per year. The Journal uses double-blind peer review of all articles.
Full-text versions of the issues are available on the website of the Journal: <http://journals.tsu.ru/history>.
The instruction for authors on paper submission is on the website of the Journal: <http://journals.tsu.ru/history>. Free price

ISSN 1998-8613, e-ISSN 2311-2387

Адрес издателя и редакции:

634050, г. Томск, пр. Ленина, 36,
Томский государственный университет,
редакция журнала «Вестник ТГУ. История»
Телефон 8(382-2)-52-96-67
Факс 8(382-2)-52-98-46
Ответственный секретарь В.С. Воробьева
E-mail: petroom@mail.ru

Editorial Office and Publisher Office address:

TSU Journal Editorial Board, Tomsk State University
34 Lenin Avenue, Tomsk, Russia, 634050
Tel: 8(382-2)-52-96-67
Fax: 8(382-2)-52-98-46
Executive Editor: Veronica Vorobyeva
E-mail: petroom@mail.ru

Издательство:

634050, г. Томск, пр. Ленина, 36,
Томский государственный университет,
Издательский Дом ТГУ
Телефон 8(382-2)-52-96-75
E-mail: rio.tsu@mail.ru

Publisher:

Publishing House of Tomsk State University,
36 Lenin Avenue, Tomsk, Russia, 634050
Tel: 8(382-2)-52-96-75
E-mail: rio.tsu@mail.ru